В. А. ЖУКОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

ТОМ ВТОРОЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ 1815—1852 годов

В. А. ЖУКОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

В. А. ЖУКОВСКИЙ

ТОМ ВТОРОЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ 1815—1852 годов

«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»
Москва 2000

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
Ж 86

Федеральная программа книгоиздания России

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 00-04-16055

Жуковский В. А.

Ж 86 Полное собрание сочинений и писем: В двадцати томах / Ред. коллегия: И. А. Айзикова, Н. Ж. Вётшева, Э. М. Жилякова, Ф. З. Канунова, О. Б. Лебедева, И. А. Поплавская, Н. Е. Разумова, Н. Б. Реморова, Н. В. Серебренников, А. С. Янушкевич (гл. редактор). — Т. 2. Стихотворения 1815—1852 гг. / Ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. — М.: Языки русской культуры, 2000. — 840 с.

ISBN 5-7859-0103-X

Полное собрание сочинений В. А. Жуковского впервые в эдиционной практике представляет наследие великого русского поэта в максимально полном на сегодняшний день объеме. Тексты Жуковского даны на основе критического осмысления всех известных автографов поэта и прижизненных публикаций.

Настоящее издание состоит из 20 томов: тт. 1—2 включают лирику первого русского романтика 1797—1852 гг., тт. 3—6 — баллады и стихотворный эпос, т. 7 впервые представляет все драматургические опыты Жуковского, тт. 8—12 — прозу Жуковского, в том числе перевод «Дон Кишота», тт. 13—14 — полный свод его дневников; наконец, тт. 15—20 — все выявленные на сегодняшний день письма Жуковского.

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

На авантитуле:
В. А. Жуковский. 1844. Гравюра В. И. Гау с портрета работы К. П. Брюллова

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

© О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич.
Редакция тома 2, 2000
© А. С. Касьян. Художественное
оформление, 1999

СТИХОТВОРЕНИЯ

1815—1852

ГОДОВ

⟨П. А. ВЯЗЕМСКОМУ⟩

Ах!
Весь я в хлопотах!
Впопыхах!
Ах!
И вчера
От утра
Без пера
Для сребра
Не был ни минуты,
Все минуты люты.
Все пиши,
Не дыши,
Не спеши,
Не смеши
За гроши!
Все чужие деньги!
Надобны мне кеньги!
Где же взять?
Ну писать,
Сочинять
Мадригалы
И в журналы
Отдавать.
Жизнь такое горе!
Кинусь с грусти в море,
Моря нет.
Так в Фонтанку.
И Фонтанки нет.
В Мойку.
Мойки нет;
В Невку.
Невки нет;
Так в Москву-реку,
Кукареку!

Ты напрасно
(Это очень ясно)
Посылал.
Я с Дмитревским уж вкушал
Трапезу
И ему сказал,
Что к тебе полезу.

⟨П. А. ВЯЗЕМСКОМУ⟩

Друг мой любезный, князь тупоносый,
В мире сем тленном все пустяки,
Все привиденье, призрак минутный!
Это вчерашний я вечер узнал!
Я, разлучившись, милый, с тобою,
Вздумал поехать, так и сказал,
К нашему басней творцу Лафонтену,
О Провиденье! Тайны твои
Кто из безумных двуногих животных
Может рассудком слепым изъяснить!
Я по дороге вздумал заехать
Для корректуры прочтенья домой!
Сел и читаю... читаю... читаю...
Глядь на часы! Десять часов!
Шубу и шляпу — в сани скорее...
Вихрем, собака, извозчик, лети!
Скачем... несемся... трех баб задавили,
Шавку измяли — в спину иона
Толкнули оглоблей... Семь поросенков
Наскоком зашибли... Кота нановал
В тот час, как он кошке мяуканьем нежным,
Хвостом помавая, любовь изъяснял.
Примчались... О небо!.. Запор на вратах!
Ни свечки не видно сквозь светлые окна...
Поэт мой, конечно, подумал я, спит,
Иль, палец приставя ко лбу стихотворну,
Над рифмами сидя, кусает перо;

Иль в кипу указов, экстрактов, докладов,
Коимшась, кивает сквозь сон головой!..
Назад, быстроногий, наемный Пегас!
Сказал я, закутав свой красный нос в шубу,
И с сердцем стесненным помчался домой,
В досаде великой, что я потерял
Сей вечер, который я мог бы приятно
С тобою в том доме любезном провесть,
Где я — несмотря на то, что краснею
От каждого слова — и счастлив, и весел,
Журнал посылаю, читай и зевай!

К ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ Б. В. ПОЛУЕКТОВУ, НА ВЫСТУПЛЕНИЕ В ПОХОД 1815 г. 17 ФЕВРАЛЯ

Наш Кульмский богатырь, ура! счастливый путь!
Лети с полками в поле брани,
Сбирай с покорной славы дани,
И новые кресты нанизывай на грудь!
Твоя судьба — парить под небом за орлами,
А наша — за твое здоровье робко пить,
Хвалить исподтишка дела твои стихами,
И вслух тебя любить!

СТИХИ, ВЫРЕЗАННЫЕ НА ГРОБЕ А. Д. ПОЛТОРАЦКОЙ

Как радость чистая, сердца влекла она;
Как непорочная надежда расцветала!
Была невинность ей в сопутницы дана,
И младость ей свои все блага обещала.
Но жизнь ея — призрак! Пленил нас и исчез.
Лишь плачущим о ней гласит ея могила,
Что совершенное судьба определила
Не для земли, а для небес.

К Т. Е. БОКУ

Мой друг, в тот час, когда луна
Взойдет над русским станом,
С бутылкой светлого вина,
С заповедным стаканом
Перед дружиной у огня
Ты сядь на барабане —
И в сонме храбрых за меня
Прочти *Певца во стане.*
Песнь брани вам зажжет сердца!
И, в бой летя кровавый,
Про отдаленного певца
Вспомянут чада славы!

ФУРМАНУ ОТ ЖУКОВСКОГО

В корыстолюбии себя ты упрекаешь,
Но бескорыстия являешь образец:
За бедные стихи ты щедро предлагаешь
Богатый *дружбы* дар. Но знай, что твой певец,
Тобою прозванный славянским Оссианом,
Любя небесных муз, не любит жить обманом:
Он дружбу добрую дает в придачу сам
Тебе к дурным своим стихам.

В АЛЬБОМ КН. Е. И. ГОЛЕНИЩЕВОЙ-КУТУЗОВОЙ

Я счастлив был неизъяснимо!
Семью вождя великого я зрел,
И то, что я смиренной лирой пел
В честь памяти его боготворимой,
Теперь вдове его дерзаю посвятить!
Дерзаю гордое в душе питать желанье:
С воспоминанием о нем соединить
И обо мне воспоминанье!

* * *

Здравствуй, новый гость земной!
К счастью в мир тебя встречаем!
И в восторге над тобой
Небеса благословляем!

За минуту все в слезах:
Мать растерзана страданьем!
Близ нее безмолвный страх
С безнадежным ожиданьем!

Вдруг всё тихо — всё для нас
Полно жизни и надежды;
Твой раздался первый глас;
И твои раскрылись вежды!..

Там грядет с востока к нам
Утро, гость небес прекрасный,
И спокойным небесам
День пророчествует ясный!

Ободримся! в добрый час,
Новый жизни посетитель!
Небеса его — для нас!
А над нами наш хранитель!

СТАРЦУ ЭВЕРСУ

Вступая в круг счастливцев молодых,
Я мыслил там — на миг товарищ их —
С веселыми весельем поделиться
И юношей блаженством насладиться.
Но в сем кругу меня мой Гений ждал!
Там Эверс мне на братство руку дал...
Благодарю, Хранитель-Провиденье!
Могу ль забыть священное мгновенье,

Когда, мой брат, к руке твоей святой
Я прикоснуть дерзнул уста с лобзаньем,
Когда стоял ты, старец, предо мной
С отеческим мне счастия желаньем!
О старец мой, в прекрасных днях твоих
Не пропадет и сей прекрасный миг,
Величием души запечатленный,—
Но для тебя я был пришлец мгновенный;
Как друг *всего*, и мне ты другом был;
Ты с нежностью меня благословил,
Нечаянно в сей жизни повстречавши!
Уже отсель ты в лучший смотришь свет,
И мой тебе незнаем будет след!
Но я, едва полжизни испытавши,
Едва сошед с предела ранних лет,
Не с лучшею, не с легкою судьбою
(И может быть, путь долгий предо мною)
Мысль о тебе, о брат священный мой,
Как божий дар, возьму на жизнь с собой!
Брат Эверса!.. так! я сказать дерзаю,
Что имени сего всю цену знаю!
В сем имени мой долг изображен!
Не беден тот, кто свойства не лишен
Пред добрыми душою согреваться;
Кто мыслию способен возвышаться,
Зря благости величественный лик.
О! сладкий жар во грудь мою проник,
Когда твоя рука мне руку сжала!
Мне лучшею земная жизнь предстала,
Училищем для неба здешний свет!
„Не унывать, хотя и счастья нет;
Ждать в тишине и помнить Провиденье;
Прекрасному — *текущее мгновенье*;
Грядущее — беспечно небесам;
Что мрачно *здесь*, то будет ясно *там*!
Земная жизнь, как странница крылата,
С печалями от гроба улетит;
Что было здесь для доброго утрата,
То жизнь ему другая возвратит!“
Вот правила для Эверсова брата.

Я зрел вчера: сходя на край небес,
Как божество, нас солнце покидало;
Свершив свой день, прощальный луч бросало
Оно с высот на холм, и дол, и лес,
И, тихий блеск оставя на закате,
От нас к другим скатилось небесам.
О! сколько мне красот явилось там!
Я вспомянул о небом данном брате;
О *дне* его, о ясной тишине
И сладостном на *вечере* сиянье;
Я вспомянул о нежном завещанье,
Оставленном в названье брата мне,—
И мужество мне в душу пробежало!..
Благослови ж меня, священный друг!
Что б на пути меня ни ожидало,
Отныне мне, как благотворный дух,
Сопутником твое воспоминанье.
Где б ни был я, мой старец брат со мной!
И тихое вечернее сиянье,
С моей об нем беседуя душой,—
Таинственный символ его завета,—
Учителем отныне будет мне:
„Свой здешний путь окончить в тишине!“ —
И вестником прекраснейшего света.

Ю. А. НЕЛЕДИНСКОМУ-МЕЛЕЦКОМУ

Друзья, стакан к стакану!
Парнаса канитану
Я, рядовой поэт,
Желаю многих лет!
Бессмертье уж имеет
За песни он давно,
И, в свой черед, оно
За жизнию поспеет!
Но в свете будет он
Жить долго нам на радость!

Ему Анакреон
Души веселой младость
С струнами завещал!
Хоть Крон и насчитал
Ему с тремя годами
Уж полных шестьдесят!
Но все под сединами
Глаза его блестят!
И в сердце молодое
Хлад жизни не проник:
Младой с ним молод вдвое!
Старик с ним не старик!
Для бога Аполлона
Стократ Анакреона
Милей быть должен он!
И чем Анакреон
Известен? Лишь стихами.
Он сладко ел и пил
И звонкими струнами
В хмелю сквозь сон хвалил
Вино, Кинриду, радость
И быстротечну младость!
То так ли добр он был,
Как наш поэт бесценный?
Не верится! Плененный
Той милой простотой,
Той нежностью родного,
С какой певца младого,
Меня, сравняв с собой!
Забывши сан и лета,
Он был товарищ мой
При входе скользком света:
За доброго поэта
Я душу рад отдать!
Теперь же хоть сказать
В задаток: многи лета!

К КН. ВЯЗЕМСКОМУ

Благодарю, мой друг, тебя за доставленье
Твоих пленительных стихов!
На Волге встретилось с тобою вдохновенье!
Ты, с крутизны ее лесистых берегов
Смотря на пышные окрестностей картины,
С природы снисок нам похожий написал.
И я тебе вослед мечтою пробегал
Прибрежных скал вершины;
Смотрел, как быстрые крылатые струга,
Сокровищ земледелья полны,
Рулями острыми разрезывали волны;
Как селы между рощ пестрили берега;
Как дым их, тонкими подъемляся столбами,
Взвивался и белел на синеве лесов
И, медленно всходя, сливался с облаками,—
Вот что, по милости твоих, мой друг, стихов,
Как наяву, я видел пред собою.
Прочел я их один, потом прочли со мною
Тургенев с Гнедичем, и Блудов, и Дашков.
Потом и критику-богиню пригласили
Их с хладнокровием, ей сродным, прочитать.
Мы, слушая ее, стихи твои херили,
Тебе же по херам осталось поправлять!
Вот *общий* приговор богини беспристрастной:
„Ваш Вяземский прямой поэт!
Он ищет простоты, но простоты прекрасной;
И вялости в его стихах признака нет.
Дар живописи он имеет превосходный!
Природу наблюдать его умеет взор!
Презревши вымыслов блистательный убор,
Он в скромной простоте, красам природы сродный,
Живописует нам природы красоты!
Он в ней самой берет те сильные черты,
Из коих создает ее изображенье
И списка точностью дивит воображенье“.
Такой был *общий* приговор!
Потом перебирать свободно

Богиня принялась стихи поочередно,
И вышел строгий перебор!
Послушай и поправь, когда тебе угодно!
Благоухает древ
Трепещущая сень. Богиня утверждает
(Я повторяю то, поэту не во гнев),
Что худо делает, когда *благоухает*,
Твоя трепещущая *сень*!
Переступившее ж последнюю ступень
На небе пламенном вечернее светило —
В прекраснейших стихах ее переступило,
Да жаль, что в точности посбилось на пути;
Нельзя ль ему опять на небеса взойти,
Чтоб с них по правилам грамматики спуститься,
Чтоб было ясно все на небе и в стихах?
И скатерть синих вод сравнялась в берегах:
Равняться в берегах *твоих* ей не годится,
Когда в *моих* она сравнялася давно
Не синей скатертью, а попросту рекою:
Мой стих перед тобою,
Но красть у бедняка богатому грешно!
О сем стихе, где живописи много:
Кто в облачной дали конец тебе прозрит?
Богиня говорит,
И справедливо, хоть и строго:
Прозреть, предвидеть — все равно!
Прозреть нам можно то одно,
Что не сбылось еще, чему лишь можно сбыться;
Итак, сие словцо не может пригодиться
К концу реки! Он есть давно, хотя и скрыт,
Ты вместо вялого словечка *различит*,
Великолепное *прозрит* вклеил не к месту
И безобразную с ним сочетал невесту:
И неподвижный взор окованный стоит!
Как хочешь стой, но он в жестоком положенье!
Из одинаких весь сей стих лоскутьев сшит:
Стоит, оковы, недвиженье —
Одно! Такой халат читателя смешит!
Огромные суда в медлительном паренье:
Запрещено, мой друг,— и нечем пособить! —

Указом критики судам твоим *парить*:
Им предоставлено смиренное *теченье*;
А странное: *столбы на них* —
Простым словцом: *и мачты их*
Сама своей рукой богиня заменила!
Но те твои стихи она лишь похерила,
В которых ты, *внимая гласу волн*,
Нам говоришь: *люблю гнать резво челн*
По ропотным твоим зыбям и, сердцем весел,
Под шумом дружных вёсел
И прочее: *зво... челн* — ей неприятный звук,
А *вёсел* рифма ли на *весел*, милый друг?
Жаль! Ведь последний стих разительно прекрасен!
Воображению он сильно говорит;
Но рифма вздорная косится и брюзжит!
Как быть? Она деспот, и гнев ее ужасен!
Нельзя ли рифму нам другую приискать,
Чтобы над веслами беспечно задремать,
Не опасаясь, чтоб вздорщицу смутили,
И также, чтобы нас *воздушные* мечты,
А не тяжелые *златые* веселили?..
Но наше дело — *хер!* Поправки ж делай ты.
Покаты гор крутых! — не лучше ли *пещеры?*
Воспрянувших дубрав! — *развесистых дубрав*,
Или *проснувшихся!* Слова такой же меры,
А лучше! В этом вкус богини нашей нрав!
Воспрянувших, мой друг, понятно, да не ясно.
Все прочее прекрасно!
Но я б весьма желал, чтоб *своды глас забав*
Не галлицизмами окрестности *вверяли*,
А русским языком *волнам передавали*.
Младое пенье их — прекрасная черта!
Их слава ясная, как вод твоих зерцало!
Стих сильный, а нельзя не похерить начало!
Поставь, прошу тебя: *и слава их чиста*,
Чтоб следующим трем был способ приютиться.
О двух других стихах — прекрасных, слова нет —
Ни я, ни критика не знаем, как решиться:
В них тьма, но в этой тьме скрывается поэт!
Гремящих бурь боец, он ярости упорной

Смеется, опершись на брег, ему покорный!
Боец не то совсем, что ты хотел сказать.
Твой *Гений, бурь боец*, есть просто *бурь служитель*,
Наемный их боец; а мне б хотелось знать,
Что он их *победитель*!
Нельзя ли этот стих хоть так перемарать:
Презритель шумных бурь, он злобе их упорной
Смеется, опершись на брег, ему покорный!
Презритель — новое словцо; но признаюсь:
Не примешь ты его, я сам принять решусь!
К Фетиде с гордостью... Твоей, мой друг, *Фетиде*
Я рад бы из стихов дорогу указать.
В пучину Каспия приличней бы сказать.
Сравнение полней, и Каспий не в обиде!
А бег вющийся ручья —
Неловко — власть твоя;
Я б смело написал: *журчащего в дубраве*,
Спроси о том хоть музу ты свою,
Вющийся идет не к бегу, а к *ручью*.
Вот все!.. Согласен будь иль нет, ты в полном праве!

СЛАВЯНКА

Элегия

Славянка тихая, сколь ток приятен твой,
Когда, в осенний день, в твои глядятся воды
Холмы, одетые последнею красой
Полуотцветшия природы.

Спешу к твоим брегам... свод неба тих и чист;
При свете солнечном прохлада повевает;
Последний запах свой осыпавшийся лист
С осенней свежестью сливает.

Иду под рощею излучистой тропой;
Что шаг, то новая в глазах моих картина;
То вдруг, сквозь чащу древ мелькает предо мной,
Как в дыме, светлая долина;

То вдруг исчезло все... окрест сгустился лес;
Все дико вкруг меня, и сумрак и молчанье;
Лишь изредка, струёй сквозь темный свод древес
Прокравшись, дневное сиянье

Верхи поблеклые и корни золотит;
Лишь, сорван ветерка минутным дуновеньем,
На сумраке листок трепещущий блестит,
Смущая тишину паденьем...

И вдруг пустынный храм в дичи передо мной:
Заглохшая трона; кругом кусты седые;
Между багряных лип чернеет дуб густой
И дремлют ели гробовые.

Воспоминанье здесь унылое живет;
Здесь, к урне преклонясь задумчивой главою,
Оно беседует о том, чего уж нет,
С неизменяющей Мечтою.

Все к размышленью здесь влечет невольно нас;
Все в душу томное уныние вселяет;
Как будто здесь она из гроба важный глас
Давно минувшего внимает.

Сей храм, сей темный свод, сей тихий мавзолей,
Сей факел гаснущий и долу обращенный,
Все здесь свидетель нам, сколь блага наших дней,
Сколь все величия мгновенны.

И нечувствительно с превратности мечтой
Дружится здесь мечта бессмертия и славы:
Сей витязь, на руку склонившийся главой;
Сей громоносец двоеглавый,

Под шуйцей твердою седящий на щите;
Сия печальная семья кругом царицы;
Сии небесные друзья на высоте,
Младые спутники денницы...

О! сколь они, в виду сей урны гробовой,
Для унывающей души красноречивы;
Тоскуя ль полетит она за край земной —
Там все утраченные живы;

К земле ль наклонит взор — великий ряд чудес;
Борьба за честь; народ, покрытый блеском славным;
И мир, воскреснувший но манию небес,
Спокойный под щитом державным.

Но вкруг меня опять светлеет частый лес;
Опять река вдали мелькает средь долины,
То в свете, то в тени, то в ней лазурь небес,
То обращенных древ вершины.

И вдруг открытая равнина предо мной:
Там мыза, блеском дня под рощей озаренна;
Спокойное село над ясною рекой,
Гумно и нива обнаженна.

Все здесь оживлено: с овинов дым седой,
Клубяся, по браздам ложится и редеет,
И нива под его прозрачной пеленой
То померкает, то светлеет.

Там слышен на току согласный стук цепов;
Там песня пастуха и шум от стад бегущих;
Там медленно, скрипя, тащится ряд возов,
Тяжелый груз снопов везущих.

Но солнце катится беззнойное с небес;
Окрест него закат спокойно пламенеет;
Завесой огненной подернут дальний лес;
Восток безоблачный синеет.

Спускаюсь в дол к реке: брег темен надо мной,
И на воды легли дерев кудрявых тени;
Противный брег горит, осыпанный зарей;
В волнах блестят прибрежны сени;

То отраженный в них сияет мавзолей;
То холм муравчатый, увенчанный древами;
То ива дряхлая, до свившихся корней
Склонившись гибкими ветвями,

Сенистую главу купает в их струях;
Здесь храм между берез и яворов мелькает;
Там лебедь, притаясь у берега в кустах,
Недвижим в сумраке сияет.

Вдруг гладким озером является река;
Сколь здесь ее брегов пленительна картина;
В лазоревый кристалл слиясь вкруг челнока,
Яснеет вод ее равнина.

Но гаснет день... в тени склонился лес к водам;
Древа облечены вечерней темнотою;
Лишь простирается по тихим их верхам
Заря багряной полосою;

Лишь ярко заревом восточный брег облит,
И пышный дом царей на скате озлащенном,
Как исполин, глядясь в зерцало вод, блестит
В величии уединенном.

Но вечер на него покров накинул свой,
И рощи и брега, смешавшись, побледнели;
Последни облака, блиставшие зарей,
С небес, потухнув, улетели.

И воцарилася повсюду тишина;
Все спит... лишь изредка в далекой тьме промчится
Невнятный глас... или колыхнется волна...
Иль сонный лист зашевелится:

Я на брегу один... окрестность вся молчит...
Как привидение, в тумане предо мною
Семья младых берез недвижимо стоит
Над усыпленною водою.

Вхожу с волнением под их священный кров:
Мой слух в сей тишине приветный голос слышит;
Как бы эфирное там веет меж листов,
Как бы невидимое дышит;

Как бы сокрытая под юных древ корой,
С сей очарованной мешаясь тишиною,
Душа незримая подъемлет голос свой
С моей беседовать душою.

И некто урне сей безмолвный приседит;
И, мнится, на меня вперил он темны очи;
Без образа лицо, и зрак туманный слит
С туманным мраком полуночи.

Смотрю... и, мнится, все, что было жертвой лет,
Опять в видении прекрасном воскресает;
И все, что жизнь сулит, и все, чего в ней нет,
С надеждой к сердцу прилетает.

Но где он?.. Скрылось все... лишь только в тишине
Как бы знакомое мне слышится призванье,
Как будто Гений путь указывает мне
На неизвестное свиданье.

О! кто ты, тайный вождь? душа тебе вослед!
Скажи: бессмертный ли пределов сих хранитель
Иль гость минутный их? Скажи: земной ли свет
Иль небеса твоя обитель?..

И ангел от земли в сиянье предо мной
Взлетает; на лице величие смиренья;
Взор к небу устремлен; над юною главой
Горит звезда преображенья.

Помедли улетать, прекрасный сын небес;
Младая Жизнь в слезах простерта пред тобою...
Но где я?.. Все вокруг молчит... призрак исчез,
И небеса покрыты мглою.

Одна лишь смутная мечта в душе моей:
Как будто мир земной в ничто преобратился:
Как будто та страна знакомей стала ей,
Куда сей чистый ангел скрылся.

ПЕСНЬ РУССКОМУ ЦАРЮ ОТ ЕГО ВОИНОВ

Гряди, наш *Царь*, Твоя дружина
Благословляет Твой возврат;
Вселенной решена судьбина,
И ниспровергнут супостат.
Гряди, гряди к стране своей,
Наш Царь, наш славный вождь царей.

К Его стопам мечи кровавы;
К Его стопам и шлем и щит;
Его главу да знамя славы
При кликах славы осенит;
Ему венцы готовьте в дань —
Решившему святую брань.

Наш *Царь*, в отчизну с поля чести
Твою мы славу принесли;
Вот гром, Твоей свершитель мести;
Вот знамена еще в пыли;
Вот нашей верности алтарь;
Пред ним обет наш: честь и Царь!

Младый Наследник полвселенны —
Меж нас впервой Ты меч приял;
Наш *Царь* — ко брани ополченный,
Ты путь нам к славе указал;
Наш вождь — Ты был предтечей нам
Везде во сретенье врагам.

Скажи ж, о вождь, где изменилась
Твоя дружина пред Тобой?
Погибель нас пожрать стремилась —
Ее отбил наш твердый строй.
Нам взор *Царя*, как Божий луч,
Светил во мгле громовых туч.

Ко мщенью Ты воззвал народы;
Ты спас владычество царям;
Ты знамена святой свободы
Покорным даровал врагам;
И Твой покрыл вселенну щит;
И брань окованна молчит.

От Немана до океана
Твоих трофеев славный ряд;
И где парил орел тирана,
Там днесь орлы твои парят;
И гром, безмолвный в их когтях,
На брань и бунт наводит страх.

Но кто на Русь Твою восстанет?
Противных нет полкам Твоим;
Твой страшный гнев с престола грянет,
И север грянет вслед за ним;
И, казни вестник, грозный страх,
Врагов умчит, как дым и прах.

Гряди, наш *Царь*, Твоя дружина
Благословляет Твой возврат;
Вселенной решена судьбина,
И ниспровергнут супостат.
Гряди, гряди к стране своей,
Наш *Царь*, наш славный вождь царей.

ПЕСНЯ

Где фиалка, мой цветок?
Прошлою весною
Здесь поил ее поток
Свежею струею?..
Нет ее; весна прошла,
И фиалка отцвела.

Розы были там в сени
Рощицы тенистой;
Оживляли дол они
Красотой душистой...
Лето быстрое прошло,
Лето розы унесло.

Где фиалку я видал,
Там поток игривой
Сердце в думу погружал
Струйкой говорливой...
Пламень лета был жесток;
Истощенный, смолк поток.

Где видал я розы, там
Рощица, бывало,
В зной приют давала нам...
Что с приютом стало?
Ветр осенний бушевал,
И приютный лист опал.

Здесь нередко по утрам
Мне певец встречался,
И живым его струнам
Отзыв откликался...
Нет его; певец увял;
С ним и отзыв замолчал.

ИРИНЕ ДМИТРИЕВНЕ ПОЛТОРАЦКОЙ
при посылке стихотворений в первом издании 1815 г.

Певцом невинности, любви и красоты
Назвал меня поэт, к стихам моим *пристрастной.*
Когда б владел его я лирой сладкогласной,
Когда б моих стихов была предметом ты —
Я пел бы, всё забыв, одним собой счастливой,
И был бы наречен от славы справедливой:
Певцом невинности, любви и красоты.

ВОСПОМИНАНИЕ

Прошли, прошли вы, дни очарованья!
Подобных вам уж сердцу не нажить!
Ваш след в одной тоске воспоминанья!
Ах! лучше б вас совсем мне позабыть!

К вам часто мчит привычное желанье —
И слез любви нет сил остановить!
Несчастие — об вас воспоминанье!
Но более несчастье — вас забыть!

О, будь же грусть заменой упованья!
Отрада нам — о счастье слезы лить!
Мне умереть с тоски воспоминанья!
Но можно ль жить,— увы! и позабыть!

НА ПЕРВОЕ ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ПРЕСТОЛА БОНАПАРТЕ

Стихи, петые на празднике, данном в С.-Петербурге английским послом, лордом Каткартом

Сей день есть день суда и мщенья!
Сей грозный день земле явил
Непобедимость Провиденья
И гордых силу пристыдил.

Где тот, пред кем гроза не смела
Валов покорных воздымать,
Когда ладья его летела
С фортуной к берегу пристать?

К стопам рабов бросал он троны,
Срывал с царей красу порфир,
Сдвигал народы в легионы
И мыслил весь заграбить мир.

И где он?.. Мир его не знает!
Забыт разбитый истукан!
Лишь пред изгнанником зияет
Неумолимый океан.

И все, что рушил он, природа
Уже красою облекла,
И по следам его свобода
С дарами жизни протекла!

И честь тому — кто, верный чести,
Свободе меч свой посвятил,
Кто в грозную минуту мести
Лишь благодатию отмстил.

Так! честь ему: и мир вселенной,
И царские в венцах главы,
И блеск Лютеции спасенной
И прах низринутой Москвы!

О нем молитва Альбиона
Одна сынов его с мольбой:
„Чтоб долго был красой он трона
И человечества красой!“

К Т. Е. БОКУ

Любезный друг, гусар и Бок!
Планетам изменять нимало нам не стыдно!
Их путь от нас далек;
К тому ж, мой друг, для звезд небесных не обидно,
Когда забудешь их на час для звезд земных!
Для беспредельности одной они сияют,
И в гордости своей совсем не замечают
Слепцов, которые из мрачности земной
Их куртизируют подзорною трубой!
Хоть я и не гусар, но клясться рад с тобой
Священным именем пророка,
Что, встретившись, как ты, с прекрасною четой,
Забыл бы звезды все, Жуковского и Бока!
В осьмом часу тебя готов я ждать!
Но завяжи глаза, чтоб к нам дойти вернее,
Чтобы опять сирены не видать!
Близ пропасти слепой всегда пройдет смелее.

ВЕСЕННЕЕ ЧУВСТВО

Легкий, легкий ветерок,
Что так сладко, тихо веешь?
Что играешь, что светлеешь,
Очарованный поток?
Чем опять душа полна?
Что опять в ней пробудилось?
Что с тобой к ней возвратилось,
Перелетная весна?

Я смотрю на небеса...
Облака, летя, сияют
И, сияя, улетают
За далекие леса.

Иль опять от вышины
Весть знакомая несется?
Или снова раздается
Милый голос старины?
Или там, куда летит
Птичка, странник поднебесный,
Все еще сей неизвестный
Край *желанного* сокрыт?..
Кто ж к неведомым брегам
Путь неведомый укажет?
Ах! найдется ль, кто мне скажет,
Очарованное *Ta.и*?

* * *

Сон — утешитель! Пусть образу смерти твой образ подобен,
Я призываю тебя! посети одинокое ложе!
Дай мне покоя! Сколь сладко нам в жизни не чувствовать жизни,
Столько ж нам сладко и в смерти не чувствовать смерти.

⟨К Т. Е. БОКУ⟩

Мой милый Бок!
Не думай, чтоб я был ленивый лежебок!
Или пренебрегал твоим кабриолетом,—
Нет, нет! но как гусар ты поступил с поэтом!
(Как друг-гусар, прошу меня понять):
Как *друг* ты, согласив с своим мое желанье,
Спешишь скорей меня обнять,
Скорее разделить со мной очарованье,

Которое сестра прелестная твоя
Своим присутствием вокруг нас разливает —
И дружба этому прямую цену знает.
Но как *гусар* ты все смутил, душа моя:
Ты хочешь приступом взять мирного поэта;
Ты силою кабриолета
Затеял, в миг один, весь план его взорвать!..
Послушай: сняв мундир, привычку разрушать
Оставь с мундиром и усами!
Капитуляция была уж между нами;
Стояло в ней: *тебе от друга вести ждать;*
Дождавшись же, за ним в своем кабриолете
И налицо во весь опор скакать.
Но, видно, это все ты предал жадной Лете
И в памяти одну лишь дружбу сохранил!
Итак, чтоб памяти ты вновь не утопил,
Вот для тебя рецепт от сей чумы ужасной,
Вот план мой *письменный*, по пунктам, точный, ясный:
Пункт первый: подождать!
Ты знаешь, до Печор я еду провожать
Своих друзей — на то дней семь иль восемь сроку.
Коль скоро возвращусь, тотчас записку к Боку,
И в этом *пункт второй* — но как ее послать?
Не лучше ли тебе меня уж в Дерите ждать?
Мы *вместе* славно прокатимся!
Мой план не весь! еще есть пунктов пять,
Но на словах мы лучше объяснимся!
Прости! завидуя моим дурным стихам,
На месте их теперь желал бы быть я сам.

P. S. Когда ты через десять дней,
По обстоятельствам, за другом и поэтом
Не можешь сам скакать с своим кабриолетом,
То хоть одних пришли с ним лошадей.

ВЕРНОСТЬ ДО ГРОБА

Младый Рогер свой острый меч берет:
За веру, честь и родину сразиться!
Готов он в бой... Но к милой он идет:
В последний раз с прекрасною проститься.
„Не плачь: над нами щит Творца;
Еще нас небо не забыло;
Я буду верен до конца
Свободе, мужеству и милой".

Сказал, свой шлем надвинул, поскакал;
Дружина с ним; кипят сердца их боем;
И скоро строй неустрашимых стал
Перед врагов необозримым строем.
„Сей вид не страшен для бойца;
И смерть ли небо мне судило —
Останусь верен до конца
Свободе, мужеству и милой".

И, на врага взор мести бросив, он
Влетел в ряды, как пламень-истребитель;
И вспыхнул бой, и враг уж истреблен;
Но... победив, сражен и победитель.
Он почесть бранного венца
Приял с безвременной могилой,
И был он верен до конца
Свободе, мужеству и милой.

Но где же ты, певец великих дел?
Иль песнь твоя твоей судьбою стала?..
Его уж нет; он в край тот улетел,
Куда давно мечта его летала.
Он пал в бою — и глас певца
Бессмертно дело освятило;
И он был верен до конца
Свободе, мужеству и милой.

ОВСЯНЫЙ КИСЕЛЬ

Дети, овсяный кисель на столе; читайте молитву;
Смирно сидеть, не марать рукавов и к горшку не соваться;
Кушайте: всякий нам дар совершен и даяние благо;
Кушайте, светы мои, на здоровье; Господь вас помилуй.
В поле отец посеял овес и весной заскородил.
Вот Господь Бог сказал: поди домой, не заботься;
Я не засну; без тебя он взойдет, расцветет и созреет.
Слушайте ж, дети: в каждом зернышке тихо и смирно
Спит невидимкой малютка-зародыш. Долго он, долго
Спит, как в люльке, не ест, и не пьет, и не пикнет, доколе
В рыхлую землю его не положат и в ней не согреют.
Вот он лежит в борозде, и малютке тепло под землею;
Вот тихомолком проснулся, взглянул и сосет, как младенец,
Сок из родного зерна, и растет, и невидимо зреет;
Вот уполз из пелен, молодой корешок пробуравил;
Роется вглубь, и корма ищет в земле, и находит.
Что же?.. Вдруг скучно и тесно в потемках... „Как бы проведать,
Что там, на белом свете, творится?..“ Тайком, боязливо
Выглянул он из земли... Ах! царь мой небесный, как любо!
Смотришь — Господь Бог ангела шлет к нему с неба:
„Дай росинку ему и скажи от Создателя: здравствуй“.
Пьет он... ах! как же малюточке сладко, свежо и свободно.
Рядится красное солнышко; вот нарядилось, умылось,
На горы вышло с своим рукодельем; идет по небесной
Светлой дороге; прилежно работая, смотрит на землю,
Словно как мать на дитя, и малютке с небес улыбнулось,
Так улыбнулось, что все корешки молодые взыграли.
„Доброе солнышко, даром вельможа, а всякому ласка!“
В чем же его рукодельe? Точит облачко дождевое.
Смотришь: посмеркло; вдруг капает; вдруг полилось, зашумело.
Жадно зародышек пьет; но подул ветерок — он обсохнул.
„Нет (говорит он), теперь уж иод землю меня не заманят.
Что мне в потемках? здесь я останусь; пусть будет что будет“.
Кушайте, светы мои, на здоровье; Господь вас помилуй.
Ждет и малюточку тяжкое время: темные тучи
День и ночь на небе стоят, и прячется солнце;
Снег и метель на горах, и град с гололедицей в поле.
Ах! мой бедный зародышек, как же он зябнет! как ноет!

Что с ним будет? земля заперлась, и негде взять нищи.
„Где же (он думает) красное солнышко? Что не выходит?
Или боится замерзнуть? Иль и его нет на свете?
Ах! зачем покидал я родимое зернышко? дома
Было мне лучше; сидеть бы в приютном тепле под землею".
Детушки, так-то бывает на свете; и вам доведется
Вчуже, меж злыми, чужими людьми, с трудом добывая
Хлеб свой насущный, сквозь слезы сказать в одинокой печали:
„Худо мне; лучше бы дома сидеть у родимой за печкой..."
Бог вас утешит, друзья; всему есть конец; веселее
Будет и вам, как былиночке. Слушайте: в ясный день майский
Свежесть повеяла... солнышко яркое на горы вышло,
Смотрит: где наш зародышек? что с ним? и крошку целует.
Вот он ожил опять и себя от веселья не помнит.
Мало-помалу оделись поля муравой и цветами;
Вишня в саду зацвела, зеленеет и слива, и в поле
Гуще становится рожь, и ячмень, и пшеница, и просо;
Наша былиночка думает: „Я назади не останусь!"
Кстати ль! листки распустила... кто так прекрасно соткал их?
Вот стебелек показался... кто из жилочки в жилку
Чистую влагу провел от корня до маковки сочной?
Вот проглянул, налился и качается в воздухе колос...
Добрые люди, скажите: кто так искусно развесил
Почки по гибкому стеблю на тоненьких шелковых нитях?
Ангелы! кто же другой? Они от былинки к былинке
По полю взад и вперед с благодатью небесной летают.
Вот уж и цветом нежный, зыбучий колосик осыпан:
Наша былинка стоит, как невеста в уборе венчальном.
Вот налилось и зерно и тихохонько зреет; былинка
Шепчет, качая в раздумье головкой: я знаю, что будет.
Смотришь: слетаются мошки, жучки молодую поздравить,
Пляшут, толкутся кругом, припевают ей: *многие лета*;
В сумерки ж, только что мошки, жучки позаснут и замолкнут,
Тащится в травке светляк с фонарем посветить ей в потемках.
Кушайте, светы мои, на здоровье; Господь вас помилуй.
Вот уж и Троицын день миновался, и сено скосили;
Собраны вишни; в саду ни одной не осталося сливки;
Вот уж пожали и рожь, и ячмень, и пшеницу, и просо;
Уж и на жниво сбирать босиком ребятишки сходились
Колос оброшенный; им помогла тихомолком и мышка.

Что-то былиночка делает? О! уж давно пополнела;
Много, много в ней зернышек; гнется и думает: „Полно;
Время мое миновалось; зачем мне одной оставаться
В поле пустом меж картофелем, пухлою репой и свеклой?“
Вот с серпами пришли и Иван, и Лука, и Дуняша;
Уж и мороз покусал им утром и вечером пальцы;
Вот и снопы уж сушили в овине; уж их молотили
С трех часов поутру до пяти пополудни на риге;
Вот и Гнедко потащился на мельницу с возом тяжелым;
Начал жернов молоть; и зернышки стали мукою;
Вот молочка надоила от нестрой коровки родная
Полный горшочек; сварила кисель, чтоб детушкам кушать;
Детушки скушали, ложки обтерли, сказали: „спасибо“.

* * *

Там небеса и воды ясны!
Там песни птичек сладкогласны!
О родина! все дни твои прекрасны!
Где б ни был я, но все с тобой
Душой.

Ты помнишь ли, как под горою
Осеребряемый росою,
Белелся луч вечернею порою
И тишина слетала в лес
С небес?

Ты помнишь ли наш пруд спокойный,
И тень от ив в час полдня знойный,
И над водой от стада гул нестройный,
И в лоне вод, как сквозь стекло,
Село?

Там на заре пичужка пела;
Даль озарялась и светлела;
Туда, туда душа моя летела:
Казалось сердцу и очам —
Все там!..

ПЕВЕЦ В КРЕМЛЕ

Певец

Бегите в Кремль! На холме том,
Где пели наши деды
Победну песнь пред Божеством,
Мы грянем песнь победы.
Зовет Кремля священный глас,
Как древле вестник славы;
С его высот глядит на нас
Орел наш двоеглавый;
Бегите в Кремль и стар и млад!
При гимнах ликованья,
Обымемся, как брата брат
Объемлет в час свиданья.

Народ

Бегите в Кремль и стар и млад!
При гимнах ликованья,
Обымемся, как брата брат
Объемлет в час свиданья!

Певец

О, Кремль отеческий! твой нраг
Лобзаем в умиленье.
Смотрите: на его стенах
Отчаянное мщенье
След черный внечатлело свой.
Казня в безумстве камень,
Губитель трепетной рукой
На них свой бросил пламень.
„Не будь Кремля!“ изрек злодей;
Но Кремль стоит священный;
Вспылал лишь древний дом Царей,
Убийцей осквернённый.

Но ты, Царя венчавший храм!..
Рукой небес хранимый,
Светлей вознес ты к небесам
Свой крест непобедимый.
И ты, Царей минувших прах,
Твой сон не возмутился,
Когда в пожаре и громах
Дух злобы разразился
Над тихой сению твоей...
О, наш Сион священный,
О, Кремль, свидетель славных дней,
Красуйся, обновленный!

Народ

О, наш Сион священный,
О, Кремль, свидетель славных дней,
Красуйся, обновленный!

Певец

С хвалою первой к Богу сил,
Друзья, подымем длани;
Он здесь, в Кремле Себя явил
Ужасным Богом брани;
Он, в заревах по небесам
Над рдеющей Москвою
Прочавшись, стал в лице врагам
Карающей бедою.
Он в дым Москвы Себя облек,
И знамением мести,
Как пред Израилем, потек
Перед полками чести.

И славою Ему вослед
Шумели их знамена;
При звучном клике их побед
Распались цепи плена;
На брань пошли рука с рукой
Владыки и народы;
И грянул страшный Божий бой,
И гимн Его свободы...

Греми ж торжественно в Кремле
Днесь: „Богу в вышних слава!
Живущим радость! мир земле!
И Вечному держава!“

Н а р о д

Греми ж торжественно в Кремле
Днесь: „Богу в вышних слава!
Живущим радость! мир земле!
И Вечному держава!“

П е в е ц

Тебе Россию, Царь земли!
Народ Твой уповает:
Прими ее и повели,
Да славой процветает!
Да сила, иноземным страх,
Брежет ее пределы;
Да на святых ее полях
Сияет мир веселый;
Да нравов древних чистотой
Союз семей хранится;
Да в них с невинной простотой
Свет знанй водворится.

О! повели, чтоб наш Орел,
Вселенной страж могучий,
Спокоен на громах сидел;
А в брани вражьи тучи,
Как ныне, грудью пробивал,
И под небесны своды
Всегда при кликах возлетал
Спасенья и свободы.
Вели, да восшумят моря
Под русскими рулями,
И слава русского Царя
Восцарствуй над водами.

Вели, да помнит Славянин,
Что он наследник славы,
Что он великих предков сын,
Которых меч кровавый
И древле был противным страх...
Друзья! отцы пред нами;
На тех же мы цветем полях,
Под теми ж небесами,
Где чада славы расцвели;
Пред нами та ж дорога,
По коей деды протекли
За Русь, Царя и Бога.

О Русь, да наш язык прильнет
Иссохнувший к гортани,
Да крепость древняя спадет
С увядшей нашей длани,
Когда престанешь ты для нас —
И в час борьбы кровавой,
И в ночь, и в день, и в смертный час —
Быть радостью и славой!..
А Ты, Всевышний, наш обет
Прими в Твою десную,
И горней благодати свет
Пролей на Русь святую.

Народ

Прими, Всевышний, наш обет,
Прими в Твою десную,
И горней благодати свет
Пролей на Русь святую.

Певец

Храни Царя! Царю пошли
Твое благословенье.
Ему все радости земли!
Тебе ж благодаренье
За царственную высоту
Его души благия;

За чистой славы красоту,
В какой им днесь Россия;
За первенство среди Царей,
Отъятое не бранью,
Но искуплением людей
И миротворной дланью;
За твердое презренье бед;
За благость в правой мести;
За кротость на верху побед
И верность Царской чести;
За блеск, в каком умел явить
Он доблесть Славянина;
За сладкий жребий наш: любить,
Как друга, Властелина —
О всемогущий Царь земли,
Тебе благодаренье!
Храни Его, Ему пошли
Твое благословенье!

Храни Его! то общий клик
С Кремлевския вершины...
И угасающий старик,
В виду своей кончины
Молящий ясных дней сынам,
И брани сын ретивый,
Привыкший, к трепету врагам,
Знамена горделивы,
Царем ведомый, воздвизать;
И юноша цветущий,
Минутой славы заблистать
В волненьи сердца ждущий;

И безмятежный селянин,
Воспитанник природы,
И смелый просвещенья сын,
Алкающий свободы
Воспламенить во благо свой
Светильник вдохновенный —
Все, все с молитвою одной
К Тебе, Царю вселенны:

Твою щедроту посели
Над Царскою главою,
Чтоб долго был красой земли,
И трона красотою.

Народ

Твою щедроту посели
Над Царскою главою,
Чтоб долго был красой земли,
И трона красотою.

Певец

Тебе спасительную рать!
Тебе вождей спасенья!
На них да снидет благодать;
На них благословенья
С Кремлевских благодарных стен.
Их груди, как твердыни,
От нас отбили срам и плен,
И бешенство гордыни.
Москва, они твоим стенам
Рекли: „оденьтесь в пламень;
Взлетите гибелью врагам;
Будь ратник — каждый камень".

И мщенье — грозный их обет;
Ему не изменили:
Твоей дружиной, Царь побед,
Они себя явили.
Бестрепетны сквозь зной и хлад,
Сквозь пепельны пустыни,
Пронзая силой сильных ряд,
Перунами твердыни,
На мышцу мышцу, грудь на грудь,
И брань самой природе,
Кровавый протоптали путь
И чести и свободе.

Везде, во славу Бога сил,
Воздвиглись их знамена;
Орел свободных — раздробил
Орла рабов, и Сена,
Послышав гром их, чрез ноля
Помчала обновленье —
И за развалины Кремля
Парижу мзда: спасенье.
И се на родину стеклись;
В ножнах уж меч кровавый...
О Кремль священный, оживись!
Яви им неиел славы!

Стекитесь, чада и отцы,
Младые девы, жены,
На их главы надеть венцы,
Их увенчать знамены,
С рамен могучих снять щиты,
Принять из рук их громы,
Узреть возлюбленны черты,
Услышать глас знакомый.
Се на Кремлевской высоте,
Еще под прахом брани,
Стоят в смиренной красоте,
И к вам простерли длани...

Благословляем ваш возврат
В отчизну с ноля чести!
Святое титло верных чад
Ценой кровавой мести,
Ценою ран купили вы...
Здесь, на скале пожарной,
На ваши бодрые главы
Рукою благодарной
Отчизна славная кладет
Печать любви и славы,
И слезы исцеленья льет
На раны их кровавы...

На них, на них Твой крепкий щит
Склони, о Вседержитель,
Да и пред мирными дрожит,
Как в бранный день, губитель.

Народ

На них, на них Твой крепкий щит
Склони, о Вседержитель,
Да и пред мирными дрожит,
Как в бранный день, губитель.

Певец

Простри, Всевышний, длань Твою
На бранным сном почивших,
За Русь главы свои в бою,
За правду положивших;
Введи их в ту бессмертну сень,
Где мир Твой обитает,
Да Твой незаходимый день
Им радостью сияет;
Да там для них о жизни сей
Живет воспоминанье;
Да будут родины своей
И щит и упованье.

Друзья, с молитвою о нем,
О старце, о великом!..
О наш герой, когда с мечом,
С покойным светлым ликом,
Во храме, об руку Царя,
Младый под сединами,
Перед святыней алтаря,
Внимаем небесами,
Обет спасенья ты изрек,
Мы мнили, осленленны —
Забыв, что вождь наш человек —
Что дни твои нетленны...

И где же ты, о вождь побед?
Мы гимн поем спасенья:
Почто ж спасителя здесь нет?
На праздник Провиденья
Мы ныне в Кремль свой притекли...
А наш герой не с нами?
Здесь громы вражески в пыли
Безмолвными рядами;
Здесь их разбитые щиты,
Их знамена кровавы;
Здесь наша слава... где же ты,
Создатель нашей славы?..

Друзья, сей день да освятит
О нем воспоминанье;
Да к тени бранной долетит
Отечества призванье;
На верхних славы ступенях
Ему рука судьбины,
При блеске молний, при громах,
Постлала одр кончины;
На нем простерт, он угасал,
Как вечер светозарной,
И, угасающий, внимал
Отчизне благодарной...

Почий же в славе, наш герой!
Да при твоей гробнице
Архистратиг, соратник твой,
С мечом небес в деснице,
Страж пепла твоего, сидит;
Пред ней, неугасимый,
Да пламенник любви горит,
Отчизною хранимый.
И будь сей огнь священный знак,
Что свыше Провиденье
На Русь, сквозь самый бедствий мрак,
Сияет во спасенье.

И вы, которых бурный бой
Похитил средь полета,
Вы, быстро за рубеж земной
Утекшие из света,
Друзья, благословенье вам!
Вы пали за отчизну;
И здесь, прискорбная, сынам
Она свершает тризну;
И Кремль ее преобращен
В алтарь благодаренья;
На нем был первый воспален
Светильник Провиденья.

Вы, в память чадам поздних лет,
Своим геройским прахом
Спасенный одарили свет;
И враг свободы с страхом
От зеленеющих холмов,
Где пепел ваш хранится,
Как от карающих богов,
Смятенный, отстранится;
Они народам будут весть,
Сколь шатки зданья силы —
Вы проповедовать им: *честь!*
Оставили могилы.

Здесь всё в воспоминанье вам;
Сей пир Кремля священный;
Сей гимнами гремящий храм;
Сей град, за честь сожженный;
И сей народ, толпа семей,
Ликующих в покое —
Все вы! всё нам от ваших дней
Наследие святое!..
Простри ж, Всевышний, длань Твою
На бранным сном почивших,
За Русь главы свои в бою,
За правду положивших.

Народ

Простри, Всевышний, длань Твою
На бранным сном почивших,
За Русь главы свои в бою,
За правду положивших.

Певец

Тебе России верных чад,
Подпор могущих трону!..
О! как их двинул царский взгляд
Отчизне в оборону!
Летят! огню домы, ноля!
Перунам грудь и длани!
И грозно Русская земля
Встает гигантом брани!
Гремит ее призывный щит...
И, гневом мести рдея,
Войной Иртыш и Дон шумит,
Войной скалы Рифея.

Калмык, Башкир, Черкес и Финн
К знаменам побежали,
И все оградой из дружин
Кругом престола стали...
Где ж враг?.. о Русская земля,
Готов твой пир священный!
И се! на высоте Кремля,
И селянин смиренный,
И верный славных предков сын,
И алтаря служитель,
К Тебе, ликуя, глас един
Возносят, Вседержитель!

Вы, чада бодрственных сынов,
Потомки знаменитых,
Близ их изрубленных щитов,
Близ их кольчуг разбитых,
Свои кольчуги и щиты
Повесьте в отчем доме;

На них чудесных дел черты,
Для чад, при бранном громе,
Мечом кровавым врезал враг;
Пускай на их обломках
Хранится повесть об отцах
Великая в потомках.

Вам подвиг новый предлежит:
Величие в покое.
Да сладкий мир не изменит
Вас, неизменных в бое;
Да вкруг вас тишина цветет,
Устройство и свобода;
Да вам покорная дает
Сторичну дань природа;
К зерцалу — совесть и закон;
В семействе — чисты нравы;
Без рабства верность — перед трон;
Пред Бога — души нравы.

Ты ж, чудо верности, народ,
Покорностью могущий,
Цвети! да заградится вход
В твои смиренны кущи
Судьбы посланницам-бедам;
Да плуг трудолюбивый
Дарует жизнь твоим полям.
Умеренным счастливый,
Чужд развратительных сует,
Презрев роскошных негу,
Теки беспечно через свет
К спасительному брегу.

А Ты их, Вышний, осени
Отеческой рукою:
Да будут благ Твоих они
Достойны пред Тобою.

Народ

Детей, Всевышний, осени
Отеческой рукою:
Да будут благ Твоих они
Достойны пред Тобою.

Певец

Тебе народов и Царей!..
Да знает всяк властитель,
Что он лишь мудрости Твоей
Безвластный совершитель...
Вы, неподвижные в пыли,
Невольники могилы,
Цари — смутители земли,
Цари — земли светилы,
Призраки! встаньте из гробов
На голос, к вам зовущий!
Кто были вы: друзья богов,
Иль боги всемогущи?

О нет! орудие одно
В деснице Провиденья...
Внимай! внимай! летит Оно
С жезлом миронравленья
Над темной бездною времен,
И с вечной колесницы
Судьбы держав, судьбы племен
Бросает из десницы.
Кто быстрый переменит ток?
Чья сила? чья упорность?
Летит... а нам Его урок:
„Умеренность, покорность!“

О! совершись, святой завет!
В одну семью, народы!
Цари, в один отцев совет!
Будь, сила, щит свободы!
Дух благодати, пронесись
Над мирною вселенной,

И вся земля совокупись
В единый град нетленный!
В совет к царям, небесный Царь!
Символ им: Провиденье!
Трон власти, обратись в алтарь!
В любовь повиновенье!

Утихни, ярый дух войны;
Не жизни истребитель,
Будь жизни благ и тишины
И вечных прав хранитель.
Ты, мудрость смертных, усмирись
Пред мудростию Бога,
И в мраке жизни озарись,
К небесному дорога.
Будь, Вера, твердый якорь нам
Средь волн безвестных рока,
И ты, в нерукотворный храм
Свети, Звезда востока.

Певец и народ

Свети, свети, Звезда небес!
К ней взоры! к ней желанья!
К ней, к ней, за тайну сих завес,
Земные упованья!
Там всё, что здесь пленило нас
Явлением мгновенным,
Что взял у жизни смертный час,
Воскреснет обновленным.
Рука с рукой! вождю вослед!
В одну, друзья, дорогу!
И с нами в братском хоре, свет,
Пой: слава в вышних Богу!

СОН

Заснув на холме луговом,
Вблизи большой дороги,
Я унесен был легким сном
Туда, где жили боги.

Но я проснулся наконец
И смутно озирался:
Дорогой шел младой певец
И с пеньем удалялся.

Вдали пропал за рощей он —
Но струны все звенели.
Ах! не они ли дивный сон
Мне на душу напели?

ПЕСНЯ БЕДНЯКА

Куда мне голову склонить?
Покинут я и сир;
Хотел бы весело хоть раз
Взглянуть на божий мир.

И я в семье моих родных
Когда-то счастлив был;
Но горе спутник мой с тех пор,
Как я их схоронил.

Я вижу замки богачей
И их сады кругом...
Моя ж дорога мимо их
С заботой и трудом.

Но я счастливых не дичусь;
Моя печаль в тиши;
Я всем веселым рад сказать:
Бог помочь! от души.

О щедрый Бог, не вовсе ж я
Тобою позабыт;
Источник милости твоей
Для всех равно открыт.

В селенье каждом есть твой храм
С сияющим крестом,
С молитвой сладкой и с твоим
Доступным алтарем.

Мне светит солнце и луна;
Любуюсь на зарю;
И, слыша благовест, с тобой,
Создатель, говорю.

И знаю: будет добрым нир
В небесной стороне;
Там буду праздновать и я;
Там место есть и мне.

СЧАСТИЕ ВО СНЕ

Дорогой шла девица;
С ней друг ее младой;
Болезненны их лица;
Наполнен взор тоской.

Друг друга лобызают
И в очи и в уста —
И снова расцветают
В них жизнь и красота.

Минутное веселье!
Двух колоколов звон:
Она проснулась в *келье*;
В *тюрьме* проснулся он.

ЯВЛЕНИЕ БОГОВ

Знайте, с Олимпа
Являются боги
К нам не одни;

Только что Бахус придет говорливый,
Мчится Эрот, благодатный младенец;
Следом за ними и сам Аполлон.

Слетелись, слетелись
Все жители неба,
Небесными полно
Земное жилище.

Чем угощу я,
Земли уроженец,
Вечных богов?

Дайте мне вашей, бессмертные, жизни!
Боги! что, смертный, могу поднести вам?
К вашему небу возвысьте меня!

Прекрасная радость
Живет у Зевеса!
Где нектар? налейте,
Налейте мне чашу!

Нектара чашу
Певцу, молодая
Геба, подай!

Очи небесной росой окропите;
Пусть он не зрит ненавистного Стикса,
Быть да мечтает одним из богов!

Шумит, заблистала
Небесная влага,
Спокоилось сердце,
Провидели очи.

В АЛЬБОМ КНЯЖНЫ М. А. ЩЕРБАТОВОЙ

О *грустном* написать я должен в твой альбом.
Могу ль желанию такому покориться?
При мысли о тебе, невольно под пером
Одно веселое родится;
При мысли о тебе, невольно твой поэт
Воображеньем жизнь земную украшает;
Жилищем радости он видит здешний свет
И имя *грусти* забывает.

⟨К КАРЛУ ПЕТЕРСЕНУ⟩

Я предсказатель! Радость за горем пришла! Заменило
Небо, что отнято им! Будь же утешен, отец!
Двух ты имеешь сынов! Твой младший с тобою, твой старший
Будет, как ангел, с небес милого брата хранить.

ТРИ ПУТНИКА

В свой край возвратяся из дальней земли,
Три путника в гости к старушке зашли.

„Прими, приюти нас на темную ночь;
Но где же красавица? Где твоя дочь?“

„Принять, приютить вас готова, друзья;
Скончалась красавица дочка моя“.

В светлице свеча пред иконой горит:
В светлице красавица в гробе лежит.

И первый поднявший покров гробовой
На мертвую смотрит с унылой душой:

„Ах! если б на свете еще ты жила,
Ты мною б отныне любима была!“

Другой покрывало опять наложил,
И горько заплакал, и взор опустил:

„Ах, милая, милая, ты ль умерла?
Ты мною так долго любима была!“

Но третий опять покрывало поднял
И мертвую в бледны уста целовал:

„Тебя я любил; мне тебя не забыть;
Тебя я и в вечности буду любить!“

ГОЛОС С ТОГО СВЕТА

Не узнавай, куда я путь склонила,
В какой предел из мира перешла...
О друг, я все земное совершила;
Я на земле любила и жила.

Нашла ли их? Сбылись ли ожиданья?
Без страха верь; обмана сердцу нет;
Сбылося все; я в стороне свиданья;
И знаю *здесь*, сколь *ваш* прекрасен свет.

Друг, *на земле* великое не тщетно;
Будь тверд, а *здесь* тебе не изменят;
О милый, *здесь* не будет безответно
Ничто, ничто: ни мысль, ни вздох, ни взгляд.

Не унывай: минувшее с тобою;
Незрима я, но в мире мы одном;
Будь верен мне прекрасною душою;
Сверши *один* начатое *вдвоем*.

• АРЗАМАССКИЕ ПРОТОКОЛЫ •

I

ПРОТОКОЛ ДВАДЦАТОГО АРЗАМАССКОГО ЗАСЕДАНИЯ

Месяц Травный, нахмурясь, престол свой отдал Изоку;
Пылкий Изок появился, но пасмурен, хладен, насуплен;
Был он отцом посаженым у мрачного Грудня. Грудень, известно,
Очень давно за Зимой волочился; теперь уж они обвенчались.

С свадьбы Изок принес два дождя, пять луж, три тумана.
(Рад ли, не рад ли, а надобно было принять их в подарок).
Он разложил пред собою подарки и фыркал. Меж тем собирался
Тихо на береге Карповки (славной реки, где водятся карпы,
Где, по преданию, Карп-Богатырь кавардак по субботам
Ел, отдыхая от славы), на береге Карповки славной
В семь часов ввечеру Арзамас двадесятый. Под сводом
Новосозданного храма, на коем начертано имя
Вещего Штейна, породой германца, душой арзамасца,
Сел Арзамас за стол с величавостью скромной и мудрой наседки;
Сел Арзамас — и явилось в тот миг небывалое чудо:
Нечто пузообразное, пупом венчанное вздулось,
Громко взбурчало, и вдруг гармонией Арфы стало бурчанье.
Члены смутились, *Реин* дернул за кофту *Старушку*,
С страшной перхотой *Старушка* бросилась в руки *Варвику*,
Журка клюнул *Пустынника*, тот за хвост *Асмодея*,
Начал бодать *Асмодей Громобоя*, а этот облапил,
Сморщась, как дряхлый сморчок, *Светлану*. Одна лишь *Кассандра*
Тихо и ясно, как пень благородный, с своим протоколом,
Ушки сжавши и рыльце подняв к милосердому небу,
В креслах сидела. „Уймись, Арзамас! — возгласила Кассандра.—
Или гармония пуза Эоловой Арфы тебя изумила?
Тише ль бурчало оно в часы пресыщенья, когда им
Водка, селедка, конфеты, котлеты, клюква и брюква
Быстро, как вечностью годы и жизнь, поглощались?
Знай же, что ныне пузо бурчит и хлебещет недаром;
Мне — Дельфийский треножник оно. Прорицаю, внимайте!“
Взлезла Кассандра на пузо, села Кассандра на пузе;
Стала с пуза Кассандра, как древле с вершины Синая
Вождь Моисей ко евреям, громко вещать к арзамасцам:
„Братья-друзья арзамасцы! В пузе Эоловой Арфы
Много добра. Не одни в нем кишки и желудок.
Близко пуза, я чувствую, бьется, колышется сердце!
Это сердце, как Весты лампада, горит не сгорая.
Бродит, я чувствую, в темном Дедале, поблизости пуза,
Честный отшельник — душа; она в своем заточенье
Все отразила прельщенья бесов и *душиста добротой!*
(Так говорит об ней Николай Карамзин, наш историк).
Слушайте ж, вот что душа из пуза инкогнито шепчет:
Полно тебе, Арзамас, слоняться бездельником! Полно

Нам, как портным, сидеть на катке и шить на халдеев,
Сгорбясь, дурацкие шанки из пестрых лоскутьев Беседных;
Время проснуться!.. Я вам пример. Я бурчу, забурчите ж,
Братцы, и вы, и с такой же гармонией сладкою. Время,
Время летит. Нас доселе сбирала беспечная шутка;
Несколько ясных минут украла она у бесплодной
Жизни. Но что же? Она уж устала иль скоро устанет.
Смех без веселости — только кривлянье! Старые шутки —
Старые девки! Время прошло, когда по следам их
Рой обожателей мчался! теперь позабыты; в морщинах,
Зубы считают, в разладе с собою, мертвы не живши.
Бойся ж и ты, Арзамас, чтоб не сделаться старою девкой.
Слава — твой обожатель; скорее браком законным
С ней сочетайся! иль будешь бездетен, иль, что еще хуже,
Будешь иметь детей незаконных, не признанных ею,
Светом отверженных, жалких, тебе самому в посрамленье.
О арзамасцы! все мы судьбу испытали; у всех нас
В сердце хранится добра и прекрасного тайна; но каждый,
Жизнью своей охлажденный, к сей тайне уж веру теряет;
В каждом душа, как светильник, горящий в пустыне,
Свет одинокий окрестиыя иглы не осветит. Напрасно
Нам он горит, он лишь мрачность для наших очей озаряет.
Что за отрада нам знать, что где-то в такой же пустыне
Так же тускло и тщетно братский пылает светильник?
Нам от того не светлее! Ближе, друзья, чтоб друг друга
Видеть в лицо и, слившн пламень души (неприступной
Хладу убийственной жизни), достоинства первое благо
(Если уж счастья нельзя) сохранить посреди измененья!
Вместе — великое слово! *Вместе*, твердит, унывая,
Сердце, жадное жизни, томяся бесплодным стремленьем.
Вместе! Оно воскресит нам наши младые надежды.
Что мы розно? Один, увлекаем шумным потоком
Скучной толпы, в мелочных затерялся заботах. Напрасно
Ищет себя, он чужд и себе и другим; каменеет,
К мертвому рабству привыкнув, и, цени свои презирая,
Их разорвать не стремится. Другой, потеряв невозвратно
В миг единый все, что было душою поллжизни,
Вдруг меж развалин один очутился и нового зданья
Строить не смеет; и если бы смел, то где ж ободритель,

Дерзкий создатель — Младость, сестра Вдохновенья?
Над грудой развалин
Молча стоит он и с трепетом смотрит, как Гений унывший
Свой погашает светильник. Иной самому себе незнакомец,
Полный жизни мертвец, себя и свой дар загвоздивший
В гроб, им самим сотворенный, бьется в своем заточенье:
Силен свой гроб разломить, но силе не верит — и гибнет.
Тот, великим желаньем волнуемый, силой богатый,
Рад бы разлить по вселенной — в сиянье ль, в пожаре ль —
свой пламень;
К смелому делу сзывает дружину, но... голос в пустыне.
Отзыва нет! О братья, пред нами во дни упованья
Жизнь необъятная, полная блеска, вдали расстилалась.
Близким стало далекое! Что же? Пред темной завесой,
Вдруг упавшей меж нами и жизнию, каждый стоит безнадежен;
Часто трепещет завеса, есть что-то живое за нею,
Но рука и поднять уж ее не стремится. Нет веры!
Будем ли ж, братья, стоять перед нею с ничтожным покорством?
Вместе, друзья, и она разорвется, и путь нам свободен.
Вместе — наш Гений-хранитель! при нем благодатная *Бодрость*;
Нам оно безопасный приют от судьбы вероломной;
Пусть налетят ее бури, оно для нас уцелеет!
С ним и *Слава*, не рабский криков толпы повторитель,
Но свободный судья современных, потомства наставник;
С ним и *Награда*, не шумная почесть, гремушка младенцев,
Но священное чувство достоинства, внятный не многим
Голос души и с голосом избранных, лучших согласный.
С ним жизнедательный *Труд* с бескорыстною целью — *для пользы*;
С ним и великий Гений — Отечество. Так, арзамасцы!
Там, где во имя Отечества по две руки во едину
Слиты, там и оно присутственно. Братья, дайте же руки!
Все минувшее, все, что в честь ему некогда жило,
С славного царского трона и с тихой обители сельской,
С поля, где жатва на пепле падших бойцов расцветает,
С гроба певцов, с великанских курганов, свидетелей чести,
Всё к нам голос знакомый возносит: мы некогда жили!
Все мы готовили славу, и вы приготовьте потомкам! —
Вместе, друзья! чтоб потомству наш голос был слышен!"
Так говорила Кассандра, холя десницею пузо.
Вдруг наморщилось пузо, Кассандра умолкла, и члены,

Ей поклонясь, подошли приложиться с почтеньем
К пузу в том месте, где пуп цветет лесной сыроежкой.
Тут осанистый Реин разгладил чело, от власов обнаженно,
Важно жезлом волшебным махнул — и явилося нечто
Пышным вратам подобное, к светлому зданью ведущим.
Звездная надпись сияла на них: *Журнал арзамасский.*
Мощной рукою врата растворил он; за ними кипели
В светлом хаосе призраки веков; как гиганты, смотрели
Лики славных из сей оживленныя тучи; над нею
С яркой звездой на главе гением тихим неслося
В свежем гражданском венке божество — *Просвещенье*, дав руку
Грозной и мирной богине *Свободе.* И все арзамасцы,
Пламень ночуя в душе, к вратам побежали... Всё скрылось.
Реин сказал: „Потерпите, голубчики! я еще не достроил;
Будет вам дом, а теперь и ворот одних вам довольно".
Члены, зная, что Реин — искусный строитель, утихли,
Сели опять по местам, и явился, клюкой подпираясь,
Сам Асмодей. Погонял он бичом мериносов Беседы.
Важен пред стадом тащился старый баран, волочивший
Тяжкий курдюк на скрипящих колесах,— Шишков седорунный;
Рядом с ним Шутовской, овца брюхатая, охал.
Важно вез назади осел Голенищев-Кутузов
Тяжкий с притчами воз, а на козлах мартышка
В бурке, граф Дмитрий Хвостов, тряслась; и, качаясь на дышле,
Скромно висел в чемодане домашний тушканчик Вздыхалов.
Стадо загнавши, воткнул Асмодей на вилы Шишкова,
Отдал честь Арзамасу и начал китайские тени
Членам показывать. В первом явленье предстала
С кипой журналов Политика, рот зажимая Цензуре,
Старой кокетке, которую тощий гофмейстер Яценко
Вежливо под руку вел, нестерпимый *Дух* издавая.
Вслед за Политикой вышла Словесность; платье богини
Радужным цветом сияло, и следом за ней ее дети:
С лирой, в венке из лавров и роз, Поэзия-дева
Шла впереди; вкруг нее как крылатые звезды летали
Светлые пчелы, мед свой с цветов чужих и домашних
В дар ей собравшие. Об руку с нею поступью важной
Шла благородная Проза в длинной одежде. Смиренно
Хвост ей несла Грамматика, старая нянька (которой,
Сев в углу на словарь, Академия делала рожи).

Свита ее была многочисленна; в ней отличался
Важный маляр Демид-арзамасец. Он кистью, как древле
Тростью Цирцея, махал, и пред ним, как из дыма, творились
Лица, из видов заемных в свои обращенные виды.
Все покорялось его всемогуществу, даже Беседа
Вежливой чушкою лезла, пыхтя, из-под докторской ризы.
Третья дочь Словесности: Критика с плетью, с метелкой
Шла, опираясь на Вкус и смелую Шутку; за нею
Князь Тюфякин нес на закорках Театр, и нещадно
Кошками секли его Пириды, твердя: не дурачься.
Смесь последняя вышла. Пред нею музы тащили
Чашу большую с ботвиньей; там все переболтано было:
Пушкина мысли, вести о курах с лицом человечьим,
Письма о бедных к богатым, старое заново с новым.
Быстро тени мелькали пред взорами членов одна за другою.
Вдруг все исчезло. Члены захлопали. Вилы пред ними
Важно склонил Асмодей и, стряхнув с них Шишкова,
В угол толкнул сего мериноса; он комом свернулся,
К стенке прижался и молча глазами вертел. Совещанье
Начали члены. Приятно было послушать, как вместе
Все голоса слилися в одну бестолковщину. Бегло
Быстрым своим язычком работала Кассандра, и Реин
Громко шумел; Асмодей воевал на Светлану; Светлана
Бегала взад и вперед с протоколом; впившись в Старушку,
Криком кричал Громобой, упрямясь родить анекдотец.
Арфа курныкала песни. Пустынник возился с Варвиком.
Чем же сумятица кончилась? Делом: журнал состоялся.

II

ПРОТОКОЛ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ ЗАСЕДАНИЯ. ИЮНЬ 1817 г.

Был Арзамас в день Изока и в день, я не знаю, который,
Был Арзамас как не был, ибо все члены от Арфы
Вплоть до Светланы священным сумбуром друг друга душили,
Вот почему Прото⟨ко⟩ла не вышло, а вышел с натугой
Карлик один, протоколец незнатной, достойный Беседы.
Есть же тому и другая причина: жарко Светлане?
А в жар протоколы писать не безделка. Итак, не взыщите.

III

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ. НАЧАЛО ИЮЛЯ 1817 г.

В доме важного Рейна был Арзамас не на шутку,
В том Арзамасе читали законы, читали *Вадима*;
В том Арзамасе Эоловой не было Арфы; слонялась
Арфа беспутная, мучась жестоким, увы! геморроем.
Так как сие заседанье не в счет заседаний обычных,
То и об нем протокол дурной необычно и краткий;
Есть же тому и другая причина; Светлана поела
Плотно весьма земляники в доме Кассандры грекини
С Резвым Котом, служащим в коллегии дел иностранных,
Есть же тому и третья причина: какая? — Не знаю!
Если ж не знаю, то и писать мне не должно,— и так перестанем.

IV

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ. 14 ИЛИ 15 ИЮЛЯ 1817 г.

Пламенный месяц Червен явился, лягнул во Изока,
Сбил его с неба и сам нарядился в парик лучезарный,
Гордо потек по эфиру, сказав арзамасцам: Сбирайтесь!
Но арзамасцы не вдруг собрались; спустя две седмицы
С той норы, как Червен воцарился, они у великого Рейна
В кучку сошлись поболтать о законах; и впрямь поболтали;
Взяв рукописное оных законов святилище, то есть тетрадку,
Где регистратор коллежский Нагибин их написал узорочно,
Рейн прочел их внятно, понятно, приманчивым гласом.
Смирно слушали члены, дослушав, во всем согласились;
Дан был Светлане приказ к подписанью законы представить.
Вот Светлана представила их! Дело с концом: Подпишите!

К ПОРТРЕТУ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ

Для нас рука судьбы в сей мир ее ввела;
Для нас ее душа цвела и созревала;
Как гений радости, она пред нами стала,
И всё прекрасное в себе нам отдала!
С веселой младостью мила, как унованье!
В ней дух к великому растет и возрастет;
Она свой трудный путь с достоинством пройдет:
В ней не обманется России ожиданье!

К МЕСЯЦУ

Снова лес и дол покрыл
Блеск туманный твой:
Он мне душу растворил
Сладкой тишиной.

Ты блеснул... и просветлел
Тихо темный луг:
Так улыбкой наш удел
Озаряет друг.

Скорбь и радость давних лет
Отозвались мне,
И минувшего привет
Слышу в тишине.

Лейся, мой ручей, стремись!
Жизнь уж отцвела;
Так надежды пронеслись;
Так любовь ушла.

Ах! то было и моим,
Чем так сладко жить,
То, чего, расставшись с ним,
Вечно не забыть.

Лейся, лейся, мой ручей,
И журчанье струй
С одинокою моей
Лирой согласуй.

Счастлив, кто от хлада лет
Сердце охранил,
Кто без ненависти свет
Бросил и забыл,

Кто делит с душой родной,
Втайне от людей,
То, что презрено толпой
Или чуждо ей.

МЕЧТА

Ах! если б мой милый был роза-цветок,
Его унесла бы я в свой уголок;
И там украшал бы мое он окно;
И с ним я душой бы жила заодно.

К нему бы в окно ветерок прилетал
И свежий мне запах на грудь навевал;
И я б унывала, им сладко дыша,
И с милым бы, тая, сливалась душа.

Его бы и ранней и поздней норой
Я, нежа, поила струёй ключевой;
Ко мне прилипая, живые листы
Шептали б: „Я милый, а милая ты“.

Не села бы пчелка на милый мой цвет;
Сказала б я: „Меду для пчелки здесь нет;
Для пчелки-летуньи есть шелковый луг;
Моим без раздела останься, мой друг“.

Сильфиды бы легкой слетелись толпой
К нему любоваться его красотой;
И мне бы шепнули, целуя листы:
„Мы любим, что мило, мы любим, как ты".

Тогда б встрепенулся мой милый цветок,
С цветка сорвался бы румяный листок,
К моей бы щеке распаленной пристал
И пурпурным жаром на ней заиграл.

Родная б спросила: „Что, друг мой, с тобой?
Ты вся разгорелась, как день молодой".—
„Родная, родная,— сказала бы я,—
Мне в душу свой запах льет роза моя".

УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

Откуда, звездочка-краса?
Что рано так на небеса
В одежде праздничной твоей,
В огне блистающих кудрей,
В красе воздушно-голубой,
Умывшись утренней росой?

Ты скажешь: встала раньше нас?
Ан нет! мы жнем уж целый час;
Не счесть накиданных снопов.
Кто встал до дня, тот днем здоров;
Бодрей глядит на Божий свет;
Ему за труд вкусней обед.

Другой привык до полдня спать;
Зато и утра не видать.
А жнец с восточною звездой
Всегда встает перед зарей.
Работа рано поутру —
Досуг и песни ввечеру.

А птички? Все давно уж тут;
Играют, свищут и поют;
С куста на куст, из сени в сень;
Кричат друг дружке: „Добрый день!“
И томно горлинки журчат;
Да чу! и к завтрене звонят.

Везде молитва началась:
„Небесный царь, услыши нас;
Твое владычество приди;
Нас в искушенье не введи;
На путь спасения наставь
И от лукавого избавь“.

Зачем же звездочка-краса
Всегда так рано в небеса?..
Звезда-подружка там горит.
Пока родное солнце спит,
Спешат увидеться оне
В уединенной вышине.

Тайком сквозь дремлющий рассвет
Она за милою вослед
Бежит, сияя, на восток;
И будит ранний ветерок;
И, тихо вея с высоты,
Он милой шепчет: „Где же ты?“

Но что ж? Увидеться ли?.. Нет.
Спешит за ними солнце вслед.
Уж вот оно: восток зажгло,
Свой алый завес подняло,
Надело знойный свой убор
И ярко смотрят из-за гор.

А звездочка?.. Уж не блестит;
Печально-бледная, бежит;
Подружке шепчет: „Бог с тобой!“
И скрылась в бездне голубой.
И солнце на небе одно,
Великолепно и красно.

Идет по светлой высоте
В своей спокойной красоте;
Затеплился на церкви крест;
И тонкий пар встает окрест;
И взглянет лишь куда оно,
Там мигом все оживлено.

На кровле аист нос острит;
И в небе ласточка кружит,
И дым клубится из печей;
И будит мельницу ручей;
И тихо рдеет темный бор;
И звучно в нем стучит топор.

Но кто там в утренних лучах
Мелькнул и спрятался в кустах?
С ветвей посыпалась роса.
Не ты ли, девица-краса,
Душе сказалася моей
Веселой прелестью своей?

Будь я восточною звездой
И будь на тверди голубой,
Моя звезда-подружка, ты
И мне сияй из высоты —
О звездочка, душа моя,
Не испугался б солнца я.

К НЕЙ

Имя где для тебя?
Не сильно смертных искусство
Выразить прелесть твою!

Лиры нет для тебя!
Что песни? Отзыв неверный
Поздней молвы об тебе!

Если бы сердце могло быть
Им слышно, каждое чувство
Было бы гимном тебе!

Прелесть жизни твоей,
Сей образ чистый, священный,
В сердце, как тайну, ношу.

Я могу лишь любить,
Сказать же, как ты любима,
Может лишь вечность одна!

* * *

Кто слез на хлеб свой не ронял,
Кто близ одра, как близ могилы,
В ночи, бессонный, не рыдал,—
Тот вас не знает, вышни силы!

На жизнь мы брошены от вас!
И вы ж, дав знаться нам с виною,
Страданью выдаете нас,
Вину преследуете мздою.

ПЕСНЯ

Кольцо души-девицы
Я в море уронил;
С моим кольцом я счастье
Земное погубил.

Мне, дав его, сказала:
„Носи! не забывай!
Пока твое колечко,
Меня своей считай!“

Не в добрый час я невод
Стал в море полоскать;
Кольцо юркнуло в воду;
Искал... но где сыскать!..

С тех пор мы как чужие!
Приду к ней — не глядит!
С тех пор мое веселье
На дне морском лежит!

О ветер полуночный,
Проснися! будь мне друг!
Схвати со дна колечко
И выкати на луг.

Вчера ей жалко стало:
Нашла меня в слезах!
И что-то, как бывало,
Зажглось у ней в глазах!

Ко мне подсела с лаской,
Мне руку подала,
И что-то ей хотелось
Сказать, но не могла!

На что твоя мне ласка!
На что мне твой привет!
Любви, любви хочу я.
Любви-то мне и нет!

Ищи, кто хочет, в море
Богатых янтарей...
А мне мое колечко
С надеждою моей.

УТЕШЕНИЕ В СЛЕЗАХ

„Скажи, что так задумчив ты?
Все весело вокруг;
В твоих глазах печали след;
Ты, верно, плакал, друг?“

„О чем грущу, то в сердце мне
Запало глубоко;
А слезы... слезы в сладость нам;
От них душе легко“.

„К тебе ласкаются друзья,
Их ласки не дичись;
И что бы ни утратил ты,
Утратой поделись“.

„Как вам, счастливцам, то понять,
Что понял я тоской?
О чем... но нет! оно мое,
Хотя и не со мной“.

„Не унывай же, ободрись;
Еще ты в цвете лет;
Ищи — найдешь; отважным, друг,
Несбыточного нет“.

„Увы! напрасные слова!
Найдешь — сказать легко;
Мне до него, как до звезды
Небесной, далеко“.

„На что ж искать далеких звезд?
Для неба их краса;
Любуйся ими в ясну ночь,
Не мысли в небеса“.

„Ах! я любуюсь в ясный день;
Нет сил и глаз отвесть;
А ночью... ночью плакать мне,
Покуда слезы есть“.

МИНА

Романс

Я знаю край! там негой дышит лес,
Златой лимон горит во мгле древес,
И ветерок жар неба холодит,
И тихо мирт и гордо лавр стоит...
Там счастье, друг! туда! туда
Мечта зовет! Там сердцем я всегда!

Там светлый дом! на мраморных столбах
Поставлен свод; чертог горит в лучах;
И ликов ряд недвижимых стоит;
И, мнится, их молчанье говорит...
Там счастье, друг! туда! туда
Мечта зовет! Там сердцем я всегда!

Гора там есть с заоблачной тропой!
В туманах мул там путь находит свой;
Драконы там мутят ночную мглу;
Летит скала и воды на скалу!..
О друг, пойдем! туда! туда
Мечта зовет!.. Но быть ли там когда?

ЖАЛОБА ПАСТУХА

На ту знакомую гору
Сто раз я в день прихожу,
Стою, склоняся на посох,
И в дол с вершины гляжу.

Вздохнув, медлительным шагом
Иду вослед я овцам
И часто, часто в долину
Схожу, не чувствуя сам.

Весь луг но-нрежнему полон
Младой цветов красоты;
Я рву их — сам же не знаю,
Кому отдать мне цветы.

Здесь часто в дождик и в гро́зу
Стою, к земле пригвожден;
Все жду, чтоб дверь отворилась...
Но то обманчивый сон.

Над милой хижинкой светит,
Видаю, радуга мне...
К чему? Она удалилась!
Она в чужой стороне!

Она все дале! все дале!
И скоро слух замолчит!
Бегите ж, овцы, бегите!
Здесь горе душу томит!

РЕЧЬ В ЗАСЕДАНИИ „АРЗАМАСА“

Братья-друзья арзамасцы! Вы протокола послушать,
Верно, надеялись. Нет протокола! О чем протоколить?
Всё позабыл я, что было в прошедшем у нас заседанье!
Всё! да и нечего помнить! С тех пор, как за ум мы взялися,
Ум от нас отступился! Мы перестали смеяться —
Смех заступила зевота, чума окаянной Беседы!
Даром что эта Беседа давно околела — зараза
Все еще в книжках Беседы осталась — и нет карантинов!
Кто-нибудь, верно, из нас, не натершись „Опасным соседом“,
Голой рукой прикоснулся к „Чтенью“ в Беседе иль вытер,
Должной не взяв осторожности, свой анфедрон рассужденьем
Деда седого о слоге седом — я не знаю! а знаю
Только, что мы ошалели! что лень, как короста,
Нас обленила! дело не любим! безделью ж отдались!
Мы написали законы; Зегельхен их переплел и слупил с нас

Восемь рублей и сорок копеек — и всё тут! Законы
Спят в своем переплете, как мощи в окованной раке!
Мы от них ожидаем чудес — но чудес не дождемся.
Между тем, Реин усастый, нас взбаламутив, дал тягу
В Киев и там в Днепре утопил любовь к Арзамасу!
Реин давно замолчал, да и мы не очень воркуем!
Я, Светлана, в графах таблиц, как будто в тенетах,
Скорчась сижу; Асмодей, распростившись с халатом свободы,
Лезет в польское платье, поет мазурку и учит
Польскую азбуку; Резвый Кот всех умнее; мурлычет
Нежно *люблю* и просится в церковь к налою; Кассандра,
Сочным бивстексом пленяся, коляску ставит на сани,
Скачет от русских метелей к британским туманам и гонит
Челн Очарованный к квакерам за море; Чу в Цареграде
Стал не Чу, а чума, и молчит; Ахилл, по привычке,
Рыщет и места нигде не согреет; Сверчок, закопавшись
В щелку проказы, оттуда кричит к нам в стихах: я ленюся.
Арфа, всегда неизменная Арфа, молча жиреет!
Только один Вот-я-вас усердствует славе; к бессмертью
Скачет он на рысях; припряг в свою таратайку
Брата Кабуда к Пегасу, и сей осел вот-я-васов
Скачет, свернувшись кольцом, как будто в „Опасном соседе“!
Вслед за Кабудом, друзья! Перестанем лениться! быть худу!
Быть бычку на веревочке! быть Арзамасу Беседой!
Вы же, почетный наш баснописец, вы, нам доселе
Бывший прямым образцом и учителем русского слога,
Вы, впервой заседающий с нами под знаменем Гуся,
О, помолитесь за нас, погруженных бесстыдно в пакость Беседы!
Да спадет с нас беседная пакость, как с гуся вода! Да воскреснем.

ЛИСТОК

От дружной ветки отлученный,
Скажи, листок уединенный,
Куда летишь?.. „Не знаю сам;
Гроза разбила дуб родимый;
С тех нор, по долам, по горам
По воле случая носимый,
Стремлюсь, куда велит мне рок,
Куда на свете *все* стремится,
Куда и лист лавровый мчится
И легкий розовый листок".

НОВАЯ ЛЮБОВЬ — НОВАЯ ЖИЗНЬ

Что с тобой вдруг, сердце, стало?
Что ты ноешь? Что опять
Закипело, запылало?
Как тебя растолковать?
Все исчезло, чем ты жило,
Чем так сладостно грустило!
Где беспечность? где покой?..
Ах, что сделалось с тобой?

Расцветающая ль младость,
Речи ль, полные душой,
Взора ль пламенная сладость
Овладели так тобой?
Захочу ли ободриться,
Оторваться, удалиться —
Бросить томный, томный взгляд!
Ах! я к ней лечу назад!

Я неволен, очарован!
Я к неволе золотой,
Обессиленный, прикован
Шелковинкою одной!
И бежать очарованья
Нет ни силы, ни желанья!
Рад тоске! хочу любить!..
Видно, сердце, так и быть!

ПЕРВАЯ УТРАТА

Вы промчались, дни прекрасны,
Время первой любви и счастья!
Ах! Когда б хотя мгновенье
Жизни прошлой воротить!

Я грущу в уединенье!
Трачу жалобы напрасно!
Счастью милому не быть!

Вы промчались, дни прекрасны!
И душа отвыкла жить.

ЦВЕТЫ

С приветом ласки нас встречайте!
Мы к вам идем из глубины!
Но, видя нас, не вопрошайте,
Какой страной мы рождены.

Как семя каждою весною
Цветком восходит вас пленять
Благоуханной красотою —
Не тщитесь тайны сей познать.

Мы спим во тьме уединения,
Недостижимой для очес;
Выводит нас из заточения
Одно могущество небес!

Лишь тронет солнце нас сиянием,
Нам станет тесен хладный дом;
И сладким двигнуты призванием
К веселой жизни восстаем!

Любовь как цвет — никто не знает,
Когда бывает рождена;
Глубоко в сердце ожидает
Лучей создательных она!

И только к сердцу прикоснулось
Очарованье милых глаз —
Желанье смутное проснулось
И жизнь в нем страстию зажглась.

Цветы умрут — когда сияния
С небес им солнце не прольет.
Когда любовь без упования —
Душа любовию умрет.

* * *

В ту минуту, когда ты в белой брачной одежде,
Вышнего, тайного мира невеста, земную корону
Тихо сняла и земле возвратила, и в свежем из зрелой
Жатвы венце от нас полетела... всё зарыдало;
Плакал — кто только слыхал о тебе, но более плакал
Знавший тебя; а те, кого прижимала ты к сердцу,
Слез найти не могли, а после уж их не считали.
Время придет; нам завидовать станут в великом, в прекрасном,
Станут завидовать в счастии, нас посетившем, а скорби,
Скорби, с какой от себя мы его проводили, не вспомнят.

В час тот, когда бытие на земле для нея начиналось,
Ангел жизни ея прилетел пред Судьбу и сказал ей:
Много венцов у меня для младенца: из лилий сплетенный
Свежий венец *красоты*, и *брачный* из мирт, и *корона*,
Есть и дубовый венец героической *чести* германской;
Есть и *терновый* — который избрать повелишь для младенца?
Все избираю, сказала Судьба. Но остался единый,
Всё награждающий. В день испытанья, когда появился
Смерти венец на высоком челе, унывающий ангел
Снова предстал... и одне лишь слезы его вопрошали.
Голос раздался: *воззри*! Он воззрел — перед ним *Искупитель*.

ДЕРЕВЕНСКИЙ СТОРОЖ В ПОЛНОЧЬ

Полночь било; в добрый час!
Спите, Бог не спит за нас!

Как все молчит!.. В полночной глубине
Окрестность вся как будто притаилась;
Нет шороха в кустах; тиха дорога;
В пустой дали не простучит телега,
Не скрипнет дверь; дыханье не провеет,
И коростель замолк в траве болотной.
Все, все теперь под занавесом спит;
И легкою ль, неслышною стопою
Прокрался здесь бесплотный дух... не знаю.
Но чу... там пруд шумит; перебираясь
По мельничным колесам неподвижным,
Сонливою струёй бежит вода;
И ласточка тайком ползет по бревнам
Под кровлю; и сова перелетела
По небу тихому от колокольни;
И в высоте, фонарь ночной, луна
Висит меж облаков и светит ясно,
И звездочки в дали небесной брезжут...
Не так же ли, когда осенней ночью,
Измокнувший, усталый от дороги,

Придешь домой, еще не видишь кровель,
А огонек уж там и тут сверкает?..
Но что ж во мне так сердце разгорелось?
Что на душе так радостно и смутно?
Как будто в ней по родине тоска!
Я плачу... но о чем? И сам не знаю!

Полночь било; в добрый час!
Спите, Бог не спит за нас!

Пускай темно на высоте;
Сияют звезды в темноте.
То свет родимой стороны;
Про нас они там зажжены.

Куда идти мне? В нижнюю деревню,
Через кладбище?.. Дверь отворена.
Подумаешь, что в полночь из могил
Покойники выходят навестить
Свое село, проведать, все ли там,
Как было в старину. До сей норы,
Мне помнится, еще ни одного
Не встретил я. Не прокричать ли: *полночь!*
Покойникам?.. Нет, лучше по гробам
Пройду я молча, есть у них на башне
Свои часы. К тому же... как узнать!
Прошла ль уже их полночь или нет?
Быть может, что теперь лишь только тьма
Сгущается в могилах... ночь долга;
Быть может также, что струя рассвета
Уже мелькнула и для них... кто знает?
Как смирно здесь! знать, мертвые покойны?
Дай бог!.. Но мне чего-то страшно стало.
Не все здесь умерло: я слышу, ходит
На башне маятник... ты скажешь, бьется
Пульс времени в его глубоком сне.
И холодом с вершины дует полночь;
В лугу ее дыханье бродит, тихо
Соломою на кровлях шевелит
И пробирается сквозь тын со свистом,

И сыростью от стен церковных пашет —
Окончины трясутся, и порой
Скрипит, качаясь, крест — здесь подувает
Оно в открытую могилу... Бедный Фриц!
И для тебя готовят уж постелю,
И каменный покров лежит при ней,
И на нее огни отчизны светят.

Как быть! а всем одно, всех на пути
Застигнет сон... что ж нужды! все мы будем
На милой родине; кто на кладбище
Нашел постель — в час добрый; ведь могила
Последний на земле ночлег; когда же
Проглянет день и мы, проснувшись, выйдем
На новый свет, тогда пути и часу
Не будет нам с ночлега до отчизны.

Полночь било; в добрый час!
Спите, Бог не спит за нас!

Сияют звезды с вышины,
То свет родимой стороны:
Туда через могилу путь;
В могиле ж... только отдохнуть.

Где был я? где теперь? Иду деревней;
Прошел через кладбище... Все покойно
И здесь и там... И что ж деревня в полночь?
Не тихое ль кладбище? Разве там,
Равно как здесь, не снят, не отдыхают
От долгия усталости житейской,
От скорби, радости, под властью Бога,
Здесь в хижине, а там в сырой земле,
До ясного, небесного рассвета?

А он уж недалёко... Как бы ночь
Ни длилася и неба ни темнила,
А все рассвета нам не миновать.
Деревню раз, другой я обойду —
И петухи начнут мне откликаться,

И воздух утренний начнет в лицо
Мне дуть; проснется день в бору, отдернет
Небесный занавес, и утро тихой
Струёй прольется в сумрак; наконец
Посмотришь: холм, и дол, и лес сияют;
Все встрепенулося; там ставень вскрылся,
Там отворилась дверь; и все очнулось,
И всюду жизнь свободная взыграла.
Ах! царь небесный, что за праздник будет,
Когда последняя промчится ночь!
Когда все звезды, малые, большие,
И месяц, и заря, и солнце вдруг
В небесном пламени растают, свет
До самой глубины могил прольется,
И скажут матери младенцам: *утро!*
И всё от сна пробудится; там дверь
Тяжелая отворится, там ставень;
И выглянут усопшие оттуда!..
О, сколько бед забыто в тихом сне!
И сколько ран глубоких в самом сердце
Исцелено! Встают, здоровы, ясны;
Пьют воздух жизни; он вливает крепость
Им в душу... Но когда ж тому случиться?

Полночь била; в добрый час!
Спите, Бог не спит за нас!

Еще лежит на небе тень;
Еще далеко светлый день;
Но жив Господь, он знает срок:
Он вышлет утро на восток.

ТЛЕННОСТЬ

Разговор на дороге, ведущей в Базель, в виду развалин замка Ретлера, вечером

В н у к

Послушай, дедушка, мне каждый раз,
Когда взгляну на этот замок Ретлер,
Приходит в мысль: что, если то ж случится
И с нашей хижинкой?.. Как страшно там!
Ты скажешь: смерть сидит на этих камнях.
А домик наш?.. Взгляни: как будто церковь,
Светлеет на холме, и окна блещут.
Скажи ж, как может быть, чтобы и с ним
Случилось то ж, что с этим старым замком?

Д е д у ш к а

Как может быть?.. Ах! друг мой, это будет.
Всему черед: за молодостью вслед
Тащится старость: все идет к концу
И ни на миг не постоит. Ты слышишь:
Без умолку шумит вода; ты видишь:
На небесах сияют звезды; можно
Подумать, что они ни с места... нет!
Все движется, приходит и уходит.
Дивись, как хочешь, друг, а это так.
Ты молод; я был также молод прежде,
Теперь уж все иное... старость, старость!
И что ж? Куда бы я ни шел — на нашню,
В деревню, в Базель — все иду к кладбищу!
Я не тужу... и ты, как я, созреешь.
Тогда посмотришь, где я?.. Нет меня!
Уж вкруг моей могилы бродят козы;
А домик, между тем, дряхлей, дряхлей;
И дождь его сечет, и зной налит,
И тихомолком червь буравит стены,
И в кровлю течь, и в щели свищет ветер...
А там и ты закрыл глаза; детей
Сменили внуки; то чини, другое;

А там и нечего чинить... все сгнило!
А поглядишь: лет тысяча прошло —
Деревня вся в могиле; где стояла
Когда-то церковь, там соха гуляет.

Внук

Ты шутишь: быть не может!

Дедушка

Будет, будет!
Дивись, как хочешь, друг; а это так!
Вот Базель наш... сказать, прекрасный город!
Домов не счесть — иной огромней церкви;
Церквей же боле, чем в иной деревне
Домов; все улицы кипят народом;
И сколько ж добрых там людей!.. Но что же?
Как многих нет, которых я, бывало,
Встречал там... где они? Лежат давно
За церковью и снят глубоким сном.
Но только ль, друг? Ударит час — и Базель
Сойдет в могилу; кое-где, как кости,
Выглядывать здесь будут из земли:
Там башня, там стена, там свод упадший
На них же, по местам, береза, куст,
И мох седой, и в нем на гнездах цапли...
Жаль Базеля! А если люди будут
Все так же глупы и тогда, как нынче,
То заведутся здесь и привиденья,
И черный волк, и огненный медведь,
И мало ли...

Внук

Не громко говори;
Дай мост нам перейти; там у дороги,
В кустарнике, прошедшею весной
Похоронен утопленник. Смотри,
Как пятится Гнедко и уши поднял;
Глядит туда, как будто что-то видит.

Дедушка

Молчи, глупец; Гнедко пужлив: там куст
Чернеется — оставь в покое мертвых,
Нам их не разбудить; а речь теперь
О Базеле; и он в свой час умрет.
И много, много лет спустя, быть может,
Здесь остановится прохожий: взглянет
Туда, где нынче город... там все чисто,
Лишь солнышко над пустырем играет;
И спутнику он скажет: „В старину
Стоял там Базель; эта груда камней
В то время церковью Петра была...
Жаль Базеля".

Внук

Как может это статься?

Дедушка

Не верь иль верь, а это не минует.
Придет пора — сгорит и свет. Послушай:
Вдруг о полуночи выходит сторож —
Кто он, не знают — он не здешний; ярче
Звезды блестит он и гласит: *Проснитесь!*
Проснитесь, скоро день!.. Вдруг небо рдеет
И загорается, и гром сначала
Едва стучит; потом сильней, сильней;
И вдруг отвсюду загремело; страшно
Дрожит земля; колокола гудят
И сами свет сзывают на молитву:
И вдруг... все молится; и всходит день —
Ужасный день: без утра и без солнца;
Все небо в молниях, земля в блистанье;
И мало ль что еще!.. Все, наконец,
Зажглось, горит, горит и прогорает
До дна, и некому тушить, и само
Потухнет... Что ты скажешь? Какова
Покажется тогда земля?

Внук

Как страшно!
А что с людьми, когда земля сгорит?

Дедушка

С людьми?.. Людей давно уж нет: они...
Но где они?.. Будь добр; смиренным сердцем
Верь Богу; береги в душе невинность —
И все тут!.. Посмотри: там светят звезды;
И что звезда, то ясное селенье;
Над ними ж, слышно, есть прекрасный город;
Он невидим... но будешь добр, и будешь
В одной из звезд, и будет мир с тобою;
А если Бог посудит, то найдешь
Там и своих: отца, и мать, и... деда.
А может быть, когда идти случится
По Млечному Пути в тот тайный город,—
Ты вспомнишь о земле, посмотришь вниз
И что ж внизу увидишь? *Замок Ретлер.*
Все в уголь сожжено; а наши горы,
Как башни старые, чернеют; вкруг
Зола; в реке воды нет, только дно
Осталося пустое — мертвый след
Давнишнего потока; и все тихо,
Как гроб. Тогда товарищу ты скажешь:
„Смотри: там в старину земля была;
Близ этих гор и я живал в ту нору,
И нас коров, и сеял, и нахал;
Там деда и отца отнес в могилу;
Был сам отцом, и радостного в жизни
Мне было много; и Господь мне дал
Кончину мирную... и здесь мне лучше“.

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Знать, солнышко утомлено:
За горы прячется оно;
Луч погашает за лучом
И, алым тонким облачком
Задернув лик усталый свой,
Уйти готово на покой.

Пора ему и отдохнуть;
Мы знаем, летний долог путь.
Везде ж работа: на горах,
В долинах, в рощах и лугах;
Того согрей; тем свету дай
И всех притом благословляй.

Буди заснувшие цветы
И им расписывай листы;
Потом медвяною росой
Пчелу-работницу напой
И чистых капель меж листов
Оставь про резвых мотыльков.

Зерну скорлупку расколи
И молодую из земли
Былинку выведи на свет;
Пичужкам приготовь обед;
Тех приюти между ветвей;
А тех на гнездышке согрей.

И вишням дай румяный цвет;
Не позабудь горячий свет
Рассыпать на зеленый сад,
И золотистый виноград
От зноя листьями прикрыть,
И колос зрелостью налить.

А если жар для стад жесток,
Смани их к роще в холодок;
И тучку темную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугой с небес
Сойди на темный луг и лес.

А где под острою косой
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сияй
И сено в копны собирай,
Чтоб к ночи луг от них пестрел
И с ними ряд возов скрипел.

Итак, совсем немудрено,
Что разгорелося оно,
Что отдыхает на горах
В полупотухнувших лучах
И нам, сходя за небосклон,
В прохладе шепчет: „Добрый сон".

И вот сошло, и свет потух;
Один на башне лишь петух
За ним глядит, сияя, вслед...
Гляди, гляди! В том пользы нет!
Сейчас оно перед тобой
Задернет алый завес свой.

Есть и про солнышко беда:
Нет ладу с сыном никогда.
Оно лишь только в глубину,
А он как раз на вышину;
Того и жди, что заблестит;
Давно за горкой он сидит.

Но что ж так медлит он вставать?
Все хочет солнце переждать.
Вставай, вставай, уже давно
Заснуло в сумерках оно.
И вот он всходит; в дол глядит
И бледно зелень серебрит.

И ночь уж на небо взошла
И тихо на небе зажгла
Гостеприимные огни;
И все замолкнуло в тени;
И по долинам, по горам
Все спит... Пора ко сну и нам.

⟨ОБЕТЫ⟩

Будьте, о духи лесов, будьте, о нимфы потока,
Верны далеким от вас, доступны близким друзьям!
Нет их, некогда здесь беспечною жизнию живших;
Мы, сменя их, им вслед смиренно ко счастью идем.
С нами, Любовь, обитай, богиня радости чистой!
Жизни прелесть она, близко далекое с ней!

ГОРНАЯ ДОРОГА

Над страшною бездной дорога бежит,
Меж жизнью и смертию мчится;
Толпа великанов ее сторожит;
Погибель над нею гнездится.
Страшись пробужденья лавины ужасной:
В молчанье пройди по дороге опасной.

Там *мост* через бездну отважной дугой
С скалы на скалу перегнулся;
Не смертною был он поставлен рукой —
Кто смертный к нему бы коснулся?
Поток под него разъяренный бежит;
Сразить его рвется и ввек не сразит.

Там, грозно раздавшись, стоят *ворота*:
Мнишь: область теней пред тобою;
Пройди их — долина, долин красота,
Там осень играет с весною.
Приют сокровенный! желанный предел!
Туда бы от жизни ушел, улетел.

Четыре *потока* оттуда шумят —
Не зрели их выхода очи.
Стремятся они на восток, на закат,
Стремятся к полудню, к полночи;
Рождаются вместе; родясь, расстаются;
Бегут без возврата и ввек не сольются.

Там в блеске небес два *утеса* стоят,
Превыше всего, что земное;
Кругом облака золотые кипят,
Эфира семейство младое;
Ведут хороводы в стране голубой;
Там не был, не будет свидетель земной.

Царица сидит высоко и светло
На вечно незыблемом троне;
Чудесной красой обвивает чело
И блещет в алмазной короне;
Напрасно там солнцу сиять и гореть:
Ее золотит, но не может согреть.

К ВАРВАРЕ ПАВЛОВНЕ УШАКОВОЙ И ГР. ПРАСКОВЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ ХИЛКОВОЙ В Гатчине

I

Не грех ли вам, прекрасная графиня,
С Варварой Павловной соседа забывать?
Ее высочество великая княгиня
Сейчас за тайну мне изволила сказать,

Что вы давно уж прочитали
Тот розовый роман,
В котором нехристи так мучат христиан,
Где есть Малек-Адель, Матильда, Лузиньян,
И прочее. Вам нет заботы. Вы узнали,
Чем кончилась беда в Рихардовых шатрах:
Соединился ль он с женою,
И что случилось с той чудесною сестрою,
Которой нравится герой Малек-Адель,
Как итальянцу вермишель.
Но я, признаться вам, в великом затрудненье
И только что успел войти в Птолемаис,
Вокруг меня еще и драки и волненье,
И нехристи еще шуметь не унялись;
В таком опасном положенье
Кому приятно быть?
К тому ж, хотел бы я (готов и в том признаться)
Скорей до свадьбы дочитаться,
Малек-Аделя окрестить
И на монахине женить.
Прошу вас, горю помогите
И розовый роман Жуковскому пришлите.

II

Варвара Павловна! графиня! помогите,
От вас одних отрады жду!
Хотите ль знать мою беду?
Прочтите:
Вчера, известно вам, мы вместе за столом
Ее высочества великия княгини
Обедали; был спор о том и о другом;
Потом
Мне помнится, упал из рук графини
(Любезнейшей из всех любезных Катерин)
Неосторожный апельсин;
Потом наш граф Моден, с приятнейшим приветом,
Назло соседкам злым, мне в шляпу положил
Матильду и с причетом:

С Агнесой, Глостером, с угрюмою толпой
Степных разбойников, с святым анахоретом,
С Малек-Аделем и с войной.
И я подумал: в шляпе дело!
Пришел домой,
Но что же? Боже мой!
Уж в шляпе у меня несчастие скипело.
Матильда, чтоб спасти Рихардову жену,
Осталася в плену,
Глазами плакала, а сердцем восхищалась,
Что пленницей осталась;
Герой Малек-Адель, как ветреный дитя,
Пустился в разные проказы:
Рассудка здравого послушать не хотя,
Забыв султановы указы,
Матильду он с собой на шлюпку посадил;
И в первый раз тогда великолепный Нил
Увидел, как деспот Востока
К ногам невольницы смиренно положил
Могущество, любовь, желанье и пророка.
Но были б все его труды по пустякам,
Когда б не вздумалось Матильде по пескам
Пустынным прогуляться,
Чтоб незнакомому отшельнику признаться
В такой вине, в которой без вины
Мы были, будем, быть должны
Обвинены!
Матильда каялась — но, к счастью, не успела
Докаяться; толпа разбойников степных
В час добрый налетела,
Чтоб исповедь прервать; и тут все следом им,
Как будто по звонку, явился
Малек-Адель герой
С мечом, с верблюдами, палаткой и водой.
С разбойниками он нимало не чинился,
Он попросту их всех оставил без голов;
Матильду ж взял; с отцом духовным не простился
И был таков!
И на пути, в степи, под страшным зноем
Полумонахиня была обручена

С полукрестившимся героем,
И рад был этому проказник сатана!
Но это ли беда? беда над головою!
Султан, разгневанный сей свадьбою стенною,
Отправил палачей за мужем и женою.
Матильда, правда, спасена,
Но друг Малек-Адель!.. Что будет он несчастной?
Я в шляпе роюся напрасно:
В ней ничего уж боле нет.
Соседки, сжальтеся! мне третий том пришлите;
Или... тогда уж не шутите —
Сойдет с ума сосед!

III

Графиня, можно ль так неблагодарной быть!
Такое качество ужели вас достойно!
Могли ль, скажите, вы так жестоко забыть
То, что служило вам, себя позабывая!
Я нынче поутру, окончив свой урок
И красный свой портфель смиренно запирая,
Уж шляпу в руки брал и в темный уголок
Из светлого дворца готов был перебраться,
Как вдруг пред зеркалом на мраморной доске
Увидел — что? нельзя самим вам догадаться!
Малек-Аделя? Нет! Но то, что на руке
Малекаделевой, я думаю, бывало;
Что в тот сердитый век, когда существовал
Блаженной памяти Малек-Адель, давало
Знак к бою, что теперь годится лишь на бал;
Что с места не сойдет, хоть десять ног имеет;
Что страшно сморщится, лишь только опустеет,
Но что, наполнившись, умеет все: играть
В пикет, вязать чулки, записочки писать,
В романах, не читав, листы перебирать,
Бить по щекам, подчас трепать их с нежной лаской;
Что служит, так сказать, спасительною маской,
Но только не к лицу, не с тем, чтобы в обман

Вводить смиренных христиан,
Но с тем, чтоб прелестей не тронул злой, сердитый,
Еще скажу: оно всегда кое-как сшито
Из тонкой кожицы бывает всех цветов.
И то, которое теперь в руках поэта,
Есть бледно-палевого цвета,
И он уж этот цвет своим признать готов.
Скажу вам: долго я стоял в недоуменье,
Смотря, как бедное бездушное творенье
В морщинах скомкавшись, измятое, одно
На мраморном столе забытое лежало
И жизнь ничтожную собой изображало.
Давно ль, подумал я, оно
Одеждой красоты одушевленно было
И с нею жизнью нераздельной жило?
Но что ж теперь? Не то ль, что будет всяк из нас
В тот неизбежный час,
Когда рука судьбины,
Измяв и скомкав нас, набив на нас морщины,
Сперва положит нас на стол,
Потом нас со стола отправит в заточенье
На вечное забвенье.
Забвенье! можно ль? Нет! Но то, что я нашел,
Не будет позабыто!
Для славы вечныя оно из лайки сшито!
И не износится в моих стихах оно!
Но чувствую давно,
Что время объяснить, графиня, мне загадку.
Извольте ж знать:
Нашел я вашего сиятельства перчатку!
Но знайте, вам ее до тех пор не видать,
Пока четвертого мне тома не пришлете
Матильды — признаюсь (вы, верно, назовете
Меня глупцом или, учтивей, чудаком),
Чтоб разлюбить любовь, довольно попытаться
Прочесть *Матильду* раз:
Каких наделала любовь смешных проказ!
Агнесу не она ль заставила подраться?
Герой Монморанси не ею ли убит?
Но только ль? Тот, кто всех и учит, и бранит,

Не спасся от ее магического хмеля:
Преосвященнейший Гильом
К неверным в стан отправился пешком
В глазах у нехристей крестить Малек-Аделя.
Смиряся, в сватовство пустился Солиман,
Малек-Адель, зайдя тайком в Рихардов стан,
Матильду испугал, словами нокусался,
С соперником хотел подраться и не дрался,
Потом, хоть рад, хотя не рад,
Туда, где ждал его величественный брат,
Отправился, но с тем, чтоб с ним прийти назад,
Чтоб над могилою с Матильдой повидаться,
Примерно полежать во гробе мертвецом,
И с Лузиньяном не подраться,
И за святым отцом
Гильомом побежать, его из заточенья
Снасти, привесть назад, затем, чтоб он в совет
Войдя, сказал сердито: нет!
И не дал бы ему на брак благословенья!
Посмотрим, что-то мне последний скажет том!
Признаться, голова от первых трех кружится.
Послушайте, в свой час любовь к вам постучится
И к вам дотронется магическим крылом.
Тогда — прошу вас об одном —
Матильду вспомните: пример ее бесценный!
В предосторожность же примите мой совет:
Узнайте наперед, крещен ли или нет
Малек-Адель, вам обреченный!

ГОСУДАРЫНЕ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ АЛЕКСАНДРЕ ФЕДОРОВНЕ НА РОЖДЕНИЕ В. КН. АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

Послание

Изображу ль души смятенной чувство?
Могу ль найти согласный с ним язык?
Что лирный глас и что певца искусство?..
Ты слышала сей милый первый крик,
Младенческий привет существованью;

Ты зрела блеск проглянувших очей
И прелесть уст, открывшихся дыханью...
О, как дерзну я мыслию моей
Приблизиться к сим тайнам наслажденья?
Он пролетел, сей грозный час мученья;
Его сменил небесный гость Покой
И тишина исполненной надежды;
И, первым сном сомкнув беспечны вежды,
Как ангел, спит твой сын перед тобой...
О матерь! кто, какой язык земной
Изобразит сие очарованье?
Что с жизнию прекрасного дано,
Что нам сулит в грядущем упованье,
Чем прошлое для нас озарено,
И темное к безвестному стремленье,
И ясное для сердца Провиденье,
И что душа небесного досель
В самой себе неведомо скрывала —
То всё теперь без слов тебе сказала
Священная младенца колыбель.
Забуду ль миг, навеки незабвенный?..
Когда шепнул мне тихой вести глас,
Что наступил решительный твой час,—
Безвестности волнением стесненный,
Я ободрить мой смутный дух спешил
На ясный день животворящим взглядом.
О, как сей взгляд мне душу усмирил!
Безоблачны, над пробужденным градом,
Как благодать лежали небеса;
Их мирный блеск, младой зари краса,
Всходящая, как новая надежда;
Туманная, как таинство, одежда
Над красотой воскреснувшей Москвы;
Бесчисленны церквей ее главы,
Как алтари, зажженные востоком,
И вечный Кремль, протекшим мимо Роком
Не тронутый свидетель божества,
И всюду глас святого торжества,
Как будто глас Москвы преображенной...
Все, все душе являло ободренной

Божественный спасения залог.
И с верою, что близко Провиденье,
Я устремлял свой взор на тот чертог,
Где матери священное мученье
Свершалося как жертва в оный час...
Как выразить сей час невыразимый,
Когда еще сокрыто все для нас,
Сей час, когда два ангела незримы,
Податели конца иль бытия,
Свидетели страдания безвластны,
Еще стоят в неведенье, безгласны,
И робко ждут, что скажет Судия,
Кому из двух невозвратимым словом
Иль жизнь, иль смерть велит благовестить?..
О, что в сей час сбывалось там, под кровом
Царей, где миг был должен разрешить
Нам промысла намерение тайно,
Угадывать я мыслью не дерзал;
Но сладкий глас мне душу проникал:
„Здесь Божий мир; ничто здесь не случайно!“
И верила бестрепетно душа.
Меж тем, восход спокойно соверша,
Как ясный Бог, горело солнце славой;
Из храмов глас молений вылетал;
И, тишины исполнен величавой,
Торжественно державный Кремль стоял...
Казалось, все с надеждой ожидало.
И в оный час пред мыслию моей
Минувшее безмолвно воскресало:
Сия река, свидетель давних дней,
Протекшая меж стольких поколений,
Спокойная меж стольких изменений,
Мне славною блистала стариной;
И образы великих привидений
Над ней, как дым, взлетали предо мной;
Мне чудилось: развертывая знамя,
На бой и честь скликал полки Донской;
Пожарский мчал, сквозь ужасы и пламя,
Свободу в Кремль но трупам поляков;
Среди дружин, хоругвей и крестов

Романов брал могущество державы;
Вводил полки бессмертья и Полтавы
Чудесный *Петр* в столицу за собой;
И праздновать звала *Екатерина*
Румянцева с вождями пред Москвой
Ужасный пир Кагула и Эвксина.
И, дальние лета перелетев,
Я мыслию ко близким устремился.
Давно ль, я мнил, горел здесь Божий гнев?
Давно ли Кремль разорванный дымился?
Что зрели мы?.. Во прахе дом Царей;
Бесславие разбитых алтарей;
Святилища, лишенные святыни;
И вся Москва как гроб среди пустыни.
И что ж теперь?.. Стою на месте том,
Где супостат ругался над Кремлем,
Зажженною любуяся Москвою,—
И тишина святая надо мною;
Москва жива; в Кремле семья Царя;
Народ, теснясь к ступеням алтаря,
На празднике великом воскресенья
Смиренно ждет надежды совершенья,
Ждет милого пришельца в Божий свет...
О, как у всех душа заликовала,
Когда молва в громах Москве сказала
Исполненный Создателя обет!
О, сладкий час, в надежде, в страхе жданный!
Гряди в наш мир, младенец, гость желанный!
Тебя узрев, коленопреклонен,
Младой отец пред матерью спасенной
В жару любви рыдает, слов лишен;
Перед твоей невинностью смиренной
Безмолвная праматерь слезы льет;
Уже Москва *своим* тебя зовет...
Но как понять, что в час сей непонятный
Сбылось с твоей, младая мать, душой?
О, для нее открылся мир иной.
Твое дитя, как вестник благодатный,
О лучшем ей сказало бытии;
Чистейшие зажглись в ней упованья;

Не для тебя теперь твои желанья,
Не о тебе днесь радости твои;
Младенчества обвитый пеленами,
Еще без слов, незрящими очами
В твоих очах любовь встречает он;
Как тишина, его прекрасен сон;
И жизни весть к нему не достигала...
Но уж Судьба свой суд об нем сказала;
Уже в ее святилище стоит
Ему испить назначенная чаша.
Что скрыто в ней, того надежда наша
Во тьме земной для нас не разрешит...
Но он рожден в великом граде славы,
На высоте воскресшего Кремля;
Здесь возмужал орел наш двоеглавый;
Кругом него и небо и земля,
Питавшие Россию в колыбели;
Здесь жизнь отцов великая была;
Здесь битвы их за честь и Русь кипели,
И здесь их прах могила приняла —
Обманет ли сие знаменованье?..
Прекрасное Россия упованье
Тебе в твоем младенце отдает.
Тебе его младенческие лета!
От их пелен ко входу в бури света
Пускай тебе вослед он перейдет
С душой, на все прекрасное готовой;
Наставленный: достойным счастья быть,
Великое с величием сносить,
Не трепетать, встречая рок суровый,
И быть в делах времен своих красой.
Лета пройдут, подвижник молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Он полетит в путь опыта и славы...
Да встретит он обильный честью век!
Да славного участник славный будет!
Да на чреде высокой не забудет
Святейшего из званий: *человек*.
Жить для веков в величии народном,
Для блага *всех — свое* позабывать,

Лишь в голосе отечества свободном
С смирением дела свои читать:
Вот правила царей великих внуку.
С тобой ему начать сию науку.
Теперь, едва проснувшийся душой,
Пред матерью, как будто пред Судьбой,
Беспечно он играет в колыбели,
И Радости младые прилетели
Ее покой прекрасный оживлять;
Житейское от ней еще далеко...
Храни ее, заботливая мать;
Твоя любовь — всевидящее око;
В твоей любви — святая благодать.

ОТВЕТ КН. ВЯЗЕМСКОМУ НА ЕГО СТИХИ „ВОСПОМИНАНИЕ“

Ты в утешители зовешь воспоминанье;
Глядишь без прелести на свет!
И раззнакомилось с душой твоей желанье!
И веры к будущему нет!

О друг! в твоем мое мне сердце отозвалось:
Я понимаю твой удел!
И мне вожатым быть желанье отказалось,
И мой светильник побледнел!

Сменил блестящие мечтательного краски
Однообразной жизни свет!
Из-под обманчиво смеющияся маски
Угрюмый выглянул скелет.

На что же, друг, хотеть призвать воспоминанье?
Мечты не дозовемся мы!
Без утоления пробудим лишь желанье;
На небо взглянем из тюрьмы!

МОЛИТВА РУССКОГО НАРОДА

Боже, Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли;
Гордых смирителю,
Слабых хранителю,
Всех утешителю
Всё ниспошли!

Перводержавную,
Русь православную,
Боже, храни!
Царство ей стройное!
В силе спокойное!
Всё ж недостойное
Прочь отжени!

Воинство бранное,
Славой избранное,
Боже, храни!
Воинам-мстителям,
Чести спасителям,
Миротворителям
Долгие дни!

Мирных воителей,
Правды блюстителей,
Боже, храни!
Жизнь их примерную,
Нелицемерную,
Доблестям верную
Воспомяни!

О Провидение!
Благословение
Нам ниспошли!
К благу стремление,
В счастье смирение,
В скорби терпение
Дай на земли!

Будь нам заступником!
Верным Сопутником
Нас провожай!
Светло-прелестная
Жизнь наднебесная,
Сердцу известная,
Сердцу сияй!

⟨БАСНИ ИЗ ЛЕССИНГА⟩

[1]
Лисица и Обезьяна

„Можешь ли мне ты назвать столь искусного зверя, Лисица,
Коему б я подражать не умела?“ — Так говорила
Умной Лисице хвастунья Мартышка. „Нет ты назови мне,—
Ей отвечала Лисица,— столь глупого зверя, который
Вздумал бы в чем тебе подражать!..“ Стихотворцы, поймите!

[2]
Конь и Бык

Быстро на жарком Коне летел Малютка отважный.
То увидя, с досадой Бык Коню закричал: „Как не стыдно!
Я б не позволил Мальчишке собой управлять“.— „Я напротив!—
Конь отвечал на лету.— Что за слава сбросить Мальчишку!“

[3]
Журавль и Лисица

„Ты, Журавль, путешествовал много! Скажи мне, что видел?“ —
Так говорила Журке Лисица. И начал ей Журка

Все те лужи, все те луга описывать, где он
Лучших нашел червяков и таскал вкуснейших лягушек.
Ты в Париже бывал! Скажи ж, у кого там находят
Лучший обед и какие там пил ты лучшие вина.

[4]
Алкид

В небо вступивши, Алкид поклонился гордой Юноне
Прежде, чем прочим богам. Изумились Олимп и Юнона.
„Можно ль? — к нему возопили,— врагу от тебя предпочтенье?"
„Так! Врагу! — отвечал Геркулес.— Не ее ли гоненьям
Был я обязан делами, мне отворившими небо?"
Весь Олимп одобрил ответ, и Юнона смирилась.

[5]
Дуб

В бурную ночь разъяренный Северный ветер обрушил
Всю свою силу на дуб величавый. И дуб повалился.
Он лежал на земле, задавивши страшным паденьем
Множество мелких кустов. Лисица в соседнем овраге
Нору имевшая, то узрев поутру, удивилась.
„Что за дерево! — так рассуждала Лисица.— До сих пор
Мне и в мысль не входило, чтоб он такой был великий".

[6]
Соловей и Павлин

Жил в лесу Соловей: он был обходителен, ласков;
Но напрасно он к певчим птицам ласкался — меж ними
Друга себе не нашел, зато ненавистников — куча!
„Лучше у птиц другой породы попробовать счастья!" —
Так он сказал и спорхнул доверчиво с ветки к Павлину.

„Как ты прекрасен, Павлин! Я тебе удивляюсь!“ — „Я также,
Милый певец, удивляюсь тебе!“ — „Так будем друзьями!
Нам друг другу завидовать не в чем: ты восхищаешь
Взоры; я — слух!“ — Соловей и Павлин с тех нор подружились.
Кнеллер с Попом были дружнее, чем *Поп с Аддисоном.*

[7]
Пастух и Соловей

Ты негодуешь, Поэт, на Парнасскую шумную сволочь?
Слушай же: вот, что однажды певцу Соловью говорили.
„Что ты так смолкнул?“ — спросил в один приятный, весенний
Вечер Пастух Соловья. Соловей отвечал: „Как возможно
Петь мне? Лягушки так раскричались, что мне не до песней!
Разве не слышишь?“ — „Конечно! — Пастух отвечал ему,— Слышу!
Но какая причина тому? — Не твое ли молчанье?“

[8]
Меропс

„Хочется мне узнать,— спросил Орел любопытный
Раз у премудрой соседки Совы,— говорят, что на свете
Есть какая-то птица Меропс, что она все летает
Вверх хвостом, а вниз головою. Правда ли это?“ —
„Эх! неправда! — Сова отвечала.— Вымысел глупый
Глупых людей! Меропс — человек! Он хотел бы подняться
К небу, но с тем, чтоб земля ни на миг не пропала из виду“.

[9]
Дар волшебниц

Две благородные феи однажды пришли к колыбели
Принца, который впоследствии стал великим Монархом.
„Дар мой младенцу,— сказала одна,— будь орлиный всезрящий
Взор: перед ним ни одна в его обширных владеньях

Мошка не скроется“.— „Дар твой прекрасен,— сказала другая
Фея,— и милый питомец наш будет Монарх дальновидный;
Но орел не одни лишь зоркие очи для мелких
Мошек имеет; он одарен и способностью Царской
Их примечать, не преследуя. Сим дарованьем высоким
Я наделяю младенца!“ — „Хвалю твою осторожность,—
Та отвечала.— Ты права! Много великих Монархов
Были бы выше, когда бы свой проницательный разум
Меньше вниманьем к ничтожным пустым мелочам унижали“.

ПЕСНЯ

Минувших дней очарованье,
Зачем опять воскресло ты?
Кто разбудил воспоминанье
И замолчавшие мечты?
Шепнул душе привет бывалой;
Душе блеснул знакомый взор;
И зримо ей минуту стало
Незримое с давнишних пор.

О милый гость, святое *Прежде*,
Зачем в мою теснишься грудь?
Могу ль сказать: *живи* надежде?
Скажу ль тому, что было: *будь*?
Могу ль узреть во блеске новом
Мечты увядшей красоту?
Могу ль опять одеть покровом
Знакомой жизни наготу?

Зачем душа в тот край стремится,
Где были дни, каких уж нет?
Пустынный край не населится,
Не узрит он минувших лет;
Там есть *один* жилец безгласный,
Свидетель милой старины;
Там вместе с ним все дни прекрасны
В единый гроб положены.

ЕКАТЕРИНЕ ФЕДОРОВНЕ ВАДКОВСКОЙ

О той, которой боле нет,
И с ней о счастии прекрасных ею лет
При вас воскреснуло о ней воспоминанье;
Мне драгоценное, но скорбное мечтанье,
Я здесь в моих стихах для вас изобразил.
Что вы произвели, то вам я посвятил,—
Вы были для души, согретой умиленьем,
Воспоминанием и милым вдохновеньем.

⟨А. А. ПЛЕЩЕЕВУ⟩

Друг милый, оставь прихотливой судьбе
Беду посылать за бедою!
В замену ниспослан тебе от небес
Прекраснейший дар: *быть любимым!*
И горе, и счастье как тени летят,
Всечасно сменяяся в жизни!
Но то, в чем прямое для нас бытие,
Чем мир перед нами прекрасен,
Священное сердце...— над сердцем судьба
Бессильна! Оно неизменно!
О друг, в нем богатство прямое твое!
Ты им, как волшебною силой,
Всех добрых сбираешь в согласный твой круг!
Ты царствуешь в милом семействе,—
Счастливый мечтою, любовью друзей!
Им сладко читать в твоем взоре.
В нем видят они, что хранится в душе,
Он светел, желанием блага!
Им сладостно руку твою пожимать —
Она лишь покорствует чувству.
Им сладостно слышать приветный твой глас —
Он верный души изъяснитель!
В сем круге и я! Пусть язык мой не твой!
Но сердце твое — и навеки!

Я знаю, что будет приятен тебе
От искренней дружбы подарок!
Желал бы веселья златого принесть
Иль влить утешения каплю
В ту чашу, в которой судьба подала
Тебе безотрадную горесть,
Но кто переменит, и можно ль сказать
Не будь невозвратному *было*!

⟨В АЛЬБОМ Е. Н. КАРАМЗИНОЙ⟩

Будь, милая, с тобой любовь Небес святая;
Иди без трепета, в тебе — открытый свет!
Прекрасная душа! цвети, не увядая.
Для светлыя души в сей жизни мрака нет!
Все для души, сказал отец твой несравненный;
В сих двух словах открыл нам ясно он
И тайну бытия и наших дел закон...
Они тебе — на жизнь завет священный.

СМЕРТЬ ИИСУСА

Кантата Карла Вильгельма Рамлера

ХОР

Ты, ливший от печали
Потоки горьких слез,
Воззрев на святотатный
И гибнущий Сион,
Где сени, где пещера,
Сокрывшие Тебя?
Или уже губитель
Небесного сразил?

РЕЧИТАТИВ

Святой приют! гора Олив!
Кто иод твоею сенью
Столь скорбен, столь покинут плачет?
Кто борется с медлительным концом?
Ужель Исус мой?.. Лучший! лучший из рожденных,
Дрожишь, метешься, как преступник,
Внимая смертный приговор!
Увы! Он пал, обременяемый грехами
Преступныя земли!
И грудь Его разорвана тоскою;
Кровавый пот бежит
С Его лица. Речет: „Прискорбна и печальна
Моя душа!“

АРИЯ

Герой, ты стрелы смерти
Без трепета встречал;
Но смертью устрашенным
Ты бодрость подаешь!
О, будь всегда защита им!
Когда на крае смертной жизни
Узрю я бездны, и не будет
От них приюта мне;
Когда послышится Грядущий
С весами, с громом и природа
Встреиещет перед Ним...
О, кто тогда меня спасет?

ХОР

О, кто же? кто, когда не Ты,
Меня в последний, тяжкий час
Наставит, подкрепит, утешит?
Кто силу даст душе моей,
Когда без силы будет жизнь,
Когда в борьбе с ужасной смертью
Я буду крепости лишен? —
Не Ты ли, Бог, Спаситель мой?

РЕЧИТАТИВ

О, мой Эммануил! Терзаясь, он простерт
Во прахе; видит ужас смерти; взор
Подъемля, вопиет: „Всевышний! страшен час сей!
Вели, да пройдет он!
Прими, прими от уст моих ужасну чашу!
Не внемлешь Ты?.. Отец! Твоя да будет воля!“
И ясен восстает с земли Он изумленной,
Подъятый Ангела рукой!
И зрит: учеников сон тяжкий обуял!
Лежат; но смутен сон и лица их печальны!
Задумчиво Небесный говорит,
На них склоня с любовью светлый, скорбный лик:
„Дух бодр и крепок; но бессильна плоть!..“
Склонившись тихо, он берет Петрову руку:
„И ты, мой Петр, заснул!
О, бодрствуйте! молитесь, братья!“

АРИЯ

Умиленная молитва
О свершеньи дел прекрасных
Проникает небеса,
И Господь доступен ей.
Восхожу ль крутой дорогой
К добродетели святой:
О! на трудном сем пути
Я, как странник утомленный,
Ожидая, уповая
Скоро видеть на вершине
Благодатные места,
И молюсь и гимн пою!

РЕЧИТАТИВ

Но слышен топот; копья блещут при огнях
Полночных; зрю толпу убийц.
Идут убийцы!.. Ах, Его судьба свершилась!..
Но Он, неустрашимый, приступил

К своим врагам. Он им вещает: „Я готов!
Но вы Моих друзей не троньте!“
Товарищи, смятенны, со словом сим бегут...
И в узах Он; влекут Его;
И Петр за Ним, единственный из братий,
Идет, без сил спасти, вдали.
За другом вслед к Кайяфе он
Идет в слезах. Что слышу я? Какое слово?
Ах! Петр! ужели? Ты ль сказал:
„Не знаю, кто сей человек!“
Как низко ты с величия упал, несчастный!
И зрит он: кротко на него
Исус взглянул. Он понял взор,
И прочь идет;
И горько плачет он!

АРИЯ

О, вы незлобны души,
Ваш сон недолго длится!
Во слух ваш загремит
Карающая совесть —
И вас предаст слезам!
А вы, злодеи, трепещите!
Змеей из ваших роз подымет
Свою раскаянье главу
И угрызенья острым жалом
Изрежет душу вам.

ВСЕ

Скорбью сердце в нас объято; унывает!
О горе! горе нам, преступникам злобным!

ХОР

Я душу к Богу вознесу
С покорным покаяньем!
Ты Сам и помощь и совет
Подашь мне, Утешитель!

И мощный благодати дух,
В нас обновляющий сердца,
Пребудет надо мною.

РЕЧИТАТИВ

Иерусалим убийственно возониял:
„Будь кровь Его на нас! на нас и наших чадах!“
Ликуй, Иерусалим! Его пролита кровь!
Поставлен в пурпуре толпе на поруганье,
Чтоб утешителя в мученьях не иметь,
Чтоб духом пасть от посрамленья...
Но в Нем одна любовь; незлобен, предстоит
С венцом, вонзившимся в чело. И дерзновенно
Преступная рука Его разит
Жезлом в главу; и кровь стремится по лицу.
„Се человек!..“ Напрасно жалость
Тирана гласом говорит:
„Се человек!“ Иуда глух к нему.
Окровавленному на плечи возложили
Уже тот крест, на коем в муках Он умрет.
Он принял крест свой, но бессильный пал.
И добрые сердца своей не скрыли скорби;
Давно таимы слезы льются;
А он, взглянув на плачущих, сказал:
„Друзья, не плачьте обо мне!“

АРИЯ

Тверда гора Господня!
Стопой в гремящих бурях,
Главой в небесной славе —
Таков герой твой, Ханаан!
Пусть грозно смерть на громах мчится,
Пускай из пенной бездны воет,
Пускай земную твердь ломает —
Муж праведный неколебим.

ВСЕ

Светлый нам Он Свой образ оставил,
Чтоб мы им душу питали с чистой любовью.

ХОР

На всё дерзну я в честь Твою и славу!
Что мне страданья? Что мне стыд и бедность?
Что мне гоненье? Что мне ужас смерти?
Тронут ли сердце?

РЕЧИТАТИВ

Стоит погибельный, судьбами полный крест!..
О, Праведный! Невинный! он уж наступил —
Сей неизбежный час для Тебя!.. Горе! горе!
Не цени вижу я, готовят
Ужасны гвозди!.. Руки Он им подает,
Святые руки, милость лившие на нас.
Ударил в них жестокий млат; пронзилось
Святое тело жадным острием. С терпеньем
Он сносит всё. Он ясен; се подъят
Поруганный, в крови, в терзаньях смерти,
На страшный крест!..
Израиля сыны! воскликните к страдальцу:
„Помилуй!“ Усмирите скорбью месть!
Вотще! Ругаются над Ним,
С холодным смехом, с дерзким ликованьем злобы.
И молит он: „Отец мой! Ах! прости безумцам!
Они не знают, что творят!“

ДУЭТ

А. Враг мой, утеснитель мой,
Зри, сколь я люблю тебя:
Всё простить — мое отмщенье!
В. Ты, ругающийся мне,
Я молюся небесам,
Да пошлют тебе все блага!

А. В. В том пример нам дал Христос!
А. Царь, Иегова, трисвятый,
Ты виновным отпускаешь
Их вины!
В. Царь, Иегова, Бог любви!
И порочным и злодеям
Ты любовь!
А. В. Счастлив, кто тебе вослед!

РЕЧИТАТИВ

О, кто сей праведный, висящий на кресте,
Меж двух злодеев, к древу казни пригвожденный?
Узнайте в благостях Его.
Стыд, муку, смертный час забыл Он; в мыслях видя,
Мария, твой печальный жребий, завещать
Спешит Он другу сердца должность драгоценну:
„О, брат мой! здесь свою зришь матерь!“ Верный друг
Идет учителя святой завет исполнить.
И зрит его Исус,—
И полн веселья Он, и ран своих не слышит.
Еще Его душа отраду в час кончины
Томимому тоской преступнику дает:
Он, лик свой обратив к терзаемому смертью,
Распятому злодею, благостно прорек:
„Вещаю Я! со Мною, грешник,
Со Мной днесь в рае будешь ты!“

АРИЯ

Пой небесного пророка,
Утешеньем, упованьем
Возвышающего душу,—
Пой в восторге, вся земля!
Ты, из праха улетевший,
Ты, сияющие звезды
Низко иод собою зрящий,
Наслаждайся новой жизнью,
Мчись по лествице творений

К Серафимам, выше, выше,
Дух мой... Бог будь песнь твоя!

ВСЕ

Радуйся, духом смиренный!
Что Господь нам рек, то свершится!
Что нам Он назначил, то нам Он пошлет.

ХОР

Создатель! сколь прекрасен Твой
Обетованный добрым свет!
Но кто к нему достигнет?
О, Примиритель! Бог любви!
Твоя рука туда ведет...
Простри, простри мне руку!
Дай единым
Сладким взглядом
В мир прекрасный
Облегчить мне расставанье
С жизнью здешней.

РЕЧИТАТИВ

И силой вдруг с последней мукой смерть
В святую душу ворвалась; всю грудь
Ему вздымает боль; все жилы проникает
Огонь — и тело на кресте
Всё извилось. Тоскует
Он в тяжком трепете кончины; целый ад
На Нем лежит — и Он, изнеможенный
От мук, напавших на Него,
Воззвал: „Отец! Отец! почто Меня оставил!“
И се... утихло. Страшный час
Протек. Он возопил: „Я жажду!“ В поруганье
Несут вино, отравленное желчью.
Уже молчит страданье в Нем,
И, торжествуя, Он изрек:

„Свершилось всё!.. Прими, Всевышний, в руце дух Мой!“
И, преклонив главу на грудь — отшел!
Со всех слетели звезд смятенны серафимы,
И вопиют: „Его уж нет!“
И в безднах грянуло подземных:
Его уж нет!
Голгофа, трепещи! Ты кровь Его приняла!
Затмися, день! и миру в час сей не свети!
Ты разорвись, земля, убийц носяща!
Тьма гроба, расступись! воздвигнитесь, отцы!
Земля, где скрыты вы,
Вся кровью облита.
Его уж нет! Поведай
В печали утро утру:
Его уж нет!
И вечность, трепетно ответствуй:
Его уж нет!

ХОР

Скорби, душа!
Уж друг людей
Земную жизнь покинул!
Нам уж боле не слыхать
Сладких уст ученья!

СОЛО

Ободрись! Всё уж ниспровергнул
Мощный лев Иуды!

ХОР

Скорби, душа!
Где друг людей?
Погиб среди мучений!
Нежну грудь разорвала
Скорбь неодолима!

СОЛО

Обо́дрись! Всё уж ниспровергнул
Мощный лев Иуды!

ХОР

Скорби, душа!
Се друг людей,
Смиренный, непорочный,
В поруганье, в униженье,
Казнь рабов приемлет!

СОЛО

Ободрись! Всё уж ниспровергнул
Мощный лев Иуды!

ХОР

Простерты мы в слезах, в молитвах,
Спаситель, пред Тобой!
И наши слезы в прах лиются,
Облитый кровию Твоей —
О, вечно славим будь!
Защитник, друг и примиритель,
Ты вечные свои законы
Печатью смерти утвердил —
Прославлен будь вовеки!
Вовек боготворим!
Простерты и пр.

⟨К М. Ф. ОРЛОВУ⟩

О Рейн, о Реин, без волненья
К тебе дерзну ли подступить?
Давно уж ты — река забвенья
И перестал друзей поить

Своими сладкими струями!
На „Арзамас“ тряхнул усами —
И Киев дружбу перемог!
Начальник штаба, педагог —
Ты по ланкастерской методе
Мальчишек учишь говорить
О славе, пряниках, природе,
О кубарях и о свободе —
А нас забыл... Но так и быть!
На страх пишу к тебе два слова!
Вот для души твоей обнова:
Письмо от милой красоты!
Узнаешь сам ее черты!
Я шлю его через другова,
Санктиетербургского Орлова —
Чтобы верней дошло оно.
Прости! Но для сего посланья,
Орлов, хоть тень воспоминанья
Дай дружбе, брошенной давно!

УТЕШЕНИЕ

Светит месяц; на кладбище
Дева в черной власянице
Одинокая стоит,
И слеза любви дрожит
На густой ее реснице.

„Нет его; на том он свете;
Сердцу смерть его утешна:
Он достался небесам,
Будет чистый ангел там —
И любовь моя безгрешна“.

Скорбь ее к святому лику
Богоматери подводит:
Он стоит в огне лучей,
И на деву из очей
Милость тихая нисходит.

Пала дева пред иконой
И безмолвно упованья
От Пречистыя ждала...
И душою перешла
Неприметно в мир свиданья.

НАДГРОБИЕ И. П. и А. И. ТУРГЕНЕВЫМ

Судьба на месте сем разрознила наш круг:
Здесь милый наш отец, здесь наш любимый друг;
Их разлучила смерть и смерть соединила;
А нам в святой завет святая их могила:
„Их неутраченной любви не изменить;
Ту жизнь, где их уж нет, как с ними, совершить,
Чтоб быть достойными об них воспоминанья,
Чтоб встретить с торжеством великий час свиданья".

НА КОНЧИНУ
ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА КОРОЛЕВЫ ВИРТЕМБЕРГСКОЙ

Элегия

Ты улетел, небесный посетитель;
Ты погостил недолго на земли;
Мечталось нам, что *здесь* твоя обитель;
Навек *своим* тебя мы нарекли...
Пришла Судьба, свирепый истребитель,
И вдруг следов твоих уж не нашли:
Прекрасное погибло в пышном цвете...
Таков удел прекрасного на свете!

Губителем, неслышным и незримым,
На всех путях Беда нас сторожит;
Приюта нет главам, равно грозимым;
Где не была, там будет и сразит.
Вотще дерзать в борьбу с необходимым:
Житейского никто не победит;
Гнетомы все единой грозной Силой;
Нам всем сказать о здешнем счастье: *было*!

Но в свой черед с деревьев обветшалых
Осенний лист, отвянувши, падет;
Слагая жизнь старик с рамен усталых,
Ее, как долг, могиле отдает;
К страдальцу Смерть на крах надежд увялых,
Как званый друг, желанная, идет...
Природа здесь верна стезе привычной:
Без ужаса берем удел обычной.

Но если вдруг, нежданная, вбегает
Беда в семью играющих Надежд;
Но если жизнь изменою слетает
С веселых, ей лишь миг знакомых вежд,
И Счастие младое умирает,
Еще не сняв и праздничных одежд...
Тогда наш дух объемлет трепетанье,
И силой в грудь врывается ронтанье.

О наша жизнь, где верны лишь утраты,
Где милому мгновенье лишь дано,
Где скорбь без крыл, а радости крылаты
И где навек минувшее одно...
Почто ж мы здесь мечтами так богаты,
Когда мечтам не сбыться суждено?
Внимая глас Надежды, нам поющей,
Не слышим мы шагов Беды грядущей.

Кого спешишь ты, Прелесть молодая,
В твоих дверях так радостно встречать?
Куда бежишь, ужасного не чая,
Привыкшая с сей жизнью лишь играть?
Не радость — Весть стучится гробовая...
О! подожди сей враг переступать;
Пока ты здесь — ничто не умирало;
Переступи — и милое пропало.

Ты, знавшая житейское страданье,
Постигшая все таинства утрат,
И ты спешишь с надеждой на свиданье...
Ах! удались от входа сих палат;

Отложено навек торжествованье;
Счастливцы там тебя не угостят;
Ты посетишь обитель уж пустую...
Смерть унесла хозяйку молодую.

Из дома в дом по улицам столицы
Страшилищем скитается Молва;
Уж прорвалась к убежищу царицы;
Уж шепчет там ужасные слова;
Трепещет все, печалью бледны лицы...
Но мертвая для матери жива;
В ее душе спокойствие незнанья;
Пред ней мечта недавнего свиданья.

О Счастие, почто же на отлете
Ты нам в лицо умильно так глядишь?
Почто в своем предательском привете,
Спеша от нас: *я вечно*! говоришь;
И к милому, уж *бывшему* на свете,
Нас прелестью нежнейшею манишь?..
Увы! в тот час, как матерь ты пленяло,
Ты только дочь на жертву украшало.

И, нас губя с холодностью ужасной,
Еще Судьба смеяться любит нам;
Ее уж нет, сей жизни столь прекрасной...
А Мать, склонясь к обманчивым листам,
В них видит дочь надеждою напрасной,
Дарует жизнь безжизненным чертам,
В них голосу умолкшему внимает,
В них воскресить умершую мечтает.

Скажи, скажи, супруг осиротелый,
Чего над ней ты так упорно ждешь?
С ее лица приветное слетело;
В ее глазах узнанья не найдешь;
И в руку ей рукой оцепенелой
Ответного движенья не вожмешь.
На голос чад зовущих недвижима...
О! верь, отец, она невозвратима.

Запри навек ту мирную обитель,
Где спутник твой тебе минуту жил;
Твоей души свидетель и хранитель,
С кем жизни долг не столько бременил,
Советник дум, прекрасного делитель,
Слабеющих очарователь сил —
С нолунути ушел он от земного,
От бытия прелестно-молодого.

И вот — сия минутная царица,
Какою смерть ее нам отдала;
Отторгнута от скипетра десница;
Развенчано величие чела;
На страшный гроб упала багряница,
И жадная судьбина пожрала
В минуту все, что было так прекрасно,
Что всех влекло, и так влекло напрасно.

Супруг, зовут! иди на расставанье!
Сорвав с чела супружеский венец,
В последнее земное провожанье
Веди сирот за матерью, вдовец;
Последнее отдайте ей лобзанье;
И там, где всем свиданиям конец,
Невнемлющей *прости* свое скажите
И в землю с ней все блага положите.

Прости ж, наш цвет, столь пышно восходивший,
Едва зарю успел ты перецвесть.
Ты, Жизнь, прости, красавец не доживший;
Как радости обманчивая весть,
Пропала ты, лишь сердце приманивши,
Не дав и дня надежде перечесть.
Простите вы, благие начинанья,
Вы, славных дел напрасны упованья...

Но мы... смотря, как наше счастье тленно,
Мы жизнь свою дерзнем ли презирать?
О нет, главу подставивши смиренно,
Чтоб ношу бед от Промысла принять,

Себя отдав руке неоткровенной,
Не мни Творца, страдалец, вопрошать;
Слепцом иди к концу стези ужасной...
В последний час слепцу все будет ясно...

Земная жизнь небесного наследник;
Несчастье нам учитель, а не враг;
Спасительно-суровый собеседник,
Безжалостный разитель бренных благ,
Великого понятный проповедник,
Нам об руку на тайный жизни праг
Оно идет, все руша перед нами
И скорбию дружа нас с небесами.

Здесь радости — не наше обладанье;
Пролетные пленители земли
Лишь но пути заносят к нам преданье
О благах, нам обещанных вдали;
Земли жилец безвыходный — страданье;
Ему на часть Судьбы нас обрекли;
Блаженство нам по слуху лишь знакомец;
Земная жизнь — страдания питомец.

И сколь душа велика сим страданьем!
Сколь радости при нем помрачены!
Когда, простясь свободно с упованьем,
В величии покорной тишины,
Она молчит пред грозным испытаньем,
Тогда... тогда с сей светлой вышины
Вся Промысла ей видима дорога;
Она полна понятного ей Бога.

О! матери печаль непостижима,
Смиряются все мысли пред тобой!
Как милое сокровище, таима,
Как бытие, слиянная с душой,
Она с одним лишь небом разделима...
Что ей сказать дерзнет язык земной?
Что мир с своим презренным утешеньем
Перед ее великим вдохновеньем?

Когда грустишь, о Матерь, одинока,
Скажи, тебе не слышится ли глас,
Призывное несущий издалека,
Из той страны, куда все манит нас,
Где милое скрывается до срока,
Где возвратим отнятое на час?
Не сходит ли к душе благовеститель,
Земных утрат и неба изъяснитель?

И в горнее унынием влекома,
Не верою ль душа твоя полна?
Не мнится ль ей, что отческого дома
Лишь только вход земная сторона?
Что милая небесная знакома
И ждущею семьей населена?
Все тайное не зрится ль откровенным,
А бытие великим и священным?

Внемли ж: когда молчит во храме пенье,
И вышних сил мы чувствуем нисход;
Когда в алтарь на жертвосовершенье
Сосуд Любви сияющий грядет;
И на тебя с детьми благословенье
Торжественно мольба с небес зовет;
В час таинства, когда союзом тесным
Соединен житейский мир с небесным,—

Уже в сей час не будет, как бывало,
Отшедшая твоя наречена;
Об ней навек земное замолчало;
Небесному она передана;
Задернулось за нею покрывало...
В божественном святилище она,
Незрима нам, но, видя нас оттоле,
Безмолвствует при жертвенном престоле.

Святый символ надежд и утешенья!
Мы все стоим у таинственных врат;
Опущена завеса Провиденья;
Но проникать ее дерзает взгляд;

За нею скрыт предел соединенья;
Из-за нее, мы слышим, говорят:
„Мужайтеся; душою не скорбите!
С надеждою и с верой приступите!“

• ПАВЛОВСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ •

* * *

Я с благодарностью сердечной извещаю,
Что, выпивши у вас три полных чашки чаю
И съев полдюжины тартин и сухарей,—
Не умер я, а сделался живей,
И сверх того, мне сон привиделся чудесной...
Мне снилось: будто я стал муж жены прелестной,
Что будто счастливо с ней прожил я сто лет,
И что когда пришло покинуть здешний свет —
Мы умереть, как должно, поленились,
А так, как Филемон с Бавкидой, превратились
В две липы свежие, у вас перед крыльцом,
И что под нашими согласными ветвями,
За круглым, дружеским столом
Сидите весело вы в летний жар с гостями
И пьете крепкий чай с *салэ* и сухарями.

Я только что хотел гонца к вам посылать,
Чтоб попросить у вас условного обеда
Для вашего соседа —
Как ваш гонец пришел меня к вам звать.
Ваш дар: в любезности других предупреждать,
И я, благодаря любезность вашу,
В исходе трех часов явлюсь к вам на обед,
Чтобы, отведав кашу,
Сказать, сидя близ вас: *я счастливый сосед!*

PS. Прошу вас извинить рассеянность поэта!
Я так был рад тому, что буду видеть вас,
Что проглядел в записке вашей *час*
И ветрено, в конце ответа,
Назначил *свой*
(Не справясь с стрелкою дворцовой).
Что мы, поэты, все хвораем головой,
Вы знаете; но вам и то уже не ново,
Что если видеть вас —
Какой час ни пошел, все будет *добрый час!*

ГРАФИНЕ С. А. САМОЙЛОВОЙ

Графиня, признаюсь, большой беды в том нет,
Что я, ваш павловский поэт,
На взморье с вами не катался,
А скромно в Колиине спасался
От искушения той прелести живой,
Которою непобедимо
Пленил бы душу мне вечернею порой
И вместе с вами зримый,
Под очарованной луной,
Безмолвный берег Монплезира!
Воскреснула б моя покинутая лира...
Но что бы сделалось с душой?
Не знаю! Да и рад, признаться, что не знаю!
И без опасности все то воображаю,
Что так прекрасно мне описано от вас:
Как полная луна, в величественный час
Всемирного успокоенья.
Над спящею морской равниною взошла
И в тихом блеске потекла
Среди священного небес уединенья;
С какою прелестью по дремлющим брегам
Со тьмою свет ее мешался,
Как он сквозь ветви лип на землю пробирался
И ярко в темноте светился на корнях;

Как вы на камнях над водою
Сидели, трепетный подслушивая шум
Волны, дробимыя пред вашею ногою,
И как толпы крылатых дум
Летали в этот час над вашей головою...
Всё это вижу я и видеть не боюсь,
И даже в шлюпку к вам сажусь
Неустрашимою мечтою!
И мой беспечно взор летает по волнам!
Любуюсь, как они кругом руля играют;
Как прядают лучи по зыбким их верхам;
Как звучно веслами гребцы их расшибают;
Как брызги легкие взлетают жемчугом
И, в воздухе блеснув, в паденье угасают!..
О мой приютный уголок!
Сей прелестью в тебе я мирно усладился!
Меня мой Гений спас. Графиня, страшный рок
Неизбежимо бы со мною совершился
В тот час, как изменил неверный вам платок.
Забыв себя, за ним я бросился б в пучину
И утонул. И что ж? теперь бы ваш певец
Пугал на дне морском балладами *Ундину*,
И сонный дядя *Студенец*,
Склонивши голову на влажную подушку,
Зевал бы, слушая *Старушку*!
Платок, спасенный мной в подводной глубине,
Надводных прелестей не заменил бы мне!
Пускай бы всякий час я мог им любоваться,
По все бы о земле грустил исподтишка!
Платок ваш очень мил, но сами вы, признаться,
Милее вашего платка.
Но только ль?.. Может быть, подводные народы
(Которые, в своей студеной глубине
Не зная перемен роскошныя природы,
В однообразии, во скуке и во сне
Туманные проводят годы),
В моих руках увидя ваш платок,
Со всех сторон столпились бы в кружок,
И стали б моему сокровищу дивиться,
И верно б вздумали сокровище отнять!

А я?.. Чтоб хитростью от силы защититься,
Чтоб шуткой чудаков чешуйчатых занять,
Я вызвал бы их всех играть со мною в жмурки,
Да самому себе глаза б и завязал!
Такой бы выдумкой платок я удержал,
Зато бы все моря мой вызов взбунтовал!
Плыло бы все ко мне: из темныя конурки
Морской бы вышел рак, кобенясь на клешнях;
Явился бы и кит с огромными усами,
И нильский крокодил в узорных чешуях,
И выдра, и мокой, сверкающий зубами,
И каракатицы, и устрицы с сельдями,
Короче — весь морской содом!
И начали б они кругом меня резвиться,
И щекотать меня, кто зубом, кто хвостом,
А я (чтобы с моим сокровищем-платком
На миг один не разлучиться,
Чтоб не досталось мне глаза им завязать
Ни каракатице, ни раку, ни мокою)
Для вида только бы на них махал рукою,
И не ловил бы их, а только что пугал!
Итак — теперь легко дойти до заключенья —,
Я в жмурки бы играл
До светонреставленья;
И разве только в час всех мертвых воскресенья,
Платок сорвавши с глаз, воскликнул бы; *поймал*!
Ужасный жребий сей поэта миновал!
Платок ваш странствует по царству Аквилона,
Но знайте, для него не страшен Аквилон,—
И сух и невредим на влаге будет он!
Самим известно вам, поэта Ариона
Услужливый дельфин донес до берегов,
Хотя грозилася на жизнь певца пучина!
И нынче внук того чудесного дельфина
Лелеет на спине красу земных платков!
Пусть буря бездны колыхает,
Пусть рушит корабли и рвёт их паруса,
Вокруг него ее свирепость утихает,
И на него из туч сияют небеса
Благотворящей теплотою;

Он скоро пышный Бельт покинет за собою,
И скоро донесут покорные валы
Его до тех краев, где треснули скалы
Перед могущею десницей Геркулеса,
Минует он брега старинного Гадеса,
И — слушайте ж теперь, к чему назначил рок
Непостоянный ваш платок! —
Благочестивая красавица принцесса,
Кунаяся на взморье в летний жар,
Его увидит, им пленится,
И ношу милую иоднесть прекрасной в дар
Дельфин услужливый в минуту согласится.
Но здесь неясное пред нами объяснится.
Натуралист Бомар
В ученом словаре ученых уверяет,
Что никогда дельфинов не бывает
У петергофских берегов
И что поэтому потерянных платков
Никак не может там ловить спина дельфина!
И это в самом деле так!
Но знайте: наш дельфин ведь не дельфин — башмак!
Тот самый, что в Москве графиня Катерина
Петровна вздумала так важно утопить
При мне в большой придворной луже!
Но что же? От того дельфин совсем не хуже,
Что счастие имел он башмаком служить
Ее сиятельству и что угодно было
Так же́стоко играть ей жизнью башмака!
Предназначение судьбы его хранило!
Башмак дельфином стал для вашего платка!

Воротимся ж к платку. Вы слышали, принцесса,
Красавица, у берегов Гадеса
Кунаяся на взморье в летний жар,
Его получит от дельфина;
Красавицу с платком умчит в Алжир корсар;
Продаст ее паше; паша назначит в дар
Для императорова сына!
Сын императоров — не варвар, а герой,
Душой Малек-Адель, учтивей Солимана;

Принцесса же умом другая Роксолана
И точь-в-точь милая Матильда красотой!
Не трудно угадать, чем это все решится!
Принцессой деев сын пленится;
Принцесса в знак любви отдаст ему платок;
Руки ж ему отдать она не согласится,
Пока не будет им отвергнут лжепророк,
Пока он не крестится,
Не снимет с христиан невольничьих цепей
И не предстанет ей
Геройской славой озаренный.
Алжирец храбрый наш терять не станет слов:
Он вмиг на все готов —
Крестился, иго снял невольничьих оков
С несчастных христиан и крикнул клич военный!
Платок красавицы, ко древку пригвожденный,
Стал гордым знаменем, предшествующим в бой,
И Африка зажглась священною войной!
Египет, Фец, Марок, Стамбул, страны Востока —
Все завоевано крестившимся вождем,
И пала пред его карающим мечом
Империя Пророка!
Свершив со славою святой любви завет,
Низринув алтари безумия во пламя
И Богу покорив весь мусульманский свет,
Спешит герой принесть торжественное знамя,
То есть *платок*, к ногам красавицы своей...
Не трудно угадать развязку:
Перевенчаются, велят созвать гостей;
Подымут пляску;
И счастливой чете
Воскликнут: многи лета!
А наш платок? Платок давно уж в высоте!
Взлетел на небеса и сделался комета,
Первостепенная меж всех других комет!
Ее влияние преобразует свет!
Настанут нам другие
Благословенны времена!
И будет на земле навек воцарена
Премудрость — а сказать по-гречески: *София*!

НЕВЫРАЗИМОЕ
(Отрывок)

Что наш язык земной пред дивною природой?
С какой небрежною и легкою свободой
Она рассыпала повсюду красоту
И разновидное с единством согласила!
Но где, какая кисть ее изобразила?
Едва-едва одну ее черту
С усилием поймать удастся вдохновенью...
Но льзя ли в мертвое живое передать?
Кто мог создание в словах пересоздать?
Невыразимое подвластно ль выраженью?..
Святые таинства, лишь сердце знает вас.
Не часто ли в величественный час
Вечернего земли преображенья,
Когда душа смятенная полна
Пророчеством великого виденья
И в беспредельное унесена,—
Спирается в груди болезненное чувство,
Хотим прекрасное в полете удержать,
Ненареченному хотим названье дать —
И обессиленно безмолвствует искусство?
Что видимо очам — сей пламень облаков,
По небу тихому летящих,
Сие дрожанье вод блестящих,
Сии картины берегов
В пожаре пышного заката —
Сии столь *яркие черты* —
Легко их ловит мысль крылата,
И есть *слова* для их *блестящей* красоты.
Но то, что слито с сей блестящей красотою —
Сие столь смутное, волнующее нас,
Сей внемлемый одной душою
Обворожающего глас,
Сие к далекому стремленье,
Сей миновавшего привет
(Как прилетевшее незапно дуновенье
От луга родины, где был когда-то цвет,
Святая молодость, где жило упованье),

Сие шепнувшее душе воспоминанье
О милом радостном и скорбном старины,
Сия сходящая святыня с вышины,
Сие присутствие Создателя в созданье —
Какой для них язык?.. Горé душа летит,
Все необъятное в единый вздох теснится,
И лишь молчание понятно говорит.

В КОМИТЕТ, УЧРЕЖДЕННЫЙ ПО СЛУЧАЮ ПОХОРОН ПАВЛОВСКОЙ ВЕКШИ, ИЛИ БЕЛКИ, ОТ ДЕПУТАТА ЖУКОВСКОГО

Прошу меня не осуждать,
Что я промедлил суд свой дать
О *надписях* покойной *белке!*
Здесь дело шло не о безделке!
Я прежде должен был узнать
О том, какой была породы
Покойница с большим хвостом,
Как жизнь вела, и как потом
Лишившися своей свободы
(Быть может за грехи свои),
С домашней веточки вскочила
В карман безжалостный Ильи,
Как сделался карман могила,
И прочее. Вот мой ответ!
Зверок покойный был *поэт*!
За то, что он явиться в свет
Дерзнул с своею музой мелкой,
Обиженный им Аполлон
Велел, чтобы по смерти он
Еще бродил по свету белкой,
Безумным рифмачам в урок!
Но Феб и в гневе своенравен:
Поэт был как поэт бесславен,
Зато стал славен как зверок!
Илья искал в лесу забавы,

Но всё на свете сем обман!
Он белку спрятал в свой карман!
Потом карман стал храмом славы
Для осужденного певца!
Пока поэт искал венца
Себе в горячке вдохновенья,
Он был добычею забвенья!
Но только что он белкой стал
И равнодушно променял
На рощу, волю и орехи
Все стихотворные утехи —
Судьбе разгневанной назло
Его бессмертие нашло!
О ты, задохшийся в кармане
Неумолимого Ильи,
Хотя, бедняк, стихи твои
И скрыты навсегда в тумане
Забвенья для грядущих лет,
Но для тебя забвенья нет!
Судьбы напрасно вероломство!
Ты белкой перейдешь в потомство!..
Теперь, как избранный судья,
Осмелюсь вам представить я
На беспристрастное решенье
Мое о надписях сужденье.
Их шесть готово нумеров —
Все *хороши*! без дальних слов!
Но похвалой, признайтесь сами,
Не должно бременить могил:
Илья же белку задушил;
На что ж ее душить стихами!
К тому ж — скажу на всякий страх —
Не всё в прекрасных сих стихах
Для всех покажется прекрасно:
Вот, например, в одних есть *Dreck!*
Но в наш благопристойный век
К могиле подойти опасно
С такой душистой похвалой;
В сем слове, правда, смысл простой,
Оно и кратко, и понятно;

И знаем мы, что человек
И все его надежды — Dreck!
Но Dreck для вкуса неприятно! —
В других есть Hadzy-Padzy... Нет,
Таких стихов не примет свет!
Они и черствы и не гладки!
К тому ж на камнях гробовых
Мы ищем надписей простых:
На них не нужны нам загадки.
Чтоб Hadzy-Padzy объяснить,
В веках грядущих, может быть,
Ученость завела бы споры,
И доброй белки мирный прах
Надолго б поселил в умах
Недоуменье и раздоры!
На что ж могилой белки нам
Времен грядущих докторам
Давать несчастный случай драться
За смысл неизъяснимых слов
И в толкованьях завираться.
Короче — выбор мой готов:
Для блага докторов почтенных
Из надписей, мне порученных,
Назначил я одну — и вот
Ее смиренный перевод:
„Веселое дитя природы,
В лесу беспечно я жила,
И в нем довольства и свободы
Изображением была.
Но бросил неизбежный камень
Судьбою посланный Илья,
И вмиг, как будто легкий пламень,
Потухла быстро жизнь моя!
И мне приют могила стала,
И камень тяжкий надо мной;
Но счастье здесь, и я знавала:
Жила и Божий свет был мой!“

ЦВЕТ ЗАВЕТА

Мой милый цвет, былинка полевая,
Скорей покинь приют твой луговой:
Теперь тебя рука нашла родная;
Доселе ты с непышной красотой
Цвела в тиши, очей не привлекая
И путника не радуя собой;
Ты здесь была желанью неприметна,
Чужда любви и сердцу безответна.

Но для меня твой вид — очарованье;
В твоих листах вся жизнь минувших лет;
В них милое цветет воспоминанье;
С них веет мне давнишнего привет;
Смотрю... и все, что мило, на свиданье
С моей душой, к тебе, родимый цвет,
Воздушною слетелося толпою,
И прошлое воскресло предо мною.

И всех друзей душа моя узнала...
Но где ж они? На миг с путей земных
На север мой мечта вас прикликала,
Сопутников младенчества родных...
Вас жадная рука не удержала,
И голос ваш, пленив меня, затих.
О, будь же вам заменою свиданья
Мой северный цветок воспоминанья!

Он вспомнит вам союза час священный,
Он возвратит вам прошлы времена...
О сладкий час! о вечер незабвенный!
Как Божий рай, цвела там сторона;
Безоблачен был запад озаренный,
И свежая на землю тишина,
Как ясное предчувствие, сходила;
Природа вся с душою говорила.

И к нам тогда, как Гений, прилетало
За песнею веселой старины
Прекрасное, что некогда бывало
Товарищем младенческой весны;
Отжившее нам снова оживало;
Минувших лет семьей окружены,
Все лучшее мы зрели настоящим;
И время нам казалось нелетящим.

И *Верная* была незримо с нами...
Сии окрест волшебные места,
Сей тихий блеск заката за горами,
Сия небес вечерних чистота,
Сей мир души, согласный с небесами,
Со всем была, как таинство, слита
Ея душа присутствием священным,
Невидимым, но сердцу откровенным.

И нас *Ея* любовь благословляла;
И ободрял на благо тихий глас...
Друзья, тогда Судьба еще молчала
О жребиях, назначенных для нас;
Неизбранны, на дне ея фиала
Они еще таились в оный час;
Играли мы на тайном ираге света...
Тогда был дан вам мною *цвет завета.*

И где же вы?.. Разрознен круг наш тесный;
Разлучена веселая семья;
Из области младенчества прелестной
Разведены мы в розные края...
Но розно ль мы? Повсюду в поднебесной,
О верные, далекие друзья,
Прекрасная всех благ земных примета,
Для нас цветет наш милый цвет завета.

Из северной, любовию избранной
И Промыслом указанной страны,
К вам ныне шлю мой дар обетованный;
Да скажет он друзьям моей весны,

Что выпал мне на часть удел желанный:
Что младости мечты совершены;
Что не вотще доверенность к надежде
И что *Теперь* пленительно, как *Прежде.*

Да скажет он, что в наш союз прекрасный
Еще один товарищ приведен...
На путь земной из люльки безопасной
Нам подает младую руку он;
Его лицо невинностию ясно,
И жизнь над ним как легкий веет сон;
Беспечному предав его веселью,
Судьба молчит над тихой колыбелью.

Но сладостным предчувствием теснится
На сердце мне грядущего мечта:
Младенчества веселый сон промчится,
Разоблачат житейское лета,
Огнем души сей взор воспламенится
И мужески созреет красота;
Дойдут к нему возвышенные вести
О праотцах, о доблести, о чести...

О! да поймет он их знаменованье,
И жизнь его да будет им верна!
Да перейдет, как чистое преданье
Прекрасных дел, в другие времена!
Что б ни было судьбы обетованье,
Лишь благом будь она освящена!..
Вы ж, милые, товарища примите
И путь его земной благословите.

А ты, наш цвет, питомец скромный луга,
Символ любви и жизни молодой,
От севера, от запада, от юга
Летай к друзьям желанною молвой;
Будь голосом, приветствующим друга;
Посол души, внимаемый душой,
О верный цвет, без слов беседуй с нами
О том, чего не выразить словами.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ В ИГРУ, НАЗЫВАЕМУЮ *СЕКРЕТАРЬ*

I
ЗВЕЗДА И КОРАБЛЬ

Звезда небес плывет пучиною небесной,
Пучиной бурных волн земной корабль плывет!
Кто по небу ведет звезду — нам неизвестно;
Но по морю корабль звезда небес ведет!

II
БЫК И РОЗА

Задача трудная для бедного поэта.
У розы иглы есть, рога есть у быка —
Вот сходство. Разница ж: легко любви рука
Совьет из роз букет для милого предмета;
А из быков никак нельзя связать букета!

ЕЯ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ, ВАРВАРЕ ПАВЛОВНЕ УШАКОВОЙ, ИХ СИЯТЕЛЬСТВАМ, ГРАФИНЕ САМОЙЛОВОЙ, ГРАФИНЕ ШУВАЛОВОЙ, КНЯЖНЕ КОЗЛОВСКОЙ И КНЯЖНЕ ВОЛКОНСКОЙ, ОТ НЕКОТОРОГО ЖАЛКОГО СТИХОТВОРЦА ПРОШЕНИЕ

Больной, покинутый поэт
Напомнить о себе дерзает.
Шесть дней, похожих на шесть лет,
Болезнь упрямая мешает
За царским быть ему столом.
Он лакомка, как все поэты;
Но Эскулаповым жрецом
Запрещены ему конфекты;
Зато позволены плоды.
Увы! с прошедшей середы

В глаза он не видал клубники
И только запах земляники
Дразнил его унылый нос.
А апельсин? а абрикос?
Он их теперь и не узнает!
Итак, смиренно умоляет
Из душной госпитали он
Варвару Павловну, княжон,
Графинь, здоровья им желая,
Вздохнуть об участи его,
Да и прислать того-сего
Из царского земного рая:
Десяток вишен *в башмаке*,
Клубники *в носовом платке*,
Малины *в лайковой перчатке*
И просто на тарелке слив.
Такую милость получив,
Укажет двери лихорадке
И мигом вылечится он.
Пускай искусен наш Крейтон —
Хвала и честь его латыни! —
Его достойно славит свет,
Но для поэта факультет
Теперь — две милые графини;
Две добродушные княжны,
Варвара Павловна. Властны
Они одной своей подачкой,
Назло рецептам, победить
Простуду с желчною горячкой
И даже мертвых воскресить!..

ГР. С. А. САМОЙЛОВОЙ

Уж думал я, что я забыт,
Что рифмы жалкого посланья
Не пробудили состраданья,
И что пора мне за Коцит,

Сказав „прости“ земному свету,
Где нет и жалости к поэту!..
С тоски я потащился в сад,—
А скука прогнала назад;
Но подхожу к дверям с кручиной,
А у дверей уж радость ждет,
И с очарованной корзиной
Мне, улыбаясь, подает
Здоровье, силы, вдохновенье!
Не думайте, чтоб сновиденье
Спутило так с душой моей
И чтоб придворный ваш лакей,
Отправленный с корзиной вами,
Моими принят был глазами
За милую царицу фей,
За жизнедательную *радость*!
Нет! не обманчивая сладость
Мечты пленила душу мне!
Могу ль так грубо обмануться?
Когда б случилось то во сне —
Я не подумал бы проснуться!
Сама богиня то была!
Сосуд судьбы она дала
Мне в скромном образе корзины!
В задаток всех житейских благ,
В бумажке свернуты, в листах,
В ней золотые анельсины,
Янтарный, сочный виноград,
Душистых абрикосов ряд,
И ананасы с земляникой,
И сливы пухлые с клубникой
Явились в блеске предо мной!
Я принял трепетной рукой —
И мнилось, таинство судьбины
На дне лубочныя корзины
Разоблачилось для меня,
И жизнь уж стала не загадка!
О, ты прелестная *перчатка*,
Тебя я знаю! ты родня
Перчатки той честолюбивой,

Которую поэт счастливой
Весной прошедшею, в Кремле,
Поймал на мраморном столе,
Когда, гордясь сама собою,
И в ссоре с милою рукою,
На волю рока отдана,
Гляделась в зеркало она!
А ты, *башмак*, ты брат Дельфину!
Отправим брата-близнеца
За странником-платком в пучину,
Найди для странника-певца
На суше верную дорогу,
Хотя и сшит для красоты,
Хотя ему не в нору ты,
Хотя пожмешь немного ногу!
Но как тебя назвать, *платок*?
Как ты зашел в мой уголок?
В час добрый! гость, судьбою данный!
Я знаю, тот непостоянный
Платок-изменник и беглец,
Не может быть твоей роднёю!
Пускай сияет он звездою,—
Ты будь *мой*! тебе певец
Себя отныне поверяет!
Когда он жизнью заскучает,
И мрачным путь найдет земной —
Лицо закроет он тобой;
Под сей завесою чудесной
Всё станет вдруг опять прелестно
Для добровольного слепца!
А всё, что оскорбляет око,—
Незримо будет и далёко
От нокровенного лица!
Когда ж в страну воображенья
Сберется полететь поэт,
А рифм и жарких мыслей нет,
И вялы крылья вдохновенья —
Тебя лишь только разостлать,
Ты будешь коврик окрыленной,
И можешь за предел вселенной
Певца и музу неремчать!

ПЕРОВСКОМУ

Счастливец! Ею ты любим!
Но будет ли она любима так тобою,
Как сердцем искренним моим,
Как пламенной моей душою!

Возьми ж их от меня, и страстию своей
Достоин будь своей судьбы прекрасной!
Мне ж сердце и душа и жизнь и всё напрасно,
Когда всего нельзя отдать на жертву ей.

* * *

Варвара Павловна, Элиза и Лизета,
Не позабыла вас вам верная Анета!
Плещеев здесь, и будет он готов
В одиннадцать часов
Исполнить вашу волю,
То есть вам прочитать как должно *вашу роль*.

К ЭММЕ

Ты вдали, ты скрыто мглою,
Счастье милой старины,
Неприступною звездою
Ты мелькаешь с вышины!
Ах! звезды не приманить!
Счастью бывшему не быть!

Если б жадною рукою
Смерть тебя от нас взяла,
Ты была б моей тоскою,
В сердце всё бы ты жила!
Ты живешь в сиянье дня!
Ты живешь не для меня!

То, что нас одушевляло,
Эмма, как то пережить?
Эмма, то, что миновало,
Как тому любовью быть?
Небом в сердце зажжено,
Умирает ли оно?

К ГРАФИНЕ ШУВАЛОВОЙ
После ее дебюта в роли мертвеца

Графиня, не забудьте слова,
Оставьте маску мертвеца!
Какая страшная обнова
Для столь прелестного лица!
Как наряжаться в ваши лета,
С такою милой красотой —
По образцу другого света,
По страшной моде гробовой?
Вчерашняя, скажу вам, шутка
Была разительный урок,
Урок для сердца и рассудка!..
И этот тихий уголок,
Где предо мной, в одно мгновенье,
На место прелести младой,
Явилось грозное виденье,
Унылый призрак гробовой —
Его я не забуду вечно.
Нет! так шутить бесчеловечно!
И это будь в последний раз!
Когда, оставив в свете нас,
Вы в темноту ночную скрылись,
С веселым прелести лицом —
И вдруг на нас оборотились
Из тьмы ужасным мертвецом,
Невольно сердце взволновалось,
И в быстрой перемене сей
Ему житейское сказалось

Всей ненадежностью своей:
„Как всё желанное неверно!
Как упованье лицемерно,
Как счастья переменчив вид!
Душа ли вслед за ним порвется,
Оно лицом к ней обернется,—
И перед ней мертвец стоит".
Графиня! ваше превращенье
Меня в сей бросило испуг;
Но, вдруг сразив воображенье,
Оно ж и ободрило вдруг:
И я забыл свою ошибку,
Когда веселую улыбку
Вы отдали своим устам;
Когда померкнувшим глазам
Очаровательную ласку
Позволили изображать,
Свободней начали дышать
И сняли привиденья маску.
Графиня! будьте просто вы!
Забудьте страшное искусство,
И — в сердце зарождая чувство,
Не убивайте головы...
Графиня, ваше превращенье,
Ужель оно изображенье
Для нас всей участи земной?
Как? этой прелести живой
Назначено так измениться,
Сим ясным взорам помутиться,
Ланитным розам побледнеть,
Младым устам охолодеть
И не манить души улыбкой?
Итак, прекрасное ошибкой
На землю к нам заведено!
Поспешным странником оно
Нас посещает ненароком,
Минуты здесь не отдохнет,
Лишь повернется и уйдет
Переживаемое роком.
А то, к чему так манит он,

Столь часто тайное стремленье,
Оно нам только заблужденье
И лишь изменчивости глас?
С душой от странствия усталой
О бреге жизни небывалой
[Нрзб.] несчастий говорит,
А наша лучшая надежда
Одна лишь тленности одежда,
И лишь мертвец под нею скрыт.

* * *

Циркулярное послание к чувствительным сердцам, в котором изображается горестное состояние некоего стихотворца, принужденного употребить собственные две ноги для путешествия в жаркое время на званый обед и желающего переменить сие горестное состояние на радостное и роскошно прокатиться в императорской линейке, услаждаясь, в ожидании земного обеда, небесным завтраком разговора с любезными грациями двора их императорских величеств и высочеств

Известно всем, что Аполлон
Всё ведает, всё хочет ведать:
Теперь узнать желает он,
Званы ли фрейлины обедать
К графине Бобринской? и в чем
Сбираются туда: в карете,
В линейке, дрожках иль верхом?
И просит их он о поэте,—
Которому в жары пешком
На званый пир идти накладно!
Ему от рифм довольно чадно;
Им поэтический угар
Давно владеет своевольно;
Одной горячки уж довольно,
И солнечный не нужен жар.
Надежду робкую приносит
Он к нежным фрейлинским сердцам

И места на линейке просит,
Когда найдется место там!
Земные милые Богини,
Хариты царского дворца,
Возьмете ль вы с собой певца
На дачу Бобринской графини?
Скажите в двух словах ответ.
Когда нельзя, то просто: *нет*!
Но если может рок решиться
Из тайной урны вынуть *да*,
Тогда примолвите *когда*
Поэт ваш должен к вам явиться,
Чтоб граций не заставить ждать
И на обед не опоздать?..

ВАСИЛИЮ АЛЕКСЕЕВИЧУ ПЕРОВСКОМУ

Товарищ! Вот тебе рука!
Ты другу вовремя сказался;
К любви душа была близка:
Уже в ней пламень загорался,
Животворитель бытия,
И жизнь отцветшая моя
Надеждой снова зацветала!
Опять о счастье мне шептала
Мечта, знакомец старины...

Дорóгой странник утомленный,
Узрев с холма неотдаленный
Предел родимой стороны,
Трепещет, сердцем оживает,
И жадным взором различает
За горизонтом отчий кров,
И слышит снова шум дубов,
Которые давно шумели
Над ним, игравшим в колыбели,
В виду родительских гробов.

Он небо узнает родное,
Под коим счастье молодое
Ему сказалося впервой!
Прискорбно-радостным желаньем,
Невыразимым упованьем,
Невыразимою мечтой
Живым утраченное мнится;
Он снова гость минувших дней,
И снова жизнь к нему теснится
Всей милой прелестью своей...
Таков был я одно мгновенье!
Прелестно-быстрое виденье,
Давно не посещавший друг,
Меня внезапно навестило,
Меня внезапно уманило
На первобытный в жизни луг!
Любовь мелькнула предо мною.
С возобновленною душою
Я к лире бросился моей,
И под рукой нетерпеливой
Бывалый звук раздался в ней!
И мертвое мне стало живо,
И снова на бездушный свет
Я оглянулся как поэт!..
Но удались, мой посетитель!
Не у меня тебе гостить!
Не мне о жизни возвестить
Тебе, святой благовеститель!

Товарищ! мной ты не забыт!
Любовь — друзей не раздружит.
Сим несозревшим упованьем,
Едва отведанным душой,
Подорожу ль перед тобой?
Сравню ль его с твоим страданьем?
Я вижу, молодость твоя
В прекрасном цвете умирает
И страсть, убийца бытия,
Тебя безмолвно убивает!
Давно веселости уж нет!

Где остроты приятной живость,
С которой ты являлся в свет?
Угрюмый спутник — молчаливость
Повсюду следом за тобой.
Ты молча радостных дичишься
И, к жизни охладев, дружишься
С одной убийственной тоской,
Владельцем сердца одиноким.
Мой друг! с участием глубоким
Я часто на лице твоем
Ловлю души твоей движенья!
Болезнь любви без утоленья
Изображается на нем.
Сие смятение во взоре,
Склоненном робко перед *ней*;
Несвязность смутная речей
В желанном сердцу разговоре;
Перерывающийся глас;
К тому, что окружает нас,
Задумчивое невниманье;
Присутствия очарованье,
И неприсутствия тоска,
И трепет, признак страсти тайной,
Когда послышится случайно
Любимый глас издалека,
И это все, что сердцу ясно,
А выраженью неподвластно,
Сии приметы знаю я!..
Мой жребий дал на то мне право!
Но то, в чем сладость бытия,
Должно ли быть ему отравой?
Нет, милый! ободрись! *она*
Столь восхитительна недаром:
Души глубокой чистым жаром
Сия краса оживлена!
Сей ясный взор — он не обманчив:
Не прелестью ума одной,
Он чувства прелестью приманчив!
Под сей веселостью живой
Задумчивое что-то скрыто,

Уныло-сладостное слито
С сей оживленной красотой;
В ней что-то искреннее дышит,
И в милом голосе ея
Доверчиво душа твоя
Какой-то звук знакомый слышит,
Всему в нем лучшему родной,
В нее участие лиющий
И без усилия дающий
Ей убежденье и покой.
О, верь же, друг, душе прекрасной!
Ужель природою напрасно
Ей столько милого дано?
Люби! любовь и жизнь — *одно*!
Отдайся ей, забудь сомненье
И жребий жизни соверши;
Она поймет твое мученье,
Она поймет язык души!

К * * *

Едва на миг один судьба нас породнила,
И вдруг младенец наш, залог родства исчез!
Любовь Создателя его переселила
С неверныя земли в приятный край небес!
Воспоминанием будь прошлое хранимо!
Но рок... им правит Божество!..
Для нас же всё еще осталося родство —
В *утрате*, дружбою делимой.

К МИМОПРОЛЕТЕВШЕМУ ЗНАКОМОМУ ГЕНИЮ

Скажи, кто ты, пленитель безымянной?
С каких небес примчался ты ко мне?
Зачем опять влечешь к обетованной,
Давно, давно покинутой стране?

Не ты ли тот, который жизнь младую
Так сладостно мечтами усыплял
И в старину про гостью неземную —
Про милую надежду ей шептал?

Не ты ли тот, кем всё во дни прекрасны
Так жило там, в счастливых тех краях,
Где луг душист, где воды светло-ясны,
Где весел день на чистых небесах?

Не ты ль во грудь с живым весны дыханьем
Таинственной унылостью влетал,
Ее теснил томительным желаньем
И трепетным весельем волновал?

Поэзии священным вдохновеньем
Не ты ль с душой носился в высоту,
Пред ней горел божественным виденьем,
Разоблачал ей жизни красоту?

В часы утрат, в часы печали тайной,
Не ты ль всегда беседой сердца был,
Его смирял утехою случайной
И тихою надеждою целил?

И не тебе ль всегда она внимала
В чистейшие минуты бытия,
Когда судьбы святыню постигала,
Когда лишь Бог свидетель был ея?

Какую ж весть принес ты, мой нленитель?
Или опять мечтой лишь поманишь
И, прежних дум напрасный пробудитель,
О счастии шепнешь и замолчишь?

О Гений мой, побудь еще со мною;
Бывалый друг, отлетом не спеши;
Останься, будь мне жизнию земною;
Будь ангелом-хранителем души.

К ПОРТРЕТУ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ АЛЕКСЕЕВНЫ

I

Кто на блистательной видал ее чреде,
Тот всё величия постиг очарованье;
Тому, как тайный друг, сопутником везде
Благотворящее о ней воспоминанье.

II

В царицах скромная, любовь страны своей,
И в бурю бед она душой была спокойна;
И век ея свой суд потомству даст об ней:
„Была величия и счастия достойна".

К ПОРТРЕТУ БАТЮШКОВА

С ним дружен бог войны, с ним дружен Аполлон!
Певец любви, отважный воин,
По дарованию достоин славы он,
По сердцу счастия достоин.

К ПОРТРЕТУ ГЁТЕ

Свободу смелую приняв себе в закон,
Всезрящей мыслию над миром он носился.
И в мире все постигнул он —
И ничему не покорился.

ЖИЗНЬ

Отуманенным потоком
Жизнь унылая плыла;
Берег в сумраке глубоком;
На холодном небе мгла;
Тьмою звезды обложило;
Бури нет — один туман;
И вдали ревет уныло
Скрытый мглою океан.

Было время — был день ясный,
Были пышны берега.
Были рощи сладкогласны,
Были зелены луга.
И за ней вились толпою
Светлокрылые друзья:
Юность легкая с *Мечтою*
И живых *Надежд* семья.

К ней теснились, услаждали
Мирный путь ее игрой
И над нею расстилали
Благодатный парус свой.
К ней *Фантазия* летала
В блеске радужных лучей
И с небес к ней прикликала
Очарованных гостей:

Вдохновение с звездою
Над возвышенной главой
И *Харитy* с молодою
Музой, Гения сестрой;
И она, их внемля пенье,
Засыпала в тишине
И ловила привиденье
Счастья милого во сне!..

Все пропало, изменило;
Разлетелися друзья;
В бездне брошена унылой
Одинокая ладья;
Року странница послушна,
Не желает и не ждет
И прискорбно-равнодушна
В беспредельное плывет.

Что же вдруг затрепетало
Над поверхностью зыбей?
Что же прелестью бывалой
Вдруг повеяло над ней?
Легкой птичкой встрепенулся
Пробужденный ветерок;
Сонный парус развернулся;
Дрогнул руль; быстрей челнок.

Смотрит... ангелом прекрасным
Кто-то светлый прилетел,
Улыбнулся, взором ясным
Подарил и в лодку сел;
И запел он песнь надежды;
Жизнь очнулась, ожила
И с волненьем робки вежды
На красавца подняла.

Видит... мрачность разлетелась;
Снова зеркальна вода;
И приветно загорелась
В небе яркая звезда;
И в нее проникла радость,
Прежней веры тишина,
И как будто снова младость
С упованьем отдана.

О хранитель, небом данный!
Пой, небесный, и ладьей
Правь ко пристани желанной
За попутною звездой.

Будь сиянье, будь ненастье;
Будь, что надобно судьбе;
Все для *Жизни* будет счастье,
Добрый спутник, при тебе.

К СТОЛЫПИНУ

Вот вам, слуга Фемиды верной,
Записка с просьбою усердной,
Состряпать *маклерский патент*,
По просьбе ж *Зверева* смиренной,
Здесь в копии вам приложенной.
Неприхотливый мой клиент
Получит всё с сим даром скромным.
Он с маклерством головоломным
Давно на опыте знаком;
Он мещанином был в Белеве
Или купцом; имел свой дом
И торговал. Но рок во гневе
Судил клиенту моему
Безжалостно проторговаться,
Войти в долги и взять суму,
Чтоб только с честностью остаться.
Защитой будьте вы ему!
Слуга закона правосудный,
Я знаю, согласить не трудно
Для вас с достоинством закон.
Прекрасный будет маклер он,
Белёвскому полезный свету.
Судья, поверьте в том поэту!
При нервом ходе на Парнас,
С торжественным всех лир трезвоном
Перед блаженным Аполлоном —
Поставлю свечку я за вас!

* * *

Графиня, будьте вы спокойны!
Счастливцы-рыцари, которых жребий вас
Так нежно занимал, здоровы в добрый час,
И быть здоровыми достойны
За то, что в вас могли участье возбудить!
Приятно умереть, слыхал я, на дуэли!
Но тот, о ком бы вы с минуту пожалели,
Тот будет жизнью дорожить.

* * *

Считаю вызов ваш я милостью судьбы!
Как отказаться от обеда,
К которому зовет соседа —
Любезность милая на *дружбу и грибы*!

* * *

Я только что хотел гонца к вам посылать,
Чтоб попросить у вас условного обеда
Для вашего соседа —
Как ваш гонец пришел меня к вам звать.
Ваш дар: в любезности других предупреждать,
И я, благодаря любезность вашу,
В исходе трех часов явлюсь к вам на обед,
Чтобы, отведав кашу,
Сказать, сидя близ вас: *я счастливый сосед!*

P. S. Прошу вас извинить рассеянность поэта!
Я так был рад тому, что буду видеть вас,
Что проглядел в записке вашей *час*
И ветрено, в конце ответа,

Назначил *свой*,
(Не справясь с стрелкою дворцовой).
Что мы, поэты, все хвораем головой,
Вы знаете; но вам и то уже не ново,
Что, если видеть вас —
Какой час ни пошел, всё будет *добрый час!*

ПРАМАТЕРЬ ВНУКЕ

Мое дитя, со мною от купели
Твой первый шаг житейский соверши;
Твои глаза едва еще прозрели;
Едва зажжен огонь твоей души...
Но ризой ты венчальной уж одета,
Обручена с священным бытием;
Тебя несет праматерь к прагу света:
Отведать жизнь пред вечным алтарем.

Не чувствуя, не видя и не зная,
Ты на моих покоишься руках;
И Благодать, младенчеству родная,
Тебя принять готова в сих вратах;
С надеждою, с трепещущим моленьем
Я подхожу к святыне их с тобой:
Тебя явить пред вечным Провиденьем,
Его руке поверить жребий твой.

О, час судьбы! о, тихий мой младенец!
Пришед со мной к пределу двух миров,
Ты ждешь, земли недавний уроженец,
Чтоб для тебя поднялся тот покров,
За коим всё, что верно в жизни нашей.
Приступим... дверь для нас отворена;
Не трепещи пред сею тайной чашей —
Тебе несет небесное она.

Пей жизнь, дитя, из чаши Провиденья
С младенчески-невинною душой;
Мы предстоим святилищу спасенья,
И здесь его престол перед тобой;
К сей пристани таинственно дорога
Проложена сквозь опыт бытия...
О, новое дитя в семействе Бога,
Прекрасная отчизна здесь твоя.

Сюда иди покорно и смиренно
Со всем, что жизнь тебе ни уделит;
Небесному будь в сердце неизменно —
Небесное тебе не изменит.
Что ни придет с незнаемым грядущим —
Все будет дар хранительной руки;
Мы на земле повсюду с Вездесущим;
Везде к Нему душой недалеки.

Свершилось!.. Ты ль, посол небес крылатый,
Исходишь к ней из таинственных врат?
Ты ль, Промыслом назначенный вожатый,
Земной сестре небесный, верный брат?
Прими ж ее, божественный хранитель;
Будь в радости и в скорби с сей душой;
Будь жизни ей утешный изъяснитель
И не покинь до родины святой.

ЭПИТАФИЯ МИМИ

В могиле сей покоится Мими,
Веселыя природы гость мгновенной!
Он образцом был дружбы неизменной
Меж птицами и даже меж людьми.

Пока был жив товарищ легкокрылый,
Мими играл, и жизнь любил, и пел;
Но верный друг из света улетел —
Мими за ним покинул свет постылый.

Покойся ж здесь, пленительный певец!
Нам доказал нежданный твой конец,
Что без любви — могила жизни краше,
Что наша жизнь лишь там, где сердце наше.

НА СМЕРТЬ ЧИЖИКА

В сем гробе верный чижик мой!
Природы милое творенье,
Из мирной области земной
Он улетел, как сновиденье.

Он для любви на свете жил,
Он нежной песенкой ответной
За ласку нежную платил,
И подлетал к руке приветной.

Но в свете страшно и любить:
Ему был дан дружок крылатый;
Чтоб милого не пережить,
Он в гробе скрылся от утраты!

И, верный, вместе с ним угас.
Они здесь вьют дружной тенью.
И здесь нередко в поздний час
Внимаешь грустному их пенью.

ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ МАРИИ ФЕДОРОВНЕ

От вашего величества давно
Я высочайшее имею повеленье —
О Павловской луне представить донесенье.
Спеша исполнить то, что мне новелено,
И надлежащее окончив обозренье,

Я всеподданнейше теперь имею честь
Стихами вашему величеству донесть
О том, что прозой скудной
Описывать и совестно и трудно.

С послушной музою, с усердною мечтой
По берегам Славянки я скитался,
И ночью за луной
Присматривать старался;
Но с горем должен я признаться, что луна
Лишь для небес теперь сияет красотою!
Знать, исключительно желает быть она
Небесною, а не земной луною;
Иль солнце, может быть, в досаде, что для нас
Она пленительней своей красой заемной,
Чем пышный блеск его, столь тягостный для глаз,
Преобратило ночь в прозрачную из темной,
Дабы чрез то лишить всей яркости луну.
Изгнанница луна теперь на вышину
Восходит нехотя, одним звездам блистает,
И, величаяся прозрачностью ночей,
Неблагодарная земля ея лучей
Совсем не замечает;
Едва, едва при них от сосен и дубов
Ложатся на траву сомнительные тени;
Едва трепещет блеск на зелени лугов,
Едва сквозь зыбкие, решетчатые сени
Прозрачным сумраком наполненных лесов
Печальный полусвет неверно проникает,
Едва туманит он верхи густых древес;
И словом, жить луне мешает
Ревнивый свет ночных небес!
Не изменили ей одни лишь только воды;
В них отражается по-прежнему она:
То полумесяцем всходя на тихи своды;
То пламенным щитом катясь, окружена
Разорванными облаками;
То одинокая, то с яркими звездами;
По-прежнему она — то в зеркале реки
Недвижима сияет,

И в ней нагбенный лес, прибрежны челноки
И тихо шепчущий тростник изображает;
То вдруг, когда порхнет над спящею волной
Пролетный ветерок, с волною затрепещет,
И воды огненной подернет чешуей,
Иль ярко в них блеснет излучистой змеей,
Иль раздробленная заблещет!
Короче: на водах пленительна она,
А на земле как будто не луна,
И солнце гордое, затмив ее собою,
Тирански властвует и небом и землею.
Но как ни жаль луны, а надобно отдать
И солнцу справедливость!
Не безрассудная хвастливость
И не надменное желание блистать
Теченьем пылкого светила управляют:
Прямым достоинством оно
На небесах воцарено,—
Его лучи палят, но вместе и пленяют.
Свидетелем тому сама Славянка нам;
И если вашего величества желанье
Исполнить я не мог, представив описанье
Прекрасной Павловской луны, то смею вам
О солнце Павловском прекрасном
В изображенье беспристрастном
Стихами верными донесть!
Оно приветливо (за то ему и честь!)
К приятной Павловской природе.
Я здесь его видал и в пламенном восходе,
И на полдневной вышине,
И в светозарной тишине
Великолепного с лазури снисхожденья.
Какие пышные творит оно явленья
На очарованных Славянки берегах!
Но величавое в младых лучах рассвета
И неприступное в полуденных лучах,
В спокойном вечере оно с душой поэта
Красноречивей говорит.
Сколь милы в Павловске вечерние картины!
Люблю, когда закат безоблачный горит;
Пылая, зыблются древесные вершины,

И ярким заревом осыпанный дворец,
Глядясь с полугоры в водах, покрытых тенью,
Мрачится медленно, и купол, как венец,
Над потемневшею дерев окрестных сенью
Заката пламенем сияет в вышине
И вместе с пламенем заката угасает.
Люблю смотреть, когда дерновый скат в огне
И сеть багряная во мраке лип сияет;
Когда на падший храм, прорезав ткань листов,
Лучи бросаются златыми полосами,
Горят на белизне разрушенных столпов,
И пеной огненной с кипящими волнами
По камням прядают и гаснут на лету.
Разнообразнее становятся картины,
Когда идем рекой вдоль *Красныя долины*,
Так названной за красоту.
То рощей молодой веселые осины
Столпились на брегу, и легкие листы,
Завесой редкою задернув солнце, блещут
И неколеблемы трепещут;
То воду зеленят прибрежные кусты,
И пламень запада, сквозь чащу их прорвавшись,
В их лиственной сети сверкает из реки;
То ива, разметавшись
И ветви дряхлые оперши на клюки,
Поток завесила своей обширной сенью;
То одинокий вяз с холма через реку
Огромною перетянулся тенью;
То, парус свой отдав на волю ветерку,
Между зелеными брегами
Плывет сияющий челнок,
Куда несет его поток
Одушевленными волнами,
И воздух флагом шевелит,
И рядом тень его бежит,
И струйка следом за кормою
Блестящей тянется змеею;
Там светится в кустах полусокрытый храм,
И тень младых берез, решеткой по стенам
Раскинувшись, чернеет;
А там у башни мост, отважною дугой

Реку перескочив, на зыби вод белеет.
Но место есть — туда вечернею норой
Приходишь следом за мечтой
Влеком неволей сладкой;
Порхает там украдкой
С листочка на листок
Вечерний ветерок.
Там тихо волны плещут,
И трепетные блещут
Сквозь тень лучи небес;
Там что-то есть живое,
Там что-то неземное
За тайну занавес,
Невидимой рукою
Опущенных, манит:
Над юной сей главою
Пророчески горит
Звезда огнем заката;
А жизнь сия крылата,
Молящая в слезах
Невнемлющую младость,
А тихой веры сладость
В сих пламенных очах,
И вечера молчанье,
И мирное сиянье
Сих гаснущих небес
С задумчивою тенью
Недвижимых древес...
Как все воображенью
Здесь душу придает!
Ей слышится полет
Недвижимых прелестных —
Одних уже небесных,
Других еще земных;
И блага лет младых,
И поздних лет утраты,
Товарищи крылаты —
В бывалой красоте
Слетаются к мечте!

Но чувствую, что я забылся,
И что мой вашему величеству отчет
Из описания в поэму превратился;
Напомнить смею вам: о солнце речь идет,
Итак, немудрено, что мысль им разогрета,
Что пламенный предмет воспламенил поэта.
Меня еще картина ждет:
Сей павильон уединенный,
Мечте безмолвной посвященный,
Столь милый именем своим.—
Как он приманчив красотою,
Когда вечернею порою
Долина блещет перед ним!
Когда багряными водами,
Равна с отлогими брегами,
Сверкает тихая река,
Прибрежный бархат тростника
На солнце ярко отливает,
И, приливая, оценяет
Его веселая волна,
И в лоне вод лазурь видна,
И по лазури тихо рея,
То загораясь, то бледнея,
Как дым, вечерни облака
Минуту на небе играют!
Играя с неба улетают
За дуновеньем ветерка.
Здесь милы вечера картины!
В конце раздавшейся долины,
Сквозь пламень запада, село
Глядится в зыбкое стекло
Реки, извившейся дугою;
Там челн, качаемый волною
У брега в чаще тростника,
Мелькает с тенью рыбака;
Там, на дороге, воз скрипучий,
Передвигаяся, пылит;
Там, над рекою, мост зыбучий;
А здесь, под сводами ракит,
Каскад дымится и шумит,

Разбрызнув млечной пеной воды!
Приятно здесь в вечерний час
Подслушивать последний глас
Полузаснувшия природы,
Когда шептанье ветерка,
Иль звучный рог издалека,
Иль говор птиц, иль шум от стада
Перезываются порой
С унылым шумом водопада;
Приятно об руку с мечтой
Здесь, на площадке павильона,
Прохладой вечера дышать
И солнце взором провожать
В его нисходе с небосклона,
Когда безоблачно оно!
Пред ним полнеба зажжено,
Земля в лучах благоухает,
И мнится, ангел отверзает
Ему спокойствия чертог;
Оно, взглянув, как светлый Бог,
На тихое уединенье
Им покидаемых небес,
Последнее благословенье
Из-за таинственных завес
Им, исчезая, посылает,
И долго сладостно сияет
Воспоминанием святым
Его, оставленная им
В залог возврата багряница...
Не благотворная ль царица
Тогда является мечте?
Ты видишь день ее прекрасной,
Всходящий прелестию ясной
И заходящий в красоте!
Его веселие встречает,
Его надежда провожает,
И провожающая ждет,
Что он по-прежнему взойдет
Для уповающих усладой,
Для сирых верною отрадой,

Для всех приветной красотой;
И все с молитвою одной:
Не изменяйся, день прекрасный!
Будь долго радостью очес
И, вечно тихий, вечно ясный,
Не покидай родных небес!

Post-scriptum

Вашему величеству в отчете
Представил с точностью я то, что видел сам;
И ежели моим стихам
Не много удалось сказать о лунном свете,
То не моя вина:
В июне месяце луна,
Как я уже донес, едва-едва сияет;
Ее сонливый свет
Воображения совсем не пробуждает,
И, глядя на нее, лишь сердится поэт.
Но то, что ныне *да*, бывает завтра *нет*,
И строгая велит признаться справедливость,
Что поубавилась уже луны сонливость,
Что донесение мое десятком дней
И боле опоздало;
Пришел июль; ленивей солнце стало,
А ночи сделались темней.
Вчера, имея честь в саду быть вместе с вами,
Заметил мельком я луну за облаками,
И смею утвердить, что сделалась она
Почти по-старому луна,
И что по-старому кругом ее носились
Младые облака воздушною толпой,
То, разлетаясь, серебрились,
То вдруг, слиянные, тянулися грядой,
То волновалися, то рделись, то дымились.
А должно вспомнить, что она
Едва лишь только рождена
И что лишь миг — тогда, как запад догорает —
Серпом серебряным на западе сияет!

Когда же полною заблещет красотой,
То будет, как была, и музе вдохновеньем,
И ночи милым украшеньем,
И павловских небес достойною луной.

Еще *post-scriptum*. Я, сбирая замечанья
Для составления отчета о луне,
Нашел, чего не ждал: счастливый случай мне
Открыл забытый след старинного преданья.
Однажды позднею норой
Я к павильону шел рекой.
Уж всё в окрестности дремало,
И день давно уже погас;
Я был один... вдруг прозвучало!
На крепости пробило час!
Иду... к развалинам дорожка
Вдоль брега привела меня.
Взглянул... и что ж увидел?.. Кошка
В дупле растреснутого пня
Между унадшими столпами,
Как привидение, сидит
И блещет яркими глазами,
И ярко на меня глядит;
Я от нее — она за мною;
Назад я — и она назад;
И все по-прежнему звездою
Сверкает неподвижный взгляд!
Но я к дуплу — и легкой тенью
Она пропала предо мной!
Лишь искры брызнули струей.
Чудяся страшному виденью,
„*Тут тайна есть*“, подумал я;
Не без труда рука моя
Большой корнистый пень разрыла...
И что же, что же наконец,
Его разрыв, она открыла?
Не тяжкий кованый ларец,
Не золота огромный слиток —
Пергаментный истлевший свиток,

И что-то писано на нем
Славянским древним языком;
Но разобрать руконисанье
До сих нор я еще не мог;
Язык старинный, грубый слог...
Однако, знаю, в нем преданье
Какое-то заключено
О князе древния Герсики,
Которого Альберт Великий,
Епископ, сжег (как то давно
Из летописцев нам известно);
Еще упоминают в нем
О сыне князя молодом.
О розе, о любви чудесной
Какой-то девы неземной,
И прочее... Итак, быть может,
Когда фантазия поможет
Мне подружиться с стариной,
Я разгадаю список мой,
Быль небылицею приправлю.
И всеподданнейше представлю
Вам, государыня, в стихах,
О том, что было в древни леты
На тех счастливых берегах,
Где павильон Елизаветы.

29 июля

Я должен вашему величеству признаться;
В неудовольствии большом я на луну.
Возможно ли? Вчера ее на вышину
На ферме ждали мы и не могли дождаться!
Упрямство вижу лишь одно.
По небесам ночной норою
С своею прежней красотою
Она гуляет уж давно,
И я довольно часто в саде
Встречался с нею но ночам;
Мне кажется, она в досаде
За то, что в донесеньи вам

Не поместил я грубой лести
И ей незаслуженной чести
Не отдал, совесть позабыв;
И, солнцу лиру посвятив,
Его прославил в воздаянье
За постоянное сиянье...
Еще догадка есть верней:
Ей показаться было стыдно
В одежде скромной и невидной
Последней четверти своей;
К тому ж, и свет ее не ярок:
Вчерашний день был очень жарок,
Сквозь душный дым паров она
Едва туманисто сияет
И, знойным днем распалена,
Во мгле туманной исчезает
С своей напрасной красотой.
Но если истинной луной
(Застенчивой или упорной)
Мы любоваться не могли,
Зато замену мы нашли
В луне прекрасной *стихотворной.*
Небесную, в небесной мгле
Оставим странствовать с звездами,
Мы стихотворную в столе,
Между летучими листками
Открывши, вызвали на свет.
Любезный грациям поэт
Ей прелесть милыми стихами,
Неизменяемую даль
И тайны все ее сказал
Душе немногими словами;
Как верно он изобразил
Лучей пленительных сиянье!
Он с милой кротостью сравнил
Их животворное влиянье!
Как на лазурной вышине
К очаровательной луне,
Манимы светлой красотою,
Младой игривою семьею

Бегут, летят издалека
Одушевленны облака:
Так все неволею приятной
Летит к богине благодатной.
С веселой нежностью в очах,
С приятной лаской на устах,
Дав руку молодой свободе,
Она приветная стоит,
И радость вкруг нее шумит
В непринужденном хороводе.
Как жаль, что наш Анакреон,
Парнасский баловень, счастливец,
Не в пору сделался ленивец,
И к верной музе на поклон
Стихов пленительных не носит,
Как то бывало встарину,
И что на Пинда вышину
Его и случай не забросит:
Ему бы петь нам про луну,
Мое же бедно дарованье.
Когда б меня он научил,
Я то б воспел, что он забыл:
Священное воспоминанье!
„Как на душу его привет
Унылой думою находит,
Когда безмолвная наводит
Луна свой робкий полусвет
На лик уснувшия природы,
Как сладостно средь тишины
Из блеска трепетной луны
На нас глядят минувши годы —
Бывалых радостей земных
Умчавшееся поколенье!
Как узнает воображенье
Там лица милые родных,
Когда-то мир наш украшавших
И вместе с нами в нем видавших,
Что видим мы теперь без них“.

3 августа

Я должен признаться, в⟨аше⟩ в⟨еличество⟩, что мне стоило большого труда разобрать ту рукопись, которую нечаянный случай открыл мне между развалинами павильона Елизаветы.

Считаю должностью святой
Вам, государыня, признаться,
Что я один не мог добраться
До смысла рукописи той,
Которую судьба зарыла
Таинственно под древний пень,
И где ее доныне тень
Волшебной *кошки* сторожила;
Но Ливий Севера помог
Понять мне непонятный слог
И выбрать золото из сора;
При свете опытного взора
Проникнуть сумрак старины,
И силою воображенья
Из сей священной глубины
Исторгнуть древние виденья.
И вот я сделал перевод
Старинного руконисанья...
Но слова два истолкованья
Сказать мне нужно наперед.
Была Герсика, город славный,
В сем граде Всеволод державный,
Супруг Литовския княжны,
Герой славянския породы,
Княжил пред сим за шесть веков!
Союзник верный, бил врагов,
На все соседние народы
Он страх и трепет наводил!
И сын у Всеволода был
Прекрасный видом, милый нравом,
Неустрашимый, как отец,—
Любовь очей, любовь сердец,
Достойно слывший Радославом.

⟨*13 сентября*⟩

В Литву отец войной ходил;
В Литве он девицу пленил;
Она ж его пленила сына.
Свежа как молодость была
И девой-розою слыла
Между красавиц всей долины.
И душу ей свою отдав,
Жених любимый, Радослав,
Уж близким видел час желанный,
В который стал бы он супруг.
Уж брачный пир готов был — вдруг
Грозою зашумело бранной,
И сына в бой повел отец,
Альберт, Епископ и боец,
Перед Герсикою явился
С полками рыцарей меча;
Главу шеломом облача,
Он сам в рядах как ратник бился.
Разил противников мечом
И в буйном мужестве крестом,
Символом мира и спасенья,
Стремил своих в огонь сраженья.
Герсика в пепел сожжена.
Погибла князева жена,
И с ней погибла вся долина,
И царству славному конец.
И князь, изгнанник и вдовец,
(Спасла судьба ему лишь сына)
Взглянув, рыдая, на Двину,
Над коей град его дымился,
Один в далекую страну
С печальным Радославом скрылся.
Вот все, что верный Клии сын,
Наш вдохновенный Карамзин
О разорении Герсики
И о судьбе ее владыки
Нашел в преданьях для меня!
Итак, без кошки и без пня
Мы вечно были бы в незнанье

О том, что делал князь в изгнанье,
О том, что делал Радослав.
Итак, мой свиток прочитав,
Открыл я то, что утаила
От любопытных старина,
Что муза рассказать забыла
В истории Карамзина.
Близ холмика, где видим ныне
Елизаветин павильон,
По всем приметам жил в пустыне
Святой отшельник; келью он
Себе на том построил месте,
Где, трон и славу потеряв,
Жил Всеволод, где Радослав
О милой сетовал невесте.
Отшельник, может быть, застал
Еще изгнанника в пустыне
И, с ним спознавшись, написал
Нам повесть об отце и сыне.
Он свиток скрыл под древний пень,
К нему приставил кошки тень,
Чтобы сберечь его от света
Для обреченного поэта.
Я обреченный сей поэт,
Но Биограф-анахорет
Еще нам в повести чудесной
За правду говорит о том,
Что скажут с правдой несовместно
И что давно уже умом
Передано воображенью.
Хвала всезрящему уму,
Пускай властно бросать ему
На истребление сомненью
Созданья светлыя мечты
И быть убийцей красоты —
Я верю верою поэта
Сказаниям анахорета!
Но что ж сказал анахорет?
Он в повести своей правдивой,
Изобразив красноречиво

Двух витязей минувших лет,
Рукою сильной отверзает
Нам область тайную духов
И для земных очей снимает
С непостижимого покров.
И все то ложно, что чудесно?
Не то одно, что нам известно,
Что внемлет ухо, видит глаз,
Уму доступное, земное,
Имеет бытие прямое,
Есть и незримое для нас.
Ужель земля все истощила,
И вне ее созданий нет,
И темного стремленья сила
Влечет нас в небывалый свет?
О нет! он есть, сей свет чудесный,
Язык предчувствия небесный
С душой не тщетно говорит.
Душа невидимое зрит!
Ее великая порода
В родстве с невидимым видна,
И жизнью для нее полна
Неистощимою природа!
Нет мертвого! все населил
Бессмертным бытием Создатель,
И самый жадный прах могил
Есть бытия знаменователь.
Взгляните на поблеклый цвет
Во гроб одетого младенца —
То ясный вид переселенца
Прекрасного в прекрасный свет!
Он смерти душу раскрывает
И тихим ангелом летает.
Над ним, столь мило спящим, весть,
Что верой знаемое есть,
И сей глагол, душе понятный,
Толь сладостный, толь благодатный
Нетщетной вымышлен мечтой!
Всегда кругом души летают,
Ее живят и ободряют

Жильцы обители иной,
И самый трепет, с коим внемлет
Она незримого привет,
Создатель занавес иодъемлет,
За коим скрыт нездешний свет,
Своим томительным волненьем
Ей убедительно гласит,
Что нрорицательным виденьем
Ей кто-то близкий предстоит.
Уж миру отдана другому
⟨.....⟩
Во дни блаженныя отцов
Все было полно красотою,
Все жило жизнию двойною
И область светлая духов
Была союзница с земною.
А в наши дни ум все убил!
⟨.....⟩
Фантазия лишилась крил,
История сменила сказки,
А истины все нет как нет!
О нрародители, ваш свет
Прекрасней нашего был света!
Земля была землей поэта
И не была разорена
Очарований сторона.
В каком пределе поднебесной
Она цвела — нам неизвестно,
Но чудеса ея хранит,
Не изменяяся, преданье.
Теперь на западе горит
Одно лишь мертвое сиянье,
И, взором следуя за ним,
Мы равнодушно говорим:
Садится солнце! А в ту пору
Иное там являлось взору:
Земля волшебников и фей
Сквозь тонкий занавес заката
Манила прелестью своей!
Чертоги зрелись там из злата;

Из них по светлым ступеням,
По разноогненным коврам
Младые феи выбегали
Вперед царицы молодой
И в кладези воды живой
Златые чаши наполняли,
И пили молодость из них,
И разлетались и слетались,
И облака вкруг загорались
От риз эфирно-золотых...

* * *

Хотя по-русски я умею
И сам иное сочинить —
Но признаюсь, переводить
Irrésistible я не смею!
Глубокий смысл таится в нем,
Пугающий воображенье.
Во всяком случае другом
Я для него бы выраженье
Свободно в словаре нашел,
Но здесь хотят, чтоб неревел
И с ясностью и с полнотою
Для вас такое слово я.
Здесь муза робкая моя
Мне не поможет, как бывало!
Она иль скажет слишком мало,
Иль слишком станет говорить!
К тому ж, бывает и опасно
То вслух для всех переводить,
Что самому тихонько ясно.
Но если б слово, как ни есть,
Я принужден был перевесть,
Я б не задумался нимало,
Его б мне сердце подсказало
И не спросясь у головы.
Для той, которая как вы

Мила, достойна быть любима,
Да и должна любима быть!
Всего верней переводить
Irrésistible, неизбежима.

* * *

О дивной розе без шипов
Давно твердят в стихах и прозе;
Издревле молим мы богов
Открыть нам путь к чудесной розе:
Ее в далекой стороне
Цветущею воображаем;
На грозной мыслим вышине,
К которой доступ охраняем
Толпой драконов и духов,
Средь ужасов уединенья —
Таится роза без шипов;
Но то обман воображенья —
Очаровательный цветок
К нам близко! В райский уголок,
Где он в тиши благоухает,
Дракон путей не заграждает:
Его святилище хранит
Богиня-благость с ясным взором,
Приветливость — сестра харит —
С приятным, сладким разговором,
С обворожающим лицом —
И скромное Благотворенье
С тем очарованным жезлом,
Которого прикосновенье
Велит сквозь слез сиять очам
И сжатым горестью устам
Улыбку счастья возвращает.
Там невидимкой расцветает
Созданье лучшее богов —
Святая Роза без шипов.

С ТОГО СВЕТА

Он прав, наш Вяземский! Я думал, что он льстец!
Я в истине его катреня сомневался!
Но в свой последний час вчера я сам признался,
Что он тебя хвалил, спросясь у всех сердец!
И чтоб его стихи не оправдать собою,
Чтоб подле *мудрости* свой ум не погубить,
Чтобы хоть умереть со здравою душою —
Себя я поскорей решился уморить!..
Самоубийство мне, увы! не пособило!
Я уморил себя... но то уж поздно было!

ГРАФИНЕ С. А. САМОЙЛОВОЙ

I

Напрасно я мечтою льстился,
Напрасно я вчера просился,
Графиня, к вам, поздравить вас!
Что в поздравленье, вы сказали
И холодно мне отказали —
Благодарю и за отказ!
Не до меня вам — вы с гостями!
Я знаю, повидаться с вами
Теперь небесные пришли
Очарователи земли,
Вас посещавшие и прежде!
Любовь и вера — благодать,
Подруга молодой *надежде*,
И *мудрость*, милая их мать,
Вам давшая свое названье
И вас нарекшая *своей*!
Я ваше не дерзну вниманье
Отвлечь от светлых сих гостей;
А разве тайное желанье
Шепну вам издали душой!

И в нем вам нужды нет, я знаю!
Но я вам благ земных желаю,
Как верный, вшедший в храм святой.
На жертвеннике Провиденья
Приносит теплые моленья
Не для небес, а для себя;
Моляся душу возвышает,
И все в молитве заключает,
И мысль награды истребя!
И кто же запретит мне сладость
Жить с вашим благом, как с мечтой,
Души сопутницей родной,
Желать, чтоб все, что ваша младость
Так обещает нам, сбылось,
Чтоб счастье жизни вам далось
Достойным вас и неизменным,
Не тем ничтожным и пустым
Рассеянно-обыкновенным,
Которое так часто зрим
Желаний ветреных предметом,
Которое — один обман,
К молитвам хладный истукан,
Вотще боготворимый светом!
Кто вашу душу прочитал,
Тот сердца тайным упованьем
Иное счастье вам создал;
Тому любезнейшим желаньем
Сия прекрасная мечта,
И ободряющей звездою
Сияет над его тропою
Любимой жизни красота!
Вас небо, верьте, отличило!
Оно недаром отворило
Вам область опыта, сей свет!
Прекрасного в сем мире нет:
В него *прекрасное* с собою
Мы вносим с нашим бытием!
Мы *лишь в себе* его найдем!
О, ваше сердце верно встретит
Прямую *прелесть жизни* сей,

И ряд веселых фонарей
Дорогу вашу всю осветит!
Пусть друга-ангела рука
Их зажигает перед вами!
А я, хотя издалека
За вами следуя глазами,
Вас буду сердцем провожать
И благодарно их считать!

II

Вчера я вас не убедил
Своею прозою убогой;
С холодностью внимали строгой
Вы все, что я ни говорил.
Не знаю, быть красноречивым,
Умел ли б Цицерон при вас;
Но только знаю, что подчас
Хотя и рад бы стать болтливым,
Но все растеряны слова,
И бродит кругом голова!
Но дело не о том — стихами
Позвольте то мне повторить,
О чем уж я дерзнул просить
Вас прозы скучными словами.
Вот самый верный вам рассказ:
На этих днях — в последний раз,
Когда из Павловского сада
Так быстро я перескочил
На мостовую Петрограда,
Когда я в Петербурге был —
Я шел Фонтанкой, в размышленье,
И ваше божество, *забвенье*,
Ваш верный, неразлучный друг,
Не шло, к несчастию, со мною,
Я был один или с мечтою
Вдвоем — не помню! только вдруг
У Семионовского моста
Служивый Марса молодой,

Приятный, небольшого роста,
С лицом, блестящим остротой,
В измайловском мундире, словом —
Черкасов встретился со мной;
И вижу я, что под покровом
Его веселости живой
Как будто грустное таилось!
Он руку дружески мне дал;
И слово за слово открылось
Мне то, что взор мой угадал!
Увы! по виду он виною
Тяжелою обременен;
Но вправду — виноват ли он?
Зачем коварною судьбою
Ему был тот альбом вручен,
Который вы своей рукою
Весь потрудились исписать?
Его ужасно в руки брать!
Волшебство — каждая там строчка!
Там каждая в линейках точка
Коварным хвостиком своим,
Как талисман, обворожает,
И сердцу глас тот повторяет,
Который, раз быв слышан им,
С ним познакомит вдохновенье,
И раззнакомит с ним — *забвенье*!
Чем виноват Черкасов мой?
Поверьте, долго он сражался
С неизбежимою судьбой,
И ей бы, верно, не поддался,
Когда бы не поддаться мог!
Враждующий какой-то бог
Его невольно в преступленье
Увлек. Отвергнув подозренье,
Сестре любезной в угожденье,
Неосторожным он пером
Ваш переписывал альбом!
А рядом с ним мечта сидела,
И *шепотом* по нотам пела
Все то, что *вслух* певали вы!

И сердце слушало невольно!
А сердца слишком уж довольно
Для потрясенья головы!
Ему всегда победа в споре
С напрасно-гордой головой:
Но что ж, когда еще с судьбой
Она в коварном заговоре?
Неосторожный витязь мой,
Занявшись милой перепиской,
Не мог беды заметить близкой
И лишь тогда ее узнал,
Когда ее добычей стал!
Судьбы постигнувши коварство,
Он вздумал, что найдет лекарство
От яда, выпитого им,
В сообществе с подругой думы,
Которою часы угрюмы
Так часто мы животворим,
Которой действие чудесно,
Которая в досужный час
Приводит неприметно нас
К приятному самозабвенью,
Нас покоряет размышленью
И нам, обманутым тщетой,
Тщеты обманчивость являет —
И призрак, узнанный душой,
С летучим дымом исчезает;
Короче — в помощь слабых сил,
Совсем расстроенных борьбою
С необоримою судьбою,
Черкасов трубку закурил!
Судьба того-то и желала!
Коварная очаровала
Непостоянный трубки дым!
Все мысли вдруг слиялись с ним!
Как легкий гений, подымался
Он над сверкающим огнем —
И милый образ отражался
Душе обрадованной в нем!
И вместе с ним душа летала,

И, с ним летая, прилипала
К тем очарованным листам,
Которых вид, очам опасной,
Ее пленил так самовластно...
Она с ним и осталась там!
Итак, судьбою побежденный,
Черкасов, вам боясь отдать
Альбом ваш, дымом окуренный,
Опять для вас переписать
Его своей рукой решился!
Ужель напрасно он трудился?
Графиня! Умоляю вас:
Не требуйте оригинала!
Его судьба уж наказала!
К тому ж — сказать бы в добрый час! —
То в первый и в последний раз!

* * *

Взошла заря. Дыханием приятным
Сманила сон с моих она очей;
Из хижины за гостем благодатным
Я восходил на верх горы моей;
Жемчуг росы но травкам ароматным
Уже блистал младым огнем лучей,
И день взлетел, как гений светлокрылый!
И жизнью все живому сердцу было.

Я восходил; вдруг тихо закурился
Туманный дым в долине над рекой;
Густел, редел, тянулся, и клубился,
И вдруг взлетел, крылатый, надо мной,
И яркий день с ним в бледный сумрак слился,
Задернулась окрестность пеленой,
И, влажною пустыней окруженный,
Я в облаках исчез, уединенный...

ПУТЕШЕСТВЕННИК И ПОСЕЛЯНКА

Путешественник

Благослови Господь
Тебя, младая мать,
И тихого младенца,
Приникшего к груди твоей;
Здесь, под скалою,
В тени олив твоих приютных,
Сложивши ношу, отдохну
От зноя близ тебя.

Поселянка

Скажи мне, странник,
Куда в палящий зной
Ты пыльною идешь дорогой?
Товары ль городские
Разносишь по селеньям?..
Ты улыбнулся, странник,
На мой вопрос.

Путешественник

Товаров нет со мной.
Но вечер холодеет;
Скажи мне, поселянка,
Где тот ручей,
В котором жажду утоляешь?

Поселянка

Взойди на верх горы;
В кустарнике тропинкой
Ты мимо хижины пройдешь,
В которой я живу;
Там близко и студеный ключ,
В котором жажду утоляю.

Путешественник

Следы создательной руки
В кустах передо мною;
Не ты сии образовала камни,
Обильно-щедрая природа.

Поселянка

Иди вперед.

Путешественник

Покрытый мохом архитрав,
Я узнаю тебя, творящий Гений;
Твоя печать на этих мшистых камнях.

Поселянка

Всё далее, странник.

Путешественник

И надпись под моей ногою;
Ее затерло время:
Ты удалилось,
Глубоко врезанное слово,
Рукой Творца немому камню
Напрасно вверенный свидетель
Минувшего богопочтенья.

Поселянка

Дивишься, странник,
Ты этим камням?
Подобных много
Близ хижины моей.

Путешественник

Где? где?

Поселянка

Там, на вершине,
В кустах.

Путешественник

Что вижу? Музы и хариты.

Поселянка

То хижина моя.

Путешественник

Обломки храма.

Поселянка

Вблизи бежит
И ключ студеный,
В котором воду мы берем.

Путешественник

Не умирая, веешь
Ты над своей могилой,
О Гений; над тобою
Обрушилось во прах
Твое прекрасное созданье...
А ты бессмертен.

Поселянка

Помедли, странник, я подам
Кувшин, напиться из ручья.

Путешественник

И плющ обвесил
Твой лик божественно прекрасный.
Как величаво
Над этой грудою обломков
Возносится чета столбов.

А здесь их одинокий брат.
О, как они,
В печальный мох одев главы священны,
Скорбя величественно, смотрят
На раздробленных
У ног их братий;
В тени шиповников зеленых,
Под камнями, под прахом
Лежат они, и ветер
Травой над ними шевелит.
Как мало дорожишь, природа,
Ты лучшего созданья своего
Прекраснейшим созданьем!
Сама святилище свое
Бесчувственно ты раздробила
И терн посеяла на нем.

Поселянка

Как спит младенец мой.
Войдешь ли, странник,
Ты в хижину мою
Иль здесь, на воле отдохнешь?
Прохладно. Подержи дитя;
А я кувшин водой наполню.
Спи, мой малютка, спи.

Путешественник

Прекрасен твой покой...
Как тихо дышит он,
Исполненный небесного здоровья.
Ты, на святых остатках
Минувшего рожденный,
О, будь с тобой его великий Гений;
Кого присвоит он,
Тот в сладком чувстве бытия
Земную жизнь вкушает.
Цвети ж надеждой,
Весенний цвет прекрасный;
Когда же отцветешь,

Созрей на солнце благодатном
И дай богатый плод.

Поселянка

Услышь тебя Господь!.. А он все спит.
Вот, странник, чистая вода
И хлеб; дар скудный, но от сердца.

Путешественник

Благодарю тебя.
Как все цветет кругом
И живо зеленеет!

Поселянка

Мой муж придет
Через минуту с поля
Домой; останься, странник,
И ужин с нами раздели.

Путешественник

Жилище ваше здесь?

Поселянка

Здесь, близко этих стен
Отец нам хижину построил
Из кирпичей и каменных обломков.
Мы в ней и поселились.
Меня за пахаря он выдал
И умер на руках у нас...
Проснулся ты, мое дитя?
Как весел он! Как он играет!
О милый!

Путешественник

О вечный сеятель, природа,
Даруешь всем ты сладостную жизнь;
Всех чад своих, любя, ты наделила
Наследством хижины приютной.

Высоко на карнизе храма
Селится ласточка, не зная,
Чье пышное созданье застилает,
Лепя свое гнездо.
Червяк, заткав живую ветку,
Готовит зимнее жилище
Своей семье.
А ты среди великих
Минувшего развалин
Для нужд своих житейских
Шалаш свой ставишь, человек,
И счастлив над гробами.
Прости, младая поселянка.

Поселянка

Уходишь, странник?

Путешественник

Да Бог благословит
Тебя и твоего младенца!

Поселянка

Прости же, добрый путь!

Путешественник

Скажи, куда ведет
Дорога этою горою?

Поселянка

Дорога эта в Кумы.

Путешественник

Далек ли путь?

Поселянка

Три добрых мили.

Путешественник

Прости! О, будь моим вождем, природа;
Направь мой страннический путь;
Здесь, над гробами
Священной древности, скитаюсь;
Дай мне найти приют,
От хладов севера закрытый,
Чтоб зной полдневный
Тополевая роща
Веселой сенью отвевала.
Когда ж в вечерний час,
Усталый, возвращусь
Под кров домашний,
Лучом заката позлащенный,
Чтоб на порог моих дверей
Ко мне навстречу вышла
Подобно милая подруга
С младенцем на руках.

ПРИЗВАНИЕ

В робком сердце ожиданье —
Пред святилищем стою;
Благодатное сиянье
Оживит ли грудь мою?
Приступить иль удалиться?
Снять иль нет с дверей затвор?
Недостойному ль явиться
К посвященным в братский хор?

Расступились, зашумели
Словом спертые врата;
Очи тайный мир узрели,
И печать с него снята;
Взор, ко мраку приученный,
В неприступное летит;
Но бесплодно дерзновенный
Меркнет, пламенем облит.

Вдруг простерлось покрывало
Над моею головой;
Тише в смутном сердце стало;
Нежной взяв меня рукой,
Тайный вождь путем священным
К той стране меня ведет,
Где пред взором откровенным
Мрак последний пропадет.

ПЕРСИДСКАЯ ПЕСНЯ

Все глядят и все дивятся:
Что в глазах ее сверкает!
Я молчу, но молча знаю
То, что блеск их выражает.

Ясно, ясно говорит он:
„Одного люблю я страстно!“
Перестаньте ж, добры люди,
Ждать любви ее напрасно.

Скажешь: пламенные духи!
Видя глаз ее сверканье.
Нет! Они лишь обещают
Другу тайное свиданье!

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЬ ВОСПИТАННИЦ ИНСТИТУТА, ПРИ ВЫПУСКЕ

1-й голос

Подруги! час разлуки наступил —
Покинут нам приют наш безопасной!
Беспечно здесь, со младостию ясной,
Играли мы... то сон прекрасный был!
И улетел наш сон прекрасный!

2-й голос

Хранительная сень,
Приют весны *младыя*!
Здесь годы золотые
Для нас прошли, как день!
Здесь нам подругой было
Веселье каждый час,
И счастие у нас
Незваное гостило.
Надежда нам была
Знакома без волненья,
Душа без нетерпенья
Грядущего ждала!
Когда же долетала
О горе весть до нас:
То был нам чуждый глас,
Душа не постигала.
Покой наш сторожил,
Сам ангел наш хранитель,
И он нам изъяснитель
Судьбы земныя был.

3-й голос

Подруги! мы еще не разлучились,
Но близок неизбежный час!
Уж двери нам исхода отворились
И ждет судьба за ними нас!
Мы здесь ее не знаем грозной воли,
Ей чужд был наш приют святой,
Но там... увы! какие вынем доли
Себе из чаши роковой?

Три голоса

Приступим без смятенья
К сей чаше роковой,
То чаша Провиденья,
А не судьбы слепой!
К знакомому нам Богу
Смиренно воззовем
И с верою в дорогу
Житейскую пойдем.

1-й голос

Легко нам верить в Провиденье!
Младым понятное сердцам,
Оно давно открылось нам
В святом лице благотворенья.

2-й голос

Как часто здесь видали
Мы ту перед собой,
Которой имя дали
Сердечное: *родной*!
От нас она таила
Величество царей
И матерью входила
В семью своих детей.
И зримо и незримо —
Хранитель наш была,
И мыслию любимой

В душе у нас жила.
И мы, на расставанье
С приютом детских лет,
Об ней воспоминанье
Возьмем, как благо, в свет.
Оно нам откровенье,
Им жизнь объяснена;
Подруги! Провиденье
Не то же ль, что она?
И мы в печальный час разлуки,
Поднимем вместе к небу руки,
Соединим в последний раз
Сердца в один молящий глас!

Хор

О, Провидение святое!
Тебя, в торжественный сей час,
Когда свершается для нас
Определение земное,
Когда мы в новый путь идем,—
Тебя с надеждою зовем!
В твою хранительную руку
Нам сладостно себя предать,
О, дай во благо нам узнать
Сей жизни трудную науку!
И твой для нас да будет *свет*,
Что был приют сей с детских лет.
Услышь, Хранитель-Провиденье,
Услышь молитвы нашей глас!
И ту, которая для нас
Была твое изображенье —
Благослови! благослови
Ее рукой твоей любви!
А мы, прощаясь со слезами
С своею милою *родной*,
Ей, в дар за всё, обет святой
Приносим детскими сердцами:
В любви к добру — ее любить,
И жизнью — ей не изменить!

БЛИЗОСТЬ ВЕСНЫ

На небе тишина;
Таинственно луна
Сквозь тонкий нар сияет;
Звезда любви играет
Над темною горой;
И в бездне голубой
Бесплотные, летая,
Чаруя, оживляя
Ночную тишину,
Приветствуют весну.

К ГРАФИНЕ ШУВАЛОВОЙ
20 мая 1820. В исходе 11-го часа ввечеру

Уже одиннадцатый час!
Графиня, поздравляю вас
С веселым вашим возвращеньем
Из той печальной стороны,
Куда вы были сновиденьем
Обманчивым отвлечены
От милых света наслаждений,
От ясной младости своей,
От жизни, счастья и друзей!
Поверьте мне, тот мрачный гений,
Который весть вам приносил
О вашей трате невозвратной,
Не грозный гений *смерти* был,
Но *жизни* гений благодатный!
Он вашу душу испытал!
Ея невинности прекрасной
Изображением ужасной
Могилы он не испугал!
Вы с тихой твердостью взглянули
На чашу, поданную вам,
О свете, может быть, вздохнули,

Но поднесли ее к устам
С покорной верой в Провиденье...
Итак, забудьте сновиденье,
Смутившее напрасно вас!
Теперь вы заживо узнали,
Сколь мало страшен смертный час!
Вы на пороге том стояли,
К которому идет наш путь,
К которому невольно мчимся,
Но за который так боимся
Из бытия перешагнуть!
Смотрите! гений-испытатель
На сем пороге роковом
Стоит уж в образе ином!
Веселый блага прорицатель,
Дав руку младости живой,
Обнявшись с милою надеждой,
Он ужас двери гробовой
Своей волшебною одеждой
Для взора вашего закрыл!
Он факел *жизни* воспалил,
Он светит вам к земному счастью!
Он вас к *прекрасному* влечет
Своею дружественной властью!
Идите же, куда зовет
Его священное призванье!
Живите, веря небесам!
Для добрых жизнь очарованье —
Кому ж и жить, когда не вам!

* * *

Минуту нас она собой пленяла!
Как милый блеск, пропала из очес!
Рука Творца ее образовала
Не для земли, а для небес.

ПОДРОБНЫЙ ОТЧЕТ О ЛУНЕ

Послание к Государыне Императрице Марии Федоровне

Хотя и много я стихами
Писал про светлую луну,
Но я лишь тень ее одну
Моими бледными чертами
Неверно мог изобразить.
Здесь, Государыня, пред вами
Осмелюсь вкратце повторить
Все то, что ветреный мой гений,
Летучий невидимка, мне
В минуты светлых вдохновений
Шептал случайно о луне.

Когда с усопшим на коне
Скакала робкая *Людмила*,
Тогда в стихах моих луна
Неверным ей лучом светила;
По темным облакам она
Украдкою перебегала;
То вся была меж них видна,
То пряталась, то зажигала
Края волнующихся туч;
И изредка бродящий луч
Ужасным блеском отражался
На хладной белизне лица
И в тусклом взоре мертвеца.—
Когда ж в санях с *Светланой* мчался
Другой известный нам мертвец,
Тогда кругом луны венец
Сквозь завес снежного тумана
Сиял на мутных небесах;
И с вещей робостью Светлана
В недвижных спутника очах
Искала взора и привета...
Но, взор на месяц устремив,
Был неприветно-молчалив
Пришелец из другого света.—
Я помню: рыцарь *Адельстан*,

Свершитель страшного обета,
Сквозь хладный вечера туман
По Рейну с сыном и женою
Плыл, озаряемый луною;
И очарованный челнок
По влаге волн, под небом ясным
Влеком был лебедем прекрасным;
Тогда роскошный ветерок,
Струи лаская, тихо веял
И парус пурпурный лелеял;
И, в небе плавая одна,
Сквозь сумрак тонкого ветрила
Сияньем трепетным луна
Пловцам задумчивым светила,
И челнока игривый след,
И пышный лебедя хребет,
И цепь волшебную златила.—
Но есть еще челнок у нас;
Под бурею, в полночный час
Пловец неведомый с *Варвиком*
По грозно воющей реке
Однажды плыл в том челноке;
Сквозь рев воды протяжным криком
Младенец их на помощь звал;
Ужасно вихорь тучи гнал,
И великанскими главами
Валы вставали над валами,
И все гремело в темноте;
Тогда *рог месяца блестящий*
Прорезал тучи в высоте
И, став над бездною кипящей,
Весь ужас бури осветил:
Засеребрилися вершины
Встающих, падающих волн...
И на скалу помчался челн;
Среди сияющей пучины
На той скале Варвика ждал
Младенец — неизбежный мститель,
И руку сам невольно дал
Своей погибели губитель;

Младенца нет; Варвик исчез...
Вмиг ужас бури миновался;
И ясен посреди небес,
Вдруг успокоенных, остался
Над усмиренною рекой,
Как радость, месяц молодой.—
Когда ж невидимая сила
Без кормщика и без ветрила
Вадима в третьем челноке
Стремила по Днепру-реке:
Над ним безоблачно сияло
В звездах величие небес;
Река, надводный темный лес,
Высокий берег — все дремало;
И ярко полная луна
От горизонта подымалась,
И одичалая страна
Очам Вадимовым являлась...
Ему луна сквозь темный бор
Лампадой таинственной светит;
И все, что изумленный взор
Младого путника ни встретит,
С его душою говорит
О чем-то горестно-ужасном,
О чем-то близком и прекрасном...
С невольной робостью он зрит
Пригорок, храм, могильный камень;
Над повалившимся крестом
Какой-то легкий веет пламень,
И сумрачен сидит на нем
Недвижный ворон, сторож ночи,
Туманные уставив очи
Неотвратимо на луну;
Он слышит: что-то тишину
Смутило: древний крест шатнулся,
И сонный ворон встрепенулся;
И кто-то бледной тенью встал,
Пошел ко храму, помолился...
Но храм пред ним не отворился,
И в отдаленье он пропал,

Слиясь, как дым, с ночным туманом.
И далее трепетный Вадим;
И вдруг является пред ним
На холме светлым великаном
Пустынный замок; блеск луны
На стены сыплется зубчаты;
В кудрявый мох облечены
Их неприступные раскаты;
Ворота заперты скалой;
И вот уже над головой
Луна, достигнув полуночи;
И видят путиковы очи
Двух дев: одна идет стеной,
Другая к ней идет на стену,
Друг другу руку подают,
Прощаются и врозь идут,
Свершив задумчивую смену....
Но то, как девы спасены,
Уж не касается луны.—
Еще была воспета мною
Одна прекрасная луна:
Когда пылала пред Москвою
Святая русская война —
В рядах отечественной рати,
Певец, по слуху знавший бой,
Стоял я с лирой боевой
И мщенье пел для ратных братий.
Я помню ночь: как бранный щит,
Луна в небесном рдела мраке;
Наш стан молчаньем был покрыт,
И ратник в лиственном биваке,
Вооруженный, мирно спал;
Лишь стражу стража окликал;
Костры дымились, пламенея,
И кое-где перед огнем,
На ярком пламени чернея,
Стоял казак с своим конем,
Окутан буркою косматой;
Там острых копий ряд крылатой
В сиянье месяца сверкал;

Вблизи уланов ряд лежал;
Над ними их дремали кони;
Там грозные сверкали брони;
Там пушек заряженных строй
Стоял с готовыми громами;
Стрелки, припав к ним головами,
Дремали, и под их рукой
Фитиль курился роковой;
И в отдаленье полосами,
Слиянны с дымом облаков,
Биваки дымные врагов
На крае горизонта рдели;
Да кое-где вблизи, вдали
Тела, забытые в пыли,
В ужасном образе чернели
На ярких месяца лучах...
И между тем на небесах,
Над грозным полем истребленья,
Ночные мирные виденья
Свершались мирно, как всегда:
Младая вечера звезда
Привычной прелестью пленяла;
Неизменяема сияла
Луна земле с небес родных,
Не зная ужасов земных;
И было тихо все в природе,
Как там, на отдаленном своде:
Спокойно лес благоухал,
И воды к берегам ласкались,
И берега в них отражались,
И ветерок равно порхал
Над благовонными цветами,
Над лоном трепетных зыбей,
Над бронями, над знаменами
И над безмолвными рядами
Объятых сном богатырей...
Творенье Божие не знало
О человеческих бедах
И беззаботно ожидало,
Что ночь пройдет и в небесах

Опять засветится денница.
А Рок, меж тем, не засыпал;
Над ратью молча он стоял;
Держала жребии десница;
И взор неизбежимый лица
Им обреченных замечал.—
Еще я много описал
Картин луны: то над гробами
Кладбища сельского она
Катится но небу одна,
Сиянием неверным бродит
По дерну свежему холмов,
И тени шаткие дерёв
На зелень бледную наводит,
Мелькает быстро по крестам,
В оконницах часовни блещет
И, внутрь ее закравшись, там
На золоте икон трепещет;
То вдруг, как в дыме, без лучей,
Когда встают с холмов туманы,
Задумчиво на дуб *Минваны*
Глядит, и, вея перед ней,
Четой слиянною две тени
Спускаются к любимой сени,
И шорох слышится в листах,
И пробуждается в струнах,
Перстам невидимым послушных,
Знакомый глас друзей воздушных;
То вдруг на *взморье* — где волна,
Плеская, прыщет на каменья
И где в тиши уединенья,
Воспоминанью предана,
Привыкла вслушиваться Дума
В гармонию ночного шума,—
Она, в *величественный час*
Всемирного успокоенья,
Творит волшебные для глаз
На влаге дремлющей виденья;
Иль, тихо зыблясь, в ней горит,
Иль, раздробившись, закипит

С волнами дрогнувшей пучины,
Иль вдруг огромные морщины
По влаге ярко проведет,
Иль огненной змеей мелькнет,
Или под шлюпкою летящей
Забрызжет неною блестящей...
Довольно; все пересчитать
Мне трудно с Музою ленивой;
К тому ж, ей долг велит правдивый
Вам, Государыня, сказать,
Что сколько раз она со мною,
Скитаясь в сумраке ночей,
Ни замечала за луною:
Но все до сей норы мы с ней
Луны такой не подглядели,
Какою на небе ночном,
В конце прошедшия недели,
Над чистым Павловским прудом
На колоннаде любовались;
Давно, давно не наслаждались
Мы тихим вечером таким;
Казалось все преображенным;
По небесам уединенным,
Полупотухшим и пустым,
Ни облачка не пролетало;
Ни колыхания в листах;
Ни легкой струйки на водах:
Все нежилось, все номеркало;
Лишь ярко звездочка одна,
Лампадою гостеприимной
На крае неба зажжена,
Мелькала нам сквозь занад дымный,
И светлым лебедем луна
По бледной синеве востока
Плыла, тиха и одинока;
Под усыпительным лучом
Все предавалось усыпленью —
Лишь изредка пустым путем,
Своей сопутствуемый тенью,
Шел запоздалый пешеход,

Да сонной нташки содроганье,
Да легкий шум плеснувших вод
Смущали вечера молчанье.
В зерцало ровного пруда
Гляделось мирное светило,
И в лоне чистых вод тогда
Другое небо видно было,
С такой же ясною луной,
С такой же тихой красотой;
Но иногда, едва бродящий,
Крылом неслышным ветерок,
Дотронувшись до влаги спящей,
Слегка наморщивал поток:
Луна звездами рассыпалась;
И смутною во глубине
Тогда краса небес являлась,
Толь мирная на вышине...
Понятное знаменованье
Души в ее земном изгнанье:
Она небесного полна,
А все земным возмущена.
Но как назвать очарованье,
Которым душу всю луна
Объемлет так непостижимо?
Ты скажешь: ангел невидимо
В ее лучах слетает к нам...
С какою вестью? Мы не знаем;
Но вестника мы понимаем;
Мы верим сладостным словам,
Невыражаемым, но внятным;
Летим неволею за ним
К тем благам сердца невозвратным,
К тем упованиям святым,
Которыми когда-то жили,
Когда с приветною Мечтой,
Еще не встретившись с Судьбой,
У ясной Младости гостили.
Как часто вдруг возвращено
Каким-то быстрым мановеньем
Все улетевшее давно!

И видим мы воображеньем
Тот свежий луг, где мы цвели;
Даруем жизнь друзьям отжившим
Былое кажется небывшим
И нас манящим издали;
И то, что *нашим* было прежде,
С чем мы простились навсегда,
Нам мнится *нашим*, как тогда,
И вверенным еще надежде...
Кто ж изъяснит нам, что она,
Сия волшебная луна,
Друг нашей ночи неизменный?
Не остров ли она блаженный
И не гостиница ль земли,
Где, навсегда простясь с землею,
Душа слетается с душою,
Чтоб повидаться издали
С покинутой, но все любимой
Их прежней жизни стороной?
Как с прага хижины родимой
Над брошенной своей клюкой
С утехой странник отдохнувший
Глядит на путь, уже минувший,
И думает: „Там я страдал,
Там был уныл, там ободрялся,
Там утомленный отдыхал
И с новой силою сбирался".
Так наши, может быть, друзья
(В обетованное селенье
Переведенная семья)
Воспоминаний утешенье
Вкушают, глядя из луны
В пределы здешней стороны.
Здесь и для них была когда-то
Прелестна жизнь, как и для нас;
И их манил надежды глас,
И их испытывала тратой
Тогда им тайная рука
Разгаданного Провиденья.
Здесь все их прежние волненья,

Чем жизнь прискорбна, чем сладка,
Любви счастливой упоенья,
Любви отверженной тоска,
Надежды смелость, трепет страха,
Высоких замыслов мечта,
Великость, слава, красота...
Все стало бедной горстью праха;
И прежних темных, ясных лет
Один для них приметный след:
Тот уголок, в котором где-то,
Под легким дерном гробовым,
Спит сердце, некогда земным,
Смятенным пламенем согрето;
Да, может быть, в краю ином
Еще любовью незабытой
Их бытие и ныне слито,
Как прежде, с нашим бытием;
И ныне с милыми родными
Они беседуют душой;
И, знавшись с тратами земными,
Деля их, не смущаясь ими,
Подчас утехой неземной
На сердце наше налетают
И сердцу тихо возвращают
Надежду, веру и покой.

ПИСЬМО К А. Г. ХОМУТОВОЙ

Благодарю вас всей душою!
Вчера мне милою рукою
Графини Бобринской был дан
Сей мрачный том, сей чемодан,
Набитый туго мертвецами,
Предчувствиями, чудесами,
И всем, что так пугает нас.
Люблю я страшное подчас!
Но этот том теперь сто раз

Милей мне милыми стихами,
Которые шепнул шутя
Вам бог парнасский мимоходом,
Лишь для того, чтоб, их прочтя,
Я стал счастливым сумасбродом
И веселился, как дитя.
Я очень рад, что я ваш крестник;
Благодаря моим духам —
Без них пришло ли б в мысли вам
Мне титул: *гробовой прелестник*
Прелестными стихами дать!
Он мой теперь навек, по праву!
Его ни за какую славу
Не соглашуся променять.
Еще ж прибавлю я: вы правы —
Искатели парнасской славы
Мне все *завидовать* должны.
Они, венцом ее пленяясь,
К нему по кочкам, задыхаясь,
Карабкаться осуждены.
Моя ж судьба совсем иная:
Сама Харита молодая
Своим магическим пером
Мне написала мой диплом
На сей венец, поэту лестный,
С улыбкой славе подала,
С улыбкой слава приняла
И полетела в путь небесный;
К нему я бабочкой прильнул
И вслед за славою порхнул...
Хоть я венца и недостоин,
Но мной он получен от вас;
Пускай бранит меня Парнас —
Я буду в совести спокоен!

P.S. Я честь имею вам послать
Тафту для траурного платья.
Не думайте, что наша братья,
Певцы, не знают исполнять,
В жару небесных вдохновений,

Простых земных препоручений.
Поверьте совести моей,
Здесь виноват не сын ваш крестный,
Не Феб, отец его небесный,
Но попросту земной лакей.
Третьеводни довольно ясно
Я Санхе моему сказал,
Чтоб он с тафтой к вам побежал...
Но проповедовал напрасно
В пустыне я глухим ушам!
Служитель мой был непокорен,
Как Феб, который так упорен
Приискивать к моим стихам
И смысл и рифму. В уверенье,
Что он приказ исполнил мой,
Я прихожу вчера домой —
И что ж? Тафта, как привиденье
Ужасное, предстала мне
В бумаге на моем окне!
Я, с неожиданной досады,
Перекувыркнулся раз пять
И уж хотел было кусать
Слугу-ленивца для отрады...
Но я его не укусил.
Зачем же медлил он? — Забыл?
Всё утро дождик ливмя лил,
Нет, не забыл; совсем другое:
И мой посланник рассудил,
Что существо его земное
Небесной смочится водой,
Что лучше для него в покое
Погоды подождать сухой,
И что страшнее простудиться,
Дождем гуляя проливным,
Чем быть здоровым и сухим
И с сыном Феба побраниться.

* * *

Что радость? — Бабочка вдали, вблизи *лягушка.*
Судьба? — Капризная и вздорная *старушка.*
Надежда? — легкая *вертушка.*
А жизнь? — их жалкая *игрушка.*

ПЕСНЯ

Отымает наши радости
Без замены хладный свет;
Вдохновенье пылкой младости
Гаснет с чувством жертвой лет;
Не одно ланит пылание
Тратим с юностью живой —
Видим сердца увядание
Прежде юности самой.

Наше счастие разбитое
Видим мы игрушкой волн,
И в далекий мрак сердитое
Море мчит наш бедный челн;
Стрелки нет путеводительной.
Иль вотще ее магнит
В бурю к пристани спасительной
Челн беспарусный манит.

Хлад, как будто ускоренная
Смерть, заходит в душу к нам;
К наслажденью охлажденная,
Охладев к самим бедам,
Без стремленья, без желания,
В нас душа заглушена
И навек очарования
Слез отрадных лишена.

На минуту ли улыбкою
Мертвый лик наш оживет,
Или *прежнее* ошибкою
В сердце сонное зайдет —
То обман; то плющ, играющий
По развалинам седым;
Сверху лист благоухающий —
Прах и тление под ним.

Оживите сердце вялое;
Дайте быть по старине;
Иль оплакивать *бывалое*
Слез *бывалых* дайте мне.
Сладко, сладко появление
Ручейка в пустой глуши;
Так и слезы — освежение
Запустевшия души.

ПИСЬМО К А. Л. НАРЫШКИНУ

Нарышкин, человек случайный,
Действительный советник тайный,
Гофмаршал русского царя
И заслуженный царедворец,
Вас просит русский стихотворец,
Жуковский (просто говоря),
Чтоб в Петергофе вы призрели
Его земное существо,
И в теплом уголке согрели
С ним то младое божество,
Которое за ним летает,
Ему покоя не дает
И в свете музою слывет.
Он вам богиню поверяет,
Сказав за тайну, что она
Причудлива и прихотлива,
В просторе жить приучена,
Зябка и временем ленива!

Богиня — женщина, и ей
Дана причудничать свобода!
А петергофская природа
Известна сыростью своей!
Легко ей дать певцу потачку
И в нем восторг воспламенить,
Легко певца и простудить,
И за небесную горячку
Земной горячкой заплатить!
Итак, прошу вас о квартире,
Такой, чтоб мог я в ней норой
Непростуженною рукой
Не по студеной бегать лире!
Нельзя ль, чтоб был и камелек!
На севере, где часто вьюга
Сменяет теплый ветерок,
Поэту важная услуга
В камине яркий огонек!
Другую тайну вам открою:
Да я и не один сбираюсь к вам;
Вся сволочь Пинда вслед за мною
Воздушной тянется толпою;
Привыкнув к теплым небесам,
И на земле тепло мне нужно!
К тому же, сверх моих богов,
На всякий случай в Петергоф
Беру семью крылатых снов,
Товарищей мечты досужной,
Волшебниц, лешиев, духов,
Да для моих стихотворений
Запас домашних привидений
И своекоштных мертвецов!
Короче, еду целым домом!
Хотя меня с таким содомом
Вам и трудненько поместить —
Но, знаю, вы найдете средство!
Позвольте, например, спросить:
Нельзя ль мне море дать в соседство!
Нельзя ль найти мне уголок
(Но не забыв про камелек)

В волшебном вашем Монплезире!
Признаться, вспомнишь лишь об нем,
Душа наполнится огнем,
И руки сами рвутся к лире.

Объяснение

Когда без смысла к *Монплезиру*
Я рифмою поставил *лиру*,
Тогда сиял прекрасный день
На небе голубом и знойном,
И мысль мою пленила тень
На взморье светлом и спокойном.
Но всем известно уж давно,
Что смысл и рифма не одно —
И я тому примером снова!
Мне с неба пасмурно-сырова
Рассудок мокрый доказал,
Что Монплезир приют прекрасный,
Но только в день сухой и ясный,
Что от дворца он далеко,
Что хоть поэту и легко
За вымыслами, за мечтами,
За привиденьями, чертями
Воображенье посылать,
Но что на прочие посылки —
Чтоб утром кофе для певца
Принесть из царского дворца,
Чтоб попросить ножа иль вилки,
Чтоб просто сбегать за водой —
Необходим посол другой,
Что на сии препорученья
Небесный гений слишком дик,
И что последний истопник
Проворнее воображенья!
Итак, сказав мое *прости*
Пленительному Монплезиру,
И дав ему для рифмы *лиру*,
Спешу для смысла перейти

Поближе к царскому жилищу!
И здесь, как там, найдет поэт
Свою мечтательную пищу!
Зато здесь ужин и обед
Верней — ведь не одной мечтою,
А делом брать я их привык;
К тому же здесь, ходя за мною,
Не уморится истопник.

К ГОЛИЦЫНУ

Я слова, князь, не позабыл,
Я ваш должник за Каталани!
И если я не заплатил
Еще обещанной вам дани,
То всё я перед вами прав!
Собачий верный биограф,
Я ждал от вас нетерпеливо
Записок точных, чтоб на них
Сослаться в надписи правдивой
И честь воздать в стихах моих,
Согласно с истиною строгой,
Покойнице четвероногой!
Но я напрасно ожидал:
Князь Федор, в шумном круге света,
Среди веселий пировал,
Забыв собаку и поэта.
Пора напомнить вам об ней!
Чтоб в эпитафии моей
Напрасно пышными стихами
Перед потомством не солгать,
Чтоб о собаке не сказать
Того, что часто над гробами
Временщиков и богачей
И полководцев и царей
Чертят бесстыдными резцами
На гордых бронзовых досках.

Короче, чтобы мог в стихах
Я пса покойного представить
В *его*, а не в *чужой* красе,—
Прошу мне полную доставить
Записку о покойном псе.
У вас, я думаю, остался
В бумагах список послужной.
Во-первых: как он назывался?
Потом: породы был какой:
Дворовый, гончий иль лягавой?
Иль пудель с головой курчавой?
Иль мопс, изнеженный храпун,
С наморщенной арапской мордой?
Иль шпиц? иль дог, флегматик гордой?
Иль быстрый английский прыгун?
Иль, может быть, он мышеловкой
Коротконогой вам служил?
Иль триксой желтопузой был?
Или с кудрявою головкой,
С обритой спинкой и хвостом,
Для шутки назывался *львом*?
Был детям мирною игрушкой,
И редко ссорился с подушкой?
Еще знать хочет Аполлон:
Чему покойник был учен?
Умел ли подавать он лапку?
Умел ли по приказу шапку
С прохожих невзначай срывать?
Умел ли, морду приподнявши,
Моргая носом, хвост поджавши,
На задних лапочках стоять?
Да, сверх того, каков был свойством:
Приветен был *ли* для *своих*?
Умел ли лаять на *чужих*?
И отличался ли геройством,
Когда случалось вызывать
Ему на рыцарскую драку
За кость соперницу-собаку?
Короче, я желаю знать

В подробность всё, что с ним случалось,—
Какою смертью умер он,
Когда и где похоронён,
И много ли сирот осталось,
Чтобы об нем воспоминать,
Чтобы для вас, ворча и лая,
Покойника изображая,
Его утрату заменять?

К КН. А. Ю. ОБОЛЕНСКОЙ

Итак, еще нам суждено
Дорогой жизни повстречаться,
И с *милым прошлым* заодно
В воспоминанье повидаться.
Неволею, внимая вам,
К давно утраченным годам
Я улетал воображеньем;
Душа была пробуждена —
И ей нежданным привиденьем
Минувшей жизни старина
В красе минувшей показалась.
И вам и мне — в те времена,
Когда лишь только разгоралась
Денница младости для нас —
Одна прекрасная на час
Веселой гостьей нам являлась;
Ее живая красота,
Пленительная, как мечта
Души, согретой упованьем,
В моей душе с воспоминаньем
Всего любимого слита;
Как сон воздушный мне предстала
На утре дней моих она
И вместе с утром дней пропала
Воздушной прелестию сна.
Но от всего, что после было,

Что невозвратно истребило
Стремленье невозвратных лет,
Ее, как лучший жизни цвет,
Воспоминанье отделило...
Идя назначенным путем,
С утехой тайной видит странник,
Как звездочка, зари посланник,
Играет в небе голубом,
Пророчествуя день желанный;
Каков бы ни был день потом,
Холодный, бурный иль туманный —
Но он о звездочке своей
С любовью вспомнит и в ненастье.
Нашлось иль нет земное счастье —
Но *милое минувших дней*
(На ясном утре упованья
Нас веселившая звезда)
Милейшим будет завсегда
Сокровищем воспоминанья.

К КНЯГИНЕ А. Ю. ОБОЛЕНСКОЙ

Княгиня! для чего от нас
Вы так безжалостно спешите?
На *годы* скрыться вы хотите,
Нам показавшися *на час*.
Я знаю: *что, какою* властью
К Москве старинной вас манит!
Я знаю дивный сей магнит:
По почте скачете вы *к счастью*.
Нельзя ль мне на ухо шепнуть,
Когда вы сей открыли путь,
И как его открыть возможно?
Нельзя ль *маршрута* показать
И мне на случай подписать
Своей рукою *подорожной?*
О благодатной стороне,

Где это счастие таится,
Известно но преданью мне;
Порою же об нем и снится!
Но милый сон, как ни зову,
Прийти не хочет наяву,
Хотя прийти бы и не трудно!
В нем всё и просто и не чудно,
И сверхъестественного нет!
Об этом счастье вздорный свет
Имеет ложные познанья;
Его жилищу описанья
В печатных книгах не найдем;
Любимцы же его о нем
Рассказывать весьма ленивы:
Счастливцы вечно молчаливы,
Одно несчастие — крикун!
Но мой домашний говорун —
Досужное *воображенье* —
Мне сочинило наугад!
Хотя сей бог на первый взгляд
Очаровательной приманкой
И не коснется до души,
Но нечувствительно, в тиши,
Приятностью, лицом, осанкой
Сдружит вас нехотя с собой!
Он жить привык в ладу с природой;
Любовь с доверчивой *свободой*
И верный спутник их *покой*
Гостят безвыходно у бога
И отгоняют от порога
Его им вверенных дверей
Душегубительную *ревность*.
Стыдливость, пред которой древность,
Не воздвигая алтарей,
В молчании благоговела —
Прелестный сторож красоты,
Без блеска риз, без наготы,
Сего счастливого предела
Очарование хранит,
И, угощая в нем *харит*,

Узнать препятствует *Гимену*
Подругу скуки — *перемену*.
Умеренность, *довольства* друг,
Порядок, их животворитель,
Занятие, души хранитель,
Приятный брат его *досуг*,
С ним неразлучное *веселье*
И легкокрылое *безделье*,
Товарищ резвости младой,
Живут там дружною семьей.
И в сем приюте всё земное
Приемлет существо иное:
Надежда радостнее там,
Живее *вера* в Провиденье,
Печаль находит утоленье
В сердечном слове: *пополам!*
Там даже *смерть*, пришлец жестокий,
Склонясь на одр неодинокий,
Теряет хладный ужас свой;
Жизнь, уводя одной рукою,
Спешит разоблачить другою
Лицо *грядущего* для нас
И платит нам за быстрый час
Мучительного расставанья
Надеждой вечного свиданья!..
Но виноват!.. Без нужды вам
Высокопарными стихами
Описываю то, что сами,
Назло и музе и стихам,
Верней вы опытом узнали!
Назвать бы имя божества,
И вы бы вмиг, без колдовства,
Всё остальное угадали!
Сей бог — докончу в двух словах —
Есть бог *семейственного счастья*;
Его могу я без пристрастья
Хвалить и в прозе и в стихах:
Я от него благодеяний
До сей поры не получал,
А что я знаю, то узнал

Из сновидений и преданий.
Известно: должно быть *двоим*,
Чтоб сметь явиться перед ним —
Для одиноких нет приема!
Княгиня! вас прошу теперь! —
К нему дорога вам знакома! —
Нельзя ль, чтоб отворилась дверь
В его пристанище святое
И для меня,— чтоб в добрый час
Вдруг *я* преобразился в *нас*,
Чтоб *я один* вдруг стал *нас двое!*
Прошу мне спутника найти
Такого, чтоб к жилищу бога
Была приятна с ним дорога,
Чтоб не пришлось с нолупути
Назад бежать, не озираясь!
Хоть, вам доверчиво вверяясь,
И не боюсь я *не дойти*;
Но все на всякий страх желаю
(Чтоб легче было выбирать)
Попутчика вам описать,
Каким его воображаю.
Скажу вам: *он*, иль нет, *она*
Уж не ребенок быть должна:
Ребенку надобен учитель!
А я, мечтательного зритель,
Глядел до сей поры на свет
Сквозь призму сердца, как поэт!
С его прекрасной стороною
Я неиспорченной душою
Знаком, но в тридцать с лишком лет
Я всё дитя, и буду вечно
Дитя, жилец земли беспечной;
Могу товарищем я быть
Во всем, что в жизни сей *прекрасно*;
С душой невинною и ясной
Могу свою я душу слить:
Но неспособен зорким взглядом
Приманок света различать;
Могу на счастье руку дать,

Но не *вперед* идти, а *рядом*.
Что вам сказать о красоте?
Я не желаю идеала,
Одной знакомого мечте;
Хочу, чтобы она пленяла
Не тем, что может взор пленять,
Чему легко названье дать,
На что есть в лексиконе слово,
Но что умчит стремленье лет...
Но тем, чему названья нет,
Что вечно молодо и ново
И что прекрасней красоты!
Какие б ни были черты,
Желаю только, чтоб сияло
Сквозь их живое покрывало
Мне сердце, чистое, как день!
Нет совершенства, и напрасно
Его желать нам! Здесь прекрасно
Лишь то, в чем слиты *свет и тень*!
Боюсь разборчивости строгой!
Чтобы идти земной дорогой,
Большой не надобен запас...
Любовь к добру — и в добрый час!
Еще б я много здесь прибавил;
Но нас в Москву зовущий рок,
К несчастью, слишком малый срок
Моей болтливости оставил!
Итак, желаю, чтоб *она*
Со мной *в дурном* была *сходна*,
А в *добром разнилась* со мною;
Страдая вместе злом одним,
Скорее зло мы *истребим*;
Добро ж, согласною душою
Деля, в *одно* соединим;
Рассудок ясный и надежный
Я предпочту неосторожной,
Хотя и милой, *остроте*;
Хочу, чтоб свет она судила
В спокойной сердца простоте,
И мыслью верною светила,

Не ослепляя, в тишине,
Как друг-путеводитель мне!
Не *пылкого* воображенья,
Живого я желаю ей;
Одно — товарищ заблужденья,
Другое — гений наших дней,
На всех путях цветы находит
И краски свежие наводит
На жизнь, поблекшую от лет...
.....
.....
Княгиня, вас уж с нами нет!
Мелькнули вы, как привиденье!
И, бедный сирота-поэт,
Я остаюсь теперь в сомненье:
Вы *сами* ль показались мне,
Иль только ваша тень во сне
Являлась мне с воспоминаньем
О днях веселыя Москвы,
С любезностью, с очарованьем,
Каким тогда пленяли вы,
И с милостивым обещаньем
Необходимой мне жены?
Как жаль, что нас такие сны
Лишь мимоходом навещают,
Лишь только дразнят счастьем нас,
И прочь летят в тот самый час,
Когда остаться обещают!
Как жаль, что с вами суждено
Моей судьбою своенравной
Мне быть знакомым — так давно,
А быть коротким — так недавно!
Умом бы ясным и живым
Вы сонный ум мой разбудили
И зоркость опыта сдружили
С слепым ребячеством моим,
Не испугав воображенья!
Как жаль, что ваши наставленья
Не могут мне компасом быть!
Я признаюсь: опасно плыть

Мне по морю *большого света*
С обманчивой звездой поэта:
Любуясь милой сей звездой
И следуя мечтой послушной
За прелестью ее воздушной,
Я руль позабываю мой,
Не знаю камней, жертвы ждущих,
И в обольстительных лугах
Зрю призрак берегов *цветущих*
На *неприступных* берегах...
Но вас здесь нет, и вас напрасно
В путеводители мне звать!
Кое-как буду путь опасный,
Судьбе отдавшись, продолжать!
Беречь свой челн от потопленья
Среди неверной глубины,
И терпеливо доставленья
Ждать мне обещанной жены.

ПЕСНЯ

Птичкой певицею
Быть бы хотел;
С юной денницею
Я б прилетел
Первый к твоим дверям;
В них бы порхнул
И к молодым грудям
Милой прильнул.

Будь я сиянием
Дневных лучей,
Слитый с пыланием
Ярких очей,
Щеки б румяные
Жарко лобзал,
В перси бы рдяные,
Вкравшись, пылал.

Если б я сладостным
Был ветерком,
Веяньем радостным
Тайно кругом
Милой летал бы я;
С долов, с лугов
К ней привевал бы я
Запах цветов.

Стал бы я, стал бы я
Эхом лесов;
Всё повторял бы я
Милой: *любовь*...
Ах! но напрасное
Я загадал;
Тайное, страстное
Кто выражал?

Птичка, небесный цвет,
Бег ветерка,
Эха лесной привет
Издалека —
Быстры, но ясное
Нам без речей,
Тайное, страстное
Всё их быстрей.

ПЕСНЯ

Розы расцветают,
Сердце, отдохни;
Скоро засияют
Благодатны дни,
Все с зимой ненастной
Грустное пройдет;
Сердце будет ясно;
Розою прекрасной
Счастье расцветет.

Розы расцветают —
Сердце, уповай;
Есть, нам обещают,
Где-то лучший край.
Вечно молодая
Там весна живет;
Там, в долине рая,
Жизнь для нас иная
Розой расцветет.

ПЕСНЯ

К востоку, все к востоку
Стремление земли —
К востоку, все к востоку
Летит моя душа;
Далеко на востоке,
За синевой лесов,
За синими горами
Прекрасная живет.

И мне в разлуке с нею
Все мнится, что она —
Прекрасное преданье
Чудесной старины,
Что мне она явилась
Когда-то в древни дни,
Чтоб мне об ней остался
Один блаженный сон.

ЛАЛЛА РУК

Милый сон, души пленитель,
Гость прекрасный с вышины,
Благодатный посетитель
Поднебесной стороны,
Я тобою насладился
На минуту, но вполне:
Добрым вестником явился
Здесь небесного ты мне.

Мнил я быть в обетованной
Той земле, где вечный мир;
Мнил я зреть благоуханной
Безмятежный Кашемир;
Видел я: торжествовали
Праздник розы и весны
И пришелицу встречали
Из далекой стороны.

И блистая и пленяя —
Словно ангел неземной —
Непорочность молодая
Появилась предо мной;
Светлый завес покрывала
Отенял ее черты,
И застенчиво склоняла
Взор умильный с высоты.

Все — и робкая стыдливость
Под сиянием венца,
И младенческая живость,
И величие лица,
И в чертах глубокость чувства
С безмятежной тишиной —
Все в ней было без искусства
Неописанной красой!

Я смотрел — а призрак мимо
(Увлекая душу вслед)
Пролетал невозвратимо;
Я за ним — его уж нет!
Посетил, как упованье;
Жизнь минуту озарил;
И оставил лишь преданье,
Что когда-то в жизни был!

Ах! не с нами обитает
Гений чистый красоты;
Лишь порой он навещает
Нас с небесной высоты;
Он поспешен, как мечтанье,
Как воздушный утра сон;
Но в святом воспоминанье
Неразлучен с сердцем он!

Он лишь в чистые мгновенья
Бытия бывает к нам
И приносит откровенья,
Благотворные сердцам;
Чтоб о небе сердце знало
В темной области земной,
Нам туда сквозь покрывало
Он дает взглянуть порой;

И во всем, что *здесь* прекрасно,
Что наш мир животворит,
Убедительно и ясно
Он с душою говорит;
А когда нас покидает,
В дар любви у нас в виду
В нашем небе зажигает
Он прощальную звезду.

* * *

Теснятся все к тебе во храм,
И все с коленопреклоненьем
Тебе приносят фимиам,
Тебя гремящим славят пеньем;
Я одинок в углу стою,
Как жизнью, полон я тобою,
И жертву тайную мою
Я приношу тебе душою.

ЯВЛЕНИЕ ПОЭЗИИ В ВИДЕ ЛАЛЛА РУК

К востоку я стремлюсь душою!
Прелестная впервые там
Явилась в блеске над землею
Обрадованным небесам.

Как утро юного творенья,
Она пленительна пришла
И первый пламень вдохновенья
Струнами первыми зажгла.

Везде любовь ее встречает;
Цветет ей каждая страна;
Но всюду милый сохраняет
Обычай родины она.

Так пролетела здесь, блистая
Востока пламенным венцом,
Богиня песней молодая
На паланкине золотом.

Как свежей утренней порою
В жемчуге утреннем цветы,
Она пленяла красотою,
Своей не зная красоты.

И нам с своей улыбкой ясной,
В своей веселости младой,
Она казалася прекрасной
Всеобновляющей весной.

Сама гармония святая —
Ее нам мнилось бытие,
И мнилось, душу разрешая,
Манила в рай она ее.

При ней все мысли наши — пенье!
И каждый звук ее речей,
Улыбка уст, лица движенье,
Дыханье, взгляд — все песня в ней.

ВОСПОМИНАНИЕ

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: *их нет*;
Но с благодарностию: *были*.

В АЛЬБОМ Е. А. АЛЯБЬЕВОЙ, рожденной Римской-Корсаковой

Кто вас случайно в жизни встретит,
Тот день нечаянный такой
Меж днями счастия заметит,
И скажет случаю *спасибо* всей душой!
И я ему, причудливому богу,
Спасибо всей душой сказал
За то, что мне он на дорогу
Попутчиком любезным дал

Приятное об вас воспоминанье!
На чуже страннику сей дар — благодеянье!
С таким товарищем не скучен скучный путь,
Веселый веселее вдвое!
Кто ж раз увидел вас, тому невольно в грудь
Вселяется желание живое:
Чтоб в жизни встретить вас еще когда-нибудь,
Чтоб, стоя счастия, вы и счастливы были,
Но чтоб и нового знакомца не забыли!

МОРЕ

Элегия

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарован над бездной твоей.
Ты живо; ты дышишь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мне глубокую тайну твою:
Что движет твое необъятное лоно?
Чем дышит твоя напряженная грудь?
Иль тянет тебя из земныя неволи
Далекое светлое небо к себе?..
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто в присутствии чистом его:
Ты льешься его светозарной лазурью,
Вечерним и утренним светом горишь,
Ласкаешь его облака золотые
И радостно блещешь звездами его.
Когда же сбираются темные тучи,
Чтоб ясное небо отнять у тебя —
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезает, и тучи уходят,
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блеск возвращенных небес

Не вовсе тебе тишину возвращает;
Обманчив твоей ненодвижности вид:
Ты в бездне покойной скрываешь смятенье,
Ты, небом любуясь, дрожишь за него.

* * *

Узрев черты сии пленительно-живые,
Как можно тайну угадать!
Всяк скажет: две сестры прелестно-молодые!
Никто не скажет: дочь и мать!

В АЛЬБОМ А. А. В.⟨ОЕЙКОВОЙ⟩

Ты свет увидела во дни моей весны,
Дни чистые, когда всё в жизни так прекрасно,
Так живо близкое, далекое так ясно,
Когда лелеют нас магические сны;
Тогда с небес к твоей спокойной колыбели
Святые Радости подругами слетели —
Их рой сном утренним кругом тебя играл;
И *Ангел прелести*, твоя родня, с любовью
Незримо к твоему приникнул изголовью
И никогда тебя с тех пор не покидал.
Лета прошли — твои все спутники с тобою;
У входа в свет с живой и ждущею душою
Ты в их кругу стоишь, прелестна, как они.
А я, знакомец твой в те радостные дни,
Я на тебя смотрю с веселием унылым;
Теснишься в сердце ты изображеньем милым
Всего минувшего, всего, чем жизнь была
Так сладостно полна, так пламенно мила,
Что вдохновением всю душу зажигало,
Всего, что лучшего в ней было и пропало...

О упоение томительной мечты,
Покинь меня! *Желать* безжалостно ты учишь;
Не воскрешая, смерть мою тревожишь ты;
В могиле мертвеца ты чувством жизни мучишь.

1822

⟨ЗАПИСКА К Н. И. ГНЕДИЧУ⟩

I

Сладостно было принять мне табак твой, о выспренний Гнедич!
Буду усердно, приявши перстами, к преддвериям жадного носа
Прах сей носить благовонный и, сладко чихая, сморкаться!
Будет платкам от него помаранье, а носу великая слава!
Где ты сегодня? Что Алексей Николаевич? Лучше ль
Стало ему? Постараюся ныне с ним видеться утром.
Если б ты, Николай, взгомозился зайти по дороге за мною:
Вместе б пошли мы, дорогой вещая крылатые речи друг другу!

ПОБЕДИТЕЛЬ

Сто красавиц светлооких
Председали на турнире.
Все — цветочки полевые;
А моя одна как роза.
На нее глядел я смело,
Как орел глядит на солнце.
Как от щек моих горячих
Разгоралося забрало!
Как рвалось пробиться сердце
Сквозь тяжелый, твердый панцирь!
Светлых взоров тихий пламень
Стал душе моей пожаром;
Сладкошепчущие речи
Стали сердцу бурным вихрем;
И она — младое утро —
Стала мне грозой могучей;
Я помчался, я ударил —
И ничто не устояло.

⟨ЗАПИСКА К Н. И. ГНЕДИЧУ⟩

II

Я также, Николай Гомерович почтенный,
Имею честь поздравить вас
С тем, что когда-то в этот час
Вы были Николай *новорожденный.*

НОЧЬ

Уже утомившийся день
Склонился в багряные воды,
Темнеют лазурные своды,
Прохладная стелется тень;
И ночь молчаливая мирно
Пошла по дороге эфирной,
И Геспер летит перед ней
С прекрасной звездою своей.

Сойди, о небесная, к нам
С волшебным твоим покрывалом,
С целебным забвенья фиалом.
Дай мира усталым сердцам.
Своим миротворным явленьем,
Своим усыпительным пеньем
Томимую душу тоской,
Как матерь дитя, успокой.

9 МАРТА 1823

Ты предо мною
Стояла тихо.
Твой взор унылый
Был полон чувства.
Он мне напомнил
О милом прошлом...
Он был последний
На здешнем свете.

Ты удалилась,
Как тихий ангел;
Твоя могила,
Как рай, спокойна!
Там все земные
Воспоминанья,
Там все святые
О небе мысли.

Звезды небес,
Тихая ночь!..

* * *

Ты всё жива в душе моей!
Нет, не покинула ты землю...
Ты предо мной! Тебе я внемлю,
О светлый ангел прежних дней!
Но, ах! все та же в сердце младость!
А жизнь давно уж отцвела;
Я испытал любови сладость,
Но не воротится она!

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

на скоропостижную кончину именитого ПАУКА ФАДЕЯ, служившего целые сутки комнатным пауком у Ея превосходительства Варвары Павловны Ушаковой, отличного благонравием, обжорством и пузом и кончившего дни свои в пузырьке, в котором Ея превосходительству благоугодно было его закупорить и поминутно кувыркать. 1823-го года сентября 13

И так ты кончил жизнь, почтеннейший наш друг!
Фадей-паук!
Досель обременен ты был тяжелым грузом!
Ты в одиночестве, на тоненьких ногах,
Таскался по земле с большим узорным пузом
И часто, часто мог затоптан быть во прах!
Но счастием судьба на миг тебя прельщала!
Варвара Павловна в саду тебя нашла,
В великокняжеский дворец неревела
И там — увы! — тебя до смерти заласкала!
Прости! ты кончил жизнь в ея прекрасном цвете!
И будут многие завидовать на свете
Кончине счастливой твоей,
Фадей!

АНГЕЛ И ПЕВЕЦ

Кто ты, Ангел светлоокой,
С лучезарною звездой?
Из какой страны далекой
Прилетел на север мой?

— „Прилетел я из прекрасной
Полуденной стороны,
Где без зноя небо ясно,
Где предел младой весны!“

Сладко мне твое явленье!
Гость воздушный, в добрый час!
Полюбуйся на творенье
И на севере у нас;

Но пленительному югу
Для чего ж ты изменил?..
— „Небом данную подругу
Я на север проводил!

Где над Неккаром дубровы
Сеннолиственны шумят,
Где на холме пурпуровый
Созревает виноград.

Там, сердца обворожая
Тихой прелестью своей,
Непорочно молодая
Расцветала дочь царей!

Спутник ей от колыбели
Тайно зрел я, как в тиши
Родилися и созрели
Красоты ее души.

Провидение судило
Вам питомицу мою!
Дар примите! Всё, что мило,
С нею вам передаю!“

Светлый Ангел с лучезарной
Путеводною звездой!
Милый дар твой благодарно
Принимает север мой!

Здесь, под сению державы
Благотворныя, живет
Верный ей, достойный славы
И прославленный народ.

И любима им младая
Будет спутница твоя!
Здесь готова ей родная
С нежной матерью семья!

И с доверчивым участьем.
С сердцем, где добро живет,
Здесь ее делиться счастьем
Дружба радостная ждет!

И младой душе супруга
Жизнь другую даст она,
И, союза их подруга,
Будет радость им верна!..

Ты же, Ангел, проводивший
К нам ее в полночный край,
Ты, досель ее хранивший,
И отныне сохраняй!

— „Навсегда с ее душою
Будет верный Ангел жить
И хранительной звездою
Неизменно ей светить!

И уже в стране лазурной,
За границею земной,
Духи жизни с тайной урной
Собрались перед судьбой!

Умоляют, уповают,
С умиленной верой ждут,
И цветами обвивают
Полный жребиев сосуд".

Дай обетам исполненье!
О, судьба, не измени!
Провиденье, Провиденье!
Защити и сохрани!

* * *

Я Музу юную, бывало,
Встречал в подлунной стороне,
И Вдохновение летало
С небес, незваное, ко мне;
На все земное наводило
Животворящий луч оно —
И для меня в то время было
Жизнь и Поэзия одно.

Но дарователь песнопений
Меня давно не посещал;
Бывалых нет в душе видений,
И голос арфы замолчал.
Его желанного возврата
Дождаться ль мне когда опять?
Или навек моя утрата
И вечно арфе не звучать?

Но все, что от времен прекрасных,
Когда он мне доступен был,
Все, что от милых темных, ясных
Минувших дней я сохранил —
Цветы мечты уединенной
И жизни лучшие цветы,—
Кладу на твой алтарь священный,
О Гений чистой красоты!

Не знаю, светлых вдохновений
Когда воротится чреда,—
Но ты знаком мне, чистый Гений!
И светит мне твоя звезда!
Пока еще ее сиянье
Душа умеет различать:
Не умерло очарованье!
Былое сбудется опять.

ПРИВИДЕНИЕ

В тени дерев, при звуке струн, в сиянье
Вечерних гаснущих лучей,
Как первыя любви очарованье,
Как прелесть первых юных дней —
Явилася она передо мною
В одежде белой, как туман;
Воздушною лазурной пеленою
Был окружен воздушный стан;
Таинственно она ее свивала
И развивала над собой;
То, сняв ее, открытая стояла
С темнокудрявой головой;
То, вдруг всю ткань чудесно распустивши,
Как призрак, исчезала в ней;
То, перст к устам и голову склонивши,
Огнем задумчивых очей
Задумчивость на сердце наводила.
Вдруг... покрывало подняла...
Трикраты им куда-то поманила...
И скрылася... как не была!
Вотще продлить хотелось упоенье...
Не возвратилася она;
Лишь грустию по милом привиденье
Душа осталася полна.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЬ,
петая воспитанницами Общества благородных девиц, при выпуске 1824 года

Прости, убежище святое,
Где наше утро золотое
Так мирно радовало нас!..
В защитном здесь уединенье
Мы зрели райское виденье,
Небесный слышали мы глас!
Но райский призрак улетает,
Небесный голос умолкает...
Спешит, спешит разлуки час!

О ты, младенчества обитель,
Да будет гений твой хранитель —
Всегда хранитель верный твой!
Да будет всё, что здесь бывало,
Что нас лелеяло, пленяло —
Невинность, радостный покой,
И легкий труд, и отдых ясный,
И детских лет союз прекрасный —
Неизменяемо с тобой!

Мы, уводимые судьбою,
С благословеньем и мольбою
Стремим к тебе последний взгляд,
Предел покоя и свободы,
Вы, древни стены, пышны воды,
Забав свидетель, мирный сад!
Для нас прошли беспечны лета!
Мы покидаем вас для света!
Мы не придем уже назад!

Еще мы здесь — рука с рукою!
Но близок час — и за судьбою
Путями розными пойдем!
Здесь вместе мы вверялись счастью,
А *там*, под тайной рока властью,
Мы все иное обретем!
Готовит свет нам испытанье!
Да будет же *воспоминанье*
Для вас хранящим божеством.

Минувшее не миновалось!
Во глубине души осталось
Оно сокровищем святым!
И мы, не розно и в разлуке,
К житейской приступив науке,
Надеждой сердце ободрим!
Здесь, в тишине уединенья,
Мы были дети Провиденья —
И в шуме света будем с Ним!

Его, его мы призываем!
Его храненью поверяем
Здесь покидаемых друзей!
Живите, радуйтесь, играйте,
И, нам подобно, расцветайте,
Подруги наших лучших дней!
И нашу *матерь* — нашу радость —
Да утешая, ваша младость
Об вас напоминает ей.

О, наша милая *родная*,
Твою обитель покидая,
Уносим в сердце образ *твой!*
И что б в грядущем нас ни ждало,
Повсюду будет, как бывало,
Для нас любимою мольбой:
„Чтоб Небо *милую* хранило!
Чтоб долго дней ее светило
Сияло радостью земной!“

ТАИНСТВЕННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

Кто ты, призрак, гость прекрасной?
К нам откуда прилетал?
Безответно и безгласно
Для чего от нас пропал?
Где ты? Где твое селенье?
Что с тобой? Куда исчез?
И зачем твое явленье
В поднебесную с небес?

Не Надежда ль ты младая,
Приходящая порой
Из неведомого края
Под волшебной пеленой?
Как она, неумолимо
Радость милую на час
Показал ты, с нею мимо
Пролетел и бросил нас.

Не Любовь ли нам собою
Тайно ты изобразил?..
Дни любви, когда одною
Мир для нас прекрасен был,
Ах! тогда сквозь покрывало
Неземным казался он...
Снят покров; любви не стало;
Жизнь пуста, и счастье — сон.

Не волшебница ли Дума
Здесь в тебе явилась нам?
Удаленная от шума
И мечтательно к устам
Приложивши перст, приходит
К нам, как ты, она порой
И в минувшее уводит
Нас безмолвно за собой.

Иль в тебе сама святая
Здесь Поэзия была?..
К нам, как ты, она из рая
Два покрова принесла:
Для небес лазурно-ясный,
Чистый, белый для земли:
С ней все близкое прекрасно;
Все знакомо, что вдали.

Иль Предчувствие сходило
К нам во образе твоем
И понятно говорило
О небесном, о святом?
Часто в жизни так бывало:
Кто-то светлый к нам летит,
Подымает покрывало
И в далекое манит.

МОТЫЛЕК И ЦВЕТЫ

Поляны мирной украшение,
Благоуханные цветы,
Минутное изображение
Земной, минутной красоты;
Вы равнодушно расцветаете,
Глядяся в воды ручейка,
И равнодушно упрекаете
В непостоянстве мотылька.

Во дни весны с востока ясного,
Младой денницей пробужден,
В пределы бытия прекрасного
От высоты спустился он.
Исполненный воспоминанием
Небесной, чистой красоты,
Он вашим радостным сиянием
Пленился, милые цветы.

Он мнил, что вы с ним однородные
Переселенцы с вышины,
Что вам, как и ему, свободные
И крылья и душа даны;
Но вы к земле, цветы, прикованы;
Вам на земле и умереть;
Глаза лишь вами очарованы,
А сердца вам не разогреть.

Не рождены вы для внимания;
Вам непонятен чувства глас;
Стремишься к вам без упования;
Без горя забываешь вас.
Пускай же к вам, резвясь, ласкается,
Как вы, минутный ветерок;
Иною прелестью пленяется
Бессмертья вестник мотылек...

Но есть меж вами два избранные,
Два ненадменные цветка:
Их имена, им сердцем данные,
К ним привлекают мотылька.
Они без пышного сияния;
Едва приметны красотой:
Один есть цвет воспоминания,
Сердечной думы цвет другой.

О милое воспоминание
О том, чего уж в мире нет!
О дума сердца — упование
На лучший, неизменный свет!
Блажен, кто вас среди губящего
Волненья жизни сохранил
И с вами низость настоящего
И пренебрег и позабыл.

ПОЕЗДКА НА МАНЕВРЫ

Вчера был день прекрасной доле:
По царской чудотворной воле
Я дам и фрейлин провожал
Туда, где на широком поле
Учтивый Марс увеселял
Гостей несмертоносным боем:
Там гром гремел, но не разил;
Там каждый, кто в войне героем
Не для одной игрушки был,
Героем мог быть для игрушки;
Там залпами стреляли пушки
И одиночные стрелки,
Там быстрым шагом шли полки
По барабану, чтоб без драки
Сломить мечтательных врагов;
Там были сшибки казаков,
Тяжелой конницы атаки,
Там было всё, чем страшен бой,—
Лишь смерти не было одной.
Едва блеснул небес светильник,
Из облака прокрался свет,
Проснулся проводник-поэт;
В докучный обратясь будильник,
Пугнул и дам и фрейлин он,
Сказав, что сонный Аполлон
Велел к крыльцу небес златому
Коней небесных подводить,—
Что князь Гагарин, может быть,
К дворцовому крыльцу простому
Простых извозчичьих коней
С тремя ландо, с одной коляской,
Велит подвесть еще скорей;
Но предвещанье было сказкой:
Проспал неверный ездовой!
Земные кони опоздали
(Не часто фрейлинам давали),
А сновидения летали;
Что им до солнечных лучей?

От милых фрейлинских очей
Сон удалил поэт докучный;
В болезни ожиданья скучной,
Нахмурясь, князь Гагарин был,
Махал с досады он руками,
И но дороге он ходил
Нетерпеливыми шагами,
Надеясь, верно, что скорей
Он, ходя, выходит коней.
Уже шестого половина,
Шестого сорок пять минут:
Поэт вздыхал, а дамы ждут.
Вот улыбнулася судьбина —
И три ландо с коляской тут!
Все радостно перекрестились;
Садятся... сели... Что ж? помчались?
Нет, с новой встретились бедой:
Один задорливый ландо
Вдруг заупрямился раскрыться;
Туда, сюда, ландо упрям;
Он всех переупрямил дам,
Принудил их переселиться
Без церемонии в другой,
А сам отправился пустой,
И чуть трагической развязки
В сем фарсе не увидел свет:
Чтоб дамам угодить, поэт
Полез неловко из коляски,
И так себя заторопил,
Что при неловкости проворной
Едва, с отвагой стихотворной,
Себе он шею не сломил,—
А всё ландо не отворил!
Но тем и кончилось страданье
Гагарина, певца и дам,
И небо, внявши их мольбам,
Вознаграждая ожиданья,
Без остановки привело
Нас прямо в Красное Село.

Среди равнины там широкой
Воздвигнут рукотворный холм;
Скамьи дерновые на нем;
С него всё поле видит око.
Лишь дамы на него взошли,
Едва лишь сесть на нем успели,—
Перуны Марса загремели,
И заклубился дым вдали;
Вблизи же нас, среди равнины
Стояли тихие дружины,
Сомкнувшись, зрелись в тишине;
Был слышен грохот барабанов;
На горизонте, в стороне,
Недвижно грозный строй уланов
Из-за кустарника сверкал,
И ветер быстрый колыхал
Их орифламмы боевые,—
А влеве, изготовясь в бой,
Колонны конницы густые
Стояли тучей громовой.
Кони под всадниками ржали,
И яркой молнией сверкали
Лучи по медным шишакам!
И артиллерии летучей
Громады грозно вслед полкам
Шумящей двигалися тучей...
Но ближе гром, и ближе дым...
И вдруг, на высотах, мы зрим:
Строй необъятный появился,
Как будто вырос из земли!
Весь горизонт вдруг задымился,
И в пламени, в дыму, в пыли,
На всех концах зажглось сраженье!
В ужасно-тихом отступленье
Всё войско потянулось к нам,
Чтоб наступающим врагам
Дать строем, вмиг перемещенным,
Неожидаемый удар!
Открылся взорам изумленным
Сраженья весь ужасный жар;

Вдруг артиллерия вскакала
В раздвинувшийся интервал!
Дым облаками побежал,
Земля от грома задрожала!
Остановился мнимый враг;
Под барабан удвоив шаг,
Полки колоннами густыми
Пошли, ружье наперевес,
Вперед, вперед! — и враг исчез!
Вдруг воинства как не бывало!
И вся окрестность замолчала.
Не слышен боле пушек гром,
Лишь дым вился еще кругом,
И дамы на холме шли сами
В свои ландо, и за полками
Тихонько им пустились вслед;
Стрелков уже не видно боле...
А князь Гагарин и поэт
Через пустое битвы поле
Пошли, хоть солнце их и жгло,
Пешочком, в Красное Село.

⟨ГР. А. Е. КОМАРОВСКОЙ⟩

Давно уж нет мне вдохновенья!
Мы раззнакомились давно!
Не откликается оно,
Не пробуждает песнопенья!
А смертно хочется писать
Стихи на ваши именины!
Но что ж, неужли пожелать,
Как водится, вам от Судьбины
Того, что может дать она! —
Ведь это будет старина!
Мне надоели мадригалы —
Товар Парнасский обветшалый,—
Не могут быть достойны вас!
Как жаль, что Гений мой погас!
Ваш Ангел — если бы хоть мало
Как прежде жив покойник был —
Я в этом слове всё б открыл!
Оно б для сердца музой стало.
Но как же случай потерять,
Позвольте что-нибудь сказать.
Я свет не часто посещаю,
Но в свете вас когда встречаю,
Всегда любуюся на вас!
Для самых беспристрастных глаз
Вы Грация; люблю за вами,
Таясь в толпе, летать глазами,
Когда летите в вальсе вы,
Не прикасаяся к паркету;
Тогда не трудно головы
И не поэту и поэту
Лишиться надолго — и я
До сей поры не понимаю,
Как не потеряна моя.
Когда ж об вас воспоминаю,

Всегда передо мной стоит
Прелестно-милое виденье
И радует воображенье
И что-то сердцу говорит.
Харитой вас всегда являла
Мне постоянная мечта.
С последнего ж, признаться, бала
Картина сделалась не та.
Не в вихре вальса, не живою
Очаровательницей глаз
Воображаю нынче вас...
Но одинокою, хромою!
Все вижу я, как вы тишком,
С блестящим свежестью лицом,
Наморщенным от мнимой боли,
Хромаете из доброй воли
И, опершися на костыль,
Для взора кажетесь милее,
Чем в те часы, когда как фея
Одушевляете кадриль.

* * *

Друзья, без горести на гроб взирайте мой!
Да он питает в вас не скорбь, а упованье!
В нем — ненарушимый покой!
За ним — свиданье!

ХОР ДЕВИЦ ЕКАТЕРИНИНСКОГО ИНСТИТУТА
на последнем экзамене, по случаю выпуска их, 1826 года февраля 20 дня

Расстаемся, расстаемся
Мы с пределом детских лет!
Мы судьбе, зовущей в свет,
Невозвратно предаемся.
Будь, что нам пошлет она...
В этот час не упованьем,
Но святым воспоминаньем
В нас душа напоена.

Здесь спокойно протекали
Золотые наши дни —
Как младенчество, они
Сном пленительным пропали!
Часто в наш беспечный круг
Матерь милая являлась,
К нам приветливо ласкалась,
Нам была нежнейший друг!

Был у нас другой хранитель,
Честь земли, земли краса;
Он уж взят на небеса!
Небеса его обитель!
И напрасно мы хотим
Возвратить его мольбами:
Он невидимо над нами,
Но для нас невозвратим.

Ах, из той небесной сени,
Где таишься ты от нас,
Преклонись на детский глас,
Удалившийся наш гений!

Утешением слети
К сердцу матери томимой!
Будь сопутник ей незримой,
Снова мир ей возврати!

* * *

Был у меня товарищ,
Уж прямо брат родной.
Ударили тревогу,
С ним дружным шагом, в ногу
Пошли мы в жаркий бой,

Вдруг свистнула картеча...
Кого из нас двоих?
Меня промчалось мимо;
А он... лежит, родимой,
В крови у ног моих.

Пожать мне хочет руку...
Нельзя, кладу заряд.
В той жизни, друг, сочтемся;
И там, когда сойдемся,
Ты будь мне верный брат.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЬ,
петая воспитанницами Общества благородных девиц, при выпуске 1827 года

Миновались, миновались
Дни младенчества для нас!
Сами прежде расставались
Мы с подругами не раз;
Со слезами провожали
Их в незнаемый нам свет
И молитвы посылали
Удалившимся вослед.

Ах! пришло и наше время
Слышать грустное *прости*!
Взять заботой жизни бремя,
В свет незнаемый идти!
О друзья! друзья! внемлите
Удаляющихся глас:
Сохраните, сохраните
Память верную об нас!

Мы идем, куда отселе
Небеса нас поведут!
Там на жизненном пределе
Два сопутника нас ждут:
Ободритель — *упованье*,
Гений младости живой,
И любовь — *воспоминанье*,
Страж земного неземной.

О, святое *упованье!*
Озаряй нам жизни даль!
Счастью будь очарованье,
Заговаривай печаль:

Мир невидимо-небесный
В мире видимом являй,
И в предел, душе известный,
По земле нас провожай!

Ты же, друг — *воспоминанье*,
С нами будь! Пролей свое
Благодатное сиянье
На земное бытие!
Говори о том, что было
Счастьем наших лучших лет,
Чтоб для нас хоть в сердце жило
То, чего уж в жизни нет!

Лик твой душу утешает!
Он ей сладостно знаком!
Нам хранительно сияет
Покидаемая в нем!
Ты — *она*! в твоей святыне
Всё для нас заключено!
Где ни будем, нам отныне
Мысль *о ней* и жизнь — одно!

ПРИНОШЕНИЕ

Тому, кто *Арфою* чудесный мир творит!
Кто таинства *покров* с Создания снимает,
Минувшее животворит
И будущее предрешает!

К ГЁТЕ

Творец великих вдохновений!
Я сохраню в душе моей
Очарование мгновений,
Столь счастливых в близи твоей!

Твое вечернее сиянье
Не о закате говорит!
Ты юноша среди созданья!
Твой гений, как творил, творит.

Я в сердце уношу надежду
Еще здесь встретиться с тобой:
Земле знакомую одежду
Не скоро скинет *гений* твой.

В далеком полуночном свете
Твоею Музою я жил.
И для меня мой *гений* Гете
Животворитель жизни был!

Почто судьба мне запретила
Тебя узреть в моей весне?
Тогда душа бы воспалила
Свой пламень на твоем огне.

Тогда б вокруг меня создался
Иной, чудесно-пышный свет;
Тогда б и обо мне остался
В потомстве слух: он был поэт!

НА МИР С ПЕРСИЕЮ

Мы вспомнили прекрасно старину!
Через Кавказ мы пушки перемчали;
В один удар мы кончили войну,
И Арарат, и мир, и славу взяли!

И Русской — в том краю, где был
Утешен мир дугой завета —
Свои знамена утвердил
Над древней колыбелью света!

⟨ЗАПИСКА К Н. И. ГНЕДИЧУ⟩

III

Здравствуй, мой друг, Николай Иванович Гнедич! Не сетуй,
Долго так от меня не имея ни строчки ответной;
Ведаешь, милый Гомеров толмач, что писать я не падок!
Ведаешь также и то, что и молча любить я умею;
Можешь об этом узнать от одесской новой знакомки;
Рад я весьма за тебя, что с нею ты встретился. Верь мне,
Дружба ея целительней воздуха. Крымское небо,
Память древности светлой, величие Понта, беседу
Женщины милой, с душой поэтической, песни Гомера,
Мир души, беззаботность — всё это смешай хорошенько
В чистой воде Иппокрены, и пей ежедневно, и будешь
Снова здоров. Честь имею пребыть с совершенным почтеньем,
Милостивый Государь, покорным слугою: Жуковский.

ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ АЛЕКСАНДРЕ ФЕДОРОВНЕ

Ты памятник себе святой соорудила,
Бездомным отворив приют сей, дочь царей!
Голодных царскою рукой ты накормила;
Нагих одела ты порфирою своей.

С величием земным небесное смиренье
Слияла ты, приняв Христа за образец;
Престолу царскому — краса благотворенье,
И светел благостью властителей венец.

Из сердца твоего любви вода живая
Льет исцеление в сосуд скорбей земных,
И взор сияет твой, страдальца ободряя,
Светлее всех твоих алмазов дорогих.

Бог дал тебе твой сан наград своих залогом;
Ты знаешь: сеем здесь, а жнем на небесах;
Здесь данный нищему стакан воды — пред Богом
Заступнее за нас, чем славы гордый прах.

Ты гласу Божию смиренно покорилась
И бесприютного причла к семье своей,
Призрела сироту, с вдовицею сдружилась —
Благословенна будь пред Богом, дочь царей!

Ты знаешь: на земле прекрасней чем богатство,
Прекрасней почестей, прекрасней красоты
Благотворения с несчастьем робким братство
И за богатого молитва нищеты.

И созданный тобой сей дом благотворенья
Великолепных всех прекрасней он палат:
Там для скорбящего ты ангел утешенья,
Там благость Божию в твоей боготворят;

Там Богу молятся — и те мольбы доступны —
Чтобы от бед земных тебя он оградил,
Чтобы он в вечности покой свой неподкупный
В твоей душе, ему здесь верной, водворил.

Но, сердцем женщина, а мыслию царица,
И здесь уж прочную ты славу обрела:
Убогий, сирота, недужный и вдовица
В потомках возвестят любви твоей дела;

И их история внесет в одну страницу
С делами славными супруга твоего:
Он бодрою рукой взял предков багряницу,
Сравнилась благостью ты с бодростью его.

У ГРОБА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ

В ночь накануне Ея погребения

Итак, Твой гроб с мольбой объемлю;
Итак, покинула Ты землю,
Небесно-чистая душа;
Как Божий ангел, соверша
Меж нами путь благотворящий,
Как день, без облак заходящий,
Ты удалилася от нас.
Неизъяснимый смертный час!
Еще досель не постигаем,
Что на земле Тебя уж нет...
Тобой был так украшен свет!
Еще так тесно мы сливаем
Тебя со всем, что в мире есть
Нам драгоценного, святого;
Еще привычкою обресть
Тебя всё мним среди земного;
А ты?.. О! каждого из нас
Часть жизни умерла с тобою;

С Твоей отшедшею душою
Какой-то сладкий свет угас,
Которым сердце ободрялось,
В котором таинство являлось
Святого Промысла ему.
Тобою радуясь беспечно,
Мы жизнь твою считали вечной...
И вдруг ко гробу твоему
Идем на вечную разлуку.
Твою ль целуем мы в слезах,
Досель подательницу благ,
Теперь бесчувственную руку?
Ты ль в багрянице, иод венцом
С сим безответственным лицом
На глас любви, на глас печали?
Такою ль мы тебя видали?..
Сей погребальный фимиам;
Сей лик, едва в нем зримый нам;
Сия возвышенная рака,
Среди таинственного мрака
Одна стоящая в лучах,
Блистанье гробового трона,
Главы лишенная корона,
Порфира, падшая на прах...
Невыразимое виденье!
Трепещет здесь воображенье
Пред ужасом небытия...
Но здесь же умиленно я
Отрадным ангелом на землю
Сходящий сладкий голос внемлю:
Не возмущайтеся душой!
О! это ты; сей голос твой.
Заутра пышность сей гробницы,
Сей прах минувшия царицы
Земле навеки отдадут —
Но что же, что в ней погребут?
Лишь гроб, лишь скрытое во гробе,
Лишь смерти безымянный знак;
В земной таинственной утробе
От глаз сокроет вечный мрак

Один лишь вид уничтоженья,
Один символ небытия...
Но жизнь прекрасная Твоя,
Символ прекрасный Провиденья,
Меж нами будет, как была,
Всегда жива, чиста, светла,
Воспоминаньем благодатна,
И сердцу вечно безутратна.
В решительный прощанья час
С любовью, с горьким сокрушеньем,
С невыразимым умиленьем,
Я падаю в последний раз
Перед гробницею Твоею...
О! я дерзаю перед нею
За всю Россию говорить,
И голос мой соединит
Все голоса, в сие мгновенье
В одно слиянное моленье:
„Благодарим, благодарим
Тебя за жизнь Твою меж нами!
За трон Твой, царскими делами
И сердцем благостным твоим
Украшенный, превознесенный;
За образец Тобой явленный
Божественныя чистоты;
За прелесть кроткой простоты
Среди блистанья царской славы;
За младость дев, за жизнь детей,
За чистые, душой Твоей
Полвека сохраненны нравы,
За благодать, с какою Ты
Спешила в душный мрак больницы,
В приют страдающей вдовицы
И к колыбели сироты...
С Тобой часть жизни погребая,
И матерь милую свою
В Тебе могиле уступая,
В минуту скорбную сию,
В единый плач слиясь сердцами,

Все пред Тобою говорим:
Благодарим! благодарим!
И некогда потомки с нами
Все повторят: *благодарим!*

ВИДЕНИЕ

Блеском утра озаренный,
Светоносный, окрыленный,
Ангел встретился со мной.
Взор его был грустно-ясен,
Лик задумчиво-прекрасен;
Над главою молодой
Кудри легкие летали,
И короною сияли
Розы белые на ней;
Снега чистого белей
На плечах была одежда;
Он был светел, как надежда,
Как покорность небу, тих;
И на крылиях живых —
Как с приветственного брега
Голубь древнего ковчега
С веткой мира — он летел...
С чем летел? куда?.. Я знаю!
Добрый путь! благословляю,
Божий Ангел, твой удел.
Ждут тебя: твое явленье
Будет там, как Провиденье,
Откровенное очам;
Сиротство увидишь там,
Младость плачущую встретишь
И скорбящую любовь
И для них надеждой вновь
Опустелый мир осветишь...
С ними был твой чистый брат;
Срок земной его свершился,

Он с землей навек простился,
Он опять на небо взят;
Ты им дан за их утрату;
Твой черед — благотворить
И отозванному брату
На земле заменой быть.

СОЛНЦЕ И БОРЕЙ

Солнцу раз сказал Борей:
„Солнце, ярко ты сияешь!
Ты всю землю оживляешь
Теплотой своих лучей!..
Но сравнишься ль ты со мною?
Я сто раз тебя сильней!
Захочу — пущусь, завою
И в минуту мраком туч
Потемню твой яркий луч.
Всей земле свое сиянье
Ты без шума раздаешь,
Тихо на небо взойдешь,
Продолжаешь путь в молчанье,
И закат спокоен твой!
Мой обычай не такой!
С ревом, свистом я летаю,
Всем верчу, все возмущаю,
Все дрожит передо мной!
Так не я ли царь земной?..
И труда не будет много
То на деле доказать!
Хочешь власть мою узнать?
Вот, гляди: большой дорогой
Путешественник идет;
Кто скорей с него сорвет
Плащ, которым он накрылся,
Ты иль я?..“ И вмиг Борей
Всею силою своей,

Как неистовый, пустился
С путешественником в бой.
Тянет плащ с него долой.
Но напрасно он хлопочет...
Путешественник вперед
Все идет себе, идет,
Уступить никак не хочет
И плаща не отдает.
Наконец Борей в досаде
Замолчал; и вдруг из туч
Показало Солнце луч,
И при нервом Солнца взгляде,
Оживленный теплотой,
Путешественник по воле
Плащ, ему не нужный боле,
Снял с себя своей рукой.
Солнце весело блеснуло
И сопернику шепнуло:
„Безрассудный мой Борей!
Ты расхвастался напрасно!
Видишь: злобы самовластной
Милость кроткая сильней!“

УМИРАЮЩИЙ ЛЕБЕДЬ

День уж к вечеру склонялся,
Дряхлый лебедь умирал.
Он в тени дерев лежал,
Тихо с жизнию прощался
И при смерти сладко пел.
И над ним сидел уныло
Голубочек сизокрылый,
Слушал пение, смотрел,
Как покойно он кончался,
И грустил и восхищался.
„Что глядишь на старика?“ —
Так спросила голубка

Легкомысленная утка.
„Ах! для сердца и рассудка
Смерть его — святой урок! —
Отвечал ей голубок.—
Слышишь, как он сладкогласно
При конце своем поет!
Кто на свете жил прекрасно,
Тот прекрасно и умрет!“

ЗВЕЗДА И КОМЕТА

„Посторонись! дорогу дай!“
(Звезде бродящая комета закричала)
„Ты неподвижно здесь сияла,
А я с моим хвостом все небо облетала!
Мой путь издалека! Спешу в далекий край!
Пусти, ленивая! лететь мне не мешай!“
Звезда, не давши ей ответа,
Осталася в *своих* лучах среди небес,—
А светом *не своим* блестящая комета
Промчалась вдаль, а там и след ее исчез.
На скучное болтанье
Насмешника глупца какой ответ?..—
Молчанье!
Пускай он, хвастая, кричит,
Не отвечайте — замолчит!

* * *

Меня ты хочешь знать, я *всё* и *ничего*!
Бываю видим я для взора твоего
В такую только пору,
Когда незрящему ничто не видно взору!
Я без лица, когда являюся с лицом;

Без слов, а говорю; кто слышит, тем не внятен;
Лишь тем, чей заперт слух, мой разговор понятен;
Творю из ничего, не будучи творцом;
Кажуся истинным, когда бываю ложным;
Всё от могущества зависит моего,
Всё невозможное могу явить возможным,
Всё дать могу — и дать не властен ничего!
К тебе я прихожу неслышною стопою;
Я был вчера с тобой, быть может, и теперь,
Но ты всегда один — в тот час, как ты со мною;
Хоть я не человек, не птица и не зверь —
Однако я и зверь и человек и птица!
Не зришь меня в лицо, но зришь мои ты лица!
Я громок не гремя, пылаю без огня,
Без блеска быть могу блистательнее дня,
Короче — я в моих явленьях незаметных
Могу перед тобой быть в образах несчетных;
Но знай, когда твоим являюся очам,
Не существую я, и этот *я* ты сам;
Не будучи ничем, я всё в себе имею,
И свойства принимать на свете все умею!
Бываю тягостен, бываю и легок,
Могу быть страшен, тих, приятен и глубок,
То долог чересчур, то страшно быстротечный,
Бываю смертен я, но быть могу и вечный.
Хоть обнимаю всё, себя не дам обнять,
Однако для тебя легко меня поймать!
Переверни меня, и буду под глазами,
Тогда себя схватить позволю и руками.

• ИЗ „СОБИРАТЕЛЯ“ •

ПАМЯТНИКИ

I

То место, где был добрый, свято!
Для самых поздних внуков там звучит
Его благое слово, и живет
Его благое дело.

II

Кто скрыт во глубине сих грозных пирамид?
Внимай! Забвенье здесь со смехом говорит:
Они .мои! Я их пожрало!
Воспоминанье здесь оковы разорвало.

III

Смертный! смерти учись на могиле вечного града!
Гроб великого Рима! приличное место учиться,
Как разрешенья судьбы ожидать с равнодушным покоем.

МЫСЛИ
(Из Гёте)

I

Чист душой ты был *вчера*,
Ныне действуешь прекрасно —
И от *завтра* жди добра;
Бывшим будущее ясно.

II

Будь *не солнечен* наш глаз —
Кто бы солнцем любовался?
Не живи Дух Божий в нас —
Кто б божественным пленялся?

СМЕРТНЫЙ И БОГИ

Клеанту ум вскружил Платон.
Мечтал ежеминутно он
О той гармонии светил,
О коей мудрый говорил.
И стал Зевеса он молить
Хотя минуту усладить
Его сим таинством небес!..
„Несчастный! — отвечал Зевес.—
О чем ты молишь? Смертным, вам
Внимать не должно небесам,
Пока вы жители земли!“
Но он упорствовал: „*Внемли!*
Отец, тебя твой молит сын!“
И неба мощный властелин
Безумной просьбе уступил
И слух безумцу отворил;
И стал внимать он небесам,

Но что ж послышалося там?..
Земных громов стозвучный стук,
Всех молний свист, из мощных рук
Зевеса льющихся на нас,
Всех яростных орканов глас
Слабей жужжанья мошки был
Пред сей гармонией светил!
Он побледнел, он в прах упал.
„О, что ты мне услышать дал?
То ль небеса твои, отец?..“
И рек Зевес: „Смирись, слепец!
И знай: доступное богам
Вовеки недоступно вам!
Ты слышишь бурю грозных сил...
А я — гармонию светил“.

HOMER

Веки идут, и веки уходят, а пенье Гомера
Все раздается, и свеж, вечен Гомеров венец.
Долго думав, природа вдруг создала и, создавши,
Молвила так: одного будет Гомера земле!

* * *

Некогда муз угостил у себя Геродот дружелюбно!
Каждая муза ему книгу оставила в дар.

ГЛАВК ДИОМЕДУ

Друг, для чего о породе моей меня вопрошаешь?
Листьям лесным племена человеков подобны. На землю
Ветер бросает увядшие листья; другие выводит
Лес, оживая с весной молодою. И люди подобно!
Племя одно настает — исчезает племя другое.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ДЛЯ ЛОТЕРЕИ В ПОЛЬЗУ БЕДНЫХ

1

Забудь житейские заботы,
Уписывая бергамоты.

2

Кто истинный славянороссс,
Тот вмиг проглотит абрикос.

3

В невинности души твоей
Ты можешь разом съесть десяток кренделей.

4

Когда ты чернокнижник,
Ты можешь превратить в червонец сей булыжник.

5

Это очень вкусно,
Ешь, не будет грустно.
Ах, как будешь ты счастлив,
Убирая чернослив.

6

Если твой не смутен ум,
Жуй и ешь себе изюм.

7

В ком ясен ум, душа светла,
Тому по вкусу шептала.

8

Оставь печаль
И ешь миндаль.

9

Читай для просвещенья книжки,
Для наслажденья ешь коврижки.

* * *

Звезды небес,
Тихая ночь!
Ваше молчанье
Тайными чарами
Душу покоит!
Звезды небес,
Тихая ночь!
О счастье живом
Минувших времен,
Раз улетевшем,
Не будем мечтать...

* * *

В долину к пастырям смиренным
Являлась каждою весной,
При первом жаворонков пенье,
Младая дева-красота.
Откуда гостья прилетала
И кто была — не знали там.
Она, как милый сон, являлась,
Как милый пропадала сон!
Одушевительная благость
Ее — счастливила сердца,
Но вид небесно-величавый
Благоговенье пробуждал.
И всем она цветы дарила,
Не обделяя никого, —
Седой старик и отрок юный
Все милый получали дар.
Когда случайно ей встречалась
Чета любовников младых,
Им подавала, улыбаясь,
Она избранный лучший цвет...

ДВЕ ЗАГАДКИ

I

Не человечьими руками
Жемчужный разноцветный мост
Из вод построен над водами.
Чудесный вид! огромный рост!
Раскинув паруса шумящи,
Не раз корабль под ним проплыл;
Но на хребет его блестящий
Еще никто но восходил!
Идешь к нему — он прочь стремится
И в то же время недвижим;
С своим потоком он родится
И вместе исчезает с ним.

II

На пажити необозримой,
Не убавляясь никогда,
Скитаются неисчислимо
Сереброрунные стада.
В рожок серебряный играет
Пастух, приставленный к стадам:
Он их в златую дверь впускает
И счет ведет им по ночам.
И, недочета им не зная,
Пасет он их давно, давно,
Стада поит вода живая,
И умирать им не дано.
Они одной дорогой бродят
Под стражей пастырской руки,
И юноши их там находят,
Где находили старики;
У них есть вождь — *Овен* прекрасный,
Их сторожит огромный *Пес*,
Есть *Лев* меж ними неопасный
И *Дева* — чудо из чудес.

ПРИХОД ВЕСНЫ

Зелень нивы, рощи лепет,
В небе жаворонка трепет,
Теплый дождь, сверканье вод,—
Вас назвавши, что прибавить?
Чем иным тебя прославить,
Жизнь души, весны приход?

⟨ПОМПЕЯ И ГЕРКУЛАНУМ⟩

Что за чудо свершилось? Земля, мы тебя умоляли
Дать животворной воды! Что же даруешь ты нам?
Жизнь ли проникнула в бездну? Иль новое там поколенье
Тайно под лавой живет? Прошлое ль снова пришло?
Греки, римляне, где вы? Смотрите, Помпея восстала!
Вышел из пепла живой град Геркуланум опять!
Кровля восходит над кровлей! Высокий портал отверзает
Двери! Спешите его шумной толпой оживить!
Отперт огромный театр; сквозь семь изукрашенных входов
Некогда быстрый поток зрителей мчался в него.
Мимы, где вы? Спешите на сцену! Готовую жертву,
Сын Атреев, сверши! Выступи, хор Эвменид!
Кто вас воздвиг, триумфальные врата? Узнаете ль Форум?
Кто на курульном сидит пышном седалище там?
Ликторы, претор идет! Пред ним с топорами идите!
Стань, свидетель, пред ним, дай обвиненью ответ!
Тянутся чистые улицы, гладким выкладены камнем,
Узкий, возвышенный путь рядом с домами идет.
Кровли его защитили навесом, жилые покои
Тихий двор окружат, скрытый уютно внизу.
Лавки, откройтесь, раздайтесь, давно затворенные двери,
В хладную, страшную ночь влейся, живительный день...

ЗАМОК НА БЕРЕГУ МОРЯ

„Ты видел ли замок на бреге морском?
Играют, сияют над ним облака;
Лазурное море прекрасно кругом".

„Я замок тот видел на бреге морском;
Сияла над ним одиноко луна;
Над морем клубился холодный туман".

„Шумели ль, плескали ль морские валы?
С их шумом, с их плеском сливался ли глас
Веселого пенья, торжественных струн?"

„Был ветер спокоен; молчала волна;
Мне слышалась в замке печальная песнь;
Я плакал от жалобных звуков ее".

„Царя и царицу ты видел ли там?
Ты видел ли с ними их милую дочь,
Младую, как утро весеннего дня?"

„Царя и царицу я видел... Вдвоем
Безгласны, печальны, сидели они;
Но милой их дочери не было там".

ИСПОВЕДЬ БАТИСТОВОГО ПЛАТКА

Я родился простым зерном;
Был заживо зарыт в могилу;
Но Бог весны своим лучом
Мне возвратил и жизнь и силу.

И долговязой коноплёй
Покинул я земное недро;
И был испытан я судьбой,—
Ненастье зная, зная ведро.

Зной пек меня, бил тяжкий град,
И ветер гнул в свирепой злобе —
Так, что я жизни был не рад
И горевал о прежнем гробе.

Но было и раздолье мне!
Как веселился я, бывало,
Когда в час ночи, при луне,
Вокруг меня всё засыпало!

Когда прохладный ветерок
Меня качал, ко мне ласкался,
Когда веселый мотылек,
Блестя, на колос мой спускался.

Но время юности прошло;
Созрел я — и пошла тревога!
Однако ж, на земле и зло —
Не зло, а только милость Бога.

Пока я цвел и созревал
С моими сверстниками в поле —
Я ни о чем не помышлял,
И думал век прожить на воле.

Но роковой ударил час!
Вдруг на поле пришли крестьянки
И вырвали с корнями нас
И крепко стиснули в вязанки.

Сперва нас заперли в овин
И там безжалостно сушили,
Потом, оставя ствол один,
Нас безголовых потопили —

И мяли, мяли нас потом...
Но описать все наши муки
Нельзя ни словом, ни пером!..
Вот мы ткачу достались в руки —

И обратил его челнок
Нас вдруг, для превращений новых,
В простой батистовый кусок
Из ниток тонких и суровых.

Тогда нежалостливый рок
Мне благосклонным оказался:
Я, как батистовый *платок*,
Княжне Урусовой достался.

По маслу жизнь моя пошла!
(С батистом масло хоть не ладно,
Но масла муза мне дала,
Чтоб мог я выразиться складно) —

О, как я счастлив, счастлив был!
Готов в том подписаться кровью:
Княжне Софии я служил
С надеждой, верой и любовью.

Но как судьба нам неверна!
За радость зло дает сторицей!
Вот что случилося: княжна
Каталась раз с Императрицей —

И захотела, торопясь,
Остановить она карету...
И я попал, несчастный, в грязь,
А из грязи — в карман к поэту.

И что же? Совестный поэт
Меня — мной завладеть не смея —
Вдруг в лотерею отдает!..
Спаси ж меня, о лотерея!

Спеши княжне меня отдать,
И, кончив тем мое мученье,
Дай свету целому познать,
Что цель твоя: *благотворенье*!

ДЕТСКИЙ ОСТРОВ

Как весело, весело!
Опять собрались мы
Под светлыми сенями
Заветного острова!
Вкруг света оилавайте —
Нигде не найдете вы
Подобного острова!
Не море широкое
Шумя разливается
Вкруг нашего острова;
Не бездной глубокою
Отрезан от твердых он
Брегов матерой земли.
К ней крепко привязанный
Канатом хранительным,
Всегда нам доступен он;
И плотик с перилами,
Без ветра попутного,
Без паруса, кормщика,
На остров привозит нас —
Увозит нас с острова...
У нашего острова
О буре не слыхано!
И воды окружные
При ветре порывистом
Едва покрываются
Чешуйкой блестящею,
Как будто ласкаяся
К зеленому берегу.

ПЕРИ

Перед дверию Эдема
Пери тихо слезы льет:
Никогда не возвратиться
Ей в утраченный Эдем!

Внемлет глас она знакомый:
То, блаженствуя, поют
Херувимы славу Бога...
Так невала и она!

Светлый ангел, страж Эдема
На печальную воззрел;
Он сказал ей: „Унованье!
Не навек погибла ты.
Полети на землю, Пери —
Возвратися от земли
С даром, сладостным для неба...
И отворится Эдем".

Пери быстро полетела;
Облетает небеса;
Облетает поднебесье,
Воды, горы и поля.
Вот пред нею пышный Гангес,
Он катится по лугам,
Но луга облиты кровью,
И кипит на них война.

Грозны воины Махмуда
Разорили те страны —
И последний их защитник
Уж врагами окружен.
Лук с последнею стрелою
Держит он в своей руке...
— „Покорись, и дам пощаду!"
Говорит ему Махмуд...

На своих сраженных братий
Юный воин указал,
И ответствовал не словом,
А свистящею стрелой.
Но впервые изменила
Неизбежная стрела...
И бесстрашный под мечами
Пал, но пал свободным он.

Пери к юноше слетает
И, над мертвым наклонясь,
Каплю крови, за свободу
Пролиянныя, берет.
И она к дверям Эдема
Понесла прекрасный дар;
Ангел принял дар прекрасный...
Но дверей не отворил.

Пери снова полетела:
Облетает небеса,
Облетает поднебесье,
Воды, горы и поля.
Вот пред нею храм Балбека;
Меж обломками его
На цветах сидит младенец,
Сам прекрасный, как цветок.

Смотрит Пери: близ младенца
Путник, с сумрачным лицом —
У ручья остановился
Пламя жажды утолить.
На челе его глубоко
Жизнь морщины провела,
И тяжелой думы совесть
Отразилась страшно в них.

На младенца он уставил
Неподвижно мрачный взор...
Вдруг раздался с минаретов
Глас вечерния мольбы.
На колени стал младенец,
Руки набожно сложил,
И с молитвою невинной
Взор поднял на небеса.

Сердце мертвое злодея
Потряслось при виде сем,
И росою умиленья
Оживилося оно.

Близ невинного младенца
Он с молитвой пал во прах —
И раскаяния слезы
Полилися из очей.

Пери слезы те святые
Жадно в руку приняла,
И с слезами покаянья
Полетела к небесам...
Райски двери отворились
Сами радостно пред ней —
И торжественное пенье
Огласило небеса.

ПЕСНЬ БЕДУИНКИ

В степь за мной последуй, царь!
Трона там ты не найдешь,
Но найдешь мою любовь,
И в младой моей груди
Сердце, полное тобой!

Я твоя, когда твой взор
Для меня одной горит
Первым пламенем любви...
Будь чиста твоя любовь,
Как рождающийся ключ.

Если ж, царь, ты для меня
Сердце, верное тебе,
Оскорбил и пренебрег...
Не ходи за мною в степь!
Не мути моей души!

МЕЧТА

Всем владеет обаянье!
Все покорствует ему!
Очарованным покровом
Облачает мир оно;
Сей покров непроницаем
Для затменных наших глаз;
Сам спадет он. С упованьем,
Смертный, жди, не испытуй.

ОСТРОВ

Цветет и расцветает
Мой милый островок;
Там веет и летает
Душистый ветерок.

Сплела там роща своды;
В тени их тишина;
Кругом покойны воды,
Прозрачные до дна.

Там знойными лучами
День летний не налит;
Там сладостно листами
Прохлада шевелит.

Там звезды ясной ночи
Сквозь темный свод древес
Глядят, как будто очи
Блестящие небес.

Пленительно сквозь сени
Луна сияет там,
Раскидывая тени
Дерев по берегам.

Там гении крылаты
Играют при луне,
Пьют листьев ароматы,
И плещутся в волне.

Там нас встречает *радость*;
Там все забава нам:
Подруга наша *младость*
Играет с нами там.

А. О. РОССЕТ-СМИРНОВОЙ

Милостивая государыня Александра Иосифовна!

Честь имею препроводить с моим человеком,
Федором, к вашему превосходительству данную вами
Книгу мне для прочтенья, записки французской известной
Вам герцогини Абрантес. Признаться, прекрасная книжка!
Дело, однако, идет не об этом. Эту прекрасную книжку
Я спешу возвратить вам по двум причинам: во-первых,
Я уж ее прочитал; во-вторых, столь несчастно навлекши
Гнев на себя ваш своим непристойным вчера поведеньем,
Я не дерзаю более думать, чтоб было возможно
Мне, греховоднику, ваши удерживать книги. Прошу вас,
Именем дружбы, прислать мне, сделать
Милость мне, недостойному псу, и сказать мне, прошла ли
Ваша холера и что мне, собаке, свиной образине,
Надобно делать, чтоб грех свой проклятый загладить и снова
Милость вашу к себе заслужить? О царь мой небесный!
Я на все решиться готов! Прикажете ль — кожу
Дам содрать с своего благородного тела, чтоб сшить вам
Дюжину теплых калошей, дабы, гуляя по травке,
Ножек своих замочить не могли вы? Прикажете ль — уши
Дам отрезать себе, чтоб, в летнее время хлопушкой
Вам усердно служа, колотили они дерзновенных
Мух, досаждающих вам, недоступной, своею любовью
К вашему смуглому личику? Должно, однако, признаться:
Если я виноват, то не правы и вы. Согласитесь

Сами, было ль за что вам вчера всколыхаться, подобно
Бурному Черному морю? И сколько слов оскорбительных с ваших
Уст, размалеванных богом любви, смертоносной картечью
Прямо на сердце мое налетело! И очи ваши, как русские пушки,
Страшно палили, и я, как мятежный поляк, был из вашей,
Мне благосклонной доныне, обители выгнан! Скажите ж,
Долго ль изгнанье продлится?.. Мне сон привиделся чудный!
Мне показалось, будто сам дьявол (чтоб черт его побрал)
В лапы меня ухватил, да и в рот, да и начал, как репу,
Грызть и жевать — изжевал, да и плюнул. Что же случилось?
Только что выплюнул дьявол меня — беда миновалась,
Стал по-прежнему я Василий Андреич Жуковский,
Вместо дьявола был предо мной дьяволенок небесный...
Пользуюсь случаем сим, чтоб опять изъявить перед вами
Чувства глубокой, сердечной преданности, с коей пребуду
Вечно вашим покорным слугою, *Василий Жуковский.*

СТАРАЯ ПЕСНЯ НА НОВЫЙ ЛАД

(*На голос: „Гром победы, раздавайся!“*)

Раздавайся, гром победы!
Пойте песню старины:
Бились храбро наши деды;
Бьются храбро их сыны.

Пробуждай, вражда, измену!
Подымай знамена, бунт!
Не прорвать вам нашу стену,
Наш железный Русский фрунт!

Мы под теми же орлами;
Те же с нами знамена;
Лях, бунтующий пред нами,
Помнит Русских имена.

Где вы? где вы? Строем станьте!
Просит боя Русский крик.
В стену слейтесь, тучей гряньте,
Грудь на грудь и штык на штык.

Нет врага... но здесь Варшава!
Развернися, Русский стан!
Братья, слышите ли? Слава!
Бьет на приступ барабан.

С Богом! Час ударил Рока,
Час ожиданный давно.
Сбор гремят — а издалёка
Русь кричит: *Бородино!*

Чу! как, пламенея, тромбы,
Поднялися и летят
Наши мстительные бомбы
На кипящий бунтом град.

Что нам ваши палисады!
Здесь не нужно лестниц нам!
Мы штыки вонзим в ограды
И взберемся по штыкам.

Спи во гробе, *Забалканский*!
Честь тебе! Стамбул дрожал!
Путь твой кончил *Эриванский*
И на грудь Варшавы стал.

„Эриванский! князь Варшавы!“
Клик один во всех устах.
О, как много Русской славы
В сих волшебных именах!

За Араксом наши грани;
Арарат, чудесный плен
Арзерума, Эривани
И разгром Варшавских стен.

Спор решен! дана управа!
Пала бунта голова!
И святая наша слава,
Слава Русская жива!

Преклоните же знамена,
Братья, долг свой сотворя,
Перед новой славой трона
И поздравьте с ней Царя.

На Него надежна вера:
В мирный час — Он в душу льет
Пламень чистого примера;
В час беды — Он сам вперед!

Славу, взятую отцами,
Сбережет Он царски нам,
И с своими сыновьями
Нашим даст ее сынам.

РУССКАЯ СЛАВА

Святая Русь, Славян могучий род,
Сколь велика, сильна твоя держава!
Каким путем пробился твой народ!
В каких боях твоя созрела слава!
Призвал варяга Славянин;
Пошли гулять их буйны рати;
Кругом руля полночных братий
Взревел испуганный Эвксин...
Но вышел Святославов сын
И поднял знамя Благодати.

Была пора: губительный раздор
Везде летал с хоругвию кровавой;
За ним вослед бежали глад и мор;
Разбой, грабеж и мщенье были славой;

От Русских Русских кровь текла;
Губил Половчанин без страха;
Лежали грады кучей праха;
И Русь бедою поросла...
Но Русь в беде крепка была
Душой великой Мономаха.

Была пора: Татарин злой шагнул
Через рубеж хранительныя Волги;
Погибло всё; народ, терпя, согнул
Главу под стыд мучительный и долгий!
Бесчестным Русь давя ярмом,
Баскак носился в край из края;
Катилась в прах глава святая
Князей под Ханским топором...
Но встала Русь перед врагом,
И битва грянула Донская.

Была пора: коварный, вражий Лях
На Русский трон накликал Самозванца;
Заграбил всё; и Русь в его цепях,
В Цари позвать дерзнула чужестранца.
Зачахла Русская земля;
Ей лях напомнил плен татарский;
И брошен был венец наш Царский
К ногам презренным Короля...
Но крикнул Минин, и с Кремля
Их опрокинул князь Пожарский.

Была пора: привел к нам рати Швед;
Пред горстью их бежали мы толпами;
Жестка далась наука нам побед;
Купили их мы нашими костями;
То трудная была пора:
Пришлец и бунтовщик лукавый
Хвалились вырвать знамя славы
Из рук могучего Петра...
Но дало русское *ура*!
Ответ им с пушками Полтавы.

Была пора: Екатеринин век.
В нем ожила вся древней Руси слава,
Те дни, когда громил Царьград Олег,
И выл Дунай под лодкой Святослава.
Рымник, Чесма, Кагульский бой,
Орлы во граде Леонида,
Возобновленная Таврида,
День Измаила роковой,
И в Праге, кровью залитой,
Москвы отмщенная обида.

Была пора: была святая брань;
От Запада узрели мы Батыя;
Народов тьмы прорвали нашу грань;
Пришлось поля отстаивать родные;
Дошли к нам Царские слова,
И стала Русь стеною трона;
Была то злая оборона:
Дрались за жизнь и за права...
Но загорелася Москва,
И нет следов Наполеона.

Пришла пора: чудясь, узрели нас
И Арарат, и Тавра великаны;
И близок был Стамбула смертный час:
Наш богатырь шагнул через Балканы.
Знамена развернул мятеж;
Нас позвал лях на пир кровавый;
Но пир был дан на поле славы,
Где след наш памятен и свеж...
И гости пира были те же;
И та ж была судьба Варшавы.

Трудна пора: война и грозный мор
Царя и Русь отвсюду осадили;
Народ в беде ударил к бунту сбор;
Мятежники знамена посрамили;

Явился Царь: их облил страх;
Губители оцепенели.
Но где же Он сам, пред кем не смели
Они воззреть, и пали в прах?..
Новорожденный сын в руках!
Его несет Он к колыбели.

Покойся в ней, прекрасное дитя,
Хранимое святыней колыбели;
Ты Божий дар: судьбину укротя,
В тебе с небес к нам Ангелы слетели.
Под грозным шумом бурных дней
Сном непорочности почия,
Нам времена являй иныя
Святою прелестью своей:
Отец твой будет честь царей;
Возблагоденствует Россия.

К ИВ. ИВ. ДМИТРИЕВУ

Нет, не прошла, певец наш вечно юный,
Твоя пора: твой гений бодр и свеж;
Ты пробудил давно молчавши струны,
И звуки нас пленили те ж.

Нет, никогда ничтожный прах забвенья
Твоим струнам коснуться не дерзнет;
Невидимо их Гений вдохновенья,
Всегда крылатый, стережет.

Державина струнам родные, пели
Они дела тех чудных прошлых лет,
Когда везде мы битвами гремели
И битвам тем дивился свет.

Ты нам воспел, как „буйные Титаны,
Смутившие Астреи нашей дни,
Ее орлом низринуты, нопранны;
В прах! в прах! рекла... и где они?“

И ныне то ж, певец двух поколений,
Под сединой ты третьему поешь
И нам, твоих питомцам вдохновений,
В час славы руку подаешь.

Я помню дни — магически мечтою
Был для меня тогда разубран свет —
Тогда, явясь, сорвал передо мною
Покров с поэзии поэт.

С задумчивым, безмолвным умиленьем
Твой голос я подслушивал тогда
И вопрошал судьбу мою с волненьем:
„Наступит ли и мне чреда?“

О! в эти дни, как райское виденье,
Был с нами *он*, теперь уж не земной,
Он, для меня живое Провиденье,
Он, с юности товарищ твой.

О! как при нем все сердце разгоралось!
Как он для нас всю землю украшал!
В младенческой душе его, казалось,
Небесный ангел обитал...

Лежит венец на мраморе могилы;
Ей молится России верный сын;
И будит в нем для дел прекрасных силы
Святое имя: *Карамзин.*

А ты цвети, певец, наш вдохновитель,
Младый душой под снегом старых дней;
И долго будь нам в старости учитель,
Как был во младости своей.

* * *

Поэт наш нрав: альбом — кладбище,
В нем племя легкое певцов
Под легкой пеленой стихов
Находит верное жилище.

И добровольным мертвецом
Я, Феба чтитель недостойный,
Певец давно уже покойный,
Спешу зарыться в ваш альбом.

Вот наднись: *старожил московский,*
Мучитель струн, гроза ушей,
Певец чертей
Жуковский
В альбоме сем похоронён;
Уютным местом погребенья
Весьма, весьма доволен он
И не желает воскресенья.

* * *

Тронься, тронься, пробудись!
Милый мрамор, оживись!
Образ сладостный, дыши —
Пламеней огнем души!..

* * *

Я на тебя с тоской гляжу.
В груди огонь, в душе мечтанье.
Хочу сказать... Но что скажу?
О, друг, пойми мое молчанье!

Тиха любовь к тебе моя;
Она всех чувств успокоенье,
Хранитель-гений бытия,
Души надежда и спасенье.

* * *

Чего ты ждешь, мой трубадур?
Тебя неверная забыла.
Напрасно здесь ее искать:
Ее здесь нет, она далеко.
Навей на арфу кипарис;
Увяла роза упованья;
Пой муку сердца и любви:
Ты, трубадур, навек без милой!

„Я позабыт! покинут я!
Кому теперь на свете верить?
Пойдем, пойдем в кровавый бой:
Пускай паду на поле чести.
Жить без нее, жить без любви —
Такая жизнь тяжеле смерти.
Пусть знает свет, что трубадур
Погиб с тоски, погиб от милой!“

ОРЕЛ И ГОЛУБКА

Басня

С утеса молодой орел
Пустился на добычу;
Стрелок пронзил ему крыло,
И с высоты упал
Он в масличную рощу.
Там он томился
Три долгих дня,
Три долгих ночи
И содрогался
От боли; наконец
Был исцелен
Живительным бальзамом
Всеисцеляющей природы.
Влекомый хищничеством смелым,
Приют покинув свой,
Он хочет крылья испытать...
Увы! они едва
Его подъемлют от земли,
И он в унынии глубоком
Садится отдохнуть
На камне у ручья;
Он смотрит на вершину дуба,
На солнце, на далекий
Небесный свод,
И в пламенных его глазах
Сверкают слезы.
Поблизости, между олив,
Крылами тихо вея,
Летали голубь и голубка.
Они к ручью спустились
И там по золотому
Песку гуляли вместе.
Водя кругом
Пурпурными глазами,

Голубка наконец
Приметила сидящего в безмолвном
Унынии орла.
Она товарища тихонько
Крылом толкнула;
Потом, с участием сердечным
Взглянувши на страдальца,
Ему сказала:
„Ты унываешь, друг;
О чем же? Оглянись, не всё ли,
Что нам для счастия
Простого нужно,
Ты здесь имеешь?
Не дышат ли вокруг тебя
Благоуханием оливы?
Не защищают ли зеленой
Прозрачной сению своей
Они тебя от зноя?
И не прекрасно ль блещет
Здесь вечер золотой
На мураве и на игривых
Струях ручья?
Ты здесь гуляешь по цветам,
Покрытым свежею росою;
Ты можешь ищу
Сбирать с кустов и жажду
В струях студеных утолять.
О друг! поверь,
Умеренность прямое счастье;
С умеренностью мы
Везде и всем довольны“.—
„О мудрость! — прошептал орел,
В себя сурово погрузившись,—
Ты рассуждаешь, как голубка“.

КНЯЗЮ ДМИТРИЮ ВЛАДИМИРОВИЧУ ГОЛИЦЫНУ

Друг человечества и твердый друг закона,
Смиренный в почестях и скромный средь похвал,
Предстатель ревностный за древний град у трона —
Каких ты доблестей в себе не сочетал?
Любовь высокую к святой земле отчизны,
Самозабвение и непрерывный труд,
В день брани — мужество, в день мира — правый суд,
И чистоту души и жизнь без укоризны...
Вельможа-гражданин! тебе в потомстве мзда!
И зависти назло уже сияет снова
Знакомая Москве бессмертия звезда
Еропкина и Чернышова!

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

(Вместо Английской God save the King)

Боже, Царя храни!
Сильный, Державный,
Царствуй на славу нам,
Царствуй на страх врагам,
Царь Православный!
Боже, Царя храни!

ПЕСНЬ НА ПРИСЯГУ НАСЛЕДНИКА

На древней высоте Кремля,
В великий праздник Воскресенья,
Узрела Русская Земля
Прекрасный день Его рожденья.

Сменялся быстро годом год:
Он сбросил детскую одежду,
И *в Нем* приветствует народ
России светлую надежду.

И умилительный обряд,
Встречая праздник Воскресенья,
Свершает ныне Петроград
В прекрасный день его рожденья.

В храм Божий входит *царский сын*,
И руку к небесам подъемлет;
Пред ним *Отец и властелин*;
Присягу *сына Царь* приемлет.

С благословением вонми
Словам души его младыя,
И к небу руку подыми
С *Ним* вместе, верная Россия.

Молись, да, долго *свой* венец
Нося, пример владыкам славный,
Упрочит благостью *Отец*
И правдой трон самодержавный:

Чтоб *Сыну* власть легка была,
Чтоб мог свершать дела благия,
Чтобы на долги дни могла
Возблагоденствовать Россия.

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

I

Боже, *Царя* храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу нам,
Царствуй на страх врагам,
Царь православный;
Боже, *Царя* храни!

II

Слава на небе солнцу высокому —
На земле *Государю* великому!
Слава на небе утру прекрасному —
На земле *Государыне* ласковой!
Слава на небе ясному месяцу —
На земле *Государю Наследнику!*
Слава ярким светилам полуночи —
Сыновьям, дочерям государевым,
И *Великому Князю с Княгинею!*
Слава громам, играющим на небе —
Слава храброму Русскому воинству!
Слава небу всему лучезарному —
Слава Русскому царству великому!
Веселися ты, солнце небесное —
Многи лета *Царю* благоверному!

III

Боже, *Царя* храни!
Славному долги дни
Дай на земли;
Гордых смирителю,
Слабых хранителю,
Всех утешителю
Всё ниспошли!

МНОГОЛЕТИЕ

Многи лета, многи лета,
Православный Русский *Царь*!
Дружно, громко песня эта
Пелась прадедами встарь.

Дружно, громко песню эту
И теперь вся Русь твердит;
С ней по целому полсвету
Имя царское гремит.

Ей повсюду отвечая,
Мчится Русское *ура* —
От Кавказа до Алтая,
От Амура до Днепра.

С ней во дни Петровы шведу
Русский путь загородил,
И за Нарвскую победу
Днем Полтавы отплатил.

С ней во дни Екатерины
Славен стал наш Русский штык,
И Кагульские дружины,
И Суворовский Рымник.

С нею грозно запылала
Венценосная Москва,
И небесной карой нала
На врагов ее глава.

В наши дни перешагнула
С нею рать Балканов грань,
Потрясла врата Стамбула,
Повалила Эривань.

Прогреми ж до граней света,
И по всем сердцам ударь,
Наша песня: *многи лета,*
Православный Русский Царь!

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

Многи лета, многи лета,
Православный Русский Царь.

Строем станьте, песню гряньте
Про Царя и про народ.
Царь державный, Русью славной
Правь на славу в род и род.

Были годы, непогоды
Поднимались и на нас;
С громом брани в наши грани
Темный враг вбегал не раз;

Но проснулся, развернулся
Наш Орел вождем полков;
Свет дивится, Русь гордится
Славой дедов и сынов.

День Полтавы — праздник славы;
Измаил, Кагул, Рымник;
Бой Московский; взрыв Кремлевский,
И в Париже Русский штык.

За Балканом Русским станом
Устрашенный старый враг;
И в ограду Царю-граду
На Босфоре Русский флаг.

Величайся ж, Русь святая;
Славься, доблестный народ,
От Камчатки до Дуная
Наше все и все поет:

Многи лета, многи лета,
Православный Русский Царь!

ПЕСНЯ РУССКИХ СОЛДАТ

Боже! Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордых смирителю,
Слабых хранителю,
Всех утешителю
Всё ниспошли!

Боже, Царя храни!
Верною стражей
В мире у трона мы;
Страх и препона мы
Дерзости вражей.
Боже, Царя храни!

Боже, Царя храни!
Рады мы бою!
Царь наш, пред нами будь!
Смерти подставим грудь,
Встанем стеною.
Боже, Царя храни!

Боже! Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордых смирителю,
Слабых хранителю,
Всех утешителю
Всё ниспошли!

* * *

Грянем песню круговую
Про Царя на русский лад.
Царь наш любит Русь родную,
Душу ей отдать он рад.

Прямо русская природа;
Русский видом и душой,
Посреди толпы народа
Выше всех он головой.

На коня мгновенно прянет,
Богатырь и великан,
В ратный стан командой грянет —
Огласит весь ратный стан.

Злися в море непогода —
Смех ему тревога вод,
Буря встань среди народа —
Взглядом он уймет народ.

Мир он любит, рад и бою
И на пушки сам вперед,
А по нужде и с чумою
Подерется за народ.

А семья-то золотая!..—
Где видал такую свет?
А царица молодая?
Уж такой и в сказках нет.

Сыновьям пример он славы,
Благонравья дочерям!
Чистый в нравах, чисты нравы
Он в наследье даст и нам.

Славься, добрый царь с царицей,
Силой, здравием цвети,
И за нас тебе сторицей
Царь небесный заплати.

Д. В. ДАВЫДОВУ,
при посылке издания „Для немногих“

Мой друг, усастый воин,
Вот рукопись твоя;
Промедлил, правда, я,
Но, право, я достоин,
Чтоб ты меня простил!
Я так завален был
Бездельными делами,
Что дни вослед за днями
Бежали на рысях,
А я и знать не знаю,
Что делал в этих днях.
Всё кончив, посылаю
Тебе твою тетрадь;
Сердитый лоб разгладь
И выговоров строгих
Не шли ко мне, Денис!
Терпеньем ополчись
Для чтенья рифм убогих
В журнале „Для немногих“.
В нем много пустоты;
Но, друг, суди не строго,
Ведь из *немногих* ты
Таков, каких *немного*.
Спи, ешь и объезжай
Коней четвероногих,
Как хочешь — только знай,
Что я, друг, как *не многих*
Люблю тебя.— Прощай.

НОЧНОЙ СМОТР

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает барабанщик;
И ходит он взад и вперед,
И бьет он проворно тревогу.
И в темных гробах барабан
Могучую будит пехоту:
Встают молодцы егеря,
Встают старики гренадеры,
Встают из-под русских снегов,
С роскошных полей италийских,
Встают с африканских степей,
С горючих песков Палестины.

В двенадцать часов по ночам
Выходит трубач из могилы;
И скачет он взад и вперед,
И громко трубит он тревогу.
И в темных могилах труба
Могучую конницу будит:
Седые гусары встают,
Встают усачи кирасиры;
И с севера, с юга летят,
С востока и с запада мчатся
На легких воздушных конях.
Один за другим эскадроны.

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает полководец;
На нем сверх мундира сюртук;
Он с маленькой шляпой и шпагой;
На старом коне боевом
Он медленно едет по фронту;
И маршалы едут за ним,
И едут за ним адъютанты;

И армия честь отдает.
Становится он перед нею;
И с музыкой мимо его
Проходят полки за полками.

И всех генералов своих
Потом он в кружок собирает,
И ближнему на ухо сам
Он шепчет пароль свой и лозунг;
И армии всей отдают
Они тот пароль и тот лозунг:
И *Франция* — тот их пароль,
Тот лозунг — *Святая Елена.*
Так к старым солдатам своим
На смотр генеральный из гроба
В двенадцать часов по ночам
Встает император усопший.

⟨ИЗ АЛЬБОМА, ПОДАРЕННОГО ГРАФИНЕ РОСТОПЧИНОЙ⟩

I
Роза

Утро одно — и роза поблекла; напрасно, о дева,
Ищешь ее красоты; иглы одни ты найдешь.

II
Лавр

Вы, обуянные Вакхом, певцы Афродитиных оргий,
Бойтесь коснуться меня: девственны ветви мои.
Дафной я был. От объятий безумно любящего бога
Лавром дева спаслась. Чтите мою чистоту.

III
Надгробие юноше

Плавал, как все вы, и я по волнам ненадежныя жизни.
Имя мое Аганар. Скоро мой кончился путь.
Буря нежданно восстала; хотел я противиться буре,
Юный, бессильный пловец; волны умчали меня.

IV
Голос младенца из гроба

Матерь Луцина и матерь Земля одне благосклонны
Были минуту ко мне. Та помогла мне жизнь получить,
Тихо другая прикрыла меня; ничего остального.
Кто я, откуда, куда — жизнь не поведала мне.

V

О веселая младость! о печальная старость!
Та — поспешно от нас! Эта стремительно к нам!

VI

Фидий, иль сам громовержец к тебе нисходил от Олимпа,
Или взлетал на Олимп сам ты его посетить.

VII
Судьба

С светлой главой, на тяжких свинцовых ногах между нами
Ходит судьба! Человек, прямо и смело иди!
Если, ее повстречав, не потупишь очей и спокойным
Оком ей взглянешь в лицо, сам просветлеешь лицом;
Если ж, испуганный ею, пред нею падешь ты, наступит
Тяжкой ногой на тебя, будешь затоптан в грязи!

VIII
Завистник

Завистник ненавидит
Любимое богами;
Безумец, он в раздоре
С любящими богами;
Из всех цветов прекрасных
Он пьет одну отраву.
О как любить мне сладко
Любимое богами!

IX

Он лежал без движенья, как будто по тяжкой работе
Руки свои опустив; голову тихо склоня,
Долго стоял я над ним, один, смотря со вниманьем
Мертвому прямо в глаза; были закрыты глаза.
Было лицо его мне так знакомо, и было так ново,
Что выражалось на нем. В жизни такого
Мы не видали на этом лице: не горел вдохновения
Пламень на нем; не сиял острой иронией ум!
Нет! но какою-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
Было объято оно: мнилося мне, что ему
В этот миг предстояло как будто какое виденье,
Что-то сбывалось над ним; и спросить мне хотелось:
„Что видишь?“

⟨К СВОЕМУ ПОРТРЕТУ⟩

Воспоминание и я — одно и то же:
Я образ, я мечта;
Чем старе становлюсь, тем я
Кажусь моложе.

ЕРМОЛОВУ

Жизнь чудная его в потомство перейдет:
Делами славными она бессмертно дышит.
Захочет — о себе, как Тацит, он напишет
И лихо летопись свою переплетет.

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Венок ваш, скромною харитою сплетенный
Из маковых цветов, колосьев золотых
И васильков небесно-голубых,
Приличен красоте невинной и смиренной.
Богиня, может быть, самих вас сим венком
И тихий жребий ваш изобразить хотела.
Без блеска милой быть природа вам велела!
Не то же ль самое, что с милым васильком?
Приютно он растет среди прекрасной нивы,
Скрывается в семье колосьев полевых,
И с благотворною, непышной пользой их
Соединяет там свой цвет миролюбивый!
А мак? Им означать давно привыкли *сон.*
Напрасно! нет! не сон беспечный и ленивый,
Но сладостный *покой* изображает он,
Покой, сокровище души, ее хранитель,
Желанный спутник наш на жизненном пути,
Покой, не сердца хлад, но сердца оживитель,
Который здесь мы все так силимся найти,
Который вам дает природа без исканья!
Княжна, будь ваш венок вам вместо предсказанья:
В нем образ вижу я сердечной чистоты,
Невинной прелести и счастья с тишиною,
И будет ваша жизнь, хранимая судьбою,
Прекрасного венка прекрасные цветы.

STABAT MATER

Горько плача и рыдая,
Предстояла в сокрушенье
Матерь Сыну на кресте.
Душу, полную любови,

Сожаленья, состраданья,
Растерзал ей острый меч.
Как печально, как прискорбно
Ты смотрела, Пресвятая
Богоматерь, на Христа!
Как молилась, как рыдала,
Как терзалась, видя муки
Сына-Бога твоего!
Кто из нас не возрыдает,
Зря святую Матерь Бога
В сокрушении таком?
Кто души в слезах не выльет,
Видя, как над Богом-Сыном
Безотрадно плачет мать;
Видя, как за нас Спаситель
Отдает себя на муку,
На позор, на казнь, на смерть;
Видя, как в тоске последней,
Он, хладея, умирая,
Дух Свой Богу предает?
О святая! Мать Любови!
Влей мне в душу силу скорби,
Чтоб с Тобой я плакать мог!
Дай, чтоб я горел любовью —
Весь проникнут верой сладкой —
К Искупившему меня;
Дай, чтоб в сердце смерть Христову,
И позор Его, и муки
Неизменно я носил;
Чтоб, во дни земной печали,
Под крестом моим утешен
Был любовью ко Христу;
Чтоб кончину мирно встретил,
Чтоб душе моей Спаситель
Славу рая отворил!

* * *

Плачь о себе: *твое* мы счастье схоронили;
Ее ж на родину из чужи проводили.
Не для земли *она* назначена была.
Прямая жизнь ее теперь лишь началася —
Она уйти от нас спешила и рвалася,
И здесь в свой краткий век два века прожила.
Высокая душа так много *вдруг* узнала,
Так много тайного небес вдруг поняла,
Что для нее земля темницей душной стала,
И смерть ей выкупом из тяжких уз была.
Но в миг святой, как дочь навек смежила вежды,
В отца проникнул вдруг день веры и надежды...

ПОСВЯЩАЕТСЯ НАШЕМУ КАПИТАНУ „ГЕРКУЛЕСА“

Тише, ветер, тише, волны!
Ляг на море, тишина!
Покажи нам лик твой полный,
Путеводная луна!
Звезды яркие, светите
Из небесной бездны нам,
И безвредно проведите
Нас к желанным берегам!

* * *

Ведая прошлое, видя грядущее, скальд вдохновенный
Сладкие песни поет в вечнозеленом венце,
Он раздает лишь достойным награды рукой неподкупной —
Славный великий удел выпал ему на земле.
Силе волшебной возвышенных песней покорствуют гробы,
В самом прахе могил ими герои живут.

ЭОЛОВА АРФА

I
Могила

В лоне твоем глубоком и темном покоится тайно
Весь человеческий жребий. Скорби, рыданье, волненье,
Страсти навеки в твоем засыпают целебном приюте.
Мука любви и блаженство любви не тревожат там боле
Груди спокойной. О жизнь, ты полная трепета буря!
Только в безмолвно-хранительном мраке могилы безвластен
Рок... Мы там забываемся сном беспробудным, быть может,
Сны прекрасные видя. О! там не кипит, не пылает
Кровь и терзания жизни не рвут охладевшего сердца.

II
Любовь

На воле природы,
На луге душистом,
В цветущей долине,
И в пышном чертоге,
И в звездном блистаньи
Безмолвныя ночи
Дышу лишь тобой.
Глубокую сладость,
Глубокое пламя
В меня ты вливаешь;
В весне животворной,
В цветах благовонных,
Меня ты объемлешь
Спокойствием неба,
Святая любовь.

III
К младенцу

Во дни твоей весны,
Не ведая тревог,
Ты радостно цветешь,
Прекрасное дитя.
Небесная лазурь,
И свежие цветы,
И светлая роса,
И зелень молодых
Деревьев и полей,
Всё, всё, младенец мой,
Улыбкою любви
Приветствует тебя.

IV
Утешение

Слезы свои осуши, проясни омраченное сердце,
К небу глаза подыми: там Утешитель Отец!
Там Он твою сокрушенную жизнь, твой вздох и молитву
Слышит и видит. Смирись, веруя в благость Его.
Если же силу души потеряешь в страданье и страхе,
К небу глаза подыми: силу Он новую даст.

V
К сестрам и братьям

Рано от печальной
Жизни вы сокрылись.
Но об вас ли плакать?
Вы давно в могиле
Сном спокойным спите.
Вас, друзья, в лицо я
Прежде не видала,
Вас в печальной жизни

Вечно я не встречу.
Но за вами сердцем
Я из жизни рвуся;
И глубоко в сердце
Слышится мне голос:
Всё, мне говорит он,
Живо здесь любовью;
Ею к нам нисходит
Наш Создатель с неба,
И к нему на небо
Ею мы восходим.

VI
Жалоба

О, где вы, прекрасные дни?
Куда улетели так скоро?
Печаль поселилась в душе,
Весельем дышавшей так вольно.
О, где вы, младенчески дни,
Земное небес привиденье,
Когда и цветок в волосах
Бывал нам сокровищем жизни?
Порывисто ветер подул —
Весенняя роза поблекла,
Едва я успела расцвесть —
Уже безотрадная вяну.

VII
Тоска

Младость легкая порхает
В свежем радости венке,
И прекрасно перед нею
Жизнь цветами убрана.

Для меня ж в благоуханье
Упоительной весны —
Несказанное волненье,
Несказанная тоска.
Сердце мукой безыменной
Всё проникнуто насквозь,
И меня отсель куда-то
Всё зовет какой-то глас.

VIII
Стремление

Часто, при тихом сиянии месяца, полная тайной
Грусти, сижу я одна, и вздыхаю, и плачу; и душу
Вдруг обнимает мою содроганье блаженства. Живая,
Свежая, чистая жизнь приливает к душе, и глазами
Вижу я то, что в гармонии струн лишь дотоле таилось;
Вижу незнаемый край, и мне сквозь лазурное небо
Светится издали радостно, ярко звезда упованья.

В САРДАМСКОМ ДОМИКЕ

Над бедной хижиною сей
Витают Ангелы святые:
Великий князь, благоговей!
Здесь колыбель империи твоей,
Здесь родилась великая Россия!

ПОЭТУ ЛЕНЕПСУ,
в ответ на его послание ко мне, писанное на случай посещения Сардама Е. И. В. Великим Князем наследником цесаревичем

Певец Батавии! с радушием приемлю
Я братский твой привет!.. Хотя язык мне твой
И чужд, но он язык Поэзии святой,—
И гласу твоему я слухом сердца внемлю.
Твое отечество давно в родстве с моим:
Наш *Петр* ему был друг. Работником простым
В сардамской хижине Великий Царь таился
И, плотничая там, владыкой быть учился.
Здесь был его рукой корабль застроен тот,
На коем по волнам времен и поколений,
Неизменяемо средь бурных изменений,
Им созданный народ
Плывет под флагом славы —
Корабль великия Российския державы.
И ныне правнук молодой
Великого Петра был внукою Петровой
По-царски угощен в той хижине простой,
Где праотец их жил так бедно и сурово;
И песня Русская и Русское *ура!*
В сардамском домике Петра

С народной песнию Голландии слилися,
И два народа в этот час,
Как бы услышавши великой тени глас,
На дружбу братски обнялися!..
С почтением смотрю на твердый твой народ!
Я видел южные народы:
Природа нежит их; там ясны целый год
Небес лазоревые своды,
Там благовонные долины и леса,
Там гор подоблачных могучая краса,
Там море вечно голубое,
И изобилие повсюду золотое,
И человек его из полной чаши пьет,
И для него не слышен там полет
Дней, исчезающих в бездейственном покое.
Но здесь явление иное:
У моря бурного отважные отцы
Отчизну дикую для внуков с боя взяли,
И, грозною нуждой испытанны, бойцы
На крепостном валу плотин могучих стали;
И с той поры идет бесперерывно брань
С стихией, славно побежденной;
Вотще громадой раздраженной
Ваш враг разрушить хочет грань,
Ему поставленную вами:
В борьбе с свирепыми волнами,
Как сталь под молотом, вы крепнете в бою;
Вы твердо на валу стоите,
И крепость древнюю свою
Врагу постыдно не сдадите!
Неистощимый есть в стенах ее для вас,
Веками собранный, оружия запас:
Спокойно-ясный ум, святая вера, нравы,
Доверенность к себе, свободы страж — закон,
И мненье строгое, и мненьем чтимый трон,
И благодатные преданья древней славы.

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Элегия

Второй перевод из Грея

Колокол поздний кончину отшедшего дня возвещает;
С тихим блеяньем бредет через поле усталое стадо;
Медленным шагом домой возвращается пахарь, уснувший
Мир уступая молчанью и мне. Уж бледнеет окрестность,
Мало-помалу теряясь во мраке, и воздух наполнен
Весь тишиною торжественной: изредка только промчится
Жук с усыпительно-тяжким жужжаньем, да рог отдаленный,
Сон наводя на стада, порою невнятно раздастся;
Только с вершины той пышно плющом украшенной башни
Жалобным криком сова пред тихой луной обвиняет
Тех, кто, случайно зашедши к ее гробовому жилищу,
Мир нарушают ее безмолвного древнего царства.
Здесь под навесом нагнувшихся вязов, под свежею тенью
Ив, где зеленым дерном могильные холмы покрыты,
Каждый навек затворяся в свою одинокую келью,
Спят непробудно-смиренные предки села. Ни веселый
Голос прохладно-душистого утра, ни ласточки ранней
С кровли соломенной трель, ни труба петуха, ни отзывный
Рог, ничто не подымет их боле с их бедной постели.
Яркий огонь очага уж для них не зажжется: не будет
Их вечеров услаждать хлопотливость хозяйки; не будут
Дети тайком к дверям подбегать, чтоб подслушать, нейдут ли
С поля отцы, и к ним на колена тянуться, чтоб первый
Прежде других схватить поцелуй. Как часто сернам их
Нива богатство свое отдавала; как часто их острый
Плуг побеждал упорную глыбу; как весело в поле
К трудной работе они выходили; как звучно топор их
В лесе густом раздавался, рубя вековые деревья!
Пусть издевается гордость над их полезною жизнью,
Низкий удел и семейственный мир поселян презирая;
Пусть величие с хладной насмешкой читает простую
Летопись бедного; знатность породы, могущества пышность,
Все, чем блестит красота, чем богатство пленяет, все будет
Жертвой последнего часа — и слава ведет нас ко гробу.
Кто обвинит их за то, что над прахом смиренным их память
Пышных гробниц не воздвигла; что в храмах, по сводам высоким,

В блеске торжественном свеч, в благовонном дыму фимиама,
Им похвала не гремит, повторенная звучным органом?
Надпись на урне иль дышащий в мраморе лик не воротят
В прежнюю область ее отлетевшую жизнь, и хвалебный
Голос не тронет безмолвного праха, и в хладно-немое
Ухо смерти не вкрадется сладкий ласкательства лепет.
Может быть, здесь, в могиле, ничем не заметной, истлело
Сердце, огнем небесным некогда полное; стала
Прахом рука, рожденная скипетр носить иль восторга
Пламень в живые струны вливать. Но наука пред ними
Свитков своих, богатых добычей веков, не раскрыла,
Холод нужды умертвил благородный их пламень, и сила
Гением полной души их бесплодно погибла навеки.
О! как много чистых, прекрасных жемчужин сокрыто
В темных, неведомых нам глубинах Океана! Как часто
Цвет родится на то, чтоб цвести незаметно и сладкий
Запах терять в беспредельной пустыне! Быть может,
Здесь погребен какой-нибудь Гамнден незнаемый, грозный
Мелким тиранам села, иль Мильтон немой и неславный,
Или Кромвель, неповинный в крови сограждан. Всемогущим
Словом сенат покорять, бороться с судьбою, обилье
Щедрою сыпать рукой на цветущую область и в громких
Плесках отечества жизнь свою слышать — то рок запретил им;
Но, ограничив в добре их, равно и во зле ограничил:
Не дал им воли стремиться к престолу стезею убийства,
Иль затворять милосердия двери пред страждущим братом,
Или, коварствуя, правду таить, или стыда на ланитах
Чистую краску терять, или срамить вдохновенье святое,
Гласом поэзии славя могучий разврат и фортуну.
Чуждые смут и волнений безумной толпы, из-за тесной
Грани желаньем своим выходить запрещая, вдоль свежей,
Сладко-бесшумной долины жизни они тихомолком
Шли но тропинке своей, и здесь их приют безмятежен.
Кажется, слышишь, как дышит кругом их спокойствие неба,
Все тревоги земные смиряя, и, мнится, какой-то
Сердце объемлющий голос, из тихих могил подымаясь,
Здесь разливает предчувствие вечного мира. Чтоб праха
Мертвых никто не обидел, надгробные камни с простою
Надписью, с грубой резьбою прохожего молят почтить их
Вздохом минутным; на камнях рука неграмотной музы

Их имена и лета написала, кругом начертавши,
Вместо надгробий, слова из Святого Писанья, чтоб скромный
Сельский мудрец по ним умирать научался. И кто же,
Кто в добычу немому забвению эту земную,
Милую, смутную жизнь предавал и с цветущим пределом
Радостно-светлого дня расставался, назад не бросая
Долгого, томного, грустного взгляда? Душа, удаляясь,
Хочет на нежной груди отдохнуть, и очи, темнея,
Ищут прощальной слезы; из могилы нам слышен знакомый
Голос, и в нашем прахе живет бывалое пламя.
Ты же, заботливый друг погребенных без славы, простую
Повесть об них рассказавший, быть может, кто-нибудь сердцем
Близкий тебе, одинокой мечтою сюда приведенный,
Знать пожелает о том, что случилось с тобой, и, быть может,
Вот что расскажет ему о тебе старожил поседелый:
„Часто видали его мы, как он на рассвете поспешным
Шагом, росу отряхая с травы, всходил на пригорок
Встретить солнце; там, на мшистом, изгибистом корне
Старого вяза, к земле приклонившего ветви, лежал он
В полдень и слушал, как ближний ручей журчит, извиваясь;
Вечером часто, окончив дневную работу, случалось
Нам видать, как у входа в долину стоял он, за солнцем
Следуя взором и слушая зяблицы позднюю песню;
Также не раз мы видали, как шел он вдоль леса с какой-то
Грустной улыбкой и что-то шептал про себя, наклонивши
Голову, бледный лицом, как будто оставленный целым
Светом и мучимый тяжкою думой или безнадежным
Горем любви. Но однажды поутру его я не встретил,
Как бывало, на холме, и в полдень его не нашел я
Подле ручья, ни после в долине; прошло и другое
Утро и третье; но он не встречался нигде, ни на холме
Рано, ни в полдень подле ручья, ни в долине
Вечером. Вот мы однажды поутру печальное пенье
Слышим: его на кладбище несли. Подойди; здесь на камне,
Если умеешь, прочтешь, что о нем тогда написали:
Юноша здесь погребен, неведомый счастью и славе;
Но при рожденье он был небесною музой присвоен,
И меланхолия знаки свои на него положила.
Был он душой откровенен и добр, и его наградило
Небо: несчастным давал, что имел он,— слезу; и в награду

Он получил от неба самое лучшее — друга.
Путник, не трогай покоя могилы: здесь все, что в нем было
Некогда доброго, все его слабости робкой надеждой
Преданы в лоно благого Отца, правосудного Бога".

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА

Русский Царь созвал дружины
Для великой годовщины
На полях Бородина.
Там земля окрещена:
Кровь на ней была святая;
Там, престол и Русь спасая,
Войско целое легло
И престол и Русь спасло.

Как ярилась, как кипела,
Как пылала, как гремела
Здесь народная война
В страшный день Бородина!
На полки полки бросались,
Холмы в громах загорались,
Бомбы падали дождем,
И земля тряслась кругом.

А теперь пора иная:
Благовонно-золотая
Жатва блещет по холмам;
Где упорней бились, там
Мирных инокинь обитель;
И один остался зритель
Сих кипевших бранью мест,
Всех решитель браней — крест.

И на пир поминовенья
Рать другого поколенья
Новым, славным уж Царём
Собрана на месте том,

Где предместники их бились,
Где столь многие свершились
Чудной храбрости дела,
Где земля их прах взяла.

Так же рать числом обильна;
Так же мужество в ней сильно;
Те ж орлы, те ж знамена
И полков те ж имена...
А в рядах другие стали;
И серебряной медали,
Прежним данной ей Царём,
Не видать уж ни на ком.

И вождей уж прежних мало:
Много в день великий пало
На земле Бородина;
Позже тех взяла война;
Те, свершив в Париже тризну
По Москве и рать в отчизну
Проводивши, от земли
К храбрым братьям отошли.

Где Смоленский, вождь спасенья?
Где герой, пример смиренья,
Введший рать в Париж, Барклай?
Где, и свой и чуждый край
Дерзкой бодростью дививший
И под старость сохранивший
Всё, что в молодости есть,
Коновницын, ратных честь?

Неподкупный, неизменный,
Хладный вождь в грозе военной,
Жаркий сам подчас боец,
В дни спокойные мудрец,
Где Раевский? Витязь Дона,
Русской рати оборона,
Неприятелю аркан,
Где наш Вихорь-атаман?

Где наездник, вождь летучий,
С кем врагу был страшной тучей
Русских тыл и авангард,
Наш Роланд и наш Баярд,
Милорадович? Где славный
Дохтуров, отвагой равный
И в Смоленске на стене,
И в святом Бородине?

И других взяла судьбина:
В бое зрев погибель сына,
Рано Строганов увял;
Нет Сен-При; Ланской наш нал;
Кончил Тормасов; могила
Неверовского сокрыла;
В гробе старец Ланжерон;
В гробе старец Бенингсон.

И боец, сын Аполлонов...
Мнил он гроб Багратионов
Проводить в Бородино...
Той награды не дано:
Вмиг Давыдова не стало!
Сколько славных с ним пропало
Боевых преданий нам!
Как в нем друга жаль друзьям!

И *тебя* мы пережили,
И *тебя* мы схоронили,
Ты, который трон и нас
Твердым Царским словом спас,
Вождь вождей, Царей диктатор,
Наш великий Император,
Мира светлая звезда,
И твоя пришла чреда!

О година Русской славы!
Как теснились к нам державы!
Царь наш с ними к чести шел!
Как спасительно Он вел

Рать Москвы к врагам в столицу!
Как незлобно Он десницу
Протянул врагам своим!
Как гордится Русский им!

Вдруг... от всех честей далеко,
В бедном крае, одиноко,—
Перед плачущей женой,
Наш владыка, наш герой,
Гаснет Царь благословенной;
И за гробом сокрушенно,
В погребальный слившись ход,
Вся Империя идет.

И *его* как не бывало,
Перед кем всё трепетало!..
Есть далекая скала;
Вкруг скалы — морская мгла;
С морем степь слилась другая,
Бездна неба голубая;
К той скале путь загражден...
Там зарыт Наполеон.

Много с тех времен, столь чудных,
Дней блистательных и трудных
С новым зрели мы Царем;
До Стамбула Русский гром
Был доброшен по Балкану;
Миром мстили мы султану;
И вскатил на Арарат
Пушки храбрый наш солдат.

И все царство Митридата
До подошвы Арарата
Взял наш северный Аякс;
Русской гранью стал Аракс;
Арзерум сдался нам дикий;
Закипел мятеж великий;
Пред Варшавой стал наш фрунт,
И с Варшавой рухнул бунт.

И, нежданная ограда,
Флот наш был у стен Царьграда;
И с турецких берегов,
В память северных орлов,
Русский сторож на Босфоре,
Отразясь в заветном море,
Мавзолей наш говорит:
„Здесь был Русский стан разбит".

Всходит дневное светило
Так же ясно, как всходило
В чудный день Бородина;
Рать в колонны собрана,
И сияет перед ратью
Крест небесной благодатью,
И под ним в виду колонн
В гробе спит Багратион.

Здесь он пал, Москву спасая,
И, далеко умирая,
Слышал весть: Москвы уж нет!
И опять он здесь, одет
В гробе дивною бронею,
Бородинскою землею;
И великий в гробе сон
Видит вождь Багратион.

В этот час тогда здесь бились!
И враги, ярясь, ломились
На холмы Бородина;
А теперь их тишина,
Небом полная, объемлет,
И как будто бы подъемлет
Из-за гроба голос свой
Рать усопшая к живой.

Несказанное мгновенье!
Лишь изрек, свершив моленье,
Предстоявший алтарю:
Память вечная Царю!

Вдруг обгрянул залп единый
Бородинские вершины,
И в один великий глас
Вся с ним армия слилась.

Память вечная, наш славный,
Наш смиренный, наш державный,
Наш спасительный Герой!
Ты обет изрек святой;
Слово с трона роковое
Повторилось в дивном бое
На полях Бородина:
Или Россия спасена.

Память вечная вам, братья!
Рать младая к вам объятья
Простирает в глубь земли;
Нашу Русь вы нам спасли;
В свой черед мы грудью станем;
В свой черед мы вас помянем,
Если Царь велит отдать,
Жизнь *за общую нам мать.*

„МОЛИТВОЙ НАШЕЙ БОГ СМЯГЧИЛСЯ...“

Молитвой нашей Бог смягчился;
Царевне жить еще велел:
Опять к нам Ангел возвратился,
Который уж к Нему летел.
М. Маркус

С полудороги прилетел ты
Обратно, чистый Ангел, к нам;
Вблизи на небо поглядел ты,
Но не забыл о нас и там.

От нас тебя так нежно звали
Небесных братьев голоса;
Тебя принять — уж отверзали
Свою святыню небеса.

И нам смотреть так страшно было
На изменившийся твой вид;
Нам горе сердца говорило:
Он улетит! он улетит!

И уж готов к отлету был ты,
Уж на земле был не земной;
Уж всё житейское сложил ты
И полон жизни был иной.

И неизбежное свершалось,
Был близок нам грозивший час;
Невозвратимо удалялось
Святое, милое от нас.

Уж ты летел, уж ты стремился
Преображенный, к небесам...
Скажи же, как к нам возвратился?
Как небом был уступлен нам?

К пределам горним подлетая,
Ты вспомнил о друзьях земли,
И до тебя в блаженства рая
Их воздыхания дошли.

Любовь тебя остановила;
Сильней блаженств была она;
И рай душа твоя забыла,
Страданьем наших душ полна.

И ты опять, как прежде, с нами;
Опять для нас твоя краса;
Ты повидался с небесами
И перенес к нам небеса.

И жизнь теперь меж нас иная
Начнется, Ангел, для тебя;
Ты заглянул в святыни рая —
Но землю избрал сам, любя.

И в новом к нам переселенье
Стал ближе к вечному Отцу,
Его очами на мгновенье
Увидев там лицом к лицу.

И чище будет жизнь земная,
С тобой, наш друг, нам данный вновь:
Ты к нам принес с собой из рая
Надежду, Веру и Любовь.

⟨ЕЛИЗАВЕТЕ РЕЙТЕРН⟩

О, молю тебя, Создатель,
Дай вблизи ее небесной,
Пред ее небесным взором
И гореть и умереть мне,
Как горит в немом блаженстве,
Тихо, ясно угасая,
Огнь смиренныя лампады
Пред небесною Мадонной.

* * *

Друг мой, жизни смысл терпенье.
Это в сердце запиши.
Входит вера в Провиденье,
С ним в святилище души.
Счастье наше сон прелестный,
Божий Ангел этот сон;
Здесь о радости небесной
Нам, пророчествуя, он
Слово вымолвит святое.
Им утешно одарит
Всё тревожное земное
И на небо улетит.
К тихой пристани привел я
Свой смиренный легкий чёлн,
Там убежище нашел я,
Безопасное от волн.

1-ое ИЮЛЯ 1842

Встает Христов знаменоносец,
Георгий наш победоносец;
Седлает белого коня,
И в панцире светлее дня,
Взяв щит златой с орлом двуглавым,
С своим чудовищем кровавым,
По светозарным небесам,
По громоносным облакам
Летит в знакомый край полночи;
Горят звездами чудны очи;
Прекрасен блеск его лица;
В руке могучей два венца:
Один венец из лавров чистых,
Другой из белых роз душистых.

Зачем же он на Русь летит?..
Он с тех времен, как Русь стоит,
Всегда пророчески являлся,
Как скоро Божий суд свершался,
Во славу иль в спасенье нам.
Он в первый раз явился там —
Как вождь, сподвижник и хранитель —
Где венценосный наш креститель
Во Иордан днепровских вод
Свой верный погрузил народ,
И стала Русь земля Христова.
Там у Крещатика святого
Союз свой с нами заключил
Великий ратник Божьих сил,
Георгий наш победоносец.
Когда свирепый бедоносец

На Русь половчанин напал,
Перед врагом неверным стал
Он вместе с бодрым Мономахом,
И надолго, объятый страхом,
Враг заперся в своих степях.
Но наш великий Мономах,
Тех дней последнее светило,
Угас, и время наступило
Неизглаголанное зол:
Пожар усобиц и крамол
Повсюду вспыхнул; брат на брата
Пошел войной и супостата
Губить отчизну подкупил,
И, обезумясь, потащил
Сам русский матерь-Русь ко гробу...
Тогда Господь на нашу злобу
Свой гнев карающий послал:
На нас ордынец набежал,
И опозорил Русь святую,
Тяжелую, двухвековую
На шею цепь набросив ей;
Тогда погибла честь князей:
Топор ордынца своенравно
Ругался их главой державной;
И прежней славы самый след
Исчез... один во мгле сих бед,
В шуму сих страшных вражьих оргий,
Наш Божий ратник, наш Георгий
Нам неизменно верен был;
Звездой надежды он светил
Нам из-за тучи испытанья;
О бодрых праотцах преданья
Унывшим внукам он берёг;
Его к нам милующий Бог
Ниспосылал, чтоб подкреплял нас,
Когда в огне скорбей ковал нас
В несокрушаемый булат
Тяжелый испытанья млат.
И, мученик победоносный,
Он плен мучительно-поносный

Терпеть нас мужески учил;
В боях же наш сподвижник был;
Он с Невским опрокинул шведа —
И стала Невская победа
В начале долгих рабства бед
Святым пророчеством побед,
Создавших снова нашу силу;
Он был Тверскому Михаилу
Утешным спутником в Орду,
Предстал с ним ханскому суду.
И братскую страдальцу руку
Простер, чтоб он во славу муку
За Русь и веру воспринял;
Когда Донской народ созвал,
Чтоб дать ордынцу пир кровавый,
В день воскресенья нашей славы,
Над нашей ратью в вышине
Победоносец на коне
Явился грозный, и, блистая,
Как в небе туча громовая,
Воздвиглось знамя со крестом
Перед испуганным врагом,
И первый русский бой свободы
Одним великим днем за годы
Стыда и рабства отомстил.
Срок искупленья наступил;
В нас запылала жизнь иная;
Преображенная, младая,
Свершив дорогу темных бед,
Дорогой светлою побед
Пошла к своей чреде Россия;
И всё, что времена лихие
Насильно взяли, то она,
В благие славы времена,
Сама взяла обратно с бою;
И вместе с ней рука с рукою
Ее победоносец шел.
Орды разрушился престол;
Казань враждебная исчезла;
За грань Урала перелезла

Лихая шайка Ермака,
И перед саблей казака
С своими дикими ордами
И златоносными горами
Смирилась мрачная Сибирь...
Тогда святой наш богатырь,
С нашествием и пленом сладив,
И с Руси след последний сгладив
Стыда и бед, взмахнул мечом,
И быстро обскакал кругом
Ее врагам *доступной* грани:
И начались иные брани
На всех концах ее тогда;
Чудотворящая звезда
Петрова знамением славы
Нам воссияла в день Полтавы,
И светлый ратник Божьих сил
Свою торжественно развил
Хоругвь с крестом над Русью славной;
Из Бельта флот ее державный
Нам путь открыл во все моря;
Смирился Каспий, отворя
Ей древние свои пучины;
Горами смерзшиеся льдины
И неподвижный свой туман
Ей Ледовитый океан
Воздвиг на полночь твердой гранью;
Могучею покрыла дланью
Весь север Азии она;
Ее с победой знамена
Через Кавказ переступили,
И грозно пушки огласили
Пред ней Балкан и Арарат,
И дрогнул в ужасе Царьград.
Отмстились древние обиды:
Законно взяли мы с Тавриды,
Что было взято с нас Ордой;
И за отнятое Литвой
Нам Польша с лихвой заплатила
В кровавый день, когда решила

Судьба меж двух родных племен
Спор, с незапамятных времен
Соседством гибельным зажженный,
И роковым лишь погашенный
Паденьем одного из двух.
И всё свершилося: потух
Для нас в победах пламень брани;
Несокрушаемые грани
Нам всюду создала война;
Жизнеобильна и сильна,
В могуществе миролюбива,
В избытке славы нестроптива,
Друзьям сподвижник, враг врагам,
Надежный царствам и царям
Союзник в деле правды, славы,
Россия все зовет державы
В могучий с ней союз вступить,
Чтоб миротворной правде слить
В одно семейство все народы.

Небесные покинув своды,
Зачем же ныне посетил
Нас светлый ратник Божьих сил,
Сподвижник наш победоносный?
Давно ордынский плен поносный
Забыт; иноплеменный враг
На наших нивах и полях
Не разливает разоренья;
Мы сами для побед иль мщенья,
Как то бывало в старину,
Не мыслим начинать войну —
Зачем же ныне вдруг предстал он?
Зачем поспешно оседлал он
Лихого белого коня,
И в панцире светлее дня,
Взяв щит златой с орлом двуглавым,
С своим чудовищем кровавым,
По небесам, но облакам,
Нежданный вдруг примчался к нам? —
Не бранный гость, а мироносец,

Георгий наш победоносец,
Теперь пришел, не звать нас в бой,
А вместе с нами наш святой
Семейный пир царев отправить,
И русский весь народ поздравить
С прекрасным царской жизни днем,
С таким поздравить торжеством,
Какого царство не видало,
Какого прежде не бывало
Под кровлей царского дворца.
И два в руках его венца:
Один венец царю в подарок;
Из свежих лавров он, и ярок
Нетленный блеск его листов;
Он не увянет, как любовь
К царю, как царская держава,
Как честь царя, как Руси слава.
Царице в дар венец другой
Из белых роз — их блеск живой
С ее душою сходен ясной;
Как роза белая, прекрасно
На троне жизнь ее цветет
И благодатное лиет
На все любви благоуханье;
Родной семьи очарованье,
Народа русского краса,
Светла, чиста, как небеса,
Да долго нам она сияет,
Нас радует, нас умиляет,
Незаходимою звездой
Горя над русскою землей!..

Серебряную свадьбу правя
Царя великого и славя
Его домашний царский быт,
Которым он животворит
На всех концах своей державы
Семейные благие нравы —
Любви супружней образец,
Детей заботливый отец —

Народ о том лишь Бога молит:
„Да некогда Царю дозволит,
Чтоб он с царицею своей,
Всех сыновей и дочерей
И чад и внуков их собравши,
И трат в семье не испытавши,
Позвал народ, как ныне, свой
На праздник *свадьбы золотой*“.

* * *

Завидую портрету моему!
Холодною, бесчувственною тенью
Он будет там, где жить бы сам хотел я
Внимающей, любящею душою.
Он будет там, где вечность нам глася,
Свершается светлейшее земное,
Где царское могущество пред Вышним
Смиряется, в одной покорной вере
Величие и славу заключая,
Где вдохновенный, опытом веков
Наставленный, грядущего пророк,
Вождь настоящего, могучий друг
Свободы, буйства враг, небесной правды
Свершитель на земле, державный гений
Неутомимо бодрствует для блага.

Святилище, где добрый царь наш верно
Им знаемому Богу служит, сердцем
Постигнув тайну царского призванья.
Да станет Ангел с пламенным мечом
У входа твоего, как пред дверьми
Эдема, чтоб тебя не возмутили
Враждебные волнения земные;
И да гори светилом упованья,
Маяком нлавателем в буре века,
Плывущим бодро с верою в добро
Нам сению твоею та звезда,
Которая на небе воссияла
В тот час, когда в нем ангелы о вести
Земле запели: „Слава в вышних Богу,
Мир на земле, благоволенье в людях“.

К РУССКОМУ ВЕЛИКАНУ

Не тревожься, великан!
Мирно стой, утес наш твердой,
Отшибая грудью гордой
Вкруг ревущий океан!
Вихрей бунт встревожил воды;
Воем дикой непогоды
От поверхности до дна
Вся пучина их полна;
На тебя их буря злится;
На тебя их вой и рев;
Повалить тебя грозится
Обезумевший их гнев.
Но с главы твоей подзвездной
Твой *орел*, пространства князь,
Над бунтующей смеясь
У твоей подошвы бездной,
Сжавши молнии в когтях,
В высоте своей воздушной —
Наблюдает равнодушно,
Как раздор кипит в волнах,
Как они горами пены
Многоглавые встают
И толпою всей бегут
На твои ударить стены.
Ты же, бездны господин,
Мощный первенец творенья,
Стой среди всевозмущенья
Недоступен, тих, один;
Волн ругательные визги
Ветр, озливший их, умчит;
Их гранит твой разразит,
На тебя нападших, в брызги!

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, ГОСУДАРЫНЕ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ МАРИИ НИКОЛАЕВНЕ ПРИВЕТСТВИЕ ОТ РУССКИХ, ВСТРЕТИВШИХ ЕЕ В БАДЕНЕ

Посланником от наших добрых русских
Я выбран, чтоб — в цветах благоуханных
Полудня — вам, благословенной гостье
Из севера, привет их передать.
Благодарю соотчичей моих
За этот выбор; он глубоко мне
По сердцу; весело на чуже мне
Пред дочерью Царя России нашей,
Мне, устарелому ее поэту,
Сказать за них и за себя, что мы
Свою царевну здесь встречаем с тою
Любовию, какая согревает
Так душу нам, когда мы помышляем
О нашем славном, мирном и могучем
Отечестве и о его великом
Царе. В живых цветах здесь подношу я
Вам, русская великая княгиня,
Встречальный русский наш привет. А сам
С растроганной душою (после долгой
С отечеством разлуки) вам смотрю
В лицо, столь мне знакомое, которым
От колыбели вашей до цветущих
Лет милой младости, день за день, я
Так любовался. Там, в царевом доме,
В его семье, под тайным обаяньем
Той Прелести, которая была
Мне и поэзией и сердца идеалом,
Как быстро для меня промчались годы!
Но жизнь из светлого того предела
Перевела меня в уединенный
Приют семейный, далеко от шума
Мирского. И со мною на просторе

Там милое *минувшее* мое,
В воспоминании дружася с *настоящим*,
В отечество чужбину превращая,
Всегда присутственною невидимкой
Спокойно жило. Но теперь внезапно,
Здесь в очарованном явленье вашем,
Оно лицом к лицу передо мною
Явилось вновь, прекрасное, каким
Бывало некогда. В час добрый! Я,
Им вдохновенный, за себя, за всех
Здесь собранных Царя любящих русских
И за мою жену с двумя моими
Детьми молитву приношу к святому
Хранившему ваш путь далекий Богу,
Чтоб до конца его Он сохранил,
Чтоб с вашего страдающего сердца
Отеческой рукой тревоги сгладил
И чтоб, при радостном на Русь святую
Моем возврате, я Царю и царству
Мог весть сказать, что Божьей благодатью
Вам всё то спасено, в чем ваше сердце
Свои сокровища земные заключило.

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАВЛУ ВАСИЛЬЕВИЧУ И АЛЕКСАНДРЕ ВАСИЛЬЕВНЕ ЖУКОВСКИМ

I
Птичка

Птичка летает,
Птичка играет,
Птичка поет;
Птичка летала,
Птичка играла,
Птички уж нет!
Где же ты, птичка?
Где ты, певичка?

В дальнем краю
Гнездышко вьешь ты;
Там и поешь ты
Песню свою.

II
Котик и козлик

Там котик усатый
По садику бродит,
А козлик рогатый
За котиком ходит;
И лапочкой котик
Помадит свой ротик;
А козлик седою
Трясет бородою.

III
Жаворонок

На солнце темный лес зардел,
В долине нар белеет тонкий,
И песню раннюю запел
В лазури жаворонок звонкий.

Он голосисто с вышины
Поет, на солнышке сверкая:
Весна пришла к нам молодая,
Я здесь ною приход весны;

Здесь так легко мнѣ, так радушно,
Так беспредельно, так воздушно;
Весь Божий мир здесь вижу я.
И славит Бога песнь моя!

IV

Мальчик с пальчик

Сказка

Жил маленький мальчик:
Был ростом он с пальчик,
Лицом был красавчик,
Как искры глазенки,
Как пух волосенки;
Он жил меж цветочков;
В тени их листочков
В жару отдыхал он,
И ночью там спал он;
С зарей просыпался,
Живой умывался
Росой, наряжался
В листочек атласный
Лилеи прекрасной;
Проворную пчелку
В свою одноколку
Из легкой скорлупки
Потом запрягал он,
И с пчелкой летал он,
И жадные губки
С ней вместе впивал он
В цветы луговые.
К нему золотые
Цикады слетались
И с ним забавлялись,
Кружась с мотыльками,
Жужжа, и порхая,
И ярко сверкая
На солнце крылами;
Ночною ж порою,
Когда темнотою
Земля покрывалась
И в небе с луною
Одна за другою
Звезда зажигалась,
На луг благовонный

С лампадой зажженной,
Лазурно-блестящий,
К малютке являлся
Светляк; и сбирался
К нему вкруговую
На пляску ночную
Рой альфов летучий;
Они — как бегучий
Источник волнами —
Шумели крылами,
Свивались, сплетались,
Проворно качались
На тонких былинках,
В перловых купались
На травке росинках,
Как искры сверкали
И шумно плясали
Пред ним до полночи.
Когда же на очи
Ему усыпленье,
Под пляску, под пенье,
Сходило — смолкали
И вмиг исчезали
Плясуньи ночные;
Тогда, под живые
Цветы угнездившись
И в сон погрузившись,
Он спал под защитой
Их кровли, омытой
Росой, до восхода
Зари лучезарной
С границы янтарной
Небесного свода.
Так милый красавчик
Жил мальчик наш с пальчик...

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ЛЕБЕДЬ

Лебедь белогрудый, лебедь белокрылый,
Как же нелюдимо ты, отшельник хилый,
Здесь сидишь на лоне вод уединенных!
Спутников давнишних, прежней современных
Жизни, переживши, сетуя глубоко,
Их ты поминаешь думой одинокой!
Сумрачный пустынник, из уединенья
Ты на молодое смотришь поколенье
Грустными очами; прежнего единый
Брошенный обломок, в новый лебединый
Свет на пир веселый гость не приглашенный,
Ты вступить дичишься в круг неблагосклонный
Резвой молодежи. На водах широких,
На виду царевых теремов высоких,
Пред Чесменской гордо блещущей колонной,
Лебеди младые голубое лоно
Озера тревожат плаваньем, плесканьем,
Боем крыл могучих, белых шей купаньем;
День они встречают, звонко окликаясь;
В зеркале прозрачной влаги отражаясь,
Длинной вереницей, белым флотом стройно
Плавают в сиянье солнца но спокойной
Озера лазури; ночью ж меж звездами
В небе, повторенном тихими водами,
Облаком перловым, вод не зыбля, реют
Иль двойною тенью, дремля, в них белеют;
А когда гуляет месяц меж звездами,
Влагу расшибая сильными крылами,
В блеске волн, зажженных месячным сияньем,
Окруженны брызгов огненных сверканьем,
Кажутся волшебным призраков явленьем —
Племя молодое, полное кипеньем
Жизни своевольной. Ты ж старик печальный,
Молодость их образ твой монументальный
Резвую пугает; он на них наводит
Скуку, и в приют твой ни один не входит
Гость из молодежи, ветрено летящей
Вслед за быстрым мигом жизни настоящей.

Но не сетуй, старец, пращур лебединый:
Ты родился в славный век Екатерины,
Был ее ласкаем царскою рукою,—
Памятников гордых битве под Чесмою,
Битве при Кагуле воздвиженье зрел ты;
С веком Александра тихо устарел ты;
И, почти столетний, в веке Николая
Видишь, угасая, как вся Русь святая
Вкруг царевой силы,— вековой, зеленой
Плющ вкруг силы дуба,— вьется под короной
Царской, от окрестных бурь ища защиты.

Дни текли за днями. Лебедь позабытый
Таял одиноко; а младое племя
В шуме резвой жизни забывало время...
Раз среди их шума раздался чудесно
Голос, всю пронзивший бездну поднебесной;
Лебеди, услышав голос, присмирели
И, стремимы тайной силой, полетели
На голос: пред ними, вновь помолоделый,
Радостно вздымая перья груди белой,
Голову на шее гордо распрямленной
К небесам подъемля,— весь воспламененной,
Лебедь благородный дней Екатерины
Пел, прощаясь с жизнью, гимн свой лебединый!
А когда допел он — на небо взглянувши
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши —
К небу, как во время оное бывало,
Он с земли рванулся... и его не стало
В высоте... и навзничь с высоты упал он;
И прекрасен мертвый на хребте лежал он,
Широко раскинув крылья, как летящий,
В небеса вперяя взор, уж не горящий.

ЧЕТЫРЕ СЫНА ФРАНЦИИ

1789

Играет на широкой
Террасе Тюльери
Младенец светлокудрый,
Сын Франции, дофин.
Младенцем королева
Любуясь, говорит:
Он Франции надежда;
Расти, мое дитя!
Толпясь к решетке сада,
Народ кричит: *Ура!*
Наследует престол он,
Когда умрет отец!
И лет проходит мало...
Сын Франции, дофин,
Избитый, умирает
У Симона в когтях...
А мать на гильотине,
Всей Франции в виду,
Ругательной рукою
Под нож кладет палач...

1812

Играет на широкой
Террасе Тюльери
Младенец светлокудрый;
И честь ему отдать
Седые гренадеры
Становятся во фрунт:
Ему завоевала
Полсвета храбрость их.

Толпясь к решетке сада,
Народ кричит: *Ура!*
Он будет император,
Когда умрет отец!
И лет прошло немного...
Дней новых Прометей,
Угаснул император
В неволе на скале;
А сын, томимый прошлым
Величием отца
И сном времен чудесных,
Исчах в тоске души...

1830

Играет на широкой
Террасе Тюльери
Младенец, Людовика
Святого милый внук.
Еще лилися слезы
На гроб его отца,
Когда он *Богоданным*
От всех был наречен.
Толпясь к решетке сада,
Народ кричит: *Ура!*
Наследует престол он,
Когда умрет король!
И лет проходит мало...
В изгнании король;
В изгнанье Людовика
Святого милый внук,
Ему с клейнодом *право*
Осталося одно:
Надежды трость, чтоб тверже
Он шел дорогой бед.

1848

Играет на широкой
Террасе Тюльери
Дитя... Его был прадед
Филипп Egalité;
И весело играет
Дитя на месте том,
Где весело играли
Предместники его.
Толпясь к решетке сада,
Народ кричит: *Ура!*
Наследует престол он,
Когда умрет король!..
Дитя, не верь их крику:
Встречает криком чернь
И ход к коронованью
И к плахе страшный ход;
Не верь тому, что крадет
Здесь вор и точит моль;
Не верь своей короне...
Верь Богу одному.

18...

Играет на широкой
Террасе Тюльери
Народ самодержавный;
Им созданный король
И им же сокрушенный
Сказал венцу: *прости!*
Близ места, где на плаху
Взведен был Людовик,
Сломив решетку сада,
Ура! кричит толпа:
Разрушены заграды;
Теперь твоё — моё!
И дней проходит мало...
Расстрелян царь-народ;
На тень *Горы* ступила
Наполеона тень...

Что далe?.. Бог не дремлет!
В один — мы зрели — год
Свершилося полвека!
Он близко — день суда!

* * *

Шагает по широкой
Террасе Тюльери
Кровавый, страшный призрак,
И вопит день и ночь
Он граду: *горе! горе!*
И внемля грозный вопль,
Трепещет ожиданьем
Оцепененный град;
А бедностью голодной
Озлобленная чернь,
Грабеж желанный чуя,
Тайком свой точит нож.
Но вдруг из мрака ночи
Сверкнул граненый штык,
Заговорил — всех бунтов
Смиритель — барабан...
Исчез кровавый призрак,
И спрятала свой нож
Благим советом пушки
Наставленная чернь.

* * *

Гуляет по широкой
Террасе Тюльери
Двойник Наполеона,
Пока лишь *Президент*,
Но скоро *Император*
Наполеон Второй;
Уже *орлы* сменяют
Повсюду *петуха*;

Свободу и *равенство*
И *братство* на стенах
Народ самодержавный
Замазывать спешит;
И всё, что опрокинул
Бунтующий *февраль*,
Воскрешено волшебством
Второго декабря:
Воскресли дюки, пэры,
Полиции министр,
И шитые мундиры,
И съезды в Тюльери.

* * *

Дала нам мелодраму
Ты, Франция, свою;
Полвека представленье
Тянулося ее;
Теперь, пять актов кончив,
Дать хочешь водевиль;
Но долго ль представленье
Протянется его?
Неопытный директор
Театра невпопад
Созвал двух несовместных
Актеров вместе петь:
Народ самодержавный
С владыкою *штыком.*
Им спеться невозможно:
Они не знают нот,
Ни такта — будут соло
Поодиночке выть,
То штык самоуправный,
То бунтовщик-народ...

* * *

О, Франция! такая ль
Должна развязка быть
Шестидесятилетних
Накликанных тобой
На все страны волнений,
Кровавых сеч и зол?
Суд Божий прав: из чаши,
В которой буйно ты
Цареубийства ужас,
Безверия чуму,
И бешенство разврата
В один смешала яд —
Святой воды здоровья
Не можешь ты испить;
Ни ты, ни зараженный
Твоим безумством свет!
Но есть *спасенья чаша*;
Она перед тобой,—
К ней, к ней со страхом Божьим
И с верой приступи!..

РОЗЫ

Розы цветущие, розы душистые, как вы прекрасно
В пестрый венок сплетены милой рукой для меня!
Светлое, чистое девственной кисти созданье, глубокий
Смысл заключается здесь в легких, воздушных чертах.
Роз разновидных семья на одном окруженном шипами
Стебле — не вся ли тут жизнь? Корень же твердый цветов —
Крест, претворяющий чудно своей жизнедательной силой
Стебля терновый венец в свежий венок из цветов?
Веры хранительной стебель, цветущие почки надежды,
Цвет благовонный любви в образ один здесь слились,—
Образ великий, для нас бытия выражающий тайну;
Все, что пленяет, как цвет, все, что пронзает, как терн,
Радость и скорбь на земле знаменуют одно: их в единый
Свежий сплетает венок Промысел тайной рукой.

Розы прекрасные! в этом венке очарованном здесь вы
Будете свежи всегда: нет увяданья для вас;
Будете вечно душисты; здесь памятью сердца о милой
Вас здесь собравшей руке будет ваш жив аромат.

ИЗ ЧЕРНОВЫХ И НЕЗАВЕРШЕННЫХ РУКОПИСЕЙ

⟨ОБЪЯСНЕНИЕ ПОРТНОГО В ЛЮБВИ⟩

О ты, которая пришила
Меня к себе красы иглой
И страсть любовну укрепила,
Как самый лучший шов двойной!
Смягчись над горестью портнова,
Катюша, мой любезный друг!
Уж выкройка любви готова,
Нагрето сердце как утюг.
Ты грудь мне распорола взглядом,
Как ножницами старый шов.
С тех пор каток мой стал мне адом,
Как села на него любовь!
С тех пор тебя во всем мечтаю:
Я в нитках зрю твои власы,
С атласом белым вспоминаю
Пушистых рук твоих красы.
Твои уста как бархат алы,
Глаза как пуговки блестят,
А грудь, вздымаясь из-под шали,
Как деньги мой прельщает взгляд.
Всё, всё наполнено тобою;
Поджавши ноги я сижу
И мастерской своей иглою
Рубцы на платье вывожу.
Во всем меня ты подкрепляешь,
Заплата сердца моего!
Но ты с холодностью внимаешь
Любви портного твоего.
Ах! спрысни ты водой отрады,
И выгладь дух измятый мой;
Увы! без милой сей награды
Умрет несчастный твой портной!

⟨ЭКСПРОМТ К ГЛАЗАМ А. М. СОКОВНИНОЙ⟩

Жуковский

Твои глаза хвалить мне должно.
Филлида, я готов хвалить,
Но как? Стихами невозможно,
А сердцем — сердце лишь молчит,
Его молчание яснее говорит.

Соковнина

Молчанье не бывает яснее языка,
Чем больше чувствуешь,
Тем больше говоришь,
И то, что нравится, о том не умолчишь.

Жуковский

Оставим разуму искусство говорить,
Пусть сердце чувствует, вздыхает и молчит.

* * *

Заступ, заступ, рой могилу!
Хлеб, пристанище и силу,
Все в тебе имею я.
Будь в уборе, будь с сумою,
Будешь спрятан под землею.
Заступ, жертва все твоя!
Этот, черен обнаженный,
Прежде гордый и надменный,
Преклоняться не умел!
В сем разорванном покрове,
В сем разбросанном остове,—
Кто б царя искать посмел...

⟨ЗАПИСКА К И. П. ЧЕРКАСОВУ⟩

Герой Володьковский да знает,
Что завтра утром ровно в час
К себе любезность приглашает
Его на щи, на плов, на квас!
Причем покорно не забудьте
Сопутников своих во всем,
Приятность, ловкость, простоту,
Неколкость острых слов, забавность выражений
И в образе жены любовь и красоту!
Все, все, чем наградил его Зевес обильно!
Но можно ль их забыть — они придут насильно.

БАСНЯ

Однажды в гору, в круть, измученные жаром,
В песке, но колеям, бугристым крутоярам
Шесть дюжих лошадей новозку волокли:
Все — женщины, старик, монах — долой сошли.
Лошадки силятся, потеют, бьются — стали.
Откуда ни возьмись, нискунья-муха нырь
Навстречу к ним.— „Что, клячи? Знать, устали!
Вот я приструню вас! Я в нужде богатырь!“
И вправь искусница! Пищит, жужжит, трудится,—
То на нос к кучеру, то с сердцем к колесу!
— „Дружней, одры! не здесь же поселиться!
Не срам ли? я одна весь труд за всех несу!“
Лишь клячи шаг вперед, а муха величаться:
„Ну, где им без меня!..“

* * *

Назад тому с десяток лет,
Как жил у нас в краю спокойно и смиренно
Тит — добрый человек, ближайший наш сосед,
И юности моей хранитель незабвенной!
Увы! его уж нет!
Но намять доброго поднесь боготворима:
Загладится ль когда души прелестной след!
Благих святая жизнь — в слезах любви хранима.
Весь Титов скромный век прошел, как светлый день:
Свой домик над ручьем, на тихом скате луга,
Своих питомиц лип гостеприимна сень,
Веселость, чистая невинности подруга,
Незнанье нищеты, незнание забот,
Ум ясный и душа, исполненна щедрот —
Вот все, чем наградил Господь небесный Тита.
Кто только Тита знал, тот Тита и любил!
Бедняк ли в дом его с молитвой приходил —
И Титова казна молящему открыта.
Нет денег? — словом награждал!
Всегда утешенный, довольный Провиденьем,
Страдалец от него с надеждой отступал!
Иным благотворил полезным наставленьем!
В расстройке муж с женой:
Тит, добрый человек, придет... и вновь покой,
И вновь согласие златое между ними!
Он с нежной кротостью проказников журил,
Был с старыми старик и молод с молодыми,
А девушкам мужей хороших находил!
И недостатками чужими
Не думая скучать, нередко говорил:
„У всякого свое: тот крив, а тот безногой!
Добро и зло для всех назначено в удел!
Участки не равны,— но всем одной дорогой
Идти небесный Царь велел!
Путь трудный! — для чего ж вдобавок затрудненья?
Друг в друга камнями бросать!
Довольно случаев найдут для преткновенья!..“

⟨МИРТИЛ И ПАЛЕМОН⟩

В прохладну ночь Миртил [*В час ночи Палемон*]
на холме отдыхал,
[*Костер из хворосту треща пред ним пылал*]
Костер сухих ветвей, пред ним воспламененный,
[*Свет яркий по кустам окрестным разливал*]
Окрестные кусты сияньем озарял
[*Едва-едва зефир*]
[*Лучами месяца равнины осребренны*]
Равнины и холмы луною осребренны,
[*И тихая река, текущая в кустах*]
И тихий ручеек, текущий в тростнике,
И мирный [*темный*] свод небес, усыпанный звездами,
И [*рощи и холмы*] кущи рыбаков, дрожащие в реке,
[*И куща рыбака, дрожащая в реке*]
И дикие скалы, увенчанны древами
[*И дикие скалы с кудрявыми хребтами*]
Все спало... Палемон, на руку наклонясь,
[*Мечтал, пленяемый*]
Пленялся в тишине — ночным очарованьем!
[*Вдруг шорох в темноте мечтателя смутил*]
Вдруг слышит [*шум кустов*] — гибкая ракита потряслася;
Встает, глядит [*окрест*] в кусты и с робким ожиданьем
[*Внимает шороху, недвижим, оробев*]
Чуть дышит, слушает... То был пастух Эгон,
[*Сияние огня*]
К блестящему огню [*костру*] из дола привлеченный,
„Отколь идешь, пастух? — воскликнул Палемон:
Весь мир покоится в дремоту погруженный...“

* * *

Был зайчик косолап, зверь добрый, но чудак!
Он вздумал всех скотов считать себе друзьями.
Не смех ли? Между нами
Находка — и один, а два и так и сяк!

Но зайчик мудрого запомнил изреченье.
Давно Аристотель собравшимся в Лицей
Сказал: Друзья! Уж нет друзей!..
И так важнейшее косого упражненье:
Услужливость зверям, их песнями дарить.
Увидит ли сурка, тотчас к нему с поклоном,
Пожавши лапочку, учтивым тоном
К себе в нору его просить...

ПРОГНА И ФИЛОМЕЛА

Случилось прошлою весной,
Что Прогна-ласточка в ту рощу залетела,
Где много, много лет бедняжка Филомела,
Уединенная, грустя сама с собой,
Во мраке невидимкой пела! —
„Насилу Бог судил увидеться с тобой,
Сестрица! Мы давно друг с другом не слеталися!
Лет тысяча тому, как мы с тобой расстались!
С фракийских горестных времен
Тебя никто, нигде под солнцем не видает,
Пустыня лишь твоей гармонии внимает.
Тебе ль сей горестный удел определен?
Твое ль убежище лесов уединенье?..“
— Увы! найду ли где толь сладостный покров! —
„О небо! и кого ж твое пленяет пенье?
Медведей, венрей, сов,
Ночных нетопырей, а много — лесников!
Пустыню ль украшать толь милыми дарами?
Нет, нет! Ты создана —
В обителях людей, по селам и градам,
Блистать их чудесами!
К тому же здесь во всем видны следы минувших дней,
Пустыня, сумрак и молчанье:
В подобных сим местах неистовый Терей...“
— Сие-то горестей протекших вспоминанье
Велит мне обитать пустынницей в лесах.
Увы! с людьми я *вспомню* боле!..

* * *

Мой друг, часы летят — и юность погибает!
Нас дряхлость хилая, наморщась, из дали
Манит к себе клюкой и гроб нам отверзает!
Уж розы детских лет навеки отцвели,
Уж крылья распустив и юность на отлете!
Хоть каждый день волов Плутону в дар,—
Вотще: все будем нить забвенье в страшной Лете!
Увидим черный Стикс! Для всех отверст Тенар!
Там злой старик Харон перстом на нас грозит
И в лодке роковой готовит место нам!
Пристанут царь и раб к неведомым брегам...

РОМАНС

На верху горы утесистой
Видны древние развалины
Замка, падшего от времени.
В старину сей замок знатен был.
Но теперь он, опустев, стоит
И, разрушившись, безмолвствует.

Заросли густой крапивою —
Мох седой шумит, колеблется
На колоннах развалившихся,
Ветр свистит в ущельях теремов,
И под сводами высокими
Царствует безмолвье мрачное.

На помостах белокаменных,
На чугунных крыльцах, лестницах
Стелется трава высокая,
Окна узкие, с решетками
Не дают пройти сиянью дня
В мрачные храмины теремов.

Странник с содроганьем крестится,
Мимо замка идя в сумерках
В ту минуту, как луны лучи
Ударяют в спиц заржавленный
Медной кровли Башни Северной
И сияют на седой стене.

В этом замке жил за семь веков
Пресловутый витязь Аскалон,
Он везде гремел оружием,
Был бичом врагов Отечества —
Все его руки страшилися,
Все искали с ним в союз вступить.

Старость хладная и скучная
Рыцаря главу сединами
Убелила и ослабила
Силу мощныя руки его —
Удалясь в свой замок рыцарский,
Бросил он заботы светские.

С дочерью своей любезною,
С Милославою прелестною
Он осенний вечер дней своих
Провождал спокойно, радостно —
С сердцем и душою смирною
Ждал свое он кончить странствие.

Много рыцарей стараются
Сердце тронуть Милославино,
Но прекрасный рыцарь Рютомир
Лишь понравился красавице.
Их сердца самой природою
Друг для друга были созданы.

С сердцем, с робости трепещущим,
Юноша своей красавице
Сильную свою любовь открыл;
И в объятиях любезныя
Запылало сердце милыя,

Щеки розами покрылися,
И она сказала: „Я люблю".

Чувства нежные любящихся
Аскалон благословением
Освятил своим родительским,
Но неопытен был юноша,
Не вращал еще оружием,
Не разил врагов Отечества.

Старец посылает рыцаря
В поле брани показать себя
И дает ему булатный меч.
„Возвратись,— ему вещает он,—
Кровию врагов обрызганный
И получишь Милославу в дар".

С сердцем радостью трепещущим,
С взором огненным, пылающим
Рыцарь с милою прощается
И садится на быстра коня.
Взявши в шуйцу свой тяжелый щит,
Он летит — летит сражать врагов.

Долго нежная красавица,
Долго с терема высокого
На долину устремляла взор,
Дожидаяся любезного;
Вести нет об нем ни малыя
Слезы горьки льет красавица.

Два уж года совершилися,
Третий уж во половине был,
Как прелестная из терема
Усмотрела пыль кружащую,
Панцыри от солнца блещущи,
И на шлемах перья вьющие.

Сердце вспыхнуло, забилося,
И красавица из терема

Сходит спешно на широкий двор,
Чтобы милого души своей
В пламенном восторге радости
Встретить, с нежностью обнять его —

Сходит.— Бедная! Навстречу ей
Ратоборцы на щитах несут
Тело бледное, бездыханное,
Тело милого души ея —
Он, сражаясь для любезныя,
Встретил смерть свою среди битвы —

С горестной душой, несчастная,
Дни свои возненавидевши,
Свет оставив, удалилася
В пустыню уединенную,
Чтоб слезами и молитвами
Испросить от неба гроб себе.

Долго стонами и вздохами
Дни свои считала бедная,
Долго сквозь окошки узкие
На зарю она вечернюю
Устремляла взоры, полны слез.
Наконец — она скончалася.

На скале, на дол склонившейся,
Видны и понынь развалины
Кельи той уединенныя,
Где несчастная томилася,
Где она с улыбкой радости
С жизнью навсегда рассталася.

Там железный крест заржавленный,
Над могилой Милославиной
Вкопанный, еще в земле стоит,
Он склонился — скоро, скоро мы
Позабудем, где покоятся
Кости верныя любовницы.

ОПИСАНИЕ КРЮЧКА УДОЧКИ, ПО-РУССКИ И ПО-ФРАНЦУЗСКИ

Вот ясный толк для вас
Кривули сей священной!
В единый со вселенной
Она родилась час!
Так точно хитрый змей
Пред Евой изгибался,
Когда отдать старался
Плод запрещенный ей.

Ce signe est un crochet
Que l'homme et que la femme
Vont plonger jusqu'à l'âme
Pour pêcher un secret;
A le voir on croiraît
Qu'il attrape sans cesse
Mais il a moins d'adresse
Qu'on ne lui voit d'attrait.

Любовник молодой
Из сердца у прелестной
Сей удочкой чудесной
Мнит вынуть жребий свой.
Но часто оторвет
Крючок амур коварный
Или неблагодарный
Крючок поймает: *нет*!

Un autre à ce crochet
Voulant prendre la gloire,
Du temple de la mémoire
Cherche en vain le loquet.

Осиплый граф Хвостов
Венок поймать им чает,
Но лишь нуки таскает
Насмешливых свистков.

Un autre met du sang
Au crochet qu'il amorce
Mais souvent une entorse
Le remet dans son rang.
Недавно Дон Кишот
На Русь его закинул!
Но крюк порвав, покинул
И шапку, и капот.

Mais vous qui m'écoutez,
Objets toujours aimables,
Vos crochets sont des diables
Et quand vous les jettez,
Sans faute à tout moment
Le poisson vient s'y prendre
Et ce qui doit surprendre
Le poisson est content.

⟨НАЧАЛО ПОЭМЫ: ВЕЛЬМИРА⟩

Вам скучно? Разложите
В камине огонек,
Сберитеся в кружок,
Дыханье притаите
И слушайте меня.
Чудесную, друзья,
Скажу вам сказку я.
Ни грифов, ни полканов,
Ни чуд-богатырей,
Ни грозных великанов,
Ни полуночных фей,
Летающих в коляске
На жуках, на совах,
На злых нетопырях —
Не будет в этой сказке...

⟨К. Н. БАТЮШКОВУ⟩

С холодных невских берегов
На берег Сены отдаленной
Посылка другу пук стихов
На память старины священной,
Веселой младости, друзей,
И славной жертвы наших дней,
Москвы, свободой истребленной!
Мой друг, в виду парижских стен
Под сенью веющих знамен,
В славянском стане водруженных,
В кругу товарищей твоих,
На щит спокойно преклоненных,
Ты повтори, что я для них
В виду Москвы, огнем объятой,
Когда лишь мыслию крылатой
Навстречу мщенью я летал,
На вещей лире прозвучал!
Меж тем, мой друг, песнь в русском стане,
При громком русском барабане.
Ты нежишься в стране цветов
И ароматом вышним дышишь,
И в сказках лишь о вьюгах слышишь,
Мы здесь между родных снегов,
При шуме хладной непогоды
Лишь в сказках о красах природы
Пред дымным слышим камельком —
И кое-как воображенье
Приводим в сладкое забвенье
Стихами, дружбой и вином!

* * *

Остатки *доброго* в сей гроб положены!
Здесь мирный памятник утраченному другу —
Благотворителю, товарищу, супругу —
Последний скорбный дар тоскующей жены!

Здесь благодарное живет воспоминанье;
Здесь сердцу говорит из гроба тихий глас,
Что, милых бытие похитив, смертный час
Приготовляет нам бессмертье и свиданье!..

⟨К ВАНИЧКЕ⟩

В час добрый! Для тебя, мой милый Ваня, жить
Есть то же, что счастливым быть!
Забыл прошедшее, о будущем не знаешь,
А настоящее: смеяться и играть!
Когда же, наконец, поживши, угадаешь,
Что можно жизнь подчас от счастья отличать,
Останься с чистою душой,
Чтобы среди всего, что встретится на свете,
Довольным быть собой.

⟨А. А. ПРОКОПОВИЧУ-АНТОНСКОМУ⟩

Хранитель, друг моих весенних дней,
Опять в Москве нам рок судил свиданье!
Старинныя обители твоей
Я не нашел. Там пепел и молчанье!
Вотще своих примет воспоминанье
Там ищет. Всё погибло! Самый след
Минувшего — добыча разрушенью!
Под темною пустых развалин сенью
Не слышен глас веселости младой!
Увы! исчез и скромный домик твой,
Где доброму подобясь Провиденью,
Ты опыта светильник зажигал
И им стезю земную озарял
Для нас, на свет еще пришельцев новых
И в дальный путь бестрепетно готовых.

Под сень его отцов и матерей
Как будто в дом заботливость сбирала;
Там с мирною надеждой поручала
Доверенность тебе судьбу детей!
Там был приют и младости моей!
В младенчестве мой добрый покровитель
И в зрелости ты был благотворитель
Уроками и верной дружбой мне;
Всегда увы! к беспечной тишине
Переносясь мечтою благодарной,
К тем ясным дням, когда, товарищ твой,
Я разделял смиренный твой покой!
Где ж домик наш? Один скелет пожарной
Там, где он был, лежит передо мной!
Минувших игр свидетели веселы
Окрест стоят, как трупы обгорелы,
Древа, твоей посажены рукой!
По площади скитаясь запустелой...

⟨В АЛЬБОМ ИМПЕРАТРИЦЕ МАРИИ ФЕДОРОВНЕ 2-ое СЕНТЯБРЯ 1815⟩

Что пышные сады Царей,
Где блеск природу искажает?
Там всё чудесно для очей!
Души ничто не услаждает!..
Ты ж, Павловск наш, садов краса,
Любимец вкуса и природы,
Твои свободные леса,
Твои одушевленны воды,
Равно прелестны для сердец,
Равно пленительны для взгляда!
Здесь, уклонясь от Петрограда,
Сложив порфиру и венец,
Вкушает дни уединенны
Царица — радость наших дней!..
Приют Владычицы священный,

Под тихой сению твоей
Она от славы отдыхает
И сердце каждое пленяет
Доступной милостью своей!
Здесь всё руки Ея созданья,
Здесь верные воспоминанья
Везде пред Ней животворит
Следы минувшего прекрасны;
Здесь день Ея, как благость ясный,
Полетом радостным летит!
Пускай средь пышныя столицы
Она величием царицы
Благоговеет всем сердцам;
Но здесь, среди уединенья,
Красою кроткого смиренья,
Она стократ прелестней нам!
О! кто здесь счастьем насладился
Услышать звук Ея речей,
К кому приветливо склонился
Единый взор Ея очей,
Тому об Ней воспоминанье,
Как сладкое очарованье,
Сонутник на грядущи дни!
Небесный Гений! сохрани
Сии развесистые сени!
Вы, рощей дружелюбных тени,
Распростирайтесь по холмам
С приятной свежестью прохлады;
Не умолкайте, водопады;
Денница, приноси цветам
Твою росу с благоуханьем!
Всё полно будь очарованьем
И радостью и тишиной!
И скоро к вам, холмы, дубравы,
С пути величественной славы
Наш Миротворец, наш Герой
Благословенный возвратится!
Победным гимном огласится
Обитель сельской тишины!
Престанет в дальние страны,

К давно невидимому Сыну
Печальной мыслью улетать
Томимая разлукой Мать!
Вселенной утвердив судьбину,
Придет, придет Он в отчий дом,
К Ея стопам положит гром,
Из уст Ея благословенье
Услышит подвигам Своим...
И светло озарится им
Владычицы уединенье.

* * *

Вот Пушкин, добрый наш поэт!
И человек прекрасный.
Он для ушей опасный был сосед,
Однако ж не был он сосед опасный.

⟨ПОСЛАНИЕ К П. А. ВЯЗЕМСКОМУ⟩

Хоть мы в такие дни живем,
Что нашу братью, стиходеев,
Сажают в крепость как злодеев
И как безумных в желтый дом,
Но я, считая пустяками
Гоненья рока и людей,
Привычке следую моей
И все нишу к тебе стихами.
Ты имя *.мудрого* мне дал;
Ты думаешь, что я пол-лета
На диком Гохланде скучал;
Ты говоришь, что два портрета
(Какой-то первый и второй),
Как их ты называешь, *лади*
Тебе пришлю я дружбы ради.

Но ах! (я рад бы был душой
От восклицаний воздержаться,
Да как-то *о! увы!* и *ах!*
Чуть пишешь что-либо в стихах,
Невольно под руку ложатся).
Итак, начнем, перекрестясь.
Но ах! увы! на свет родясь,
Бог знает для какой потребы
(Не знаю, как тебе, а мне бы
Хотелось очень это знать),
Мы все живем, ни дать ни взять,
Как ходят по свету слепые,
Или как слушают глухие,
То есть — ошибка всякий миг!
И ты в суждениях своих
Преловкого, мой друг, дал маху:
Я мудрым звать себя могу
Так точно, как смычком дугу
Или плясуньей черепаху!
Я только иногда мудрю;
То есть, сказать тебе примерно,
Я вижу там довольно верно,
Куда как будто не смотрю;
Зато случается со мною
Такая дурь, что я норою
И там не вижу ни *аза*,
Куда смотрю во все глаза.
Теперь о Гохланде! Я много
Наговорю тебе о нем:
К нему сперва сухим путем,
Потом водой ведет дорога,
Он остров — и *со всех сторон*
Балтийским морем окружен;
На нем есть птицы и собаки,
И лошадь старая одна,
И люди — мирная чухна,
Живущая без ссор и драки;
На нем... Но что еще там есть,
Того подробно не умею
Ни рассказать, ни перечесть,

Затем, что лгать тебе не смею;
А Гохландских стремнин и скал...
Я и во сне их не видал!
Но где же, спросишь ты, был летом?
Вот, видишь, вся и штука в этом,
Что ехать я хотел, хотел,
Да лето в Дерите просидел.
То есть не то, чтоб я с полгода
Не ездив, не ходив нигде,
Сидел как птица на гнезде!
Совсем не то: когда погода,
Безделье, дело или лень
Мне позволяли быть на воле,
Я иногда в открытом поле
Бродил без отдыха весь день,
Иль здесь из улицы в другую
Ходил я то вперед, то взад,
Да так ходил, что, говорят,
Попортил даже мостовую!
И между тем как в телескоп,
Прищуря глаз, наморщив лоб,
Смотрели наши астрономы,
Я, с небесами не знакомый,
Смотрел здесь... спросишь ты, на что?
Ах, как бы объяснить? — на то,
Чего мой взор искал повсюду,
Что и во сне, как наяву,
И видел я, и видеть буду,
Чего тебе не назову,
Затем, что имя вещь такая,
В которой толку вовсе нет:
Оно лишь назовет предмет,
Совсем его не объясняя,
И тот, кому не суждено
Увидеть солнцева сиянья,
Тот не узнает из названья,
Что ярко и светло оно.
Итак без имени, а просто
Я побожусь тебе раз со сто,
Что ни один наш астроном

Не видел в небе голубом
Такого пышного светила,
Такой звезды, какая мне
На здешней неба стороне
Лучами кроткими светила
И светит все еще теперь.
Ей Провиденье даровало...
(Как хочешь, верь или не верь:
Мне в этом нужды очень мало!)
Ей Провиденье даровало
Какой-то чудотворный свет:
Она, как радость юных лет,
Прекрасно и светло сияет;
Да так прекрасно и светло,
Что в изумруды превращает
Простое синее стекло.
Она... Но более об этом
Не станем говорить двух слов —
Я лучше перейти готов
К пункту последнему, к портретам.
Я рисовал их иногда
От скуки лишь; но вот беда:
Я сходство схватывал так точно,
Что если б кто-нибудь нарочно
Их вместе все перемешал,
Я сам едва ли бы узнал,
С кого рисован был который!
Теперь же и охоты нет
Мне чей-либо писать портрет,
И впрочем все портреты вздоры.
Возможно ль кисти иль перу
Изобразить лица игру,
Его оттенки и движенья,
Души живое выраженье?
Мне это опыт доказал:
Недавно с ревностной заботой
Заочно рисовать кого-то
Я раз пятнадцать начинал.
Все абрисы казались сходны;
Лица размеры и черты

Как будто с зеркала сняты;
Но этой живости свободной,
Но пламени сего в глазах,
Сей полулыбки на устах,
Какая чувством, жизнью дышит,
Какой никто и никогда
Не описал и не опишет —
Сего всей силою труда,
Как я ни мучился, ни бился,
Представить вовсе не возмог.
Я бросил кисть, рисунки сжег,
Дней десять на себя сердился
И стал бы драться, может быть,
(С самим собой: куды как мило!),
Когда бы дракой пособить
Моей беде возможно было;
Но так как этого нельзя,
То я с собой и не дрался,
А только сделал обещанье
Иль вовсе бросить рисованье,
Иль тех писать, чей нужды нет,
Похож иль не похож портрет.
Итак, ты видишь, что работа
Моя имела прок плохой.
Теперь прощай! Передо мной
Уж гаснет свечка, и зевота
Мне говорит, что время спать.
Ох, станешь, брат, и ты зевать,
Мое послание читая!
Что ж делать? Знать, судьба такая.
И ты, зевай иль не зевай,
Но все меня не забывай.

* * *

Аглая грация, в России потаскушка —
О Шаликов Петрушка!

* * *

За множество твоих картин,
Свиньин, ты должен быть Хвостов.
За множество твоих стихов,
Хвостов, ты должен быть Свиньин.

В. А. Жуковский в день рождения своего нашел перстень, Аполлонову голову; при оном была записочка, в которой объяснено, что перстень не ему, а его *мизенцу*

[1]

Нельзя ль вам моего решить недоуменья?
Мне нынче Аполлон
Прислал с записочкой подарок в день рожденья!
Каким-то образом об нем проведал он
И одарил меня с щедротою обычной!
Но я, бессмертного в душе благодаря,
Желал бы поскорее лично
Узнать любезного его секретаря!
Он верно вам родня! Он по уму и слогу
Не Фебовым писцом, а Фебом может быть!
А я, парнасскому служить отрекшись богу,
Его секретарю от сердца б стал служить.

[2]

Нашелся ль, дайте мне ответ,
Податель Фебова гостинца?
В больших заботах ваш сосед!
Ему на миг покоя нет
От гордого его мизинца!
Малютка стал совсем иной!
Смеется он над головой,
Своим убором щеголяет
И без зазренья уверяет,
Что с ним лишь дружен Аполлон,

Что даже *я* не *я*, а *он*!
Пропал покой мой драгоценный!
За перстень, Фебом подаренный,
Во мне надолго зажжена
Междуусобная война!
Как сладить мне с моим мизинцем!
Он точно стал немецким принцем,
Который хочет подражать
Могуществу владык отборных,
Заводит войско, двор, придворных
И мелкотравчатую знать!
Прошу вас, вспомните соседство!
У вас однех осталось средство
Унять напыщенную тварь!
Вы Аполлонов секретарь!
Скажите ж прямо, что гостинец
Был прислан мне, а не ему,
Что но таланту, но уму
Я более, чем мой мизинец!
Тогда хвастун уймется мой,
И я останусь без наклада!
Признаться, Фебова награда
Мне тем лестнее во сто раз,
Что перешла ко мне от вас!
Без Аполлона, без Пегаса,
И не тащась на верх Парнаса,
Могу поэтом быть теперь!
Понадобилось вдохновенье —
Без всякого приготовленья
Я отворю лишь вашу дверь!
У вас найду того, кто редко
Теперь беседует со мной:
Животворящий Гений мой
Живет под кровлею одной
С моей любезною соседкой.

* * *

Варвара Павловна, Графиня и княжна!
Угодно ль будет вам соседа предложенье?
Сегодня в семь часов хотите ль слышать чтенье
Той сказки, где герой прелестный Сатана?
Согласен я, что вам Малек-Адель милее,
Матильда праведней и набожней Гильом,
Чем страшный мой герой с рогами и хвостом!
Но знайте, что он всех их во сто раз умнее,
Что он все то свершил, что вздумалось ему.
Он вздумал грешника навек отнять от рая
И отнял, хитростью безумца обольщая!
Начатое свершить прилично лишь *уму*,
Итак, *мой* Сатана умен! а *ваши* — право,
Так глуны, что глупее не было и нет!
Какой, скажите, их поступков был предмет?
Владел ли кем из них хоть миг рассудок здравый?
Стараясь всех мирить, Гильом всех помутил!
Рихард всегда глядел глазами Лузиньяна;
Герой Малек-Адель, который всех разил
(При нужде целый полк рука его сбивала)
Как ветреный дитя: от робкого кинжала
Убийцы низкого погиб исподтишка...

ВСЕВЫСОЧАЙШЕМУ СУЩЕСТВУ

Подражание Гердеру, написавшему сии стихи в последний день своей жизни

Господь мой, Бог — Бог сил несчетных,
Неизреченные творящий чудеса!
Он измеряет небеса!
Он треволнение смиряет бездн свирепых!
Суд, Правда предстоят Ему!
Сый — имя Богу моему!
В страны безвестны восхищенный,
Глядит, восторгом просвещенный,

Мой взор вокруг;
Зрит отблеск Божества, сей мир Его чудесный
И тот шатер небес, тот светлый взор небесный...
Но слаб мой дух,
К земле склоненный,
Он чувствует, что не вместит
В себя чудесного величия вселенны,
И чувствуя — молчит!

* * *

Спеша без всякого роптанья
Убор ненужный вам отдать,
Считаю должностью сказать,
Что я от грешного желанья —
Залог мне данный утаить
Не удержался б, может быть,
Когда бы в пору не открыли
Вы мне, что из волос *чужих*,
А не из ваших, кудри были
В руках обманутых моих!
Так! я проститься б равнодушно
Не мог с сокровищем таким:
Шепнул бы ум — расстаться с ним!
Да сердце было б непослушно!..
Прошу ж вас, от меня, княжна,
Принять убор ваш бесполезной!
Для вашей прелести любезной —
Его приманка не нужна!
Природа легкою рукою
Уж ваши кудри завила,
И вас прекрасно убрала
Своей невинностью святою!
Ея — поверьте — простоте
Противны хитрости убора,—
И вы стократ милей для взора
В своей беспечной красоте!..

* * *

Согласен я: мой мирт уныл!
Но он таков не от природы,
Он прежде свеж и весел был!
Не замечал дурной погоды;
Он цвел и летом и зимой...
Увы! он вам был отдан мной
За тем, чтоб в грустном отдаленье,
Я вами не был позабыт!
Но, знать, мой жребий был — забвенье,
И верный мирт был им убит!
Хотя об нем — из состраданья
Вы и заботились подчас...

* * *

И Феб и музы известились,
Что в царском фрейлины саду,
Гуляя вместе, на беду —
Бессовестные, побранились!
Досель дорогою одной
Они здесь весело гуляли,
И заодно цветы срывали
Под их расцветшие рукой,—
Хотя и знали запрещенье,
Чтобы в саду травы не мять,
Цветов не рвать, птиц не пугать...
Таким поступком своевольным
Нельзя и музам быть довольным:
Весьма прогневан Аполлон!
И вот что публикует он:
Княжна *Хованская*, *Хилкова*,
Княжна...

* * *

Оставьте вы свою привычку
Не верить в свете никому,
И мне свою вверяя птичку,
Поверьте сердцу моему!
Мне будет другом — друг ваш милый,
И нежно, до его конца,
Любить крылатого певца
Клянется ваш певец бескрылый!..
Когда ж он кончит жизнь свою,
Отдам я честь ему стихами,
И, обливаяся слезами,
Его соломою набью...

* * *

Гельвеция, приветствую тебя.
Блаженствую с величием небесном,
Спокойствие с усилием любя,
Безмолвствую в стремлении чудесном.
Передо мной и слава и покой,
Волнение и радость вожделенья,
И мятежей сердечных исступленья,
И счастие с туманною главой.
Но тихие души моей гоненья,
Веселие и радость и покой,
И ясное сердечное желанье,
И тихое слияние с мечтой —
Вот всё теперь души моей исканье.
Но отчего и скорбь и тишина...
Ужели мне вотще уединенье,
Ужель душа тоски уже полна.
Куда зовет призывное стремленье,
Почто теперь во мне и скука и волненье?

⟨ПОСЛАНИЕ К И. И. КОЗЛОВУ⟩

Меня ты, друг, предупредил,
Я сам уже расположил
Мой вечер провести с тобою!
Итак, меня ты ожидай!
Приду я с Музой молодою
Пить твой гостеприимный чай!
Ты ж, милый мой слепец, терпеньем
Мне послужиться будь готов:
Тебе я угрожаю чтеньем
Своих безжалостных стихов!
Хочу я с Музою согреться
У пламенной души твоей —
И у тебя легко мне с ней
До полуночи засидеться.

* * *

Перу, княжна, я отдаю
На волю вольными стихами
В альбоме вашем перед вами
Всю душу высказать мою.
Не ждите от моей вы музы
Бывалых вымыслов ея,
Давно свои прекрасны узы
С моей души рука ея
Сняла — и Божества со мною
Животворительного нет!
Покинут спутницей мечтою
Разочарованный поэт
Без ожиданья и участья
Смотрю я холодно на свет!
От милого земного счастья
Бывало, знайте, много мне
Прекрасных было обещаний
В те дни, как жил я в стороне...

ПОСЛАНИЕ К ТУТОЛМИНУ

Давно уж знает свет,
Что всякий городской поэт
Без экипажей разъезжает!
Что не покинувши постель
Он часто лежа улетает
Сквозь сон за тридевять земель!
Седлает он подчас Пегаса,
Чтобы взлететь на верх Парнаса.
Но это уж не так легко:
Пегас ретив — с ним далеко
Замчаться можно поневоле.
С ним можно выше туч парить,
Но также можно и оттоле
Слететь и голову сломить.
Всего ж труднее для поэта
Поездка в праздник во дворец.
Тогда возвышенный певец,
Чтоб угодить причудам света,
Быть должен в пудре, башмаки
Надеть обязан [нрзб.]
Надеть мундир, привесить шпагу
И стихотворную отвагу
Оставить дома под замком!
Ни на телеге, ни пешком
Неловко быть в таком уборе!
И я теперь в великом горе!
Вы знаете, что я певец,
А ехать надо во дворец
Мне в прозаическом мундире.
Сказать молчи ненужной лире
Мне должно языком простым,
С каким-то праздником земным
Поздравить там императрицу.
Я мог бы к небу колесницу
Запрячь мечтательных коней,
Но далеко заскачешь в ней.
Кони крылатые, лихие
Не устоят с ней у дворца,

Да, может быть, и от крыльца
Ее отгонят часовые!
В земной карете бы поэт
Пуститься мог на поздравленье,
Но вот какое затрудненье!
В карете недостатка нет,
Она уже немолодая,
Но и тихонько ехать в ней
Никак же нельзя без коней.
А наша лошадь коренная
Занемогла на этот час.
Вы скажете — Пегаса в дышло!
Но к дышлу не привык Пегас.
Чтоб от него беды не вышло
Для экипажа и певца,
У вас есть кони и карета,
Возьмите же с собой поэта
И довезите до дворца.

* * *

Забавляйтесь, как хотите;
Перед вами ваш Перо;
А меня к себе не ждите:
У меня в руках неро.

* * *

По милости своей
Кирпичик сей из глины горской
Нам подарил граф Виельгорской
Матвей.

Кириич мы взяли в лотерею
И очень все довольны им —
И *благодарствуй!* говорим
Матвею.

* * *

Тому блаженства будет на год,
Кто съест полфунта винных ягод.

⟨АЛЬБОМ⟩

Тот истинный мудрец, кто выдумал альбом!
В наш век *чувствительный*, когда друзей содом,
Признаться, очень можно
Невинным образом иного и забыть!
Что ж делать? — Дружество прямое осторожно!
В альбом друзей, в альбом! Запишешь; так и быть!
Нам скажут: в старину альбомов не знавали;
Но средство сохранять и дружбу, и друзей
Удобнейшее знали:
Их в сердце берегли! — Наш век еще хитрей!
Наш опыт доказал, что в сердце дружбе тесно!
О изобре́тенье чувствительных чудесно!
Теперь нам каждый шаг о дружбе говорит!
Там в бюсте гипсовом на печке друг стоит!
Там в шифре, в волосах, в портрете, на экране!
Но всех чудеснее магический альбом!
Здесь клятвы нежные скрепляются пером!
Как можно тех забыть, кто в сердце и в кармане?

⟨ФИЛОКТЕТ⟩

Мрачен Лемнос, хромоногого бога Ифеста обитель,
Голые горы его неприступно подъемлются к небу;
В недре их скрыты Ифестовы горны; и денно, и ночно
Их потрясают в подземных пещерах гремящие млаты.
Все там грозно и дико: по темным, глубоким долинам
Мутно влекутся потоки, теснимые трупами елей,
Сброшенных вихрем в волны с окружных утесов; пустыня
Властвует всюду, и нет нигде следов человека.
Десять уж лет протекло с тех пор, как, плывя к Илиону,
К сим берегам приставали Эллины, и там хитроумный
Их Одиссей убедил Филоктета, Пеанова сына,
Язвой грызомого, бросить. Верный сотрудник Ирака,
Долго молчал Филоктет о месте, где скрыл он священный
Пенел великого друга; но острый взор Одиссея
Тайну проникнул, и был Филоктет небесами наказан:
Сам он себя уязвил одною из стрел, напоенных
Ядом гидры Лернейской и вверенных другу Ираклом.
Криком болезненным греческий стан оглашал он, и страшной
Язвой окрест разливалась зараза; и жертвы святые
Были всечасно смущенными. Брошен на бреге безлюдном
Был наконец Филоктет, и Эллины пошли к Илиону.
Десять лет безуспешной осады, и битвы, и гибель
Многих вождей наказали предательство. Грозный оракул
Гласом Калхаса изрек наконец, что без стрел Филоктета
Вечно не пасть Илиону.

* * *

Прочь отсель, Меланхолия, дочь Цербера и темной
Ночи, рожденна во мраке Стигийской пещеры, при диких
Воплях и криках, меж призраков смертных, сокрыта в глубокой
Бездне, где хмуро-угрюмая тьма распростерла ревнивые
Крылья, сидит и каркает ворон ночной без умолку.
Там под Эбеневой тенью среди безобразных утесов
Страшных, как кудри твои взгроможденны, во мгле Киммерийской
Вечно живые. А ты молодая, свободная дева,

Ты в небесах Эфрозиной слывуща у смертных своих,
Дочь Киприды и пышно плющом венчанная Вакха,
Третьей с другими двумя Харитами, или как о том
Перешло к нам предание...

* * *

Какая хитрая обманщица надежда!
Как любит нашею играть она душой!
Посмотришь — чудная блестит на ней одежда!
И чтоб верней пленить, она перед тобой
Является или небесной благодатью
Или земной Ростопчиной!

И вот, дает пакет с таинственной печатью,
На нем написано: Кипренский, Рафаель,
Рембрант... Сорвал печать! и что ж? — Дьё иммортель!
Перед тобой коза, медведь, мужик Долбила,
Иван Гвоздила
И де зепу тре ле с их первенцем козлом.

Мораль: О человек! ты в странствии земном,
От колыбели до погоста,
Игралище мечты! Далеко ты? Она
Из далека влечет тебя точь-в-точь Ростопчина.
Ты ближе подошел? Herr Jesus! Вот те на!
Она картинка с Каменного моста.

* * *

Есть в русском царстве граф Орлов.
Он добр, умен, хорош, здоров,
Но вот что худо: год уж целой
Гуляет он в фуражке белой,

И так усердно, что она
Теперь бессовестно черна;
И не на что купить обнову
Его сиятельству Орлову.
Но добрая одна душа
Фуражку новую купила
И ею графа одарила.
И тем фуражка хороша,
Что графу ничего не стоит;
Когда ж но милости своей
На графской голове своей
Ее носить он удостоит,
То будет милый человек;
Засим с почтеньем
И таковым же услуженьем
Честь быть имею:
Фуражку эту кто осмелится украсть,
Тот будет, первое: негодный *вор*; второе
Рогатый *вол*. Потом ему попасть
За дело дерзкое такое,
За свой бесчинный *лов*
Осуждено в глубокий *ров*;
И быть ему, когда прямова
Не сыщет имени — в том рву, пока он жив.
Но может отыскать он имя то, сложив
Четыре здесь подчеркнутые слова.

* * *

Прими, России верный сын,
От русских в Риме русский блин
И скушай на здоровье!
Счастливый путь тебе; от нас же вот условье:
Гуляй, любуйся всем и всюду веселись,
Но лишь опять не простудись.

И много лет тебе с Царем и царским домом,
И будь во всём удача вам!
А царства русского врагам
Будь всё наперекор, будь каждый блин им комом.

* * *

Всесилен Бог. Пред Ним всесильна вера.
Он нам сказал: Кто верует, вели
Горам идти — оне пойдут. Своими
Очами видел я, как совершилось
Такое чудо на земле. И ныне,
Во славу имени Его святого,
Раб недостойный Божий, инок Климент,
Передаю смиренное сказанье
О чуде том потомкам, чтоб они
Пред Всемогущим Господом признали
Свое ничтожество и в том признанье
Спасение души своей нашли...

* * *

Помнишь ли, друг мой, Егора Петровича Щетку?
Каждой зимою — когда я еще у Николы Морского
Жил — ты его видал у меня; он казался
Чудным ⟨тебе⟩; и подлинно был он чудак. Сухощавый,
Длинный, сутулистый, грустный и бледный, как будто из гроба
Выходец; в серой куртке, в лосиньих довольно потертых
Черных штанах, в таких же штиблетах...

ПРИЛОЖЕНИЯ

С. А. Матяш

СТИХ ЖУКОВСКОГО-ЛИРИКА

Еще в 1970-е гг., под эгидой ИМЛИ СССР им. А. М. Горького, в рамках программы по созданию коллективной истории русского стиха, автором данной статьи был составлен «Алфавитный метрический и строфический индекс стихотворных произведений В. А. Жуковского»[1] и на его основе — «Справочник по метрике и строфике» поэта[2]. Статистические материалы «Справочника» позволили представить стих Жуковского как целостную систему и обрисовать ее общие контуры. Спроецированные на фон русского стихосложения XVIII — первой половины XIX в., они дали возможность приблизиться к пониманию места Жуковского в истории русского стиха[3]. Так, статистический анализ показал, что высокий уровень его неклассического стиха (32,9% строк на фоне почти 100 классики XVIII — начала XIX в.)[4], катастрофическое падение ямба (56,6% на фоне 82% ямба в XVIII в., 83,4% —

[1] См.: Матяш С. А. Стих Жуковского / Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1974. С. 241—304 (Приложение).

[2] См.: Матяш С. А. Метрика и строфика В. А. Жуковского // Русское стихосложение: Материалы по метрике и строфике русских поэтов. М., 1979. С. 14—96. Здесь же содержатся справочники по метрике и строфике Батюшкова (С. А. Матяш), Востокова (М. Ю. Лотман), Пушкина (М. Ю. Лотман, С. А. Шахвердов), Дельвига (Л. Т. Сенчина), Баратынского (С. А. Шахвердов), Кольцова (А. Н. Беззубов), Тютчева (Л. П. Новинская), Полонского (О. А. Орлова), материалы которых использовались при определении своеобразия стиха Жуковского.

[3] См.: Матяш С. А. Жуковский и русская стиховая культура XVIII — первой половины XIX в. // Ж. и русская культура. С. 80—95.

[4] Данные по метрике и строфике XVIII в. — первой половины XIX в. (общие показатели) взяты из работ: Вишневский К. Д. Русская метрика XVIII века // Вопросы литературы XVIII в. Пенза, 1972. С. 129—228; Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. М., 1984. С. 53—160.

у Пушкина, 92,3%—у Баратынского, 91%—у Лермонтова, 80,7%—у Тютчева), резкое снижение доли рифмованного стиха (39,1%—при 86,2%—у Пушкина, 93,9%—у Батюшкова, 98,0%—у Баратынского, 88,2%—у Лермонтова, 95,3%—у Тютчева) и др.—свидетельствуют о том, что Жуковский уходит от норм XVIII в., а в XIX в. занимает особое место, образуя своеобразное противостояние пушкинской традиции.

Названные и многие другие особенности стихосложения Жуковского объясняются его жанрово-стилистическими исканиями, в частности значительной ролью драматургических опытов в его творчестве[5], обилием эпических форм[6]—отсюда приверженность к гекзаметру (своеобразному русскому дольнику античного происхождения), распространение белого стиха (5-стопного и вольного ямбов) и др. Естественный вопрос в этой связи—как будет выглядеть стихосложение Жуковского-лирика, освобожденное от груза гекзаметров «Одиссеи» и других крупных форм[7]? Как стих одной лирики соотносится с общим фоном стиховой культуры эпохи, названной М. Л. Гаспаровым «временем Жуковского и Пушкина»?

Метрический облик Жуковского-лирика определяется такими общими показателями: ямбы составляют 72,9 (77,9%), хореи—11,5 (9,1%), 3-сложники—5,2 (5,3%), неклассический (не силлабо-тонический) стих—8,9 (4,0%), полиметрические (из разных размеров) композиции—1,4 (3,7%)[8].

---

[5] Об этом см.: Лебедева. С. 103—173.

[6] См.: Янушкевич. С. 235—264 и др.

[7] В «Метрическом справочнике» нам приходилось очень коротко характеризовать стихосложение Жуковского-лирика в рамках его «малых жанров». Однако ранее опубликованные статистические данные несколько расходятся с данными настоящей работы, поскольку первоначально в «малые жанры» мы включали баллады, куплеты комических опер, посвящения и другие инометрические вставки в эпических и драматических произведениях. Кроме того, для настоящего исследования корпус лирических текстов пополнен ранее не учтенными стихотворениями из «Бумаг А. А. Воейковой» и «Пушкинского музея А. Ф. Онегина» (добавлено 22 текста, 687 строк). Всего настоящим исследованием охвачено 494 произведения (22139 строк).

[8] Мы используем методику «двойной статистики» (произведений и строк в данных произведениях), позволяющую судить об объеме текстов (см.: Руднев П. А. Из истории метрического репертуара русских поэтов: Некрасов. Тютчев. Фет. Брюсов. Блок // Теория стиха. Л., 1968. С. 113. Одна цифра без дополнительных оговорок означает подсчет произведений.

Всего в лирике употребляется 46 размеров[9] (в том числе 4 в составе полиметрических произведений, 23 разностопных). Если считать разностопные размеры за один (разностопный ямб, хорей и т. д.), то в лирике самостоятельно употребляются 22 размера, на каждый из которых в среднем приходится 4,5%. Размеры, чей показатель превышает эту величину, образуют основу метрического репертуара. Это (в порядке убывания частотности произведений): 1) вольный ямб (23,8—18,7%), 2) 4-стопный (18,6—24,8%), 3) 6-стопный (11,1—8,3%), 4) 4-стопный хорей (10,3—8,2%), 5) разностопный ямб (6,9—9,0%), 6) 3-стопный (6,5—9,2%), 7) 5-стопный (5,5—7,4%), 8) гекзаметр (5,3—3,4%). Все остальные размеры составляют периферию, куда попали 2-стопные ямбы, 3-стопные и 6-стопные хореи, каждый из 3-сложных размеров, все формы неклассического стиха (кроме гекзаметра), а также полиметрические структуры.

Приведенные данные позволяют отметить два принципиально важных для стиховой системы момента:

1) Хотя своеобразие Жуковского (как и любого стихотворца) определяется ядром его метрического репертуара, для него очень важной оказывается и периферия. Так, единичные случаи таких форм стиха, как логаэд (дольник со строго фиксированным расположением ударений), в стихотворениях «К ней» (Имя где для тебя? // Не сильно смертных искусство // Выразить прелесть твою! // Лиры нет для тебя! // Что песни? Отзыв неверный // Поздней молвы об тебе!..[10]) 1817 г., «К Филону» 1813 г., «Жалоба пастуха» 1817 г.; а также 3-сложные с переменной анакрузой (т. е. вариацией числа слогов до первого интервала) в стихотворении «Звезды небес» (1831) имеют, несмотря на свою малочисленность, большое значение для представления о новаторских устремлениях Жуковского и означают начало одного из плодотворных путей тонизации русской поэзии — пути создания аналогов западноевропейских дольников. Эти опыты имели продолжение в русской поэзии XIX в. (Лермонтов, Тютчев, Фет) и явились прологом расцвета

[9] Термин «метр» в работе употребляется как родовое понятие, термин «размер» — как видовое. См. об этом: Руднев П. А. Единство и теснота стиховедческой концепции // ВЛ. 1973. № 11. С. 245.

[10] СС 1. Т. 1. С. 106. Далее текст цит. по этому изд.

дольников у символистов[11]. Второй, аналогичный, случай — с экзотическими короткими и длинными хореями. Жуковский создал всего два образца 3-стопного хорея («Песня» («Розы расцветают, // Сердце, отдохни...», 1820 г.) в рифмованном варианте, «К сестрам и братьям», 1838 — в белом) и один образец 6-стопного («Царскосельский лебедь», 1851), а во второй половине XIX в., как показал в упомянутом труде М. Л. Гаспаров, оба размера ждало большое будущее: 3-стопный хорей (размер «Горных вершин» Лермонтова) активно разрабатывался Плещеевым, Суриковым и др., 6-стопный — Некрасовым, Фетом, Полонским и др. В обоих случаях (их число можно было бы увеличить) видна поэтическая чуткость Жуковского и его дар предвидения: то, что у поэта было экспериментом и находилось на периферии стиховой системы, в следующую эпоху диалектикой литературного процесса выдвигалось на центральный путь истории русского стиха.

2) Метрический репертуар лирики Жуковского настолько отличается от метрического репертуара всей его поэзии, что может создаться впечатление, будто речь идет о другом поэте. И дело не только в том, что лирический репертуар не досчитывает нескольких размеров, функционирующих в балладе и в эпосе (4- и 5-стопных дактилей, разностопного анапеста, свободного стиха),— дело в более принципиальных различиях. Резко (по строкам) повышается показатель классического стиха, так что в лирике поэт остается прочно в границах силлабо-тоники. Столь же резко увеличен показатель основного метра русского классического стиха — ямба. Внутри ямба изменены пропорции размеров, что особенно видно на положении «любимца» поэта — 5-стопного ямба, который обогнали все другие ямбические размеры, в том числе 3- и 6-стопные ямбы, имеющие в репертуаре лирики более значительный вес. Сближает же два сопоставляемых репертуара уже отмеченная периферия и высокий показатель вольного ямба, лидирующего и в лирике, что является признаком широкого распространения у поэта говорных[12] жанров и стилей.

---

[11] Подробно об этом: Матяш С. А. К вопросу о генезисе русского дольника (дольник В. А. Жуковского) // Филологический сборник. Алма-Ата, 1972. Вып. 11. С. 82—92.

[12] В настоящей работе термин «говорной» применяется для указания на принадлежность стихотворения к говорному типу интонации, который, по В. Е. Хол-

Последний вывод был бы неожиданным для современников поэта, для которых, как это подчеркнул еще в 1920-е гг. Б. М. Эйхенбаум, его самой отличительной особенностью была «музыка языка» (Н. Полевой)[13]. Эту особенность Эйхенбаум интерпретировал как напевный тип интонации (или напевный стиль) и показал многочисленные синтаксические приемы его создания (приемы «мелодизации»)[14]. Современному читателю, которому Жуковский известен в более полном объеме текстов, не кажется, что поэт «наладил одну песню»[15], как это казалось П. А. Вяземскому или В. К. Кюхельбекеру[16], а исследователи уделяют, пожалуй, больше внимания говорным жанрам и стилям как менее изучаемым[17]. И, тем не менее, «пленительная сладость» стихов поэта все-таки связана не с говорным Жуковским, а с мелодичным. Так что же, статистика неадекватно отражает особенности стиховой системы Жуковского? Нет, напротив, она выявляет ее главную особенность — многогранность.

Нам уже приходилось писать о том, что в стиховой системе Жуковского есть метрические и строфические формы, специфические для напевного и говорного стилей. Для большей убедительности такого противопоставления посмотрим на метрический репертуар «песен и романсов»[18] Жуковского, поскольку надо полагать, эти жанры, более чем какие-либо другие, являются показательными для напевного стиля. Из 8 размеров, перечисленных выше в составе основных, в «романсах и песнях» отсутствуют вольный ямб и гекзаметр, что придает этим размерам статус специфически говорных. Из 6 оставшихся 4-стопный ямб,

---

шевникову, в противоположность напевному тину (несенному и романсному) вбирает широкий спектр стиховых интонаций — от ораторских до разговорных. См.: Холшевников В. Е. Стиховедение и поэзия. Л., 1991. С. 91.

[13] См. об этом: Эйхенбаум Б. М. Мелодика русского лирического стиха // В его кн.: О поэзии. Л., 1969. С. 350.

[14] Там же. С. 351—390.

[15] ОА. Т. 1. С. 305.

[16] См. Кюхельбекер В. К. Дневник. Л., 1929. С. 73.

[17] См., например: Янушкевич. С. 94—113, Иезуитова. С. 207—238.

[18] Корпус текстов романсов и песен (63 стихотворения, 2196 строк) составлен на основании соответствующего раздела в издании, подготовленном И. М. Семенко (СС 2. Т. 1) и дополнен несколькими стихотворениями, которые указал сам поэт в «Общем оглавлении» (См.: Матяш. С. 154).

на долю которого приходится пятая часть всех романсов и песен, мы сразу выводим из рассмотрения, точнее — ставим за скобки, поскольку этот размер, согласно данным К. Д. Вишневского, уже в XVIII веке приобрел универсальный характер. В лирике Жуковского 4-стопный ямб — высокочастотный размер, постоянно соперничавший с вольным ямбом, а по статистике строк его обгонявший (это означает, что вольным ямбом Жуковский писал чаще, но стихотворения в 4-стопных ямбах были длиннее),— является жанрово нейтральным размером (ср. романс «Цветок», 1811, «Песня» (Минувших дней очарованье...», 1818), послание «К Плещееву», 1814, альбомная мелочь «Добрый совет. В альбом В. А. Азбукину», 1814 и др.). Еще 3 размера кажутся в «песнях и романсах» как бы случайными. Это 3-стопный ямб («Песня» («К востоку, все к востоку...», 1820), «Счастие во сне», Песня («Кольцо души-девицы», 1817), 5-стопный («Голос с того света», 1817, «Воспоминание», 1816, «К мимопролетевшему знакомому Гению», 1819), 6-стопный («Песня» («Когда я был любим, в восторгах, в наслажденье...», 1806, «К Нине», 1808). Случайными они кажутся не столько потому, что употреблены всего в 2—3 стихотворениях, сколько потому, что сфера их более активного применения — совсем другая. У 3-стопного ямба — дружеское послание В. А. Жуковского (к вопросу о жанровой системе поэта) («К Блудову», 1810, «К Ив. Ив. Дмитриеву», 1813, «Д. В. Давыдову при посылке издания „Для немногих“», 1835 и др.); 5-стопного ямба, знаменитого романтического размера западноевропейской поэзии, внедренного в русскую поэзию самим Жуковским,— элегия («На кончину Ея Величества королевы Виртембергской», 1819) и элегическое послание («Государыне великой княгине Александре Федоровне. На рождение в. кн. Александра Николаевича», 1818); у 6-стопного ямба — элегия («Сельское кладбище», 1802), идиллия («Идиллия», 1806), патетическое послание («Императору Александру», 1814 — с парным рифмованием, «Государыне Императрице Александре Федоровне», 1828 — с перекрестным рифмованием, «Князю Дмитрию Владимировичу Голицыну», 1833 — с вольным рифмованием), а также многочисленные мадригалы, эпиграммы, надписи и т. п. малые жанры, в которых мерность 6-стопного ямба нейтрализовалась перекрестным или вольным рифмованием («Брутова смерть», 1805, «При посылке альбома», 1807 и др.). Таким образом, из основного фонда размеров специфически «музыкальными размерами» являются 4-стопный хорей

и разностопный ямб[19]. Первый из них — самый частотный размер этой жанровой группы: 30,2 и 33,3% (что в 3 раза больше, чем во всей лирике!). 4-стопный хорей («Желание», «Жалоба», 1811, «Пловец», 1812, «Песнь бедуинки», 1831 и др.) вместе с упомянутым 3-стопным хореем и разностопным (4343 — «К месяцу», 1817, 434344 — «Песня» («Где фиалка, мой цветок?..», 1815) образуют прочный метрический каркас песенно-романсной лирики[20]. Это обстоятельство не исключает возможности использования 4-стопного хорея в балладах, посланиях («К Воейкову», 1814), стихотворениях элегического плана («Ангел и певец», 1823), а также в произведениях с размытыми жанровыми границами («Приход весны», «⟨Елизавете Рейтерн⟩» и др.).

Аналогичная ситуация с разностопным ямбом, который имеет большую интонационную амплитуду, благодаря чему может быть употреблен в произведениях говорного, в частности ораторского, стиля (см. ранние оды Жуковского «Мир», «Человек» и более поздние ораторские стихотворения «Певец во стане русских воинов», «Певец в Кремле», «Русская слава», продолжающие традицию XVIII в. в использовании этого размера). Однако строгая закрепленность конфигурации разностопных строк (главное отличие разностопного ямба от вольного) создает порой очень сложную, но все-таки симметрию, и следовательно, — интонационную инерцию, необходимую для песен, романсов и других произведений напевного стиля. Ср.:

Там небеса и воды ясны! (4)
Там песни птичек сладкогласны! (4)
О родина! все дни твои прекрасны! (5)
Где б ни был я, но всё с тобой (4)
Душой. (1)

---

[19] Не случайно Б. М. Эйхенбаум для иллюстрации приемов мелодизации привлекает стихотворения Жуковского, написанные 4-стопным хореем («Весеннее чувство») и разностопным ямбом («Вечер», «Песня» («О милый друг, теперь с тобою радость...»), «Певец»). См.: Эйхенбаум Б. М. Указ. соч. С. 365—366, 372—376, 386—387).

[20] Относительно высокий показатель хорея в «романсах и песнях» был отмечен О. А Орловой. См.: Орлова О. А. Интонационный строй песенно-романсной лирики // Стиховедение, лингвистика и поэтика. М., 1996. С. 106.

Ты помнишь ли, как под горою, (4)
Осеребряемый росою, (4)
Белелся луч вечернею порою (5)
И тишина слетала в лес (4)
С небес. (1)
〈.....〉

(«Там небеса и воды ясны...», 1816)

Из 25 форм разностопного ямба Жуковского в лирике употребляется 17, из них 8 — в романсах и песнях. Только размер 3443 встречается в трех песнях («Сон», «Песня бедняка», «Утешение в слезах»), остальные выступают в качестве метрических неологизмов, созданных для одного стихотворения: 44444343 («Песня в веселый час»), 555545 («Мина»), 55554444 («Верность до гроба»), 55566664 («О милый друг! Теперь с тобою радость!..») и др.

В разработке 4-стопного хорея и разностопного ямба Жуковский опирался на опыт русской поэзии XVIII в., где эти размеры были уже достаточно представлены, а также на эксперименты немецких поэтов XVIII — начала XIX в., у которых и 4-стопный хорей и разностопный ямб были очень популярны (например, в лирике Шиллера разностопный ямб, по нашим подсчетам, составляет 15,8%, а 4-стопный хорей обгоняет 4-стопный ямб; показатели двух последних соответственно — 9,1% и 8,7%).

Помимо рассмотренных основных размеров, в метрическом репертуаре романсов и песен Жуковского есть несколько периферийных — 2-стопный дактиль («Птичкой певицею...», 3-стопный амфибрахий («Ночь»), 4-стопный («Мечта»), разностопный («Тоска по милом») и 3-стопный анапест («Слава на небе солнцу высокому...»). Они, при всем их различии, образуют группу так называемых 3-сложников и в таком единении составляют 15,9 — 9,7%, что позволяет им стать заметным явлением напевного стиля. В этой связи уместно вспомнить суждение Б. М. Эйхенбаума, который полагал, что «периоды развития напевного стиля совпадают с расцветом трехдольных размеров, ритмическое разнообразие которых очень ограничено по сравнению с ямбом»[21].

Новаторство Жуковского-стихотворца проявилось не только в том, что он увеличил общее число 3-сложников в два раза по сравнению с

[21] Эйхенбаум Б. М. Указ. соч. С. 332—333.

XVIII в. (где они составляли 2,1 — 0.7 %)[22], но и в том, что кроме уже освоенных предшествующей эпохой дактилей внедрил в русскую поэзию амфибрахий, который был для нее размером экзотическим и в таком качестве использовался для создания аналога западноевропейских дольников. С особой экспрессией это проявилось в романсах и песнях. Возможно, экзотические 3-сложники были наиболее адекватной метрической формой для передачи необычных лирических ситуаций, в которых раскрывалась жизнь сердца открытой Жуковским суверенной личности[23]. Ср.:

Над страшною бездной дорога бежит,
Меж жизнью и смертию мчится;
Толпа великанов ее сторожит;
Погибель над нею гнездится.
Страшись пробужденья лавины ужасной:
В молчанье пройди по дороге опасной.

(«Горная дорога», 1818)

Вот почему периферийные размеры сыграли такую большую роль в формировании напевного (романтического) стиля Жуковского, став главной его стиховой приметой.

Дополняют представление о «напевном» Жуковском его полиметрические произведения: из 11-ти семь принадлежат к лирике (828 строк). Они включают 17 размеров, причем 4 из них функционируют в монометрическом творчестве: 4-стопный дактиль («Явление богов»), вольный хорей, 6-стопный дактиль, дольник («Смерть Иисуса»),— за счет чего увеличивается метрический диапазон всей лирики. Самое примечательное, что в полиметрии показатель 3-сложников увеличивается на 8 %, что свидетельствует о тяготении этих структур к напевному стилю. Об этом же говорит и их жанровая принадлежность.

В XVIII — начале XIX в. полиметрия была, в терминологии М. Л. Гаспарова, «музыкальной», т. е. полиметрическими были главным образом произведения, рассчитанные на музыкальное сопровождение,— кантаты, дифирамбы, куплеты комических опер и т. п. Жу-

[22] См.: Вишневский К. Д. Становление трехсложных размеров в русской поэзии // Русская советская поэзия и стиховедение М., 1969. С. 208—210.

[23] Об этом подробнее см.: Канунова. С. 171—182.

ковский хорошо усвоил законы музыкальных жанров, о чем говорит тот факт, что когда поэт решил «Песнь барда над гробом славян-победителей», 1806, написанную вольным ямбом, представить с музыкой Д. Н. Кашина «на театре» (т. е. фактически превратить стихотворение в кантату), он счел нужным добавить хор в 4-стопном хорее: «Росс! И щит и меч во длань! // Враг за гибелью притек!..»[24] Это фактически означало бы создание «музыкальной полиметрии».

Неосуществленный ранний замысел Жуковского, возможно, дал импульс его дальнейшим опытам. Из 7 полиметрических произведений 5 являются «музыкальными» жанрами: вошедшая в «романсы и песни» «Песнь араба над могилою коня», а также «Явление богов» (перевод «Дифирамба» Шиллера), «Смерть Иисуса. Кантата Карла Вильгельма Рамлера», «Прощальная песнь воспитанниц Института, при выпуске», 1820 (с тремя «голосами», оформленными разными размерами). К ним примыкает «Деревенский сторож в полночь» (из Гебеля), имеющий ярко выраженную рефренную композицию.

Если все перечисленные произведения как бы продолжали традиции «музыкальной полиметрии» XVIII в., то два оставшихся — «Послание к Плещееву. В день Светлого Воскресения» (1812) и «На мир с Персиею» (1828) — свидетельствуют о стремлении Жуковского выйти за ее пределы и использовать возможности «разнометрии» (А. Х. Востоков) для маркирования композиционных звеньев говорных жанров (ср. аналогичный путь А. С. Пушкина от «музыкальной» полиметрии кантаты «Леда», 1814 к «лирической» — в терминологии М. Л. Гаспарова — полиметрии «Андрея Шенье», 1825).

Выявляя метрические формы напевного говорного Жуковского, мы по существу сделали обзор всех его метров и размеров — основных и периферийных. Понятно, что наша дифференциация метрических форм (3-сложники, 4-стопный хорей, разностопный ямб, полиметрия — с одной стороны, 3—5—6-стопные ямбы, гекзаметр, вольный ямб — с другой) относительна. Речь идет в большинстве случаев о тяготениях, более или менее выраженных. Исключение составляют гекзаметр и вольный ямб, которые в лирике Жуковского употребляются только в говорных жанрах.

Жуковский не открыл гекзаметр для русской поэзии. В первой четверти XIX в. к этому размеру обращались Воейков, Гнедич, Мерзля-

[24] См.: ПЖТ. С. 28—29.

ков, Дельвиг и др.[25], но только Жуковский придал ему такое жанрово-стилистическое многообразие. Гекзаметр нашел применение в элегии (второй вариант «Сельского кладбища», 1839), произведениях повествовательного плана («Овсяный кисель», 1816), баснях (переводы прозаических басен Лессинга)[26], посланиях и записках (к А. О. Россет-Смирновой, Н. И. Гнедичу), юмористических арзамасских протоколах и т. д.

Такая жанровая широта явилась следствием творческих экспериментов Жуковского с древним размером. В предисловии к «Красному карбункулу» поэт писал, что размер, который «доселе был посвящен единственно важному и высокому», он употребляет «в простом рассказе»[27]. По аналогии с выводом Ц. С. Вольпе о двух типах гекзаметра в эпосе («эпическом» и «сказочном»)[28], отметим и в лирике два полярных типа: первый — мерный, с редкими «стяжениями» (хореями в дактиле) и переносами, второй — разговорно-простодушный, с обилием «стяжений», внутристиховых пауз и переносов. Первый тип сочетается, как правило, с высокой лексикой, второй — с бытовой. Ср. гекзаметры в посланиях разной тональности:

Ты унываешь о днях, невозвратно протекших,
Горестной мыслью, тоской безнадежной их призывая,—
Будь настоящее твой утешительный гений!
Веря ему, свой день проводи безмятежно! ⟨...⟩

(«К самому себе», 1813)

⟨...⟩ Я на всё решиться готов! Прикажете ль — кожу
Дам содрать с своего благородного тела, чтоб сшить вам
Дюжину теплых калошей, дабы, гуляя по травке,
Ножек своих замочить не могли вы? Прикажете ль — уши
Дам отрезать себе, чтоб в летнее время хлопушкой
Вам усердно служа, колотили они дерзновенных
Мух, досаждающих вам, недоступной, своею любовью ⟨...⟩

(⟨А. О. Россет-Смирновой⟩, 1831)

---

[25] Об этом подробнее см.: Бонди С. Пушкин и русский гекзаметр // Его же. О Пушкине: Статьи и исследования. М., 1978. С. 310—371.

[26] Подробно об этом: Реморова. С. 246—248.

[27] Труды общества любителей российской словесности при Московском университете. М., 1817. Ч. IX. Кн. XIV. С. 49.

[28] См.: Вольпе Ц. В. А. Жуковский // Стихотворения. Т. 1. С. XXXIV.

Между этими полярными типами множество переходных форм, создающих основу для применения гекзаметра в разных жанрах.

Еще больший жанровый диапазон у второго говорного размера — вольного ямба. Вольный ямб по существу не прижился только в элегии: в отличие от Пушкина и Баратынского Жуковский в элегии отдавал предпочтение разностопному ямбу (6664 — «Вечер», «На смерть фельдмаршала Каменского», «Славянка»), который переводил произведение в напевный стиль[29]. В остальных жанрах вольный ямб царил: им писались басни, эпиграммы, мадригалы, послания, произведения альбомной лирики, внежанровые лирические стихотворения. Его функционирование демонстрирует возможности размера в передаче разнообразия говорных интонаций — торжественно-патетических («Песнь барда над гробом славян-победителей», «Пиршество Александра, или Сила гармонии», сказовых (басни), медитативных («Невыразимое»), фамильярно-разговорных («Т. Е. Боку») и др.

Жуковского, как известно, ценившего «разнообразие метров», вольный ямб привлекал обилием модификаций, которые возможны за счет: а) диапазона стопностей, б) пропорций входящих в вольный ямб размеров, в) степени урегулированности (величины группы одной стопности). Диапазон стопностей вольного ямба Жуковского — 1—6 стоп. Соотношение стопностей выражается формулой 6—4—3, т. е. основу составляет 6-стопный ямб, а его ведущими спутниками являются 4- и 3-стопные. Коэффициент урегулированности вольного ямба лирики — 2.0.

Облик вольного ямба Жуковского меняется в зависимости от жанра. Так, например, басенный вольный ямб отличается максимальным диапазоном стопностей, относительно большим удельным весом ультракоротких (1—2-стопных) строк, которые в сочетании с длинными (6-стопными) создают резкие ритмические перепады, необходимые для басенного сказа. Ср.: «Проворно, // Смекнувши, что беда, // Давай бог ноги! „Господа, // Слуга покорный!..“» («Каплун и сокол», 1806).

В вольном ямбе эстетического манифеста, отрывке «Невыразимое», напротив, диапазон стопностей сокращен; отсутствие 1—2—3-стопных ямбов и сочетание более близких стопностей дают мягкую пульсацию

---

[29] Вольным ямбом написана только ранняя, в традициях XVIII в., элегия «Отрывок перевода элегии» («В разлуке я искал смягченья тяжких бед...») из Парни, 1806.

ритма медитации: «... Но где, какая кисть ее изобразила? // Едва-едва одну ее черту...» (6—5); «Что видимо очам — сей пламень облаков, // По небу тихому летящих...» (6—4) и т. д.

Стих посланий Жуковского сохранил 3-стопный ямб, от которого в этом жанре отказались Пушкин и Баратынский[30]. За счет 3-стопного ямба и разной степени урегулированности поэт создал два вида стиха посланий: первый — с частой сменой разностопных строк, отвечающей «непринужденности живого разговора» («Ареопагу», «К Кавелину», «Послания кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину», «К Варваре Павловне Ушаковой и гр. Прасковье Александровне Хилковой. В Гатчине» и многие другие); второй — с чередованием больших звеньев разной стопности. Этот (более редкий) вид ярко представлен в шутливом донесении о павловской луне «Государыне Императрице Марии Федоровне», 1819, в котором 8 метрических звеньев 3—4—6-стопных ямбов от 18 до 80 строк оформляют многочисленные темы этого гигантского (634 строки) послания. По существу первый тип вольного ямба — это переходная метрическая форма, приближающаяся к полиметрии с «кусковым» принципом композиции. Между двумя полярными видами множество переходных форм, сочетающих «пестроту» с небольшими (до 16 строк) звеньями одной стопности («К Вяземскому. Ответ на его послание друзьям», «Поэту Ленепсу, в ответ на его послание ко мне» и др.).

Все названные разновидности вольного ямба были в пределах, в нашей терминологии, контрастного (французского) типа — на 6-стопной основе. Особый тип вольного ямба представляет стих трех нерифмованных стихотворений Жуковского — «Путешественник и поселянка», 1819, «То место, где был добрый, свято...», 1829, «Орел и голубка», 1833. В них «унифицирующая» (подводящая строки слева под один ранжир) графика[31], 4- или 5-стопная (а не 6-стопная) основа, частые переносы, которые вместе с «белизной» создавали уникальную стиховую конструкцию, подготавливающую в лирике самого Жуковского стих «Рустема и Зораба», 1846—1847, а в масштабах всей русской поэзии ставшую прообразом верлибра. Ср.:

---

[30] См.: Винокур Г. О. Вольные ямбы Пушкина // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 38—39. Л., 1930. С. 26.

[31] Унифицирующую графику имеет также «Невыразимое», но вольный стих его — на 6-стопной основе.

〈...〉 Там он томился
Три долгих дня,
Три долгих ночи
И содрогался; наконец
Был исцелен
Живительным бальзамом
Всеисцеляющей природы 〈...〉

(«Орел и голубка»)

Обзор метрических форм показал «могущество и разнообразие» (Пушкин) слога Жуковского. Это разнообразие определяется и их большим количеством, и тем, что они формируют различные стили его поэзии. Аналогичную картину можно видеть в строфике поэта. Для понимания особенностей строфического репертуара лирики важно отметить три принципиально важных для поэта новации в *каталектике*. Первая касается соотношения белых и рифмованных стихов, вторая — дактилических окончаний, третья — отношения к правилу альтернанса.

Нерифмованных стихов в лирике Жуковского предсказуемо намного меньше, чем во всей его поэзии, где они за счет драмы и эпоса составляют 60,9%. Однако и в лирике, что уже менее предсказуемо, показатель белых стихов очень высок — 19,2%, т. е. почти пятая часть стихотворений Жуковского-лирика не имеет рифмы. Белыми стихами написаны его пронзительные любовные признания: «9 марта 1823», «К ней», «〈Елизавете Рейтерн〉», эстетический манифест — «Теон и Эсхин», классическая романтическая элегия «Море» и др. Однако белый стих был не экзотической формой для отдельных лирических шедевров, а формой, которую Жуковский хотел сделать нормой для русской поэзии. В белом варианте мы находим у него почти все употребляемые самостоятельные размеры, кроме 6-стопного ямба, 6-стопного и разностопного хорея. В то же время доля белых стихов в каждом размере разная, и можно увидеть вполне определенную тенденцию: белый стих «поддерживает» необычность метрической формы.

Так, нерифмованными были 63,3% 3-сложников (в ямбе и хорее белого стиха в 8—9 раз меньше). Без рифмы у Жуковского не только гекзаметр и элегический дистих, но и все остальные формы неклассического стиха (кроме «Жалобы пастуха», где стих полурифмован); белы-

ми являются вольные ямбы унифицирующего типа. Во всех случаях отсутствие рифмы как бы маркировало экзотичность формы, усиливало ее выразительные возможности.

В белом стихе резко увеличена доля женских клаузул (окончаний): если в рифмованном мужские и женские составляют примерное равновесие, то в белом стихе их соотношение 36,4% — 57,2% за счет гекзаметра и небольшой (в лирике) доли пятистопного астрофического ямба. Оставшиеся 6,4% приходятся на долю белых дактилических окончаний (три «Народные песни», «Боже, Царя храни...» и т. д.). Белые дактилические окончания были уже известны русской поэзии по фольклорным стилизациям. Новаторство Жуковского проявилось в том, что он в трех стихотворениях («Птичкой певицею...», «Отымает наши радости...», «Мотылек и цветы») употребил рифмованные дактилические окончания, что было для русской поэзии открытием. Ср.: «Поляны мирной украшение, // Благоуханные цветы, // Минутное изображение // Земной, минутной красоты ⟨...⟩».

Мужские и женские рифмы в русской поэзии XVIII — первой четверти XIX в. менялись по давнему, идущему из XVI в. французскому правилу альтернанса, запрещавшему ставить рядом нерифмующиеся слова с однородными клаузулами (типа абаб или АБАБ). Жуковский также обычно соблюдал это правило, даже в произведениях вольной рифмовки. Однако в 37-и произведениях, в том числе 24-х лирических, он это правило сознательно нарушает.

Нарушение альтернанса в лирике идет по четырем линиям: 1) при создании строфы *со сплошными мужскими окончаниями* (6 стихотворений: «К месяцу», «Утренняя звезда», «Мина», «Мечта», «Летний вечер», «Три путника»); 2) при создании строфы *с перемежающимися без правила альтернанса окончаниями* (4 стихотворения: «Тоска по милом», «Обет», «Весеннее чувство», «Горная дорога»); 3) *при чередовании строф* (8 стихотворений, в том числе октавы 1819 г.,— «На кончину Ея Величества королевы Виртембергской», «Цвет завета», «Взошла заря. Дыханием приятным...»); 4) *при парной рифмовке*, как мужских («Мой милый друг...», «Смертный и боги» и др.— всего 5 стихотворений), так и женских («Царскосельский лебедь») клаузул.

Из беглого обзора видно, что разнообразные пути преодоления французского канона означают переориентацию Жуковского на англо-немецкий стиль рифмовки, выразившийся особенно ярко во внедре-

нии сплошных мужских окончаний. Последнее обычно связывалось с переводом «Шильонского узника» Байрона. Оказывается, что в лирике новаторские опыты в этом направлении были более ранними и не менее эффективными.

Новаторство Жуковского в области каталектики коснулось его разных стилей, но по-разному. Отсутствие рифмы более характерно для говорных жанров (в романсах и песнях, напротив, показатель белых стихов значительно ниже, чем во всей лирике (12,6—7%); эти жанры предпочитают рифмованный стих или полурифмовку). «Мужские» строфы и дактилические окончания дают новую окраску напевному стиху. Еще более рельефна жанрово-стилистическая дифференциация в строфических формах.

В строфике лирики Жуковского пять основных групп со следующими показателями: 1) однострофические произведения[32] (18,7—2,2%); 2) строфические (36,2—37,5%); 3) произведения парной рифмовки (5,5—7,7%); 4) произведения вольной рифмовки (30,1—46,8%); 5) астрофические нерифмованные стихи (9,5—5,8%). По этим показателям строфика лирики Жуковского отличается от строфики всей его поэзии, но не так разительно, как метрика. Различия сводятся к следующим моментам: во-первых, в лирике (по статистике строк) значительно больше строфических произведений (соответственно 37,5% и 22,0%); по числу произведений обе группы примерно равны; во-вторых, в астрофической части (2, 3, 4 группы) произведения вольной рифмовки и белые астрофические как бы поменялись местами: в лирике больше первых, во всей поэзии — вторых. Сближают два сопоставляемых репертуара близкие показатели однострофических произведений (высокие — по статистике текстов, мизерные — по числу строк).

Строфа лирики Жуковского обнимает от 2-х («Три путника») до 20-ти («Четыре сына Франции») строк. Поскольку строфа, помимо объема, определяется еще метрическим наполнением, каталектикой и конфигурацией рифм, то строфы лирики Жуковского образуют 104 ти-

[32] Однострофическими, вслед за Б. В. Томашевским, считаем произведения объемом в 2—8 строк (см.: Томашевский Б. В. Строфика Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 2. М.; Л., 1958. С. 135), за исключением: а) стихотворений с двумя одинаковыми катренами (в этом случае стихотворение будет входить в группу строфических произведений); б) элегического дистиха; в) белого стиха с однородными окончаниями.

па (во всей поэзии их было 133). Тем не менее, определяющим для дальнейшей характеристики строфических произведений остается объем. Основу репертуара составляют 4-стишия, которыми написано больше половины строфических стихотворений (55,4%), 8-стишия появляются в каждом четвертом стихотворении этой группы (24,3%) и сильно отстают 6-стишия (4,3%). Оставшиеся 12% принадлежат строфической периферии, включающей все экзотические строфы. Если в балладах особой экспрессией обладали 2-стишия, то в лирике — 3-стишия. Все они используются в стихотворениях, отличающихся лаконизмом и остротой лирического переживания («К ней», «Замок на берегу моря», «Stabat mater»). Кроме 3-стиший в лирике Жуковского есть и другие строфы нечетного объема: 5-стишия («Утешение»), 7-стишия («Молитва русского народа»), 9-стишия («Розы расцветают...»). Они, как и 3-стишия, ограничиваются единичными примерами. Более распространены и заметны 12-стишия, объединяющие, как правило, три катрена одинаковой рифмовки («Могущество, слава и благоденствие России», «Любовная карусель...» и др.). Шесть стихотворений состоят из сложных строф, самая известная из которых 12+4 ст. в «Певце во стане русских воинов», повторенная в «Певце в Кремле», но в обоих стихотворениях некоторые 12-стишия не имеют 4-стишного «сопровождения».

Соотношение основных строфических групп и набор строф, рассмотренных, как и в случае с метрикой, на фоне строфического репертуара романсов и песен, позволяет сделать вывод, что напевный стиль Жуковского функционирует только в строфическом варианте. Говорной стиль использует все 5 видов строфической организации, причем однострофические и три группы астрофических произведений могут оформлять только говорные жанры. Таким образом, строфика еще более, чем метрика, выявляет обилие говорных жанров и стилей у Жуковского.

Можно отметить и более частные тяготения романсно-песенного стиля Жуковского. Среди строфических произведений этой жанровой группы $^2/_3$ приходится на 4—6—8-стишия. Как видим, лидеры те же, что и во всей лирике, однако пропорции их существенно отличаются. Значительно увеличена доля 6-стиший (с 4% до 11,5%), так что можно говорить об их относительном преобладании в песнях и романсах, а 4-стишия и 8-стишия меняются местами: 8-стиший больше половины, а 4-стишия составляют только треть (а по строкам даже четверть) сти-

хотворений этих жанров. Таким образом, самой частотной моделью романсно-песенного стиля является хореическое 8-стишие (см. цикл «Эолова арфа»), а самыми экстравагантными моделями оказываются 8-стишие, состоящее из трехсложников («Ночь»), разностопное «мужское» 6-стишие («Мина») и полурифмованный разностопный катрен («Песня бедняка»).

В начале статьи мы задались вопросом, как соотносится лирика Жуковского с общим фоном стихосложения его времени. Но время Жуковского — это полвека. И стихосложение русской поэзии в эти 50 лет существенно менялось. Менялось ли стихосложение лирики Жуковского? Если да, то как? С «веком наравне» или по-другому? Попытаемся ответить на эти вопросы, коротко рассмотрев метрические и строфические формы 3-х основных периодов его творчества.

Первый период (1797—1807) — от первых литературных опытов до появления первой романтической баллады.

Интенсивность творчества этого периода — 8,2 стихотворения, 262 строки в год. Средняя величина стихотворения — 32,2 строки. Самый плодотворный год — 1806-й (58 стихотворений, 1481 строка). Метрика этого периода находится в пределах классического стиха: 94—96% стихотворений написано ямбом. Из 46 употребляемых им в лирике размеров в этот период используется только 8. Самый частотный из них — вольный ямб: он абсолютный лидер (49,4—41,4%). 4-стопного ямба в это время в 2 с лишним раза меньше (15,7—27,0%). 6-стопному ямбу принадлежит лишь третье место (21,7—71,3%): здесь его вершина. Из хореических размеров употребляется только 4-стопный, из 3-сложников — самый архаический: 2-стопный дактиль. Только к концу периода появляется «Тоска по милом», написанная разностопным амфибрахием. В структуре вольного ямба максимально высок показатель 6-стопного ямба (63%). Строфика представлена 4 группами стихотворений: однострофические (32,9%), строфические (30,5%), вольной рифмовки (35,4%), парной рифмовки (1,3—4,1%). Однострофические поддерживаются миниатюрой, строфические — элегией (первый вариант «Сельского кладбища») и одой, вольнорифмованные — басней. Парная рифмовка не развита (ее небольшие опыты — «Опустевшая деревня», «Послание Элоизы к Абеляру»). Среди строфических произведений больше половины написано 4-стишиями. Остальные строфические варианты (5—8—10-стишия) все связаны с одой.

Второй период (1808—1824) начинается с появления баллады «Людмила», 1808 и заканчивается выходом 3-томного собрания стихотворений в 1824 г., которое подвело первый итог поэтической деятельности Жуковского.

Прежде всего, обращает на себя внимание повышение интенсивности творчества до 18,1 стихотворения (947 строк) в год. Наиболее производительный год — 1814 (71 стихотворение, 3342 строки). Средняя величина стихотворения (52,5 строки) — самая большая за все время творчества, что связано с созданием крупных патетических стихотворений (два «Певца»), гигантского послания «К Батюшкову» (678 строк), появлением сюжетных стихотворений (переводы из Гебеля).

В этот период происходит расцвет метрических и строфических форм, который особенно впечатляет после скудости метрики и строфики предшествующего периода. Здесь сосредоточены все самостоятельно употребляемые размеры Жуковского. Ямб по-прежнему преобладает, но количество ямбических строк уменьшается на 20%. Внутри ямбического массива происходят существенные изменения, из них самые важные: 1) выдвижение в лидеры 4-стопного ямба, который в это время обгоняет вольный ямб, сократившийся вдвое (при этом в структуре вольного ямба происходят изменения: уменьшается доля 6-стопного ямба и увеличивается доля 4-стопного, поскольку размер из басни перешел в послание); 2) появление романтического 5-стопного ямба, который сначала вытеснил 6-стопный из высокого послания («Вождю победителей», 1812; «Старцу Эверсу», 1815 и др.), а потом освоил элегию и элегическое послание; доля лирического 5-стопного ямба здесь самая большая из всех трех периодов (7,2—8,7%); 3) сокращение вдвое доли 6-стопного ямба (10,1—7,5%); 4) существенное увеличение пропорции 3-стопного ямба, по строкам занимающего десятую часть репертуара: им пишется множество посланий. Разностопные ямбы по числу стихотворений увеличиваются (с 6% до 8,5%), но главная их особенность — разнообразие модификаций. В этот период активно разрабатываются 3-сложники: общее их число увеличивается вдвое, среди 3-сложников лидирует амфибрахий. Картину этого метрического разнообразия завершает появление форм неклассического стиха (гекзаметра, элегического дистиха, логаэдов) и полиметрии (6 из 7 полиметрических стихотворений созданы в это время).

В строфике второго периода присутствуют все 5 видов строфической организации: добавились белые астрофические произведения в гекзаметрах, белом вольном, а также пятистопном ямбе. Начало пятистопного ямба без рифмы и без постоянной цезуры — тоже здесь («Тленность», 1818). Соотношение остальных видов строфики изменилось: почти вдвое уменьшилось число однострофических стихотворений (эпиграммы и другие миниатюры отступили под напором романсов и песен); слегка (на 8%) увеличилась доля строфических произведений; вольная рифмовка осталась столь же популярной, но связана она теперь не с басней, а с дружеским посланием. В строфических произведениях представлены все виды строф, кроме 20-стишия. Лидеры первого периода, 4-стишия несколько отступили (50,9%), зато 8-стишия решительно заняли треть строфических произведений, в этом периоде наступает их пик. Появились 6-стишия, которых здесь вдвое больше, чем во всей лирике. В это время создана большая часть произведений с нарушением правила альтернанса.

Все стиховые новации этого периода, рассмотренные в контексте оппозиции «классицизм — романтизм», показывают, что стиховые формы Жуковского явились результатом становления романтического метода Жуковского и, в свою очередь, участвовали в его формировании.

Третий период (1825—1852) включает в себя все оставшееся лирическое творчество Жуковского, совмещавшееся с педагогической деятельностью и работой над крупными эпическими произведениями. Интенсивность лирического творчества резко сократилась — до 4,2 стихотворения (126 строк) в год. Исключение составляет только 1831 г., когда написано 22 стихотворения (669 строк). Средняя длина стихотворения уменьшилась до показателя первого периода (30,2). Метрика и строфика стали богаче, чем в первое десятилетие, но уступают буйству форм второго периода и выглядят скромными на его фоне. И в метрике, и в строфике происходят существенные изменения. Ямб продолжает быть основным метром классического стиха, но его доля сильно сокращается — с трех четвертей предшествующего периода до половины. Зато увеличивается доля хорея (23,1—27,1%) и 3-сложников (10,6—7,7%), а также неклассического стиха (22,1—12,2%). В пропорциях ямбических размеров усиливаются уже наметившиеся тенденции: продолжают падать вольный ямб (8,6—5,4%) и ямб 6-стопный (2,9—4,8%). К ним присоединяется и разностопный ямб, сократив-

шийся до 2,9—4,8%. Немного уменьшилась и доля 5-стопного ямба: он теперь, освободившись от цезуры и рифмы, осваивает эпос.

Строфика отражает и тенденцию стабилизации, и тенденцию эволюции. Три группы — одностроfические, строфические, парной рифмовки — остались примерно равными с показателями предшествующего периода. Новшество касается двух оставшихся астрофических групп: вольной рифмовки стало значительно меньше (по строкам в два раза), а астрофических стихов однородной и перемежающейся каталектики («Ея Императорскому Высочеству, государыне великой княгине Марии Николаевне приветствие от русских...», 1851) — значительно больше (26,6—32,6%)[33], в чем явно сказывается влияние работы над эпосом. Существенные изменения произошли в строфических произведениях: доля 8-стиший сократилась почти в 3 раза (13%), а доля 4-стиший возросла до ¾ (73,9—56,0%), что свидетельствует об упрощении строфики позднего Жуковского.

Если теперь соотнести стиховые характеристики рассмотренных выше трех периодов творчества поэта со стихосложением XVIII—первой половины XIX в., обрисованным в уже упомянутых работах К. Д. Вишневского и М. Л. Гаспарова, то становится очевидно, что Жуковский первого периода — по набору и пропорциям метров и размеров, структуре вольного ямба, строфическому репертуару — ориентирован на опыт XVIII в., из которого усваивается наиболее характерное.

Жуковский второго периода отражает многие тенденции стихового развития первой четверти XIX в., в частности, по ряду показателей (лидерство 4-стопного ямба, преобладание амфибрахия среди 3-сложников, процент разностопного ямба и др.) стих Жуковского-лирика близок пушкинскому канону. Вывод этот не является непредсказуемым, поскольку Жуковский второго периода, лирического по преимуществу, активная фигура литературной жизни, стих его не только отражает тенденции времени, но и формирует их.

Гораздо неожиданнее оказался вывод, что более скромное лирическое творчество третьего периода, при всем его очевидном своеобразии (завышенный показатель неклассического стиха; заниженный—

[33] За счет увеличения астрофических стихов показатель строфических произведений отстает от аналогичного показателя по второй четверти XIX в. (57,8). См.: Вишневский К. Д. Введение в строфику // Проблемы теории стиха. Л., 1984. С. 55.

6-стопного ямба, переживающего в русской лирике этих лет второе рождение; большая доля белого астрофического стиха и др.), тем не менее отчетливо отражает глобальные тенденции стихового развития второй четверти XIX в., выразившиеся в падении ямба, росте хорея и 3-сложников, упрощении строфики, что говорит о феноменальном ощущении «форм времени» Жуковским-лириком.

Эволюция Жуковского в аспекте соотношения напевного и говорного стилей предстает как движение от говорного стиля первого периода к напевному второго и третьего. Напевные стили Жуковского всегда уравновешивались большими массивами говорных стилей, что и создало не только «пленительную сладость», но и «могущество и разнообразие» стиха первого русского романтика.

Рифма Жуковского

Хотя Жуковский в своей эволюции двигался к белому стиху, связывая с ним «сущность поэзии»[34], и $^2/_3$ всех его стихов ($^1/_5$ лирических) написаны без рифм, он был искусным «рифмователем», что отмечалось еще современниками: «Не ты за ней бежишь, она тебе вослед ⟨...⟩ Не спотыкаешься ты на конце стиха // И рифмою свой стих венчаешь без греха» (П. А. Вяземский. «К В. А. Жуковскому: Подражание сатире III Депрео», 1819). Сам Жуковский неоднократно упоминал рифму в стихах, а «⟨Послания к кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину⟩» превратил в настоящий стихотворный трактат по рифмологии, что говорит о большом внимании поэта к рифме. Однако рифма Жуковского изучена гораздо меньше, чем метрика и строфика. Правда, рифме Жуковского посвятил небольшую главку Д. Самойлов в «Книге о русской рифме» (М., 1982), о рифме Жуковского писали В. М. Жирмунский, В. Е. Холшевников, М. Л. Гаспаров[35], но всякий раз в связи с теорией или историей русской рифмы. Предметом специального изучения она еще не была.

---

[34] См. дневниковую запись от 27 октября (8 ноября) 1838 г.: « Разговор ⟨...⟩ о тенденции нынешней поэзии. Белые стихи. Сущность поэзии» (Дневники. С. 434).

[35] См.: Жирмунский В. М. Рифма, ее история и теория. Пг., 1929 (ср.: Жирмунский В. М. Теория стиха. Л., 1975. С. 324—362); Холшевников В. Е. Еще раз об истории русской рифмы от Ломоносова до Лермонтова // Холшевников В. Е. Стиховедение и поэзия. Л., 1991. С. 150—165; Гаспаров М. Л. Эволюция русской рифмы // Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. 3. М., 1997. С. 326—339.

Рифма, как известно, многоаспектный компонент стиха. Традиционные аспекты ее изучения — фонетический, морфолого-грамматический, семантический.

Некоторые фонетические особенности рифмы Жуковского были отмечены уже современниками поэта, оценившими прежде всего ее точность, выразившуюся, по словам С. П. Шевырева, в рифмовке «не для одного слуха, но и для глаза»[36]. На языке научных категорий эта отличительная особенность означает, что Жуковский переходит на точную рифму, отталкиваясь от опытов неточной рифмы своего ближайшего предшественника Державина и возвращаясь к традиции точной рифмы сумароковской школы (последняя, как известно, в русской рифмологии вообще принимается за точку отсчета точности рифмы)[37]. Следует, однако, отметить у Жуковского немногочисленные случаи отступления от этой традиции.

У поэта, согласно современным стиховедческим дефинициям, встречаются *приблизительные* рифмы (когда тождественны заударные согласные и различаются заударные гласные) и *неточные* (когда гласные тождественны, а согласные различаются). В отмеченных 14 приблизительных рифмах[38] (всегда женских) чередуются:

1) чаще всего **е — я:** *мгновенье — разрушенья*, *Провиденья — определенье*, *воображенья — определенье* («Человек»), *ржанье — стенанья* («Песнь барда...»), *разделенья — уничтоженье* («К Филалету»), *уединенья — поколенье* («Царскосельский лебедь»);

2) **е — и:** *ищет — слышит* («Мир»), *хочет — проскочит* («Что такое закон?»);

3) **о — а:** *обильна — сильно* («Бородинская годовщина»).

Неточными в собственном смысле слова у Жуковского могут быть и женские, и мужские рифмы. В **женских** неточных — три типа:

1) замена (термин Гаспарова) согласных в заударной части слова: *поникнет — возникнет* («Добродетель»), *великосердный — превознесенный*

---

[36] Цит. по кн.: Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. М., 1984. С. 144.

[37] См.: Гаспаров М. Л. Указ. соч. С. 142—146; Западов В. А. Державин и русская рифма XVIII в. // Державин и Карамзин в литературном движении конца XVIII — начала XIX в. Л., 1969. С. 54—78.

[38] Подсчеты сделаны по изданию: Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М.; Л., 1959 (СС 1).

(«Мир»), *стремиться — лъстится*, *неправосудной — неприступной* («Человек»), *рокот — хохот* («К Воейкову»;

2) прибавление дополнительного звука (в терминологии Гаспарова — «пополнение») — а) в конце клаузулы: *героем — бое* («Мир»), *благодатном — приятна* («Стихи, сочиненные в день моего рождения»); б) в середине клаузулы: *благодатный — крылатый* («Мир»);

3) замена согласного йотом: *блаженном — примиренный* («Мир»).

В **мужских** неточных также три типа:

1) мужские открытые неточные с заменой предударного (так называемого опорного) согласного: *сыны — львы* («Мир»), *земли — твои* («Человек»), *стекло — никого* («Кот и зеркало»), *скривя — себя* («Мартышки и лев»);

2) мужские закрытые — а) с заменой заударных согласных: *небес — сердец* («Добродетель»), б) с пополнением: *сонм — кругом*, *сонм — гром* («Песнь барда...»), в) с рифмовкой твердого и мягкого согласного: *брань — тиран* («Человек»), *быть — устрашит* («Стихи, сочиненные в день моего рождения»), *любовь — листов* («1-ое июля 1842»);

3) мужские закрыто-открытые неточные: *мне — ней* («Любовная карусель» — единственный случай).

Неточные рифмы Жуковского (приблизительные и собственно неточные) занимают незначительное место в стиховой системе поэта, однако их разнообразие неожиданно для поэта с репутацией рифмующего «для глаз». Все виды неточных рифм сконцентрированы главным образом в раннем творчестве[39]: в высоких (оды «Добродетель», «Мир», «Человек» и «Песнь барда над гробом славян-победителей») и низких (басни) жанрах, что вполне соответствует жанровому диапазону неточной рифмы середины XVIII в. и Державина.

После 1806 г. неточные рифмы практически полностью исчезают; отдельные образцы появляются уже в самом конце творчества («Бородинская годовщина», «Царскосельский лебедь»), и это доказывает: неточные рифмы раннего Жуковского — не поэтические погрешности, а усвоение державинской традиции[40], которую Жуковский быстро пре-

[39] На неточные рифмы молодого Жуковского впервые указал В. М. Жирмунский. См.: Жирмунский В. М. Указ. соч. С. 358.

[40] О неточной рифме Державина и его предшественников см.: Западов В. А. Указ. соч. С. 69—91.

одолел, но к которой вернулся, завершая свой творческий и жизненный путь.

Появление нескольких приблизительных, неточных, а также, как будет показано дальше, множества йотированных рифм среди «долбинских стихотворений» 1814 г. свидетельствует о том, что жанры, находящиеся на грани литературы и быта (дружески-фамильярные послания, записки и т. п.), были для Жуковского ареной всякого рода «вольностей» в области рифмы.

Среди рифм Жуковского особое место занимают рифмы типа: *великий — владыки, увиты — знаменитый* («Пиршество Александра»), которые долгое время именовались «усеченными», а в последнее время, после работ М. Л. Гаспарова по истории русского стиха, чаще называются йотированными. Йотированные в поэзии Жуковского, по Гаспарову, составляют 7—8%. Подтверждая статистические данные М. Л. Гаспарова, мы предлагаем дифференцировать йотированные по степени неточности: **1-я степень** — когда йотированные рифмы различаются только йотом (*драгоценный — священны, достойно — спокойной* — «К Батюшкову»); **2-я степень** — когда рифмы различаются и гласным и йотом (*напрасно — ужасный* — «Желание», *оливой — счастливы* — «К Тибуллу»).

Первый тип назовем «собственно йотированные», второй — «йотированные неточные» (логически применяем типологию неточных рифм). Понятно, что 2-я степень неточности — это большая свобода («деканонизация», по Жирмунскому) рифмы.

Процентное соотношение перечисленных типов — 60,3: 26,6: 13,1, т. е. у Жуковского рифм типа «*милый — могилы*» («Ареопагу») вдвое больше, чем рифм типа «*милый — силой*» («К Батюшкову»), и в четыре раза больше, чем рифм типа «*милый — светило*» («Вспомни, вспомни, друг мой милый...»).

В диахронии три типа йотированных рифм ведут себя по-разному. Наиболее равномерно (в пределах 25—30%) на протяжении всего творчества Жуковский употребляет приблизительные рифмы. Исключение составляют только 1815—1819 гг., когда доля их резко сокращается. Неточных (самых раскованных) рифм у Жуковского больше приведенного выше среднего показателя в 20—30-е гг. (16,1%). Особенно много их в ранний период творчества (первое десятилетие) — до 22,2%. Таким образом, судьба неточных йотированных рифм повторяет судьбу собственно неточных: они обрамляют творчество поэта.

Составляющие основной массив (2/3) йотированных рифм собственно йотированные (1-й тип) слегка сокращаются только в первое десятилетие и в 20—30-е гг., зеркально отражая поведение неточных. Заметными йотированные стали с 1808 г.— после того как рифма «*единый — Мальвина*» выразительно завершила песню «Мальвина» и сразу 4 рифмы (*«дубравой — величаво»*, *«Серафимы — боготворимый»*, *«Серафимы — зримый»*, *«воспаленный — оглашенны»*) появились в «Гимне». С той поры, неизменно оставаясь в репертуаре рифм поэта, йотированные именно этого типа стали выразительной приметой его стиля.

Не случайно в «Царскосельском лебеде», в котором Жуковский оглядывается на все свое творчество, он употребляет 6 йотированных рифм (*«глубоко — одинокой»*, *«стройно — спокойной»*, *«лебединый — Екатерины»*, *«чудесно — поднебесной»*, *«защиты — позабытый»*, *«Екатерины — лебединый»*), которые вместе с двумя уже вышеупомянутыми приблизительными составляют почти четвертую часть рифм этого стихотворения. Очевидно, это — своеобразная формулировка вклада в историю стихотворного стиля русской поэзии: Державин в «Памятнике» напомнил современникам и потомкам о своем «забавном русском стихе», а Жуковский — о своих йотированных рифмах.

Фонетическая характеристика рифмы непосредственно связана с вопросом о богатстве рифмы. В. А. Западов показал, что для поэтов XVIII в. «богатой» и «звонкой» рифмой была, прежде всего, рифма точная. В этом смысле рифма Жуковского богатая и звонкая уже потому, что она точная. Однако в стиховедении есть еще один традиционный показатель богатства рифмы — совпадение или несовпадение опорных (предударных) звуков. Так, например, из двух точных рифм «Царскосельского лебедя» (*звездами — водами*, *звездами — крылами*), согласно общепринятым дефинициям, первая является богатой, а вторая — бедной (хотя семантика терминов, особенно второго, не вполне адекватно отражает существо явления).

В исследованиях по рифмологии не раз отмечалось, что увлечение совпадением опорных звуков является результатом ориентации на французскую школу рифмовки, а сдержанное отношение к ним — на английскую и немецкую[41]. Жуковский свободно следовал и той и дру-

[41] См.: Жирмунский В. М. Указ. соч. С. 306—308; Жовтис А. Л. Опорный согласный в рифме // Исследования по теории стиха. Л., 1978. С. 75—84; Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. 3. М., 1997. С. 295—298.

гой традициям. Техника его рифмовки в этом плане предстает разнообразной. Он мог рифмовать с интенсивным совпадением опорных звуков и мог вполне обходиться без него. Ср., например, последнюю строфу «Горной дороги», где опорные звуки совпадают во всех рифмах (мужской открытой, женской, мужской закрытой):

Царица сидит высоко и светло
На вечно незыблемом троне;
Чудесной красой обвивает чело
И блещет в алмазной короне;
Напрасно там солнцу сиять и гореть:
Ее золотит, но не может согреть.

и «Стихи, сочиненные в день моего рождения», где среди 20 рифм только одна с совпадением опорного звука (*пройдет — найдет*).

Статистический анализ позволяет обрисовать следующую картину эволюции стихотворной техники поэта по этому параметру. В первые годы рифма с совпадающими опорными звуками составляет 10—11%. Уже в 1806 г. их показатель вырастает до 13%. В 1812 г. в объемном послании «К Батюшкову» он поднимается до 15%. Кульминация рифмовки с опорными звуками — романсы и песни 1815—1818 гг. — 27%. Вышеприведенный пример из «Горной дороги» красноречиво иллюстрирует эту тенденцию. Затем у Жуковского начинается постепенное охлаждение к богатым рифмам: в лирике 1819 г. они составили 19,5%, в 20-е гг. — 17%, в 30-е — всего 13%.

Рассматривая вопрос о точности рифмы Жуковского, мы анализировали главным образом правую (по отношению к ударному слогу) часть рифмы. Анализ опорных звуков переключил наше внимание на ее левую часть, и мы таким образом сталкиваемся с проблемой «левизны рифмы», поставленной, как известно, В. Я. Брюсовым применительно к рифмам Пушкина. Брюсов показал, что помимо опорных звуков Пушкин «согласовывал также ряд других доударных звуков»[42]. К аналогичному выводу пришли и мы, анализируя левую часть рифмующихся слов Жуковского.

Доударные звуковые переклички Жуковского очень разнообразны. Самыми характерными для него (как и для Пушкина, насколько можно судить по наблюдениям Брюсова) представляются две рифмы из

[42] Брюсов В. Я. Левизна Пушкина в рифмах // Брюсов. Собр. соч.: В 7 т. Т. 7. М., 1975. С. 156.

«Певца во стане русских воинов»: «*смелый — стрелы*» и «*смелый — веселый*». В первой согласуются начальные звуки рифмующихся слов, во второй — начальный с опорным.

Первый тип в стиховедении получил название звуковой анафоры. Звуковые анафоры могут быть на фоне совпадающих опорных звуков (*кусты — красоты, волны — вышины*), а могут (как бывает чаще всего у Жуковского) давать компенсацию их отсутствия (*надежды — невежды, спаситель — смиритель, песнопенье — Провиденье, досуга — друга* и т. п.— все примеры взяты из послания «К Батюшкову»).

Звуковые анафоры Жуковского возникают на совпадении не только первых звуков (как в вышеприведенных примерах), но и первых двух рядом: *пропал — призвал* («Человек»), *услажденье — успокоенье* («Сон могольца»), *ползущих — падущих, неумолимый — неотразимый* («К Батюшкову») и др.; первых трех рядом: *простота — правота* («Певец во стане...»), *созерцатель — создатель* («К кн. Вяземскому»), *молодой — молвой* («Цвет завета») и др., и даже четырех первых рядом: *неправосудной — неприступной* («Человек»).

Отмеченное согласование начального звука с конечным одинаково успешно разрабатывается Жуковским в двух вариантах: как «*поваренок — ребенок*» и как «*ребенок — поваренок*» (оба примера из «Плача о Пиндаре»). В первом случае опорный звук верхнего рифмующегося слова как бы делает акцент на начальном звуке нижнего слова; во втором — начальный звук верхней строки как бы находит отзвук в опорном нижней строки. В обоих случаях «левые» созвучия делают рифму Жуковского «глубокой».

У каждого из рассматриваемых основных типов левых созвучий Жуковского существует множество разновидностей. Так, у первого типа два начальные звука могут образовать не симметричные согласования, а с зеркальной перестановкой звуков: *встать — сверкать* («Ареопагу»); созвучия могут образовывать как сплошные массивы текста: *тишине — вышине* («Песнь барда...»); *божества — торжества* («К Воейкову»), *пробудно — правосудно* («Вечер»); *невозвратно — развратной* («К Батюшкову»), так и раздвинутые: *взгляд — возвестят* («Мальвина»), *правдивых — несправедливых, Провиденья — определенье* («Человек»), *Бородина — собрана* («Бородинская годовщина»).

У второго типа — опорный звук согласуется не с первым звуком, а со вторым (*певец — Творец, пугал — играл, Спаситель — истребитель, вели-*

кан — океан) или с третьим (*прах — струнах, листов — мотыльков*) или повторяться в рифмующемся слове несколько раз (*не писал — просвистал*).

Особо отметим способность рифмы Жуковского подтягивать звуки стоящих рядом слов. Так, в «Певце во стане...» рифма «*Багратион — он*» — явно бедная. Однако она воспринимается как богатая благодаря контексту: «*И ты, и ты, Багратион? (...) Вотще их плач... во гробе он*». Звуки, образующие имя прославленного полководца, содержатся в части строки («*во гробе*»), прилегающей к рифме.

Рифма Жуковского может подпитываться звуками не только рядом стоящих слов, но и звуковым комплексом нескольких строк. В этом отношении показательно стихотворение «Весеннее чувство», типичное произведение напевной лирики с характерными для нее мелодическими ходами:

Легкий, легкий ветерок,
Что так сладко, тихо веешь?
Что играешь, что светлеешь,
Очарованный поток?..

Рифменная пара «*веешь — светлеешь*» имеет в левой части звуковой комплекс *в-т-л*, который является смещенным повторением набора этих же звуков (*л-в-т*) в первых трех строках приведенного катрена. Яркие аллитерации текста, усиленные рифмой, вместе с лексическими и синтаксическими повторами и создают те эмоциональные волны, в которых начинаются знаменитые метаморфозы поэтического слова Жуковского[43].

Проявлением богатства левых созвучий являются у Жуковского поглощающие рифмы (рифмы, в которых одно рифмующееся слово полностью входит в состав другого)[44]. К ним у поэта было пристрастие, и пристра-

---

[43] Целостный анализ «Весеннего чувства» см.: Матяш С. А. «Весеннее чувство» В. А. Жуковского // Анализ одного стихотворения. Л., 1985, С. 90—98. См. также интересные наблюдения над звукообразом-доминантой, включающим рифму «*крик — Варвик*» в кн.: Янушкевич. С. 93.

[44] Кажется, впервые на поглощающие рифмы Жуковского обратил внимание В. Е. Холшевников, отметивший их в балладе «Людмила» в качестве возможного образца для Пушкина-лицеиста. См.: Холшевников В. Е. Стихосложение Пушкина-лицеиста // Пушкин А. С. Лирика лицейских лет. 1813—1817. СПб., 1994. С. 413. К наблюдениям исследователя мы можем добавить, что некоторые рифмы, употребляемые Жуковским (такие как: *век — человек, кумир — мир, след — лет, их — затих, он — Наполеон, луг — плуг, годы — оды, ночи — очи*), можно встретить в перечне

стие длительное. Так, 4 поглощающих рифмы мы находим в одном из первых его произведений — оде «Добродетель» (1798): *природа — рода, предстала — стала, видит — ненавидит, кумир — мир* и столько же — в одном из последних — «1-е июля 1842»: *полночи — очи, победоносец — бедоносец, оргий — Георгий, бед — побед.* А во всем творчестве в среднем 2 поглощающие рифмы на 100 рифмопар (с более крупными массивами в 1806, 1812, 1814—1815 гг.). Максимум поглощающих рифм в лирике 1820-х гг. (3,6%).

При образовании поглощающих рифм в половине случаев Жуковский использовал односложные слова (*лет — полет, велик — лик, дев — поседев, игрой — рой, дел — предел, ждал — дал, мной — земной, стенам — нам, мы — тюрьмы, ты — мечты, крестам — там* и др.). Вторая половина поглощающих образована двух- (очень редко — трех-) сложными словами: *лики — клики, бою — собою, поруку — руку, прозе — розе, физик — метафизик* и др. Поглощающие рифмы могут быть не только с совпадающим опорным звуком (как в вышеприведенных примерах), но и без него (*их — утих, ад — невпопад, он — Наполеон, закон — он, мы — тюрьмы, бурны — урны* и др.). Обилие и разнообразие поглощающих рифм у Жуковского свидетельствует об исключительном чувстве слова у поэта, о том чувстве слова, которое он демонстрировал в «⟨Посланиях кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину⟩», выясняя этимологию слова «вероломство»:

> **По, друг, не правда ли, что здесь твое *потомство***
> **Не к смыслу привело, а к рифме *вероломство!***
> **Скажи, кто этому словцу отец и мать?**
> **Известно: девственная *вера***
> **И буйственный глагол — *ломать.***

(В процессе этого выяснения возникла поглощающая рифма «*мать — ломать*».)

Поглощающая рифма в каждом конкретном случае имеет свою семантику (например, комический эффект имеют такие рифмы с именами собственными, как: *Бок — лежебок, нос — Минос* и др.), однако универсальный смысл и значение поглощающих рифм — в своеобразной реализации метафоры, в возвращении слову его первоначальной образности (ср.: *видение — Провидение, чист — многоречист, волъным — довольным, сила — согласила, творит — животворит* и т. д.).

поглощающих рифм Пушкина, приведенном Брюсовым (см.: Брюсов В. Я. Указ. соч. С. 157—158).

Как уже было отмечено, рифма — многоаспектный компонент стиха, и следующая ее характеристика — с точки зрения соотношения рифм грамматически однородных, т. е. с принадлежностью рифмующихся слов к одной части речи (*тишина — луна, пронзил — склонил, военной — незабвенной* и т. п.), и грамматически разнородных, т. е. с принадлежностью рифмующихся слов к разным частям речи (*круговой — рукой, хвала — увлекла, лет — вослед, нами — делами* и т. п. — все примеры из «Певца во стане русских воинов»).

Как и во всей русской поэзии, у Жуковского преобладают однородные рифмы, но степень этого преобладания в разные периоды творчества и в разных жанровых группах различная. Наиболее высок показатель однородных рифм (свыше 90%) в первое десятилетие творчества. Далее показатель однородных неуклонно снижается, а разнородных — соответственно повышается: от $^1/_{10}$ в первом десятилетии до более $^2/_3$ в 20-е гг., на которые приходится их пик; в 30-е гг. наблюдается некоторый спад разнородных, но ниже 25% они уже не опускаются. Поскольку общее направление эволюции рифмовки — «от однородных к неоднородным рифмам»[45], то совершенно очевидно, что полувековой творческий путь Жуковского в данном аспекте совпадает с магистральным путем развития русской поэзии.

Поскольку, как отметил М. Л. Гаспаров, движение от однородных рифм к неоднородным означает движение «от подчеркнутого параллелизма к затушеванному»[46], априори можно предположить, что у Жуковского наиболее грамматическими (или менее разнородными) будут рифмы романсов и песен. И действительно, во всех периодах в романсах и песнях разнородных рифм меньше, чем в других жанрах. Характерные для напевной лирики мелодические ходы, основанные на различных формах симметрии, способствуют появлению рифмы, грамматически однородной, подчеркивающей параллелизм ритмико-синтаксических структур. Ср. «Песня», 1806:

Когда я был любим, в восторгах, в наслажденье,
Как сон пленительный, вся жизнь моя текла.
Но я тобой забыт,— где счастья привиденье?
Ах! счастием моим любовь твоя была!

[45] Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. 3. С. 293.

[46] Там же.

Однако, по нашим наблюдениям, и в напевном стихе есть своя эволюция техники рифмовки: достаточно сравнить процитированную «Песню» («Когда я был любим, в восторгах, в наслажденье...») 1806 г. или романс «К Нине» (1808), где нет ни одной разнородной рифмы, с «Песней» («Минувших дней очарованье...») 1818 г., где из 12 пар рифм 7 разнородных (*ты — мечты, бывалой — стало, прежде — надежде, грудь — будь, новом — покровом, нет — лет, старины — положены*). Эволюция стиля рифмовки в цифровом выражении выглядит как движение от 8,3 % к 17—20 % (исключение составляют романсы и песни 1818 г., в которых показатель разнородных поднимается до 36,1 %, что связано с изменениями ритмико-синтаксических контуров самой напевной лирики).

Проблема семантики рифмы — вообще область, мало разработанная в стиховедении. В конкретных исследованиях семантический аспект рифмы, как правило, включает вопрос об оригинальности рифмы, функции рифмы в конкретных текстах и др.

Начнем с вопроса об оригинальности. Надо полагать, что Жуковский, собиравшийся за авторским правом на рифму идти «к самому престолу Аполлона», завести «процесс за рифму» («⟨Послания к кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину⟩»), был далеко не безразличен к этому вопросу. Его решения он искал в разных направлениях. Рассмотренные поглощающие рифмы были, очевидно, первым (вполне успешным) направлением этих поисков. Другим направлением стали рифмы с включенными в них именами собственными — мифологическими (*Феба — неба, Орфея — Арея, Фемида — обида, тестом — Орестом, Эвмениды — Аонидры, Альцидоной — золоченой, Элоизой — ризой, Грея — лакея, Пиндар — пожар, взоров — Суворов, ударов — Кайсаров, Платов — супостатов, ров — Чернышов* и т. п.). И в том и в другом случае Жуковский в своих поисках мог опереться на опыт своих предшественников — поэтов XVIII в., в частности на опыт Державина с поглощающими рифмами[47] и Муравьева — с именами собственными[48].

Однако представляется, что для Жуковского не менее значимым был опыт Карамзина, который, по наблюдениям Ю. М. Лотмана, «под-

[47] Ср. рифму «*мире — Кашемире*» в «Фелице» (1782) Державина и «*мир — Кашемир*» в стихотворении «Лалла Рук» (1821) Жуковского.

[48] Об этом приеме у М. Н. Муравьева и других поэтов XVIII в. см.: Западов В. А. Указ. соч. С. 75—78.

черкнуто избрал наиболее доступные, тривиальные рифмы»[49]. «Доступные, тривиальные рифмы» были у Жуковского на протяжении всего творчества, в чем легко можно убедиться, взяв наугад любое произведение. Ср., например, рифмы *моей — своей, скорей — моей, венок — уголок, рай — утешай* в «Стихах, сочиненных в день моего рождения», 1803 и рифмы *нет — поэт*[50], *катался — спасался, живой — порой, вас — час* в послании «Графине С. А. Самойловой», 1819. При этом Жуковский никогда не избегал глагольных рифм (которые во все времена считались самыми элементарными): их показатель у него никогда не опускается ниже 10%.

Гениальность Жуковского-стихотворца и Жуковского-поэта заключается в том, что он сделал рифму органической частью всей своей поэтической системы. Самые обычные слова, объединенные звуковым созвучием, не только высвечивают дополнительный смысл друг в друге, но и образуют новый смысл, по-разному соотносимый с общим смыслом художественного целого. В то же время в художественном мире Жуковского обычные слова, как было показано еще Г. А. Гуковским, обрастают дополнительными обертонами, обретают семантическую емкость и подчас знаковость (см., например, рифмы в «Таинственном посетителе»: *пеленой — порой, бывало — покрывало, покрывало — стало*, связанные с романтическим мотивом покрывала[51], и др.).

Очевидно, можно говорить о «романтических» рифмах Жуковского, в которых участвуют ключевые образы его поэтической системы — «**воспоминанье**» (*посланья — воспоминанья, воспоминанья — свиданья*), «**душа**» (*душой — тобой, душа — соверша, душой — иной, душой — судьбой, дыша — душа*), «**красота**» (*красоты — цветы, высота — красота, ворота — красота, красоту — наготу, толпой — красотой, красоты — черты*), «**невыразимое**» (*«невыразимый — незримый»*), «**надежда**» (*надежда — одежда, прежде — надежде*), «**очарование**» (*очарован — прикован, очарованья — желанья, очарованье — воспоминанье, сиянье — очарованье*). Последняя при-

[49] Лотман Ю. М. Поэзия Карамзина // Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1966. С. 30.

[50] Среди многочисленных рифм Жуковского со словом «поэт» только одна рифма *«поэта — кабриолета»* («Т. Е. Боку») имеет налет экзотики, а остальные — «доступные, тривиальные»: *поэт — свет, поэт — нет, поэт — найдет, поэт — сует* и др.

[51] О значении образа покрова в связи с идеей романтического преображения мира см.: Янушкевич. С. 117.

веденная рифма из «Привидения», 1823: *сиянье — очарованье* — спустя 30 лет появилась в «Последней любви» Ф. И. Тютчева[52].

Опираясь на исследование В. М. Жирмунского, В. Е. Холшевников противопоставил функцию рифмы в напевном и говорном стихе: в первом она «играет роль по преимуществу звуковую и маркирующую конец стиха», в говорном рифма приобретает «еще и заметное смысловое значение»[53]. По нашим наблюдениям, рифма Жуковского не дает основания для такой дифференциации. Она и в говорном, и в напевном стихе имеет большое «смысловое значение». Отметим несколько характерных случаев.

Рифма может почти буквально совпадать со строкой или частью строки, делая ее особенно значимой, как в миниатюре «Смерть» (1814), где рифма «*свет — нет*», совпадающая с концом последней строки, многократно усиливает оптимистическую концовку известного афоризма Сенеки («Пока на свете *мы*, она еще не с нами; // Когда ж пришла *она*, то нас на свете нет!»).

Рифма может дать повторение заглавия произведения и тем самым участвовать в формировании его идейно-эмоционального комплекса, как в стихотворении «Мотылек и цветы» (1824), где весь смысл заглавия зеркально отражается в рифме (*цветка — мотылька*), а кроме того каждое его слово дополнительно озвучивается рифмой (*цветы — красоты, ручейка — мотылька, красоты — цветы, ветерок — мотылек*).

Рифма Жуковского может не только усилить эмоцию или идею, уже словесно выраженную в произведении, но и самостоятельно предложить новую идею — как в стихотворении «Новая любовь — новая жизнь», 1818, где название и все образы развивают идею любви как обновления бытия, а последняя рифма «*любить — быть*» делает заявку на трактовку любви как символа самого бытия. Значение этой рифмы вряд ли можно переоценить, поскольку она завершает стихотворение, а последней строке Жуковский придавал особое значение: «Последний стих — огонь, над трепетной толпою // Глупцов, как метеор, ужасно светит он!»

Рифма Жуковского может формировать идейно-эмоциональный комплекс не только конкретного произведения, но и всего творчества.

---

[52] На реминисценции из Жуковского указывает не только рифма, но и заглавие: ср. у Жуковского — «Как первыя любви очарованье...»

[53] Холшевников В. Е. Стихосложение Пушкина-лицеиста. С. 414.

Так, в частности, о нравственных приоритетах поэта можно судить по таким рифмам, как *«тленно — неизменный»* («К Тибуллу»), *«напрасно — самовластный»* («Солнце и Борей») и даже по банальной, но любимой Жуковским рифме *«слава — кровавый»*, кочующей от стихотворения к стихотворению.

Мы, конечно, не исчерпали ни один из аспектов рифмы, тем более такой многогранный и сложный, как аспект семантический. Мы попытались показать только возможные пути изучения рифмы Жуковского. Анализ метрики и строфики в настоящее время может строиться на прочном фундаменте «Метрического и строфического справочника». Фундаментом для анализа рифмы должен стать «Словарь рифм», которого, к сожалению, пока нет. Будем надеяться, что настоящее издание Жуковского явится одним из стимулов подобного предприятия.

Светлой памяти
Вадима Эразмовича Вацуро
посвящается

ПРИМЕЧАНИЯ
К ТЕКСТАМ СТИХОТВОРЕНИЙ

Во второй том настоящего издания вошли стихотворения Жуковского 1815—1852 гг. Этот достаточно протяженный по времени период имеет два самостоятельных этапа. Первый (1815—1824) — наиболее интенсивный и творчески продуктивный — эпоха эстетических стихотворных манифестов Жуковского, когда его романтизм получил непосредственное выражение в лирике. От элегии «Славянка» (1815) — своеобразной «прогулки по садам Романтизма» (Д. С. Лихачев) — до цикла безжанровых стихотворений, с ярко выраженным символическим подтекстом («Таинственный посетитель», «К мимопролетевшему знакомому Гению», «Цвет завета», «Невыразимое», «Лалла Рук», «Явление поэзии в виде Лалла Рук», «Воспоминание», «Мотылек и цветы», «Подробный отчет о луне», «Я Музу юную, бывало...» и др.), происходит формирование новой концепции жизнетворчества и мифологии романтизма, рождаются оригинальные лирические метатексты. Песенные подборки в специальных выпусках сборников «Für Wenige. Для немногих» (1818) и несобранный цикл «Павловских стихотворений» (1819—1820) своеобразно корреспондируют через соотношение переводного и оригинального, высокой лирики и бытового контекста, драматизма и озорной шутки, выявляя многообразие жизненных реалий и единство Поэзии и Жизни. Сам образ поэта-творца становится организующим центром всех произведений этого этапа.

Второй этап (1831—1852 гг.) дал немного лирических текстов. Жуковский последовательно и целенаправленно идет к стихотворному эпосу, что определяет его преимущественное внимание к лироэпосу и большим эпическим формам. Лирика этого периода обретает эпический потенциал, что проявляется в разработке исторических и религиозных сюжетов, в экспериментах с белым стихом и гекзаметром, в создании организованных лирических циклов.

Стихотворения этого периода нередко остаются в творческой лаборатории поэта. Жуковский не включает их в прижизненные собрания сочинений, а журнальные публикации (часто без его воли) носят, на первый взгляд, случайный характер. Даже готовя тексты для последнего прижизненного собрания сочинений (С 5), Жуковский, не имея возможности следить за их точностью и хронологией, строг в отборе. Из написанных в 1815—1852 гг. около 230 стихотворений он публикует всего 59, т. е. примерно четвертую часть.

Раздел «Из незавершенного и ненапечатанного» заключает два тома лирики Жуковского. Здесь представлены лирические тексты Жуковского, которые не были закончены или же опубликованы без окончания в ПСС (Т. XI. С. 129—137) и

при описании архива поэта (*Бумаги Жуковского*). В настоящем издании сделана попытка представить эти тексты в максимально полном объеме, по возможности их датировать и прокомментировать. Как и в общем корпусе тома, тексты даны в хронологической последовательности.

Логическим завершением двух томов лирики является статья С. А. Матяш «Стих лирики Жуковского», позволяющая увидеть Жуковского — мастера стиха и реформатора в области стихосложения.

Об общих установках и некоторых текстологических принципах издания см. вступительную статью к первому тому.

В список сокращений внесены некоторые дополнения по сравнению с первым томом, продиктованные обращением к новым источникам и появлением новой литературы о Жуковском.

Авторский коллектив выражает свою глубочайшую признательность главе администрации Томской области В. М. Кressу, зам. главы администрации Томской области, начальнику департамента по образованию и научно-технической политике В. И. Зинченко, ректору Томского государственного университета Г. В. Майеру, зав. рукописным отделом ИРЛИ (Пушкинский Дом) Т. Г. Ивановой, сотрудникам этого отдела Л. Н. Ивановой, М. В. Родюковой, Е. Б. Фоминой, М. М. Павловой, Н. Н. Колесовой, Е. Р. Обатниной, зав. отделом рукописей и редких книг Научной библиотеки Томского университета Г. И. Колосовой за помощь и материальную поддержку в подготовке этого тома.

1815

⟨П. А. Вяземскому⟩
(«Ах! Весь я в хлопотах!..»)
(С. 9)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, № 5, л. 9) — беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ПМиЖ. Вып. 13. Томск, 1986. С. 61—62. Публикация О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: вторая половина января — первые числа марта (до 7-го) 1815 г.

Основанием для датировки послания служат прежде всего реалии текста, содержащего недвусмысленные указания на то, что оно написано из Москвы в Москву: на обороте л. 9 вместо подробного почтового адреса находится лаконичная надпись: «Князю Вяземскому». Ст. 31—34 («Мойки нет ~ Так в Москву-реку...» и 39—40 («Я с Дмитревским уж вкушал // Трапезу...») также указывают на Москву как местопребывание Жуковского в момент создания послания.

Автограф послания «Ах! Весь я в хлопотах!..» находится в контексте произведений Жуковского конца 1814—начала 1815 г. (послание «К Воейкову», три послания к кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину, беловая рукопись «Славянки» и т. д.). Поэтому наиболее вероятным временем создания послания представляется начало 1815 г.—после 6 января, дата отъезда Жуковского из Долбина в Москву, до 7 марта, дата отъезда из Москвы в Дерпт (см. ПЖТ. С. 135—143),—время, проведенное в Москве впервые после лета 1811 г., когда Жуковский безвыездно жил в Муратове, Холхе и Долбине.

Ст. 17. *Надобны мне кеньги!..*—Кеньги—«теплая обувь, меховая или кожаная» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1979. Т. 2. С. 105).

Ст. 39. *Я с Дмитревским уж вкушал...*—К фамилии «Дмитревский» Жуковский сделал в тексте послания примечание: «Т. е.: с Дмитриевым». Имеется в виду поэт И. И. Дмитриев, с 1814 г., после окончательной отставки, поселившийся в Москве, в новом доме вблизи Патриарших прудов. В 1860 г. П. А. Вяземский посвятил ему стихотворение «Дом Ивана Ивановича Дмитриева».

О. Лебедева

⟨П. А. Вяземскому⟩
(«Друг мой любезный, князь тупоносый...»)
(С. 10)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, № 5, л. 10)—беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ПМиЖ. Вып. 13. Томск, 1968. С. 62. Публикация О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: вторая половина января—первые числа марта (до 7-го) 1815 г.

Поскольку тексты посланий «Ах! Весь я в хлопотах!..» и «Друг мой любезный, князь тупоносый...» непосредственно соседствуют в рукописи и изобилуют одинаковыми реалиями московского периода жизни Жуковского в начале 1815 г., основания для аналогичной датировки данного послания те же, что и для предыдущего. Послание написано редким для русской поэзии метром державинского стихотворения «Снигирь»—дактило-хореическими логаэдами.

Ст. 7. *К нашему басней творцу, Лафонтену...*—Имеется в виду поэт И. И. Дмитриев, особенную популярность которому принесли басни, в том числе и переведенные из Лафонтена. Сборник И. И. Дмитриева «Басни и сказки» (СПб., 1798)—особый этап в развитии этого жанра (см.: И. А. Крылов. Проблемы творчества. Л., 1975. С. 198—205, 237—250). В 1823 г. Вяземский посвятил творчеству И. И. Дмитриева статью «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева», в которой высоко оценил басенное творчество поэта (Вяземский П. А. Сочинения: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 70—75). А в стихотворении «Дом Ивана Ивановича Дмитриева» он

заметил: «За Лафонтеном вслед, он вымысла цветы, // С оттенком свежести и блеском красоты, // На почву русскую переносил удачно» (Там же. Т. 1. С. 330).

Ст. 12. *Для корректуры прочтенья домой!..* — Скорее всего, упоминаемая в этом стихе корректура является корректурой отдельного издания послания «Императору Александру», напечатанного в пользу Жуковского по специальному распоряжению имп. Марии Федоровны. Если это предположение верно, время создания послания можно установить еще более точно: ц. р. отдельного издания «Императору Александру» — от 15 января 1815 г.; сигнальные экземпляры были готовы к 25 января этого же года.

Ст. 28. *Иль в кипу указов, экстрактов, докладов...* — Вероятно, Жуковский имеет в виду недавнее служебное прошлое И. И. Дмитриева: с 1810 по 1814 г. Дмитриев был членом Государственного совета и министром юстиции.

О. Лебедева

К генерал-майору Б. В. Полуектову, на выступление в поход 1815 г. 17 февраля

(«Наш Кульмский богатырь, ура! счастливый путь!..»)

(С. 11)

Автограф неизвестен.

Впервые: РМ. 1815. Ч. 2. № 6. С. 269 — с подписью: «Ж-ий».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 17 февраля 1815 г.

Стихотворение адресовано генерал-майору, участнику Отечественной войны 1812 г. и всех заграничных походов русской армии, воспитаннику Московского университетского благородного пансиона Борису Владимировичу Полуектову (1778—1843). Его портрет см.: Военная галерея 1812 года. СПб., 1912. № 214.

Жуковский, вероятно, был знаком с Полуектовым еще в 1812 г., в ставке Кутузова, но сблизился в Дерпте, где в 1814—1815 гг. стояла 3-я бригада 2-й гренадерской дивизии, командиром которой с 1-го сентября 1814 г. был назначен Б. В. Полуектов. Рассказывая о пребывании русских полков в Дерпте, М. А. Протасова в письме к А. П. Киреевской от 6 марта 1815 г. замечала: «Еще есть здесь один генерал, который мне довольно нравится, Борис Влад., генер. майор Полуектов, он очень полюбил маменьку, которая читает ему мораль и хочет женить на одной красавице; похож он на Гутальса фигурой и такой добрый, простой малый, что хочется ему счастия...» (УС. С. 142).

Поводом для создания послания было выступление бригады Полуектова в поход во Францию, где она участвовала «после побега Наполеона с острова Эльбы ⟨...⟩ в блестящих смотрах, происходивших в августе на равнинах Шампаньи под Вертю» (Русский биографический словарь. Плавильщиков — Примо. СПб., 1905. С. 450). Судя по свидетельству М. А. Протасовой, выступление в поход задержалось, и еще 6 марта генералы, в том числе и Полуектов, были в Дерпте. Только

12 марта Маша Протасова записывает в дневнике: «Бука [имеется в виду сослуживец Полуектова и претендент на руку Маши генерал А. И. Красовский] уехал» (УС. С. 140). Вполне возможно, что Жуковский, приехавший из Москвы в Дерпт около этого времени, еще застал Полуектова. Послание же, вероятно, он писал к дате предполагаемого выступления в поход Полуектова, возможно, по просьбе А. Ф. Воейкова.

Показательно, что в РМ вслед за стихотворением Жуковского помещено четверостишие, подписанное: «В-въ. Дерпт» (т. е. А. Ф. Воейков) и адресованное «К нему же»:

Не слушая друзей, летишь на подвиг новый;
Остановись, скажи, где странствиям конец?
Когда сменяешь ты *лавровый*
На *золотой* венец?

С Полуектовым Жуковский встречался и позднее, в 1817 г., когда 4 ноября он женился на свояченице Вяземского — Любови Федоровне Гагариной, причем первая встреча в «Дневниках» отмечена 26 октября, а следующая — 7 ноября: «Полуектов с женою ⟨...⟩ сидел рядом с Aimée [имеется в виду Л. Ф. Полуектова], которая мила, как птичка» (Дневники. С. 60).

Ст. 1. *Наш Кульмский богатырь...* — Имеется в виду участие Б. В. Полуектова в сражении под Кульмом, населенным пунктом в Чехии, 10(30) августа 1813 г., где русско-прусско-австрийские войска под командованием генерала М. Б. Барклая-де-Толли разгромили французский корпус генерала Доминика Жозефа Рене Вандама. Полуектов за это сражение получил орден Красного Орла 2-й степени и знак Железного Креста, а вскоре был произведен в генерал-майоры (Русский биографический словарь. Указ. том. С. 450).

А. Янушкевич

Стихи, вырезанные на гробе А. Д. Полторацкой

(«Как радость чистая, сердца влекла она...»)

(С. 11)

Автограф неизвестен.

Впервые: Иллюстрация. 1846. Т. 2. № 9. С. 132 — в примечании № 24 к письму Н. М. Карамзина.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 24 марта 1815 г.

В примечании редактора журнала «Иллюстрация» к письму Н. М. Карамзина от 12 апреля 1815 г. с выражением соболезнования отцу умершей Д. М. Полторацкому сообщается: «Смерть 17-летней дочери, ангела доброты, Агафоклеи Дмитриевны Полторацкой (р. 13 июня 1797 г., скончалась в Петербурге, 24 марта 1815). Она погребена в Александро-Невской лавре, и на памятнике ее вырезаны

сочиненные на сей случай В. А. Жуковским следующие стихи, доселе нигде не напечатанные...»

О ее смерти К. Н. Батюшков писал к П. А. Вяземскому 25 марта 1815 г.: «Ты знал Агату Полторацкую. Вчера ее не стало, et rose elle a vécu... [и как роза она прожила.—*фр.*]. Отец и бедная мать в слезах...» (Батюшков. Т. 2. С. 327).

В это время Жуковский находился в Дерпте: в Петербург он приехал только 3 мая «в 12 часов ночи» (Гофман. С. 133). Поэтому о времени написания эпитафии можно только гадать: создал ли ее Жуковский по просьбе родных сразу же после смерти А. Д. Полторацкой или же по приезде в Петербург специально для надгробия. Датировка определяется временем смерти А. Д. Полторацкой. Эпитафия Жуковского выразила чувства всего окружения семейства Полторацких-Олениных (Д. М. Полторацкий был родным братом Е. М. Олениной).

А. Янушкевич

К Т. Е. Боку

(«Мой друг, в тот час, когда луна...»)

(С. 12)

Автограф неизвестен.

Копия (РНБ, оп. 2, № 81, л. 2)—рукою неизвестного лица, с датой: «7 апреля 1815».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Летописи русской литературы и древности. М., 1859. С. 70 первой пагинации—в составе статьи Н. Лыжина «Знакомство Жуковского со взглядами романтической школы», где ст. 8 опубликован неверно: «Прочти *меня во стане*» вместо: «Прочти *Певца во стане*».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по копии.

Датируется: 7 апреля 1815 г.

Тимофей Эбергард (Егорович) фон Бок (1787—1836), лифляндский дворянин, известный общественный деятель, дерптский знакомый Жуковского. Сохранилось письмо Жуковского к Боку от 18 февраля 1818 г., где он говорит: «Душа везде и во всякое время тебе откликнется» (С 7. Т. 1. С. 472). Залогом этих отношений стали три стихотворных послания, приводимые в наст. томе.

Драматическая история Тимофея Эбергарда фон Бока, написавшего в 1818 г. откровенное и беспощадное письмо имп. Александру I с осуждением его внутренней политики и заключенного в мае этого же года в Шлиссельбургскую крепость, стала основой исторического романа Я. Кросса «Императорский безумец» (1977). Об этом подробнее см.: Салупере М. Г. К биографии «Императорского безумца»: Т. Э. фон Бок в романе Я. Кросса и новонайденных архивных материалах // ПМиЖ. Вып. 19. Томск, 1997. С. 61—83.

1815—1817 гг.—апогей тесных дружеских связей Жуковского и Бока. В феврале-мае 1817 г. (весенний семестр) они вместе слушали в Дерпте лекции Г. Эверса по истории Средних веков. Их отношения развиваются в 1817—начале 1818 г., о

чем свидетельствуют письма от 12 ноября 1817 г. (Бока) и ответное Жуковского от 18 февраля 1818 г. (см.: Лыжин Н. Указ. соч. С. 71—72). В архиве Жуковского сохранились три выпуска его сборника «Für Wenige. Для немногих» (СПб., 1818), с дарственной надписью на обложке первого: «Другу Боку. 1818. Генваря 29» (РНБ, он. 2, № 420).

Послание «Мой друг, в тот час, когда луна...» было подарено Жуковским на торжественном вечере в его честь, который устроил Т. Бок 7 апреля 1815 г. На полях с.170 книги «Les Jardins. Poème par Jacques Delille. A Paris, 1801», находящейся в библиотеке Жуковского (см.: Описание. № 892), А. Ф. Воейков, который по этому экземпляру переводил поэму Делиля «Сады» на русский язык, записал: «7.IV.1815. У Бока ужин: Жуковский, Фурман, Рамбах, Паррот, Эверс, Моргенштерн, Мойер, Гут, Штруве, Зенф». Оно было написано на обороте последнего листа экземпляра отдельного издания стихотворения Жуковского «Певец во стане русских воинов» (СПб., 1813). См.: В. А. Жуковский. Чествование его памяти в С.-Петербурге. 29 и 30 января 1883. Издание Н. И. Стояновского. СПб., 1883. С. 53—54. Ср. также: Сборник снимков с автографов русских деятелей 1801—1825 гг. СПб., 1873. С. 51.

А. Янушкевич

Фурману от Жуковского

(«В корыстолюбии себя ты упрекаешь...»)

(С. 12)

Автограф: (РНБ, он. 1, № 15, л. 5)—беловой, с заглавием: «Фурману от Жуковского» и датой: «Дерпт. 1815. Апреля 11».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 42.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 11 апреля 1815 г.

Традиционно фамилия адресата этого послания сопровождалась эпитетом «некий». Так, автор статьи «В. А. Жуковский в Дерпте (1815—1817)» Е. В. Петухов писал: «Наконец, свидетельством о дерптских сношениях Жуковского является стихотворение 1815 года „В корыстолюбии себя ты упрекаешь...“, обращенное к *некоему* Фурману...» (Сборник в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского, изд. Имп. Юрьевским университетом. Юрьев, 1902. С. 178). А. С. Архангельский в примечании к тексту стихотворения сообщает: «Фурман—лицо очень малоизвестное. С ним познакомился Жуковский, очевидно, в период своей дерптской жизни; к этому времени, как видим, относится и посвященное ему стихотворение. С каким-то Фурманом Жуковский позднее, в 1820 г., видится за границей, в Берлине» (ПСС. Т. 2. С. 142). В специальном исследовании о дерптских друзьях Жуковского ничего не говорит о Фурмане и М. Г. Салупере (Ж. и русская культура. С. 431—455).

Между тем в архиве К. Н. Батюшкова (РНБ, ф. 50, он. 1, № 48) сохранился автограф стихотворения «Василию Андреевичу Жуковскому», вызвавшего ответное

нослание «Фурману от Жуковского». Стихотворение подписано: «Александр Фурман» и имеет дату: «6-го апреля 1815 года. Дерпт». По всей вероятности, оно было вручено Жуковскому на торжественном ужине у Тимофея Бока 7 апреля 1815 г., см. примеч. к стих. «К Т. Е. Боку» («Мой друг, в тот час, когда луна...»). Не исключено, что на этом ужине в честь Жуковского Фурман огласил свое послание. Приводим его текст, ранее не публиковавшийся:

Корыстолюбием водимый
Давно вступить с тобой в связь дружбы я желал,—
Ужели тщетно я надеялся и ждал? —
Скажи — певец Российских муз любимый! —

* * *

На шумных Волги берегах,
В степях Киргизских Орд и при водах Урала,—
В уединенных тех местах,
Где некогда мне жить судьба повелевала,
Утехою одной мне ты, Жуковский, был,—
Твоею лирою мой слабый дух живился,
Он Оссияна зреть на поле битвы мнил
И в мыслях в Росский стан к тебе переносился! —

* * *

Позволь же мне себя надеждой ныне льстить,
Желанья моего увидеть исполненье,—
Мой дар тебе есть: дружба-уваженье —
Богатого чем бедный может подарить.

В том же архиве сохранилось и другое стихотворение с заглавием: «Жуковскому от Фурмана на отъезд его в Петербург» и датой: «1815. 30-го апреля. Дерпт» (РНБ, ф. 50, оп. 1, № 48, л. 2).

Сведений об Александре Фурмане сохранилось немного. В воспоминаниях его племянника Федора Адольфовича Оома, сына его сестры Анны Федоровны (в замуж. Оом; 1791—1850), сообщается: «Дед мой, отец моей матери, Фридрих Антон Фурман ⟨...⟩; от первого брака с девицею Энгель были сыновья Роман, Антон, Александр, Федор и дочери Елизавета, Екатерина и Анна ⟨...⟩. Третий сын Александр служил в Генеральном штабе, отличался умом и любезностью, но рано умер, оставив вдову с двумя сыновьями и дочь Е. А. Бенецкую» (Воспоминания Ф. А. Оома. М., 1896. С. 3—4). Двоюродным братом Александра Фурмана был известный мореплаватель, адмирал Ф. П. Литке (1797—1882), который так писал о нем в своей автобиографии: «Александр Фурман, очень даровитый, начал службу по квартирмейстерской части, потом мыкался по разным ведомствам и умер в 1828 г. в Молдавии от чумы. Беспутная жизнь и безумная женитьба помешали его карьере, которая, по его талантам, могла бы быть недюжинная» (Безобразов

В. П. Граф Федор Петрович Литке: Приложения к LVII тому Записок Имп. Академии Наук. № 2. СПб., 1888. С. 48). Даты жизни А. Ф. Фурмана устанавливаются предположительно: ок. 1793—1828. Известно, что один из его братьев, Андрей Фурман (1795—1835), капитан Черниговского пехотного полка, был членом Общества соединенных славян и после декабристского восстания сослан в Сибирь; другой — Федор Федорович (1797—1845) был дипломатом, и, вероятно, с ним Жуковский встречался в Берлине во время своего первого заграничного путешествия в 1821—1822 гг. (Дневники. С. 78, 96, 119, 173).

О более поздних встречах Жуковского с Александром Фурманом не известно ничего. Нахождение автографа (или копии) его посланий к Жуковскому в архиве Батюшкова вполне объяснимо: в его сестру, Анну Фурман, воспитанницу Олениных, был безнадежно влюблен К. Н. Батюшков (см.: Батюшков. Т. 2. С. 93, 343—344, 396—397).

Ст. 5. *Тобою прозванный славянским Оссианом...* — Эта характеристика Жуковского, восходящая к посланию Александра Фурмана и повторенная в ответном послании Жуковским, вошла в арсенал русской критики и литературоведения. Об этом см.: Резанов. Вып. 2. С. 88—89; Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе. Л., 1980. С. 111—122.

А. Янушкевич

В альбом кн. Е. И. Голенищевой-Кутузовой
(«Я счастлив был неизъяснимо!..»)
(С. 12)

Автограф неизвестен.
При жизни Жуковского не печаталось.
Впервые: *УС*. С. 14.
Печатается по тексту первой публикации.
Датируется: середина мая 1815 г.

История рождения этого экспромта в альбом Екатерины Ильиничны Голенищевой-Кутузовой (урожд. Бибиковой; 1754—1826), вдовы фельдмаршала М. И. Кутузова, подробно воссоздана в письме Жуковского к его долбинским друзьям, в том числе к А. П. Киреевской, от 11 июня 1815 г. «Кутузова, узнавши о моем приезде, — сообщает поэт, — требовала, чтобы меня к ней привели. — Я по обыкновению своей дикости, давши ей слово быть к ней, не бывал; она было и рассердилась — это заставило меня, скомкав кой-как свою застенчивость, к ней ехать: приезжаю ввечеру, гостей пропасть, кое-как рекомендуюсь и дело в шляпе. Вдруг подводит она ко мне своего маленького внука Опочинина — который, слышав, что я к ним буду, струсил и спрятался (вообразив, что всякий поэт по крайней мере крокодил), но увидя меня в образе человека, ободрился. — Его заставили читать мне *Светъяну*, он сперва упирался, потом зачитал и наконец уж и унять его было нельзя. Признаюсь, в семье вождя победителей мне было приятно себя увидеть. Кутузова (которая отправилась теперь в чужие края) дала мне свой альбом с тем, что-

бы я написал в нем первый и те строфы из *Нового певца*, в которых говорю о Кутузове.—Да нельзя ли что-нибудь и экспромтом?—сказала она и начала смешной размашкою декламировать мои стихи: *Можно ль в жизни молодой // Сердце мучить ложной тенью.* Мне было это приятно. А признаюсь, сцена эта стоила немного кисти Гогартовой. Я написал ей [далее идет текст стихотворения.—*А. Я.*]» (*УС.* С. 14).

Сама встреча в доме Кутузовых на Гагаринской набережной вблизи Литейного проспекта (дом сохранился; ныне наб. Кутузова, д. 30) происходила в промежутке между 4 мая, когда Жуковский приехал в Петербург, и 11 июня 1815 г.—днем, которым датировано письмо к А. П. Киреевской. Так как в письме два события—представление императрице Марии Федоровне и визит к Кутузовой—стоят в одном ряду, то скорее всего речь может идти о середине мая 1815 г. Известно, что М. А. Протасова знала об этом визите еще до 7 июня: «Прошу вас, сударь, не хвастать свиданием с Кутузовой,—ея светлость и для нас сияла!..» (*УС.* С. 147).

Ст. 2. *Семью вождя великого я зрел...*—Как явствует из цит. выше письма Жуковского к долбинским друзьям, кроме вдовы Кутузова и его внука, Константина Федоровича Оночинина (1808—1848), на вечере присутствовали дочери Кутузова—Дарья Михайловна (в замуж. Оночинина; 1788—1854) и Анна Михайловна (в замуж. Хитрова; 1782—1846), которая «еще тем милее, что мои баллады читает с удивительным, как говорят, совершенством» (*УС.* С. 14). Вероятно, были и другие дочери Кутузовых (всего их было 5), но они в тексте письма не упомянуты. Говорится просто: «ее дочери очень милы».

Ст. 3—4. *И то, что я смиренной лирой пел // В честь памяти его боготворимой...*—Речь идет о написанных уже после смерти фельдмаршала М. И. Кутузова стихах, посвященных его деяниям, в послании «Императору Александру»: «И вождь наш, смертию окованные вежды...» и т. д., а также в стих. «Певец в Кремле» («Новый певец», как называет его Жуковский в вышецит. письме): «Друзья! с молитвою о нем, // О старце, о великом!..» и т. д.

А. Янушкевич

«Здравствуй, новый гость земной!..»

(С. 13)

Автограф (РГАЛИ, он. 1, № 19)—беловой, на отд. листке, с небольшой правкой в ст. 12 (вместо: «Твои раскрыл младые вежды»—«И твои раскрылись вежды»), без заглавия (вверху карандашом рукою неизвестного лица: «На рождение Екатер. А-ров. Воейковой») и датой: «26 июля 1815».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Загарин. С. LXVII (факсимильное воспроизведение текста указ. выше автографа)—с примечанием: «Стихотворение, являющееся в печати впервые, доставлено нам Екатериною Ивановною Елагиной. Прилагаем снимок с автографа».

Печатается по автографу.

Датируется: 26 июля 1815 г.

Стихотворение написано на рождение дочери племянницы Жуковского А. А. Воейковой (урожд. Протасовой) и А. Ф. Воейкова Екатерины Александровны Воейковой (1815—1844).

Неправильное прочтение Загариным (Л. И. Поливановым) даты в автографе: «26 июня» вместо: «26 июля» привело к тиражированию этой ошибки во всех изданиях сочинений Жуковского и в критико-биографической литературе. Между тем из переписки родных А. А. Воейковой очевидно, что Катя Воейкова родилась именно 26 июля. «Здравствуй, моя добрая сестра!—писала Маша Протасова к А. П. Киреевской 2 августа 1815 г. из Дерпта.—Вот уже 8-й день, как у нас родилась дочка. Слава Богу, и она и мать здоровы совершенно, и Машка наша всякий день становится лучше и милее» (УС. С. 152). В этом же письме, посланном лишь 12 августа, читаем: «... наша Катенька-Маша есть всё, что ни есть лучше на свете» (Там же. С. 154). Из этого письма становится ясно, что первоначально дочь Воейковых хотели назвать Машей в честь тетки и что крестил ее Лоренц Эверс (о нем см. примеч. к стих. «Старцу Эверсу»).

Жуковский принимал самое активное участие в воспитании Кати Воейковой. После смерти ее матери в 1829 г. он берет на себя все заботы о ее детях (Зейдлиц. С. 146—147). Катя стала воспитанницей Екатерининского института, и Жуковский внимательно следит за ее образованием. Перед женитьбой и отъездом за границу в 1841 г. он продает свое имение на мызе Мейерсгоф, чтобы полученные 115 тысяч положить в банк на имя сестер Воейковых: Кате из них выделялось более 45 тысяч (УС. С. 107).

Внезапная ранняя смерть Е. А. Воейковой потрясла Жуковского. «Я ждал беды с Запада,—пишет он 6 марта н. ст. 1844 г. из Дюссельдорфа А. И. Тургеневу,—а она пришла с Востока, и самая неожиданная. Вообрази: Катя Воейкова вдруг умерла. Сделалась какая-то сильная сыпь, кровь пришла в совершенное разложение (décomposition), и в три дня ее молодая жизнь иссякла и исчезла. За себя мне ее очень жаль. Про тебя же скажу: страшен сон, да милостив Бог...» (ПЖТ. С. 295).

А. Янушкевич

Старцу Эверсу

(«Вступая в круг счастливцев молодых...»)

(С. 13)

Автограф (РГБ, ф. 104, карт. 8, № 53, л. 2—3 об.)—беловой, с заглавием: «Эверсу и Маше».

Впервые: С 1. Ч. 1. СПб., 1815. С. 193—196—в разделе «Послания», с заглавием: «Старцу Эверсу» и примечанием на заглавном листе: «14 августа 1815 (Писано после праздника, данного студентами Дерптского университета)».

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 5—Т. 2. С. 214—217—как и в С 1).

Датируется: 14 августа 1815 г.

В кругу дерптских знакомых Жуковского профессор богословия Дерптского университета Лоренц Эверс (1742—1830) занимает особое место. Он был для молодого поэта реальным воплощением земной святости. Не случайно в письмах он называет его «святым» (ПЖТ. С. 167). Ему вторит и Маша Протасова, которую Жуковский прозвал своим «двадцатилетним Эверсом» (Памяти Жуковского. Вып. 1. С. 202). Так, в письме к А. П. Киреевской от 6 сентября 1815 г. она говорит: «Первый человек (который заставляет благодарить Творца за то, что он создал свет и на этом прекрасном свете его и меня) есть Лоренц Эверс. Вообрази, что этот прелестный старик заключает в себе всё, что мы с тобой видали, читали и воображали хорошего. ⟨...⟩ Когда мне грустно или пройдет минута нетерпения, то я погляжу на его окошки, которые прямо против моего бюро, и опять всё станет хорошо! Эверс заставляет любить свет Божий и все его творения» (УС. С. 155).

В письме к А. И. Тургеневу от августа 1815 г. из Дерпта Жуковский сообщал: «Письмо твое пришло ко мне в хорошую минуту, в такую, в которую я был к тебе ближе, потому что писал стихи к доброму человеку, стихи не для печатания, но для облегчения сердца и для друзей. Прочту, когда приеду» (ПЖТ. С. 152).

Еще подробнее историю создания стихотворения «Старцу Эверсу» Жуковский излагает в письме к А. П. Киреевской от сентября 1815 г.: «Эверс, семидесятилетний старик, есть человек единственный в своем роде — он живет для добра, и во всем этом простота младенца. Он профессор. На празднике студентов, на который был приглашен и я, он вздумал со мной нить *братство*. Это меня тронуло до глубины души и... я от всей души поцеловал *братскую руку*.— На другой день после студентского праздника отправился я ввечеру за город. Солнце заходило самым прекрасным образом, и я вспомнил об Эверсе и о завещании Эверса. Я часто любовался этим стариком, который всякий день ходил на гору смотреть на захождение солнца. Заходящее солнце в присутствии старца, которого жизнь была святая, есть что-то величественное, есть самое лучшее зрелище на свете. Мой добрый *шептун* принял образ добродетельного старика и утешил меня в этом виде. Я написал стихи *К старцу Эверсу*... они должны быть дерптские повторения моего *Теона и Эсхина*. В обоих много для меня добра» (РС. 1883. № 4. С. 105).

Текст стихотворения органично входит в пространство дерптских писем-дневников 1814—1815 гг., обращенных к Маше Протасовой. Так, вслед за автографом с характерным заглавием: «Эверсу и Маше» идет дневниковая запись Жуковского, где он, в частности, обращается к Маше со следующим призывом: «Заглядывай всегда в окно, когда нужно будет тебе утешение; ты увидишь домик Эверсов — в этом уголку прекрасное, угодное Богу творение! Посмотри, как он спокойно смотрит на прошедшую жизнь свою, как *всё* ему друг; это плод чистоты душевной!» (РГБ, ф. 104, к. 8, № 53, л. 5 об.). И далее поэт естественно развивает основные положения своей нравственной философии, выражением которой были его стихотворения «Теон и Эсхин» и «Старцу Эверсу».

А. Янушкевич

Ю. А. Нелединскому-Мелецкому
(«Друзья, стакан к стакану!..»)
(С. 15)

Автограф (РНБ, он. 1, № 26, л. 91—92 об.) — черновой, без заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 61 — ст. 1—18, без атрибуции адресата.

Впервые полностью: С 9. Т. 1. С. 531—532 — по автографу письма Жуковского к П. А. Вяземскому от 19 сентября 1815 г.

Печатается по тексту С 9, со сверкой по автографу.

Датируется: 6 сентября 1815 г.

Послание Жуковского написано ко дню рождения Ю. А. Нелединского-Мелецкого. Таким образом, дата создания стихотворения устанавливается по дню рождения адресата: 6 сентября 1815 г. Нелединскому-Мелецкому исполнилось 63 года (ср. ст. 15—16: «Ему с тремя годами // Уж полных шестьдесят...»).

Ю. А. Нелединский-Мелецкий (1752—1828) — поэт, близкий кружку М. М. Хераскова, а также И. И. Дмитриеву и Н. М. Карамзину, был особенно популярен своей любовной лирикой и песнями. Принадлежность к высшей аристократии обеспечила ему возможность придворной карьеры: с 1796 г. поэт занимал различные придворные должности, а после смерти Павла I стал секретарем вдовствующей императрицы Марии Федоровны.

Жуковский до 1815 г. мог быть лично знаком с Нелединским-Мелецким через П. А. Вяземского (последний посвятил Нелединскому, как близкому другу своей семьи, мемуарный очерк «Ю. А. Нелединский-Мелецкий», 1848). На посредничество Нелединского в устройстве своих личных дел при помощи императрицы Марии Федоровны Жуковский рассчитывал в первой половине 1815 г., обращаясь к А. И. Тургеневу с просьбой привлечь его на свою сторону в переговорах с Е. А. Протасовой о ее согласии на брак с Машей (ПЖТ. С. 143, 151).

Вероятно, именно Нелединский представлял Жуковского вдовствующей императрице в мае 1815 г.: хотя в письме А. П. Киреевской от 11 июня 1815 г. Жуковский не упомянул имени Нелединского (УС. С. 15), но в письме последнему от 20 ноября 1828 г., посылая ему свое стихотворение «У гроба Государыни Императрицы Марии Федоровны», Жуковский заметил: «Вы были первый, который меня ей представили» (С 7. Т. 6. С. 519).

Близкое знакомство Жуковского с Нелединским-Мелецким состоялось при вторичном представлении Жуковского императрице в Павловске, в первых числах сентября 1815 г. В письме к А. П. Киреевской от 16 сентября 1815 г. Жуковский описал его следующим образом: «Дни через два по приезде моем сюда [Жуковский выехал из Дерпта в Петербург 24 августа — РС. 1883. Т. 38. С. 101] Нелединский уведомил меня, что надобно с ним вместе ехать в Павловск. Я отправился туда один 4-го числа поутру и пробыл там три дни ⟨...⟩. У меня был и проводник прелестный! Нелединский редкое явление в нынешнем свете! Он взял меня на руки как самый нежный родной и ни на минуту не забыл обо мне — ни на минуту его внимание не покидало меня. Где бы я ни был, он всюду следовал за мною

глазами; все сам за меня придумывал, предупреждал меня во всем и входил со мною в самые мелкие подробности» (РС. 1883. Т. 38. С. 103).

Через несколько дней, в письме П. А. Вяземскому от 19 октября 1815 г., посылая последнему текст стихотворения «Благодарю, мой друг, тебя за доставленье...», Жуковский повторил характеристику Нелединского: «По приезде моем из Дерпта я был в Павловске и прожил там три дни, в которые обедал и ужинал у государыни. ⟨...⟩ Моим представителем был *Нелединский*. Я жил в его комнатах и три дня познакомили меня с ним так, как три года. Не знаю, можно ли быть добродушнее Нелединского. Он был самым нежным, самым заботливым моим родным. Не забыл обо мне ни на одну минуту; и все это с такою простотою, с такою непринужденностию. Он привязал к себе мое сердце» (С 9. Т. 1. С. 531).

Комментируемое стихотворение было, таким образом, написано во время трехдневного пребывания Жуковского в Павловске. В дальнейшем, как об этом свидетельствуют эпистолярно-мемуарные источники, Жуковский сохранил близкие, дружеские отношения с Нелединским-Мелецким: одна из записей в дерптском дневнике (от 23 июня 1817 г.) посвящена ему (Гофман. С. 142—143); в 1819 г. Нелединский был посвящен в обстоятельства увлечения Жуковского графиней С. А. Самойловой (см.: Хроника недавней старины. Из архива кн. Оболенского-Нелединского-Мелецкого. СПб., 1876. С. 241—242); наконец, одно из последних писем Нелединскому, написанное за два с небольшим месяца до смерти поэта, свидетельствует о неизменности дружеских чувств Жуковского к адресату (письмо от 20 ноября 1828 г.—С 7. Т. 6. С. 519).

Ст. 5—6. *Бессмертье уж имеет // За песни он давно...*—Ср. в мемуарном очерке П. А. Вяземского «Ю. А. Нелединский-Мелецкий»: «Особенно песни его приобрели общенародную известность. Песня его: „Выйду ль я на реченьку“ пета была и красавицами высшего общества и поселянками посреди полевых трудов. Некоторые из песней его по верности и страсти выраженного в них глубокого, задушевного чувства остаются и поныне образцовыми в своем роде» (Вяземский П. А. Сочинения: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 286).

Ст. 21. *Младой с ним молод вдвое!..*—Ср. в цит. статье Вяземского: «К тому же в свойствах Нелединского было много сочувственного молодости» (Там же. С. 283).

Ст. 37—39. *Той нежностью родного ~ Меня, сравняв с собой!..*—Ср. в статье Вяземского: «К тому же, как поэт и страстно любивший стихи, он всегда сочувствовал новичкам на поэтическом поприще» (Там же. С. 284).

О. Лебедева

К кн. Вяземскому

(«Благодарю, мой друг, тебя за доставленье...»)

(С. 17)

Автограф (РГАЛИ, он. 1, № 5, л. 14—15 об.)—беловой, без заглавия, с датой: «Сентября 19».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1866. № 6. Стб. 869—873. Публикация П. А. Вяземского.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.
Датируется: 19 сентября 1815 г.

Стихотворение «Благодарю, мой друг, тебя за доставленье...» посвящено литературно-критическому разбору стихотворения П. А. Вяземского «Вечер на Волге». Авторизованная копия «Вечера на Волге» с замечаниями Жуковского, нашедшими отражение в комментируемом послании, сохранилась в архиве поэта (РГАЛИ, оп. 1, № 47). По своей жанровой ориентации послание является типичным образцом литературно-критического дружеского послания, продуктивного в поэтическом кругу Жуковского (см.: Гинзбург Л. Я. О лирике. Л., 1974. С. 34—38), который сам поэт называл «Ареопагом» (см. примеч. к стих. «Ареопагу» в т. 1 наст. изд.).

П. А. Вяземский, впервые опубликовавший этот текст в подборке с двумя аналогичными образцами жанра («Préambule» и «Вот прямо одолжили...» — см. примеч. в т. 1. наст. изд.), назвал их «почтовыми стихами», заметив при этом: «Впрочем, поэт здесь отыскивается и в почтовых стихах. Вместе с поэтом отыскивается хладнокровный и дельный прозаик, тонкий и верный критик, грамматик, педагог, не только ценитель и судья содержания, но и строгий браковщик каждого выражения» (РА. 1866. № 6. Стб. 873).

Послание «Благодарю, мой друг, тебя за доставленье...» было отослано Жуковским адресату вместе с письмом от 19 октября 1815 г., которое отчасти дублирует в эпистолярной прозе стихотворную критику: «⟨...⟩ Прекрасные стихи — новый род стихотворения, то есть живописный ⟨...⟩. Твои стихи я читал и один и с ареопагом. С первого же чтения они мне очень и очень понравились; поэтому после мы прочитали их с Блудовым и Тургеневым еще раз — прекрасно! Они полны свежести! Природа в них дышит! Посылаю мои замечания, написанные в поэтических стихах!» (СС 1. Т. 4. С. 562—563). Ряд замечаний Жуковского был учтен Вяземским при публикации «Вечера на Волге» (СО. 1821. № 28).

Ст. 2. *Твоих пленительных стихов!..* — Имеется в виду стихотворение П. А. Вяземского «Вечер на Волге».

Ст. 19. *Тургенев с Гнедичем, и Блудов, и Дашков...* — Ср. в письме Жуковского П. А. Вяземскому от 19 сентября 1815 г.: «Твои стихи я читал один и с ареопагом» (СС 1. Т. 4. С. 562).

Ст. 25. *Ваш Вяземский прямой поэт!..* — Реминисценция первого стиха послания Жуковского «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» («Друзья, тот стихотворец — горе...», 1814) в первоначальной редакции, измененной по рекомендации Вяземского (см. примеч. в т. 1 наст. изд.). Этот стих перекликается также и с первым стихом послания «К Вяземскому. Ответ на его послание к друзьям»: «Ты, Вяземский, хитрец, хотя ты и поэт...», четыре стиха которого процитированы в письме Жуковского к Вяземскому от 19 сентября 1815 г. (СС 1. Т. 4. С. 562).

Ст. 41—52. ***Благоухает древ*** *~ Чтоб было ясно всё на небе и в стихах?..* — Эти замечания Жуковского Вяземский не учел в окончательной редакции «Вечера на Волге», может быть, потому, что сам Жуковский в сопроводительном письме от них отказался. Ср.: «От некоторых отказываюсь! *Сенъ благоухать* может! *Переступивше-*

му светилу позволяется не трудить себя новым восхождением на небо!» (СС 1. Т. 4. С. 563).

Ст. 54—55. *Равняться в берегах* ***твоих*** *ей не годится, // Когда в* ***моих*** *она сравнялася давно...* — Жуковский имеет в виду свой собственный стих из баллады «Громобой»: «*Река сровнялась в берегах*», к которому оказался близок по звучанию стих «Вечера на Волге»: «*И скатерть синих вод сровнялась в берегах*». Этого замечания Вяземский при правке своего стихотворения не учел, так же как и следующего, относящегося к стиху: «*Кто в облачной дали конец тебе прозрит?*» (ст. 60—69 комментируемого послания).

Ст. 71—75. ***И неподвижный взор окованный стоит*** *~ Одно! Такой халат читателя смешит!..* — В окончательной редакции «Вечера на Волге» стих читается: «И пораженный взор, оцепенев, стоит...»

Ст. 76—82. ***Огромные суда в медлительном паренье*** *~ Сама своей рукой богиня заменила!..* — оставив без изменения стих: «*Огромные суда в медлительном паренье*», Вяземский поправил следующий, вызвавший замечания Жуковского, заменив «столбы» на «мачты»: «*Их мачты, как в водах бродящий лес, темнеют...*»

Ст. 83—95. *Но те твои стихи она лишь похерила ~ Чтобы над веслами беспечно задремать...* — Стихи «Вечера на Волге», о которых идет речь в данном фрагменте, Вяземский оставил без изменений.

Ст. 97—98. *И также, чтобы нас* ***воздушные*** *мечты, // А не тяжелые* ***златые*** *веселили?..* — Это замечание Жуковский считал настолько важным, что продублировал его в тексте сопроводительного письма: «Одно может показаться тебе несправедливым, но оно тоже справедливо! *Дремать в златых мечтах* никак нельзя! Златые мечты прекрасны, когда говоришь просто о мечтах и хочешь им дать отвлеченный образ, но как скоро говоришь о мечтах в отношении к тому, кто их имеет, то *златые* совсем не годятся: не оправдывай себя моим примером; я сказал в „Кассандре“: *в сновидениях златых* — это такая же точно ошибка, какая у тебя!» (СС 1. Т. 4. С. 563). Вяземский поправил свой стих, убрав эпитет «златые»: «***Забывшись наяву, один дремать в мечтах***».

Ст. 100—112. ***Покаты гор крутых!*** *— не лучше ли* ***пещеры?..*** *~ Поставь, прошу тебя:* ***и слава их чиста...*** — Все стихи «Вечера на Волге», о которых речь идет в данном отрывке, Вяземский изменил в соответствии с предложениями Жуковского.

Ст. 120—133. *Твой* ***Гений, буря боец****, есть просто* ***буря служитель...*** *~ Неловко — власть твоя...* — За исключением последнего замечания, относящегося к словосочетанию «бег ручья ⟨...⟩, вившийся в дубраве», Вяземский учел все поправки Жуковского, предложенные в этом фрагменте послания.

О. Лебедева

Славянка
Элегия

(«Славянка тихая, сколь ток приятен твой...»)
(С. 20)

Автографы:

1) ПД. № 27807, л. 3—5 — черновой, с датами: в начале — «23 сентября 1815», в конце — «28 сентября».

2) РГАЛИ, он. 1, № 5, л. 1—2 об. — беловой, с небольшой правкой и примечанием (см. ниже).

Впервые: С 1. Ч. 2. СПб., 1816. С. 7—16 — в разделе «Смесь» открывает том, с примечанием и датой: «1815».

В прижизненных изданиях: С 1—5 — с примечаниями автора (С 1—2 — отдел «Смесь»; С 3—4 — «Элегии»); С 5 (Т. 2. С. 221—229) — с подзаголовком «Элегия», датой: «1816» и примечаниями в конце тома.

Датируется: 23—28 сентября 1815 г.

Элегия «Славянка» стала важным этапом в формировании романтической эстетики Жуковского. Поездка поэта в Павловск в сентябре 1815 г. по приглашению императрицы Марии Федоровны имела для него большое значение: «одной из прогулок Жуковского по живописным берегам реки Славянки русская поэзия обязана появлением элегии „Славянка“, воссоздающей неповторимое своеобразие и красоту знаменитого парка, в планировке и украшении которого принимали участие Ч. Камерон, П. Гонзаго, В. Бренна, А. Воронихин, Тома де Томон и многие другие» (Иезуитова Р. В. Жуковский в Петербурге. Л., 1976. С. 89).

Но воссоздание реальной панорамы Павловского парка и окрестностей реки Славянки было неразрывно связано с «дивным искусством ⟨...⟩ живописать картины природы и влагать в них *романтическую* жизнь. ⟨...⟩ Изображаемая Жуковским природа — *романтическая природа*, дышащая таинственною жизнию души и сердца, исполненная высшего смысла и значения» (Белинский. Т. VII. С. 215, 219). Это была поистине «прогулка по садам Романтизма», воссоздающая особую «семантику чувств» (об этом см.: Лихачев Д. С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982. Гл. «Сады Романтизма»). В процессе работы над текстом (см. автограф № 1) Жуковский последовательно добивался особой экспрессии в передаче динамики чувств героя, его движения в пространстве (см.: Янушкевич. С. 131—138).

В контексте «Воспоминаний в Царском Селе» А. С. Пушкина, исторических элегий Батюшкова «Славянка» Жуковского открывала новые возможности элегического жанра и языка поэзии: «блеск листка „на сумраке“, шум от его падения, внезапно колыхнувшаяся волна, притаившийся в кустах и „сияющий“ там лебедь — те новые конкретности мира, которые впервые „увидел“ Жуковский» (Семенко. С. 105—106). Как точно заметил Батюшков, «„Павловское“ [имеется в виду „Славянка“.— *А. Я.*] и „Греево кладбище“!.. Они глаза колют!» (Батюшков. Т. 2. С. 442).

Характерным дополнением к поэтической элегии стали «живописные элегии» Жуковского, воссоздающие картины Павловского парка. 18 видов Павловска, нарисованные и гравированные в 1823 г. и затем частично вошедшие в «Путеводитель по саду и городу Павловску» П. Шторха (СПб., 1843), явились постскриптумом к «Славянке» (об этом см.: РБ. 1912. Ноябрь-декабрь. С. 59, 84—85).

Славянка — *река в Павловске. Здесь описываются некоторые виды ее берегов, и в особенности два памятника, произведения знаменитого Мартоса. Первый из них воздвигнут Государынею вдовствующею Императрицею в честь покойного Императора Павла. В уединенном храме, окруженном густым лесом, стоит пирамида: на ней медальон с изображением Павла; перед ним гробовая урна, к которой преклоняется величественная женщина в короне и порфире царской; на пьедестале изображено в барельефе семейство Императорское: Государь Александр представлен сидящим; голова его склонилась на правую руку, и левая рука опирается на щит, на коем изображен двуглавый орел; в облаках видны две тени: одна летит на небеса, другая летит с небес, навстречу первой.— Спустясь к реке Славянке (сливающейся перед самым дворцом в небольшое озеро), находишь молодую березовую рощу: эта роща называется* ***семейственною****, ибо в ней каждое дерево означает какое-нибудь радостное происшествие в Высоком Семействе Царском. Посреди рощи стоит уединенная* ***урна Судьбы****. Далее, на самом берегу Славянки, под тенью деревь, воздвигнут прекрасный памятник Великой Княгине Александре Павловне. Художник умел в одно время изобразить и прелестный характер и безвременный конец ее; вы видите молодую женщину, существо более небесное, нежели земное; она готова покинуть мир сей; она еще не улетела, но душа ее смиренно покорилась призывающему ее гласу; и взор и рука ее, подъятые к небесам, как будто говорят:* ***да будет воля Твоя****. Жизнь, в виде юного Гения, простирается у ее ног и хочет удержать летящую; но она ее не замечает; она повинуется одному Небу — и уже над головой ее сияет звезда новой жизни* (Прим. Жуковского).

Ст. 33. *Сей храм, сей темный свод, сей тихий мавзолей...* — Речь идет о мавзолее, построенном в 1808 г. архитектором Жаном Тома де Томоном (1760—1813), с надгробной стелой работы И. П. Мартоса (1754—1835).

Ст. 58. *Там мыза, блеском дня под рощей озаренна...* — Далее следует описание маленькой фермы, построенной для царской семьи, где имп. Мария Федоровна принимала участие в уходе за коровами, а ее сыновья — в сенокосе.

Ст. 133—136. *И ангел от земли в сиянье предо мной ~ Горит звезда преображенья...* — Здесь Жуковский дает поэтическое описание памятника, созданного И. П. Мартосом в 1812—1814 гг. и представляющего собою женскую фигуру, осененную звездой. У ее ног склонился Гений жизни. Воспроизведение этой скульптуры Жуковский поместил на титульном листе второй части первого издания своих стихотворений.

А. Янушкевич

Песнь Русскому Царю от его воинов
(«Гряди, наш *Царь*, Твоя дружина...»)
(С. 25)

Автограф (ПД, № 27807, л. 6 об.) — черновые строфы 1-я и 3-я.

Впервые: СО. 1815. № 48. С. 95—96 — с подписью: «Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 1—5 (в С 1—4 — отдел «Романсы и песни»).

Датируется: между началом 10-х чисел ноября и 14 декабря 1815 г.

Датировка основывается на выражаемом Жуковским ожидании приезда Александра I в Россию и черновом варианте ст. 5: «Опять на родине своей // Наш царь...» Очевидно, стихотворение написано между началом 10-х чисел ноября, когда стало известно о прибытии Александра I 8 ноября в Варшаву, и 14 декабря 1815 г., когда император появился в С.-Петербурге. В С 3 датируется 1815 г., в С 5 ошибочно 1816-м.

Первоначально стихи создавались с опоясной рифмой, которая в публикации в СО сменилась на перекрестную.

Ст. 4. Черновой вариант: «*Молчит покорный сопостат*» — Имеется в виду Наполеон I Бонапарт, разбитый коалиционными войсками под Ватерлоо 18 июня 1815 г. и 22-го окончательно отрекшийся от французского престола.

Ст. 6. *Наш Царь, наш славный вождь царей...* — В 1813—1814 гг. Александр I выступал как глава антинаполеоновской коалиции и с сентября 1815 г. играл ведущую роль в им созданном Священном союзе европейских монархов.

Ст. 13—16. Черновой вариант: «*Гряди! в отчизну с поля чести // Мы славу с миром принесли! // Се наши панцири в пыли, // Се гром, се знамения мести*».

Ст. 19—20. *Младый Наследник полвселенны — // Меж нас впервой Ты меч приял...* — Александр с отрочества занимался фронтовыми учениями; в 1796 г. был назначен полковником лейб-гвардии Семеновского полка и в дальнейшем при императоре Павле I занимал высокие военные должности вплоть до назначения в 1798 г. председателем Военного департамента.

Ст. 24. *Везде во сретенье врагам...* — Т. е. навстречу.

Ст. 31. *Ко мщенью Ты воззвал народы...* — 26 февраля 1815 г. на Венском конгрессе Александр I объявил, что считает войну с вновь захватившим власть Наполеоном неизбежной, дабы предотвратить очередное порабощение Европы.

Ст. 37. *От Немана до океана...* — Ареал заграничного похода русских войск: от рубежа России до Атлантического побережья.

Н. Серебренников

Песня
(«Где фиалка, мой цветок?..»)
(С. 27)

Автограф неизвестен.

Впервые: Славянин. 1827. № 3. С. 350 — с заглавием: «Фиалка».

В прижизненных изданиях: С 4—5. В С 4—отдел «Смесь», вместе с «Песней» («Птичкой певицею...») под общим заглавием «Две песни» (Т. 6. С. 22—25); в С 5 (Т. 2. С. 206—207) среди стихотворений 1815 г.

Датируется: конец 1815 г.

Авторская датировка, предложенная в последнем прижизненном издании (С 5), стала общепринятой. Она не подвергалась сомнению ни в одном из посмертных изданий, хотя никаких существенных аргументов в ее пользу не было высказано. Думается, стихотворение было написано в самом конце 1815 г. и отразило настроения Жуковского после получения им письма Маши Протасовой от 8 ноября с просьбой разрешения «выйти замуж за Мойера» (РС. 1883. № 5. С. 351).

«Песня» («Где фиалка, мой цветок...»)—вольный перевод стихотворения немецкого поэта сентиментально-анакреонтической ориентации Иоганна Георга Якоби (Jacobi; 1740—1814) «Nach einem alten Liede» («Подражание старой песне»).

Воспользовавшись основным лирическим сюжетом о скоротечности жизни, Жуковский опустил в переводе все пасторальные образы: пастуха и пастушки, собирающих розы и украшающих ими себя и свои шляпы. Переводчик опустил и четырежды повторенный в оригинале риторический вопрос: «Sagt, wo ⟨...⟩?» («Скажи, где ⟨...⟩?») и дважды повторяющееся обращение к юношам и девушкам: «Jungling, ach!» и «Mädchen, ach!»

Отказавшись от многочисленных буколических реалий оригинала, Жуковский сосредоточил внимание на изображении природы, внеся в него много новых деталей и эпитетов, что сообщает его пейзажу живость и эмоциональность. У Жуковского *поток*—«игривый», «поит» фиалку, он «сердце в думу погружал», «смолк», «истощенный»; *струя*—«свежая», «говорливая»; *лист*—«приютный» и т. д. Вместо упомянутой «беседки» (die Laube) в переводе появляется слово *«приют»* (трижды повторенное в одной строфе), а вместе с тем и мотив разрушения крова, утраты прибежища от бед для лирического героя и его фиалки.

Переводчик сокращает стихотворение, целиком опустив 5-ю строфу, а в 6-й, заключительной, развертывает тему певца, «живым струнам» которого «отзвук откликался». То, что в оригинале, благодаря обилию условных пасторальных мотивов и образов, звучало игриво-анакреонтически, в переводе обрело более минорный тон, очевидно созвучный настроению русского поэта: «Нет его; певец увял; // С ним и отзыв замолчал».

Жуковский сохраняет метрическую схему строфы оригинала—разностопный хорей (434344) с чередованием мужской и женской рифмы (МЖМЖММ).

Положено на музыку А. Г. Вейраухом.

Н. Реморова

1816

Ирине Дмитриевне Полторацкой
при посылке стихотворений в первом издании 1815 г.
(«Певцом невинности, любви и красоты...»)
(С. 28)

Автограф неизвестен.
При жизни Жуковского не печаталось.
Впервые: РС. 1888. Т. 60. Кн.10. С. 84.
Печатается по тексту первой публикации.
Датируется: январь 1816 г.

Адресатом стихотворения является Ирина Дмитриевна Полторацкая, сестра Агафоклеи Дмитриевны, на смерть которой Жуковский написал эпитафию (см. примеч. к «Стихам, вырезанным на гробе А. Д. Полторацкой»). Вероятно, эта смерть сблизила Жуковского с семейством Д. М. Полторацкого. Имя его сына — Сергея Дмитриевича, будущего известного библиофила, приятеля А. С. Пушкина, неоднократно возникает на страницах «Дневников» Жуковского (см.: Дневники. С. 340, 349, 463).

О самой И. Д. Полторацкой и ее жизни известно немного. В примечании к первой публикации стихотворения сообщается следующее: «Это неизданное доселе стихотворение передано здесь с сохранением подлинника; оно собственноручно написано В. А. Жуковским на оборотной стороне переплета первого тома полного собрания его стихотворений (СПб., 1815 г.), поднесенного им И. Д. Полторацкой ⟨...⟩. Ирина Дмитриевна Полторацкая, дочь Дмитрия Марковича Полторацкого и родная сестра известного Сергея Дмитриевича Полторацкого, вышла замуж около 1817 года за полковника Алексея Николаевича Дьякова и умерла еще в молодых годах, приблизительно около 1824 года» (РС. 1888. Т. 60. Кн.10. С. 84).

Первая часть «Стихотворений Василия Жуковского» (СПб., 1815) появилась в самом конце 1815 г.: в письме к А. П. Киреевской от 17 декабря Жуковский говорит о распространении экземпляров по подписке (УС. С. 24). Учитывая связь дарственной надписи с посланием П. А. Вяземского «К кн. Шаховской при посылке стихотворений Жуковского» (см. примеч. к ст. 1—2), относящимся к самому началу 1816 г., можно предположить, что стихотворение Жуковского, обращенное к И. Д. Полторацкой и записанное на форзаце первой части, появилось в январе 1816 г. Во всяком случае известно, что И. И. Дмитриев, живший в Москве, получил от Жуковского из Петербурга экземпляр первой части «Стихотворений Василия Жуковского» до 8-го января (см.: Сочинения Ивана Ивановича Дмитриева. СПб., 1893. Т. 2. С. 221).

Ст. 1—2. *Певцом невинности, любви и красоты // Назвал меня поэт, к стихам моим* ***пристрастной***...— Речь идет о П. А. Вяземском, авторе послания «К кн. Шаховской при посылке стихотворений Жуковского» (СО. 1816. Ч. 29. С. 108). Но, по

всей вероятности, стихотворение было известно Жуковскому еще до публикации. В его архиве (РНБ, оп. 1, № 15, л. 70) сохранился черновой автограф послания Вяземского на отдельном листке. Вот его текст, вызвавший отклик Жуковского:

Кому, когда не вам, принадлежат творенья
Певца невинности, любви и красоты?
Вы оправдали кисть его воображенья,
Одели истиной прелестные мечты.
Когда он воспевал младую добродетель,
И непорочность чувств, и тайну прелесть глаз,
Не зря вас, он был ваш мечтательный свидетель,
Не зная вас, писал для вас он и об вас.
Могуществом мечты в волшебном сновиденье
Поэт вас угадал. Так греческий слепец
Киприды верное создал изображенье.
Поэту древнему и слава и венец!
Пускай и в наши дни, из роз и лавров свитый,
Венец приносит Жуковского главу:
Счастливее его, но мене знаменитый,
Вас вижу наяву.

(Ср.: Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1882. Т. 3. С. 111. Курсив мой.—*А. Я.*)

А. Янушкевич

Воспоминание

(«Прошли, прошли вы, дни очарованья!..»)

(С. 28)

Автограф неизвестен.

Копия (РГБ, ф. 218, к. 1338, № 2, л. 4)—рукою неустановленного лица, без даты и подписи, с параллельным французским текстом, в альбоме Е. Ф. Кривцовой (урожд. Вадковской).

Впервые: FWДН. 1818. № 2. С. 22—с заглавием «Воспоминание» и указанием на источник перевода: «Из Монкрифа».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: начало 1816 г.

Датировка традиционная, принятая П. А. Ефремовым в С 7—9 согласно свидетельству К. К. Зейдлица о том, что Жуковский нанисал стихотворение «Воспоминание» по возвращении из Дерпта в начале 1816 г., после получения известия о согласии М. А. Протасовой на брак с И. Ф. Мойером (Зейдлиц. С. 103—104; см. также: РС. 1883. Т. 39. № 8. С. 233—236—письмо А. П. Киреевской от 19 февраля 1816 г. с подробным описанием пребывания в Дерпте).

Стихотворение представляет собой перевод одноименного романса «Souvenance» французского поэта Франсуа Огюстена Паради де Монкрифа (Moncrif, 1687—1770), придворного поэта Людовика XV. О том, что этот романс был любим М. А. Протасовой, свидетельствует наличие его текста в ее альбоме (ПД. № 22726, л. 1).

Перевод романса Монкрифа, скорее всего, связан с чувством Жуковского к Маше Протасовой. Косвенным подтверждением такого предположения может служить тот факт, что несколько ранее, долбинской осенью 1814 г. (28—30 октября), Жуковский перевел под заглавием «Алина и Альсим» еще один текст Монкрифа — романс «Les constantes amours d'Alix et d'Alexis» («Любовное постоянство Аликс и Алексиса»), своим сюжетом напоминающий историю драматической любви Жуковского и Маши Протасовой.

Текст стихотворения «Воспоминание» положен на музыку композитором К. Аграневым-Славянским.

О. Лебедева

На первое отречение от престола Бонапарте
Стихи, петые на празднике,
данном в С.-Петербурге английским послом, лордом Каткартом
(«Сей день есть день суда и мщенья!..»)
(С. 29)

Автографы:

1) РНБ, он. 1, № 26, л. 23 — черновой.

2) ПД. № 27807, л. 7 — беловой, без заглавия; сверху карандашом рукою Жуковского: «1816. Стихи, петые на празднестве английского посла лорда Каткарта».

Копия (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1104, л. 17 об.— 18 об.) — рукою В. Ф. Вяземской, с заглавием: «Куплеты, петые за обедом у лорда Каткарта в присутствии государя 28 марта 1816 года» и припиской П. А. Вяземского около заглавия: «Жуковского».

Впервые: СО. 1816. Ч. 29. № 14. С. 68 — с заглавием: «Стихи, петые на празднестве английского посла лорда Каткарта, в присутствии Его Императорского Величества» и примечанием: «Сей великолепный праздник дан был ныне, 28 марта, в день падения и отречения Бонапартова за два года перед сим. Все генералы, участвовавшие в той знаменитой кампании, были приглашены к оному».

Перепечатано: Литературный Музеум на 1827 год. М., 1827. С. 308 (ц. р. от 28 декабря 1827 г.) — с заглавием: «Стихи. На случай первого отречения Бонапарте, петые на празднике, данном Английским министром лордом Каткартом» и подписью: «Жуковский».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту последней прижизненной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 28 марта 1816 г.

Стихотворение написано по просьбе английского посла лорда Уильяма Шоу Каткарта (Cathcart; 1755—1843). Так как последняя прижизненная публикация произведения — в альманахе Владимира Измайлова «Литературный Музеум», то она и является источником текста. Известно, что сам Жуковский одобрил ее и писал издателю 27 ноября 1827 г. следующее: «Но вас благодарю за помещение в вашем альманахе моей песни о Наполеоне. Если Иван Иванович Дмитриев мог найти ее стоящею напечатания, то против этого приговора я не имею апелляции» (С 7. Т. 2. С. 516).

Поводом для написания стихотворения явилась вторая годовщина первого отречения Наполеона от французского престола. Оно произошло 28 марта (6 апреля) 1814 г. в Фонтенбло. Перенесенная на территорию Франции война явилась ответной волной похода на Москву и закончилась поражением Наполеона. Успех военных действий под Парижем 18 марта, а затем торжественное вступление Александра I «на белом коне ⟨...⟩ впереди блестящей свиты генералов, во главе несметной армии союзников, объединившей все державы Европы» (Шильдер. С. 219) означали конец наполеоновской кампании и предопределили неизбежность отречения Наполеона. Оно состоялось 28 марта, в среду, в 2 часа ночи. «Наполеон подошел к столу и торопливым, неразборчивым почерком подписал акт отречения, в котором, между прочим, сказано: „Император Наполеон, верный своей присяге, объявляет то, что он отказывается от престола Франции и Италии, так как нет таких личных жертв, не исключая даже принесения в жертву своей жизни, перед которыми он отступил бы ради блага Франции“» (Там же).

Стихотворение Жуковского было высоко оценено друзьями. Так, А. И. Тургенев в письме к Вяземскому от 3 апреля 1816 г. называл эти стихи «прекрасными» (ОА. Т. I. С. 41), а Пушкин даже собственноручно записал четыре строфы произведения Жуковского (2, 3, 5, 6) в свою тетрадь. Запись была сделана по памяти и датируется началом июня 1824 г. (подробнее см.: Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л: Academia, 1935. С. 493—494). П. В. Анненков в «Сочинениях Пушкина» (Т. VII. СПб., 1857. С. 36 первой пагинации) напечатал эту запись как возможный вариант пушкинского «Наполеона» под заглавием: «Первые мысли стихотворения, обращенного к императору Александру I». На то, что пушкинская запись является стихами Жуковского, указал в 1878 г. П. А. Ефремов (С 7. Т. 2. С. 491).

Несомненно, что стихотворение Жуковского явилось одним из источников «Наполеона» Пушкина. По мнению М. А. Цявловского, «Стихотворение Жуковского припомнилось Пушкину в связи с только что написанными собственными стихами о Наполеоне. На предыдущем листе тетради (л. 7/1) имеется черновой текст стихотворения „Зачем ты послан был“» (Рукою Пушкина. С. 494).

Связь двух произведений проявляется на разных уровнях. Это касается, прежде всего, несомненной близости в выражении патриотических чувств обоих поэтов и осуждении захватнической роли Наполеона. Достаточно сравнить стихотворение Пушкина с записанными им строфами из Жуковского:

Жуковский	*Пушкин*
Где тот, пред кем гроза не смела	Давно ль орлы твои летали
Валов покорных воздымать,	Над обесславленной землей,
Когда ладья его летела	Давно ли царства упадали
С фортуной к берегу пристать.	При громах силы роковой.
К стопам рабов бросал он троны,	Среди рабов до упоенья
Срывал с царей красу порфир,	Ты жажду власти утолил ⟨...⟩
Сдвигал народы в легионы	Вослед тирану полетело,
И мыслил весь заграбить мир.	Как гром, проклятие племен (II.57—60).

Бесспорно близка Пушкину была мысль Жуковского о неизбежном возмездии Наполеону, о его «погибельном» счастье, «постыдном величии», «памяти кровавой» и т. д. Ср.:

И где он?.. Мир его не знает.	Оцепенелыми руками
Забыт разбитый истукан!	Схватив железный свой венец,
Лишь пред изгнанником зияет	Он бездну видит пред очами,
Неумолимый океан.	И гибнет, гибнет наконец (II, 59).

Однако в оценке исторической роли Наполеона Пушкиным и Жуковским — видимая разница. Объясняется это прежде всего разным поводом к написанию стихотворений. Для Жуковского — это первое отречение Бонапарта от престола, воцарение мира и торжество России и Александра I. Для Пушкина — это смерть Наполеона. Прошедшие 7 лет сняли остроту негодования и расширили исторический ракурс воззрения на прошлое, да и сама смерть великого человека («угас великий человек») изменила тональность произведения.

Кончина Наполеона, явившаяся поводом для стихотворения Пушкина, позволила ему свободнее и диалектичнее оценить историческую роль незаурядной личности. К своей оценке Наполеона Пушкин будет возвращаться много раз и определенным образом наметит путь к Лермонтову (см.: Реизов Б. Г. Пушкин и Наполеон // РЛ. 1966. № 4. С. 49—56; Грунский Н. К. Наполеон в русской художественной литературе // Русский филологический вестник. Варшава, 1898. Т. 40. № 3—4. С. 193—324).

Стихотворение Жуковского стало во многом точкой отсчета наполеоновской темы в русской литературе.

Ст. 21—22. *И честь тому — кто, верный чести, // Свободе меч свой посвятил...* — Имеется в виду император Александр I, до конца оставшийся верным своему убеждению в необходимости довести войну до полного низложения Наполеона: «Я не заключу мира, пока Наполеон будет находиться на престоле» (Шильдер. С. 191).

Ст. 27. *И блеск Лютеции спасенной...* — Речь идет об освобождении Парижа от диктатуры Наполеона. Лютеция — древнее поселение паризиев, на месте которого расположился современный Париж.

Ф. Канунова

К Т. Е. Боку

(«Любезный друг, гусар и Бок!..»)

(С. 30)

Автограф неизвестен.

Копия (РНБ, оп. 2, № 81, л. 2 об.) — рукою неустановленного лица, под № 2, без даты.

Впервые: Летописи русской литературы и древности. М., 1859. Т. 1. С. 67 — в составе статьи Н. Лыжина «Знакомство Жуковского со взглядами романтической школы».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по копии.

Датируется: предположительно вторая половина марта 1816 г.

В копии, где представлены все три послания Жуковского к Т. Боку, а также в публикации Н. Лыжина данное послание имеет № 2, что позволяет датировать его промежутком между 7 апреля 1815 г. и августом 1816 г. (см. примеч. к посланиям «Мой друг, в тот час, когда луна...» и «Мой милый Бок...»).

По всей вероятности, послание-записка Жуковского относится ко времени пребывания Бока в Петербурге (март-август 1816 г.), так как Жуковский приглашает его в гости на правах хозяина, что вряд ли было возможно в Дерпте, где он сам был гостем. Если учесть, что апрель-ноябрь 1816 г. Жуковский провел в Дерпте (см.: ПЖТ. С. 153—168), то наиболее реальной датой послания № 2 к Боку становится вторая половина марта 1816 г., когда после отставки 17 марта Т. Бок жил в Петербурге.

А. Янушкевич

Весеннее чувство

(«Легкий, легкий ветерок...»)

(С. 30)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 26, л. 24 — черновой.

2) РНБ, оп. 1, № 26, л. 25 — беловой.

3) ПД. № 27807, л. 7 об. — беловой, с зачеркнутыми четырьмя последними стихами.

4) Кульман. С. 1087. № 25 — беловой.

Копия (РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 12, л. 42) — рукою М. А. Мойер.

Впервые: Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 13. № 1. С. 88 — с подписью: «В. Ж.»

В прижизненных изданиях: С 3—5 (С 3—4 — отдел «Романсы и песни»; С 5 — в подборке стихотворений 1815 г.).

Датируется: начало апреля 1816 г.

Положение автографов № 2 и 3 в рукописи (сразу же за датированным 28 марта 1816 г. стихотворением «Сей день есть день суда и мщенья...»), а также весенний колорит позволяют датировать «Весеннее чувство» началом апреля 1816 г.

По мнению М. Г. Салупере, песня «Весеннее чувство» была написана в 1816 г. «на заданную мелодию Вейрауха» (Ж. и русская культура. С. 452). Именно в начале апреля 1816 г. Жуковский приезжает в Дернт (см.: УС. С. 172—173), и стихотворение отражает «весеннее чувство поэта».

Полный текст стихотворения приводится в письме к А. П. Киреевской из Дерпта от 7 ноября 1816 г. Ср.: «Воейков не любит моего „там". Да уже и слишком много его в моих стихах! А как без него обойтись? Кстати о „там"! Вот еще песня, написанная мною по *просьбе* и на данный голос. Об ней будет объяснение...» (и далее идет текст стихотворения — РС. 1883. № 9. С. 542—543).

Песня представляет характерный образец романтической пейзажной лирики. Белинский называет это стихотворение в числе лучших произведений поэта (Белинский. Т. 7. С. 214), видя в нем основной пафос поэзии Жуковского — «стремление к бесконечному» (Там же. С. 182). Как образец интимной лирики Жуковского с характерной песенной композицией рассматривает это стихотворение Б. М. Эйхенбаум (Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969. С. 372—376). И. М. Семенко, говоря об особой ритмико-интонационной структуре произведения, подчеркивает его «пантеистическое мироощущение», данное «в чувственно-конкретном образе» (Семенко. С. 113). С. А. Матяш видит в «Весеннем чувстве» «не только пример пейзажной лирики эпохи романтизма, но и образец русской философской лирики, сформировавшейся на песенной основе» (Анализ одного стихотворения. Л., 1985. С. 98).

Переведено почти сразу же на немецкий язык К. Ф. фон дер Боргом для его антологии «Poetische Erzeugnisse der Russen» (Dorpat, 1820. Bd. 1). Вошло в первую часть антологии Джона Бауринга (Российская антология. Specimens of the Russian Poets with Preliminary Remarks and Biographical Notices, transl. by John Bowring. L., 1821. T. 1). По ней с лирикой Жуковского познакомился Гёте (см.: Веселовский. С. 335).

Положено на музыку А. Вейраухом и А. Рубинштейном.

Ст. 12. После этого стиха в черновом автографе были следующие строки:

Ах, надежда за весной
Прилетала в прежни годы.
Всё тогда, леса и воды,
Всё имело голос свой.

И. Поплавская

«Сон — утешитель! Пусть образу смерти твой образ подобен...»
(С. 31)

Автограф (ПД. № 27807, л. 8 об.) — два черновых варианта и беловой.
При жизни Жуковского не печаталось.
Печатается впервые.
Датируется: лето 1816 г.

Основанием для датировки является положение автографа в «Книге Александры Воейковой» — рабочей тетради Жуковского сентября 1815 — января 1819 г. Наброски четверостишия и его окончательный вариант находятся после белового автографа «Весеннего чувства» и перед вторым посланием к Т. Боку, т. е. в границах апреля-августа 1816 г.

Это время пребывания Жуковского в Дерпте, когда он, решившись на жертву (дал разрешение Маше Протасовой на свадьбу с И. Ф. Мойером), пытается найти успокоение в философии самоотречения. По точному замечанию исследователя, это было «испытанием, страдой веры» (Веселовский. С. 209).

Органической частью этой философии стал образ сна-утешителя. Уже после свадьбы Маши с Мойером, которая состоялась 14 января 1817 г., Жуковский писал А. И. Тургеневу: «Я хлебнул из Леты и чувствую, что вода ее усыпительна. Душа смягчилась. К счастью, на ней не осталось пятна; зато бела она, как бумага, на которой ничто не написано. Это-то ничто — моя теперешняя болезнь, столь же опасная, как первая, и почти похожая на смерть. ⟨...⟩ Оно [равнодушие] похоже на сон, который производит иногда прекрасная музыка. Музыка моя молчит, и я сплю! Из этого-то сна должно непременно выйти...» (ПЖТ. С. 177). Переводы из Гёте («Кто слез на хлеб свой не ронял...», «Утешение в слезах», «К месяцу»), из Уланда («Сон», «Песня бедняка», «Счастие во сне»), созданные в атмосфере душевного разлада, лейтмотивно развивают тему сна и утешения во сне.

Не исключено, что дистих Гёте «Die Geschwister» («Братья», 1782) подсказал общую мысль гекзаметрического четверостишия Жуковского. Заметим кстати, что дистих Гёте входит в подборку стихотворений под общим заглавием: «Antiker Form sich nähernd» («Приближаясь к античной форме»). Ср.:

Schlummer und Schlaf, zwei Brüder, zum Dienste der Götter berufen,
Bat sich Prometheus herab, seinem Geschlechte zum Trost;
Aber den Göttern so leicht, doch schwer zu ertragen den Menschen,
Ward nun ihr Schlummer uns Schlaf, ward nun ihr Schlaf uns zum Tod.

Сон и Дремоту, двух братий, служенью богов обреченных,
С неба низвел Прометей роду людскому служить.
Что было в пору богам, человеку пришлось не по силам:
Стала Дремота их сном, смертию стал нам их Сон.

(Перевод М. Михайлова. Цит. по: [Гербель Н. В.] Собрание стихотворений Гёте в переводе русских писателей. 2-е Изд. СПб., 1892. С. 228).

О. Лебедева, А. Янушкевич

⟨К Т. Е. Боку⟩
(«Мой милый Бок!..»)
(С. 31)

Автограф (ПД. № 27807, л. 9 об.) — черновой.
Копия (РНБ, оп. 2, № 81, л. 2 об.) — рукою неустановленного лица.

Впервые: Летописи русской литературы и древности. М., 1859. Т. 1. С. 71 — в составе статьи Н. Лыжина «Знакомство Жуковского со взглядами романтической школы».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: август 1816 г.

Основанием для датировки данного послания может быть местонахождение его чернового автографа в «Книге Александры Воейковой»: непосредственно перед набросками 15—19 строф баллады «Вадим», имеющими авторскую датировку: 1 сентября 1816 г., и в окружении других произведений 1816 г., написанных в марте-мае 1816 г.

Как установлено М. Г. Салупере, «летом 1816 г. Жуковский с Протасовыми и женихом Маши Мойером путешествовал по Лифляндии и Эстляндии. Возвратиться в Дерпт они должны были также в августе, т. к. в университете, где преподавал Мойер, начинались лекции» (ПМиЖ. Вып. 19. С. 67). Тимофей Бок 6 августа 1816 г. также приезжает из Петербурга в свое имение Выйзику, недалеко от Дерпта, куда и приглашает Жуковского.

Трудно сказать, состоялась ли эта поездка в августе. Вполне вероятно, что Жуковский посетил Бока в день его рождения, 13 ноября 1816 г., о чем свидетельствует письмо Бока Жуковскому от 12 ноября 1817 г., начинающееся словами: «Ровно год, как мы Гомера читали и от стужи и метели спаслись к доброму Василию в теплую избу...» (Там же. С. 69).

Ст. 9. *...сестра прелестная твоя...* — Речь идет, как предполагает М. Г. Салупере, о Юлии Бок, в которую был безнадежно влюблен Т. Бок (Там же. С. 67—68). См. также примеч. к стих. «Голос с того света».

А. Янушкевич

Верность до гроба

(«Младый Рогер свой острый меч берет...»)

(С. 33)

Автографы:

1) ПД. № 27807, л. 9 — черновой, без заглавия.

2) ПД. № 10089 — беловой.

Впервые: FWДН. 1818. № 4. С. 26—29.

В прижизненных изданиях: С 3—5 (С 3—4 — отдел «Романсы и песни»; в С 4 — с подзаголовком: «С немецкого»). В С 5 (Т. 3. С. 25—28) — в подборке стихотворений 1818 г.

Датируется: апрель-август 1816 г.

Черновой автограф находится в «Книге Александры Воейковой» между стих. «Весеннее чувство» и черновыми вариантами 15—19 строф баллады «Вадим». Как известно, «Весеннее чувство» было закончено в начале апреля 1816 г., а работа над соответствующими строфами «Вадима» датирована самим поэтом 1-м сентября (л.10 об.). Все это позволяет считать временем создания стихотворения «Вер-

ность до гроба» апрель-август 1816 г. Указание в С 5 на 1818 г. связано со временем публикации текста в FWДН.

Перевод стихотворения «Treuer Tod» («Верная смерть») немецкого поэта и драматурга Теодора Кёрнера (Körner, 1791—1813), погибшего в бою с наполеоновскими войсками. Стихотворение, оказавшееся пророческим, было впервые опубликовано в «Избранных произведениях поэта» (Vermischte Gedichte und Erzählungen. Bd. 2. Leipzig, 1815). В стихотворении Кёрнера было три строфы. Четвертая, содержание которой навеяно гибелью поэта, дописана Карлом Шалем (Schall, 1780—1833) после смерти Кёрнера (см.: Галюн. С. 14) и издана вместе со стихотворением Кёрнера отдельным оттиском. Жуковский, вероятно, работал по этому изданию, переведя все строфы.

Стихотворение Кёрнера написано в форме популярной у романтиков народной песни. При этом система образов и понятий в нем носит условный характер. Так, герой определен как *рыцарь* (Ritter), поднявший меч за «свободу, славу и родину» («Für Freiheit, Ruhm und Vaterland») и, далее,—«за свою любовь» («Für ⟨...⟩ meine Liebe»). Но если сражение рыцаря «во имя славы и любви» было закреплено поэтической традицией в кодексе рыцарской чести, то понятия *свобода* и *родина* принадлежат иному, более позднему времени—эпохе Наполеоновских войн. Поэтому как рефрен в конце каждой строфы повторяются слова: «Dem Vaterland und meiner Liebe» («За родину и мою любовь»), что было в высшей степени актуально в момент написания стихотворения, и не случайно оно очень скоро было положено на музыку и стало популярной песней (Зарубежная поэзия. Т. 2. С. 596).

К моменту перевода стихотворения Жуковским тема битвы за родину перестала быть столь актуальной. К тому же русского поэта в стихотворении Кёрнера привлекала не историческая ретроспектива, а общечеловеческая тема—трагическая гибель человека, верного своим высоким идеалам и принципам, что и обусловило некоторые отступления переводчика от оригинала. Так, Жуковский убирает прямое упоминание о рыцаре, назвав героя «Младый Рогер»; он усложняет синтаксис, вводя многоточия и тире, что при сохранении размера и строфики оригинала несколько изменяет ритм стиха, делая его менее «песенным». Само заглавие звучит как присяга на верность любви, что было связано с мироощущением Жуковского этого периода, накануне брака Маши Протасовой с Мойером. Ослабив национально-патриотические настроения песни Кёрнера, Жуковский эмоционально усилил психологическую ситуацию.

Н. Реморова

Овсяный кисель

(«Дети, овсяный кисель на столе; читайте молитву...»)

(С. 34)

Автограф (ПД. № 27807, л. 19—21)—черновой; л. 24 об.—прозаическое предисловие—с датой: «1 ноября».

Копии:

1) ПД. № 9812.

2) ПД. № 9678.

3) ПД. № 26305.

Впервые: Труды Общества любителей российской словесности. М., 1817. Ч. 10. С. 62—70 — с примечанием и предисловием Жуковского.

В прижизненных изданиях: FWДН. 1818. №2. С. 2—17; С 3—5 (в С 3—4 — отдел «Сельские стихотворения», в С 5 — в подборке произведений 1816 г., с названием в оглавлении: «Овсяный кисель (Из Гебеля)»; предисловие опущено.

Датируется: сентябрь — начало ноября 1816 г.

Перевод стихотворения «Das Habermus» представителя демократического крыла немецких идилликов И. П. Гебеля (Hebel, 1760—1826), писавшего на алеманнском наречии (см. Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. М.; Л., 1956). «Das Habermus» написан Гебелем в 1800—1801 гг. и вошел в его сборник «Алеманнские стихотворения» (Alemannische Gedichte. Karlsruhe, 1803), который был высоко оценен Гёте, затем Уландом, а в 1816 г. и Жуковским. Перевод Жуковского осуществлен по указанному изданию (см. примечание переводчика к стихотворению), с незначительным сокращением количества стихов (Жуковским опущено 3 последних стиха: «Un jetz göhnt in d'Schuel; dört hangt der Oser am Simse! // Fall mer kais, gent Achtig, un lehret, was men ich ufgitt! // Wenn der wider chömmet, se chömmet der Zibbertli über»). В FWДН стихотворение было разбито на 4 строфы (2-я — с 23-го ст., 3-я — с 29-го и 4-я с 34-го ст.), в последующих публикациях, в том числе в С 5, Жуковский отказался от этого.

Традиционно исследователи и комментаторы считали первой по времени публикацию в FWДН 1818 г. (см. СС. С. 449; Стихотворения. Т. 2. С. 506). Но реально Жуковский познакомил своих товарищей с данным стихотворением на одном из заседаний «Арзамаса» в 1816 г. В протоколе от 24 декабря читаем: «Секретарь Светлана представил членам донесение о своих поступках; и члены уверились, что он приобрел новые великие совершенства, документами сих новоприобретенных совершенств служат: 1-е. Очаровательный Овсяный кисель, который члены единодушно провозгласили райским кремом» (Арзамас—2. Кн. 1. С. 380). А в речи, произнесенной Жуковским в «Арзамасе» еще раньше (в середине декабря), в связи с его возвращением к обязанностям секретаря по приезде из Дерпта, читаем: «Муза моя состряпала из гекзаметров овсяный кисель. О друзья мои, отважусь дать ли вам киселя. Осмелюсь ли сказать вам вместе с доброю бабушкою, которая потчует им своих внучков: Кушайте, светы мои, на здоровье! Господь вас помилуй!» (Там же. С. 384). Чуть позже, 29 ноября 1817 г. «Овсяный кисель» был прочитан П. С. Яковлевым на 31-м заседании Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. В «Трудах» Общества в 1817 г. и был впервые опубликован «Овсяный кисель» Жуковского. Уже в февральской книжке 1818 г. FWДН это стихотворение было переиздано. И в этом же году оно было перепечатано в СО (№ 11. С. 190—194) и таким образом получило широкую читательскую известность.

Данные уточнения позволяют подчеркнуть программный характер произведения, являвшегося для Жуковского в этот период одним из его эстетических манифестов. Рожденное во многом в атмосфере арзамасских заседаний, оно демонстрирует новый тип поэтического мышления Жуковского. Сам поэт прекрасно осознавал, что он экспериментирует в «совершенно новом и нам еще неизвестном роде». Именно об этом он пишет А. И. Тургеневу 21 октября 1816 г.: «Между тем написал, т. е. перевел с немецкого пьесу под титулом Овсяный кисель; не думай, что этот кисель был для Арзамаса; нет, но надеюсь, что он покажется вкусным для Арзамасцев, хотя и не разведен на бессмыслице. Это перевод из Гебеля, вероятно, тебе неизвестного поэта, ибо он писал на Швабском диалекте и для поселян. Но я ничего лучше не знаю. Поэзия во всем совершенстве простоты и непорочности! Переведу еще многое. Совершенно новый и нам еще неизвестный род» (ПЖТ. С. 164). Словно отвечая на бурную полемику вокруг своих баллад, которые якобы уводили от жизни, Жуковский обращается к жанру идиллии, демонстрируя свои возможности изображения «неодушевленной природы» «свежими яркими красками», конкретизации идиллического характера сообщением ему черт национальности и народности в гердеровском понимании (см.: Вацуро В. Э. Русская идиллия в эпоху романтизма // Русский романтизм. Л., 1978. С. 124—138).

В примечании к переводу Жуковский приводит выдержку из статьи Гёте о Гебеле: «Гебель,— говорит Гёте об авторе Алеманнских стихотворений,— изображая свежими яркими красками неодушевленную природу, умеет оживотворить ее милыми аллегориями». И далее Жуковский вслед за Гёте с восторгом пишет о том, что Гебель, в отличие от «древних поэтов и новейших их подражателей», наполнявших идиллию «существами идеальными», «видит во всех сих предметах одних знакомцев своих поселян». Положительная оценка этого факта обнаруживает связь Жуковского с гердеровской концепцией органического развития мира, с его ориентацией на народность. Перевод Жуковского, таким образом, прямо отвечал на вопрос времени — об обращении поэзии к национальным, народным истокам. «Das Habermus» было наименее локальным среди Алеманнских стихотворений и легко поддавалось русификации. Жуковский относит свой перевод в С 3, 4 в отдел «Сельские стихотворения», осторожно вводит в него русские имена, приметы русского национального быта, употребляет разговорную, простонародную и даже диалектную лексику, тогда как для Гебеля характерно употребление нейтральной лексики. При этом переводчик попытался воспроизвести сам способ мышления русской крестьянки. Ее образ, конечно, как и у Гебеля, идеализирован, ориентирован на тип, созданный сентименталистской литературой. Но Жуковскому важно сохранить дидактизм оригинала, передать характерную для народной концепции мира патриархальность, соотносимость жизни людей и жизни природы, осознание их органического единства. Это был первый практический шаг к созданию русской народной идиллии и одновременно к еще одному художественному открытию, имевшему огромные последствия. Это было открытие символического образа бытия: в обыкновенном и будничном открывалась поэзия жизни. Лироэпос Жуковского, таким образом, в «Овсяном киселе» обретает свои зримые фор-

мы. Показательно, что в «Общем оглавлении» последнего прижизненного собрания сочинений Жуковского «Овсяный кисель» был помещен в отдел «Смесь». На синтетическом характере образности в произведении, на слиянии эпического воссоздания бытия с его индивидуальным переживанием акцентирует внимание читателей сам Жуковский в своем предисловии к стихотворению: «Говоря о простой былинке, он (Гебель.—*И. А.*) возбуждает в душе Читателя прекрасные мысли о Провидении. Все оживлено в его картине. Каждое растение имеет своего Ангела; жребий невидимого зародыша также занимает всеобъемлющую любовь Создателя, как и блистательный жребий планеты ⟨...⟩. И тленная былинка неприметно становится эмблемою человеческой жизни» (Труды Общества любителей российской словесности... С. 62—63).

Очень важно, что Жуковский сохраняет в переводе повествование от лица героини (старой крестьянки), когда ее самовыражение происходит в процессе рассказывания. Кроме того, подчеркивается ориентация на слушателя включением в размеренное детальное повествование лирических вставок-обращений, характерных для устной речи. Размеренности рассказа вполне соответствует сохраненный Жуковским гебелевский ритм гекзаметра. Уже в самом этом факте — принципиальная позиция поэта. Перевод появляется в разгар полемики о гекзаметре, возникшей в связи с работой Н. Гнедича над переводом «Илиады» и, шире,— в связи с отказом русской поэзии от французской традиции, на защиту которой встали классики,— в пользу античной и немецкой. В. Кюхельбекер прямо заявлял об этом в 1817 г., видя здесь симптом поворота русской литературы к новой, т. е. к романтической, поэзии (см.: Егунов А. Н. Гомер в русских переводах. М.; Л., 1964. С. 174—178).

И. М. Семенко по поводу «Овсяного киселя» справедливо замечает: «Разговорно-сказовый гекзаметр привлекал Жуковского как одна из возможностей развития в России повествовательного стиля. Ему было важно при этом, что гекзаметрическая форма облагораживала бытовое содержание, придавала своего рода священность, значимость самым обыкновенным факторам жизни» (Семенко. С. 226—227). Сам Жуковский еще в примечании к переводу с восторгом говорил о простоте рассказа, о сочетании ее с высоким и важным содержанием. Проблема соединения поэзии и прозы явилась дополнительным стимулом обращения Жуковского к «Овсяному киселю», написанному гекзаметром, синтетическим метром, где сосуществует ритмическая организация и повествовательная стихия (эпос Жуковского в гекзаметрах С. А. Матяш справедливо назовет «стихотворной прозой» — см.: Матяш С. А. Метрика и строфика В. А. Жуковского // Русское стихосложение XIX века. М., 1979. С. 91). «Овсяный кисель» соединил в себе описательность и мелодичность.

Ничего подобного до сих пор русская идиллия не знала. Может быть, поэтому опыт Жуковского не был оценен по достоинству даже в ближайших к нему литературных кругах. П. А. Вяземский писал о том, что переводами из Гебеля Жуковский роняет себя в общественном мнении (см.: ОА. Т. II. С. 226). А. Ф. Мерзляков даже глумился над переводами Жуковского, предпочитая идиллиям Гебеля идил-

лии г-жи Дезульер (русский перевод их был сделан Мерзляковым еще в 1807 г.). В своей речи в московском Обществе любителей российской словесности в 1818 г. он называет «Овсяный кисель», наряду с «Красным карбункулом» и «Адельстаном», «злоупотреблением поэзии и гекзаметра». Причем, по воспоминаниям М. А. Дмитриева речь была произнесена при большом стечении народа в присутствии Жуковского и получила резонанс (см.: Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 168—169). В кругах «классиков» переводы из Гебеля, и в частности «Овсяный кисель», рассматривались как уродливые порождения «романтической моды». В письмах И. М. Муравьева-Апостола к Каиписту содержатся уже прямые ассоциации: Байрон — З. Вернер — «Карбункул и Овсяная каша» (см.: Громова Т. Н. Литературные взаимоотношения И. М. Муравьева-Апостола и В. В. Каиниста // РЛ. 1974. № 1. С. 113). Однако романтику К. Н. Батюшкову тоже не нравилось, что Жуковский переводит Гебеля (см.: РА. 1884. Кн. 1. С. 236). Но Жуковский работы над Гебелем не прекращал и перепечатывал «Овсяный кисель» из издания в издание, сопровождая его высокой оценкой поэзии Гебеля в целом.

Между тем по поводу идиллии в русской литературе конца 1810 — начала 1820-х гг., как известно, развернулась бурная полемика, в которой участвовали Панаев, упорно переводящий Геснера, Гнедич — здесь достойным изображения объектом признавалось лишь «высокое», бытовая сфера была лишь слегка обозначена, оставался непреодоленным разрыв между формой и содержанием (см.: Вацуро В. Э. Русская идиллия в эпоху романтизма // Русский романтизм. Л., 1978. С. 124—125). По другую сторону находятся идиллии Жуковского и близкого к нему по своим творческим устремлениям А. Дельвига. В них создавался лирический характер, обусловленный определенным типом культуры. Именно идиллии Жуковского и Дельвига оказались близки творческим устремлениям А. С. Пушкина, который высоко ценил переводы Жуковского из Гебеля, в частности «Овсяный кисель», и упрекал критику, не увидевшую в нем достоинств. «Овсяный кисель» был для него примером поэзии, «освобожденной от условных украшений стихотворства» (Пушкин. Т. 11. С. 73). Неслучайно в своей речи, посвященной вступлению в «Арзамас», сохранившейся во фрагментах, Пушкин упоминает Жуковского именно как автора «Овсяного киселя»: «Венец желаниям! Итак, я вижу вас, // О други смелых муз, о дивный Арзамас! // Где славил наш Тиртей кисель и Александра» (Арзамас—2. Кн. 1. С. 438; см. также с. 588).

Следует сказать и о Ф. Н. Глинке, продолжателе или подражателе «Овсяного киселя» Жуковского. Его сказка «Бедность и труд» очевидно ориентирована на это произведение Жуковского самой структурой и даже интонационным строем (Ср., напр.: «Как же в светлице нам быть-то? Опять вы в бирюльки? Аль вечно // Руки поджавши сидеть, а работу под лавку? Нет, дети! Боже спаси вас!..» // СО. 1818. № 3. С. 110). Глинка вслед за Жуковским стремится создать «простонародный русский рассказ в гекзаметрах», по существу идиллию типа гебелевской в переводе Жуковского. При этом, как это было для него обычным, он вводит не свойственные Жуковскому социальные аллегории, что и делало его сказку фактом

литературной политики Союза благоденствия. Как и Жуковский, Глинка не ограничился одной гекзаметрической народной сказкой, за ней последовали и другие.

Примечательным откликом на «Овсяный кисель» была пародия О. Сомова, вышедшая из «самых недр» Вольного общества словесности, наук и художеств, которое поддерживало нанаевскую идиллию. Она была написана в декабре 1820 г. и называлась «Соложеное тесто». Пронизанная парафразами из Жуковского и Глинки, она указывала на то, что именно у этих авторов считалось внеэстетическим. Сомов пародирует принцип детального эпического описания, простонародность. Стремясь подчеркнуть «неприличие» своих «образцов», автор пародии сгущает натурализм описания («Дети! Ко мне все бегом: на столе соложеное тесто! // Полно дурить на дворе да гонять поросят по закутам. // Ну-тка, усядьтесь: да рыла, чур, не марать и ложкой не драться. // Кушайте, светы мои, на здоровье: Христос вас помилуй ...»). Эта пародия намечала литературный водораздел, по одну сторону которого стоит Жуковский и его сторонники, по другую — Панаев со своими последователями.

Ст. 5. *Заскородил...* — Заборонил.

Ст. 29. *Точит облачко дождевое...* — *Точить*: здесь — источать, изливать.

И. Айзикова

«Там небеса и воды ясны!..»

(С. 36)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 26, л. 25) — черновой, без двух последних стихов.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Москвитянин. 1853. Т. 1. № 2. С. 142.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: сентябрь-октябрь 1816 г.

Положение автографа в рукописи после «Весеннего чувства» (начало апреля 1816 г.) и перед датированными строфами из «Вадима» позволяет отнести работу над стихотворением предположительно к сентябрю-октябрю 1816 г. Стихотворение написано в Дерпте (см.: ЖМНП. 1869. Ч. 142. С. 377), где Жуковский был именно в это время. В сентябрьско-октябрьских письмах к А. И. Тургеневу он сообщает: «Начинаю понемногу писать. Что пишу, о том ни слова ⟨...⟩ Поэзия час от часу становится для меня чем-то возвышенным» (ПЖТ. С. 161, 163).

В С 5 (Т. 12 посмертный. С. 115—116) опубликовано под заглавием: «Вольное подражание романсу Шатобриана: Combien j'ai douce souvenance...» Озаглавлено, по всей вероятности, редактором тома Д. Н. Блудовым.

Стихотворение представляет вольную переработку романса французского писателя Франсуа-Рене де Шатобриана (Chateaubriand, 1768—1848) «Как сладко мне воспоминанье...» из его повести «Les aventures du dernier Abencérage» («История последнего из Абенсеражей», 1810). Ср.: Зарубежная поэзия. Т. 2. С. 422—423.

Ц. С. Волье указывает, что романс Лотрека, героя повести, в свою очередь является обработкой одного из известных лирических произведений французско-

го поэта-трубадура XII в. Оверна, к творчеству которого обращались Данте и Петрарка (Стихотворения. Т. 2. С. 525).

К творчеству Шатобриана Жуковский обращался и ранее, в 1804—1810 гг., переводя его прозу в ВЕ и штудируя «Гения христианства» (см.: Дневники. С. 18, 20; БЖ. Т. 3. С. 142; Янушкевич. С. 89—90). О личном знакомстве поэта с Шатобрианом, состоявшемся 7 января 1821 г., см.: Дневники. С. 98. Шатобриан в то время был французским посланником в Берлине, и встречи с ним в 1821 г. были достаточно часты. «Жуковский видит и хвалит Шатобриана»,—писал Карамзин И. И. Дмитриеву 10 марта 1821 г., рассказывая о берлинских впечатлениях поэта (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 304).

Жуковский действительно создал «вольное подражание» романсу Шатобриана. Он не перевел пятую строфу оригинала, снял все обращения к конкретному лицу («ma sœur»—«моя сестра», «ma chère»—«моя дорогая»), заменив их неопределенно-личной формой («Ты помнишь ли...»). Все французские реалии были убраны, и стихотворение обрело колорит русского пейзажа. Не случайно в письме к А. П. Киреевской от 7 ноября 1816 г., приведя весь текст своего перевода, Жуковский добавил: «Я было начал давно стих к *родине*, в подражание Шатобриану...» (РС. 1883. № 9. С. 542).

О связи этого стихотворения с пейзажами родного Мишенского упоминает П. М. Мартынов (ИВ. 1887. Т. 27. № 1—2. С. 111). Очень точно эту же связь выразил А. Н. Веселовский: «Это так задушевно, так веет тоской по родной русской деревне, а между тем и тон, и лирическая форма подслушаны у Шатобриана» (Веселовский. С. 217).

Ст. 6—15. *Ты помнишь ли, как под горою ~ Село?..*—Речь, по-видимому, идет о пейзажах с. Мишенского Белевского уезда Орловской губ., родине Жуковского. Подробнее см.: Афанасьев В. В. «Родного неба милый свет...»: В. А. Жуковский в Туле, Орле и Москве. М., 1980; Милонов Н. А. Тульский край в рисунках В. А. Жуковского. Тула, 1982.

Ст. 8. *Белелся луг вечернею порою...*—В рукописи первоначально было: «*Белелся луг вечернею порою*», затем исправлено на: «*Светился луг вечернею порою*», затем вновь зачеркнуто и исправлено на: «*Белелся луг вечернею порою*».

И. Поплавская

Певец в Кремле

(«Бегите в Кремль! На холме том...»)

(С. 37)

Автографы:

1) РГАЛИ, оп. 1, № 13, л. 19—21, 23—25 об.—черновой, с заглавием: «Певец на Кремле посреди граждан Москвы» и датами: «12—27 декабря».

2) РНБ, оп. 1, № 78, л. 42—прозаический набросок.

3) РНБ, оп. 1, № 26, л. 20—21 об.—беловой (ст. 1—67, 192—243), с двумя зачеркнутыми строфами; л. 22—черновой.

4) ПД. № 27807, л. 7 об.—прозаический набросок, рисунок стиха; л. 24—25 об.— от ст. 412 до конца, беловой, с датой: «1 ноября».

Впервые: Певец в Кремле. СПб.: Медицинская тип., 1816—с примечанием: «Сии стихи написаны в конце 1814 года. Автор представляет *певца русских воинов*, возвратившегося на родину и поющего песнь освобождения на Кремле, среди граждан московских, в виде жертвы, принесенной за отчизну и в тот самый день [25 декабря], когда торжествующая Россия преклоняет с благодарностью колена пред Промыслом, спасшим чрез нее народы Европы и все блага свободы и просвещения» и гравированным С. Галактионовым видом московского Кремля.

В прижизненных изданиях: С 2—5 (С 2—с заглавием «Певец в Кремле» в отделе «Смесь»; С 3—4—отдел «Лирические стихотворения»; С 5—в подборке стихотворений 1814 г. и с заглавием: «Певец в Кремле»).

Датируется: 12 декабря 1814—1 ноября 1816 г.

В письме к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1814 г. из Долбина Жуковский сообщал: «А я теперь принимаюсь за новый подвиг. Певец во Стане, предсказавший победы, должен их воспеть; и где же лучше, как не на Кремлевских развалинах, посреди народа, пришедшего благодарить Творца побед на то же самое место, где Он в первый раз грянул на наших новых Ордынцев. Итак, жди нового Певца; место Кремль; слушатели граждане Москвы; время—день Рождества Христова, день, посвященный торжеству победы единственной. Жди, молчи и верь. План сделан; начало сделано, всё скоро поспеет. Не знаю только, будет ли в твоих руках к 25. А хорошо бы! ⟨...⟩ Только ради Бога не разглашай. Это будет убийством. ⟨...⟩ теперь надобно заняться одним Певцом» (ПЖТ. С. 132).

Жуковский торопился завершить сочинение к Рождеству, на каковой день «было назначено праздновать воспоминание избавления церкви и державы российской от нашествия галлов» (Зейдлиц. С. 67), и к 22 декабря 1814 г. написал около 200 стихов, но все-таки не кончил. П. А. Вяземский вспоминал, как «у Дмитриева, приезжавшего в Москву из Петербурга во время министерства своего, Жуковский читал нам только что написанную поэму свою: „Певец на Кремле“. Карамзин слушал со вниманием, но в средине чтения не вытерпел и сказал: „Вперед, вперед! Вы всё на одном месте кружитесь“» (РА. 1868. Стб. 1836),—и здесь Вяземский явно сбился в датировке событий, поскольку И. И. Дмитриев вышел в отставку 30 августа 1814 г. Вероятно, это происходило в январе 1815 г., и под воздействием карамзинских замечаний Жуковский 1 февраля 1815 г. дал знать А. И. Тургеневу: «„Певца“ я написал почти совсем и дописал бы, когда бы не помешала зубная боль. Но я им не весьма доволен» (ПЖТ. С. 140).

К возобновлению работы над «Певцом...» Жуковский вернулся спустя полтора года по настоянию Д. А. Кавелина и А. И. Тургенева, которые «хотели упрочить положение его» (Зейдлиц. С. 106) и поднести Александру I двухтомник Жуковского и отдельное издание «Певца на Кремле» с приложением приветствия поэта. 21 октября 1816 г. Жуковский отвечал А. И. Тургеневу из Дерпта: «Если *хочешь*, чтоб я кончил *Певца*, то пришли его мне; у меня нет списка; пришли скорее. Я писал к тебе и Вяземскому в Москву о причинах, которые мешали мне кончить эту

пиесу, но моему мнению слабую. Но... когда Государь *должен узнать об ней*, вижу, что кончить ее надобно. Не надеюсь однако на большой успех. Вспомни, что она написана была *в одно время с Посланием* [„Императору Александру".—*Н. С.*], в уединении... Того, что уже написано, я бы теперь написать не мог; но слава Богу, что оно уже написано, с искренним бескорыстным чувством, без всякой другой побудительной причины, кроме удовольствия писать. Что осталось, то одно *общее*. Мне было бы тяжело думать, что такая пиеса написана для каких-нибудь личных видов ⟨...⟩. Присылай—я кончу! ⟨...⟩ нельзя ли попросить Алексея Николаевича Оленина сделать виньету для *Певца?* Вот мысль: Всевидящее око в небесах; лучи его ударили на землю, и тучи разлетелись, и полшара в сиянии; в удаляющихся тучах гаснут молнии» (ПЖТ. С. 163—164). 31 октября 1816 г. Жуковский писал ему же: «Постараюсь *Певца* кончить и конец сделать получше. Не знаю, удастся ли. ⟨...⟩ Третий том должен состоять из *новых* пиес. Но из этого выключается *Певец II*...» (Там же. С. 166). Последние строфы помечены 1 ноября 1816 г.

Третий том С 1 Жуковский не составил, но изначальное исключение из его состава «Певца на Кремле» само по себе любопытно: видимо, неудовлетворенность сделанным была достаточно велика, хотя по письму к А. И. Тургеневу от 6 ноября 1816 г. можно судить иначе: «Посылаю тебе „Певца", милой друг, и благодарю за то, что ты принудил меня его кончить. Сам бы я этого не вздумал. У меня была в душе большая против него антипатия; но он не заслужил сего проклятия. Он достойный брат своего тезки. Я многое выбросил, от этого всё сделалось сильнее. В первом „Певце" более драматического; в последнем более единства, и одна высокая мысль в нем царствует. Но оставим этот разбор критикусам. Я послал к Кавелину несколько денег на напечатание. Их не будет достаточно. Чего не достанет, додай, если можешь, из своего кармана; если твой пуст, загляни к Блудову или Жихареву. После сочтемся. Но печатание и все заботы о распродаже „Певца" предоставь Кавелину. ⟨...⟩ О печатании, корректуре и прочем пиши к Кавелину. Прилагаю здесь другой экземпляр для графа Румянцова: я обещал ему доставлять стихи свои; особенно ж „Певца" должен он иметь первый. ⟨...⟩ Думаю, что получить „Певца" будет ему приятно. Не надобно ли прислать и к Нелединскому для Государыни? Ведь она и первому „Певцу" была восприемницею! ⟨...⟩ Титулом я недоволен; подумай об нем с Блудовым и посоветуйся с Николаем Михайловичем» (Там же. С. 168). Немного погодя Жуковский вспомнил критику Карамзина и обратил внимание Тургенева на ст. 165, который так и не смог исправить: «*Вдохновенный светильник* не нравится моему почтенному учителю. Привыкши к слепой ему покорности, я рад бы переменить это выражение, но, право, не умею. По крайней мере теперь ничего не могу придумать. Печатайте. Пусть Кавелин пришлет мне корректуру (чего прошу умиленно). В корректуре авось поправлю. Присылайте только скорее. Непременно надобно выставить, что пиеса писана в конце 1814. Будет ли виниета?» (РС. 1901. № 4. С. 133). И чуть позже ему же: «Что корректура *Певца*? Будет ли прислана?» (Там же. С. 134).

Предполагаемое Жуковским изображение Всевидящего ока, выделяющее религиозную идею «Певца...», воплотить не удалось, и на заглавном листе появился

вид Кремля, гравированный С. Ф. Галактионовым. Судя по пометам в рукописи (см. ниже), значимой для Жуковского идее Провидения и иным характерным акцентам, уведомление-примечание для отдельного издания написано им самим.

Заглавие менялось по мере создания произведения и его публикации. В дневниковой записи после 1814 г. значится: «Вост.⟨очный⟩ Пев.⟨ец⟩» (Дневники. С. 49); в росписи сочинений отмечена «Песнь на торжество» (РНБ, оп. 1, № 77, л. 25); в рукописи, хранившейся у пансионского однокашника И. Ф. Золотарева: «Певец на Кремле. В день Рождества Спасителя и воспоминания о спасении России» (РА. 1867. Стб. 802). В С 3 возникло каноническое заглавие: «Певец в Кремле».

П. А. Плетнев в статье «О жизни и сочинениях В. А. Жуковского» вспоминал свое восприятие «Певца...» как «радостный трепет» (Переписка. Т. 3. С. 110). Иное мнение сложилось у К. К. Зейдлица: «Как ни благозвучны стихи „Певца в Кремле“ и как ни разнообразны соответствующие обстоятельствам мысли и картины, но, читая эти стихи, чувствуешь в них что-то искусственное и некоторый недостаток сердечной искренности. Песнь певца в Кремле течет медленно, как широкий поток лавы, который светится пурпуровым блеском лишь впотьмах. ⟨...⟩ Последняя строфа, которая должна была бы греметь, как раскат грома, похожа на лирическую мечту, напоминающую *тоску по милой*» (Зейдлиц. С. 67—68). Появилась даже эпиграмма на «Певца...», приписываемая Н. М. Шатрову:

В стане русских певец —
Удалой молодец,
Хоть и много он пьет,
А ни слова не врет.
Но в Кремле наш певец —
Что болтливый скворец,
Хоть ни капли не пьет,
А что слово, то врет.

(Русская эпиграмма: XVIII — начало XX века. Л., 1988. С. 138, № 385).

Ст. 8. *Орел наш двоеглавый...* — Византийский герб с двуглавым орлом был введен Иваном III в 1497 г. после женитьбы на царевне Софии Палеолог как знак правопреемства Руси с Ромейской империей.

Ст. 19—28. *Смотрите: на его стенах ~ Убийцей осквернённый...* — При отступлении из Москвы Наполеон велел уничтожить Кремль: 10 октября 1812 г. загорелась Грановитая палата («древний дом Царей» — конец XV в.), а в ночь на 11-е были взорваны в некоторых местах стены и башни Кремля (застройка конца XV в.), а также звонница (начало XVI в.) и Филаретова пристройка (начало XVII в.) колокольни «Ивана Великого», взорвана и сгорела часть Арсенала (начало XVIII в.).

Ст. 29. *Но ты, Царя венчавший храм...* — Успенский собор (конец XV в.), где Александр I венчался на царство 15 сентября 1801 г.

Ст. 33—37. *И ты, Царей минувших прах ~ Над тихой сению твоей...* — В Архангельском соборе (начало XVI в.), выстроенном на месте прежней церкви архи-

стратига Михаила, находится захоронение царей, удельных и великих князей с 1303 по 1730 гг. При попытке французов взорвать собор пострадали звонница и пристройка (см. примеч. к ст. 19—28).

Ст. 38. *О, наш Сион священный...* — Кремлевский холм уподоблен Жуковским Сионскому, одному из холмов, на которых построен Иерусалим, традиционно воспринимаемому как святыня.

Ст. 44. *С хвалою первой к Богу сил...* — Под *силами* здесь, вероятно, понимается не только мощь как таковая, но и высшие сущности, упоминаемые в Новом Завете наряду с началами, господствами и властями (см.: 1 Петр 3: 22; Рим 8: 38; Еф 1: 21).

Ст. 52—54. *Он в дым Москвы Себя облек ~ Как пред Израилем, потек...* — Жуковский сравнивает освобождение России от французского нашествия со спасением израильтян из египетского плена (см. ст. 59), когда «Господь же шел пред ними днем в столпе облачном, показывая им путь, а ночью в столпе огненном, светя им» (Исх 13: 21) и, облеченный в огонь и дым, появился на горе Синай (Исх 19: 18), а после помог евреям расправиться с врагами.

Ст. 65—66. *...Богу в вышних слава! // Живущим радость! мир земле!* — Лк 2: 14.

Ст. 92—95. *Вели, да восшумят моря ~ Восцарствуй над водами...* — Параллель английскому гимну «Правь, Британия, морями».

Ст. 117. *Прими в Твою десную...* — Т. е. под охрану (буквально: в правую руку).

Ст. 132—135. *За первенство среди Царей ~ И миротворной дланью...* — Имеется в виду главенствующая роль Александра I на Венском конгрессе (сентябрь 1814 — июнь 1815), где русский император взял на себя миссию миротворца.

Ст. 184—185. *Москва, они твоим стенам // Рекли: «оденьтесь в пламень...»* — Ко времени написания этих стихов стала наиболее популярной версия, что московский пожар, случившийся при вступлении французских войск 2—9 сентября 1812 г., был вызван поджогами, которые учиняли сами москвичи (см. ст. 331: «Сей град, за честь сожженный...»). 2 сентября главнокомандующий М. И. Кутузов и генерал-губернатор Москвы Ф. В. Ростопчин действительно приказали поджечь обозы, не успевающие уйти из города.

Ст. 186. *Взлетите гибелью врагам...* — Подчеркивая в том же контексте, что взорванные стены пали на головы захватчиков, Жуковский вступает в противоречие с фактами: русские, в отличие от французов, ничего не взрывали. См. примеч. к ст. 19—28.

Ст. 207. *Парижу мзда: спасенье...* — Русские войска вошли в Париж 19 марта 1814 г.

Ст. 226. *Святое титло верных чад...* — *Титло* — здесь: знак.

Ст. 235. После этого стиха в рукописи зачеркнуто:

Придите ж с бодрственным челом,
Сложив с себя перуны,
Пред тем склонитесь алтарем,
Пред коим Царь наш юный,
Приняв державу и венец,
Одетый в багряницу,

С обетом быть Царем сердец
Воздел горе десницу.
Облобызайте сей алтарь!
Он нам благотворитель!
Им дан России добрый Царь,
Им дан земле хранитель!

Се праотцы над ним парят,
Светила полуночи!
Утехой вечною горят
Их к вам склонены очи!
И он, сей вождь, который был
Меж вами столь недавно,
Ужасный бог для вражьих сил —
Своей дружине славной
Из света руку подает!

При коронации Александр I дал обет в том, что «счастие вверенного нам народа должно быть единым предметом всех мыслей наших и желаний» (Манифест от 15 сентября 1801 г.). «*Вождь*» — т. е. М. И. Кутузов (см. ниже).

Ст. 257. *О старце, о великом!..* — Имеется в виду Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов (1745—1813), светлейший князь Смоленский, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий.

Ст. 260—264. *Во храме, об руку Царя ~ Обет спасенья ты изрек...* — 11 августа 1812 г., перед отъездом в действующие войска, М. И. Кутузов молился в Казанском соборе Санкт-Петербурга. Александр I при этом не присутствовал.

Ст. 285—287. *Ему рука судьбины ~ Постлала одр кончины...* — М. И. Кутузов умер в заграничном походе в г. Бунцлау 16 (28) апреля 1813 г. Военных действий в это время не было.

Ст. 293. *Да при твоей гробнице...* — Прах М. И. Кутузова находится в Казанском соборе Санкт-Петербурга.

Ст. 294. *Архистратиг, соратник твой...* — Архистратиг (*греч.*) — военачальник. Имеется в виду вождь небесного воинства архангел Михаил, коему М. И. Кутузов был тезоименит.

Ст. 330. *Сей гимнами гремящий храм...* — Молебны проводились во всех кремлевских церквах, но Жуковский, вероятно, имеет в виду Успенский собор, предназначавшийся для особых торжеств.

Ст. 352. *Гремит ее призывный щит...* — Образ восходит к античности, когда войско в знак одобрения ударяло рукоятями мечей о щиты.

Ст. 355. *...скалы Рифея...* — Горы Рифея — латинское название Урала.

Ст. 363—367. *И селянин смиренный ~ Возносят, Вседержитель!..* — Стихи соотносятся с изображением на памятной медали, где даны возносящие молитву офицер, священник, ополченец, крестьянин и значится надпись: «Мы все в одну сольемся душу. За Веру, Царя и Отечество. 1812».

Ст. 388. *К зерцалу — совесть и закон...* — Зерцало — здесь: эмблема законности в виде увенчанной гербом треугольной призмы с наклеенными на ее стороны указами Петра I — обычный атрибут судебных и государственных учреждений императорской России.

Ст. 435. *«Умеренность, покорность!»* — В одной из публикаций писем Жуковского сообщается: «У И. Ф. Золотарева подлинная рукопись этих стихов. На обороте заглавного листа Жуковский обозначил: „Стихи сии написаны в конце 1814. В заключении некоторые мысли заимствованы из Иоганна Миллера“» (РА. 1867. Стб. 802). Речь идет именно об этих словах швейцарского историка. Жуковский неоднократно цитировал их в письмах и статьях. Так, уже в конце своей жизни он пишет: «Иоганн Миллер, заключив свою Всеобщую историю словами: *умеренность, порядок*, дал в них урок на все времена царям и народам» (статья «Самоотвержение власти» // ПСС. Т. 10. С. 136). Подробнее см.: Веселовский. С. 374—375.

Ст. 446. *Трон власти, обратись в алтарь!..* — Согласно акту Священного союза, составленному Александром I, монархи должны были руководствоваться евангельскими заповедями.

Н. Серебренников

Сон

(«Заснув на холме луговом...»)

(С. 51)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, № 27, л. 1) — беловой, с датой: «1816».

Впервые: Полярная звезда на 1823 г. СПб., 1822. С. 287 — с подписью: «Жуковский», без разбивки на строфы и разночтением в ст. 3: «дивным сном» и ст. 9: «За рощей скоро скрылся он...»

В прижизненных изданиях: С 3—5 (в С 3 — с подзаголовком: «Сочинение Уланда»; в С 4 подзаголовок отсутствует; в отделе «Романсы и песни»). В С 5 (Т. 2. С. 231) — с подзаголовком: «Из Уланда», в подборке стихотворений 1816 г.

Датируется: 1816 г.

Перевод стихотворения немецкого поэта-романтика Иоганна Людвига Уланда (Uhland, 1787—1862) «Sängers Vorüberziehn» («Видение певца») с небольшими отступлениями от оригинала.

«Сон» — один из первых переводов Жуковского из Уланда, сделанный вскоре после выхода первого сборника стихотворений Уланда (1815).

Будучи верным в передаче содержания и общего настроения, перевод имеет иной мелодический строй, что обусловлено изменением размера (3-стопный ямб оригинала заменен в переводе на разностопный с чередованием 4343) и характера рифмовки (в оригинале — ЖМ, в переводе — МЖ), что провоцирует слитность прочтения соседствующих строк и делает более плавным ритм всего стихотворения.

Положено на музыку А. Рубинштейном.

Н. Реморова

Песня бедняка

(«Куда мне голову склонить?..»)

(С. 51)

Автограф (Кульман. С. 1037, № 34) — беловой.

Впервые: Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 10. № 6. С. 301—302 — с подписью: «В. Ж.»

В прижизненных изданиях: С 3—5 (в С 3 с подзаголовком: «Сочинение Уланда»; в С 4 — с заголовком: «Песня», подзаголовка не имеет; в отделе «Романсы и песни»). В С 5 (Т. 2. С. 232—233) — с подзаголовком: «Из Уланда», в подборке стихотворений 1816 г.

Датируется: 1816 г.

Перевод одноименного стихотворения немецкого поэта Людвига Уланда «Lied eines Armen», впервые опубликованного им в сборнике «Стихотворения» (1815).

В переводе сохранены ключевые мотивы и образы, строфика, размер и характер рифмовки оригинала. В то же время, как уже было отмечено комментаторами, Жуковский последовательно заменяет имеющиеся в немецком тексте понятия лютеранской протестантской обрядности на православные. Так, в оригинале ст. 21—24 читаются: «Noch steigt in jedem Dörflein ja // Dein heilig Haus empor; // Die Orgel und der Chorgesang // Ertönet jedem Ohr» («Еще в каждом селе непременно возвышается // Твой святой дом; // Орган и хоровое пение // Раздаются в каждом ухе»). Жуковский передает это следующим образом: «В селенье каждом есть свой храм // С сияющим крестом, // С молитвой сладкой и с твоим // Доступным алтарем». Аналогично в ст. 28 вместо «Abendglocke» («вечернего колокольного звона») у Жуковского — «благовест».

Н. Реморова

Счастие во сне

(«Дорогой шла девица...»)

(С. 52)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, № 27, л. 1) — беловой.

Впервые: Полярная звезда на 1823 год. СПб., 1822. С. 266 — с подписью: «Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 3—5 (С 3—4 — отдел «Романсы и песни»; в С 3 — с подзаголовком: «Сочинение Уланда», в С 4 — без подзаголовка). В С 5 (Т. 2. С. 234) — с подзаголовком: «Из Уланда», в подборке стихотворений 1816 г.

Датируется: 1816 г.

Вольный перевод стихотворения немецкого поэта Людвига Уланда «Der Traum», что может быть в равной мере переведено, как «Сон», «Мечта» или «Грёза». Все три значения по отношению к содержанию оригинала равноправны и предполагают рассказ о чем-то воображаемом, быть может, желанном, но нереальном, пока не названном, о как бы интригующей читателя тайне.

Жуковский в переводе изменил заглавие, сделав слово «сон» равнозначным немецкому «der Traum», лишь обстоятельством действия к понятию «счастие», отсутствующему в оригинале. Это изменение вполне отвечало жизненной философии русского поэта данного периода, его концепции «сна-утешителя» (см. примеч. к стих. «Сон — утешитель! Пусть образу смерти твой образ подобен...»).

При формальной близости в передаче сюжета, сохранении объема и строфического членения в переводе значительно ослаблен контраст, составляющий основу композиции стихотворения Уланда, контраст между мечтой двух влюбленных и жестокой реальностью их бытия.

У Уланда этот контраст создается посредством множества деталей и поэтических приемов. Так, представшее героям видение подается как прекрасная, исполненная жизненных красок, чувственная картина прошлого: влюбленные «в прекрасном саду бродили» («im schönsten Garten wallten») «рука об руку» («Hand in Hand»). В переводе иная, более отвлеченная и архаизированная лексика, другие образы и тон повествования. Из него исчезла принципиально важная для Уланда тема цветущей природы и прекрасного сада и земной любви.

Вместо них появился столь важный для Жуковского мотив дороги как жизненного пути. Тема превратностей судьбы определяет весь образный строй перевода Жуковского. «Минутное веселье!» — этот стих, открывающий заключительную строфу и отсутствующий у Уланда, является камертоном всего произведения Жуковского.

Третья строфа стихотворения Уланда — изображение реальной судьбы любящих. Они разлучены. Она — монахиня, он — брошен в подземелье башни. Но мечты о прошлом соединяют их и сейчас. Кстати, в стихотворении Уланда нет ни одного слова, позволяющего считать это воспоминание сном. Глагол «проснуться», повторенный дважды: «Она проснулась в *келье*; // В *тюрьме* проснулся он», графическое выделение слов, выражающих идею превратностей судьбы, не только были «запрограммированы» заглавием, которое Жуковский дал переводу, но и выразили его состояние разлуки с Машей Протасовой.

Н. Реморова

Явление богов

(«Знайте, с Олимпа...»)

(С. 53)

Автограф неизвестен.

Впервые: Славянин. 1827. Ч. 3. № 33. С. 268—269.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 1816 г.

Достаточно верный перевод стихотворения Ф. Шиллера «Der Besuch» («Посещение»), написанного в 1796 г. и опубликованного под этим названием в «Musenalmanach für das Jahr 1797». Заглавие «Dithyrambe» появилось у стихотворения

при публикации его в первой части «Стихотворений» Шиллера (1800). О том, что Жуковский работал по тексту альманаха, говорит не только заглавие его перевода, но и организация текста: членение стихотворных строк и строфика.

«Der Besuch» — 29-строчное полиметрическое стихотворение с использованием двух- и четырехстопных дактилических и амфибрахических строк с вариацией их чередования внутри строфы. При переводе Жуковский в основном воспроизводит ритмическую схему шиллеровского стихотворения, однако у Жуковского графически обособлены и превращены в самостоятельные строфы все двух- и четырехстопные строки, а ст. 9 второй строфы (у Шиллера четырехстопная) приведен в соответствие с 1-й и 3-й строфами,— превращен в двустишие. В стихотворении стало 30 строк.

«Явление богов» — одно из немногих переведенных Жуковским произведений Шиллера-лирика. Антифеодальная направленность и ораторский пафос штюрмерских произведений немецкого поэта, как и публицистичность большинства поздних его стихотворений, не импонировали меланхоличной лире русского поэта. Судя по всему, Жуковского в данном стихотворении особенно привлекли заключительные строки, в которых Шиллер определяет вдохновение не как «бурный восторг» а как душевное спокойствие и высшее прозрение. Не случайно именно этим строкам Жуковский, прибегая к некоторой архаизации лексики, придает возвышенный тон, не свойственный основному тексту стихотворения: «Спокоилось сердце, // Провидели очи».

Поэт переводит стихотворение (вопреки оригиналу) белым стихом, что в большей степени соответствует его антологическому содержанию. Тем не менее, конечный результат, видимо, не удовлетворил переводчика. В «Явлении богов» явно слышались перешедшие из оригинала интонации героя-штюрмера, желавшего стать «одним из богов», свободно беседовать с жителями Олимпа. Вероятно, эта неудовлетворенность и стала причиной того, что стихотворения не было включено ни в одно из прижизненных собраний сочинений.

Н. Реморова

В альбом княжны М. А. Щербатовой

(«О *грустном* написать я должен в твой альбом...»)

(С. 54)

Автограф неизвестен.

Впервые: Москвитянин. 1852. Т. 24. С. 21.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: конец 1816 г.

В примечании к первой публикации стихотворения сообщается: «Мария Андреевна Поликарпова была в то время, когда эти стихи были к ней написаны (около 1817 г.) еще княжной Щербатовой и, будучи фрейлиной при покойной императрице Марии Федоровне, имела часто случай видаться с Жуковским» (Москви-

тянин. 1852. Т. 24. С. 21). Скорее всего, стихотворный экспромт Жуковского относится ко второй половине декабря (после 16-го), когда он возвратился из Дерпта в Петербург, а княжна Щербатова еще не вышла замуж. В 1817 г. у нее родился сын Евгений (см.: Черейский. С. 340), поэтому альбомное стихотворение можно рассматривать как своеобразное прощание Жуковского с Щербатовой перед ее замужеством: «О *грустном* написать я должен в твой альбом...»

М. А. Щербатова была родной сестрой жены Д. Н. Блудова Анны Андреевны (урожд. княжны Щербатовой), в доме которой жила до замужества. О знакомстве с ней именно в этом доме рассказывает Жуковский в дневниковой записи от 4 мая 1815 г.: «Рано поутру послал за Блудовым ⟨...⟩. Обедал у него. Жена его милая женщина; даже и лицом приятная; на этом лице написан тихой и нежный характер с умом тонким. Мне нравится ее простота. Она милее и даже приятнее своей сестры, которая по своей молодости имела бы право на преимущество quant à l'extérieur» (относительно внешности.—*фр.*; Гофман. С. 134). Вероятно, последующие встречи с ней изменили отношение Жуковского к фрейлине, о чем свидетельствует, быть может, и фамильярно-ритуальное обращение: «в *твой* альбом», «при мысли о *тебе*», «*твой* поэт».

Судя по воспоминаниям, М. А. Поликарпова была светской придворной дамой с весьма своеобразным темпераментом, что, возможно, выразилось и в альбомном заказе «написать о грустном». Так, ее племянница А. Д. Блудова вспоминает: «Моя тетушка ⟨...⟩ помнится мне красавицей, нарядною и гораздо важнее с виду, нежели матушка» (Блудова А. Д. Воспоминания и записки. СПб., 1871. С. 25), а Ф. Ф. Вигель дает характерную зарисовку ее реакции на происходящее: «⟨...⟩ она была нрава веселого, но совсем не живого; столько флегма ни в ком не случалось мне находить. Один вечер (это было 6 марта ⟨1815⟩) провели мы очень весело у старшей сестры ее. Она довольно поздно возвратилась из дворца от императрицы; входя, очень равнодушно она сказала нам: „Слышали ли вы, что Наполеон бежал с острова Эльбы?“ Мы с изумлением посмотрели друг на друга. „Успокойтесь,—продолжала она,—не знали, куда он девался, и были в тревоге, но получили хорошее известие: он вышел на берег неподалеку от Фрежюса“.—„Ну, правда,—невольно усмехаясь сказал Блудов,—добрые вести привезли вы нам!“» (Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1928. Т. 2. С. 48).

Надпись в альбом княжны М. А. Щербатовой, являясь, очевидно, типичным тематическим «заказом»—«о грустном написать я должен в твой альбом», тем не менее, и выполняет основную задачу альбомной миниатюры (point)—мадригальную замену грустного на веселое, ибо радость вызвана прекрасным обликом хозяйки салона и в то же время воплощает основной лейтмотив лирики Жуковского конца 1810-х—начала 1820-х гг.—эстетизация земной жизни при помощи земной красоты и преобразующей силы поэтического творчества.

Н. Вётшева

⟨К Карлу Петерсену⟩
(«Я предсказатель! Радость за горем пришла! Заменило...»)
(С. 54)

Автограф (ПД. № 27807, л. 31) — черновой.
При жизни Жуковского не печаталось.
Впервые: Петухов. С. 74 — в примечании.
Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.
Датируется: начало декабря 1816 г.

Впервые опубликовавший это гекзаметрическое четверостишие Е. В. Петухов дал к нему следующий комментарий: «К этому именно Петерсену [„библиотекарь, местный поэт К. Ф. Петерсен"] и обращено было следующее четверостишие, написанное по поводу рождения у Петерсена сына и незадолго случившейся перед тем смерти другого его сына ⟨...⟩. Это четверостишие, до сих нор, сколько нам известно, не помещенное в собрании сочинений Жуковского, сообщено было Петерсеном своему другу пастору Вениамину Бергману, в письме от 10 декабря 1816 года: Eines Dichters Kind. Aus dem Briefwechsel Karl Petersens mit zweien Freunden, в „Baltische Monatsschrift", B. XXXVI. 1889, стр. 149» (Петухов. С. 73—74, примеч. 2).

История дружеских отношений Жуковского с известным своими сатирами дерптским университетским библиотекарем, секретарем цензурного комитета и учителем немецкого языка Карлом Петерсеном (1775—1822/1823: умер в ночь на 1 января 1823 г.) подробно воссоздана М. Г. Салупере в статье «Забытые друзья Жуковского» (Ж. и русская культура. С. 444—446). Как замечает автор статьи, говоря о «четырех гекзаметрах Жуковского на рождение сына Петерсена», поэт крестил его и «отечески заботился после смерти отца» (Там же. С. 445). Внезапная смерть самого Карла Петерсена, о которой сообщила Жуковскому М. А. Мойер, вызвала следующую его реакцию: «Милый друг Маша, на что мне изъяснить словами то чувство, которое произвело во мне твое ужасное письмо. Какой страшный конец прекрасной жизни ⟨...⟩. В то время, когда мы ⟨...⟩ были довольны всем, встречая Новый год, этот добрый, прекрасный милый Карл метался на смертной своей постели ⟨...⟩. Но я уверен, что он тогда вспомнил и о нас и обо мне! ⟨...⟩ Пока буду жив, сын Карлов будет иметь во мне и помощника и друга» (Соловьев. Т. 2. С. 96). М. Г. Салупере приводит многочисленные примеры материальной помощи Жуковского своему крестнику Фреймунду Петерсену (Ж. и русская культура. С. 446).

С точки зрения эстетической данное четверостишие интересно как один из первых опытов «бытового» использования гекзаметра.

А. Янушкевич

Три путника
(«В свой край возвратяся из дальней земли...»)
(С. 54)

Автографы:
1) ПД. № 2806, л. 1 — черновой, без заглавия.
2) Кульман. С. 1087. № 31 — беловой.

Впервые: Соревнователь просвещения и благотворения. 1820. Ч. 10. № 5. С. 166—167 — с заглавием: «Три путника» и подписью: «В. Ж.»

В прижизненных изданиях: С 3—5 (С 3—4 — отдел «Смесь»; в С 3 — с указанием на источник перевода: «Из Уланда»). В С 5 — в подборке стихотворений 1821 г.; в «Общем оглавлении» отнесено в отдел «Смесь» и датировано 1822 г. (Матяш. С. 154).

Датируется: 1816 г.

Перевод стихотворения Людвига Уланда «Der Wirtin Töchterlein» («Хозяйкина дочка»), опубликованный Жуковским под заглавием «Три путника», традиционно датируется началом 1820 г. по времени первой публикации. Варианты датировки: 1821, 1822 и 1823 г. продиктованы соответствующими датировками С 5, «Общего оглавления» и вторичной публикации в «Полярной звезде на 1823 год».

Однако ряд фактов свидетельствует о том, что стихотворение было написано раньше. Во-первых, его черновой автограф записан на обороте листа с текстом чернового автографа баллады «Гаральд», переведенной Жуковским из Уланда в 1816 г. Во-вторых, в альбоме гр. С. А. Самойловой тексты трех переводов из Уланда — «Три путника», «Гаральд» и «Три песни» — записаны подряд, причем два из этих текстов («Гаральд» и «Три песни») — это переводы 1816 г. (см.: Кульман. С. 1087. № 31—33). Наконец, в-третьих, и опубликованы эти три перевода из Уланда подряд в трех номерах «Соревнователя просвещения и благотворения» за 1820 г. (Ч. 9, № 3 — «Гаральд»; Ч. 10, № 4 — «Три песни»; Ч. 10, № 5 — «Три путника»). Все это позволяет датировать перевод стихотворения Уланда «Der Wirtin Töchterlein» 1816-м г.

Перевод Жуковского довольно близок к тексту оригинала за исключением первых четырех двустиший, где Жуковский снял немецкие реалии («drei Bursche» — три студента; Rhein — Рейн) и, напротив, ввел в свой перевод русские детали быта: «В светлице свеча пред иконой горит...» Подробнее см.: Лотман Ю. М. В. А. Жуковский. «Три путника» // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 778—783.

Ст. 1. *В свой край возвратяся из дальней земли...* — В автографе № 2 из альбома гр. С. А. Самойловой: «В свой край *воротяся* из дальней земли» (Кульман. С. 1133).

Ст. 7—8. *В светлице свеча пред иконой горит: // В светлице красавица в гробе лежит...* — В автографе № 2 вместо «*светлица*» оба раза «*светёлка*» (Там же).

Ст. 14. *И горько заплакал, и взор опустил...* — В автографе из альбома гр. С. А. Самойловой: «*взор отвратил*» (Там же).

О. Лебедева

1817

Голос с того света

(«Не узнавай, куда я путь склонила...»)

(С. 56)

Автограф (ПД. № 27807, л. 32) — черновой, без заглавия и даты.

Впервые: FWДН. 1818. № 3. С. 30—31 — с заглавием: «Юлия. Голос с того света» и указанием в скобках после заглавия: (Музыка: Wo ich sei und wo mich hingewendet).

В прижизненных изданиях: С 3—5 — с заглавием: «Голос с того света» (С 3—4 — отдел: «Романсы и песни»; С 5 — в подборке стихотворений 1815 г.).

Датируется: между 14 и 16 марта 1817 г.

Стихотворение «Голос с того света» традиционно считалось переводом стихотворения Ф. Шиллера «Thekla. Ein Geisterstimme» («Текла. Голос духа»), тематически связанного с романсом Теклы из трагедии Шиллера «Пикколомини» (две строфы этого романса Шиллера «Des Mädchens Klage» Жуковский перевел в 1807 г. под заглавием «Тоска по милом» — см. примеч. в т. 1 наст. изд.).

Источником этого мнения, общего для всех комментаторов (П. А. Ефремов, Ц. С. Вольпе, В. П. Петушков, И. М. Семенко и др.), без сомнения, явился первый стих шиллеровского стихотворения «Thekla. Ein Geisterstimme», вынесенный в подзаголовок первой публикации «Голоса с того света» Жуковского (см.: FWДН. № 3. С. 30). Хильдегард Эйхштедт тоже анализирует «Голос с того света» как слишком вольный перевод из Шиллера, трансформирующий оригинал (Eichstädt. S. 68—70).

Однако, как было установлено М. Г. Салупере, стихотворение является оригинальным (шиллеровские мотивы варьируются только в первой строфе текста Жуковского) и посвящено конкретному событию: смерти Юлии фон Бок (урожд. Берг, 1796—1817), бывшей замужем за Карлом фон Боком, младшим братом Тимофея фон Бока, дерптского друга и адресата посланий Жуковского (см. примеч. к посланиям «Т. Е. Боку»). Она скончалась 14 марта 1817 г., а на ее похоронах, 16 марта, было прочитано стихотворение Жуковского «Голос с того света» (подробнее см.: ПМиЖ. Вып. 19. Томск, 1997. С. 66—69).

Отсюда — уточненная датировка стихотворения, до сих пор относимого комментаторами к 1815 г. по указанию в С 5. Оригинальный характер текста Жуковского доказывают и такие факторы, как отсутствие параллельного текста подлинника в FWДН («Голос с того света» — единственное стихотворение без параллельного текста в первых трех выпусках этого сборника), принципиальное несовпадение метра (5-стопный хорей у Шиллера и 5-стопный ямб у Жуковского) и, наконец, тот факт, что в архиве Бергов сохранился перевод стихотворения «Голос с того света» Жуковского на немецкий язык (Там же. С. 68, 81).

Собственно, единственный шиллеровский мотив в стихотворении «Голос с того света» — это ст. 3—4: «О друг, я всё земное совершила, // Я на земле любила и

жила». В подлинных текстах романса Теклы («Des Mädchens Klage») и «Thekla. Ein Geisterstimme» это — реминисцентные мотивы, связывающие трагедию и лирическое стихотворение. Ср.:

Des Mädchens Klage	*Thekla. Ein Geisterstimme*
Ich habe genossen das irdische Glück, Ich habe gelebt und geliebet.	Hab' ich nicht beschlossen und geendet, Hab' ich nicht geliebet und gelebt?
Я насладилась земным счастьем, Я жила и любила.	Разве я не свершила и не закончила, Разве я не любила и не жила?

Стихотворение «Голос с того света» положено на музыку А. Вейраухом и М. И. Глинкой.

О. Лебедева

• АРЗАМАССКИЕ ПРОТОКОЛЫ •

Четыре гекзаметрических протокола Жуковского и примыкающая к ним «Речь в заседании Арзамаса», написанные между июнем и концом 1817 г., относятся к завершающей стадии существования литературного общества «Арзамас» и характеризуются несколькими разнонаправленными тенденциями. Приходит конец «разрушительному» началу: со смертью Г. Р. Державина перестала существовать «Беседа любителей русского слова», объект литературной полемики «Арзамаса». Возникает потребность в «созидательной» самореализации, воплотившейся в расширении круга арзамасцев за счет радикально настроенных Н. И. Тургенева, М. Ф. Орлова, Н. М. Муравьева и предлагаемой ими реорганизации общества.

Важнейшей темой обсуждения становятся проекты журналов (Блудова, Жуковского, Орлова) и создание «законов». См.: Арзамас—2. Кн. 1. С. 461—464 (3 проекта журнала); С. 445—458 («Законы Арзамасского общества безвестных людей»). Несмотря на создание проекта журналов и написание законов «Арзамаса», в 1818 г. его существование прекращается, так как ряд ведущих арзамасцев получают назначение на службу за пределы России и оказываются «рассеянными по лику земному». Но более глубокую причину называет сам Жуковский, неизменный секретарь и летописец «Арзамаса», имевший прозвище «Светлана»: «Мы разучились смеяться», а в 1846 г. он подтверждает свое мнение: «Буффонада явилась причиной рождения Арзамаса ⟨...⟩. Мы объединились, чтобы хохотать во всё горло, как сумасшедшие ⟨...⟩. До тех пор пока мы оставались только буффонами, наше общество оставалось деятельным и полным жизни; как только было принято решение стать серьезным, оно умерло внезапной смертью» (письмо В. А. Жуков-

ского канцлеру И. фон Мюллеру. 12 мая 1846 г. // Новый сборник по славяноведению. СПб., 1905. С. 343. Подлинник по-французски).

Гекзаметрические протоколы Жуковского-Светланы, являясь отчасти «переводом» прозаических речей арзамасцев («Вступительной речи М. Ф. Орлова», «Сонного мнения члена Эоловой Арфы»; ср.: Арзамас—2. Кн. 1. С. 405—408, 416—420), в то же время становятся воплощением новых этико-эстетических и художественных принципов.

Во-первых, с ними связано создание «арзамасского наречия», образующего своеобразный шутливый мифологический универсум с устойчивой и одновременно гибкой картиной мира, своими героями, метаморфозами и конфликтами, в центре которого — борьба «Беседы» и «Арзамаса», старого и нового, мертвого и живого (подробнее см.: Краснокутский В. С. О своеобразии арзамасского наречия // Замысел, труд, воплощение... М., 1977. С. 20—42).

Во-вторых, гекзаметрические протоколы Жуковского берут на себя отчасти функции посредников между «серьезным творчеством» (чтение «Овсяного киселя» и «Красного карбункула» на 16-м ординарном заседании 24 декабря 1816 г.) и проблемой гекзаметра, его возможностей, дальнейшим использованием этого размера (полемика о гекзаметре). В этом смысле арзамасские гекзаметры Жуковского становятся лабораторией стиля, сочетая вариативность и универсальность, серьезное и шутливое, высокое и низкое, размывая границы между контрастными стилевыми и смысловыми рядами, способствуя развитию единого литературного и поэтического языка.

В-третьих, дружеская атмосфера общества привела к созданию особой фразеологии и идеологии «арзамасского братства», что отразилось в создании возвышенного образа «братьев-друзей», объединенных не просто культом дружбы, но идеей служения Отечеству (аллегорические образы «Вместе», «Слава», «Труд», «Польза», «Отечество»). Всё это противостоит разочарованиям и утратам реальной жизни. Таким образом, Жуковский в арзамасских протоколах создает идеальную формулу бытия: в совместном дружеском и творческом труде на благо Отечества видится ему смысл жизни. Об этом подробнее см.: Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974.

Наконец, гекзаметрические арзамасские протоколы Жуковского — путь к повествовательной поэзии, к сближению поэзии и прозы, к формированию новой концепции эпоса, что определит эволюцию самого автора протоколов.

I

Протокол двадцатого арзамасского заседания

(«Месяц Травный, нахмурясь, престол свой отдал Изоку...»)

(С. 56)

Автограф (РНБ, он. 2, № 69, л. 1—2) — черновой.

Копии:

1) ПД, ф. 244, он. 17, № 115, л. 108—110 — авторизованная.

2) ПД. № 27728, л. 43 об.—44 (ст. 37—84) — рукою А. А. Воейковой.

Впервые: РА. 1868. № 4—5. Стб. 829—838.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: не позднее 8 июня 1817 г.

Основанием для датировки является письмо Н. И. Тургенева к С. И. Тургеневу от 9 июня 1817 г. (приписка к письму А. И. Тургенева), где, в частности, говорится: «Арзамасское общество решилось создавать журнал ⟨...⟩. Орлов очень рад журналу и обещает много помещать в него» (Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936. С. 220). Протокол Жуковского воссоздает атмосферу принятия этого решения и споры о будущем журнале.

Ошибочно назван протоколом 20-го заседания, хотя по счету является 21-м. Очевидно, это связано с продолжением общей темы предыдущего (22 апреля 1817 г.) заседания, на котором обсуждались возможности обновления общества: «О, Арзамас! Не полно ль быть ребенком? ⟨...⟩ Беседа умерла в пеленках. ⟨...⟩ Неужели и нам грозит судьба подобная? Ах, нет! ⟨...⟩ Я вижу Арзамас в величественном собрании. Он определяет образ занятий, общий для всех, но разновидный, как вкусы, труды, таланты каждого. Единство и разнообразие: вот девиз Арзамаса и журнала его» («Сонное мнение члена Эоловой Арфы, провозглашенное устами пупка его в исходе 20-го Арзамаса» — Арзамас—2. Кн. 1. С. 418).

Композиция протокола трехчастна: от хаоса через пародирование пророческих архетипов (Дельфийский оракул, Моисей на Синае) и воссоздания споров о путях развития «Арзамаса» и создания его журнала. Здесь, как и в прозаических протоколах, Жуковский использует такие традиционные приемы арзамасской галиматьи, как шутливая эпическая детализация, травестирование, игра противоположностями, стилизация и т. п.

Стихотворному тексту в рукописи предшествует своеобразный прозаический конспект, дающий представление об опорных понятиях-образах будущего протокола: «Слава. Связь. Работа. Беседа. Пир. Шум в Арзамасе. Рейн. Храм. Асмодей. Спор. Результат. План. К ⟨апо⟩ д'Истрия.— Забыли» (РНБ, оп. 2, № 69, л. 1 об.).

Круг участников заседания обозначен следующими подписями под текстом протокола: «Рейн. Ивиков Журавль. Асмодей. Эолова Арфа. Варвик. Кассандра. Кот (Резвый). Светлана. Почетный гусь Михаил. Пустынник».

Ст. 1—3. *Месяц Травный... ~ Пылкий Изок... ~ у мрачного Грудня...* — Арзамасский календарь состоял из старославянских названий месяцев, пародируя архаистические пристрастия А. С. Шишкова. Имеются в виду май, июнь и ноябрь-декабрь.

Ст. 8. *Тихо на береге Карповки...* — Река в Петербурге, на берегу которой находилась дача С. С. Уварова, где и состоялось заседание «Арзамаса».

Ст. 9. *...кавардак...* — Окрошка, смесь.

Ст. 12—13. *Новосозданного храма ~ Вещего Штейна...* — Имеется в виду павильон на даче Уварова, возведенный в честь барона Генриха Фридриха Карла фон Штейна (1756—1831), прусского государственного деятеля, известного своими антинаполеоновскими настроениями, лично знакомого с Уваровым и братьями Тургеневыми.

Ст. 16—17. *Нечто пузообразное ~ гармонией Арфы стало бурчанье...* — Эолова Арфа — прозвище А. И. Тургенева. Далее в протоколе обыгрывается его склонность к чревоугодию, сонливость и сопутствующие физиологические состояния («бурчание в брюхе»).

Ст. 18. *Члены смутились, **Рейн** дернул за кофту **Старушку**...* — Рейн — прозвище М. Ф. Орлова (из баллады Жуковского «Адельстан»). В дальнейшем акцентируются черты его внешности («усастый Рейн», «осанистый Рейн», «чело, от власов обнаженно») и дар красноречия. Старушка — прозвище С. С. Уварова из «Баллады о старушке...»

Ст. 19. *...бросилась в руки к **Варвику***... — Варвик — прозвище Н. И. Тургенева из одноименной баллады Жуковского.

Ст. 20. ***Журка** клюнул **Пустынника**; тот за хвост **Асмодея***... — Журка (Ивиков Журавль) — прозвище Ф. Ф. Вигеля из баллады «Ивиковы журавли». Пустынник — Д. А. Кавелин (баллада «Пустынник»). Асмодей — П. А. Вяземский (баллада «Громобой»).

Ст. 22. *Сморщась, как дряхлый сморчок, **Светлану**. Одна лишь **Кассандра***... — Светлана — В. А. Жуковский. Кассандра — Д. Н. Блудов. Прозвища взяты из одноименных баллад Жуковского.

Ст. 31. *Мне — Дельфийский треножник*... — Пародийно изображается святилище Аполлона в Дельфах, а Кассандра предстает в роли дельфийской сивиллы-прорицательницы. Интересно, что именно дельфийские сивиллы давали пророчества в форме гекзаметра.

Ст. 33—34. *Стала с пуза Кассандра, как древле с вершины Синая // Вождь Моисей ко евреям, громко вещать к арзамасцам*... — На горе Синай Моисею был дан закон и заключен союз между Богом и израильтянами. Имеет место пародийное смешение античной и ветхозаветной пророческой традиции.

Ст. 38. *Это сердце, как Весты лампада, горит не сгорая*... — В храме Весты, богини домашнего очага, жрицами (весталками) поддерживался вечный огонь.

Ст. 39. *Бродит, я чувствую, в темном Дедале, поблизости пуза*... — Вероятно, здесь «темный Дедал» — метонимическое обозначение лабиринта (знаменитый лабиринт Миноса на о. Крите был построен мифологическим художником и архитектором Дедалом).

Ст. 41—42. *Все отразила прельщенья бесов и **душиста добротой**! // (Так говорит об ней Николай Карамзин, наш историк)*... — Н. М. Карамзин, переехавший в 1816 г. для работы над «Историей государства Российского» и ее изданием в Петербург, сблизился с арзамасцами: «Здесь из мужчин всех любезнее для меня арзамасцы; вот истинная русская академия, составленная из молодых людей, умных и с талантом»; «Сказать правду, здесь не знаю ничего умнее арзамасцев: с ними бы жить и умереть» (из писем Н. М. Карамзина к жене от 28 февраля и 3 марта 1816 г. // Карамзин Н. М. Неизданные сочинения и переписка. СПб., 1862. Ч. 1. С. 165).

В свою очередь, арзамасцы включили Карамзина в число почетных членов «Арзамаса» («почетный гусь Николай»), вручили ему на особом заседании общества почетный диплом, «бумажный и бренный символ того, что вечно и нетленно

⟨...⟩ да послужит он для вас доказательством, что галиматья не всегда рождается от безумия и не всегда глаголет бессмыслицу» (Арзамас—2. Кн. 1. С. 349—350).

Ст. 45—46. *Нам, как портным, сидеть на катке и шить на халдеев, // Сгорбясь, дурацкие шапки из пестрых лоскутьев Беседных...* — Халдеями арзамасцы называли членов Российской Академии и «Беседы любителей русского слова». Это сатирическое обозначение литературных противников многозначно: «земля халдеев» со столицей в Вавилоне — страна языческого идолопоклонства, «смешения и разврата»; халдеи — также жрецы и маги, объединенные тайным знанием в секту, под покровом которой процветают обман и шарлатанство («колдуны», «волхвы», «халдеи», «раскольники»).

Ст. 127. *Звездная надпись сияла на них:* ***Журнал арзамасский****...* — Далее в образе «китайских теней» предстают разделы предполагаемого журнала. Ср.: Политика. ⟨...⟩ Словесность. ⟨...⟩ Сочинения и переводы в прозе. ⟨...⟩ Сочинения и переводы в стихах. Критика. ⟨...⟩ Театр. Смесь. Всякого рода известия. Письма. Статья для благотворений (Арзамас—2. Кн. 1. С. 461—462).

Ст. 141. *Тяжкий курдюк на скрипящих колесах,— Шишков седорунный...* — А. С. Шишков (1754—1841) — адмирал, президент Российской Академии и председатель «Беседы любителей русского слова», поэт, переводчик, автор «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» (1803) — основной и постоянный объект полемических и пародийных выпадов арзамасцев («Дед Седой», «раскольник»), олицетворение ортодоксально-архаических литературных пристрастий.

Ст. 142. *Рядом с ним Шутовской, овца брюхатая, охал...* — Князь А. А. Шаховской (1777—1846) — драматург, член «Беседы любителей русского слова», чьи пьесы («Новый Стерн», «Расхищенные шубы» и «Липецкие воды») стали источником литературной полемики и арзамасской пародийной мифологии. Эпитет «брюхатая» имеет два значения: Шаховской был очень толст и очень плодовит как драматург.

Ст. 143. *Важно вез назади осел Голенищев-Кутузов...* — П. И. Голенищев-Кутузов (1767—1829) — сенатор, член «Беседы», переводчик античных авторов и Грея.

Ст. 144—145. *... а на козлах мартышка // В бурке, граф Димитрий Хвостов...* — Граф Д. И. Хвостов (1757—1835) — поэт и переводчик, член «Беседы» и Российской Академии, чья стихотворная плодовитость и легендарное графоманство были неизменным и любимым объектом пародий арзамасцев.

Ст. 146. *Скромно висел в чемодане домашний тушканчик Вздыхалов...* — Е. И. Станевич (1775—1855), поэт, публицист и переводчик, член «Беседы», пропагандист литературно-теоретических взглядов Шишкова. Комментаторы допускают, что Вздыхалов — князь Шаликов, но при сходстве пародийных формул, отметим, что в рукописи Жуковский имел в виду именно Станевича: «тушканчик ⟨Станевич⟩ Вздыхалов» (РНБ, он. 2, № 69, л. 2).

Ст. 152—153. *...тощий гофмейстер Яценко ~ ...нестерпимый* ***Дух*** *издавая...* — Г. М. Яценко (1780—1852) — цензор, издатель периодического издания «Дух журналов» (отсюда каламбурное обыгрывание заглавия).

Ст. 161. *Сев в углу на словарь, Академия делала рожи...* — Имеется в виду Российская Академия, издавшая «Словарь...» на основе языковых принципов, близких «Беседе».

Ст. 163. *Важный маляр Демид-арзамасец...* — По предположению М. С. Боровковой-Майковой, имеется в виду почетный член «Арзамаса» Н. М. Карамзин (ср. аналогичные формулы в «арзамасском дипломе» Карамзина). Имя Демид, возможно, получил по имени управляющего П. А. Вяземского Демида Муромцева, отличавшегося малярным искусством (Арзамас—2. Кн. 1. С. 290).

Ст. 170. *Князь Тюфякин нес на закорках Театр...* — Князь П. И. Тюфякин (1769—1845), директор Императорских театров.

Ст. 171. *Кошками секли его Пиериды...* — Пиериды (т. е. музы) приобретают здесь пародийные черты Эриний (богинь мщения). Кошками — т. е. «плетьми об нескольких концах или хвостах» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1979. Т. 2. С. 182).

Ст. 174. *Пушкина мысли...* — намек на легкомыслие В. Л. Пушкина, обыгрываемое в «Арзамасе», и на его сочинения «Мысли и характеры» (РМ. 1815. Ч. 4. № 12. С. 300—309). В качестве одной из мер наказания для Старосты (т. е. В. Л. Пушкина) собирались заставлять его «вместо лимона выжимать из головы своей мысли и подсыпать толченых характеров вместо сахару» (Арзамас—2. Кн. 2. С. 478).

Ст. 174. *...вести о курах с лицом человечьим...* — Ссылка на курьезную публикацию: «Описание курицы, имеющей в профиле фигуру человека, с присовокуплением некоторых наблюдений и ее изображения, изданные профессором Фишером» (М., 1815).

Ст. 175. *Письма о бедных к богатым...* — Имеются в виду филантропические объявления о сборе средств, помещаемые в разделе «Смесь».

Ст. 188. *Чем же сумятица кончилась? Делом: журнал состоялся.* — Решение издавать арзамасский журнал было принято, но издание так и не осуществилось.

II

Протокол несостоявшегося заседания. Июнь 1817 г.

(«Был Арзамас в день Изока и в день, я не знаю, который...»)

(С. 61)

Автограф: ПД, ф. 244, он. 17, № 115, л. 111 — беловой.

Копия: РГАЛИ, ф. 195, он. 1, № 1194 — рукою В. Ф. Вяземской.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Арзамас. С. 229.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: конец июня 1817 г.

Датируется концом (после 25) июня на основании указаний в дневнике Н. И. Тургенева о двух заседаниях у М. Ф. Орлова, бывших между 25 июня—17 июля. Указание в протоколе («в день Изока», т. е. июня) уточняет время проведения заседания.

Заседание по счету 22-е. Подписи под текстом протокола: «Почетный гусь Михаил. Рейн. Ивиков Журавль. Светлана. Резвый Кот. Кассандра. Эолова Арфа. Пустынник» определяют круг участников заседания.

III

Протокол заседания. Начало июля 1817 г.

(«В доме важного Рейна был Арзамас не на шутку...»)

(С. 62)

Автограф (ПД, ф. 244, он. 17, № 115, л. 112)—беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Арзамас. С. 229—230.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: около 14 июля 1817 г.

Основанием для датировки является дневниковая запись Н. И. Тургенева (см. примеч. к Протоколу II) и указание на чтение баллады «Вадим», законченной Жуковским 29 июня 1817 г.

Ст. 9. *С Резвым Котом, служащим в коллегии дел иностранных...*— Д. П. Северин (1791—1865)—член «Арзамаса», чиновник Коллегии иностранных дел, дипломат, имевший прозвище из баллады Жуковского «Пустынник» (ср.: «Кружится *резвый кот* пред ними»—ст. 53).

IV

Протокол заседания. 14 или 15 июля 1817 г.

(«Пламенный месяц Червен явился, лягнул во Изока...»)

(С. 62)

Автограф (ПД, ф. 244, он. 17, № 115)—беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Арзамас. С. 230—231.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: предположительно концом июля (после 17-го) 1817 г.

Традиционно протокол этого заседания датируется 14 или 15 июля, на основе указания в тексте: «Пламенный месяц Червен явился...» (т. е. речь идет об июле). Но так как арзамасцы не вдруг собрались, «спустя две седмицы» (недели), то датировка отодвигалась к 14—15 июля. Однако в этом стихе речь идет о втором заседании «у Рейна», которое описано в Протоколе III. Как явствует из письма А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 17 июля, было намечено новое собрание «Арзамаса», где должны были утверждаться написанные законы (ОА. Т. I. С. 76). Гекзаметры Жуковского—протокол именно этого собрания. Протокол подписан следующими членами общества: «Варвик. Рейн. Пустынник. Почетный гусь Михаил. Эолова Арфа. Кассандра. Две Огромные руки. Светлана».

Ст. 7—8. *Взяв рукописное оных законов святилище, то есть тетрадку, // Где регистратор коллежский Нагибин их написал узорочно...*— Рукопись законов, сохранившаяся в бумагах С. С. Уварова, опубликованная и описанная А. Кирпичниковым в 1899 г., состоит из переплетенной листовой тетради, на обложке которой наклеен прямоугольник красного сафьяна, с вытисненными словами: «Законы арзамасского общ⟨ества⟩» (см.: РС. 1899. № 6. С. 337—351). Ср.: Арзамас—2. Кн. 1. С. 593—594.

Н. И. Нагибин (ум. 1819)—чиновник канцелярии Синода, затем департамента народного просвещения, выполнявший различные поручения А. И. Тургенева и П. А. Вяземского.

Н. Вётшева

К портрету великой княгини Александры Федоровны

(«Для нас рука судьбы в сей мир ее ввела...»)

(С. 63)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 29, л. 22—беловой, с датой: «10 августа» и подзаголовком: «К Пор⟨трету⟩ В.⟨еликой⟩ К.⟨нягини⟩».

2) РНБ, он. 1, № 15, л. 8—беловой, с правкой ст. 5, вошедшей в печатный текст.

3) ПД. Р. I, оп. 9, № 14—беловой.

4) Кульман. С. 1086, № 22.

Копия (РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 12, л. 20 об.)—рукою М. А. Мойер.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 6. Т. 3. С. 379.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 10 августа 1817 г.

Адресат надписи к портрету—Александра Федоровна (урожд. принцесса прусская Фридерика Луиза Шарлотта Вильгельмина; 1798—1860), с 1 июля 1817 г.— великая княгиня, жена великого князя Николая Павловича, с 1825 г.—русская императрица.

В апреле 1817 г. Жуковский получает предложение стать учителем русского языка будущей великой княгини: «Третьего дня проезжал здесь Глинка. Он сделал мне от себя следующее предложение. Для принцессы Шарлотты нужен был учитель русского языка ⟨...⟩. Занятие: один час каждый день. Остальное время свободное ⟨...⟩ обязанность моя соединена будет с совершенною независимостью. Это главное!» (Из письма к А. И. Тургеневу от 25 апреля 1817 г. // ПЖТ. С. 177—178). 24 августа 1817 г. Н. М. Карамзин, по просьбе императрицы Марии Федоровны, приглашает Жуковского для представления великой княгине: «Любезнейший! Императрица Мария приказала вам послезавтра, то есть в воскресенье поутру, в 11 часов, перед обеднею быть у нее в Павловске, чтобы познакомить вас с великою княгинею» (РА. 1868. Стб. 1829.— П. А. Вяземский, опубликовав-

ший это письмо, отнес его к 1816 г., что противоречит фактам: принцесса Шарлотта приехала в Петербург только 31 мая 1817 г.). См. также: Шильдер. Т. 1. С. 76.

Стихотворение, написанное еще до первой встречи учителя и ученицы, было заочное пророческое напутствие будущей императрице. Вполне вероятно, что живописным источником этой «надписи к портрету» стал портрет работы Ж.-А. Беннера, гравированный его учеником Ж. Меку (см.: Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1886. Т. 1. № 18). Он был выполнен именно в 1817 г. и давал представление не только о внешности великой княгини, но и о ее характере. Не исключено, что при первой встрече с августейшей ученицей Жуковский подарил ей свое стихотворение, а затем с ее разрешения и напечатал его.

То, что увидел Жуковский в чертах живописного портрета великой княгини — волю Провидения и великое будущее, «дух к великому» и «гений радости»,— вызывало разноречивые отзывы современников и друзей. «Обнимаю тебя и Жуковского. Поздравлять надобно не его, а великую княгиню»,— замечал А. Я. Булгаков в приписке к письму П. А. Вяземского А. И. Тургеневу от 3 сентября 1817 г. (ОА. Т. I. С. 83). 2 января 1818 г. Карамзин вопрошает Жуковского: «Скажите мне, продолжается ли ваше благословенное очарование? Учительство так ли веселит вас как прежде?» (РА. 1868. Стб. 1832—1833). Более радикальная оценка и педагогической деятельности и непосредственно надписи к портрету содержится в письме А. И. Тургенева: «Посылаю тебе надпись его к портрету великой княгини Александры Федоровны, которую он написал в альбоме Милорадовича. Последние четыре стиха советовал я ему откинуть, тем более что четвертый оканчивает хорошо надпись, а последние произведут толки и прения, и многие уже не соглашаются с ним в том, что ей предстоит трудный путь и еще менее в ожиданиях России, которая ожидает или должна ожидать от нее только счастливой и, следовательно, нравственной семейственной частной жизни; и в сем отношении мы уверены, что *не обманется России ожиданье*. Жуковский за это сердится; но я не со страхом, а с улыбкою встречаю его сердце» (Письмо к П. А. Вяземскому от 11 декабря 1817 г. // ОА. Т. I. С. 168).

А. И. Тургенев, предлагая сократить надпись, был, безусловно, прав, если учитывать план реальный и завершенный на момент создания стихотворения. Но Жуковский оказался прав в перспективе, в справедливости поэтического предчувствия: будущая императрица и мать великого князя Александра Николаевича, «царя-освободителя», на долгие годы станет его задушевным другом, адресатом его прозаических и поэтических манифестов («Рафаэлева мадонна», «Лалла Рук» и др.).

Н. Вётшева

К месяцу
(«Снова лес и дол покрыл...»)
(С. 63)

Автограф (ПД. № 27807, л. 38) — черновой.

Впервые: FWДН. 1818. № 2. С. 28—33.

В прижизненных изданиях: С 3—5 (за исключением ст. 33—36, вошедших в первую публикацию). В С 3 — с подзаголовком: «Сочинение Гёте», который снят в С 4. В С 5 (Т. 3. С. 23—24) — в подборке стихотворений 1818 г., с указанием: «Из Гёте».

Датируется: сентябрь-октябрь 1817 г.

Основанием для датировки является положение автографа в рукописи, среди произведений, созданных в сентябре-октябре 1817 г. и напечатанных в FWДН.

Достаточно свободный перевод стихотворения Гёте «An den Mond», опубликованного в 1789 г. с добавлением 3-х строф, отсутствовавших в первоначальном варианте (см.: Зарубежная поэзия. Т. 2. С. 579).

Главное, что передано в переводе Жуковского,— это настроение грустного ночного раздумья о прошедших днях радости и надежд, память о которых живет в тайных глубинах сердца.

В первых пяти четверостишиях образная система оригинала и перевода очень близки, норой (как в первой и второй строфах) — почти адекватны. Созданию соответствующего минорного настроения способствует и точная передача синтаксического построения фразы внутри четверостишия. Вслед за оригиналом, перевод написан хореическими катренами со сплошными мужскими рифмами по схеме 4343. Как указывает С. А. Матяш, подобную строфу в лирических стихотворениях Жуковский не использовал ни до, ни после данного перевода (см.: Русское стихосложение XIX в.: Материалы по метрике и строфике русских поэтов. М., 1979. С. 79).

В то же время перевод имеет много отступлений от оригинала, обусловленных различием мироощущений поэтов. Стихотворение Гёте несет в себе целый комплекс мыслей и чувств, связанных не только с личными переживаниями, но и с глубочайшим разочарованием в результатах своей государственной деятельности. Образ находящейся в вечном движении воды является для него ключевым и проходит в его лирике от первых штюрмерских опытов до поэзии «Западно-восточного дивана». В данном стихотворении река не только уносит печаль и «нашептывает» поэту «мелодию для напева», но и трудится «без отдыха и покоя», «переполняется яростью в зимние ночи».

Подобная трактовка явлений природы была чужда русскому поэту в это время, и при переводе «An den Mond» он опускает целиком 7-ю строфу, «не подходящую», по словам В. М. Жирмунского, к «элегической манере» Жуковского (Жирмунский. С. 86). У Жуковского вместо реки появляется журчащий ручей, созвучный одинокой лире и мыслям о пролетевших и несбывшихся надеждах. Меняется и чувственная конкретика оригинала. Шутки, поцелуи заменяются элегическими формулами: «Жизнь уж отцвела», «Так надежды пронеслись», «Так любовь ушла».

Характерно, что первоначально Жуковский перевел 9-ю строфу стихотворения Гёте, но впоследствии изъял ее из прижизненных изданий. Она звучала так:

Что в полночный тихий час
Слышимо душой,
Очаровывает нас
Тайною мечтой.

Эта строфа была вариацией на тему, восходящую скорее к вольно переведенным собственным стихам (с 25 по 32), чем к оригиналу. Вероятно, эта осознаваемая Жуковским вольность привела к отказу от включения строфы в перевод, имевший указание на источник: «Из Гёте».

Положено на музыку А. С. Даргомыжским (от ст.: «Счастлив, кто от хлада лет...») в форме дуэта.

Н. Реморова

Мечта

(«Ах! если б мой милый был роза-цветок...»)

(С. 64)

Автограф: (ПД. № 27807, л. 39 об.) — черновой, без заглавия.

Впервые: С 4. Т. 6. С. 53 — в разделе «Смесь», с заглавием: «Мечта».

В прижизненных изданиях: С 4—5 (в С 5 — подборка стихотворений 1818 г.).

Датируется: сентябрь-октябрь 1817 г.

Основание датировки — положение автографа в рукописи (см. примеч. к стих. «К месяцу»). Стихотворение создавалось одновременно с переводами, вошедшими в сборники FWДН, но не включено в них, что и позволило говорить о его оригинальном характере.

Поэт намеревался поместить «Мечту» в С 3, однако, по совету Д. Н. Блудова, считавшегося законодателем вкуса в области поэзии, от намерения отказался, изъяв его вместе с несколькими другими из уже подготовленного тома, за что позднее (апрель 1825 г.) А. С. Пушкин упрекал Жуковского: «Зачем слушаешься ты маркиза Блудова? пора бы тебе удостовериться в односторонности его вкуса. К тому же не вижу в нем и бескорыстной любви к твоей славе. ⟨...⟩ „Надпись к Гёте“, „Ах, если б мой милый“, „Гению“ — всё это прелесть; а где она? ⟨...⟩» (Пушкин. Т. 13. С. 167).

Н. Реморова

Утренняя звезда

(«Откуда, звездочка-краса?..»)

(С. 65)

Автограф (ПД, № 27807, л. 38—39) — черновой.

Впервые: FWДН. 1818. № 3. С. 16—25.

В прижизненных изданиях: С 4, 5 (в С 4 отдел «Сельские стихотворения», в С 5 в подборке произведений 1818 г., в оглавлении с подзаголовком «(Из Гебеля)».

Датируется: конец 1817 г.

Перевод одноименного стихотворения И. П. Гебеля («Der Morgenstern»), в котором развиваются общие принципы идиллий, вошедших в FWДН, а позднее в отдел «Сельские стихотворения» (С 4): интерес к природе, сельской жизни, которая наиболее близка природной красоте и гармонии. Как и в других переводах гебелевских идиллий, Жуковский уделяет в «Утренней звезде» особое внимание художественной детали, которая для лирического героя стихотворения включает в себя какую-то сущность, важный смысл. Самая обычная картина предстает в произведении высшей красотой и целесообразностью, мигом высшего единения человека с природой, мироздания с Богом. Не менее тщателен переводчик в передаче атмосферы подвижности, царящей и во внешнем мире, и в душе лирического героя. Отсюда — одухотворение, оживотворение обычных картин, описанных в «Утренней звезде». Стихотворение, как и многие, вошедшие в FWДН, отличается мелодичностью.

Положено на музыку А. В. Муравьевым.

И. Айзикова

К ней

(«Имя где для тебя?..»)

(С. 67)

Автографы:

1) ПД. № 27807, л. 39 — черновой, без заглавия.

2) ПД. № 22727, л. 1 — беловой, без заглавия.

3) РНБ, оп. 1, № 15, л. 10 — беловой (строфы 4—5). Ср. копию рукою В. И. Губарева.

4) Кульман. С. 1086. № 13 — беловой.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 15, л. 10) — рукою В. И. Губарева (строфы 1—3).

2) РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 12, л. 19 об. — рукою М. А. Мойер.

Впервые: Памятник Отечественных муз на 1827 год, изданный Борисом Фёдоровым. СПб., 1827. С. 12 — с заглавием: «К ней» и примечанием: «Стихи написаны несколько лет тому назад».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: конец 1817 г.

Датировка стихотворения, данная в С 7 и закрепившаяся во всех последующих изданиях, — 1810—1811 гг., представляется ошибочной. Не может быть принято и указание в С 6 (Т. 4. С. 412) — 1827 г., так как это время первой публикации (см. выше).

Во-первых, черновой автограф в «Книге Александры Воейковой» находится в контексте черновых вариантов стихотворений «К месяцу», «Утренняя звезда», «Новая любовь — новая жизнь» и т. д. Все эти произведения были созданы в конце 1817 — начале 1818 г. и опубликованы в первых номерах сборника FWДН (январь-февраль 1818 г.). Беловые автографы (№ 2 — в альбоме А. А. Воейковой; № 3 — в альбоме С. А. Самойловой) также вписаны среди произведений 1817—1819 гг. Альбом Воейковой, включающий записи 1815—1819 г., содержит, в частности, копию первой редакции стихотворения А. С. Пушкина «Жуковскому» («Когда к мечтательному миру...»), датируемую апрелем 1818 г. (см.: Ежегодник Рукописного отдела ПД. 1977. Л., 1979. С. 23—24). В альбоме Самойловой вся подборка автографов Жуковского относится в основном к 1818—1820 гг. (см.: Кульман. С. 1085—1087). Наконец, в авторизованной копии текст стихотворения предшествует копии «К мимопролетевшему знакомому Гению», написанному 7 августа 1819 г.

Во-вторых, первая публикация, относящаяся к 1827 г., является прижизненной, и издатель альманаха, делая примечание, что «стихотворение написано несколько лет тому назад», вряд ли мог иметь в виду время, большее, чем предшествующее десятилетие.

И, наконец,— ссылка П. А. Ефремова на авторитет биографа Жуковского К. Зейдлица при датировке стихотворения (см.: С 7 — С 9) неубедительна, так как никакой датировки Зейдлиц не дает, а, приведя текст стихотворения целиком, продолжает: «В этом тихом расположении духа он [Жуковский] занимался обработкой старинной повести „Двенадцать спящих дев"...» (Зейдлиц. С. 48). О какой (первой или второй) части повести идет речь, биограф не уточняет, но черновой автограф стихотворения «К ней» идет прямо вслед за последними черновыми строфами второй части — балладой «Вадим», работа над которой была закончена около 6 августа 1817 г., что и указано в рукописи (л. 36 об.— 37). Необходимо учитывать и тот факт, что Зейдлиц познакомился с Жуковским в Дерпте не ранее 1815 г., и, создавая свою книгу о предшествующем периоде его жизни и творчества, он мог опираться только на рассказы его близких друзей и родственников.

Всё это позволяет датировать стихотворение «К ней» концом 1817 г.

Долгое время бытовало мнение о том, что стихотворение «К ней» восходит к стихотворению Ф. Шиллера «Namen nennen dich nicht» (см. С 7 — С 10), но, как установил венгерский исследователь Дьердь Сёке, стихотворение Жуковского является «оригинальным переложением» одноименного стихотворения «Ihr» немецкого поэта Германа Вильгельма Фрица Ульцена (Ultzen, 1759—1808), напечатанного впервые в журнале «Göttinger Musenalmanach» (1786), а в 1795 г. вошло в двухтомное издание стихотворений поэта (РЛ. 1971. № 1. С. 161—162).

Стихотворение Ульцена написано белым стихом, трехстрочной строфой, редким в силлабо-тонической системе размером — логаэдами, строками, состоящими из двух- и трехсложных стоп, в данном случае из хореических и дактилических. При этом в оригинале количество ударных слогов в строках каждой строфы чередуется: 4 2 3.

В переводе сохранен белый стих, трехстрочная строфа, однако количество ударных слогов в логаэдах упорядочено: 3 3 3. При этом во второй строке в дополнение к дактилической и хореической появилась амфибрахическая стопа. Для лирики Жуковского такая форма является уникальной: ни до, ни после данного стихотворения она не встречается.

В переводе достаточно близко передана основная мысль и господствующее настроение подлинника — это песнь о тайной и вечной любви. Однако Жуковский заменяет повествовательно-описательную интонацию стихотворения Ульцена на вопросительно-восклицательную, привнеся в текст элемент диалогизма и сделав его более эмоционально насыщенным и проникновенным. Так, в оригинале читаем: «Namen nenne dich nicht. Dich bilden // Griffel und Pinsel // Sterblicher Künstler nicht nach» («Имени не назову тебе. Тебя не воплотят перо и кисть смертного художника»). Ср. у Жуковского: «Имя где для тебя? // Не сильно смертных искусство // Выразить прелесть твою!»

Эти и другие отступления от оригинала не изменяют общего смысла стихотворения, но расставляют иные эмоциональные акценты. Так, ощущение «тайны» присутствует в оригинале с первого слова, когда автор говорит, что не называет ее имени, что образ «драгоценнейшей девушки» («teuerstes Mädchen») он носит только в сердце, но само слово «тайна» не произносится. Оно произнесено в переводе, но окружено иными, более высокими, духовными понятиями: «Прелесть жизни твоей, // Сей образ чистый, священный, // В сердце, как тайну, ношу».

По свидетельству биографа поэта, стихотворение «посвящено М. А. Протасовой, в портфеле которой оно было найдено после ее смерти» (Зейдлиц. С. 47). То, что стихотворение обращено к Марии Андреевне,— несомненно. Но написано оно было тогда, когда она уже была не Протасова, а Мойер. И эту прощальную песнь любви поэт мог отдать ей перед своим отъездом из Дерита в конце 1817 г., но напечатать не мог. Жуковский напечатал в FWДН (1818. № 2—3) все произведения, окружающие в рукописи автограф стихотворения «К ней». О нем, кроме Маши, должна была знать «лишь вечность одна». Это понимали и близкие к поэту и Маше люди, обнаружившие стихотворение в ее портфеле. Вероятно, и легенда о том, что «К ней» написано в 1810—1811 гг. была создана ими и озвучена К. Зейдлицем из желания сохранить и после ее смерти носимую ее сердцем тайну.

Н. Ремофова, А. Янушкевич

«Кто слез на хлеб свой не ронял...»

(С. 68)

Автограф (ПД. № 27807, л. 40) — черновой.

Копия (РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 15, л. 4 об.) — рукою М. А. Мойер.

Впервые: FWДН. 1818. № 2. С. 26.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: конец 1817 г.

Основанием для датировки является положение автографа в рукописи: в контексте стихотворений, написанных в конце 1817 г. и опубликованных в первых номерах сборника FWДН.

Достаточно близкий перевод стихотворения Гёте «Wer nie sein Brot mit Tränen aß», написанного в ноябре 1783 г. Впервые опубликовано как одна из песен, исполняемых стариком-арфистом в 13-й главе второй книги романа «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1796), но с пропуском 3-й строфы, которую Гёте снова присоединил, публикуя текст песни в сборнике своих стихотворений.

В то время, когда Жуковский, судя по свидетельству Зейдлица (Зейдлиц. С. 103), обратился к переводу стихотворения, его собственные душевные переживания, связанные с предстоящим замужеством М. А. Протасовой, были в высшей степени созвучны мотивам песни из «Вильгельма Мейстера». Ведь доводы, выдвигаемые Екатериной Афанасьевной против его брака с Машей, перекликались с трагической коллизией в судьбе арфиста.

В переводе Жуковского при общем сохранении образной системы, размера и строфики оригинала несколько приглушен изначально заложенный в стихотворении Гёте «бунтарский дух», подчеркнутый в оригинале прямым, звучащим как обвинение обращением к «небесным силам», усиленным четырехкратным повторением местоимения «вы». Мысли Гёте об «отмщении», «воздаянии», «мести» за несправедливость у Жуковского заметно ослаблены. Введение архаической лексики: «одр», «вышни», «мзда» усиливает провиденциалистский характер чувства героя. Вместо противопоставления «вы — мы», граничащего с бунтом, в переводе — признание трагического бессилия перед Судьбой.

Н. Реморова

Песня

(«Кольцо души-девицы...»)

(С. 68)

Автограф неизвестен.

Копия (РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 15, л. 3—3 об.) — рукою М. А. Мойер.

Впервые: FWДН. 1818. № 1. С. 20—25.

Перепечатано: СО. 1820. Ч. 63. № 33. Тексты идентичны.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: конец 1817 г.

По всей вероятности, стихотворение создавалось одновременно с другими, предназначавшимися для сборника FWДН, т. е. в конце 1817 г. Отсутствие автографа не дает оснований для другой датировки. Ссылка К. Зейдлица на то, что создание «Песни» относится к 1816 г. и связано с письмами М. А. Протасовой к Жуковскому и письмами-дневниками Жуковского 1814—1815 г., при более детальном их прочтении представляется неубедительной. Тем более что о самих со-

бытиях этого времени биограф говорит преимущественно на основании воспоминаний окружающих.

Традиционно считалось, что стихотворение Жуковского является переложением немецкой анонимной песни («Lied» — «Der Ring ist mir entfallen»). Публикуя в FWДН немецкий текст этой песни, без указания автора, Жуковский давал все основания для такого мнения.

Как установил Р. Ю. Данилевский (Ж. и русская культура. С. 323—330), «Песня» является довольно близким переложением стихотворения немецкого поэта Готлиба Фердинанда Максимилиана фон Шенкендорфа (Schenkendorf, 1783—1817), известного под именем Макса Шенкендорфа: поэт назвал так себя в честь юного шиллеровского героя Макса Пикколомини. Будучи довольно талантливым лириком, прославился как создатель солдатских военно-патриотических песен времен борьбы с наполеоновским нашествием, участником сопротивления которому был сам.

Его стихотворение «Der versunkene Ring» («Утонувшее кольцо»), созданное в 1808 г., имеет подзаголовок: «Nach dem Littauischen» («Подражание литовской»). Оно действительно написано по мотивам народной литовской дайны, вошедшей в гердеровские «Голоса народов в песнях».

В единственное прижизненное издание «Стихотворений» Шенкендорфа (1815) «Der versunkene Ring» не вошло и долгое время публиковалось без указания автора под заглавием: «Lied». Как считает Р. Ю. Данилевский, вероятно, таким изданием и пользовался Жуковский. Не менее вероятно, что либо такое издание, либо сам текст песни был получен поэтом через его ученицу великую княгиню Александру Федоровну, для которой и предназначались выпуски сборника FWДН. Дело в том, что песня была сочинена Шенкендорфом для придворного празднества в Кенигсберге в честь прусской королевы Луизы, матери принцессы Шарлотты (великой княгини Александры Федоровны). Принцессе было в то время уже 19 лет, и она вполне могла запомнить эту песню.

Жуковский в переводе использует тот же размер (трехстопный ямб), тот же порядок клаузул, но рифмует как четные (в оригинале), так и нечетные строки. 6-ю строфу оригинала Жуковский развертывает в 2 строфы (ст. 21—28). Он убирает из текста имя возлюбленной — Анка, придав тем самым тексту более обобщенный характер, что важно для жанра песни.

«Песня» Жуковского включалась в песенники с 1827 по 1917 г. более 20 раз, публиковалась как народная песня. Ее распространению способствовала также музыка А. А. Алябьева, выявившая романсную природу текста. Упоминается А. Н. Островским («Поздняя любовь») и М. Горьким («В людях»). Подробнее см.: Песни русских поэтов: В 2 т. Л., 1988. Т. 1. С. 595.

Н. Реморова

Утешение в слезах

(«Скажи, что так задумчив ты?..»)

(С. 70)

Автограф: (ПД. № 26305, л. 1)—беловой.

Копия (РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 15, л. 2—2 об.)—рукою М. А. Мойер.

Впервые: FWДН. 1818. № 1. С. 12—15.

В прижизненных изданиях: С 3—5 (в С 3—4—отдел «Романсы и песни»; С 3—с подзаголовком: «Сочинение Гёте», С 4—без подзаголовка). С 5—в подборке стихотворений 1818 г. (Т. 3. С. 21—22), с подзаголовком: «Из Гёте»).

Датируется: сентябрь-октябрь 1817 г.

Как утверждает К. К. Зейдлиц, стихотворение связано с переживаниями Жуковского в связи с замужеством М. А. Протасовой. Он пишет, что «удрученный выходом М. А. Протасовой в замужество, ⟨...⟩ прощаясь с дерптскими друзьями, Жуковский перевел две пьесы Гёте: „Утешение в слезах“ и „К месяцу“» (Зейдлиц. С. 111).

М. А. Протасова вышла замуж в январе 1817 г.; Жуковский был на свадьбе и казался веселым. В это время он пишет А. И. Тургеневу: «*Старое* всё миновалось, а новое никуда не годится. ⟨...⟩ Душа как будто деревянная ⟨...⟩. Поэзия молчит. Для нее еще нет у меня души» (ПЖТ. С. 176). В сентябре 1817 г. Жуковский снова был в Дерпте, откуда уехал в начале октября. Вероятно, именно об этом времени и идет речь у Зейдлица.

Стихотворение Жуковского—перевод стихотворения Гёте «Trost in Tränen». В переводе сохранена система образов, диалогическая соотнесенность строф, характер рифмовки и размер оригинала. Но очевидно усиление эмоционального настроения, что проявляется в синтаксисе перевода (4 вопросительных предложения вместо одного у Гёте; многоточия, отсутствующие в подлиннике, анафоры и т. д.).

Положено на музыку А. Вейраухом, И. Игнатьевым и А. Даргомыжским.

Н. Ремерова

Минна. Романс

(«Я знаю край! там негой дышит лес...»)

(С. 71)

Автограф неизвестен.

Копия (РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 15, л. 4—4 об.)—рукою М. А. Мойер.

Впервые: FWДН. № 1. С. 26—29.

В прижизненные издания не входило.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: конец 1817 г.

Отсутствие автографа затрудняет датировку текста. Но его публикация в 1-м выпуске сборника FWДН позволяет говорить о конце 1817 г., когда создавалось большинство текстов для этого издания.

Вольный перевод стихотворения Гёте «Kennst du das Land...» (1783), опубликованного впервые в 3-ей книге романа «Годы учения Вильгельма Мейстера». В собрании сочинений Гёте оно обычно помещалось в раздел «Баллады» под заглавием «Mignon» («Миньона»). Поскольку в романе текст исполняется Миньоной, стихотворение часто публиковалось и под заглавием: «Lied der Mignon» («Песня Миньоны»).

В переводе Жуковский сохраняет объем произведения, строфику, размер (вольный ямб со схемой 555545) и характер рифмовки (ММ). Данная форма, как указывает С. А. Матяш, является «метрическим неологизмом Жуковского» и больше в его лирике не встречается (Русское стихосложение XIX в.: Материалы по метрике и строфике русских поэтов. М., 1979. С. 93. № 19).

Вопросительная интонация, принципиально значимая для оригинала, в переводе заменена восклицательно-утвердительной, изменен рефрен (последние два стиха каждой строфы) и имя героини. У Гёте имя, а точнее, прозвище героини дано во французской транскрипции — Mignon — и может иметь значение: «миленький», «славный», «крошечный», что соответствует производимому ею на окружающих впечатлению: «дитя», «загадочная девочка», «ребенок». Французская огласовка имени подчеркивает инородность его носительницы в окружающем немецком мире.

Жуковский заменяет его именем Мина, ориентируясь, видимо, на немецкое имя «Minna». Он убирает из рефрена экспрессивно окрашенные обращения Миньоны к адресату песни, заменяя их одним словом — «друг», характерным для его поэтики обращений.

В переводе исчезает и содержащийся в песне намек на трагизм судьбы героини, которая определена Гёте в записной книжке 1793 г. как «безумие, вызванное стечением обстоятельств». Миньона не помнит этих обстоятельств, но ощущает контраст между гармонией запечатлевшихся в ее сознании прекрасных статуй и изломанностью своего хрупкого тельца. Существенно, что, заменив «мраморные изваяния» («Marmorbilder») на «ликов ряд недвижимых», Жуковский отказался от воссоздания в стихотворении исключительно важной для Гёте в период создания «Миньоны» темы «неувядающей античности» и Италии как символа артистической свободы, в которую он, подобно своей героине, так рвался, повторяя: «Dahin! Dahin!» Гёте выделяет эти слова в отдельную строку и рифмует их с заключающим каждую строфу глагольным составным сказуемым: «möcht' ⟨...⟩ ziehn» и «laß ⟨...⟩ ziehn» («Можем идти!», «Направимся вперед!»), как бы подчеркивая уверенность в осуществлении желаемого.

Сам призыв: «Туда! Туда!» Жуковским, казалось бы, сохранен, однако смысл его принципиально изменился. Как утверждает героиня стихотворения: «Там счастье, друг! туда! туда // Мечта зовет! Там сердцем я всегда! ⟨...⟩ Но быть ли там когда?» Этот вопрос, заключающий текст перевода, полностью меняет общий тон

стихотворения Гёте, «освоенного» Жуковским, как «элегическая медитация» (Жирмунский. С. 84—85). Стихотворение Гёте Жуковский переложил на язык собственных чувств и настроений.

После Жуковского стихотворение Гёте переводилось неоднократно (А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев, А. К. Толстой и др.).

Н. Реморова

Жалоба пастуха

(«На ту знакомую гору...»)

(С. 71)

Автограф неизвестен.

Копия (РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 15, л. 2 об.—3)—рукою М. А. Мойер.

Впервые: FWДН. 1818. № 1. С. 16—19—с параллельным немецким текстом и указанием: «Из Гёте».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: конец 1817 г.

Точно датировать стихотворение не представляется возможным из-за отсутствия автографа и авторских указаний. Но учитывая, что все переводы для сборника создавались накануне его издания (1-й номер был пропущен в печать 11 января 1818 г., а уже в конце месяца вышел в свет), можно предположительно говорить о времени создания «Жалобы пастуха»—конец 1817 г.

«Жалоба пастуха»—перевод стихотворения Гёте «Schäfers Klagelied» («Жалобная песнь пастуха»). Жуковский создал свою версию стихотворения Гёте «под знаком элегического любовного томления» (Жирмунский. С. 84). В последних шести стихах он усиливает эмфатику: подряд шесть восклицательных и одно вопросительное предложение. Заключительный стих подчеркивает экзальтацию влюбленного: «Здесь горе душу томит!» Ср. с повествовательной интонацией Гёте: «Dem Schäfer ist gar so weh» («Пастуху так горестно»).

Зато Жуковский точно передает стихотворный размер подлинника—дольник, и это «единственное стихотворение Жуковского, написанное дольниками—размером, который в русской поэзии впоследствии разрабатывали символисты» (Стихотворения. Т. 2. С. 507). Современный исследователь стиха Жуковского уточняет эту характеристику: «метрическая форма „Жалобы пастуха“ была компромиссной: немецкий дольник на русской почве оказался логаэдом» (Ж. и русская культура. С. 88).

А. Янушкевич

Речь в заседании «Арзамаса»
(«Братья-друзья арзамасцы! Вы протокола послушать...»)
(С. 72)

Автограф: (РНБ, он. 1, № 80, л. 10) — черновой.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 161—162 (не полностью).

Впервые полностью: ПСС. Т. 2. С. 123 — с неточностями, исправленными: Арзамас—2. Кн. 1. С. 588—589.

Печатается по тексту последней публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: конец 1817 г.

Речь написана в Москве, куда Жуковский выехал 4 октября 1817 г. (ОА. Т. I. С. 89) для занятий русским языком с великой княгиней Александрой Федоровной и где в это время находились арзамасцы Д. П. Северин, Д. Н. Блудов, П. А. Вяземский, Д. В. Давыдов. В недатированной записке к А. И. Тургеневу, скорее всего относящейся к началу января, Жуковский просит: «Сообщи Старушке [С. С. Уварову], что я на следующей почте пришлю ей донесение о последнем Арзамасе...» (ПЖТ. С. 185). Так как в письмах к Тургеневу из Москвы от января-марта Жуковский больше ничего не говорит об арзамасских заседаниях, то можно считать конец 1817 г. наиболее вероятным временем произнесения речи Жуковского.

Ст. 7. *Даром что эта Беседа давно околела — зараза...* — Речь идет о «Беседе любителей русского слова», прекратившей свое существование в 1816 г. в связи со смертью Державина.

Ст. 9. *Кто-нибудь, верно, из нас, не натершись «Опасным соседом»...* — «Опасный сосед» — шутливая поэма В. Л. Пушкина, постоянно фигурирующая в ритуалах и протоколах «Арзамаса» как противоядие от «беседной заразы».

Ст. 10. *Голой рукой прикоснулся к «Чтенью» в Беседе...* — «Чтения в Беседе любителей русского слова» — периодическое издание сотрудников и членов этого общества, выходившее в 1811—1816 гг.

Ст. 12. *Деда седого о слоге седом...* — Дед седой — прозвище А. С. Шишкова, автора «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка».

Ст. 15. *Мы написали законы; Зегельхен их переплел...* — Имеются в виду законы (устав) «Арзамаса». Зегельхен — петербургский переплетчик.

Ст. 19—20. *Между тем, Реин усастый ⟨...⟩ дал тягу // В Киев...* — М. Ф. Орлов отбыл в Киев в 1817 г. по приказу Александра I (см. примеч. к стих. «⟨К М. Ф. Орлову⟩»).

Ст. 22. *Я, Светлана, в графах таблиц...* — Имеются в виду занятия Жуковского русским языком с великой княгиней Александрой Федоровной, к которым противоречиво относились арзамасцы, признавая ущерб для его творчества. Ср.: «Жуковский не может нахвалиться своей августейшей ученицей; но между тем пишет одни грамматические таблицы» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 253). Жуковский и в дальнейшем широко использовал таблицы как наглядный дидактический материал в преподавании.

Ст. 23. ... *Асмодей, распростившись с халатом свободы...* — П. А. Вяземский получил назначение в Варшаву, куда выехал 11 февраля 1817 г. Этому событию посвя-

щено его стихотворение «Прощание с халатом», читанное в «Арзамасе» накануне отъезда.

Ст. 25—26. *...Резвый Кот всех умнее // ⟨...⟩ просится в церковь к налою...* — Д. П. Северин женился на Е. С. Стурдзе в конце января 1818 г., что еще раз подтверждает создание «Речи...» ранее этого времени.

Ст. 26—28. ⟨...⟩ *Кассандра ~ Скачет от русских метелей к британским туманам...* — Д. Н. Блудов был назначен в Лондон советником посольства на место П. И. Полетики. В Москву приехал в середине декабря 1817 г.

Ст. 28—29. ⟨...⟩ *и гонит // Челн Очарованный к квакерам за море...* — П. И. Полетика (его арзамасское прозвище взято из баллады «Адельстан») был назначен чрезвычайным и полномочным министром в Северо-Американских Соединенных Штатах.

Ст. 29. ⟨...⟩ *Чу в Цареграде...* — Д. В. Дашков с 1818 г. был сотрудником русского посольства в Константинополе.

Ст. 30—31. ⟨...⟩ *Ахилл, по привычке, // Рыщет и места нигде не согреет...* — К. Н. Батюшков (арзамасское прозвище из баллады «Ахилл»), зимой 1817—1818 г. ездивший из своего имения Хантоново в Москву и Петербург.

Ст. 31—32. ⟨...⟩ *Сверчок, закопавшись // В щелку проказы, оттуда кричит к нам в стихах: я ленюся.* — А. С. Пушкин (прозвище из «Светланы» или «Пустынника»), тяжело заболевший в самом начале декабря 1817 г. (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: 1799—1826. 2-е изд. Л., 1991. С. 151).

Ст. 34. *Только один Вот-я-вас усердствует славе...* — «Вот» — прозвище В. Л. Пушкина, подвергшееся трансформациям, — часто встречающееся в «Людмиле» и «Светлане» указательное местоимение; развенчание в «Вотрушку» за так называемые «яжелбицкие рифмы» и снова переименование в почетное «Вот-я-вас» (или «Вот-я-вас-опять»).

Ст. 36. *Брата Кабуда к Пегасу...* — Речь идет о «восточной сказке» «Кабуд-путешественник», написанной В. Л. Пушкиным в 1818 г.

Ст. 40. *Вы же, почетный наш баснописец...* — Имеется в виду И. И. Дмитриев, живший в Москве и являвшийся почетным членом «Арзамаса».

Ст. 42. *Вы, впервой заседающий с нами под знаменем Гуся...* — И. М. Семенко считает, что Дмитриев на заседании не присутствовал. Гусь — шуточная эмблема «Арзамаса», постоянный его атрибут (печать с изображением гуся; жареный гусь); общее прозвище членов общества («арзамасские гуси»).

Н. Вётшева

1818

Листок

(«От дружной ветки отлученный...»)

(С. 74)

Автограф неизвестен.

Копия (РГБ, ф. 218, к. 1338, № 12, л. 3)—рукою Е. Ф. Кривцовой, с параллельным французским текстом.

Впервые: FWДН. 1818. № 2. Февраль. С. 24.

В прижизненных изданиях: С 3—5 (С 3—4—отдел «Смесь»; С 5 (Т. 3. С. 31)—в подборке стихотворений 1818 г.).

Датируется: первая половина января 1818 г.

Датировка стихотворения дается предположительно: все переводы для своего издания FWДН Жуковский готовил непосредственно перед выходом очередного номера. 2-й номер был пропущен к печати А. А. Прокоповичем-Антонским 15 января 1818 г. (ПЖТ. С. 186). Отсутствие автографа этого стихотворения в «Книге Александры Воейковой», куда Жуковский в конце 1817 г. вписал переводы для 1-го номера, заставляет предполагать, что «Листок» был написан позднее.

«Листок»—перевод одноименного стихотворения французского поэта и драматурга Антуана-Венсана Арно (Arnault, 1766—1834) «La feuille». Стихотворение (по авторскому определению, «басня») отразило судьбу его автора, эмигранта-бонапартиста в эпоху Реставрации Бурбонов. Написанное в конце 1815 г., оно вначале было издано анонимно и даже было принято за неизвестную басню Лафонтена.

Вскоре оно стало популярным. О нем упоминал А. С. Пушкин в статье «Французская Академия»: «Участь этого маленького стихотворения замечательна. Костюшко перед своею смертью повторил его на берегу Женевского озера; Александр Инсиланти перевел его на греческий язык; у нас его перевели Жуковский и Давыдов...» (Пушкин. Т. 12. С. 46). Известны также переводы В. Л. Пушкина, П. И. Шаликова, Л. С. Пушкина (см.: Французская элегия в переводах поэтов пушкинской норы. М., 1989. С. 638—639).

Жуковский значительно сократил подлинник, сжав ст. 5—10 в два (вместо 15 ст. подлинника у Жуковского—10), удлинив при этом стихотворную строку и придав переводу большую напевность.

Положено на музыку А. Рубинштейном.

А. Янушкевич

Новая любовь—новая жизнь

(«Что с тобой вдруг, сердце, стало?..»)

(С. 74)

Автограф (ПД. № 27807, л. 40)—черновой, без заглавия.

Впервые: FWДН. 1818. № 2. Февраль. С. 18—21.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.
Датируется: начало января 1818 г.

В «Книге Александры Воейковой» автограф стихотворения находится в контексте стихотворений конца 1817 — начала 1818 г., предназначенных для сборника FWДН. Ему предшествует окончание баллады «Вадим» — с датой: «29 июля 1817 г.» (л. 36); вслед за ним идут переводы из Гебеля («Тленность», «Летний вечер», «Деревенский сторож в полночь»), созданные в феврале-марте 1818 г. Учитывая, что 2-й выпуск FWДН имеет ц. р. от 15 января 1818 г., можно отнести стихотворение «Новая любовь — новая жизнь» к началу января 1818 г.

Стихотворение является переводом одноименного произведения Гёте «Neue Liebe, neues Leben», написаного в 1775 г. и навеянного его чувствами к Лили Шёнеман, с которой он был помолвлен. Вероятно, автобиографический подтекст — история отношений Жуковского к Маше Протасовой, состояние поэта после замужества любимой — определяет обращение к стихотворению Гёте и общую атмосферу перевода.

Жуковский, прежде всего, меняет синтаксис подлинника, что уже проявилось в заглавии: тире вместо запятой отчетливее обозначило новое состояние поэта. Вместо 3-х вопросительных предложений подлинника — у Жуковского 8; вместо 4-х восклицательных — в переводе 9. Русский поэт насыщает текст Гёте своими любимыми словами-понятиями: «сладостно», «сладость», «душой», «томный», «очарованье», что превращает «шаловливое и грациозное стихотворение» Гёте в «мечтательно-элегическое» (Жирмунский. С. 86).

Ст. 17. *Я неволен, очарован!..* — По всей вероятности, этот стих стал точкой отталкивания для создания известного экспромта Л. С. Пушкина: «Я влюблен, я очарован, словом, я огончарован», передающего чувство А. С. Пушкина к Н. Н. Гончаровой. Этот экспромт часто повторялся и самим влюбленным, что дало основание приписать его ему (см.: Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 224).

А. Янушкевич

Первая утрата

(«Вы промчались, дни прекрасны...»)

(С. 75)

Автограф (ПД. № 27807, л. 43 об.) — черновой, с заглавием: «Первая утрата».
При жизни Жуковского не печаталось.
Печатается впервые.
Датируется: первая половина марта (до 14-го) 1818 г.

Дата создания стихотворения определяется по положению его автографа в рукописи: на л. 44 об.—45 расположен текст гатчинского послания «К Варваре Павловне Ушаковой и гр. Прасковье Александровне Хилковой», датируемый 14 марта 1818 г.

Стихотворение «Первая утрата» отражает настроение Жуковского после замужества М. А. Протасовой. В марте 1817 г., вскоре после свадьбы, он писал А. И. Тургеневу из Дерпта: «Душа как будто деревянная. ⟨...⟩ Поэзия молчит. Для нее еще нет у меня души. Прежняя вся истрепалась, а новой я еще не нажил» (ПЖТ. С. 176). Ср. ст. 9: «И душа отвыкла жить». 4-го октября 1817 г., приступив к своим обязанностям учителя русского языка великой княгини Александры Федоровны, Жуковский отправился с двором в Москву (ОА. Т. I. С. 89) и поселился там в одной из келий Чудова монастыря, о чем писал А. И. Тургеневу во второй половине октября 1817 г.: «⟨...⟩ живу теперь в келье какого-то монаха Чудовского; на окнах моих крепкие решётки, но горницы убраны не по-монашески; тишина стихотворная царствует в моей обители и уж Музы стучатся в двери; я еще не мог принять их за беспорядком, но завтра они ко мне пожалуют» (ПЖТ. С. 181). Дневниковая запись от 6 ноября 1817 г. тоже свидетельствует о том, что Жуковский — накануне творческого вдохновения: «Душа жива. Могу действовать без принуждения; могу действовать для добра...» (Дневники. С. 59).

Стихотворение «Первая утрата», созданное в период творческой активности поэта (конец 1817 — начало 1818 г.) — одно из первых поэтических излияний на сквозную тему лирики этого периода — «минувших дней очарованье». Как удалось установить, стихотворение «Первая утрата» является переводом одноименного стихотворения Гёте «Erster Verlust» (1789). Вот его текст — с параллельным подстрочником:

Ach, wer bringt die schönen Tage,	Ах, кто возвратит прекрасные дни,
Jene Tage der ersten Liebe,	Те дни первой любви,
Ach, wer bringt nur eine Stunde	Ах, кто возвратит лишь один час
Jener holden Zeit zurück!	Того милого времени назад!
Einsam nähr' ich meine Wunde,	Одиноко питаю я свою рану,
Und mit stets erneuter Klage	И в постоянно обновленных жалобах
Traur' ich um's verlorne Glück.	Грущу о потерянном счастье.
Ach, wer bringt die schönen Tage,	Ах, кто возвратит прекрасные дни,
Jene holde Zeit zurück.	То милое время назад.

В формальном отношении перевод Жуковского необыкновенно точен: русский поэт передает оригинальную строфику подлинника (катрен, терцет, дистих) и его не менее своеобразную систему рифм: и в немецком, и в русском тексте рифмуются 1—6—8, 3—5 и 4—7—9 стихи, а 2-й стих — ударный, содержащий в себе центральное понятие («Liebe» — «любовь» у Гёте; «счастье» — у Жуковского), остается нерифмованным. Столь же точен ритмический рисунок перевода в отношении к оригиналу: во втором нерифмованном стихе Жуковский вводит во вторую стопу четырехстопного хореического стиха дополнительный безударный слог, что тоже способствует выделению стиха из общей ритмики текста.

Зато в смысловом отношении русский поэт позволил себе существенное отступление в ст. 9. Ср.: «Jene holde Zeit zurück» («То милое время назад»)—«И душа отвыкла жить».

Стихотворение Гёте «Erster Verlust» под заглавием «Первая потеря» перевел позднее М. Михайлов (см.: Собрание сочинений Гёте в переводах русских писателей. 2-е изд. СПб., 1892. Т. 1. С. 71).

О. Лебедева, А. Янушкевич

Цветы

(«С приветом ласки нас встречайте!..»)

(С. 75)

Автограф (ПД. № 27807, л. 44)—черновой, с заглавием: «Цветы».

При жизни Жуковского не печаталось.

Печатается впервые.

Датируется: начало марта (до 14-го) 1818 г.

В «Книге Александры Воейковой» стихотворение «Цветы» расположено в непосредственной близости к стихотворению «Первая утрата» (л. 43 об.); тематически оно к нему также близко примыкает. Поэтому оба текста можно датировать одним и тем же хронологическим периодом творчества Жуковского и отнести их к группе стихотворений, отражающих настроение поэта после замужества М. А. Протасовой. О причинах их неопубликации можно только догадываться.

О. Лебедева

«В ту минуту, когда ты в белой брачной одежде...»

(С. 76)

Автографы:

1) ПД. № 27807, л. 42—42 об.—черновой, с параллельным немецким текстом.

2) РНБ, оп. 1, № 70, л. 149—150—беловой, в составе статьи «Воспоминание».

Впервые: МТ. 1827. Ч. 15. № 11. Июнь. Отд. 2. С. 105—106—с заглавием «На кончину *** (Из Жан-Поля)». Без подписи.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: март 1818 г.

Основанием для датировки является местоположение автографа в рукописи: среди стихотворений, опубликованных в первых номерах FWДН, перед мартовскими гатчинскими посланиями к фрейлинам и перед посланием «Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. кн. Александра Николаевича», написанным 17—20 апреля 1818 г.

По всей вероятности, стихотворение было предназначено для первых выпусков FWДН, о чем свидетельствует параллельный немецкий текст, но, вероятно, этические соображения—произведение Жан Поля было написано на смерть

матери великой княгини Александры Федоровны — королевы прусской Луизы (1771—1810) — повлияли на исключение перевода из состава сборника. Предстоящие роды великой княгини могли быть омрачены этим печальным воспоминанием. Только через 10 лет Жуковский опубликовал это стихотворение, а затем включил его в свою статью «Воспоминание» (1845—1850) со следующей преамбулой: «Вот что Ж. П. Рихтер написал в то время, когда королева Луиза покинула землю, оплакиваемая не одним своим отечеством, но и всем германским народом, который видел в ней идеал женской прелести» (ПСС. Т. 11. С. 24).

Приступив в начале октября 1817 г. к должности учителя русского языка великой княгини, Жуковский неоднократно беседовал с ней и ее гувернанткой Вильдермет о королеве Луизе. Дневниковая запись от 25 октября 1817 г.: «Биография королевы Луизы» (Дневники. С. 53), выписки на немецком языке (вероятно, из дневника г-жи Вильдермет) с припиской рукою великой княгини Александры Федоровны о смерти матери (после дневниковой записи Жуковского от 2 декабря этого же года.— Там же. С. 62) являются отправным моментом для создания стихотворения.

Как удалось установить, источником для стихотворения Жуковского явился прозаический текст «Schmerzlich-tröstende Erinnerungen an den neunzehnten Julius 1810» известного немецкого писателя Жан Поля (псевд. Иоганна Пауля Фридриха Рихтера; 1763—1825), входящий в трехтомник его прозы: «Herbst-Blumine, oder gesammelte Werkchen aus Zeitschriften» (Stuttgart und Tübingen, 1810. Bd. 1). Об отношении Жуковского к Жан Полю см.: БЖ. Ч. 2. С. 186—188.

Жуковский выбирает из некролога Жан Поля, разбитого на 7 самостоятельных фрагментов, начало (фрагменты 1—2-й) и конец (фрагмент 7-й), превращая этот текст-экстракт в самостоятельное гекзаметрическое стихотворение. Любопытно, что в автографе ПД параллельный немецкий текст, точно совпадая по смыслу с источником, переложен ритмической прозой и разбит на 21 строку. По всей вероятности, этот текст, написанный красными чернилами en regard рукою Жуковского,— творчество самого поэта.

Включая впоследствии свой перевод из Жан Поля в состав статьи «Воспоминание», Жуковский ориентировался на заглавие источника: «Schmerzlich-tröstende Erinnerungen an den neunzehnten Julius 1810» («Мучительно-утешительные воспоминания о 19 июле 1810 г.»

А. Янушкевич

Деревенский сторож в полночь

(«*Полночь било; в добрый час!..*»)

(С. 77)

Автограф (ПД. № 27807, л. 24, 43 об., 48—48 об.) — черновой, с заглавием: «Ночной сторож в деревне» и датой первоначального наброска: «1 ноября».

Впервые: FWДН. 1818. № 4. С. 8—19.

В прижизненных изданиях: С 3—5 (в С 3, 4 отдел «Сельские стихотворения», в С 5 в подборке произведений 1816 г. В С 3 — под названием «Деревен-

ский сторож», в С 4 — «Деревенский сторож в полночь», в С 5 — «Деревенский сторож в полночь. (Из Гебеля)».

Датируется: 1 ноября 1816 г. — середина марта 1818 г.

Начало работы над стихотворением четко датировано самим Жуковским в черновом автографе: «1 ноября», сразу же вслед за окончанием других переводов из Гебеля — «Овсяный кисель» и «Красный карбункул», т. е. 1816 г. Затем, с перерывами, работа над переводом продолжалась на протяжении всего ноября, но закончилась на ст. 34. К работе над окончанием перевода Жуковский возвращается лишь в марте 1818 г. и, вероятно, к середине месяца заканчивает текст, публикуя его в апрельском, 4-м выпуске FWДН. Поэтому перевод «Деревенского сторожа» и следует датировать 1 ноября 1816 — серединой марта 1818 г.

Перевод идиллии И. П. Гебеля «Der Wächter in der Mitternacht» («Сторож в полночь»), вошедшей в сборник «Алеманнские стихотворения» (см. примечания к стихотворению «Овсяный кисель» в настоящем томе). «Деревенский сторож в полночь» продолжает серию переводов Жуковского из идиллической поэзии Гебеля, предпринятую в октябре 1816 г. (наряду с «Овсяным киселем», «Тленностью»). Перевод полный, с изменением строфики (количество строф и количество стихов в строфах у Жуковского и Гебеля не совпадают), хотя вслед за Гебелем Жуковский использует полиметрическую композицию (4-стопный хорей сменяется 4-стопным ямбом с рифмовкой *aba*, затем — 4-стопным ямбом с рифмовкой *aabb* и, наконец, 5-стопным ямбом). Сама по себе такая композиция была малоупотребительна в русской поэзии и обычно ориентировалась на музыкальное исполнение. «Деревенский сторож» связан с музыкой лишь косвенными ассоциациями, и использование в этом стихотворении полиметрической композиции свидетельствует о стремлении Жуковского расширить ее жанровые границы, с одной стороны, а с другой — достичь, как и в других переводных идиллиях (из Гебеля), синтеза описательности и мелодичности.

«Деревенский сторож в полночь», опубликованный в FWДН вслед за «Тленностью», продолжает развивать идиллическую концепцию человека и мира. В 1817 г. в письме к Д. В. Дашкову Жуковский сообщал о своем замысле двух антологий: «русских сочинений в стихах и прозе» и «собрания переводов из образцовых немецких писателей, также в стихах и прозе». В плане содержания «Немецкой книжки» указано, кроме Гёте, Гердера, Шиллера: «Hebel: Weltsystem для поселян» (С 7. Т. 6. С. 440—441). Этот замысел, как известно, не был реализован Жуковским. Но последовательная публикация в FWДН названных выше переводов идиллий Гебеля, представляющих целостную идиллическую картину мира, весьма показательный факт. Полуальманах-полужурнал, FWДН издавался под покровительством Великой Княгини и предназначался для самого ограниченного придворного круга. Он должен был познакомить будущую царицу с русской литературой. Вместе с тем, FWДН должен был заполнить некоторую пустоту в душе кн. Александры Федоровны, оказавшейся в чужой стране, в чужой культуре. Очень важно, что для достижения этих целей Жуковский и избирает свои переводы из Гебеля, в том числе и «Деревенского сторожа в полночь». Работа над этим произ-

ведением ярко демонстрирует стремление Жуковского — русского мыслителя и поэта уйти от абстрактности, умозрительности к индивидуальному переживанию внешнего мира, к правдивому, естественному изображению этого мира в поэзии. Сопоставление подлинника и перевода, автограф свидетельствуют о принципиальности для Жуковского в момент работы над переводом решения проблемы «идеализации» и «простоты» в искусстве, конкретности и всеобщности. Но чем к большей конкретности, естественности приближается Жуковский, тем большей свободы творческого воображения это требует от него. По сути, он дописывает гебелевскую картину множеством деталей, делая ее живой, общедоступной, общезначимой. В этом смысле характерен уже перевод названия и отказ от первоначального заглавия «Ночной сторож». То, что эта замена для Жуковского принципиальна, подтверждает и факт помещения идиллии в отдел «Сельские стихотворения» в С 3, 4.

В переводе подчеркивается идея всеобщей подвижности (движение во внешнем мире, движение настроений, мыслей сторожа, движение в самой неподвижности), непосредственности впечатлений лирического героя. Стремясь создать законченные описательные отрезки (ст. 3—28, 35—66 и т. д.), Жуковский дает в переводе свое членение на строфы, которые концептуально соединяются серией последовательных вопросов и восклицаний («Как все молчит!» или «Куда идти мне?», «Как быть! Где был я? Где теперь?»). Тщательность в изображении внешнего мира не отменяет, а напротив, предполагает таинственность, мистицизм описанного в «Деревенском стороже...» Такая атмосфера передается полунамеками (не напрямую констатируется, как у Гебеля) — «в полночной глубине», «чу!» и т. п. Сиюминутное превращается в символ вечного, отсюда многочисленные «как будто», «как узнать», «смутно», «не знаю». В переводе появляется очень важный для Жуковского образ занавеса и бесплотного духа. Эти образы, как всегда у Жуковского, связывают два мира: идеал, поэзию, вечность и реальность, прозу, временное. У Жуковского, таким образом, неизмеримо большую роль играет сопряжение вещественной пластики и символического звучания предметной картины. «Деревенский сторож...» в этом смысле не только обобщает опыт предшествующих идиллий, но и носит не менее программный характер, чем элегии, такие, например, как «Славянка», «Невыразимое».

И. Айзикова

Тленность
Разговор на дороге, ведущей в Базель, в виду развалин замка Ретлера, вечером
(«Послушай, дедушка, мне каждый раз...»)
(С. 81)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 26, л. 33, 34 — черновой, неоконченный (ст. 1—88), без подзаголовка.

2) ПД, № 27807, л. 37 об., 40 об.—42 — черновой.

Впервые: FWДН. 1818. № 3. С. 2—15.

В прижизненных изданиях: С 3—5 (в С 3, 4 отдел «Сельские стихотворения», в С 5 в подборке произведений 1816 г. с названием в оглавлении «Тленность. Разговор (Из Гебеля)».

Датируется: октябрь 1816 г.

Сообщая А. И. Тургеневу в письме от 21 октября 1816 г. о завершении перевода идиллии И. П. Гебеля «Овсяный кисель», восторгаясь поэзией этого немецкого автора, Жуковский обещает перевести из Гебеля «еще многое» (ПЖТ. С. 164). Стихотворение «Тленность» явилось одним из этого «многого». Его источник — стихотворение «Die Vergänglichkeit», написанное Гебелем в 1800—1801 гг. и вошедшее в сборник «Алеманнские стихотворения» (см. комментарий к «Овсяному киселю» в настоящем томе). Перевод полный (у Жуковского на 1 стих больше, чем в оригинале), с отдельными незначительными несовпадениями количества стихов в монологах дедушки и внука у Жуковского и у Гебеля. В черновом неоконченном автографе отсутствуют формальные признаки диалога, текст не делится здесь ни на строфы, ни на фрагменты речи героев стихотворения. Впоследствии оно приобретает форму диалога, как в оригинале. Вслед за Гебелем Жуковский дает произведению характерный подзаголовок, в переводе которого русский поэт несколько отходит от автора (ср.: у Гебеля — «Gespräch auf der Straße nach Basel, zwischen Steinen und Brombach, in der Nacht»). С подзаголовком «Разговор», подчеркивающим ориентацию на слушателя, стихотворение помещено в оглавлении С 5.

Жуковский переводит «Тленность» белым пятистопным бесцезурным ямбом, и это было первое обращение поэта к данному размеру. Выбор его не был случайным. Прежде всего, он связан с диалогической формой стихотворения (впоследствии Жуковский будет использовать белый 5-стопный бесцезурный ямб в своих драматических произведениях, «опробовав» его на идиллии; см.: Матяш С. А. Метрика и строфика Жуковского. С. 71). Во-вторых, обращение к названному размеру связано с экспериментами Жуковского в области сказового повествования, «устности» изложения, что в свою очередь вытекало из общих процессов конца 1810-х гг. — взаимодействия, взаимовлияния прозы и поэзии, формирования лироэпических и эпических жанров в романтической литературе. Как показывают рукописи, работа Жуковского над переводом определялась именно поисками в области повествования и в области стиха.

В первую очередь Жуковский тщательно работает над стилем, приближая его к сказовому, что соответствовало образу дедушки, вернее, его патриархальной мудрой концепции мира, согласно которой в мире всему есть предел, но именно конечность отдельного осознается залогом вечного движения коллективной жизни. Романтический универсализм, свойственный, например, балладам Жуковского, здесь «заземляется» сказовым повествованием. Отсюда — основные настроения перевода: умиротворение, гармония, мудрое приятие всех объективных законов бытия. Конечно, образ дедушки, его разговор с внуком — всего лишь внешний прием, способствующий изложению целостной, хотя и драматической, концепции мира и человека, причем в ее житейском, более прозаическом осмыслении. Но

это было знаком перехода Жуковского к новому типу повествования. Сама разговорность стихотворения свидетельствует об общей тенденции движения Жуковского к «стихотворной прозе». Миф, легенда, лежащие в основе баллад, сменяются в «Тленности» житейской философией дедушки, который по-своему развивает тему самостояния человека перед обстоятельствами. Показательно, что Жуковский очень точно передает гебелевскую идею веры в Бога, смирения перед его волей.

Тенденции, обозначенные в «Тленности», были развиты в дальнейшем творчестве поэта, в том числе и в переводах из Гебеля (образ доброго дедушки из «Красного карбункула», видимо, был подсказан аналогичным образом из «Тленности»; см.: Янушкевич. С. 191). Установка на сказовость разрабатывается и в сказках, где вновь появляется рассказчик — мудрый дедушка.

Жуковский оригинально эпизирует материал подлинника: вводятся очень характерные детали, придающие картине описательность, эпичность. Переводчик старается быть «прозаичнее» Гебеля. Он подчеркивает эпическое дыхание времени. Многочисленные обстоятельства времени, отсутствующие у Гебеля, у Жуковского воссоздают вечное, универсальное течение жизни. Размышлениям дедушки придается субстанциальный смысл: частная жизнь человека помещается в вечное движение истории и природы. У Жуковского появляется большая степень обобщенности за счет соединения конкретного и универсального. Он более последовательно раскрывает состояние бренности всего сущего, акцентирует момент ухода, разрушения, но с целью подчеркнуть идею постоянного движения, осуществляющегося благодаря вечной смене старого новым. Конец и начало, жизнь и смерть у Жуковского явно амбивалентные понятия. Более яркие, чем у Гебеля, картины вечной жизни усиливают в переводе антитезу конкретного, сиюминутного и вечного, всеобщего.

Особую заботу в процессе перевода Жуковский проявляет к размеру стиха, напрямую связанному с программной установкой поэта на «плавное» течение рассказа. Известно, что именно белый ямбический стих определял восприятие «Тленности» (и других переводов из Гебеля, выполненных этим размером) друзьями и современниками Жуковского. Так, по словам Л. С. Пушкина, А. С. Пушкин тут же откликнулся пародией на перевод Жуковского:

«Послушай, дедушка, мне каждый раз, // Когда взгляну на этот замок Ретлер, // Приходит в мысль: что, если это проза, // Да и дурная?..» Не принимая в конце 1810-х гг. белого (нерифмованного) бесцезурного ямба Жуковского, Пушкин уловил между тем самое главное — движение первого русского романтика к эпосу, усиление в его лирике повествовательного начала («что если это проза»). Жуковский от души смеялся над этой пародией, уверяя, что молодой Пушкин вскоре изменит свое мнение о белом стихе. И действительно, этот размер стал одним из классических в русской поэзии, а Пушкин написал им своего «Бориса Годунова». К. Н. Батюшков также не сразу оценил новаторство Жуковского. Он писал ему в августе 1819 г.: «Прошу тебя писать ко мне; чего тебе стоит, когда ты имеешь время писать ко всем фрейлинам и еще время переводить какого-то базельского Пиндара на какие-то пятистопные стихи» (РА. 1884. Кн.1. С. 236).

И. Айзикова

Летний вечер

(«Знать, солнышко утомлено...»)

(С. 85)

Автограф (ПД, № 27807, л. 42 об.—43)—черновой.

Впервые: FWДН. 1818. № 4. С. 24—33.

В прижизненных изданиях: С 4, 5 (в С 4 отдел «Сельские стихотворения», в С 5 в подборке произведений 1818 г., в оглавлении с подзаголовком: «(Из Гебеля)»).

Датируется: январь-март 1818 г.

Перевод одноименного стихотворения И. П. Гебеля «Der Sommerabend», опубликованного в сборнике «Алеманнские стихотворения» (1803). Перевод выполнен, вероятно, специально для FWДН, он полный. Однако Жуковский, активно способствовавший, как известно, бурному расцвету метрических форм в русской поэзии, сохранив строфику оригинала, сознательно нарушает правило альтернанса (внутри строфы со сплошными мужскими окончаниями) и изменяет размер стиха.

Здесь, как и в других переводах из Гебеля, Жуковский вновь всматривается в повседневное лицо природы и человека. При этом, по сравнению с Гебелем, Жуковский более внимателен к конкретным деталям пейзажа. И в целом описательность в переводе—иного рода. Она подчинена созданию символических образов, вызывающих богатые ассоциации и производящих благодаря этому (как в музыке) сильное эмоциональное впечатление. Все это, взятое вместе, делает произведение Жуковского необычайно мелодичным. Жуковскому это было, по-видимому, очень важно. В конце января—начале февраля 1818 г., после выхода в свет первого номера FWДН поэт пишет А. И. Тургеневу: «Посылаю тебе и всем арзамасцам первый номер моего песенного журнала, Моя ученица скоро все это будет петь по-русски» (ПЖТ. С. 186). Неслучайно позднее это стихотворение было положено на музыку несколькими композиторами: А. А. Астафьевым, М. Р. Щиглевым, Н. М. Ладухиным, В. И. Ребиковым.

Жуковский более активно и последовательно соединяет в своем переводе два стиля: собственно поэтический и элементы прозаического, включая разговорную лексику. В силу этого описание захода солнца оборачивается глубокой медитацией и самопроникновением лирического героя. Задача переводчика—запечатлеть постоянные смены состояния природы и настроения лирического героя, в связи с чем в переводе более четко выделены 3 части стихотворения: заход солнца, солнечный день и появление месяца на небе (это хорошо почувствовали Н. М. Ладухин, В. И. Ребиков: их музыка на слова «Летнего вечера» Жуковского—для двух- и трехголосых хоров).

И. Айзикова

⟨Обеты⟩

(«Будьте, о духи лесов, будьте, о нимфы потока...»)

(С. 87)

Автограф (ПД. № 27807, л. 43 об.) — черновой, без заглавия.

Впервые: МТ. 1827. Ч. 16. № 13. Июль. С. 4 — с заглавием: «Гёте. Обеты».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: март 1818 г.

Традиционная датировка стихотворения 1821-м г., закрепившаяся в изданиях сочинений Жуковского начиная с С 7, представляется ошибочной. Черновой (и единственный известный) автограф убедительно доказывает, что стихотворение было написано вместе с другими переводами, предназначавшимися для 3—4-го выпусков FWДН. Местоположение автографа перед гатчинским посланием фрейлинам от середины марта 1818 г. позволяет уточнить датировку — первая половина марта 1818 г.

Озаглавленное при первой публикации «Обеты», стихотворение Жуковского является переводом гётевского «Ländlisches Glück», опубликованного в 1789 г., но написанного еще в 1782 г. и заглавия не имевшего, ибо было предназначено для использования в качестве одной из надписей среди деревьев парка в Тифурте, где находилась летняя резиденция Веймарской герцогини-матери Анны Амалии.

Представляется вполне вероятным, что Жуковский перевел стихотворение, применяя его к Павловскому парку, хозяйкой которого была вдовствующая императрица Мария Федоровна, создавшая его по образу и подобию парка в Тифурте. Гётевская надпись в антологическом роде вполне могла быть вписана в ландшафт Павловского парка, включавшего и скульптурные изображения в античном стиле.

Другим не менее убедительным поводом для обращения Жуковского к переводу именно этого стихотворения могло стать увлечение поэта переводами из Гебеля и знакомство с рецензией Гёте на его «Алеманнские стихотворения», процитированной русским поэтом при публикации «Овсяного киселя», где особенно подчеркивалось своеобразие изображения жизни поселян в идиллиях Гебеля по сравнению с «древними поэтами и их новейшими подражателями», каковым являлся и сам Гёте в «Ländlisches Glück» («Сельское счастье»). Не исключено, что данное заглавие явилось для Жуковского своего рода толчком к выделению в С 3—4 подборки «Сельских стихотворений», куда вошли все переводы из Гебеля.

«Обеты» — достаточно близкий перевод «Ländlisches Glück». Как указывает В. М. Жирмунский, это — «самая ранняя попытка в русской поэзии передать античный элегический дистих», хотя поэт еще «не вполне справляется с новым размером, допуская метрические ошибки (неударный слог после цезуры) в первых двух пентаметрах» (Жирмунский. С. 94).

Что касается пафосно звучащего заглавия, то его происхождение представляется не совсем ясным, ибо ни в оригинале, ни в переводе нет и речи о каких-либо *обещаниях* или *обязательствах*, скорее можно говорить о *наказах*, *заветах* или *закля-*

тиях, что подчеркнуто повелительной формой глаголов как в оригинале, так и в переводе.

Есть основания предполагать, что заглавие не принадлежит Жуковскому и является либо ошибкой наборщика (Заветы—Обеты), либо своеволием редактора. Стихотворение, написанное 9 лет назад, публиковалось впервые, когда автор уже более года находился в заграничном путешествии. Сама публикация выглядит несколько необычно. В 13-м номере МТ за 1827 г. в разделе «Изящная словесность» на с. 4 читаем: «Гёте. Обеты». Далее следует текст стихотворения Жуковского, без указания авторства. У Гёте стихотворения с таким заглавием нет. Перемена заглавия произведения при указании автора оригинала не могла быть сделана с ведома Жуковского.

П. А. Ефремов, включая в уже сформированный третий том (С 7) ряд вновь обнаруженных им стихотворений Жуковского (С. 483—494), использует список П. Бартенева, сделанный, как утверждает владелец, с автографов поэта, часть которых взята им «из альбома А. П. Елагиной». Первым публикуется стихотворение без заглавия, начинающееся словами: «Будьте, о духи лесов, будьте, о нимфы потока...», то есть в рукописи альбома, откуда оно переписано Бартеневым, заглавия не было.

П. А. Ефремов, издавая третий том С 7, не знал о публикации стихотворения в МТ, о чем он сообщает в «Библиографических примечаниях» к третьему тому (Т. 5. С. 547). Сочтя эту публикацию сделанной с ведома поэта, хотя и отметив ее необычную форму, Ефремов в следующем издании (С 8. Т. 2. С. 340) публикует текст Жуковского с заглавием, данным в МТ. Поскольку достоверных доказательств того, что заглавие антологическому шестистишию дано самим Жуковским, мы не имеем, то считаем возможным публиковать его без заглавия, по первой строке.

Н. Реморова

Горная дорога

(«Над страшною бездной дорога бежит...»)

(С. 87)

Автограф (ПД. № 27807, л. 47 об.)—черновой.

Впервые: FWДН. № 4. С. 2—7—с заглавием: «Горная песнь».

В прижизненных изданиях: С 3—5—с заглавием: «Горная дорога» и указанием на источник перевода: «Из Шиллера» (в С 3—4—отдел «Романсы и песни»; в С 5 отнесено к 1818 г.).

Датируется: вторая половина марта (после 14-го) 1818 г.

Датировка дана по положению текста в рукописи: на л. 44 об.—45 «Книги Александры Воейковой» расположен черновой автограф второго послания к фрейлинам (первое датируется 14 марта 1818 г.); л. 45 об.—46 об. заняты его продолжением. Поскольку «Книга Александры Воейковой» заполнялась в строго хронологическом порядке, стихотворение «Горная дорога» может быть датировано

второй половиной марта 1818 г. В пользу этой датировки говорит и тот факт, что стихотворение опубликовано в апрельском выпуске FWДН.

«Горная дорога» является переводом стихотворения Ф. Шиллера «Berglied» («Горная песня»; первоначальный вариант заглавия перевода Жуковского более точен), созданного в начале 1804 г., в период работы над трагедией «Вильгельм Телль», в состав которой Шиллер намеревался включить это стихотворение, описывающее дорогу из Швейцарии в Италию через перевал Сен-Готард. Ср. в письме Гёте к Шиллеру от 26 января 1804 г.: «Ваше стихотворение весьма искусно изображает подъем на Сен-Готард (допуская при этом и другие толкования) и очень хорошо подходит к Теллю. ⟨...⟩ Каждая строфа соответствует определенному участку пути; однако отсутствие каких-либо конкретных наименований (названия скал, рек и т. д.) допускает и символическое толкование стихотворения» (И. В. Гёте. Ф. Шиллер. Переписка: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 448, 555).

В трагедию «Вильгельм Телль» стихотворение не вошло, однако «для описания горной дороги в Италию в „Вильгельме Телле“ и „Горной песне“ Шиллер использовал один и тот же источник: I. K. Fäsi. Genaue und vollständige Staats- und Erdbeschreibung der ganzen Helvetischen Eidgenoßschaft... Bd. 1—4. Zürich, 1765—1768» (Зарубежная поэзия. Т. 2. С. 584).

В метрическом отношении перевод Жуковского почти точен: соблюдая общую закономерность чередования стихов 4- и 3-стопного амфибрахия, Жуковский сглаживает синкопированные стопы, заменяя их стопами полного образования.

Ст. 1—4. *Над страшною бездной дорога бежит ~ Погибель над нею гнездится...* — В этих стихах описана тропа из Амштега через Вассен и Гешенен.

Ст. 7—12. *Там* ***мост*** *через бездну отважной дугой ~ Сразить его рвется и ввек не сразит...* — Имеется в виду знаменитый «Чертов мост», под которым течет река Рейсс.

Ст. 13—15. *Там, грозно раздавшись, стоят* ***ворота*** *~ Пройди их — долина, долин красота...* — В этих стихах описана так называемая «Урийская дыра», сквозь которую открывается вид на долину Ури. Аналогичный пейзаж (горные ворота Prebisch Thor) встречается и в статье Жуковского «Путешествие по Саксонской Швейцарии». Ср.: «⟨...⟩ вид несравненный: не понимаешь, для кого созданы природою, в пустыне, эти таинственные ворота и куда ведут они; кругом них бездны, сквозь их отверстие виден один волнующийся туман, и что-то, как будто из другого света, мелькает сквозь этот полупрозрачный сумрак» (ПСС. Т. 12. С. 8).

Ст. 19. *Четыре* ***потока*** *оттуда шумят...* — В долине Ури находятся истоки Рейсса, Роны, Тичино и Рейна.

Ст. 25. *Там в блеске небес два* ***утеса*** *стоят...* — Скалы Фиуэдо и Проза.

Ст. 31. *Царица сидит высоко и светло...* — Скала Мутенгорн.

О. Лебедева

К Варваре Павловне Ушаковой и гр. Прасковье Александровне Хилковой В Гатчине

I

(«Не грех ли вам, прекрасная графиня...»)
(С. 88)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 26, л. 43 — черновой (ст. 1—25), без заглавия.

2) ПД. Р. I, он. 9, № 4, л. 1 — беловой (ст. 1—26), без заглавия, с датой: «Сего 14 марта. 1818 года».

Копии:

1) ПД. № 9625, л. 11—11 об. — рукою А. П. Зонтаг в ее альбоме, с ошибочным заглавием: «К Шуваловой».

2) ПД. № 112, I м., л. 1—1 об. — рукою А. П. Зонтаг, без заглавия и двух заключительных стихов: на листе, вырванном из альбома (см. копию № 1).

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С б. Т. 4. С. 508 — с заглавием: «Послание к В. П. Ушаковой и к графине Пр. А. Гендриковой».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 14 марта 1818 г.

II

(«Варвара Павловна! графиня! помогите...»)
(С. 89)

Автографы:

1) ПД. № 27807, л. 44 об.—46 — черновой, без заглавия.

2) ПД. № 111, I с., л. 1—2 — беловой, без заглавия; на л. 2 об. надпись: «Жестоким соседкам от горестного соседа».

Копия (ПД. № 9625, л. 11 об.—12 об.) — рукою А. П. Зонтаг.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 8. Т. 2. С. 361—363.

Датируется: конец марта (после 14-го) 1818 г.

Оба послания внутренне связаны между собой и были созданы одновременно в период недолгого пребывания Жуковского в Гатчине: около 26 марта он уже возвратился в Москву (см.: ИВ. 1881. Т. 5. Май. С. 4—9). Адресатом посланий являются фрейлины Варвара Павловна Ушакова (в замуж. Барыкова, ум. 1862) и княжна Прасковья Александровна Хилкова (в замуж. гр. Гендрикова, 1803—1843).

Под «розовым романом» в 3-х томах, два из которых пересказывает Жуковский в надежде получить окончание, имеется в виду знаменитый роман французской писательницы Марии Коттен (M-me Cottin, 1770—1807) «Матильда, или Крестовые походы» (1805). Герой романа Малек-Адель был «идеалом романтических барышень XIX в.» (Лотман Ю. М. Пушкин. СПб., 1995. С. 612).

С точки зрения эстетической второе послание интересно как еще один (после «Двенадцати спящих дев») опыт переложения прозаического романа на язык поэзии. Только в отличие от «Двенадцати спящих дев» к роману Коттен Жуковский относится достаточно иронически, по-арзамасски.

Н. Вётшева

III

(«Графиня, можно ль так неблагодарной быть!..»)

(С. 91)

Автограф (ПД. № 27807. Книга Александры Воейковой, л. 45 об.—46 об.)— черновой.

Копия (ПД. № 9625, л. 12 об.— 13)— рукою А. П. Зонтаг, ст. 1—38.

При жизни Жуковского не печаталось.

Печатается впервые.

Датируется: после 14-го и не позднее 24 марта 1818 г.

Публикуемый текст представляет собой органичное сюжетно-тематическое завершение двух предшествующих и ранее известных посланий к В. П. Ушаковой и П. А. Хилковой, посвященных ироническому пересказу романа М. Коттен «Матильда, или Крестовые походы». Их внутренняя связь определяет предлагаемую датировку неизвестного ранее текста.

В отличие от первых двух, третье послание характеризуется большим разнообразием поэтических интонаций: «домашняя» бытовая и пародийно-ироническая установка павловских посланий Жуковского дополняется здесь проникновенным лиризмом и элементами философской рефлексии (см. ст. 40—46), что сближает его с эстетическими манифестами Жуковского, сопрягающими в тексте одного лирического стихотворения, равного мгновению жизни, весь спектр возможных поэтических интонаций — от бытовых до бытийных. Подробнее о поэтике эстетических манифестов Жуковского см.: Янушкевич. С. 131—156.

Ст. 36. *И жизнь ничтожную собой изображало...*— В копии этот стих дан с разночтением: «Увы! Оно ничтожну жизнь собой изображало!»

Н. Вётшева, О. Лебедева

Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. кн. Александра Николаевича Послание

(«Изображу ль души смятенной чувство?..»)

(С. 93)

Автограф (ПД, № 27807, л. 50—53)— параллельно черновой и беловой.

Копия (ПД. Р. 1, он. 9, № 52, л. 1—4 об.)— рукою неизвестного лица, под заглавием: «Е. И. В. Государыне Великой Княгине Александре Федоровне 20 апреля 1818».

Впервые: двумя отдельными брошюрами «Е. И. В. В. Кн. Александре Федоровне» (первая — М., 1818 в типографии С. Селивановского, вторая — в типографии Медико-хирургической академии: ц. р. в обеих брошюрах: 7 мая 1818 г.).

В прижизненных изданиях: С 3—5 (под текстом во всех изданиях дата: «Апреля 20 дня, 1818»).

Датируется: 17—20 апреля 1818 г.

Стихи написаны на рождение в. кн. Александра Николаевича (впоследствии Александр II) — 17 апреля 1818 г. и посвящены его матери. В дневнике от 17 апреля 1818 г. Жуковский записывает: «Один из прекраснейших дней. Рождение Вел. Кн. Прелестное утро. Чувства веселые, ясные, живые, без примеси. Радость истинная. Конец беспокойству. Черты истинной высокости в характере матери: это великое счастье» (Дневники. С. 63). По своей жанровой природе стихотворение представляет достаточно сложный синтез традиций одического послания и романтической элегии со многими приметами поэтики «невыразимого»: это, прежде всего, особая поэтическая лексика («тайное намерение Промысла», «души смятенной чувство», «тайные наслаждения», «темное к небесному стремленье», «как выразить сей час невыразимый», «верила бестрепетно душа» и др.).

Эти устойчивые формулы романтической лексики и романтической эстетики «невыразимого» трансформируют гражданскую историко-героическую тему стихотворения, преобразуют «формально-одическое послание». Однако следы определенного влияния поэзии XVIII века стихотворение содержит. «Поэтическая максима»: «Да на чреде высокой не забудет // Святейшего из званий человек», как точно указал Ц. С. Вольпе, восходит к стихам поэта В. Петрова «Путешествие Его Имп. Высоч. Константина Павловича 1799 г.» («Средь почестей и хвал // В душе твоей вовек // Пребудет впечатленно, // Пребудет живо и нетленно // Всех выше титло **Человек**»), явившимся, в свою очередь, пересказом четырех стихов из оды Г. Р. Державина «На рождение в Севере порфирородного отрока» (1799): «Но последний, добродетель // Зарождаючи в нем, рек: // Будь страстей твоих владетель, // Будь на троне Человек!» (Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1933. Т. 2. С. 496—497).

В библиотеке Жуковского сохранилось трехтомное собрание стихотворений В. Петрова (Описание. № 287), содержащее ряд читательских помет, в том числе особым значком «+» отмечены и указанные стихи «На путешествие Его Имп. Высоч. Константина Павловича» (Сочинения В. Петрова. 2-е изд. СПб., 1811. Т. 2. С. 275). Достаточно высоко оценивший поэзию В. Петрова в своем «Конспекте по истории русской литературы» (см.: Эстетика и критика. С. 320), Жуковский, как показывает его библиотека, был внимательным читателем В. Петрова. Целый ряд помет содержат оды: «Екатерине II, самодержице Всероссийской, на взятие Очакова», «На взятие Измаила 11 дня 1790 г.», «На взятие Варшавы» и др. Жуковский отмечает в этих одах привлекшие его внимание описания боев, отдельных сражений. Напр., в оде «На взятие Варшавы» выделены стихи: «Конь бодрый, ржа, под ним топочет, // Крутится, пенясь и дымясь» (2, 165) или «Как красны женихи в уб-

ранстве, // Подвиглись Россы на беду, // На пир подвиглись будто брачный, // В пути их крутит воздух мрачный, // Густеющ туркам ко вреду» (2, 70).

Как показывает сличение рукописных и печатных вариантов, больших изменений стихотворение не претерпело. Работа шла главным образом над отдельными словами с целью уточнения их смысла. Напр., ст. 10: «он пролетел, священный час мучений» — «грозный час», ст. 12: вместо «упованье» — «желанье», ст. 30: «смятенный дух» — «мой смутный дух», ст. 71: «бессмертный Кремль» — «державный Кремль», ст. 105: «народ, припав к ступеням Алтаря» — «народ, теснясь к ступеням Алтаря». Здесь всюду поэт снимает излишнюю высокость стиля, придавая словам их жизненную простоту и психологическую точность.

В черновом автографе (л. 52) ст. 112—119 были вычеркнуты:

О! Сладкий час, в надежде, в страхе жданный!
Гряди в наш мир, младенец, гость желанный!
Тебя узрев, коленопреклонен,
Младой отец пред матерью спасенной
В жару любви рыдает, слов лишен.
Перед твоей невинностью смиренной
Безмолвная праматерь слезы льет!

Однако в печатном тексте они были восстановлены.

Ст. 82. *На бой и честь скликал полки Донской...* — Сборы Д. Донского перед Куликовской битвой 8 сентября 1380 г.

Ст. 83. *Пожарский мчал, сквозь ужасы и пламя...* — Д. М. Пожарский (1578—1642), предводитель московского ополчения против польских интервентов 1612 г.

Ст. 86. *Романов брал могущество державы...* — Имеется в виду приход к власти в 1613 г. Михаила Романова.

Ст. 87—88. *Вводил полки бессмертья и Полтавы // Чудесный* ***Петр*** *в столицу за собой...* — Речь идет о вступлении Петра I в Москву после Полтавской битвы (1709 г.).

Ст. 91. *Ужасный пир Кагула и Эвксина...* — Имеется в виду победа русских над турками на реке Кагуле под предводительством фельдмаршала Румянцева (1770) и в тот же год — русского флота на Эгейском море (здесь неточно названном Эвксином).

Ст. 115. *Младой отец пред матерью спасенной...* — Великий князь Николай Павлович, будущий Николай I.

Ст. 118. *Безмолвная праматерь слезы льет...* — Императрица Мария Федоровна, вдова Павла I.

Ф. Канунова

Ответ кн. Вяземскому на его стихи «Воспоминание»

(«Ты в утешители зовешь воспоминанье...»)

(С. 98)

Автограф (ПД. № 27.779) — черновой.

Впервые: Дамский журнал. 1823. Ч. 3. № 17. С. 174—175, с заглавием: «Ответ князю Вяземскому на его стихи: *Воспоминание*», с подписью: «Ж.»

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: апрель (до 17-го) 1818 г.

Ц. С. Вольпе указывает на существование двух автографов комментируемого стихотворения: черновая рукопись в Татевском архиве Рачинских (факсимиле в кн.: Верховский Ю. Н. Е. А. Баратынский: Материалы к его биографии. Пг., 1916. С. 12); беловой автограф, зафиксированный Н. К. Кульманом в описанном им альбоме гр. С. А. Самойловой (Кульман. С. 1085, 1120).

Стихотворение Жуковского представляет собой ответ на стихотворение П. А. Вяземского «К воспоминанию», написанное в Варшаве, где Вяземский служил в канцелярии Н. Н. Новосильцева с весны 1818 г. (впервые: Дамский журнал. 1823. Ч. 1. № 6. С. 234). В Поли. собр. соч. Вяземского (СПб., 1880. Т. 3. С. 319) это стихотворение ошибочно отнесено к 1823 г. по дате первой публикации).

15 апреля 1818 г. Вяземский писал из Варшавы А. И. Тургеневу: «⟨...⟩ вижу тебя в кремлевской келье у отца Василия, читающего мои стихи „К воспоминанию“» (ОА. Т. I. С. 100), имея в виду место жительства Жуковского в одной из келий Чудова монастыря во время пребывания двора в Москве (см.: ПЖТ. С. 181). Письмо Жуковского, в котором он послал Вяземскому свое стихотворение, датировано 17 апреля 1818 г.: «Я иногда прихожу от себя в отчаяние и готов послать за попом, чтобы велеть себя отпевать. Моральный рак ест мою душу; по крайней мере, в эту минуту сидит он в ней глубоко и портит все прошедшее, настоящее и будущее... все мне гадко. Доказательством этой гадости пусть будут мои стихи, которые я тотчас и написал по получении твоих прекрасных» (РА. 1896. Т. 3. С. 205). Это письмо позволяет точно датировать стихотворение Жуковского апрелем (не позже 17-го) 1818 г., на что впервые указал Ц. С. Вольпе (Стихотворения. Т. 2. С. 508).

Ст. 1. *Ты в утешители зовешь воспоминанье...* — Ср. первые стихи послания «К воспоминанию» П. А. Вяземского: «Прошедшего привет, воспоминанье! // Отрадой сердца посети!»

Ст. 4. *И веры к будущему нет!..* — К этому стиху в первой публикации издатель «Дамского журнала» П. И. Шаликов сделал следующее примечание: «То есть к будущему времени, которое обыкновенно сулит какое-то счастие человеку. Изд.» Ср. также стих Вяземского: «Грядущего умолкнул голос льстивой».

Ст. 10—12. *Однообразной жизни свет! ~ Угрюмый выглянул скелет...* — Рифма «свет — скелет» является реминисценцией из стихов 94—96 послания Жуковского «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» (1814): «Страшись к той славе прикоснуться, // Которою прельщает *Свет* — // Обвитый розами скелет», которые были в сознании Жуковского устойчивой аллегорией светской популярности и светской жизни. В ноябре-декабре 1815 г. он писал А. П. Киреевской из Петербурга: «Беспрестанно уверяюсь, что я написал разительные истины в моем послании к Вяземскому и Пушкину. Нет ничего презрительнее той славы, которой все обыкновенно ищут! *Обвитый розами скелет* — выражение, разительно справедливое» (УС. С. 19); «*Обвитый розами скелет*! Это можно сказать не об одной славе, но и о жизни, то

есть о том, что называют жизнью в обыкновенном смысле ⟨...⟩, об этом хаосе света — скелет! скелет! И посмотреть на него вблизи убийственно даже для самого уединения! большая часть мечтаний должна погибнуть!» (УС. С. 21).

О. Лебедева

Молитва Русского народа

(«Боже, Царя храни!..»)

(С. 99)

Автограф (ПД. № 27783, л. 1) — беловой, без первой строфы.

Впервые: СО. 1818 — с заглавием: «Гимн, петый воспитанниками Санктпетербургской гимназии на публичном экзамене».

В прижизненные собрания сочинений не входило. В С 5 опубликовано посмертно (Т. 12. С. 91—93) — с заглавием: «Народный гимн (1814 года)».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 1816 — первая половина 1818 г.

Мнение К. К Зейдлица, что Жуковский после взятия Парижа «докончил начатый еще в 1813 году известный народный гимн» (Зейдлиц. С. 67), не должно быть связанным именно с весной 1814 г., поскольку в СО (1815, № 48) была напечатана лишь одна строфа (см. наст. изд., т. 1). К. К. Зейдлиц имел в виду шестистрофную «Молитву русского народа», появившуюся в СО в 1818 г. под явно редакторским заглавием, позволяющим датировать ее создание не позднее первой половины 1818 г.

После написания в 1833 г. Жуковским и А. Ф. Львовым «Русской народной песни», ставшей государственным гимном, исполнялась как гимн и «Молитва русского народа» с заменой первой строфы — «александровской» — на «николаевскую». Ст. 34 при исполнении получил переогласовку, вкравшуюся со слуха в печатные тексты: вместо «Тайна земли!» — «Дай на земли...» (по аналогии со ст. 3).

Сравнительный анализ английского гимна «Боже, храни Короля», «Молитвы русского народа» и «Русской народной несни» см. в статье Л. Н. Киселевой «Карамзинисты — творцы официальной идеологии (заметки о российском гимне)» (Тыняновский сборник. М., 1998. Вып. 10. С. 24—39).

Н. Серебренников

⟨БАСНИ ИЗ ЛЕССИНГА⟩

[1] Лисица и Обезьяна
[2] Конь и Бык
[3] Журавль и Лисица
[4] Алкид
[5] Дуб
[6] Соловей и Павлин
[7] Пастух и Соловей
[8] Меропс
[9] Дар волшебниц

(С. 100)

Автограф неизвестен.

Копия (ПД. № 27766, л. 2—4 об.) — каллиграфическим почерком, в отдельной тетради, с разметкой ритмических ударений.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Гофман. С. 150—153.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по копии.

Датируется: первая половина 1818 г.

Как было обнаружено нами, все 9 басен, написанных Жуковским гекзаметром, являются достаточно точным переводом прозаических басен Г. Э. Лессинга (Lessing, 1729—1781) из трех первых книг его «Басен» (подробнее см.: БЖ. Ч. 3. С. 411—414).

Интерес Жуковского к басне проходит через всё его творчество, отражая эволюцию эстетических и общественных взглядов художника. Его переводы басен Лафонтена и Флориана в 1806 г. (см. примеч. в т. 1 наст. изд.), статья «О басне и баснях Крылова» (1809) обозначили процесс эстетического и творческого постижения законов и тайн басенного жанра. Очень рано в сферу этих интересов входит и Лессинг как автор прозаических басен и «Рассуждения о сущности басни». Так, среди материалов для «Вестника Европы» появляется запись: «Лессинговы басни» (РНБ, он. 1, № 79, л. 33). И позднее упоминание имени Лессинга и его прозаических басен сопровождает творческие поиски русского поэта.

Возобновление интереса Жуковского к Лессингу в конце 1810-х гг. было связано с двумя почти одновременно возникшими факторами: намерением поэта издавать «Собрание переводов из образцовых немецких писателей», о чем он сообщает в письме 1817 г. Д. В. Дашкову (РА. 1868. № 4. Стб. 837—843), и началом занятий в конце 1817 г. с великой княгиней Александрой Федоровной по обучению ее русскому языку. Помимо этого Жуковский считал необходимым преподать члену царской семьи и некоторые важные с точки зрения просветителя и честного человека правила, некоторые принципы, которыми должны руководствоваться люди, причастные к управлению государством. И если для воспитания частного человека могли быть успешно использованы житейские поучения стихотворных басен Лафонтена и Флориана, Глейма и Пфеффеля, то для лица, стоящего у кормила

власти, более подходили басни Лессинга, направленные против пороков общественных.

В большинстве переведенных Жуковским басен Лессинга действующими лицами являются персонажи, олицетворяющие собой не частных людей с их обыденным существованием, а тех, кто наделен силой или талантом, либо облечен какой-то властью: горячий Конь, дикий Бык, Геркулес, Дуб, Соловей, Пастух, Орел, феи. Отсюда и нравственный урок, предлагаемый читателю, касается не частных, бытовых проблем, но нацелен на решение общих просветительских задач.

Оригинальные басни Лессинга оказались созвучны тем задачам, которые вставали перед Жуковским-просветителем, мечтавшим стать «русским поэтом в благородном смысле сего имени», видевшим в поэзии силу, способную «иметь влияние на душу всего народа» (ПЖТ. С. 163), и стремившимся на практике осуществить утопическую мечту по воспитанию просвещенного монарха. Всё это и привело его к басне прозаической, стоявшей близко к притче, художественные возможности которой «лежат не в полноте изображения, а в непосредственности выражения, не в стройности форм, а в проникновенности интонаций» (Аверинцев С. С. Притча // Краткая литературная энциклопедия. М., 1971. Т. 6. С. 21.

Анализ текста басен показывает, что при переводе Жуковский стремился к максимально точной передаче оригинала. Он не вносит никаких поэтических украшений, не стремится придать характерам персонажей большую живость, чем это есть в оригинале. Ни один герой не заменен другим в переводе, не изменена обстановка действия. Естественная замена некоторых слов и выражений нигде не носит принципиального характера, не меняет авторской оценки изображаемого. В переводе сохранена эпиграмматическая сжатость оригинала и неожиданные концовки басен.

Используемый Жуковским при переводе прозаических басен Лессинга русский гекзаметр с обилием хореических стон и переносов создает впечатление свободно льющейся разговорной речи. В то же время наличие стихотворного размера превращает повествование в своеобразную ритмическую прозу, которой Жуковский будет широко пользоваться при создании эпических произведений в 1830—1840-е гг.

«Лисица и обезьяна» — перевод басни «Der Affe und der Fuchs» (Кн. I. № 6).

«Конь и Бык» — перевод басни «Das Roß und der Stier» (Кн. I. № 9).

«Журавль и Лисица» — перевод басни «Der Fuchs und der Storch» (Кн. I. № 21).

«Алкид» — перевод басни «Herkules» (Кн. II. № 2). Последняя строка басни добавлена переводчиком, вероятно, не удовлетворенным недостаточной ясностью выраженного в оригинале назидания.

Геркулес (лат.) соответствует греч. Гераклу. Геракл — сын Зевса и земной женщины Алкмены. Отсюда его первоначальное имя Алкид. Ревнивая Гера стала врагом Алкида: задержала роды Алкмены, лишив тем самым Геракла обещанных Зевсом Микен, послала змей к его колыбели, но герой задушил их; неоднократно

насылала на него безумие и т. д. Жуковский заменяет в заглавии имя Геркулес на Алкид, желая, видимо, напомнить читателю истоки вражды героя с богиней.

«**Дуб**» — перевод басни «Die Eiche» (Кн. III. № 15).

«**Соловей и Павлин**» — перевод басни «Die Nachtigall und der Pfau» (Кн. 1. № 7).

Кнеллер Готфрид (Kneller, 1648—1723) — живописец и портретист. Обучался в Амстердаме и Венеции. С 1674 г. и до конца жизни работал в Лондоне, где был королевским придворным живописцем.

Поп Александр (Pope, 1688—1744) — английский поэт, автор «Опыта о человеке», многих дидактических и сатирических поэм. Жуковский в 1806 г. перевел фрагмент из его «Послания Элоизы к Абеляру».

Аддисон Джозеф (Addison, 1672—1719), английский писатель-просветитель, один из издателей журнала «Зритель» («Spectator»).

«**Пастух и Соловей**» — перевод басни «Der Schäfer und die Nachtigall» (Кн. III. № 30).

«**Меропс**» — перевод басни «Merops» (Кн. I. № 24).

Меропс (греч.) — царь в Косе, отец Евмела. Так как его жена, нимфа Эхмея, внезапно скончалась от руки Артемиды, он хотел лишить себя жизни, но был помещен Герой в созвездие в виде орла.

«**Дар волшебниц**» — перевод басни «Das Geschenk der Feien» (Кн. III. № 4).

Н. Реморова

Песня

(«Минувших дней очарованье...»)

(С. 103)

Автографы:

1) ПД. № 27807, л. 59—59 об. — параллельно черновой и беловой, с незначительной правкой в последнем.

2) РНБ, ф. 52 (Батюшковы), № 244, л. 143 об. — беловой, без заглавия, на обороте листа с текстом стих. «Екатерине Федоровне Вадковской» («О той, которой боле нет...» — л. 143, с датой: «24 ноября» и подписью: «Жуковский»).

Копии:

1) ПД. № 26305, л. 4—4 об. — рукою неизвестного лица.

2) ПД. № 9678, л. 15—15 об. — рукою неизвестного лица в составе рукописного сборника 1820—1840-х гг.

3) ПД. № 9812, л. 1 — рукою неизвестного лица, с заглавием: «Прежнее время».

4) РГАЛИ, ф. 1336, оп. 1, № 33, л. 42 — рукою неизвестного лица в альбоме Варвары Ивановны Ланской.

5) РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 12, л. 16 об. — рукою М. А. Мойер.

Впервые: СО. 1821. Ч. 73. № 50. С. 179 — с заглавием: «Прежнее время» и подписью: «Ж.»

В прижизненных изданиях: С 3—5 — с заглавием: «Песня» (С 3—4 — отдел: «Романсы и песни»; в С 5 отнесено к 1816 г.).

Датируется: конец ноября (не позднее 24-го) 1818 г.

Адресат «Песни» — Екатерина Федоровна Вадковская (в замуж. Кривцова; ум. 1861) — впервые установлен: Городецкий М. И. Русские симпатии в польской поэзии. IV. «Минувших дней очарованье...» // ИВ. 1891. Т. 44. Кн. 11. С. 181—185.

Е. Ф. Вадковская — племянница А. И. Плещеевой, умершей 20 июля 1817 г. После смерти жены А. А. Плещеев с детьми переселился из своего имения Чернь в Петербург; в конце сентября 1818 г. Плещеев и Жуковский жили в Коломне, в совместно снятой квартире, на набережной Крюкова канала (см.: Иезуитова Р. В. Жуковский в Петербурге. Л., 1976. С. 145). Вероятно, знакомство Жуковского с Е. Ф. Вадковской относится именно к этому времени: оно могло произойти на одном из музыкальных вечеров у А. А. Плещеева или в одну из суббот (день, назначенный для литературных вечеров) у самого Жуковского.

В ноябре 1818 г., посылая А. П. Елагиной текст «Песни», Жуковский сопроводил его следующим автокомментарием: «⟨...⟩ вот вам стихи, произведение минуты, *мимопролетевшей*, следовательно, вам не должно выводить из этой песни никаких заключений. Она написана для Вадковской, которая и лицом, и голосом (когда поет) похожа на Анну Ивановну [Плещееву.— *О. Л.*]. Натурально, что с этим лицом и с этим голосом тесно связано прошлое. ⟨...⟩ воспоминания прошедшего не иное что, как сон, который следа не оставляет, который *действует* только по тех пор, пока *длится* — и этот сон редок...» (УС. С. 28).

Б. Н. Чичерин в своих воспоминаниях зафиксировал свидетельство Е. Ф. Вадковской о том, что «Песня» («Минувших дней очарованье...») посвящена ей: «Екатерина Федоровна грустно повторяла стихи из посвященного ей в молодости стихотворения Жуковского: „Там есть один жилец безгласный, // Свидетель милой старины“» (Чичерин Б. Н. Из моих воспоминаний: По поводу дневника Н. И. Кривцова // РА. 1890. № 4. С. 520).

Наконец, двойной автограф стихотворений «Екатерине Федоровне Вадковской» («О той, которой боле нет...») и «Песни», датированный Жуковским «24 ноября 1818», а также копия стихотворения «Воспоминание» («Прошли, прошли вы, дни очарованья...»; 1816), содержащего те же мотивы воспоминания и очарованных им прошедших лет, в альбоме Е. Ф. Вадковской-Кривцовой — все эти факты свидетельствуют о тесной биографической и концептуальной близости вышеуказанных текстов. Они связаны между собой прочной ассоциативной цепью мотивов воспоминания об «очарованных днях» надежд Жуковского на счастье с Машей Протасовой и памяти о покойной А. И. Плещеевой, одной из самых деятельных «сочувственниц» поэта.

Стихотворение было положено на музыку Ю. Каири, П. Булаховым, А. Плещеевым, Н. Норовым и др. (см.: Песни русских поэтов. М., 1988. Т. 1. С. 595).

Ст. 17—18. *Зачем душа в тот край стремится, // Где были дни, каких уж нет?..* — Ср. в письме А. П. Елагиной от ноября 1818 г.: «Этот край — Чернь!» (УС. С. 28). Чернь — имение А. А. Плещеева, где Жуковский подолгу гостил в 1813—1814 гг.

Ст. 21—24. *Там есть один жилец безгласный ~ В единый гроб положены.*— Воспоминание об А. И. Плещеевой, похороненной в Черни на семейном кладбище (ср. в письме М. А. Мойер к В. А. Жуковскому от июля 1817 г.: «Он [А. А. Плещеев.— *О. Л.*] живет в Черни на ее могиле; она погребена подле детей» (УС. С. 95). Ср. также из письма Жуковского к А. П. Елагиной от ноября 1818 г.: «Но в Долбине есть жилец говорящий, красноречивый, милый, к которому много прекрасного спаслось и при котором оно живет, как в обетованном краю» (Там же. С. 28). Здесь имеется в виду А. П. Елагина, принимавшая столь же деятельное участие в судьбе Жуковского и М. А. Протасовой и хранившая, подобно поэту, живую память о «минувших днях очарованья».

О. Лебедева

Екатерине Федоровне Вадковской

(«О той, которой боле нет...»)

(С. 104)

Автографы:

1) РГБ, ф. 218, к. 1338, № 12, л. 3 об.— беловой, в альбоме Е. Ф. Кривцовой-Вадковской, с подзаголовком: «Е. Ф. В-ой», датой: «24 ноября 1818» и подписью: «Жуковский».

2) РНБ, ф. 52 (Батюшковы), № 244, л. 143— беловой, с подзаголовком: «Екатерине Федоровне Вадковской», датой: «24 ноября» и подписью: «Жуковский».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ИВ. 1891. Т. 44. С. 183— с заглавием: «Екатерине Федоровне Вадковской» и датой под текстом: «1821 г. 24 ноября».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 24 ноября 1818 г.

Перепечатав это посвящение из статьи М. И. Городецкого «Русские симпатии в польской поэзии» (ИВ. 1891. Т. 44. Кн. 11. С. 183) и введя его в научный оборот, Ц. С. Вольпе датирует его на основании копии, «написанной рукой Е. Ф. Вадковской-Кривцовой» 24 ноября 1821 г. (Стихотворения. Т. 1. С. 380).

Эта датировка опровергается как указанием самого Жуковского (см. автограф № 1), так и фактами биографии адресата: в 1820 г. Е. Ф. Вадковская выходит замуж за Н. И. Кривцова (см.: ОА. Т. I. С. 496) и становится Е. Ф. Кривцовой.

Посвящение тесно связано с «Песней» («Минувших дней очарованье...»— см. примеч.) и является своеобразным поэтическим постскриптумом к ней.

О. Лебедева

⟨А. А. Плещееву⟩

(«Друг милый, оставь прихотливой судьбе...»)

(С. 104)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 26, л. 91)— черновой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 60 (ст. 1—10); ПСС. Т. 11. С. 133 (ст. 1—19).
Печатается впервые полностью.
Датируется: ноябрь 1818 г.

Атрибуция адресата и датировка предположительные, основанные на реалиях текста. Вверху листа с автографом текста стихотворения записан вариант заглавия: «Судьба». Далее следует его первоначальный набросок:

Друг милый, ты редкий имеешь удел!
Немногие в свете любимы
Друзьями, как ты. С умиленьем смотрю
Как все непритворно...

В правом верхнем углу листа набросан прозаический план: «*Ты имеешь прекрасный удел. Друзья любят тебя. Твой ум. Но лучшее твое сердце. Смотрю на тебя и радуюсь, что я в твоем круге. Здесь приношу другу память. Желал бы ему выпросить у судьбы утехи на долю. Чтобы влить в чашу горести. Но это дело Провиденья. Оно исправляет. Но знаю, что голос дружбы услышан*». Сразу вслед за этим наброском записан французский стих: «Ami, laissez au sort // Pour...»

Из самого текста послания явствует, что адресат недавно понес невосполнимую утрату (ст. 29—30: «*В ту чашу, в которой судьба подала // Тебе безотрадную горесть*...»), что ему более привычен французский язык, нежели русский (ст. 23: «*В сем круге и я! Пусть язык мой не твой!..*»), наконец, последний ст. 32: «*Не будь* невозвратному *было!*» — реминисцентно соотносим со ст. 12 «Песни» («Минувших дней очарованье...»): «Скажу ль тому, что было: *будь*?», которое написано в ноябре 1818 г. и посвящено племяннице А. И. Плещеевой, умершей в 1817 г. (см. примеч. к «Песне»). Все это позволяет предположить, что адресатом послания «Друг милый, оставь прихотливой судьбе...» является А. А. Плещеев, а само послание создано в непосредственной хронологической близости к стихотворениям «Екатерине Федоровне Вадковской» и «Песня» («Минувших дней очарованье...»), посвященным памяти А. И. Плещеевой, воскресшей для Жуковского в ее племяннице.

О. Лебедева

⟨В альбом Е. Н. Карамзиной⟩
(«Будь, милая, с тобой любовь Небес святая...»)
(С. 105)

Автограф неизвестен.
При жизни Жуковского не печаталось.
Впервые: С 6. Т. 4. С. 386 — с датой: «24 ноября 1818» и указанием: «Печатается по автографу».
Печатается по тексту первой публикации.
Датируется: 24 ноября 1818 г.

Написано в альбом Екатерины Николаевны Карамзиной (в замуж. Мещерской; 1806—1867) — дочери Н. М. Карамзина от второго брака. И впоследствии

Жуковский поддерживал теплые отношения с семейством Мещерских (см.: Дневники. С. 313, 489, 490, 492).

Ст. 5. ***Всё для души****, сказал отец твой несравненный...* — Жуковский цитирует слова из речи Н. М. Карамзина в торжественном собрании Российской Академии 5 декабря 1818 г. (СО. 1819. Ч. 51. № 1. С. 21). А. И. Тургенев в письме к П. А. Вяземскому от 11 декабря 1818 г. так комментировал эти слова: «„Здесь всё для души“,— сказал он [Карамзин] в четверг бездушной Академии, и голос его отдался в душе Арзамасцев, которых заслонял широкопузый Шаховской с тщедушною братиею. Это было торжество не Академии, но Арзамаса...» (ОА. Т. I. С. 167).

С этой речью Карамзин познакомил своих друзей, вероятно, еще в октябре 1818 г. (см.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 250).

По точному замечанию Ц. С. Вольпе, «формула „всё для души“, выражающая основное содержание карамзинского психологизма, соответствовала и психологическому романтизму Жуковского; поэтому он подхватил ее и поставил жизненным девизом» (Стихотворения. Т. 2. С. 527). Почти через 30 лет, в письме к П. В. Нащокину от 16 (28) февраля 1847 г., он вновь повторит ее: «Здесь всё для души человеческой, сказал незабвенный Карамзин» (Цит. по: Веселовский. С. 48). Для друзей Жуковского эта карамзинская формула станет характеристикой его поэзии. Так, А. И. Тургенев в письме к Вяземскому от 16 февраля 1821 г. скажет: «Только не надобно на Жуковского смотреть из одной только точки зрения, с которой ты на него смотришь — гражданского песнопевца. У него *всё для души*: душа его в таланте его, и талант в душе» (ОА. Т. II. С. 163).

А. Янушкевич

Смерть Иисуса
Кантата Карла Вильгельма Рамлера

(«Ты, ливший от печали...»)

(С. 105)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 26, л. 35—40 с об.— беловой, без подзаголовка, на обложке карандашом рукой Жуковского дата: «1818».

2) РНБ, он. 2, № 24 — на листах, вкленных в печатное немецкое издание: K. W. Ramler. Der Tod Jesu. Berlin, 1814, с датой в конце перевода: «2 декабря 1818 г.»

Впервые: РА. 1870. № 7. Стб. 1237—1246 (публикация П. Бартенева), с примечанием: «Перевод кантаты Карла Вильгельма Рамлера под заглавием „Der Tod Jesu“ (Berlin, 1814). Сохранился в своеручном подлиннике на белых прокладных листах этой немецкой книжки».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой но автографу.

Датируется: 2 декабря 1818 г.

К. В. Рамлер (Ramler, 1725—1798) — немецкий поэт, примыкавший к Галлскому союзу поэтов анакреонтического направления. Об интересе Жуковского к творчеству Рамлера свидетельствует наличие в его библиотеке произведений этого поэта с многочисленными пометами владельца (Описание. С. 261—262). К их числу относится двухтомник «Poetische Werke», Wien, 1803, куда входит и бывшая популярной в свое время кантата «Смерть Иисуса». Обращение к этому произведению в конце 1818 г. объясняется прежде всего глубоким вниманием русского поэта к евангельской теме и, конечно, к сюжету жизни и смерти Христа. Как показывают его дневники, письма и творчество, Жуковский придает огромное значение центральной идее Евангелия — идее вочеловечивания Абсолюта в образе Иисуса Христа. Вместе с Христом, по убеждению Жуковского, пришло к людям новое восприятие жизни и человека, в основе которого утверждение пути нравственного и духовного жизнестроения как важнейшей цели жизни на земле.

«Священное Писание — моя исповедь»,— признается Жуковский в 1810 г. (Дневники. С. 45—46) и останется верным этому на протяжении всей жизни. Важным моментом определенного взлета интереса Жуковского к Священному Писанию явилось время с конца 1817 г.— 1820-е гг., период его общения с в. к. Александрой Федоровной, преподавания ей русского языка. Именно в это время он записывает в дневнике о своем стремлении «сделать для себя извлечения из всего важнейшего в Священном Писании», «пройти все это в отношении к нашей жизни» (запись от 28 окт. 1821 г., с. 112). По достоверному предположению П. Бартенева, перевод рамлеровской кантаты был предназначен для FWДН. В конце января или в начале февраля 1818 г., по выходе № 1 сборника Жуковский писал А. И. Тургеневу: «Посылаю тебе и всем арзамасцам первый номер моего песенного журнала. Моя ученица все это скоро будет петь по-русски. Второй номер почти отпечатан» (ПЖТ. С. 186). Возможно, что и кантата Рамлера, переведенная Жуковским, предназначалась для «пения его ученицей по-русски». Этим объясняется, по-видимому, некоторое отступление от текста подлинника и внесение русским переводчиком новых, преимущественно хоровых, партий (см. ниже).

Отсутствием прижизненных публикаций, очевидно, объясняются незначительные разночтения между автографом и последующими изданиями. Наибольший интерес для комментатора представляет собою изучение характера перевода Жуковского. В своей «Смерти Иисуса» Рамлер использует традиции духовной кантаты, родившейся в Германии. Здесь то же сочетание библейских текстов, хоральных строф, речитативов и арий. Кантата Рамлера буквально соткана из евангельских реминисценций. В переводе Жуковского — стремление высветить главные мотивы кантаты немецкого поэта: мотив жертвенной смерти Христа, «обремененного грехами преступными земли», трагедия предательства, мотив прощения и покаяния. Однако главный пафос Рамлера, основная нота его произведения — страдание, одиночество, покинутость Христа. Жуковский в своем переводе делает акцент на спасительной, жертвенной смерти Иисуса во имя «величия жизни». Он отталкивается от мелодраматизма немецкого поэта, уходит от всяческого нагнета-

ния внешних примет страдания Христа, углубляет представление о высоких мотивах его гибели.

Переведя достаточно точно первый хор кантаты («Ты, ливший от печали потоки горьких слез»), Жуковский решительно опускает следующий за этим текст, где уточняются внешние детали страдания Христа, стремясь уйти от «описательного психологизма», он исключает 9—12 ст. подлинника:

Sein Atem ist schwach; —
Seine Tage sind abgekürzet;
Seine Seele ist voll Jammer;
Sein Leben ist nahe bei der Hölle

(«Его дыхание слабо; —// Его дни сокращены; // Его душа полна горя; // Его жизнь ближе к аду»). Снимает Жуковский стихи:

Herr, höre die Stimme unseres Flehens
Wann wir zu dir schreien,
Wann wir unsere Hände erheben
Zu deinem heiligen Chor.

(«Господи, услышь голос нашей мольбы, // Когда мы к Тебе взываем, // Когда мы поднимаем руки // К Твоему святому хору и клиросу»). Эти стихи тоже показались Жуковскому излишними после ст. 79—82 — молитвы «мужества и страдания». Почти во всех арийных партиях Жуковский снимает повторы (ср. в подлиннике ст. 43—47, 79—82, 117—124, 152—155, 193—198, 234—240, 299—303 — всего более 30 стихов). Снимая эти повторы, поэт-переводчик добивался большей динамики и большего поэтического напряжения. Этому служит и некоторая ритмическая перестройка произведения (хотя почти везде Жуковский старался соответствовать стиху Рамлера, придерживаясь в основном разностопного ямба). Однако чаще, чем у Рамлера, у него отсутствует рифмовка.

Переакцентировка внутреннего смысла коснулась и речитативов, центральной по нравственно-философскому и поэтическому смыслу части произведения, как правило, сотканных из евангельских стихов. И здесь Жуковский переделывает некоторые наиболее мелодраматичные по своему характеру места, избегает аффектирования сцен страдания и мук Христа. В речитативе «Стоит погибельный, судьбами полный крест...» Жуковский переделывает стихи Рамлера:

Unschuldiger! Gerechter, hauche doch einmal
Die matt gequälte Seele von dir! — Wehe! Wehe!

(«Невинный, праведный, **выдохни же // Измученную, ослабевшую душу из себя**»). У Жуковского вместо этих стихов читаем: «О, праведный! Невинный! Он уж наступил // Сей неизбежный час для Тебя ... Горе, горе ...» В переводе страдания Христа невыразимы, поэт апеллирует к мужеству и духовности своего героя. В этом же направлении меняет Жуковский и хоровые партии, в которых, как правило, выражено отношение окружающих и автора к страданиям Христа:

Zu deiner Ehre will ich alle Plagen,
Schmach und Verfolgung
Ohne Murren tragen,
Nach deinem Beispiel will ich selbst mit Freuden
Den Tod erleiden (S.176)

(«В Твою честь я хочу все муки, // Позоры и преследования вынести без роптания, // По Твоему примеру я хочу сам // Смерть претерпеть»). Ср. у Жуковского:

На все дерзну я в честь твою и славу!
Что мне страданья? Что мне стыд и бедность?
Что мне гоненье? Что мне Ужас смерти?
Тронут ли сердце?

Отталкивание от мелодраматизма меняет в переводе Жуковского трактовку жертвы Христа, смысл ее цены. Особенно четко это следует из тех мест, которые отсутствуют у Рамлера и которые вписывает русский поэт. Это, как правило, хоровые партии, в которых чаще всего фиксируется отношение народа (и автора!) к жертве Иисуса. Например, Жуковский вписывает между ст. 155 и 156 следующие строки хора:

Светлый нам Он свой Образ оставил,
Чтоб мы им душу питали С чистой любовью.

Перед последним, наиболее трагическим речитативом, лейтмотивом которого является неоднократно повторенное: «Его уж нет...» («Er ist nicht mehr»), Жуковский вставляет хоровую партию, славящую Христа, Бога любви, Спасителя и Примирителя. Между ст. 243 и 244 (подлинника) Жуковский вписывает текст, отсутствующий у Рамлера:

Создатель! Сколь прекрасен Твой
Обетованный добрым свет!
Но кто к нему достигнет?
О, Примиритель! *Бог любви!*
.....
Простри, простри мне руку!
Дай единым,
Сладким взглядом
В мир прекрасный
Облегчить мне
Расставанье с жизнью здешней.

Таким образом, передавая достаточно точно главные мотивы кантаты Рамлера, в своем переводе Жуковский делает акцент на жизненной силе подвига Христа, его жертвенной смерти. Своеобразным ключом к переводу Жуковского может служить его запись в дневнике от 16 февраля 1821 г. о восприятии жизни и смерти Христа Иоанном, «учеником и товарищем Спасителя»: «Он смотрит на небо

как на обитель удалившегося друга *и не стремится туда, ибо земная жизнь оставлена ему в наследство: как благо* ⟨...⟩ И слышит отовсюду голос: Спаситель твой жив» (Дневники. С. 105. Курсив мой.— *Ф. К.*). Это соотношение между смертью Христа и дарованной им земной жизнью Жуковский сохраняет в переводе.

Любопытным фактом творческой истории кантаты является запись текста первого хора («Ты, лишний от печали...») в «Книге Александры Воейковой», предшествующая черновому автографу элегии «На кончину Ея величества королевы Виртембергской» — с датой: «16 Генваря ввечеру» ⟨1819⟩ (см. примеч. к элегии). Это позволяет высказать предположение о том, что эти слова Жуковский хотел предпослать в качестве эпиграфа своей программной элегии.

Ст. 3—4. *Воззрев на святотатный // И гибнущий Сион* ...— Речь идет о Иерусалиме, подвергшемся бесконечным разрушениям со стороны римлян.

Ст. 9. *Святой приют! гора Олив!..*— Автор, очевидно, имеет в виду место на Елеонской горе, где Иисус Христос проливал слезы над Иерусалимом.

Ст. 42. *О, мой Эммануил!..*— См.: Ис 7: 14 («...се, Дева во чреве приимет, и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил»), а также Мф 1: 23 («Се, Дева во чреве приимет, и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог»).

Ст. 54. *Дух бодр и крепок; но бессильна плоть!..*— Ср.: «...дух бодр, плоть же немощна» (Мф 26: 41; Мк 14: 38).

Ст. 56. *И ты, мой Петр, заснул!..*— Ср.: «И приходит к ученикам, и находит их спящими, и говорит Петру: так ли могли вы один час бодрствовать со Мною?» (Мф 26: 40); «Возвращается, и находит их спящими, и говорит Петру: Симон! Ты спишь? Не мог ты бодрствовать один час?» (Мк 14: 37).

Ст. 74—75. *...Я готов! // Но вы Моих друзей не троньте!..*— Ср.: «Иисус отвечал: Я сказал, что это Я; итак, если Меня ищете, оставьте их, пусть идут...» (Ин 18: 8).

Ст. 80. *За другом вслед к Кайяфе он...*— Каифа — первосвященник иудейский, при котором Господь был приговорен к смерти. Ср.: «Петр же следовал за Ним издали, до двора первосвященникова» (Мф 26: 57—58).

Ст. 82—83. *Ах! Петр! ужели? Ты ль сказал: // «Не знаю, кто сей человек!..»*— Ср.: «И он опять отрекся с клятвою, что не знает Сего Человека» (Мф 26: 72) и далее: «Тогда он начал клясться и божиться, что не знает Сего Человека...» (Мф 26: 74). Ср. также: «Он же начал клясться и божиться: не знаю Человека Сего...» (Мк 14: 71).

Ст. 109. *«Будь кровь Его на нас! на нас и наших чадах!..»*— Ср.: «И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших» (Мф 27: 25).

Ст. 118. *«Се человек!..»*— Ср.: «Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянице. И сказал им Пилат: се, Человек!» (Ин 19: 5).

Ст. 127. *«Друзья, не плачьте обо мне!..»*— Ср.: «Иисус же, обратившись к ним, сказал: ... не плачьте обо Мне...» (Лк 23: 28).

Ст. 131. *Таков герой твой, Ханаан!..*— В новейшее время под землей Ханаан разумеют всю Палестину, всю обетованную землю (Полный православный богословский энциклопедический словарь: Репр. изд. М., 1992. Т. 2. Стб. 2266).

Ст. 157—158. *...«Отец мой! Ах! прости безумцам! // Они не знают, что творят!..»* — Ср.: «...Отче! Прости им, ибо не знают, что делают» (Лк 23: 34).

Ст. 166. *Царь, Иегова, трисвятый...* — В соответствии с запретом в практике иудаизма на произнесение имени Бога «всуе», имя Яхве, пишущееся по законам еврейской письменности согласными буквами YHWH, долгое время, по преданию, произносилось вслух раз в году первосвященником; это привело к тому, что при огласовке библейского текста тетраграмме были приданы гласные звуки и в эпоху позднего Средневековья в среде христианских богословов возникло чтение «Иегова» (см.: Мифы народов мира: В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 687—688).

Ст. 179. *«О, брат мой! здесь свою зришь матерь!..»* — Ср.: «Потом говорит ученику: се, Матерь твоя!..» (Ин 19: 27).

Ст. 187—188. *«Вещаю Я! со Мною, грешник, // Со Мной днесь в рае будешь ты!..»* — Ср.: «И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк 23: 43).

Ст. 222. *Воззвал: «Отец! Отец! почто Меня оставил!..»* — Ср.: «...Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» (Мф 27: 46).

Ст. 224—225. *...«Я жажду!» В поруганье // Несут вино, отравленное желчью...* — Ср.: «...говорит: жажду. Тут стоял сосуд, полный уксуса. Воины, напоивши уксусом губку ⟨...⟩ поднесли к устам Его» (Ин 19: 28—29).

Ст. 228. *«Свершилось все!.. Прими, Всевышний, в руце дух Мой!..»* — Ср.: «... Отче! в руки Твои предаю дух Мой» (Лк 23: 46).

Ст. 235. *Затмися, день! и миру в час сей не свети!..* — Ср.: «Было же около шестого часа дня; и сделалась тьма по всей земле ⟨...⟩. И померкло солнце...» (Лк 23: 44—45).

Ст. 236. *Ты разорвись, земля, убийц носяща!..* — Ср.: «...и земля потряслась...» (Мф 27: 51).

Ф. Канунова

⟨К М. Ф. Орлову⟩
(«О Рейн, о Реин, без волненья...»)
(С. 114)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 26, л. 93) — черновой, на бумаге с водяным знаком: «1817».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 61 (ст. 1—13).

Впервые полностью: С 10. С. 173—174 — среди стихотворений 1818 г.

Печатается по С 10, со сверкой по автографу.

Датируется: конец 1818 г.

Существует три мнения о времени написания стихотворения. И. А. Бычков датирует послание 1818—1820 гг. (Бумаги Жуковского. С. 61). А. С. Архангельский относит время его создания к 1813—1820 гг. (см.: ПСС. Т. 11. С. 133). А. Н. Веселовский, В. П. Петушков, И. М. Семенко считают временем создания текста 1818 г.

(см.: Веселовский. С. 370; СС 1. Т. 1. С. 455—456; СС 2. Т. 1. С. 401). Учитывая положение автографа послания в рукописи, некоторые факты биографии адресата (об этом см. ниже), а главное, стремление Жуковского напомнить М. Ф. Орлову об активизации деятельности «Арзамаса», что было актуально для 1818 г., можно считать временем его создания конец 1818 г.

Адресатом послания является Михаил Федорович Орлов (1788—1842). Участник Отечественной войны 1812 г., по поручению Александра I он вел переговоры о капитуляции и сдаче Парижа союзным войскам (см.: Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 5—33). За боевые заслуги и решающую роль в переговорах Орлов 2 апреля 1814 г. был произведен в генерал-майоры.

16 марта 1817 г. М. Ф. Орлов был принят в «Арзамас», где получил прозвище Рейн, а 20 апреля произнес свою вступительную речь (см.: Арзамас—2. Т. 1. С. 405—407). По предложению Орлова было решено издавать арзамасский журнал, в одном из пунктов программы которого указывалось: «Рейн (политика вообще; отрывки в прозе» (Бумаги Жуковского. С. 160).

В августе 1817 г. Орлов был назначен начальником штаба 4-го пехотного корпуса и переехал в Киев. Киевский период жизни Орлова продолжался с сентября 1817 но июнь 1820 г.

Ст. 1. *О Рейн, о Реин, без волненья...*—Арзамасское прозвище М. Ф. Орлова взято из баллады Жуковского «Адельстан» и передает бурный темперамент его носителя (подробнее см.: Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974. С. 124—127).

Ст. 4—5. *И перестал друзей поить // Своими сладкими струями!..*— Реминисценция их стихотворения Державина «Ключ» (1779). Ср.:

> Сгорая стихотворства страстью,
> К тебе я прихожу, ручей ⟨...⟩
> Напой меня, напой тобою ⟨...⟩
> Творца бессмертной *Россиады*,
> Священный Гребеневский ключ,
> Поил водой ты стихотворства.

Стихотворение Державина переосмысляется поэтом в традициях смеховой арзамасской культуры. Ср. с известным замечанием П. А. Вяземского: «Лучшая эпиграмма на Хераскова отпущена Державиным без умысла в оде „Ключ“. *Вода стихотворства*, говоря о поэзии Хераскова, выражение удивительно верное и забавное» (СЦ на 1827 год. С. 127). В рукописи ст. 5 был исправлен на: «Своими *благими* струями».

Ст. 6—7. *На «Арзамас» тряхнул усами—// И Киев дружбу перемог!..*—Ср. «Речь в заседании Арзамаса» Жуковского, относящуюся к концу 1817 г. (см. примеч.):

> Между тем Реин усастый, нас взбаламутив, дал тягу
> В Киев и там в Днепре утопил любовь к Арзамасу.
> Реин давно замолчал, да и мы не очень воркуем...

Ст. 9. *Ты по ланкастерской методе...* — Речь идет о белл-ланкастерской системе взаимного обучения в начальной школе, при которой старшие и более успевающие ученики (мониторы) под руководством учителя вели занятия с остальными учащимися. Получила название от имен английских педагогов А. Белла (Bell, 1753—1832) и Дж. Ланкастера (Lancaster, 1776 или 1778—1832), которые независимо друг от друга разработали этот метод обучения. М. Ф. Орлов основал эту школу при корпусе генерала Н. Н. Раевского и содействовал распространению этой системы обучения в России. В письме П. Д. Киселеву он писал: «Знаешь ли что? сочиняю грамматику! ⟨...⟩ Уже много сделано и применено к ланкастерской методе, которая может быть в нашем отечестве будет когда-нибудь орловскою методою...» (цит.: Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. СПб., 1882. Т. 1. С. 244).

Ст. 12. *О кубарях и о свободе...* — Кубарь (устар.) — волчок, детская игрушка. Здесь: забавы.

Ст. 16—17. *Письмо от милой красоты! // Узнаешь сам ее черты!..* — Вероятно, здесь в традициях арзамасской поэтики обыгрывается прозвище Жуковского — Светлана.

Ст. 18—19. *Я шлю его через другова, // Санктпетербургского Орлова...* — Возможно, речь идет о Федоре Федоровиче Орлове (1792—1834), младшем из братьев Орловых, который часто навещал М. Ф. Орлова в Киеве и Кишиневе.

И. Поплавская

Утешение

(«Светит месяц; на кладбище...»)

(С. 115)

Автограф не обнаружен.

Впервые: ПЗ на 1823 г. СПб., 1822. С. 312 — с заглавием: «Утешение» и подписью: «Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 3—5 (в С 3 — с подзаголовком: «Сочинение Уланда», отсутствующим в С 4; в С 5 (Т. 3. С. 64—65) — с подзаголовком: «Из Уланда» в подборке стихотворений 1818 г.). Заглавие везде — «Утешение».

Датируется: 1818 г.

Автограф стихотворения находился в «Альбоме гр. С. А. Самойловой» (Кульман. С. 1087. № 28) и имел заглавие: «Монахиня». Его положение в альбоме рядом с другими переводами из Уланда, относящимися к 1817—1818 гг., позволяет принять традиционную датировку, идущую от С 5 — 1818 г. Более точной датировки на основе имеющихся данных предложить невозможно.

Достаточно вольный перевод стихотворения немецкого поэта-романтика Людвига Уланда «Die Nonne» («Монахиня»). По предположению С. Шестакова, Жуковский дал новое заглавие стихотворению, а также сделал ряд других отступлений от подлинника по цензурным соображениям (см.: Шестаков С. Заметки к переводам Жуковского из немецких и английских поэтов. Казань, 1903. С. 7).

Думается, что основной причиной изменений, казалось бы, мелких, но существенно меняющих тон повествования деталей, является разное у Жуковского и Уланда понимание чувства любви, которое переводчик стремится изобразить преимущественно духовным, возвышенным, избегая намека на чувственность и страстность, а тем более «запретность». Можно прежде всего говорить об общей элегизации текста и выявлении философии скорби и утешения.

Поэтизация любви вопреки всем внешним преградам, как и тема оправдания грешницы небесами, занимает особое место в поэзии штюрмеров (Бюргер, Гёте, Шиллер). Ее традиция продолжается и романтиком Уландом. В переводе Жуковский «приглушает» эти настроения, заменив монахиню «девой в черной власянице», что может означать просто *кающуюся*. Он перенес действие на кладбище (место скорби), лишил обстановку события поэтизирующих деталей, русифицировал религиозную символику и характер поведения молящейся («Пала дева пред иконой...»). Как отметил Ц. С. Вольпе, «в двух последних стихах Жуковский психологизировал момент смерти (у Уланда „она взирала ввысь, пока веки ее не были сомкнуты смертью; покрывало ее скатилось"). У Жуковского: „И *душою* перешла *неприметно* в мир свиданья"» (см.: Стихотворения. Т. 1. С. 380).

В переводе изменены размер стиха, характер чередования мужских и женских клаузул и характер рифмовки. В оригинале — 3-стопный ямб со схемой ЖМЖМЖ и АбАб; у Жуковского — 4-стопный хорей со схемой ЖЖММЖ и АббА. По мнению С. А. Матяш, в лирике поэта подобная форма строфы использовалась только единственный раз и именно в этом стихотворении (см.: Русское стихосложение XIX в. М., 1979. С. 76).

Положено на музыку М. И. Глинкой (со 2-й строфы).

Н. Реморова

1819

Надгробие И. П. и А. И. Тургеневым

(«Судьба на месте сем разрознила наш круг...»)

(С. 117)

Автограф (РНБ, оп. 2, № 156, л. 1) — беловой, отдельный лист плотной белой бумаги с водяным знаком: «1818», без заглавия и с датой: «1819. Генваря 1-го».

Копия (РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 12, л. 19) — рукою М. А. Мойер.

Впервые: Памятник Отечественных муз на 1827 год. С. 47 — с заглавием: «Надгробие И. П. и А. И. Т...» и примечанием от издателя, что «стихотворение написано за несколько лет до напечатания».

В прижизненных изданиях: С 4—5 (С 4 — отдел «Смесь»; в С 5 датировано 1807 г., годом смерти И. П. Тургенева (ум. 28 февраля 1807 г.), с заглавием: «Надгробие И. П. и. А. И. Тургеневым»).

Датируется: 1 января 1819 г.

В альбоме С. А. Самойловой имелся еще один беловой автограф этого стихотворения с заглавием: «Эпитафия» (Кульман. С. 1085. № 5).

Вверху автографа (собрание РНБ) находится записка Александра Ивановича Тургенева следующего содержания: «Кончи год хорошо: пришли мне эпитафию. Вот тебе и бумага. Уведомь, в котором часу заехать завтра. Да не опоздай!» (ср.: ПЖТ. С. 190). Ответом на эту просьбу друга и явилась стихотворная эпитафия, заглавие которой, возможно, было дано издателем «Памятника Отечественных муз» Б. Федоровым или А. И. Тургеневым, который передал текст для публикации. Переписка Жуковского с А. И. Тургеневым свидетельствует о том, что Жуковский собирался написать эпитафию еще в 1814 г. (ПЖТ. С. 129).

Общее надгробие написано потому, что И. П. Тургенев завещал себя похоронить рядом с сыном Андреем под одной плитою. Могила Тургеневых на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры не сохранилась, поэтому неизвестно, какая надпись была на надгробии.

Как удалось установить Т. С. Царьковой (РЛ. 1998. № 3. С. 106), в фонде Тургеневых (ПД, ф. 309, оп. 1, № 1548, л. 1) хранится автограф еще одного стихотворного надгробия тем же адресатам, прямо перекликающегося с эпитафией Жуковского:

Здесь сына и отца взяла одна могила!
В одном убежище вкушают тишину!
Их разлучила жизнь, но смерть соединила,
Две чистые души теперь слились в одну.

А. Янушкевич

На кончину Ея Величества королевы Виртембергской
Элегия

(«Ты улетел, небесный посетитель...»)

(С. 117)

Автограф (ПД, № 27807, л. 60—62)—черновой, с заглавием: «Элегия на кончину Ея Величества королевы Виртембергской» и датой: «16 генваря. Ввечеру».

Впервые: На кончину Ея Величества королевы Виртембергской. СПб., 1819. 11 с.—с подписью: «В. Ж.» в конце брошюры. Ц. р. от 2 февраля 1819 г. На обороте титульного листа—эпиграф из Шиллера на немецком языке (см. ниже).

В прижизненных изданиях: С 3—5 (С 3—4—отдел «Элегии»). В С 5—в подборке стихотворений 1818 г., с подзаголовком: «Элегия» и примечаниями (см. ниже).

Датируется: 10—16 января 1819 г.

Датировка в С 5 указывает на год смерти королевы Вюртембергской Екатерины Павловны (1788—1818), которая внезапно скончалась в Штутгарте 28 декабря 1818 г. (10 января 1819 г.). Время окончания работы над элегией точно зафиксировано самим Жуковским в автографе. Вероятно, в первой половине января про-

должалась работа над текстом: в автографе чередуются черновые и перебеленные строфы.

Екатерина Павловна — четвертая дочь Павла I, сестра Александра I, после смерти в 1812 г. своего супруга принца Ольденбургского, вступила в 1816 г. во второй брак с наследным принцем Вюртембергским Вильгельмом, в том же году занявшим вюртембергский престол. Она выступала покровительницей наук и искусств. Так, по ее предложению Н. М. Карамзиным была написана знаменитая «Записка о Старой и Новой России».

Уже в эпиграфе из Шиллера к отдельному изданию, где Жуковский сконтаминировал строку монолога Теклы из 12-й сцены IV действия «Смерти Валленштейна»: «Das ist das Los des Schönen auf der Erde» («Таков удел прекрасного на свете») и 3-ю строфу из стихотворения «Hoffnung» («Надежда»):

Es ist kein leerer schmeichelnder Wahn,
Erzeugt im Gehirne des Thoren!
Im Herzen kündet es laut sich an:
Zu was Besserm sind wir geboren!
Und was die innere Stimme spricht,
Das täuscht die hoffende Seele nicht.

Нет, нет! не пустым, не безумным мечтам
Мы дух предаем с колыбели,
Недаром твердит сердце вещее нам:
Для высшей мы созданы цели!
Что внутренний голос нам внятно твердит,
То нам неизменной судьбою горит...

Перевод А. Фета

— заложены истоки философского содержания элегии. Не случайно в последующих публикациях Жуковский снял эпиграф, включив его содержание в текст стихотворения (ср. ст. 8, 121—129). Сам жанр философской элегии, написанной октавами, был подсказан Жуковскому переведенным им незадолго до этого гётевским посвящением к «Фаусту», ставшим прологом к балладе «Двенадцать спящих дев» и находящимся в «Книге Александры Воейковой», как и автограф элегии.

Элегия была высоко оценена современниками. Одним из первых ее в чтении самого Жуковского услышал И. И. Козлов, который записал в дневнике 6 февраля 1819 г.: «Чудные стансы Жуковского к почившей В.(еликой) К.(нягине) Екатерине Павловне» (СиН. СПб., 1906. С. 40). «Поздравляю любителей поэзии ⟨...⟩ с прекрасными стихами Жуковского на смерть Королевы. Они сильны, исполнены чувствительности, одним словом, ⟨...⟩ достойны Жуковского и могут стать наряду с его лучшими произведениями»,— писал К. Н. Батюшков С. С. Уварову в мае 1819 г. (Батюшков. Т. 2. С. 540). Ему вторит П. А. Вяземский: «Этот обер-чорт Жуковский. ⟨...⟩. Как можно быть поэтом по заказу? Стихотворцем — так, я понимаю, но чувствовать живо, дать языку души такую верность, когда говоришь за другую ду-

шу, и еще порфирородную, я постичь этого не могу! ⟨...⟩ Возьми его „Славянку", стихи к великой княгине на рождение, стихи на смерть другой. Он после этого точно может с Шиллером сказать: *И мертвое отзывом стало // Пылающей души моей...*» (Из письма к А. И. Тургеневу от 7 августа 1819 г. // ОА. Т. I. С. 284—285). В. Г. Белинский во второй статье «Сочинений Александра Пушкина» так охарактеризовал это произведение: «Жуковского можно назвать певцом *сердечных утрат*,— и кто не знает его превосходной элегии на „Кончину королевы Виртембергской"— этого высокого католического реквиема, этого скорбного *гимна житейского страдания и таинства утрат*?..» (Белинский. Т. 7. С. 185. Курсив автора).

О связи элегии Жуковского с «Паломничеством Чайльд Гарольда» Байрона (Песнь IV; строфы 165—172) см.: Жилякова Э. М. К вопросу об отношении В. А. Жуковского к поэзии Байрона // Художественное творчество и литературный процесс. Вып. 5. Томск, 1983. С. 92—97.

Примечания Жуковского в С 5

На кончину Ея Величества королевы Виртембергской— Некоторые стихи сей элегии покажутся непонятными для читателя, если не будет он знать обстоятельств того печального происшествия, которое в ней описано. Кончина незабвенной Екатерины была разительно неожиданная: она ужасно напомнила нам о неверности земного величия и счастья. Еще никакое известие о потере нашей не могло до нас достигнуть, а уже какое-то неизъяснимое предчувствие распространило пророческие о ней слухи, и горестная истина скоро их подтвердила.

Ст. 41—42. *Кого спешишь ты, Прелесть молодая, // В твоих дверях так радостно встречать*?..— Автор имел честь находиться у Ея Императорского Высочества великой княгини Александры Федоровны за минуту перед тем, как она узнала о кончине королевы. Вдруг, посреди веселого спокойного разговора, послышался стук в дверях, потом голос великого князя. Ея Высочество с веселым лицом вышла к нему, и за порогом дверей встретило ее страшное известие.

Ст. 51. *И ты спешишь с надеждой на свиданье...*— Государыне Императрице Елизавете Алексеевне определено было испытать весь ужас неожиданной потери. Ее величество, ничего не предчувствуя, ехала в Штутгарт на веселое свидание с королевою, но она должна была воротиться с последней станции, ибо той, которая ждала ее, которую она надеялась обнять, уже не было на свете.

Ст. 57—58. *Из дома в дом по улицам столицы // Страшилищем скитается Молва...*— Весь Петербург поражен был ужасною вестью, а сердце матери было спокойно: его еще наполняла свежая радость недавнего свидания; наконец общая печаль и несколько слов, приготовляющих к узнанию неизбежного, пробудили в нем тревогу: оно уже открывалось для принятия скорби, но случай, жестокая игра судьбы, снова его ободрил: пришло письмо из Штутгарта, писанное королевою, можно сказать, за минуту до разлуки ее с жизнью, и мертвая воскресла для матери, воскресла на минуту, чтобы в другой раз умереть для нее и живее разорвать ее душу после мгновенной, мучительно-обманчивой радости.

Ст. 81—82. *Скажи, скажи, супруг осиротелый, // Чего над ней ты так упорно ждешь?..* — Король с каким-то упрямством отчаяния долго не хотел и не мог верить своей утрате: долго сидел он над бездыханным телом супруги, сжавши в руках своих охладевшую руку ее, и ждал, что она откроет глаза. Окруженный ее детьми, он шел за ее гробом. Не долго она украшала трон свой, не долго была радостью нового своего отечества, но милая память ее хранима любовью благодарною. Близ Штутгарта есть высокий холм (Rothenberg), на котором некогда стоял прародительский замок фамилии Виртембергской — время его разрушило; но теперь, на месте его развалин, воздвигнуто здание, столь же разительно напоминающее о непрочности всех земных величий, церковь, в которой должны храниться останки нашей Екатерины; прекрасная ротонда с четырьмя портиками. Памятник необыкновенно трогательный: с порога этого надгробного храма восхитительный вид на живую, всегда неизменную природу. В штутгартской русской церкви, в которую приходила молиться Екатерина, все осталось (1821), как было при ней; кресла ее стоят на прежнем своем месте. Нельзя без грустного чувства смотреть на образ, которым в последний раз благословил ее Государь император: на нем изображен Святой Александр Невский, видны Нева, Зимний дворец и над ними радуга — светлое, но *минутное* украшение здешнего неба.

А. Янушкевич

• ПАВЛОВСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ •

Павловск имеет особое значение в творчестве Жуковского, открывая новые эстетические и художественные перспективы его поэзии 1815—1824 гг. Прежде всего это связано с пребыванием при дворе вдовствующей императрицы Марии Федоровны в 1815 г. в качестве чтеца и созданием панорамной элегии «Славянка», ставшей образцом поэтической топографии Павловска, «прогулкой по садам Романтизма» и преддверием эстетических манифестов конца 1810-х — начала 1820-х гг.

Последующее пребывание Жуковского в Павловске (лето и осень 1819 и 1820 гг.), формально связанное с должностью учителя русского языка великой княгини Александры Федоровны, выделяется в отдельный павловский период по ряду причин. Во-первых, это новый биографический этап, связанный с новым общественно-культурным статусом. Во-вторых, увлечение фрейлиной имп. Марии Федоровны графиней С. А. Самойловой, надежда на брак с ней, дружба-соперничество с влюбленным в нее же В. А. Перовским — источник целого ряда стихотворных посланий, образующих единый сюжетный «романический» текст. В-третьих, павловский период становится временем и местом не просто эстетиче-

ских открытий и манифестов, но особой «философией жизни», соотносящей ее метафизические и бытовые измерения, включающей этико-эстетические проблемы романтизма Жуковского. Наконец, особенности творческого процесса способствуют восприятию всего написанного в это время как единого текста (метатекста). Хронологический порядок работы с точными датировками произведений по дням, сосредоточенность большей части произведений в одной тетради, стремление к систематизации на разных основаниях путем составления многочисленных списков (см.: РНБ, оп. 1, № 29) — все это свидетельство внутреннего единства павловских стихотворений 1819—1820-х гг.

Приводим один из списков павловских стихотворений, составленных поэтом:

1. «Графиня, признаюсь большой беды в том нет» (28—29 июня 1819 г.).
2. «Больной, покинутый поэт...» (8 июля 1819 г.).
3. «Уж думал я, что я забыт...» (9 июля 1819 г.).
4. «Напрасно я мечтою льстился...» (14 сентября 1819 г.).
5. «Вчера я вас не убедил...» (5 октября 1819 г.).
6. «Скажи, кто ты, хранитель безымянный...» (7 августа).
7. «Отуманенным потоком...» (10 августа).
8. «Графиня, не забудьте слова...»
9. «От Вашего Величества давно...» («Послание к Имп. Марии Федоровне» (6 июня 1819 г.).
10. «Я должен Вашему Величеству признаться...» (29 июля 1819 г.).
11. «Мой милый цвет, былинка полевая...» (1 июля 1819 г.).
12 «Праматерь внуке» (23 августа 1819 г.).

Второй опыт подобной систематизации Жуковский предпринял в 1820 г., включив в альбом гр. С. А. Самойловой 45 пронумерованных и собственноручно переписанных стихотворений (см.: Кульман. С. 1085—1087). Поэт ищет узлы связи павловских текстов, пытается соединить шутливые, бытовые послания и эстетические манифесты. И все же проблема единства павловских стихотворений во многом остается неразрешенной, поскольку большинство из них не публиковалось при жизни поэта в связи с чересчур личным характером одних и шутливо-интимным содержанием других.

Павловск является местом действия большинства произведений лета и осени 1819 и 1820 гг. Это не просто резиденция вдовствующей императрицы, но особый историко-культурный феномен, оказавший большое влияние на творчество Жуковского и оставшийся навсегда запечатленным в его павловских текстах. Мария Федоровна, после смерти Павла I, заканчивая оформление интерьеров большого дворца и продолжая ландшафтные работы по обустройству парка (площадью около 600 га), названного позднее классической формулой «сады Романтизма», превратила Павловск в своего рода живой мемориал, сложную систему памятников и символ материализованного воспоминания (см.: Шумигорский Е. С. Императрица Мария Федоровна. СПб., 1892. Т. 1). Семейственная роща, Храм дружбы, Храм любви, Елизаветин павильон, Розовый павильон, ферма, Шале — всё это было не

только декорацией, но особой идеальной картиной мира, в котором взаимопроницаемыми оказывались природа, культура и быт, этикет и творческая свобода.

По воспоминаниям очевидца, «в Павловске императрица Мария Федоровна ежедневно утром часа два ходила пешком. После обеда она любила кататься на линейке, вмещавшей персон восемь; за этой линейкой следовали другие со свитой. Поезд отправлялся куда-нибудь в павильон, чаще всего Розовый, где выходили для чая или вечернего собрания. Почти ежедневно обедали или пили чай то на галерее, то в каком-нибудь павильоне, то на ферме» (Муханова М. С. Записки // РА. 1878. № 3. С. 307). В альбом Розового павильона писали свои стихи Жуковский, Нелединский-Мелецкий, И. И. Дмитриев, Крылов. «Лет десять тому назад,— сообщает та же мемуаристка,— я посетила эти места. Партер заглох, и розанов не было; но всё оставалось в прежнем виде внутри Розового павильона. Известный мне альбом лежал на том же столике. В нем писали Жуковский и Крылов» (Там же).

Большинство произведений, написанных Жуковским в Павловске, относятся к жанру послания, причем диапазон их очень широк — от больших развернутых «Отчетов о Луне» до записок, шутливых эпитафий, просьб. Эта эстетическая и художественная многослойность, а также смена адресатов (дружеское послание арзамасского периода уступает место посланиям к фрейлинам, придворным, императрице) вызывают неоднозначные оценки современников и друзей Жуковского. «Придворным певчим» называет его П. А. Вяземский (ОА. Т. I. С. 212). Озабоченность высказывает Карамзин: «Жуковский совсем не суетен и еще менее корыстолюбив; но летний Двор приводит его в рассеяние, не весьма для муз благоприятное, и в любовную меланхолию, хотя пиитическую, однако ж не стихотворную. Он еще молод: авось и встанет и *возрастет*!» (Письмо к И. И. Дмитриеву от 19 октября 1820 г. // Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 297. Курсивом выделена реминисценция из «Надписи к портрету великой княгини Александры Федоровны» Жуковского: «*В ней дух к великому растет и возрастет...*»). «Павловским лунатиком», «припудренным Оссианом» величает его язвительный Вяземский в 1820 г. (подробнее см.: Веселовский. С. 301).

Опасения друзей имели основания, и сам Жуковский чувствовал определенный гнет ритуалов и этикета придворного быта. Но он сумел извлечь из этого материала, из этого особого мира свои духовные и эстетические ценности. Он остается арзамасцем без «Арзамаса»: буффонада, озорная шутка, игра сопровождают его в сотворении павловского космоса. Мотив игры проявляется в столкновении возвышенного и бытового, подлинного и мнимого через «снятие масок, разоблачение, устранение неподлинности» (см. «К графине Шуваловой. После ее дебюта в роли мертвеца»). Стихотворения «по заказу» превращаются в исповедание веры и романтизма.

Основным центром единства павловских текстов становится сознательно создаваемый и отчасти объективируемый образ поэта-творца в аспекте его нового эстетического самоопределения и самоутверждения. Это относится к шутливым посланиям («Больной, покинутый *поэт*...», «...я, ваш павловский *поэт*», «судья, по-

верьте в том *поэту*...» и т. д.). В этом смысле показательно ироническое замечание А. И. Тургенева: «Послания его к фрейлинам павловским забавны, и он и в них поэт, но поэт болтун» (ОА. Т. I. С. 271). Но определяющими являются два «Отчета о Луне» («реальный» и «культурологический»), в которых утверждается роль Поэта-Учителя-Творца и творимого им мира, мироздания как высшей нравственной и эстетической ценности.

Павловские стихотворения как единство представляют собой и опыт создания романтической мифологии, основанной на взаимообратимости, метаморфозах живого и мертвого, материального и идеального, слова и вещи, высокого и низкого. Тем самым Жуковский, отказываясь от жесткого представления о двоемирии, переходит к онтологическому и художественному ви́дению единства мира, его полноты, к осмыслению тайн творческого процесса. После долбинских стихотворений павловские послания стали еще одним этаном в постижении философии единства Поэзии и Жизни.

Н. Вётшева

«Я с благодарностью сердечной извещаю...»

(С. 123)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 29, л. 8)—беловой, с датой: «27 июня».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 10. С. 992.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 27 июня 1819 г.

По справедливому предположению А. С. Архангельского (ПСС. Т. 3. С. 143), это послание обращено к графине Анне Владимировне Бобринской (урожд. бар. Унгерн-Штернберг; 1769—1846). В 1819 г. А. В. Бобринская жила в Петербурге, проводя лето в Павловске на своей даче и устраивая балы, вечера, к которым чувствовала особую склонность. По воспоминаниям П. А. Вяземского, «графиня жила жизнью общежительною, гостеприимной. Она веселилась весельем других. Все добивались знакомства с нею, все ездили к ней охотно. А она принимала всех так радушно,—можно сказать, так благодарно, как будто мы ее одолжали, а не себя, посещая ее дом. Эти праздники были не только блистательны и роскошны, но и носили отпечаток вкуса и художественности» (РА. 1868. Стб. 2035).

Не был исключением и Жуковский. Его дневники свидетельствуют о частом и доверительном общении с А. В. Бобринской: «13 августа 1819. Бал графини Бобринской», «19 августа. У Бобринских», «4 сентября. Вечер у Бобринск.⟨их⟩. *Разговор*», «17 сентября. Вечер у Бобринских» (Дневники. С. 64, 67—72). «⟨...⟩ но Жуковский не мог оторваться от графини Бобринской, с которой играет au petits jeux»,—замечает А. И. Тургенев в письме Вяземскому от 7 октября 1819 г. (ОА. Т. I. С. 325).

Ст. 10—11. *А так, как Филемон с Бавкидой, превратились // В две липы свежие...* — Мифологический символ идиллической любви («они жили долго и умерли в один день»), с дарованным богами превращением в деревья, растущие из одного корня.

Ст. 15. *И пьете крепкий чай с салэ и сухарями...* — *Салэ* (от фр. salé — соленый); здесь — соленое печенье.

Н. Вётшева

Графине С. А. Самойловой

(«Графиня, признаюсь, большой беды в том нет...»)

(С. 124)

Автографы:

1) РНБ, он. 1, № 29, л. 6—8 — черновой, без заглавия, с датой: «28—29 июня 1819. Павловск», под № 1, с разбивкой на пятистишия.

2) РНБ, ф. 391 (Краевский), № 28, л. 1—3 об. — беловой, без заглавия, с датой: «1819. Июня 29. Павловск».

3) Кульман. С. 1085. № 9 — с датой: «29 июня 1819. Павловск».

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 84—87 об.) — рукою В. И. Губарева.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 7. Т. 3. С. 490.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 28—29 июня 1819 г.

Послание адресовано графине Софье Александровне Самойловой (1797—1866), воспитаннице Екатерининского института; с 1816 г. фрейлине ими. Марии Федоровны. Жуковский был знаком с ней с 1818 г. и посвятил ей целый ряд павловских посланий. Влюбленность и «тоска по семейственной жизни», дружба и соперничество с В. А. Перовским отражают в цикле павловских посланий к Самойловой и Перовскому своеобразное развитие романического сюжета.

По воспоминаниям П. А. Вяземского, «Графиня София Александровна Бобринская, урожденная графиня Самойлова, была женщина редкой любезности, спокойной, но неотразимой очаровательности. ⟨...⟩ Она была кроткой, миловидной, пленительной наружности. В глазах и улыбке ее были чувство, мысль и доброжелательная приветливость. Ясный, свежий, совершенно-женственный ум ее был и развит и освещен необыкновенною образованностью. Европейские литературы были ей знакомы, не исключая и русской. Жуковский, встретивший ее еще у двора императрицы Марии Федоровны, при которой она была фрейлиной, узнал ее, оценил и остался с нею в самых дружеских сношениях» (Вяземский П. А. Граф Алексей Алексеевич Бобринский // РА. 1868. Стб. 2027—2038).

Увлечение Жуковского Самойловой относится к 1819—1820 гг. Вероятность женитьбы на Самойловой обсуждалась в дружеском кругу, что отражается в переписке. «Жуковский едет в Берлин. Увы! он влюблен, но не жених! Ему хотелось бы жениться, но при дворе нелегко найти невесту для стихотворца, хотя и любимого» (Из письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву от 20 сентября 1820 г. //

Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. М., 1866. С. 294). 8 октября 1820 г. Ю. А. Нелединский-Мелецкий пишет дочери, княгине А. Ю. Оболенской: «При отъезде моем Жуковский, как сказывали мне, объяснился с гр. С. В бытность твою здесь, ты знала, что считали его в нее влюбленным. Он ей сказал, что отъезжает с сожалением о том, что исканию его дружбы ее она не ответствовала, и изъявлению *его к ней дружбы* приписала, как видно, другому чувствованию, которое, впрочем, внушить она всех более может.— Как доведено было до этого и что далее было им сказано, не знаю; но на эти слова она, сказывают,— молчала и будто показались у ней на глазах слезы. Как ты это растолкуешь? По мнению К. И. [Е. И. Нелидовой, фрейлины.—*Н. В.*], от которой я это слышал;— он это говорил для того, что боится слыть влюбленным: il craint extrêmement d'être ridicule [он очень боится быть смешным.—*фр.*].— А буде она подлинно плакала, то, мне кажется, от досады.— И подлинно; как? Человек приходит женщине сказать: не подумай, ради Бога, чтоб я в тебя был влюблен!» (Хроника недавней старины. Из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого. СПб., 1875. С. 241).

В ноябре 1820 г., после отъезда Жуковского за границу, С. А. Самойлова стала невестой графа А. А. Бобринского, а 27 апреля 1821 г. они повенчались. С. А. Бобринская, а после ее смерти сын и внук сохранили рукописи Жуковского, в том числе альбомы с автографами стихотворений и писем (см.: Кульман. С. 1078).

Ст. 4. *А скромно в Колпине спасался...*— Колпино— ныне пригород Санкт-Петербурга, в XIX в.— село под Петербургом.

Ст. 10. *Безмолвный берег Монплезира!..*— Монплезир (от фр. mon plaisir— моё удовольствие)— дворец-павильон на взморье, на берегу Финского залива в Петергофе.

Ст. 46. *Пугал на дне морском балладами* ***Ундину****...*— Имеется в виду героиня одноименной повести немецкого писателя Фридриха де ла Мотт-Фуке (de la Motte Fouqué, 1777—1843), впоследствии переведенной Жуковским. Замысел перевода относится еще к 1816 г. (см.: Стихотворения. Т. 2. С. 542. Ср.: РА. 1868. Стб. 839).

Ст. 47. *И сонный дядя* ***Студенец****...*— По сюжету повести «Ундина»— дядя героини. В переводе Жуковского— Струй.

Ст. 49. *Зевал бы, слушая* ***Старушку****!..*— Имеется в виду баллада Жуковского «Старушка» (полное заглавие: «Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди»; 1814).

Ст. 95. *Самим известно вам, поэта Ариона...*— Арион (ок. 600 до н. э.), греч. поэт и певец, спасенный во время кораблекрушения очарованным его пением дельфином. Ср. стихотворение А. С. Пушкина «Арион» (1827).

Ст. 105. *Он скоро пышный Бельт покинет за собою...*— Датское название Балтийского моря.

Ст. 109. *Минует он брега старинного Гадеса...*— Имеется в виду город и порт на юге Испании Кадис, основанный еще в XI в. до н. э. финикийцами. Опустошенный в эпоху поздней античности, он снова приобрел значение лишь в VIII в. н. э. при господстве арабов.

Ст. 118. *Натуралист Бомар...*—Жак Кристоф Вальмон де Бомар (1731—1807), французский натуралист, популяризатор, автор знаменитого пятитомного «Универсального словаря естественной истории» («Dictionnaire raisonné universel d'histoire naturelle»).

Ст. 126—127. *Тот самый, что в Москве графиня Катерина // Петровна вздумала так важно утопить...*—Е. П. Шувалова (в замужестве Шлиффен; 1801—1858), фрейлина имп. Марии Федоровны (см. примеч. к посланию «К графине Шуваловой...»).

Ст. 136—170. *Красавица, у берегов Гадеса ~ То есть* ***платок****, к ногам красавицы своей!*—Далее идет ироническое изложение основных сюжетных линий романа г-жи Коттен «Матильда, или Крестовые походы» (подробнее см. примеч. к стихотворению «К Варваре Павловне Ушаковой и гр. Прасковье Александровне Хилковой. В Гатчине»).

Ст. 147. *...деев сын...*—Т. е. сын восточного правителя—дея.

Ст. 183. *Премудрость—а сказать по-гречески:* ***София!..***—София (греч.)—мудрость, библейский символ Божественного мироустройства (София Премудрость Божия) и одновременно имя гр. Самойловой.

Н. Вётшева

Невыразимое
(Отрывок)

(«Что наш язык земной пред дивною природой?..»)

(С. 129)

Автографы:

1) РНБ, он. 1, № 29, л. 10 об.—11—черновой, в составе стихотворения «Государыне Императрице Марии Федоровне».

2) РГАЛИ, он. 1, № 28, л. 1—2—фотокопия белового автографа из «Альбома Марии Шимановской»—с заглавием: «Что бедный наш язык земной...» и подписью: «Жуковский». Подлинник: Музей Адама Мицкевича в Париже.

Копия (РНБ, он. 1, № 26, л. 45—45 об.)—авторизованная, с заглавием: «Невыразимое», подзаголовком: «Отрывок» и двумя последними стихами, исключенными в последующих публикациях: *«Но вдохновение опять заговорилось, // И муза пылкая забыла свой отчет!»*

Впервые: Памятник Отечественных муз на 1827 год. СПб., 1827. С. 262—263—с заглавием: «Невыразимое», без подзаголовка и с примечанием от издателя, что стихи написаны за несколько лет до напечатания. Два первых стиха в редакции, отличной от окончательной: *«Что бедный наш язык земной // Перед великою Природой?»*

В прижизненных изданиях: С 4—5—с подзаголовком «Отрывок» (в С 4—отдел «Смесь»; в С 5—Т. 3. С. 62—63, в подборке стихотворений 1818 г.).

Датируется: 6 июня—конец июня 1819 г.

«Невыразимое» первоначально входило в состав обширного послания «Государыне Императрице Марии Федоровне», своеобразного «Первого отчета о луне»

(см. примеч.). Оно являлось финалом первой части и следовало после 34-й строфы. По своему содержанию оно завершало ряд описаний павловской природы, выражая момент наивысшего напряжения лирического чувства восхищения природой и раздумий о тайне ее величия. Завершив работу над этой частью послания, Жуковский пронумеровал черными чернилами 5-строчные строфы (с 1-й по 44-ю), считая будущее «Невыразимое» органической частью единого текста.

Но затем, после ст.: «Итак, немудрено, что мысль им разогрета, // Что пламенный предмет воспламенил поэта», Жуковский сплошной вертикальной чертой вычеркнул текст, начиная со ст.: «Но с красотой предмета // Сравним ли бедный список мой? // И что язык земной // Перед великою природой?» — строфы с 35 по 44. Таким образом, «Невыразимое» было выделено из текста «Первого отчета о луне», о чем, видимо, и писал А. И. Тургенев П. А. Вяземскому 23 июля 1819 г.: «Рапорт государыне о павловской луне, в шутовском тоне,— прекрасный; но лучшие стихи выпустил, опасаясь длинностей» (ОА. Т. I. С. 271).

Работа над посланием «Государыне Императрице Марии Федоровне» была продолжена после вычеркивания текста: Жуковский начинает строкой: «Еще прекрасная меня одна картина ждет!» — и далее нумерует текст уже с 35-й строфы. Вычеркнутый текст 35—44-й строф получает статус самостоятельного «отрывка» и заглавие: «Невыразимое» (см. авторизованную копию).

Первая часть послания с «Невыразимым» в его составе, до постскриптума, была написана в июне 1819 г. Поэтому можно считать, что вся работа над «Невыразимым» происходила в июне 1819 г. (начиная с 6-го).

Творческая история «Невыразимого» нашла отражение в переписке А. И. Тургенева и П. А. Вяземского. 2 июля 1819 г. Тургенев обещал прислать Вяземскому «всеподданнейшее донесение его Государыне о павловской луне, где он разговорился по-своему, то есть мило и прекрасно». «Он много стихов выпустил из этой пиесы,— добавляет Тургенев,— но так как в ней и без того плану нет, то я и не думаю, чтобы нужно было сократить ее» (ОА. Т. I. С. 276). 5 августа Тургенев высылает Вяземскому «болтовню его о луне и солнце» (Там же. С. 280), но, по всей вероятности, уже без «Невыразимого». В письме от 13 августа Тургенев послал «стихи и прозу его» и заметил при этом, что «по всем признакам, он [Жуковский] точно воскресает, и гений воскреситель его есть Byron...» (Там же. С. 286). В письме от 26 августа Тургенев сообщает Вяземскому, что в Павловске у Жуковского вместе с Пушкиным они читали «новую литургию Жуковского», текст которой Тургенев прилагает (Там же. С. 295). Комментатор «Остафьевского архива» В. И. Саитов, а вслед за ним и Ц. С. Вольне (Стихотворения. Т. 2. С. 512) высказывают мысль, что здесь речь идет, вероятно, о «Невыразимом» В письме конца августа Вяземский отвечает, что «Jean-Paul не понимаю, а стихами недоволен. Что подлинник: в прозе или в стихах?» (Там же. С. 229). Думается, речь идет о переведенной из Жан Поля «литургии» на смерть королевы Луизы (см. примеч. к стихотворению «В ту минуту, когда ты в белой брачной одежде...»). Но критика Вяземским направления поэзии Жуковского этого времени: «Жуковский слишком уж мистицизмует ⟨...⟩ под этим туманом не таится свет мысли ⟨...⟩. Он так наладил од-

ну песню, что я, который обожал мистицизм поэзии, начинаю уже уставать» (Там же. С. 305) — могла остановить публикацию павловских стихотворений, в том числе «Невыразимого».

Подзаголовок «Отрывок», внесенный при публикации текста «Невыразимого» в С 4, имел двойной смысл. Во-первых, как это теперь ясно, «Невыразимое» было частью, отрывком из послания «Государыне Императрице Марии Федоровне». Во-вторых, подзаголовок имел и жанровый смысл, связанный с эстетикой фрагмента, выражающей принцип вечной устремленности и движения к идеалу (см.: Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 48).

В тексте «Невыразимого» Жуковский осуществляет принцип «vergängliche Mosaik» (Топоров В. Н. Поэтика Жуковского: Об источниках стихотворения «Невыразимое» // Slavica Hierosolymitana. Jerusalem, 1977. V.1. P. 50), синтезируя и контаминируя мотивы, идеи немецких поэтов-романтиков и философов-идеалистов, среди которых близкими поэту и достоверными «источниками» его рефлексии называются Шеллинг (Гуковский Г. А. Указ. соч. С. 46), Ф. Шлегель, Гофман, Фихте, Жан Поль (Янушкевич. С. 115—127), Тик и Вакенродер (Топоров В. Н. Указ. соч. С. 39—50). Само «прилагательное „невыразимый" является постоянным определением мистического переживания» у поэтов-романтиков (Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1996. С. 31).

Одический тон повествования в «Невыразимом», возможно, обусловлен влиянием творчества Байрона, которым Жуковский, по свидетельству А. И. Тургенева, «зачитывался» летом 1819 г. Речь может идти о патетическом характере описаний природы и лирико-философских медитациях «Манфреда», из которого «Жуковский хочет выкрасть ⟨...⟩ лучшее» (ОА. Т. I. С. 288).

Но при всех этих влияниях, обусловленных общим интересом Жуковского к европейской эстетике романтизма, «Невыразимое» является манифестом русского романтизма. Символико-метафорический строй стихотворения, музыкальная структура повествования в определении того, что невозможно выразить словами, поиск новых средств лирической образности — все это определило поиски в области особого языка для выражения идей романтического универсализма.

Темы и образы «Невыразимого», эстетическое и философское содержание, заключенное в стихотворении, получат развитие в прозаических опытах поэта: его письмах-статьях «Рафаэлева мадонна» и «Путешествие по Саксонской Швейцарии» (см.: Ж. и русская культура. С. 20).

Непосредственное поэтическое и философское развитие «Невыразимого» продолжит в своей лирике Ф. И. Тютчев («Не то, что мните вы, природа...», «Silentium!») и символисты.

Э. Жилякова

В комитет, учрежденный по случаю похорон Павловской векши, или белки, от депутата Жуковского

(«Прошу меня не осуждать...»)

(С. 130)

Автографы:

1) РНБ, он. 1, № 29, л. 30 об.—31 об.—беловой, без заглавия и даты.

2) ПД. № 27.770, л. 1—2—беловой, без даты, с каноническим заглавием.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 7. Т. 2. С. 496—498—в «Примечаниях», с указанием от редактора: «Не имея никаких сведений об этом стихотворении и положительно отрицая, что переданный нам листок писан будто бы рукою самого Жуковского, мы не решились отнести этих стихов в текст книги, а помещаем их здесь».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: июнь 1819 г.

Положение автографа в рукописи—среди павловских июньских стихотворений 1819 г.—позволяет предположительно отнести это шутливое стихотворение Жуковского к июню 1819 г. К лету 1819 г. оно отнесено и в С 10 (С. 189—190). Учитывая тот факт, что П. А. Ефремов, впервые напечатавший этот текст в С 7, имел какую-то неизвестную нам копию стихотворения, можно предполагать: заглавие и датировка содержались в ней.

Между тем в воспоминаниях А. П. Кеппена об истории создания этого стихотворения события отнесены к лету 1820 г., что представляется ошибкой памяти мемуариста. Рассказывая о поводе к рождению послания, он сообщает следующее: «В. А. Жуковский был прекрасно принят и весьма любим в доме деда моего Ф. П. Аделунга, бывшего наставником императора Николая I и великого князя Михаила Павловича. Происхождение сообщаемого стихотворения обязано именно близким отношениям Жуковского к семье Аделунга, где в 1820 г. было трое молодых людей, сыновей Федора Павловича. Старый слуга деда моего, проходя по павловскому парку и, завидев белку, бросил в нее камнем, и, поймав раненое животное, пожелал принести его домой на утеху молодежи. Но увы! зверек, положенный в карман, задохся. Столь грустная смерть белки вызвала блестящие ее похороны, и назначен был конкурс для составления надгробной надписи. Всех надписей, писанных на немецком языке, было шесть, и в составлении их принимали участие как Ф. П. Аделунг и дети его, так равно отец мой, академик П. И. Кеипен, и академик Круг. Судьею был избран Жуковский—и вот таким образом явилось на свет произведение знаменитого нашего поэта, сохранившееся в бумагах моего отца. Избранная Жуковским надпись, увековеченная его переводом, принадлежала Ф. П. Аделунгу» (Кеппен А. П. В. А. Жуковский в Павловске. 1820 г. // РС. 1883. Март. С. 679—680).

Как следует из этих воспоминаний, фактическим автором шутливой эпитафии был Федор Павлович (Фридрих) Аделунг (1768—1843), историк, с 1824 по 1843 г. директор Института восточных языков в Петербурге. Не имея возможности сравнить немецкий оригинал надписи с переводом Жуковского, трудно что-либо ска-

зать о точности в воссоздании его смысла и интонации. Но очевидно, что этот текст Жуковского вообще невозможно назвать переводом. Это скорее поэтическая рефлексия по поводу описанных в мемуарах А. П. Кеннена событий.

Ст. 12. *В карман безжалостный Ильи...* — Речь идет о слуге Ф. П. Аделунга (см. выше).

Ст. 51. *Их шесть готово нумеров...* — Имеется в виду количество эпитафий, представленных на конкурс (см. выше).

Ст. 60. *Вот, например, в одних есть Dreck!..* — Dreck — дрянь, дерьмо (*нем.*).

Ст. 69. *В других есть Hadzy-Padzy...* — В первой публикации (С 7. Т. 2. С. 497) в обоих случаях (ст. 69 и 75) вместо этой идиомы было напечатано курсивом: *«кудри, пудри»*, что, вероятно, позволяет говорить о смысле идиомы: «пудрить мозги».

Н. Вётшева

Цвет завета

(«Мой милый цвет, былинка полевая...»)

(С. 133)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 29, л. 1 об.—5 — черновой, без заглавия, с датами: в начале — «Июня 16. Павловск. 1819» и в конце — «2 июля 1819» и указанием общего количества стихов: «104». Перед наброском первой строфы (л. 1 об.) — общий прозаический план.

2) ПД. Р I, оп. 9, № 47, л. 1—4 — беловой, на двойном листке бумаги, с заглавием: «Цветок».

3) РГАЛИ, оп. 2, № 9, л. 1—5 — беловой, с заглавием: «Цвет завета», датой в конце: «Павловск, Июля 2. 1819» и подписью: «Жуковский». Небольшая правка в ст. 4: *«непышной»* вместо *«невидимой»*; ст. 10: *«лет»* — *«дней»*; ст. 15: *«слетелося»* — *«примчалося»*; ст. 26: *«возвратит»* — *«вспомнит»*; ст. 95: *«Вы ж, милые»* — *«И вы, друзья»*.

Копия (РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 12, л. 23—25) — рукою М. А. Мойер, с заглавием: «Цветок», датой: «22 Juni 1819» и немецким текстом, задающим тему для стихотворения (л. 22 об.).

Впервые: Совр. 1837. Т. 5. С. 113—117 — с заглавием: «Цветок», подписью: «Жуковский» и датой: «1 июля 1819».

В прижизненных изданиях: С 4—5 — с заглавием: «Цвет завета» (в С 4 — Т. 9, отдел: «Разные стихотворения», с датой: «1819»). В С 5 — в подборке стихотворений 1818 г. (Т. 3. С. 57—61).

Датируется: 16 июня — 2 июля 1819 г.

Стихотворение, написанное летом 1819 г. в Павловске, на первый взгляд, примыкает к мадригальным павловским посланиям, тем более что оно было создано по заказу. 30 июля 1819 г. А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому: «Посылаю тебе стихи Жуковского, написанные по заказу вел. княгини. Она же дала и тему на немецком: „Ländler-Gras“, у немцев — цвет завета. Чего не выразит чародей Жуков-

ский! В сем „Цвете" соединяется воспоминание прошедшего с таинственностью будущего. Он часто означает какую-нибудь эпоху или минуту жизни, например, свидание или разлуку. Знаменование его скорее понять, нежели объяснить можно. Но нам, немцам, весь мистицизм чувствительности понятен» (ОА. Т. I. С. 276). Историю создания стихотворения конкретизировал П. А. Плетнев в письме к Я. К. Гроту от 23 февраля 1844 г.: «Жуковского стихи на *Цветок*, любимы императрицей, который еще в Берлине она завещала сестрам, как залог их взаимного воспоминания. В 1819 г. она такой цветок нашла здесь, и Жуковский воспользовался, чтобы эту идею развить в стихах. Чудная прелесть!» (Переписка. Т. 2. С. 192). Об этом же говорила А. П. Елагина, видимо, со слов самого Жуковского: «Великая княгиня Александра Федоровна условилась с сестрою — присылать друг другу первые весенние цветы, которые каждая из них увидит...» (С 9. Т. 2. С. 556).

Уже план, предшествующий черновому автографу: «*Родной цветок, былинка полевая, ты найдена! Тихо таишься ты. Прохожий идет мимо тебя и не замечает. Но для меня ты лучшее...*» и т. д. — выявляет общую идею «Ländler-Gras». Именно так названо стихотворение в альбоме С. А. Самойловой, куда Жуковский его записал среди других павловских стихотворений (см.: Кульман. С. 1085. № 3). Но, ощущая связь стихотворения с частным бытом великой княгини Александры Федоровны (об этом см.: Стихотворения. Т. 2. С. 510), Жуковский долгое время не решался его публиковать, хотя павловское окружение и ближайшие друзья поэта знали это произведение и высоко ценили его. «*Цветок* его прелестен,— писал Вяземский А. И. Тургеневу 7 августа 1819 г.,—⟨...⟩. Воля твоя я не могу продолжать. На душе Жуковский со своим *Цветком*, которого здесь из немцев никто между тем не знает» (ОА. Т. I. С. 292).

Первая публикация стихотворения оказалась необычной. Жуковский включает его в состав особого, мемориального тома «Современника» (1837. Т. 5), где начиная с письма Жуковского к С. Л. Пушкину от 15 февраля 1837 г. под заглавием: «Последние минуты Пушкина» (С. I—XVIII) мотив памяти о Пушкине является определяющим. Изменив заглавие стихотворения «Цвет завета» на «Цветок», Жуковский тем самым одновременно вступал в перекличку с пушкинским «Цветком». В этом смысле показательны те небольшие, но характерные изменения, которые Жуковский внес в текст стихотворения: вместо «*милое* цветет воспоминанье» — «*тайное* цветет воспоминанье», вместо «как *ясное* предчувствие, сходила» — «как *тайное* предчувствие сходила». Мотив «божественно-тайного», великой тайны, прозвучавший в письме к отцу поэта: «В эту минуту, можно сказать, я увидел лицо самой смерти, божественно-тайное; лицо смерти без покрывала. Какую печать на него наложила она! и как удивительно высказала в нем и свою и его тайну! Я уверяю тебя, что никогда на лице его не видал я выражения такой глубокой, величественной, торжественной мысли»,— получил свое поэтическое развитие в «Цветке». В общем контексте V тома Совр. стихотворение Жуковского воспринималось как реквием по усопшему, цветок на его могилу.

Любопытно, что в 1840 г. Жуковский публикует это стихотворение уже под заглавием «Цвет завета» и в первоначальном варианте в журнале «Киевлянин»

(1840. Кн. 1. С. 170—174), со следующим пояснением от автора: «Стихотворение сие было уже напечатано в *Современнике*; но я имел право и особенные причины поместить оное и в *Киевлянине*». В письме редактору «Киевлянина» М. А. Максимовичу от 23 декабря 1839 г. Жуковский, отвечая на его просьбу «украсить журнал своими творениями», сообщал: «Посылаю вам для вашего „Киевлянина" мой старый еще неизвестный стихотворный грех. Эти стихи не могут иметь ясного смысла для читателей, а объяснить для них этот смысл я не могу. Они писаны по желанию, на заданный предмет и получили бы особенный интерес, если бы можно было прибавить к ним надлежащий комментарий. Теперь же они без интереса для читателя» (Русский филологический вестник. 1908. № 3. С. 181). «Вскоре Жуковский нашел стихотворение в „Современнике" и послал М. А. Максимовичу извинение» (Там же. С. 182). Вряд ли Жуковский мог забыть о публикации «Цветка» в «Современнике»: скорее всего, как это явствует из примечания, он «имел право и особенные причины» на публикацию стихотворения в другой редакции и с другим заглавием. Вероятно, в его сознании «Цветок» и «Цвет завета» существовали как два различных произведения.

Исследователи и комментаторы творчества Жуковского неоднократно говорили о связи «Цвета завета» с «целым рядом бродячих формул немецкого мистико-романтического миросозерцания» (Стихотворения. Т. 2. С. 510; ср.: Веселовский Ал. Цвет завета // Литературный вестник. 1903. Т. 5. Кн. 3. С. 297). В. М. Жирмунский указывал, что «Посвящение» Гёте к «Фаусту» «подсказало Жуковскому тип медитативной элегии, написанной октавами, как ⟨...⟩ „Цвет завета"», который «обнаруживает целый ряд совпадений со стихотворением Гёте, так что местами кажется не то вольным пересказом, не то вариацией на ту же элегическую тему — сердечного воспоминания» (Жирмунский. С. 87). И. П. Галюн нашел параллель к «Цвету завета» в стихотворении «Das Wunderblümchen» Т. Кёрнера (Галюн. С. 15—16). Но, думается, «Цвет завета» — оригинальное создание Жуковского, раскрывающее его романтическую эстетику и намечающее путь к «символическому языку романтической поэзии» (Вацуро. С. 152).

А. Янушкевич

Ответы на вопросы в игру, называемую *секретарь*

I. Звезда и корабль

(«Звезда небес плывет пучиною небесной...»)

II. Бык и роза

(«Задача трудная для бедного поэта...»)

(С. 136)

Автограф не обнаружен.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ПСС. Т. 3. С. 14.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 16 июня — 2 июля 1819 г.

Ц. С. Волынe описал автограф этих двух стихотворений (Стихотворения. Т. 2. С. 527), но по шифру, приведенному им (ПД. № 437/116), автограф в РО ПД не обнаружен. По свидетельству комментатора, автограф «Ответов на вопросы...» записан на обороте листа с текстом стихотворения «Цветок» («Цвет завета»), что дает возможность отнести время создания «Ответов...» к периоду работы Жуковского над стихотворением «Цвет завета» (см. примеч.). Еще один отдельный автограф стихотворения «Цветок» («Цвет завета») сохранился в РО ПД (Р. I, он. 9, № 47), но на обороте листа с его текстом автографы «Ответов...» отсутствуют.

Сохранился, однако, отдельный автограф стихотворения «Бык и роза», записанный в альбом фрейлины З. И. Нарышкиной (в замуж. Юсупова; 1810—1893)— с заглавием: «Какое сходство и какая разница между Быком и Розою», подписью: «Бык» и датой: «1 Àout 1830. Soirée au cottage» (1 августа 1830. Вечер на даче.— *фр.*; ПД, ф. 524, оп. 1, № 50). См.: Вацуро В. Э. Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750—1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. 1977. Л., 1979. С. 31.

Подпись «Бык» и дата: «1830» свидетельствуют о том, что эта запись была сделана экспромтом, много времени спустя после создания стихотворения, в ту пору, когда Жуковский дружески сблизился с А. О. Смирновой-Россет и начал писать ей шутливые записки с подписью: «Бык» (см.: Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 21—22; ср. также текст послания «А. О. Смирновой-Россет» в наст. изд.).

В ПСС (оглавление т. 3) название «Ответы на вопросы в игре, называемой *секретарь*» помечено одинарным астериском (ПСС. Т. 3. С. 149). Это значит, что А. С. Архангельскому была известна какая-то предшествующая публикация этого текста, но в собрания сочинений Жуковского текст включен им впервые. Вопрос о журнальной публикации «Ответов...» остается открытым.

Игрой «секретарь» Жуковский увлекался еще в 1814 г. (см. примеч. к «Ответам на вопросы в игру, называемую *Секретарь*» в 1-м т. наст. изд.). Не исключено, что именно Жуковский ввел эту игру в павловский быт, а его ответы стали фактом поэтического творчества.

О. Лебедева

Ея Превосходительству, Варваре Павловне Ушаковой, их сиятельствам, графине Самойловой, графине Шуваловой, княжне Козловской и княжне Волконской, от некоторого жалкого стихотворца прошение

(«Больной, покинутый поэт...»)

(С. 136)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 29, л. 5 об.)—беловой, без заглавия, с датой: «8 июля», разбивкой на 5-стишия.

Копия (РНБ, он. 1, № 15. л. 75—75 об.)—рукою В. И. Губарева, с поправками Жуковского в ст. 36.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 7. Т. 3. С. 490—491.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 8 июля 1819 г.

Еще один беловой автограф этого послания находился в альбоме С. А. Самойловой, где оно четко датировано также 8-м июля 1819 г. (Кульман. С. 1085. № 10).

Адресаты стихотворного шутливого послания, стилизованного под прошение,— фрейлины имп. Марии Федоровны и великой княгини Александры Федоровны: В. П. Ушакова (в замуж. Барыкова; ум. 1862), графиня С. А. Самойлова (см. примеч. к стихотворению «Графине С. А. Самойловой»), Е. П. Шувалова (в замуж. Шлиффен; 1801—1858), княжна Е. Г. Волконская (в замуж. Полянская; 1801 — не ранее 1873) и княжна Козловская (сведений о ней обнаружить не удалось).

Мифологизация бытовых реалий (метаморфозы башмаков, платков и перчаток) и специфичность шутливых павловских посланий отчетливо осознавались друзьями поэта — арзамасцами, что неоднократно зафиксировано в переписке, например, Вяземского и А. И. Тургенева: «Он теперь нянчится только с фрейлинами, ест их конфеты и пьет за них шампанское. Вино поэзии веселит сердце его, а с ним и воображение. Впрочем, он уже и записки пишет стихами и не может сказать прозою: „Пришлите мне мороженого и миндалю в сахаре“» (Письмо А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 13 августа 1819 г. // ОА. Т. I. С. 286). Подобный прием поэтизации прозы и нейтрализации материального быта идеальным поэтическим мироощущением был подхвачен И. А. Крыловым (см.: Послание И. А. Крылова к В. П. Ушаковой // РС. 1870. Т. 1. С. 567—568).

Ст. 30. *Пускай искусен наш Крейтон...* — Крейтон Василий Петрович (Арчибальд Вильям; 1791—1861) — лейб-медик при дворе Николая I. В дневниках Жуковского постоянно упоминается в связи с поездками двора за границу (Дневники. С. 85, 87, 96—98, 208, 238 и т. д.). По словам А. О. Смирновой-Россет, «доктором детей был Крейтон, человек хорошей шотландской фамилии, честный и благородный» (Смирнова-Россет. С. 198).

Н. Вётшева

Гр. С. А. Самойловой

(«Уж думал я, что я забыт...»)

(С. 137)

Автограф (РНБ, он. 1, № 29, л. 12—12 об.) — черновой, без заглавия, с датой: «9 июля» и нумерацией на л. 12: «№ 3».

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 76—77 об.), рукою В. И. Губарева, без заглавия, с незначительными разночтениями.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Кульман. С. 1087—1090 (по беловому автографу из альбома С. А. Самойловой, с датой: «9 июля»).

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 9 июля 1819 г.

Об адресате послания графине С. А. Самойловой см. примеч. к посланию «Графине С. А. Самойловой» («Графиня, признаюсь, большой беды в том нет...»

В рукописи (черновой автограф) сохранилось окончание — 6 стихов, зачеркнутых Жуковским:

Когда ж беседовать со мною
Захочет муза невпопад,
Я повяжу ее тобою —
Хотя и прост такой наряд,
Но он приятен будет взгляду,
И я ручаюсь за Балладу.

Н. Вётшева

Перовскому

(«Счастливец! Ею ты любим!..»)

(С. 140)

Автограф (РНБ, он. 1, № 29, л. 13) — беловой, без заглавия, с датой: «11 июля». На этом же л. 13 — девять начальных стихов, зачеркнутых вертикальной линией, — с датой: «10 июля».

Впервые: Славянин. 1828. Ч. 8. С. 235 — с заглавием: «К П***», без подписи.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 10—11 июля 1819 г.

Редакторы посмертных изданий, не зная о прижизненной публикации послания, перепечатывали его текст из С 8 (Т. 2. С. 114), с заглавием, которое ему дал П. А. Ефремов, — «Мойеру». Ц. С. Вольпе убедительно доказал, что такая атрибуция адресата ошибочна. «Доказательством того, что „К П***“ значит „К Перовскому“, — писал комментатор, — служит и то, что в том же „Славянине“ (1830. Ч. 13. С. 38) напечатано известное послание Ж. к Перовскому („Товарищ, вот тебе рука“), также под заглавием: „К П***“ (без подписи)» (Стихотворения. Т. 2. С. 530). Послание связано с историей соперничества Жуковского и Перовского в их любви к графине С. А. Самойловой.

Василий Алексеевич Перовский (1795—1857) — генерал-адъютант и генерал от кавалерии, оренбургский и самарский генерал-губернатор, побочный сын А. К. Разумовского, брат писателя А. А. Перовского (Антония Погорельского), друг Жуковского с 1818 г. и до конца жизни. Как замечает биограф Перовского, «один Жуковский оставался предан и верен ему до конца своей жизни и, уже будучи почти слепым, написал ему ощупью, по подкладываемой под руку линейке, письмо из Бадена, полное любви и заботы о своем далеком друге. Письмо это было писано в марте 1851 года — и было последним письмом Жуковского» (Захарьин И. Дружба Жуковского с Перовским // ВЕ. 1901. Т. 4. Апрель. С. 527). Перовский отличался замечательной выдержкой и редкой биографией. Будучи захвачен в

плен, прошел пешком от Москвы до Парижа, откуда бежал в 1814 г. Проложил для России путь в Среднюю Азию (Хивинский поход 1839 г.).

В. А. Перовский, как и Жуковский, был увлечен гр. С. А. Самойловой, но предпочтение, руку и сердце она отдала гр. А. А. Бобринскому, с которым была счастлива. Сюжет этого своеобразного романтического флирта-ухаживания-влюбленности остался в большей степени «литературным», что не исключает серьезного чувства, лежащего в его основе. Как вспоминает А. О. Смирнова-Россет, «он (Перовский) мне рассказывал всю историю, как они садились за столом в Павловске против Софьи Самойловой, делали шарики и откладывали с Жуковским по числу ее взглядов. ⟨...⟩ Василий Перовский ⟨...⟩ надеялся затопить свое горе в блеске и шуме двора. Когда он узнал, что Софья Самойлова вышла замуж за Алексея Бобринского, он не смог скрыть своего огорчения и, во избежание шуток, прострелил себе указательный палец правой руки» (Смирнова-Россет. С. 196).

Из двух посланий к Перовскому данное занимает своеобразное место в рукописях Жуковского: оно написано в окончательной редакции 11 июля 1819 г., но первые 9 стихов второго послания «Василию Алексеевичу Перовскому» («Товарищ! Вот тебе рука!..») написаны на этом же листе с датой: «10 июля». Таким образом, вместе с завершением (2 августа 1819 г.) второе послание обрамляет первое и воссоздает в соотношении с первым посланием историю дружбы-соперничества Жуковского и Перовского.

Поэтический и этический пафос самоотверженной любви, философия самоотречения и отказа от возлюбленной ради друга сходны с пушкинским «Я вас любил...»

Н. Вётшева

«Варвара Павловна, Элиза и Лизета...»

(С. 140)

Автограф: (РНБ, он. 1, № 29, л. 13)—беловой, с датой: «11 июля».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 10. С. 993.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 11 июля 1819 г.

Время создания этой стихотворной записки, обращенной к фрейлинам, связано с новой атмосферой, царившей в Павловске после приезда туда молодых великого князя Николая Павловича и великой княгини Александры Федоровны. По свидетельству биографа императора Николая I, «здесь этикет, поддерживаемый императрицею-матерью, несколько ослабевал, и воцарялось самое неподдельное веселье, поддерживаемое прогулками целым обществом, танцами и разными petits jeux. Иногда же в дурную погоду устраивалось литературное чтение, причем читали Жуковский, Уваров и Плещеев» (Шильдер. Т. 1. С. 94). И в этом послании речь, вероятно, идет о подготовке павловского спектакля, в котором ири-

нимали участие адресаты (см. примеч. к стихотворению «К гр. Шуваловой. После ее дебюта в роли мертвеца»).

Адресаты послания — В. П. Ушакова (Варвара Павловна), княжна Е. Г. Волконская (Элиза) и, вероятно, княжна Козловская (Лизета).

Ст. 2. *Не позабыла вас вам верная Анета!..* — Имеется в виду Анна Григорьевна Хомутова (1787—1851) — фрейлина, двоюродная сестра И. И. Козлова, писательница, адресат стихов Козлова и Лермонтова («А. Г. Хомутовой», 1838). По словам современника, «Анна Григорьевна была в хороших отношениях с Раевскими, Ермоловым, Нелединским-Мелецким, князем Вяземским, Жуковским и Пушкиным» (Новый мир. 1985. № 12. С. 194—195). См. также примеч. к стихотворению «Письмо к А. Г. Хомутовой».

Ст. 3. *Плещеев здесь...* — Речь идет о друге Жуковского, адресате многих его посланий, арзамасце — А. А. Плещееве (1778—1862), который обладал прекрасным драматическим и декламационным талантом и выступал в роли своеобразного репетитора. Ср.: «... а я вчера в Павловском снова простудился. Там Плещеев читал комедию. Все Павловские уже недели две восхищаются его чтением» (Из письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву от 20 июня 1819 г. // Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 267).

Н. Вётшева

К Эмме

(«Ты вдали, ты скрыто мглою...»)

(С. 140)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 29, л. 13) — беловой, без заглавия, с датой: «12 июля».

Впервые: Славянин. 1828. Ч. 8. № 40. С. 31 — с заглавием: «К Эмме» и подписью: «Ж.»

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 12 июля 1819 г.

Перевод одноименного стихотворения Ф. Шиллера «An Emma». В метрическом и строфическом отношении перевод точный (в подлиннике и переводе по три шестистопных строфы, 4-стопный хорей с чередованием женских и мужских рифм); некоторое интонационно-ритмическое отличие звучания первой строфы перевода от подлинника обусловлено увеличением количества цезурихиев почти вдвое (у Шиллера — 5, у Жуковского — 8).

Ц. С. Вольпе счел третью строфу перевода «сильно отступающей от подлинника в смысловом отношении» (Стихотворения. Т. 1. С. 381), однако наиболее далекой от оригинала представляется не третья, а первая строфа. Мотивы «милой старины», «неприступной» звезды, ст. 6: «Счастью бывшему не быть!» — всё это новации Жуковского, приближающие смысл перевода к собственной биографической ситуации поэта после замужества М. А. Протасовой.

Ст. 4. *Ты мелькаешь с вышины!..*— В публикации «Славянина» стих читался: «*Ты сияешь с вышины*»; в этой же редакции его дают издатели посмертных собраний сочинений: П. А. Ефремов (С 7—С 10), А. С. Архангельский (ПСС. Т. 3. С. 17), И. М. Семенко (СС 1—СС 2). Однако представляется, что более прав Ц. С. Вольше, который учел более позднюю, чем первая публикация, правку в автографе, где «сияешь» зачеркнуто и поправлено на «мелькаешь». В смысловом отношении слово «мелькаешь» применительно к «счастью», «скрытому мглою», является более точным. В наст. изд. принята редакция стиха, впервые данная Ц. С. Вольше (Стихотворения. Т. 1. С. 105, 381).

Положено на музыку А. Вейраухом.

О. Лебедева

К графине Шуваловой. После ее дебюта в роли мертвеца

(«Графиня, не забудьте слова...»)

(С. 141)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 29, л. 14 об., 15 об.)— беловой, с незначительной правкой, без заглавия и даты, под № 8.

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 81—81 об.)— рукою В. И. Губарева, без заглавия и даты.

Впервые: Памятник Отечественных муз на 1827 год. СПб., 1827. С. 50—53 (ст. 1—50)— с заглавием: «К графине Ш...ой (После ее дебюта в роли мертвеца)» и подписью: «Жуковский».

В прижизненные собрания сочинений на входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: конец июля 1819 г.

Датировка основывается на местоположении автографа в рукописи в связи с хронологической особенностью работы Жуковского над павловскими стихотворениями (на л. 14— «Государыне Императрице Марии Федоровне» с датой: «20 июля»; на л. 16— продолжение послания императрице с датой: «29 июля»). Существовал еще один автограф в альбоме С. А. Самойловой, но, к сожалению, он тоже точно не датирован (см.: Кульман. С. 1086. № 15).

Обращено к графине Екатерине Петровне Шуваловой (в замуж. гр. Шлиффен; 1801—1858), любимой фрейлине имп. Марии Федоровны и постоянному адресату павловских посланий Жуковского. Спектакли, или «живые картины», в которых принимали участие фрейлины, были естественной приметой павловского дворцового быта. О «представлениях» начала июля 1819 г. говорится в стихотворной записке Жуковского «Варвара Павловна, Элиза и Лизета...» (см. примеч.).

Отталкиваясь от конкретного факта— исполнения юной фрейлиной роли «мертвеца», Жуковский создает произведение, родственное эстетическим манифестам этого периода, в центре которого метаморфозы жизни и смерти, конечного и вечного, подлинного и мнимого (маски).

В рукописи имеется продолжение (26 стихов), не вошедшее в канонический текст (первая публикация) и отсутствующее в посмертных изданиях:

Графиня, ваше превращенье
Ужель оно изображенье
Для нас всей участи земной?
Как? этой прелести живой
Назначено так измениться,
Сим ясным взорам помутиться,
Ланитным розам побледнеть,
Младым устам охолодеть,
И не манить души улыбкой?
Итак, прекрасное ошибкой
На землю к нам заведено!
Поспешным странником оно
Нас посещает ненароком,
Минуты здесь не отдохнет,
Лишь повернется и уйдет
Переживаемое роком.
А то, к чему так манит он,
Столь часто тайное стремленье,
Оно нам только заблужденье,
И лишь изменчивости глас
С душой от странствия усталой
О бреге жизни небывалой
[1 нрзб.] несчастий говорит.
А наша лучшая надежда
Одна лишь тленности одежда
И лишь мертвец под нею скрыт.

Н. Вётшева

Циркулярное послание к чувствительным сердцам, в котором изображается горестное состояние некоего стихотворца, принужденного употребить собственные две ноги для путешествия в жаркое время на званый обед и желающего переменить сие горестное состояние на радостное и роскошно прокатиться в императорской линейке, услаждаясь, в ожидании земного обеда, небесным завтраком разговора с любезными грациями двора их императорских величеств и высочеств

(«Известно всем, что Аполлон...»)

(С. 143)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 26, л. 95 — беловой, с незначительной правкой, с заглавием на л. 95 об.

2) РНб, оп. 2, № 31, л. 1 (заглавие), л. 2 — беловой, с одним незначительным исправлением.

3) Кульман. С. 1100 — беловой автограф из альбома С. А. Самойловой, с заглавием: «Циркулярное послание».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Кульман. С. 1100—1101 — с заглавием: «Циркулярное послание».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу (восстановлено заглавие).

Датируется: июль 1819 г.

Датировка послания в С 10 (С. 995—996) 1820-м г. представляется ошибочной. «Циркулярное послание...» очевидно примыкает к павловским стихотворениям 1819 г., связанным с посещением дачи А. В. Бобринской (см. примеч. к стихотворению «Я с благодарностью сердечной извещаю...»).

Стихотворная просьба о «месте на линейке» для поездки на званый обед характерна для павловских шутливых посланий и разрабатывает целый ряд постоянных ритуальных обращений (фрейлины — «грации двора» — «хариты царского дворца»), а также вводит мотив игровых метаморфоз (жара — поэтический угар; земной обед — небесный завтрак разговора и т. д.).

Судя по дневникам Жуковского, вечера, обеды, балы у графини Бобринской, на которые его приглашали, были частыми, а расстояния от Павловска до дачи Бобринской требовали передвижения в экипаже. Жуковский не раз упоминает в стихах «линейки», служившие обычным и излюбленным способом передвижения. По воспоминаниям современника, «кроме членов двора никто не имел право на место в линейках» (Приключения лифляндца в Петербурге // РА. 1878. № 4. С. 451). Имп. Мария Федоровна особенно часто совершала прогулки по памятным местам Павловска в виде целого поезда экипажей: «После обеда она любила кататься на линейке, вмещавшей персон восемь; за этой линейкой следовали другие со свитой. Поезд отправлялся куда-нибудь в павильон, чаще всего Розовый, где выходили для чая или вечернего собрания» (Записки М. С. Мухановой // РА. 1878. № 3. С. 307).

Мотив «линейки» как светского развлечения, отвлекающего поэта от творчества, звучит в переписке друзей. Так, А. И. Тургенев пишет П. А. Вяземскому 11 июня 1819 г.: «Жуковский ⟨...⟩ остался еще с душою, но может, мало-помалу и ее растрясет на павловских линейках. Ему необходимо нужно отказаться от вечерних прогулок, которые отнимают у него последний досуг, ибо поутру он за грамматикой, потом за обедом, а через час должен явиться на линейку и говорить о луне с ее величеством» (ОА. Т. I. С. 248).

Это послание, как и все предыдущие и последующие, обращено к фрейлинам имп. Марии Федоровны и великой княгини Александры Федоровны (В. П. Ушаковой, А. Г. Хомутовой, С. А. Самойловой, Е. П. Шуваловой, Е. Г. Волконской), которые были постоянными спутницами поэта.

Циркулярное послание... — Само заглавие имеет многозначный смысл, происходя от слова «циркуляр», т. е. «окружное письмо, послание, грамота, предписанье, сообщенье, повестка ⟨...⟩ разосланный ко многим» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. 4. С. 574).

Василию Алексеевичу Перовскому
(«Товарищ! Вот тебе рука!..»)
(С. 144)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 29, л. 13 (ст. 1—9) — черновой, с датой: «10 июля».

2) РНБ, он. 1, № 29, л. 18—19 — черновой, без заглавия, с датой: «2 августа».

Копия (Кульман. С. 1087. № 45) — в альбоме С. А. Самойловой, ее рукою, с датой: «23 июля 1820 года. Павловск».

Впервые: МТ. 1827. Ч. 14. № 7. Апрель. С. 105—108 — с заглавием: «Послание к ***», без подписи. См. также: Славянин. 1830. Ч. 13. С. 38 — с заглавием: «К П***», без подписи.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 10 июля — 2 августа 1819 г.

Несмотря на датировку в копии (23 июля 1820 г.), послание следует отнести к 1819 г. на основании положения чернового автографа в рукописи, контекста и общего содержания. По всей вероятности, дата в копии указывает не на время создания текста послания, а на время его переписывания в альбом.

Об адресате послания и истории отношений Жуковского и Перовского см. примеч. к стихотворению «Перовскому» («Счастливец! Ею ты любим!..»).

Стихотворение датируется промежутком 10 июля — 2 августа 1819 г. 10 июля были написаны первые девять стихов (ст. 8—9 отличались от окончательной редакции: *«Опять со мной мечты играют, // Как в прежни молодые дни»*. 11 июля написано послание «Перовскому» («Счастливец, ею ты любим»), исполненное мотивов жертвенного самоотказа от любви к С. А. Самойловой во имя дружбы.

Послание «Товарищ! Вот тебе рука!..», продолжая эту же тему, переводит ее в возвышенный этико-философский план. Окончательному тексту послания предшествовали вполне реальные события: «Перовский первый признался в своем чувстве. Жуковский на откровенность отвечал великодушием,—и в своем послании уступает своему другу дорогу, желая ему успеха и счастья» (ПСС. Т. 2. С. 145), что отражено также в стихотворении «Счастливец! Ею ты любим!..»

Но в то же время жертвенный контекст посланий осложняется драматической размолвкой и эпистолярным выяснением отношений. На основе мемуарных и эпистолярных источников их можно реконструировать. «На вечере в Аничковом дворце, где были дети великого князя, несколько фрейлин, в том числе и С. А. Самойлова, Перовский много танцевал с детьми и Самойловой. Жуковский, рассказав об этом на следующий день великой княгине Александре Федоровне, не присутствовавшей на вечере, добавил, что Перовский „карячился“. Великая княгиня, не уловив смысла, буквально передала разговор Перовскому, за чем последовало бурное объяснение. Перовский сказал Жуковскому: „Дурак!“, на что получил ответ: „Пошел вон!“ На следующий день Жуковский в ироническом ключе, но с обращением на „вы“ пишет Перовскому: „Боже мой, как неверна жизнь человеческая! Два друга, дышавшие, кажется, до сих пор единогласно, в совокупности и,

так сказать, в единственном числе,—хотя они сами и во множественном,—два Пилада, два Ореста, можно сказать, даже два Данона и Пидиаса,—вдруг в одну минуту, без всякого предварительного приготовления, свирепеют: один в каком-то беснотворном неистовстве говорит другому: „Дурак!", а тот, в помешательстве остервенения, ответствует: „Пошел вон!" ⟨...⟩ Ну, какой же я дурак?.. Разве не читали вы моих стихотворений? *Так* дураки не пишут. Прочитайте-ка одно, которое начинается так: „Товарищ, вот тебе рука!"—и увидите, что я знаю то, что говорю ⟨...⟩ Василий Алексеевич! „Поди вон"—значит *поди сюда*! Пребываю ваш покорнейший слуга—дурак Василий Жуковский». Перовский во вполне дружеском ответе мотивирует собственную вспыльчивость: «⟨...⟩ Впрочем, „дурак" не значит, что я почитаю вас глупым: мне бы приличнее было назвать вас *болтуном*, а сии последние бывают и *не дураки*; таким-то и я вас почитаю душевно. Мне было досадно видеть, что нельзя просто ни чихнуть, ни кашлянуть, чтобы вы тотчас же не перенесли бы то и другое к ее высочеству; а между тем это не принадлежит, по моему мнению, к урокам, вами преподаваемым» (Цит. по: Захарьин (Якунин) И. П. Граф В. А. Перовский и его зимний поход на Хиву. СПб., 1901. С. 86, 88).

Комментируя этот эпизод отношений Жуковского и Перовского, Ц. С. Вольпе считает, что их эпистолярный диалог предвосхищает интонации гоголевской повести «О том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», и замечает: Жуковский, «погрузившись в интересы придворного быта, был выше этого быта» (Стихотворения. Т. 1. С. 531).

То, что сам Жуковский анализировал свои отношения с Перовским и пытался корректировать свое поведение, отражают его дневниковая запись от 13 августа 1819 г.: «Разговор Перовского ⟨...⟩ Разговор за столом и после стола о танцах и прочее. ⟨...⟩ Замечание Перовского на мой счет если не справедливое, то по крайней мере остерегательное. Нет ничего опаснее, как pas à pas [шаг за шагом.—*фр.*]. Нечувствительно сверху надаешь на дно. L'essentiel est de ne rien se reprocher [Главное, чтобы ни в чем себя не упрекнуть.—*фр.*]. До сих нор я действую, кажется, прямо. Пускай душа ей, но воля останется моею; она принадлежит товарищу. Лишь бы поскорее всё. что надобно, высказать. Это бы дало более свободы и верности действовать» (Дневники. С. 64—65).

Перовский был далек и от возвышенно-платонического отношения Жуковского к Самойловой, и от шутливого «романтического сублимирования фрейлинских платков, перчаток и башмаков» (Стихотворения. Т. 2. С. 532). Еще до помолвки Самойловой с А. А. Бобринским он советует Жуковскому: «Василий Андреевич! При сем посылаю вам перчатку и уголок платка известной вам девы. Душевно желаю, Василий Андреевич, чтобы вы смотрели на сии принадлежности как и я на них смотрел—как на простую тряпку и на простую лайку, и чтоб весна, а особенно горячее лето нашли бы вас совершенно прохлажденным ⟨...⟩ когда почувствуете себя довольно образумившимся, чтобы решительно открыть глаза и уши и очистить голову и сердце, прошу вас убедительнейше, Василий Андреевич, дайте мне знать через кого-нибудь о сей счастливой перемене, дабы мы вместе и торжественно предали бы земле, воде или огню все эти перчатки, платки, ленточки и

фруктовые косточки... Ах, царь небесный! что за праздник будет!.. Поверьте, что минута, в которую я уверюсь, что вы сделались порядочным человеком, будет приятнейшею в моей жизни! Но—*не мне управлять песнопевца душой*!..» (Захарьин (Якунин) И. П. Указ. соч. С. 89. Курсивом дана цитата из баллады Жуковского «Граф Гапсбургский»).

В дальнейшем на первый план в отношениях Жуковского и Перовского выходит именно дружба: «Ты на один фрейлинский взгляд, на одну улыбку отвечаешь мадригалом, а я требую от тебя не ответов (на мои письма отвечать нечего), а отвечай лишь на дружбу» (Письмо Перовского к Жуковскому от 15 августа 1823 г. Цит. по: Захарьин (Якунин) И. П. Указ. соч. С. 95). Дружба с Перовским продолжалась до конца жизни Жуковского, последнее письмо которого, посланное в марте 1851 г., было адресовано В. А. Перовскому (см. примеч. к стихотворению «Перовскому» («Счастливец! Ею ты любим!..»).

Ст. 37—40. *С возобновленною душою // Я к лире бросился моей, // И под рукой нетерпеливой // Бывалый звук раздался в ней!..*—Ср. в послании «Жуковскому» А. С. Пушкина: «Когда, к мечтательному миру // Стремясь возвышенной душой, // Ты держишь на коленях лиру // Нетерпеливою рукой...»

Н. Вётшева

К ***

(«Едва на миг один судьба нас породнила...»)

(С. 147)

Автограф (РНБ, он. 1, № 29, л. 17 об.)—черновой, без заглавия.

Впервые: Славянин. 1828. Ч. 8. № 40. С. 149—с заглавием: «К ***» и подписью: «Ж.»

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: конец июля—начало августа 1819 г.

Основанием для датировки является положение автографа в рукописи: вслед за посланием «Государыне Императрице Марии Федоровне» (с датой: «29 июля») и перед посланием к Перовскому («Товарищ! Вот тебе рука!..»—с датой: «2 августа 1819». В промежутке между этими датами, вероятно, и было создано стихотворение.

Стихотворение было вписано в альбом жены писателя и журналиста С. Н. Глинки Марии Васильевны (1791—1853). В своих «Записках» С. Н. Глинка приводит альбомный текст, идентичный автографу (РВ. 1866. № 3. С. 126). Текст первой публикации в «Славянине» отличается от альбомного автографа лишь 6-м стихом: вместо *«Не сетовать на рок!—им правит Божество!»*—*«Но рок... им правит Божество!»*

Эпитафия Жуковского обращена к сыну С. Н. и М. В. Глинки, который прожил около года. Его крестным должен был быть профессор кафедры русской словесности Дерптского университета, двоюродный брат С. Н. Глинки Григорий Ан-

дреевич Глинка, умерший 9 (21) февраля 1818 г., накануне рождения крестника. Именно Г. А. Глинка в 1817 г. рекомендовал Жуковского вместо себя учителем великой княжны Анны Павловны. В 1818 г. Жуковский вместо него стал кумом М. В. Глинки.

А. Янушкевич

К мимопролетевшему знакомому Гению

(«Скажи, кто ты, нленитель безымянной?..»)

(С. 147)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 29, л. 21 об.—беловой, с правкой в ст. 11 (зачеркнуто неразб. слово и заменено на «светлоясны», без заглавия, с датой: «7 августа».

2) ПД. Р. I, он. 9, № 24, л. 1—1 об.—беловой, на одинарном листе бумаги с водяным знаком: «Ruse of Turners. 1814», с заглавием: «К мимопролетевшему знакомому Гению».

Копии:

1) РНБ, он. 1, № 15, л. 10—10 об.—рукою В. И. Губарева, с тем же заглавием.

2) РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 12, л. 42 об.—43—рукою М. А. Мойер.

Впервые: СО. 1820. Ч. 65. № 42. С. 86—87—с тем же заглавием и подписью: «Ж.», к которой сделано примечание: «Сею буквою означаемы будут все стихотворения Жуковского, помещаемые в СО. Изд.»

В прижизненных изданиях: С 4—5 (в С 4—отдел: «Романсы и песни»). В С 5 (Т. 3. С. 66—67)—среди стихотворений 1818 г.

Датируется: 7 августа 1819 г.

Текст стихотворения в автографе № 1 находится среди павловских посланий 1819 г., что и позволяет, с учетом даты самого Жуковского: «7 августа», говорить достаточно определенно о времени его создания, хотя, вероятно, процесс создания произведения был более продолжительным. В альбоме графини С. А. Самойловой имелся еще один автограф стихотворения, с заглавием: «Голос знакомого мимопролетевшего Гения». Им открывалась вся подборка (из 45 текстов) стихотворений Жуковского (см.: Кульман. С. 1085. № 1).

Традиционно комментаторы и исследователи творчества Жуковского (см.: Галюн. С. 17; Стихотворения. Т. 1. С. 381; СС 1. Т. 1. С. 459) считают стихотворение Жуковского свободной переработкой стихотворения Ф. В. Й. Шеллинга «Lied» («Песня»), хотя сравнение текстов этих произведений (см.: Янушкевич. С. 143—144) позволяет говорить скорее о типологической общности, чем о зависимости Жуковского от Шеллинга. Любопытно, что появившееся в 1825 г. стихотворение Николая Бестужева «К улетевшему Гению» (Новости литературы. 1825. № 14. С. 189—190), своеобразный перифраз стихотворения Жуковского, еще отчетливее выявляет его самостоятельность (подробнее см.: Янушкевич. С. 144—145).

Попытка связать это стихотворение Жуковского с каким-то конкретным адресатом (с А. А. Воейковой—РБ. 1915. Кн. 3. С. 21 или С. А. Самойловой—Стихо-

творения. Т. 1. С. 381) не представляется убедительной. Автобиографическое прочтение произведений Жуковского 1818—1824 гг. противоречит его установке на создание эстетических манифестов, тенденции к символической образности.

В 1824 г., когда вышло в свет С 3 и оказалось, что стихотворение «К мимопролетевшему знакомому Гению» в него не включено, Пушкин упрекал Жуковского: «Зачем слушаешься ты маркиза Блудова? ⟨...⟩ „Надпись к Гёте", „Ах, если б мой милый", „Гений" — всё это прелесть, а где она?» (Пушкин. Т. XIII. С. 167).

Положено на музыку А. А. Плещеевым (Баллады и романсы В. А. Жуковского, положенные на музыку для фортепиано А. А. Плещеевым: В 2 ч. СПб., 1832. Ч. 1).

А. Янушкевич

К портрету Императрицы Елизаветы Алексеевны

I. «Кто на блистательной видал ее чреде...»

II. «В царицах скромная, любовь страны своей...»

(С. 149)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 15, л. 8 об.— черновой (I).

2) РНБ, оп. 1, № 15, л. 9 — беловой, карандашом (I).

3) РНБ, оп. 1, № 15, л. 9 — беловой, карандашом (II).

4) РНБ, оп. 1, № 29, л. 22 — беловой (I, II).

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 8. Т. 1. С. 41 (I); С 9. Т. 1. С. 556 (II) — с предположением о том, что «в наброске говорится о королеве прусской Луизе».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: между 7 и 10 августа 1819 г.

Основанием для датировки является положение автографов в рукописях. Во всех случаях надписи к портрету находятся в контексте павловских стихотворений 1819 г., созданных в начале августа. Обе надписи существовали как своеобразный «двойной портрет» императрицы. Показательно, что в альбом графини С. А. Самойловой они вписаны Жуковским как одно целое и имеют заглавие: «Две надписи к портрету Императрицы Елизаветы Алексеевны», вероятно, данное все-таки автором публикации Н. К. Кульманом (см.: Кульман. С. 1086. № 21). Но само их единство было несомненно. В письме А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 11 декабря 1818 г. (?) сообщается: «Еще две надписи сделал он к портрету Императрицы Елисаветы, но, в наказание за мое мнение о первой („Надпись к портрету великой княгини Александры Федоровны"), не дает мне их...» (ОА. Т. I. С. 168). По всей вероятности, существовал первый вариант этих надписей, уничтоженный Жуковским, или же письмо А. И. Тургенева ошибочно датировано 1818 г.

Адресат надписей — Елизавета Алексеевна (урожд. принцесса Баден-Дурлахская Луиза-Мария-Августа; 1779—1826), императрица, жена Александра I. В дневниковых записях поэта ее имя появляется неоднократно. Так, характеризуя во

время первого заграничного путешествия герцогиню Кумберландскую, Жуковский пишет: «Герцогиня Кумберландская напоминает нашу Елизавету своими манерами; она не имеет ее прекрасного стана и величества. Но имеет ее привлекательность» (Дневники. С. 84).

Вполне возможно, что надписи к портрету связаны с появлением в это время гравированного портрета императрицы работы Жозефа Меку (1771—1832) с оригинала Ж.-А. Беннера. На этом поясном портрете Елизавета Алексеевна была изображена «в открытом платье с короткой талией, с ниткой жемчуга на шее. На голове диадема и жемчуг» (см.: Сапрыкина Н. Г. Коллекция портретов Ф. Ф. Вигеля: Аннотированный каталог. М., 1980. С. 94. № 174.). Ср.: Подробный словарь русских гравированных портретов / Сост. Д. А. Ровинский. СПб., 1887. Т. 2. С. 923. № 86. Почти одновременно с Жуковским свою надпись к портрету императрицы дал А. С. Пушкин в альбомном стихотворении «К Н. Я. Плюсковой» («На лире скромной, благородной...»; 1818).

Н. Вётшева

К портрету Батюшкова

(«С ним дружен бог войны, с ним дружен Аполлон!..»)

(С. 149)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 29, л. 21 об.—беловой, с заглавием: «К П. Б.» и датой: «7 августа 1819».

2) ПД. № 10102, л. 72—беловой, вписанный в альбом автографов П. И. Кеппена под датой: «17 сентября 1820».

Копия (РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 12, л. 22)—рукою М. А. Мойер, с заглавием: «К портрету Батюшкова».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 83.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 7 августа 1819 г.

В альбоме С. А. Самойловой имелся еще один беловой автограф этого стихотворения—с заглавием: «К портрету Батюшкова» и перестановкой первых двух стихов (Кульман. С. 1086. № 23). Этот автограф интересен тем, что он окончательно проясняет вопрос об адресате надписи, так как И. А. Бычков, впервые обративший внимание на это четверостишие (см.: Бумаги Жуковского. С. 83), неправильно прочел его заглавие: «К Т. Б.» вместо: «К П. Б.» (то есть: «К П⟨ортрету⟩ Б⟨атюшкова⟩») и предположительно адресовал его Т. Е. Боку. Разумеется, вряд ли Жуковский мог по отношению к Боку сказать: «с ним дружен Аполлон». Ошибку Бычкова повторил и П. А. Ефремов в примечаниях к С 9 (Т. 1. С. 527). Н. К. Кульман впервые на основе имеющегося у него автографа всё поставил на свои места.

В начале августа 1819 г. Жуковский получает из Италии с оказией (с М. Е. Храповицким) письмо от Батюшкова, датированное 1 августа, где тот, в частности,

пишет: «Начну письмо мое, по обыкновению упреками за то, что ты меня забыл совершенно, милый друг ⟨...⟩. Прошу тебя писать ко мне...» (Батюшков, Т. 2. С. 555—558). Не исключено, что надпись «К портрету Батюшкова» была ответом на эту просьбу и, возможно, стала известна ее адресату. Вопрос о ее прижизненной публикации остается открытым.

Стихотворение Жуковского перекликается с аналогичной надписью Батюшкова «К портрету Жуковского», впервые опубликованной в ВЕ (1817. Ч. 91. № 3. С. 183). Ср.:

Под знаменем Москвы, пред падшею столицей,
Он храбрым гимны пел, как пламенный Тиртей;
В дни мира, новый Грей,
Пленяет нас задумчивой певицей.
(Батюшков. Т. 2. С. 240).

Н. Вётшева, А. Янушкевич

К портрету Гёте
(«Свободу смелую приняв себе в закон...»)
(С. 149)

Автографы:

1) РНБ, он. 1, № 29, л. 22 — беловой, с заглавием: «К п.⟨ортрету⟩ Гёте».

2) ПД. № 10102, л. 72 — беловой в альбоме автографов П. И. Кеппена, с датой: «17 сентября 1820».

Копия (РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 12, л. 22) — рукою М. А. Мойер, с заглавием: «К портрету Гёте».

Впервые: Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 13. № 1. С. 95 — с заглавием: «К портрету Гёте» и подписью: «В. Ж.»

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: между 7 и 10 августа 1819 г.

Положение автографа в рукописи дает основание датировать стихотворение промежутком между 7 и 10 августа 1819 г. В пользу этой датировки говорит и положение автографа в альбоме С. А. Самойловой: сразу же за надписью «К портрету Батюшкова» (Кульман. С. 1086. № 24).

Трудно сказать что-либо определенное о непосредственном поводе к созданию этой надписи «К портрету Гёте». Вполне вероятно, что это был просто итог активного постижения творческой манеры немецкого писателя в переводах 1816—1818 гг.

Стихотворение Жуковского — парафраза стихов Андрея Тургенева. А. И. Тургенев писал: «В альбоме Гёте к именам посетителей присоединил я и свое и написал на память 4 стиха переводчика *Вертера*, покойного брата Андрея, на 16-летнем возрасте им к портрету Гёте написанные:

Свободным гением натуры вдохновенный,
Он в пламенных чертах ее изображал;
И в чувствах сердца лишь законы почерпал,
Законам никаким другим не покоренный».
(Совр. 1837. Т. 5. С. 304)

На экземпляре «Страданий юного Вертера» («Leiden des jungen Werthers. Von Goethe». Leipzig, 1787), подаренном Жуковскому Андреем Тургеневым, на титульном листе имеется автограф данного четверостишия (см.: Описание. С. 363. № 2636).

А. С. Пушкин (в письме от конца мая—начала июня 1825 г.) упрекал Жуковского за то, что он не включил надпись к портрету Гёте в С 3 (см.: Пушкин. Т. 13. С. 165). Возможно, что Жуковский не включил надпись к портрету Гёте, «ощущая авторское право на нее Андрея Тургенева» (Стихотворения. Т. 2. С. 511). Только в 1826 г. он напишет стихотворение «К Гёте» («Творец великих вдохновений»), где попытается дать свое понимание немецкого гения (см. примеч.).

Н. Вётшева

Жизнь
(«Отуманенным потоком...»)
(С. 150)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 29, л. 22—23 — черновой, без заглавия, с датой: «10 августа».

2) РНБ, ф. 52 (Батюшковы), № 244, л. 142—142 об.— беловой, с заглавием: «Жизнь и ангел» и датой: «1820. Сентябрь 18-го. СПбург».

Копии:

1) РНБ, он. 1, № 15, л. 82—83 — рукою В. И. Губарева, без заглавия, авторизованная (правка отдельных стихов).

2) ПД. № 13927, л. 19—20 — в альбоме А. Н. Вульф рукою неизвестного лица, с заглавием: «Жизнь» и подписью: «Жуковский».

3) РГБ, ф. 218, к. 1338, № 12, л. 55 об.—58 — в альбоме Е. Ф. Кривцовой, с заглавием: «Жизнь и ее Ангел».

4) ПД. Р. I, оп. 9, № 17, л. 1—2 — рукою П. А. Плетнева, с заглавием: «Жизнь (Видение во сне)».

5) РГБ, ф. 99 (Елагины), он. 1, карт. 22, № 15, л. 21 — рукою М. А. Мойер, с заглавием: «Жизнь (Видение во сне)».

Впервые: СО. 1821. Ч. 10. № 6. С. 271—274 — с заглавием: «Жизнь. Видение во сне» и подписью: «Ж.»

В прижизненных изданиях: С 3—5 (в С 3—4 — отдел «Романсы и песни»; в С 5 — в подборке стихотворений 1818 г.; везде с заглавием: «Жизнь»).

Датируется: 10 августа 1819 г.

Первоначальное заглавие: «Жизнь и ее ангел», зафиксированное в альбоме С. А. Самойловой автографом Жуковского (см.: Кульман. С. 1085. № 8) и воспроизведенное, по-видимому, из него Е. Ф. Кривцовой, продержалось до первой публикации, о чем свидетельствует более поздняя альбомная запись Жуковского (см. автограф № 2). По мнению Н. К. Кульмана, ее изменение было связано с требованием цензуры при публикации в СО. Снятие подзаголовка: «Видение во сне» уже в С 3 имело, вероятно, другие причины: стремление придать произведению обобщенно-символический смысл и более реальную основу.

Стихотворение имеет программный характер и входит в круг произведений, написанных в Павловске летом 1819 г. Стихотворение явилось поэтическим выражением философских идей немецких романтиков, в частности Фихте, о познании счастья земного бытия, о жизни как великом благе (Янушкевич. С. 124). Вместе с тем стихотворение носит печать увлеченного чтения Байрона, в особенности «Манфреда». Мотив ангелов и звезд, явившихся к герою и ожививших его уставшую душу, образы «унылого океана», «беспредельности» свидетельствуют о рецепции байроновской натурфилософии (подробнее об этом см.: БЖ. Ч. 2. С. 415—449).

Но символико-философский подтекст стихотворения и его общеромантический генезис не исключают глубоко жизненных основ произведения, его связь с историей любви к С. А. Самойловой. Запись в «Дневниках» от 15 августа 1819 г., на которую обратил внимание еще Ц. С. Волыне: «Совесть. 10 августа» (Дневники. С. 65),— воспоминание о дне написания «Жизни» и связанного с ним нового отношения к Самойловой. В этом смысле стихотворение «Жизнь» уже не было «видением во сне»; оно прочно сопрягало Поэзию и Жизнь.

Э. Жилякова

К Столыпину

(«Вот вам, слуга Фемиды верной...»)

(С. 152)

Автограф (РНБ, он. 1, № 29, л. 19 об.)—беловой, без заглавия, с датой: «12 августа».

Копия (РНБ, он. 1, № 15, л. 72)—рукою А. И. Тургенева, с датой: «1819. 12 августа».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 10. С. 993.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 12 августа 1819 г.

Адресат послания—Аркадий Алексеевич Столыпин (1778—1825)—был в то время обер-прокурором 1-го департамента Сената, управляющим сенатским казначейством и типографией (о нем см.: РА. 1893. Кн. 2. С. 190—195). Заступничество за многочисленных «протеже», посредничество, «милость к падшим», то есть филантропия в высшем смысле этого слова, были характерной и постоянной чертой поведения Жуковского. Но, может быть, впервые в послании «К Столыпину»

он попытался эту жизненную позицию, связанную с вполне конкретной просьбой, выразить в стихотворной форме. Как сообщал А. И. Тургенев П. А. Вяземскому в письме от 13 августа 1819 г., «по сенатским делам сносится он также стихами. Сейчас отправил я к Столыпину послание его о маклере Звереве» (ОА. Т. I. С. 286). Попутно Тургенев отмечает несообразность «низкого объекта» высокому предназначению поэта.

Вероятно, именно поэтому долгое время в посмертных изданиях «стихотворная проза» Жуковского считалась недостойной его таланта и печаталась в основном в примечаниях. Так произошло и с посланием «К Столыпину».

Однако современники и друзья, а вслед за ними и издатели сочинений Жуковского не учитывали, что игровое столкновение высокой и бытовой стихии, разных стилистических рядов объективно вело к формированию единой, гибкой поэтической системы, способной выразить все богатство мировосприятия. Павловские послания с их специфической информативностью (записки, просьбы, отчеты и т. д.) способствовали этому. Послание «К Столыпину» в этом отношении не было исключением.

Н. Вётшева

«Графиня, будьте вы спокойны!..»

(С. 153)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 29, л. 19 — беловой.

2) РНБ, оп. 2, № 31, л. 3 — беловой, с надписью на записке: «Ее сиятельству графине Софье Александровне Самойловой».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Кульман. С. 1117.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: между 2 и 12 августа 1819 г.

Эта записка, которая была опубликована Н. К. Кульманом, находится сейчас в РНБ (автограф № 2). Так как на ней сохранились следы сургучной печати, это в буквальном смысле стихотворное письмо.

Содержание записки определяет история кратковременной размолвки Жуковского с В. А. Перовским (см. примеч. к стихотворению «Товарищ! Вот тебе рука!..»).

Н. Вётшева

«Считаю вызов ваш я милостью судьбы!..»

(С. 153)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 29, л. 19 об.) — беловой, с датой: «12 августа».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 10. С. 993.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 12 августа 1819 г.

Об адресате этой стихотворной записки — графине А. В. Бобринской см. примеч. к стихотворению «Я с благодарностью сердечной извещаю...» Стилистически и тематически это четверостишие примыкает к другим посланиям к Бобринской. Атмосфера светской игры, каламбурное обыгрывание разных ценностных рядов (вызов на обед — милость судьбы; дружба — грибы) определяют поэтику павловских посланий и их связь с циклом шутливых «долбинских стихотворений» 1814 г. (см. примеч. в 1-м т. наст. изд.).

Н. Вётшева

«Я только что хотел гонца к вам посылать...»

(С. 153)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 29, л. 19) — беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 10. С. 993 — с подзаголовком: «К графине ***».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: между 2 и 12 августа 1819 г. (по расположению автографа в рукописи).

Эта стихотворная записка обращена также к графине А. В. Бобринской и тесно связана с предыдущей. Ее содержание характерно для павловских шутливых экспромтов: прагматическая просьба об уточнении времени назначенного обеда переводится в стихи и насыщается ироническими и мадригальными мотивами и ассоциациями.

Ст. 9. *Сказать, сидя близ вас*: ***я счастливый сосед!***.. — Вероятно, ассоциация с «Опасным соседом» В. Л. Пушкина, что подчеркнуто курсивом.

Н. Вётшева

Праматерь внуке

(«Мое дитя, со мною от купели...»)

(С. 154)

Автограф (РНБ, он. 1, № 29, л. 20—20 об.) — беловой, с датой: «23 августа 1819 г.»

Копия (РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 12, л. 20—20 об.) — рукою М. А. Мойер.

Впервые: С 3. Т. 2. С. 221—223 — в отделе «Смесь», с заглавием: «Праматерь внуке».

В прижизненных изданиях: С 3—4 (в разделе «Смесь»). В С 5 (Т. 3. С. 42—44) — в подборке стихотворений 1818 г.

Датируется: 17—23 августа 1819 г.

Если автограф дает представление о конце работы над стихотворением, то запись стихотворения в альбоме С. А. Самойловой определяет начало работы над ним: «17 августа 1819» (Кульман. С. 1085. № 2).

А. И. Тургенев в письме Вяземскому от 6 августа 1819 г. с пометкой: «7 ½ утра» сообщал: «⟨...⟩ сегодня великая княгиня разрешилась от бремени дочерью Марией и весьма благополучно ⟨...⟩. Вероятно, и Светлана [арзамасское прозвище Жуковского.— *Н. В.*] разрешится от бремени стихами, на сей случай, и мы отслужим ей за это молебен всем Арзамасом» (ОА. Т. I. С. 283).

В дневнике под 17 августа Жуковский записывает: «Крестины ⟨...⟩. Стихи» (Дневники. С. 66). Первоначально стихотворение называлось: «17 августа 1819 года» (Кульман. С. 1085).

Стихотворение написано на первое причащение великой княжны Марии Николаевны (в первом браке герцогини Лейхтенбергской; 1819—1876) от имени ее бабушки (праматери) императрицы Марии Федоровны.

Н. Вётшева

Эпитафия Мими

(«В могиле сей покоится Мими...»)

(С. 155)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 29, л. 20)—беловой, без заглавия, с датой: «23 августа» и подсчетом стихов: «12».

Копия (ПД. Р. I, оп. 9, № 58, л. 1)—рукою А. А. Воейковой, с заглавием: «Чиж».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 8. Т. 2. С. 110—с заглавием: «Чижик».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 23 августа 1819 г.

В альбоме С. А. Самойловой находился беловой автограф этого стихотворения с заглавием: «Эпитафия Мими», который, видимо, и стал источником первой публикации (см.: Кульман. С. 1085. № 7).

«Эпитафия Мими» («В могиле сей покоится Мими...») и «На смерть чижика» («В сем гробе верный чижик мой!..») представляют собой вариацию на одну традиционную тему: «любовь сильнее смерти», в метафорическом и ироническом преломлении.

Комментаторы, справедливо отмечая наличие двух вариантов, расходятся в установлении их иерархии. Так, П. А. Ефремов считал данное стихотворение черновиком последующего (С 8. Т. 2. С. 510). В действительности это два разных стихотворения, о которых сохранились ряд свидетельств постоянных эпистолярных собеседников поэта этих лет и его дневниковые записи (см. примеч. к стихотворению «На смерть чижика»).

Литературная традиция подобных надгробных надписей тесно связана с именем римского поэта Катулла, написавшего стихотворение «На смерть воробья Лесбии». Катуллу в свою очередь подражали Овидий («Любовные элегии», II, 6) и Стаций («Сильвы», II, 4), написавшие элегии на смерть ручных попугаев. В рус-

ской поэзии интонацию шутливой эпитафии развивал Г. Р. Державин («На смерть собачки Милушки...»).

Н. Вётшева

На смерть чижика

(«В сем гробе верный чижик мой!..»)

(С. 156)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 29, л. 20 об.) — беловой, без заглавия, с разночтением 1-го стиха: «*Здесь Паша, верный чижик мой...*», с надписью рукою Жуковского сбоку: «Не удалось».

Впервые: Памятник Отечественных муз на 1827 год. СПб., 1827. Отд. II. С. 44 — с заглавием: «На смерть чижика» и подписью: «Жуковский».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 26 августа 1819 г.

В рукописи текст этой эпитафии находится непосредственно после предыдущей — «Эпитафии Мими», которая датируется 23 августа. Дневниковые записи Жуковского свидетельствуют о том, что данное стихотворение создавалось 26 августа 1819 г.

26 августа поэт записывает: «У великой княгини. Альбом. Завтрак у Плещеевой. Эпитафия» (Дневники. С. 68). 29 августа появляется следующая запись: «Поутру. Альбом Самойловой ⟨...⟩ Чижи. — С Шуваловою у Ливен» (Там же. С. 69). Если учесть, что первая эпитафия была написана 23 августа, то появление второй можно датировать 26-м августа. Об этом сообщал А. И. Тургенев в письме Вяземскому от 26 августа 1819 г.: «Потом принялись мы читать новую литургию Жуковского, при сем к вашему святейшеству прилагаемую, и панихиду его чижику графини Шуваловой, коей последние два стиха прелестны» (ОА. Т. I. С. 295). Речь, безусловно, идет о второй эпитафии.

Первоначально это стихотворение воспринималось Жуковским как неудача («не удалось»), но после исправления первого стиха именно оно воспринималось как «каноническая» эпитафия чижику графини Шуваловой. 2 сентября 1819 г. А. И. Тургенев писал Вяземскому: «Между тем написал он на кончину другого чижика и припевает: „А я чижичков хороню". Вот и эпитафия» (ОА. Т. I. С. 302).

В С 8 текст стихотворения печатается без четырех последних строф. Заглавие вряд ли принадлежит самому Жуковскому, так как отсутствует в автографе. Стихотворения (эпитафии чижикам) находятся в одном ряду с произведениями, надгробными памятниками и т. д., в которых владельцы стремились запечатлеть воспоминание о своих любимцах (ср. собачий некрополь Екатерины II в Царском Селе).

У Жуковского в павловский период можно встретить ряд шутливых эпитафий («В комитет, учрежденный по случаю похорон Павловской векши, или белки...»,

«К Столыпину», в определенной степени — «Оставьте вы свою привычку...»), что является игровой мифологизацией вечной оппозиции жизни и смерти.

Ст. 15—16. *И здесь нередко в поздний час // Внимаешь грустному их пенью...* — В цит. выше письме А. И. Тургенева Вяземскому от 26 августа характерны слова: «последние два стиха прелестны» (ОА. Т. I. С. 295). Эти два стиха (как и предшествующий 14-й: *«Они здесь веют дружной тенью...»*) — очевидная шутливая аллюзия на балладу «Эолова арфа». Ср.: *«Две видятся тени: слиявшись летят...»*; *«С тех пор, унывая, // Минвана, лишь вечер, ходила на холм // И, звукам внимая...»*

Н. Вётшева

Государыне Императрице Марии Федоровне
(«От вашего величества давно...»)
(С. 156)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 29, л. 8 об.—14, 16—17 об., 21, 23—24 об.) — черновой; с нумерацией стихов и внутренними датировками процесса работы: от 6 июня до 13 сентября 1819 г.

Копия (РНБ, оп. 1, № 26, л. 41) — авторизованная; переписаны ст. 1—46, с датой: «6 июня 1819 г.»

Впервые: СО. 1821. Ч. 67. № 1. С. 21—31 (ст. 1—344); С 8. Т. 2. С. 505 (ст. 344—452) с заглавием: «29 июля. Я должен вашему величеству признаться...»; ПМиЖ. Вып. 9. Томск, 1983. С. 56—60 (ст. 453—639). Публикация Н. Вётшевой и В. Костина.

Печатается по текстам первых публикаций, со сверкой по автографу.

Датируется: 6 июня — 13 сентября 1819 г.

Первый отчет о луне в процессе трехмесячной работы с авторскими датировками и двумя «Post-scriptum»'ами настолько разросся, что утратил привычную жанровую форму послания. Жуковский даже планировал разбить его на две самостоятельные части: во всяком случае, он нумерует начало (№ 9) «От вашего величества давно», датируя его 6-м июня, и выделяет вторую часть (№ 10) «Я должен вашему величеству признаться», датируя ее 29-м июля. В таком виде послание существует в списке из 12 павловских стихотворений (см. преамбулу к «Павловским стихотворениям»). В альбоме С. А. Самойловой эти два фрагмента также числятся раздельно: № 19 — «Послание к Императрице Марии Федоровне» (Государыне Императрице Марии Федоровне первый отчет о луне) и № 20 — «Послание к Императрице Марии Федоровне. 29 июля» (см.: Кульман. С. 1086).

Экспериментальный характер послания, неустойчивость жанра, его фрагментарность привели к самостоятельному существованию «отрывка», получившего заглавие «Невыразимое» (см. примеч. к этому стихотворению), и даже к такому феноменальному образованию, как включение прозаического конспекта исторической поэмы (об этом см.: Вётшева Н. Ж., Костин В. М. Неосуществленный замысел В. А. Жуковского «Родрик и Изора» // ПМиЖ. Вып. 9. Томск, 1983. С. 42—63) и ее стихотворного наброска (около 150-ти стихов).

Тем не менее «Отчет» так и остался незавершенным, хотя сохранился план его продолжения (РНБ, оп. 1, № 29, л. 22 об.; № 78, л. 33—33 об.). Фрагментарность не препятствует атмосфере эстетического, натурфилософского самоопределения, созданию большого элегического контекста и сложно организованного авторского стихотворного повествования.

Необычность, потенциальная открытость и незавершенность послания отчетливо осознавались самим Жуковским и его друзьями и оценивались по-разному. «Рапорт государыне о павловской луне, в шутовском тоне,— прекрасный, но лучшие стихи выпустил, опасаясь длинностей»,— писал А. И. Тургенев к П. А. Вяземскому от 23 июля 1819 г. (ОА. Т. I. С. 271). Очевидно, что здесь речь идет о первой части послания, написанной до 29 июля и выделенной в целое. 5 августа 1819 г. Тургенев в письме к Вяземскому сообщает: «Пудра не запылила души его, и деятельность его, кажется, начинает воскресать. Посылаю болтовню его о луне и солнце» (Там же. С. 280). А. И. Тургенев пересылает Вяземскому вторую часть послания, датированную 29 июля.

Сам Жуковский, осознавая незавершенность «отчета», просил Тургенева в письме от 2 октября 1819 г.: «Пачканья о луне не печатай особенно» (ПЖТ. С. 192). По всей вероятности, после отъезда Жуковского за границу А. И. Тургенев дал в печать только первую часть послания (см.: СО. 1821. Ч. 67. № 1). Впоследствии В. К. Кюхельбекер, штудируя в ссылке журнал СО и наткнувшись на эту публикацию, точно определил художественную природу этого произведения, назвав послание «мозаической работой: но в этой мозаике есть и чистое золото» (Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 275).

Организующим началом послания «Государыне Императрице Марии Федоровне» является не только задание «о Павловской луне представить донесенье», но сама поэтическая топография Павловского парка, что продолжает традицию панорамной элегии «Славянка». Жуковский стремится к точности реалий в небольших планах-перечислениях на полях, в поэтическом тексте насыщая их романтическими ассоциациями и символикой. «*Дворец в зареве. Храм. Семейственная роща, дряхлая ива. Мост. Памятник Александре Павл.⟨овне⟩. Павильон Елизаветы. Каскад. Площадка. Деревня. Река* ⟨...⟩ *Павильон. Ферма, Развалины. Предание*» — эти реалии с той или иной степенью конкретизации представлены в поэтическом тексте.

По всей вероятности, Жуковский ощущал неудовлетворенность в исполнении заказа императрицы — дать отчет о павловской луне. Именно поэтому следующим летом 1820 г. он и напишет свой «Подробный отчет о луне». Но в творческой эволюции поэта его послание «Государыне Императрице Марии Федоровне» стало этапным. Это был путь к созданию новой поэтической структуры, своеобразного поэтического метатекста (об этом см.: Строганов М. В. «Луна во вкусе Жуковского», или поэтический текст как метатекст // НЛО. 1998. № 32. С. 133—135).

Ст. 86. *И ярким заревом осыпанный дворец...* — «Дворец, задуманный как загородная резиденция наследника престола, замечательно сочетает в своем облике тип итальянской палладианской виллы, увенчанной куполом, с традиционным приемом русской загородной усадьбы» (Мудров Ю. Павловск: Дворец и парк.

СПб., 1996. С. 3). Жуковский совершенно точно воспроизводит местонахождение лирического субъекта и ракурс — это долина реки Славянки.

Ст. 94—98. *Когда на падший храм, прорезав ткань листов ~ По камням прядают и гаснут на лету...* — Речь идет о «колоннаде Аполлона» (архитектор Ч. Камерон). Первоначально это был «Храм Аполлона», возведенный в виде двойного кольца дорических колонн со статуей внутри (копия Аполлона Бельведерского). Во время одной из гроз часть колонн, обращенных к реке, разрушилась так, что теперь это полукольцо, а разрушение имитировало любимую в садах романтизма ориентацию на «руины», специальную стилизацию пострадавших от времени сооружений.

Ст. 100—101. *Когда идем рекой вдоль* ***Красныя долины,*** *// Так названной за красоту...* — Красная долина находится довольно далеко от дворца и колоннады Аполлона; поэтому «точки зрения» условно расположены в пространстве и времени.

Ст. 123—125. *Там светится в кустах полусократый храм ~ Раскинувшись, чернеет...* — Возможно, речь идет о Храме Славы, упоминаемом в плане, не сохранившемся. *Тень молодых берез* — Семейственная роща, в которой деревья высаживались самой царской семьей в честь новорожденных и бракосочетания, причем на каждом дереве укреплялась табличка, в память о ком оно было посажено. Мемориал не сохранился: теперь о Семейственной роще напоминает только покосившийся пьедестал Урны судьбы.

Ст. 126. *А там у башни...* — Речь идет о Пиль-башне, расположенной в пейзажной части парка, в которой доминируют извилистые берега Славянки.

Ст. 128—165. *Но место есть... ~ Слетаются к мечте...* — Описание памятника великой княгине Александре Павловне (см. примеч. к стихотворению «Славянка»). Летом 1814 г. на перспективе одной из двенадцати дорожек, в садике, где любила играть рожденная в Павловске великая княгиня Александра Павловна, был установлен монумент работы И. П. Мартоса: «На круглом, прекрасно полированном коричневом гранитном пьедестале, как аккорд неземной духовной чистоты, воспринимается скульптурная группа: молодая прекрасная женщина, подняв лицо к небесам, устремляется ввысь, в иной мир. И тщетно пытается Гений жизни удержать ее на земле» (Несин В., Сауткина Г. Павловск императорский и великокняжеский. СПб., 1996. С. 116).

Ст. 173—178. *Сей павильон уединенный ~ Долина блещет перед ним...* — Елизаветин павильон, который находился в районе Красной долины и был построен для Елизаветы Алексеевны, жены Александра Павловича в 1799—1800 гг. (архитектор Ч. Камерон). Павильон был четырехугольным с необычным декором всех четырех фасадов: «С одной стороны — античный перистиль, с другой — обрубки колонн; над третьим — лестница, ведущая на плоскую кровлю; над четвертым — простой навес ⟨...⟩. Вид с кровли очень хорош: прямо — Славянка, для которой, во избежание весенних разливов ложе углублено и прорыто совершенно по прямой линии, вдоль зеленеющей долины лугов; с одной стороны вид на долину, с другой — на совершенно новый, весьма изящный каменный мост, и, наконец, на плотину, из-под которой с шумом и плеском стремится каскад» (Семевский И. М. Павловск. СПб., 1877. С. 49).

Ст. 205. *Каскад дымится и шумит...* — В Павловском парке было несколько искусственных каскадов, один из них — возле Елизаветина павильона.

Ст. 235—251. *Не благотворная ль царица ~ Не покидай родных небес!* — Имеется в виду императрица Мария Федоровна, которая любила Павловск «как свое создание. Там она проживала шесть месяцев, окруженная своими детьми и избранным кругом общества» (Хилкова Е. Г. Воспоминания об императрице Марии Федоровне // РА. 1873. № 7. Стб. 1130).

Ст. 295. *На крепости пробило час!..* — Возможно, крепость Бип (Мариенталь), построенная для Павла I по всем правилам военно-инженерного искусства.

Ст. 348. *На ферме ждали мы и не могли дождаться!..* — Ферма — любимое место Марии Федоровны. В специальном альбоме, хранящемся там, императрица делала записи: «Снова вижу мою милую ферму 24 сего мая 1810 г. во вторник, с тем же чувством удовольствия, которое ощущаю каждый раз, бывая здесь...» (цит. по: Януш Б. В. Неизвестный Павловск. СПб., 1997. С. 146).

Ст. 377—392. *Зато замену мы нашли ~ Их животворное влиянье!..* — Речь идет о стихотворении Ю. А. Нелединского-Мелецкого «В Павловской ферме. 1810 г.», с подзаголовком: «Велено было написать на сиявшую тогда луну» (Сочинения Нелединского-Мелецкого. СПб., 1850. С. 85—86). На это впервые указал П. А. Ефремов (С 7. Т. 2. С. 552). Подробнее см.: Строганов М. В. Указ. соч. С. 133—135.

Ст. 407. *Как жаль, что наш Анакреон...* — Имеется в виду поэт и государственный деятель Ю. А. Нелединский-Мелецкий (1752—1829). Он был ближайшим сотрудником императрицы Марии Федоровны в ее просветительско-благотворительной деятельности.

Ст. 443. *Но Ливий Севера помог...* — Метафорическое указание на Н. М. Карамзина, который в Предисловии к своей «Истории государства Российского» говорил, что «Ливий, пользуясь им [правом „вымышлять *речи* согласно с характером людей"], обогатил свои книги силою ума, красноречия, мудрых наставлений», и добавлял: «Никто не превзошел Ливия в красоте повествования».

Ст. 451—452. *...я сделал перевод // Старинного рукописанья...* — Далее Жуковский, рассказывая историю Герсики, Родрика и Изоры, прибегает к характерному приему мистификации. Этот прием по-разному использовался на Западе Макферсоном, Чаттертоном, Ганкой и др., в России — А. С. Сулакадзевым, М. Н. Муравьевым, Н. М. Карамзиным (при издании «Марфы Посадницы»).

Ст. 455. *Была Герсика, город славный...* — Речь идет о небольшом русском княжестве, сведения о судьбе которого Жуковский почерпнул из 3-го тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, на что прямо указано в тексте (ст. 500—504: «Вот все, что верный Клии сын, // Наш вдохновенный Карамзин // О разорении Герсики // И о судьбе ее владыки // Нашел в преданьи для меня!..»). Ср. «Сей князь [Всеволод], женатый на дочери одного знатного Литовца, господствовал в Герсике (нынешнем Крейцбурге): он делал много зла не только Немцам, но и Россиянам» (Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1991. Т. 2—3. С. 433—434).

Ст. 510—513. *Открыл я то, что утаила // От любопытных старина...~ В истории Карамзина...* — Далее Жуковский делает попытку создать поэтическую версию истории Герсики. О планах и замысле поэмы «Родриг и Изора» см.: ПМиЖ. Вып. 9. С. 42—63.

Н. Вётшева

«Хотя по-русски я умею...»
(С. 173)

Автографы:

1) РНБ, он. 1, № 26, л. 98 — черновой.

2) ПД. № 22728, л. 67 об — беловой, в альбоме А. А. Воейковой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 63 (ст. 1—16); ПСС. Т. 11. С. 133—134 (с пропуском ст. 24 и без трех заключительных стихов: ст. 27—29) — по автографу № 1.

Впервые полностью: Соловьев. Т. 2. С. 126—127 — по автографу № 2.

Печатается по тексту публикации Н. В. Соловьева, со сверкой по автографу.

Датируется: июль-сентябрь 1819 г.

Датировка предположительная. В папке, озаглавленной рукою Жуковского: «Сочинения», черновой автограф стихотворения «Хотя по-русски я умею...» непосредственно соседствует с автографами павловских стихотворений «О дивной розе без шипов...» (л. 94; 14 сентября 1819 г.), «Циркулярное послание к чувствительным сердцам...» (л. 95—95 об.; июль 1819 г.) и «С того света» (л. 97; июль-сентябрь 1819 г.). См. примеч. к этим стихотворениям.

Все четыре текста записаны на идентичных листах бумаги, с водяным знаком: «1819». На обороте л. 98, содержащего черновой автограф стихотворения «Хотя по-русски я умею...», наброски нескольких стихов «Баллады, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди». Хотя сама баллада написана долбинской осенью 1814 г., во второй половине 1819 г. Жуковский записал ее в альбом графини С. А. Самойловой. Поскольку автограф в альбоме содержит разночтения с первоначальным текстом, не исключено, что Жуковский дорабатывает текст в процессе переписывания его в альбом (см.: Кульман. С. 1086, 1124—1126).

Наконец, ряд стихов комментируемого текста содержит явные реминисценции со стихотворением «Невыразимое», первоначальный текст которого создавался в июне 1819 г. в составе послания «Государыне Императрице Марии Федоровне» (см. примеч. к стихотворению «Невыразимое» и ностишный комментарий).

Всё это позволяет отнести стихотворение «Хотя по-русски я умею...» к июлю-сентябрю 1819 г. и предположить, что оно адресовано гр. С. А. Самойловой.

Ст. 3—4. ... *переводить // Irrésistible я не смею...* — irrésistible — неотразимый, непреодолимый (*фр.*). Возможно, в контексте стихотворения могло приобрести значение невыразимости.

Ст. 8—9. *Я для него бы выраженье // Свободно в словаре нашел...* — Ср. в «Невыразимом»: «Кто мог создание в словах пересоздать? // Невыразимое подвластно ль выраженью?»; «И есть *слова* для их блестящей красоты».

Ст. 13—16. *Здесь муза робкая моя ~ Иль слишком станет говорить!..* — В черновом автографе следующие разночтения: «*Нет! Муза робкая моя // Здесь не поможет, как бывало!..*»; «*Иль станет слишком говорить...*» Ср. также в стихотворении «Невыразимое»: в черновой рукописи (РНБ, оп. 1, № 29, л. 10 об.—11) сохранились два заключительных стиха, связывающие фрагмент «Невыразимое» с основным текстом послания «Государыне Императрице Марии Федоровне»: «Но вдохновение опять заговорилось, // И Муза пылкая забыла свой отчет!»

Ст. 19. *Что самому тихонько ясно...* — Ср. в черновом автографе: «*Что как-то тихомолком ясно*».

О. Лебедева

«О дивной розе без шипов...»

(С. 174)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 26, л. 94 — беловой (ст. 1—24), на бумаге с водяным знаком: «1819».

2) РГАЛИ, оп. 1, № 1, л. 1 — беловой, с заглавием: «В альбом Имп. Марии Федоровны»).

Копия (ПД. Лицейский архив Я. К. Грота, № 12) — рукою В. К. Кюхельбекера, с примечанием: «С подлинника из альбома Розового павильона Имп. Марии Федоровны» и датой: «Сентября 14 дня».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 62 (ст. 1—4).

Впервые полностью: Стихотворения. Т. 2. С. 253.

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 14 сентября 1819 г.

В дневниках поэта две записи от 13 и 14 сентября взаимосвязаны: «13. Приезд государ.⟨ыни⟩. Начало поэмы. ⟨...⟩; 14. Стихи ⟨...⟩» (Дневники. С. 71). По всей вероятности, стихотворение, посвященное имп. Марии Федоровне и вписанное в ее альбом, первоначально осмыслялось как «начало поэмы».

Стихотворение разрабатывает традиционную тему «розы без шипов». В религиозной (католической) и мистической традиции символика розы многозначна: гармония мироздания, атрибуты Иисуса и святых, церковь (подробнее см.: Веселовский А. Н. Из поэтики розы // Его же. Избранные статьи. Л., 1939. С. 132—133). «Роза без шипов» и обозначает раннехристианское состояние мира до грехопадения, являясь символом девы Марии. Опираясь на эти общекультурные ассоциации, Жуковский создает свою концепцию этого символа, оживотворяя его реальными впечатлениями павловского бытия.

В стихотворении Жуковского усматриваются тесные ассоциативные связи с Розовым павильоном в Павловске и восприятием императрицы Марии Федоровны как благотворительницы и покровительницы искусств и художников.

Своеобразным промежуточным звеном в движении замысла Жуковского от литературно-культурной традиции к жизнетворчеству становится так называемая «Александрова дача» под Павловском, созданная Екатериной II для внука как иллюстрация собственной нравоучительной «Сказки о царевиче Хлоре» (1781), в основе которой восхождение царевича Хлора через поиски «розы без шипов» и связанные с этим странствия, искушения и заблуждения к истине: «... и разнесся повсюду слух, что царевич Хлор сыскал в таких молодых летах розу без шипов, которая не колется» (Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 126).

«Александрова дача» как бы вводила эти образы нравоучительной сказки в жизнь: «... дорога подводила к холму с крутыми скатами, на вершине которого стоял Храм Розы без шипов — смысловой центр художественного ансамбля (архитектор Ч. Камерон) ⟨...⟩. Внутри Храма находился пьедестал с мраморной вазой, в которой стояла выполненная из золоченой бронзы роза без шипов» (Несин В., Сауткина Г. Павловск императорский и великокняжеский. СПб., 1996. С. 29, 31—32).

Розовый павильон, построенный по проекту А. Н. Воронихина и напоминавший Малый Трианон французской королевы Марии-Антуанетты, был излюбленным местом музицирования и литературных чтений. Частыми гостями здесь были Карамзин, Крылов, Плещеев, Жуковский. Павильон обязан своим названием общекультурной традиции и символике розы. Основные детали интерьера (розовые гирлянды искусственных роз, вышитые по канве розы, украшающие мебель), а также высаженные вокруг павильона тысячи кустов роз вполне соответствовали этой цели.

После победы в Отечественной войне именно Розовый павильон стал местом встречи и триумфального чествования императора Александра I. После окончания праздника павильон долгое время хранил особую атмосферу: «... Тут есть небольшая русская библиотека; поставлено фортепьяно, и каждый раз кладутся новейшие журналы и ведомости, на особом столе, для приходящих ⟨...⟩. Государыня позволяет каждому, кто бы он ни был, изливать тут чувства и мысли свои на бумагу» (Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895. С. 40). Вписав свое стихотворение в альбом Розового павильона, Жуковский не просто исполнил ритуал, но и дал новое понимание общекультурного символа.

Ст. 1—2. *О дивной розе без шипов // Давно твердят в стихах прозе...* — Ц. С. Вольпе справедливо связывает традицию такой обработки сюжета с немецкими романтиками «мистического крыла» и указывает, в частности, на «Голубой цветок» Новалиса и «Романсы о розах» К. Брентано (Стихотворения. Т. 2. С. 528). Но, вероятно, не менее значима была для Жуковского русская традиция — «Сказка о царевиче Хлоре» Екатерины II (проза) и восходящая к ней ода Г. Р. Державина «Фелица» (стихи). Мотив добродетели, развивающийся в них, имел принципиальное значение для этико-философской системы взглядов Жуковского.

Н. Вётшева, А. Янушкевич

С того света

(«Он прав, наш Вяземский! Я думал, что он льстец!..»)

(С. 175)

Автограф (РНБ, он. 1, № 26, л. 96) — беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 62 (ст. 1—4).

Впервые полностью: ПСС. Т. 11. С. 133.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: июль-сентябрь 1819 г.

Датировка предположительная. В папке, озаглавленной рукою Жуковского: «Сочинения», автографу стихотворения «С того света» предшествуют неполный беловой автограф стихотворения «О дивной розе без шипов...» (датируется 14 сентября 1819 г.) и автограф «Циркулярного послания к чувствительным сердцам...» (июль 1819 г.). См. примеч. к этим стихотворениям. Все три текста написаны на листках одинаковой бумаги с водяным знаком: «1819». Это позволяет считать, что все три текста были созданы приблизительно в одно время.

Стихотворение «С того света» посвящено княгине С. А. Шаховской (урожд. гр. Мусиной-Пушкиной; 1792—1870), дочери известного собирателя автографов и первооткрывателя текста «Слова о полку Игореве» А. И. Мусина-Пушкина (1744—1817), с семейством которого Жуковский особенно сблизился во время пребывания в Москве в первой половине 1818 г. В дом Мусиных-Пушкиных Жуковского ввел Вяземский, называвший Е. А. Мусину-Пушкину (вдову археолога) и его дочерей «Разгуляевскими графинями» (по месту жительства семьи — в собственном доме на Разгуляе; ср. стихотворение Вяземского «Разгуляевскому обществу, которое гуляет на чужой счет» // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1880. Т. 3. С. 26).

После отъезда П. А. Вяземского на службу в Варшаву Жуковский часто навещал семейство Мусиных-Пушкиных. 17 апреля 1818 г. Жуковский сообщает Вяземскому: «... я иногда доезжаю до милых Пушкиных, которым я читал твои письма и которые помнят тебя памятью сердца. Для Софьи [княгини Шаховской.—*О. Л.*] переписываю твое *Послание к халату* ⟨...⟩. К нему будут приложены следующие стишки:

Он прав! Не зная вас, для вас я и об вас
Писал в пророческом, веселом вдохновенье;
Что Муза мне тайком шептала в сновиденье,
То вслух пересказал его приятный глас.
Но, шаг ему отдав в уме и дарованье,
Счастливейшим себя я смело назову:
Он видит вас теперь в одном воспоминанье,
А я вас вижу наяву».

(РА. 1896. Т. 3. С. 206).

Этот мадригальный экспромт Жуковского, не учтенный ни в одном собрании сочинений поэта, представляет собой реминисценцию стихотворения П. А. Вяземского «К кн. Шаховской при посылке стихотворений Жуковского» (впервые: СО. 1816. Ч. 29. С. 108). Ср.:

Не зря вас, он был ваш мечтательный свидетель,
Не зная вас, писал для вас он и об вас.
Могуществом мечты в волшебном сновиденье
Поэт вас угадал. ⟨...⟩
Пускай и в наши дни, из роз и лавров свитый,
Венец приосенит Жуковского главу:
Счастливее его, но мене знаменитый,
Вас вижу наяву.

(Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1880. Т. 3. С. 111)

Реминисценции из этого стихотворения Вяземского, автограф которого сохранился в архиве Жуковского, присутствуют и в стихотворении Жуковского «Ирине Дмитриевне Полторацкой» («Певцом невинности, любви и красоты...»). См. примеч. к этому стихотворению.

Ст. 1. *Он прав, наш Вяземский! Я думал, что он льстец!..* — Реминисценция первого стиха вышеприведенного экспромта: «Он прав! Не знавши вас, для вас я и об вас...»

Ст. 2. *Я в истине его катреня сомневался!..* — Имеется в виду четверостишие П. А. Вяземского, обращенное к С. А. Шаховской (впервые: Амфион. 1815. №6. С. 115):

Ты тьму различностей в себе соединяешь:
Как ангел, хороша, как дух нас мучишь злой,
Ты именем своим о *мудрости* вещаешь
И до безумия пленяешь красотой.

(Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1880. Т. 3. С. 64).

Ст. 6. *Чтоб подле* ***мудрости*** *свой ум не погубить...* — Каламбурное обыгрывание имени адресата — Софья. Ср. ст. 3 вышеприведенного катрена.

О. Лебедева

Графине С. А. Самойловой

I

«Напрасно я мечтою льстился...»

(С. 175)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 29, л. 25 об.—26 — черновой, без заглавия, с датой: «17 сентября», под № 4, с подсчетом стихов: «68».

2) РНБ, ф. 391 (Краевский А. А.), № 28, л. 4—4 об.—беловой, с несколькими поправками, с датой: «17 сентября 1819. Павловск».

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 78—78 об.)—рукою В. И. Губарева.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Кульман. С. 1090—1092—с датой: «17 сентября», вынесенной в заглавие.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 17 сентября 1819 г.

На конверте (автограф № 2), куда вложен листок с текстом стихотворения, рукою А. А. Краевского сделана надпись: «Взяты из альбома Елены Александровны Захаржевской, которая взяла их у сестры своей Софьи Александровны Бобринской».

17 сентября 1819 г., в день ангела С. А. Самойловой, Жуковский хотел преподнести ей альбом, который подарил позже (см.: Кульман. С. 1103). В дневнике под 17 сентября сохранилась запись: «Стихи. Завтрак на ферме: рябина, разговор о велик.⟨ой⟩ княгине ⟨...⟩. Вечер у Бобринской. Разговор о стихах: c'est touchant [это трогательно.—*фр.*]. Головная боль и танцы» (Дневники. С. 72).

Это стихотворение в определенной степени является стихотворным выражением любимых мыслей Жуковского («философия фонаря»), изложенных им еще в 1814 г. в письмах М. А. Протасовой и варьирующихся в дневниках и записях в альбом графини Самойловой. Ср.: «Я когда-то сказал: счастие жизни состоит не из отдельных наслаждений, но из наслаждений с воспоминанием, и эти наслаждения сравнил я с фонарями, зажженными ночью на улице: они разделены промежутками, но эти промежутки освещены и вся улица светла, хотя не вся составлена из света. Так и счастие жизни! Наслаждение—фонарь, зажженный на дороге жизни; воспоминание—свет, а счастие—ряд этих фонарей, этих прекрасных, светлых воспоминаний, которые всю жизнь озаряют» (Кульман. С. 1081). В дневниках Жуковский фиксирует эту запись в альбом Самойловой под 29 августа 1819 г.: «Поутру альбом Самойловой» (Дневники. С. 69). Ср. ст. 59—62:

О, ваше сердце верно встретит
Прямую прелесть жизни сей,
И ряд веселых фонарей
Дорогу вашу всю осветит.

В альбоме, поднесенном позже, куда поэт вписывал в определенной последовательности свои произведения и мысли, он подробным образом комментирует свой подарок. Альбом в 16-ю долю листа с золоченым обрезом, в роскошном кожаном переплете, на корешке которого напечатано: «Glaube, Liebe, Hoffnung» [вера, любовь, надежда.—*нем.*]. Надпись восходит к заглавию одноименной книги немецкого теолога и проповедника Иоанна Генриха Бернгардта Дрезеке (Dräseke; 1774—1849), которой увлекался Жуковский (см.: Веселовский. С. 198).

Под датой: «17 сентября 1819» он пишет: «Вы позволили мне сделать вам подарок в день вашего Ангела» и далее разъясняет предназначение «белой книги»

для выписок и комментариев, которые надлежит сделать самой С. А. Самойловой (см.: Кульман. С. 1103—1113).

Ст. 55. ***Прекрасного*** *в сем мире нет...* — Этот стих предвосхищает размышление Жуковского о прекрасном, почерпнутое им из Ж.-Ж. Руссо: «Прекрасно только то, чего нет!» Ср. дневниковую запись от 4(16) января 1821 г. (Дневники. С. 101).

Н. Вётшева

II

«Вчера я вас не убедил...»

(С. 177)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 29, л. 27 об.—29 об.—черновой, без заглавия, с датой: «5 октября», под № 5.

2) РНБ, ф. 391 (Краевский А. А.), № 28, л. 5—6 об.—беловой, без заглавия, без даты.

Копия (РНБ, оп. 1, № 15, л. 79—80 об.)—рукою В. И. Губарева.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Кульман. С. 1092—1096—с датой вместо заглавия: «5 октября. Гатчино».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 5 октября 1819 г.

Как следует из текста стихотворения, адресованного гр. С. А. Самойловой, 4 октября у Жуковского состоялся разговор с нею, содержание которого раскрывается в стихотворении: заступничество за барона Черкасова, «обкурившего альбом» графини дымом и вынужденного переписать его, и просьба: «не требовать оригинала».

Ст. 32. *Черкасов встретился со мной...* — Вероятно, речь идет о поручике Измайловского полка Петре Ивановиче Черкасове (1796—1867), сыне барона И. П. Черкасова, белевского соседа Жуковского. Поэт хорошо знал его с детства и с симпатией относился к нему (см. примеч. к стихотворению «В альбом П. И. Черкасову» в т. 1 наст. изд.).

Н. Вётшева

«Взошла заря. Дыханием приятным...»

(С. 180)

Автограф (РНБ, он. 1, № 29, л. 30)—беловой, без заглавия, с датой: «27 ноября».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1873. Стб. 1703—1704. Публикация К. С. Сербиновича—с произвольным заглавием: «Утро на горе».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 27 ноября 1819 г.

Стихотворение «Взошла заря. Дыханием приятным...» представляет собой перевод первых двух строф стихотворения И. В. Гёте «Zueignung» («Посвящение»; в подлиннике — 14 строф), написанного в 1784 г. как вступление к поэме «Тайны» («Die Geheimniße»), но позже печатаемого Гёте в качестве поэтического посвящения к собраниям своих произведений и ставшего своеобразным эстетическим манифестом немецкого поэта.

Как отметил И. Ю. Виницкий, в собраниях сочинений Жуковского этот перевод «обычно квалифицируется как незаконченный. Между тем, в рукописи стихотворение отчеркнуто как завершенное и датировано 27 ноября». На этом основании исследователь сделал вывод о *«сознательной незавершенности перевода»* и его *«принципиальной законченности и оригинальности»* (Виницкий И. Ю. Утехи меланхолии // Ученые записки Московского культурологического лицея № 1310. Сер. Филология. Вып. 2. М., 1997. С. 260—276. Курсив автора).

Стихотворение завершает собой ряд поэтических манифестов Жуковского 1819 г., таких как «На кончину Ея Величества королевы Виртембергской», «Цвет завета», «К мимопролетевшему знакомому Гению», «Невыразимое», из которых два первые написаны так же, как и стихотворение «Взошла заря...», октавами (см.: Жирмунский. С. 84).

Реминисцентная близость стихотворения «Взошла заря...» с оригинальными эстетическими манифестами Жуковского 1819 г. сказалась в ряде лексических новаций перевода по сравнению с подлинником. Жуковский насыщает свой перевод такими лейтмотивными в его лирике поэтизмами, как «гений светлокрылый» (ст. 7; у Гёте: «Der junge Tag erhob sich mit Entzücken» — «юный день настал в восхищении»); «жизнью всё живому сердцу было» (ст. 8; у Гёте: «Und alles war erquickt, mich zu erquicken» — «и всё было освежено, чтобы освежить меня»); туманная «пелена» (ст. 14; у Гёте: «ein trüber Flor» — «мрачный флёр»). Ср. мотивы Гения в стихотворениях «Цвет завета» («И к нам тогда, как Гений, прилетала...») и «К мимопролетевшему знакомому Гению», жизни души в жизни природы («Отжившее нам снова оживало...», «Природа вся с душою говорила...» — «Цвет завета») и покрывала, занавеса, завесы: «Задернулось за нею покрывало...», «Опущена завеса Провиденья...» («На кончину Ея Величества королевы Виртембергской»). Сопоставление перевода с оригиналом см.: Kahlenborn Ulrike. Goethes Lyrik in russischen Übersetzungen: W. A. Žukovskij und F. I. Tutčev als bedeutendste Goethe — Übersetzer der russischen Romantik. München, 1985. S. 160—162.

История рецепции этого текста Гёте — от Андрея Тургенева (1801) через Жуковского (1819) к Блоку и Пастернаку (1920) — история постижения символической поэтики Жуковского и своеобразного мифотворчества по отношению к Гёте (подробнее см.: Виницкий И. Ю. Указ соч. С. 244—288). «Жуковский „вычитывает“ из него *свое*...» (Там же. С. 287), но в этом «своем» — целый этап эстетического развития Жуковского 1815—1824 гг., «эпохи его романтических манифестов» (подробнее см.: Янушкевич. Гл. 3. С. 139—149).

О. Лебедева

Путешественник и поселянка
(«Благослови Господь...»)
(С. 181)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 29, л. 32—33)—черновой, с заглавием: «Путешественник» и датой: «29 ноября».

Впервые: СО. 1823. Ч. 83. № 8. С. 27—33—с заглавием: «Путешественник (из Гёте)» и подписью: «Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 3—5—с заглавием: «Путешественник и поселянка» и указанием на источник перевода: «Из Гёте» (в С 3—4—отдел «Смесь»; в С 5 отнесено к 1821 г.).

Датируется: 29 ноября 1819 г.

Перевод стихотворения И. В. Гёте «Der Wanderer» («Странник»). Первый вариант заглавия более близок к названию подлинника; вероятной причиной перемены заглавия могло послужить то обстоятельство, что в 1809 г. Жуковский перевел стихотворение Ф. Шиллера «Der Pilgrim», озаглавив его «Путешественник» (см. примеч. в т. 1. наст. издания).

Стихотворение Гёте «Der Wanderer» известно в русской литературе начиная с 1800 г.: до того как к нему обратился Жуковский, были опубликованы два прозаических перевода этого стихотворения: «Художник и крестьянка. Идиллия. Из Гёте», перевод К. Ф. С. (Иппокрена. 1800. Ч. 6. С. 513—521; переводчик—Федор Сибирский) и «Художник и поселянка: Сочинение славного Гёте»—анонимный (ВЕ. 1814. Ч. 76. № 13. С. 3—8). Историю рецепции стихотворения Гёте см.: Жирмунский. С. 67—68.

Переводу Жуковского посвятил специальную рецензию П. А. Плетнев (Журнал изящных искусств. 1825. Ч. 1. С. 126—141). Разбор его в основном относится к достоинствам стихотворения Гёте, воспринятого «как патриархальная идиллия в сентиментальном стиле» (Жирмунский. С. 68): «противоположность между восторгами путешественника при виде всего прекрасного и спокойствием ничего не знающей поселянки самая разительная, но она не рождает ничего неприятного. У поселянки есть своя поэзия ⟨...⟩, таким образом, стихотворец, изображая свою главную мысль, окружает ее другими прекрасными понятиями» (С. 139). Перевод Жуковского без упоминания имени переводчика оценен следующим образом: «Чистота слога, верность и красота выражений, истинно поэтические обороты и необыкновенная краткость, нисколько не нотемняющая смысла, но придающая особенную силу мыслям, составляют отличительное достоинство языка рассматриваемого нами произведения» (С. 139—140).

Ст. 94—95. *Исполненный небесного здоровья. // Ты, на святых остатках...*—К этим стихам при первой публикации было сделано примечание, не подписанное ни Жуковским, ни издателем, но, возможно, принадлежавшее самому поэту, поскольку в нем речь идет о технике перевода: «Буквальный перевод слов подлинника: himmlische Gesundheit и Reste heiliger Vergangenheit. В слоге пиитическом гиперболы и смелые выражения встречаются чаще, чем в прозаических произведениях» (СО. 1823. Ч. 83. № 8. С. 31).

О. Лебедева

Призвание
(«В робком сердце ожиданье...»)
(С. 187)

Автограф неизвестен.

Копия (РНБ, ф. 550, оп. III. Q. XIV. 153, л. 18—18 об.) — рукою М. Н. Дириной, с заглавием: «Призвание».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ИОРЯС. СПб., 1911. Т. XVI. Кн. 2. С. 32—33.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по копии.

Датируется: 1816 — не позднее 1819 г.

Более точно датировать текст стихотворения не представляется возможным. И. А. Бычков при первой публикации атрибутировал тексты стихотворений «Призвание» и «Персидская песня» (см. комментарий) Жуковскому на том основании, что в собрании рукописей М. Н. Дириной-Рейц они записаны в одной отдельной тетрадке с двумя известными текстами поэта: «Песня» («Где фиалка, мой цветок...» — в копии М. Н. Дириной оно озаглавлено «Тленность»), написанная в 1815 г., и «Желание» («Озарися, дол туманный...»), созданное в 1811 г. Все четыре текста, переведенные Жуковским из Якоби («Где фиалка, мой цветок...»), Шиллера («Желание»), Вейрауха («Призвание») и Гёте («Персидская песня»), вошли в первый несенный сборник А. Вейрауха, изданный в Дерпте в 1820 г. (об этом см. ниже). Бычков отнес стихотворение «Призвание» «к той же эпохе, ко времени жизни Жуковского в Дерпте, до выхода М. А. Протасовой замуж за И. Ф. Мойера» (ИОРЯС. Т. XVI. Кн. 2. С. 32; описание рукописи см.: Отчет ИПБ за 1902 г. СПб., 1910. С. 188—191) — то есть к 1816—1817 гг. Однако крайнюю дату создания стихотворения отнести к 1819 г. позволяет его своеобразная творческая история.

Как это установлено немецким славистом Х. Эйхштедт, стихотворение «Призвание» является переводом стихотворения А. Вейрауха «Der Jünger» («Ученик»), которое вошло в первый песенный сборник Вейрауха «Zwölf deutsche Lieder von Goethe, Schiller, Wetzel und Arndt, in Musik gesetzt ⟨...⟩ Dorpat, 1820» («Двенадцать немецких песен Гёте, Шиллера, Ветцеля и Арндта, положенных на музыку ⟨...⟩ Дернт, 1820»). Подробнее см.: Eichstädt. S. 45.

Стихотворение Вейрауха «Der Jünger» открывало этот сборник. М. Г. Салунере приводит сведения о том, что Вейраух заказал специальный гравированный экземпляр сборника с параллельными русскими текстами для Жуковского; сведения эти почерпнуты из неопубликованного письма Вейрауха к Жуковскому от 6 декабря 1819 г.: следовательно, к этому времени перевод стихотворения «Der Jünger», выполненный Жуковским, уже существовал (см.: Ж. и русская культура. С. 452).

Что же касается начальной даты — 1816 г., то именно к этому году относятся первые документальные свидетельства дружеских отношений Жуковского с Вейраухом: в апреле 1816 г. Жуковский с М. А. Протасовой крестил дочь Вейрауха, а осенью этого же года просил разрешения у А. И. Тургенева представить ему сво-

его друга, «человека с необыкновенными дарованиями, поэта в обширном смысле сего слова...» (ПЖТ. С. 162).

Август Генрих фон Вейраух (Weyrauch; 1788—1865) — поэт и популярный композитор Прибалтики 1820—1830-х гг., лектор немецкого языка в Дерптском университете в 1819—1820 гг., автор пяти сборников стихотворений немецких поэтов, положенных им на музыку (всего 54 текста), один из ближайших дерптских друзей Жуковского и человек из наиболее близкого семействам Протасовых-Воейковых дружеского круга. Возможно, именно Вейрауху принадлежит текст романса «Ночь» («Уже утомившийся день...»), переведенного Жуковским в 1823 г. (см. комментарий). Подробнее о биографии Вейрауха и его отношениях с Жуковским, а также сохранившихся бумагах дерптского поэта-композитора см.: Салупере М. Г. Указ. соч. С. 449—455.

Текст стихотворения «Der Jünger», переведенного Жуковским под заглавием «Призвание», бесспорно принадлежит Вейрауху, поскольку был опубликован под его именем еще в 1809 г. в альманахе «Wega: Ein poetisches Taschenbuch für den Norden / Hrsg. von Ulrich Freiherrn von Schlippenbach. Mitau, 1809» («Вега: Поэтический альманах для Севера / Изд. Ульрих фон Шлиппенбах. Митава, 1809»).

Х. Эйхштедт, подробно проанализировавшая перевод Жуковского, сочла перемену заглавия соответствующей глубинному смыслу оригинала, отметила метрическую и строфическую адекватность перевода, продиктованную лежащей в основе текста музыкой, и определила общий характер смысловых отступлений от текста оригинала как «перевод пластически-изобразительной объективности» текста Вейрауха в план «духовно-эмоциональной выразительности» (Eichstädt. S. 46).

Ст. 11. *Очи тайный мир узрели...* — В этом стихе исправлена явная описка копииста, повторенная И. А. Бычковым при первой публикации: *«Они тайный мир узрели...»*, где личное местоимение 3-го лица никак не согласуется с содержанием текста.

О. Лебедева

Персидская песня

(«Все глядят и все дивятся...»)

(С. 188)

Автограф неизвестен.

Копия (РНБ, ф. 550, он. III. Q. XIV. 153, л. 19) — рукою М. Н. Дириной, с заглавием: «Персидская несня».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ИОРЯС. 1911. Т. XVI. Кн. 2. С. 33.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по копии.

Датируется: 1817 — не позднее 1819 г.

Обоснование датировки и атрибуции см. в комментарии к стих. «Призвание» («В робком сердце ожиданье...»), поскольку «Персидская песня» и «Призвание» входят в один и тот же отдельный песенный сборничек из архива М. Н. Дири-

ной-Рейц и нанечатаны в одном и том же первом песенном сборнике А. Вейрауха 1820 г., гравированный экземпляр которого с параллельными русскими текстами для Жуковского Вейраух заказал в конце 1819 г.

Стихотворение «Персидская песня», как это удалось установить Х. Эйхштедт, является переводом стихотворения И. В. Гёте «Glückliches Geheimniß» («Счастливая тайна»), написанного в 1814 г. и опубликованного под этим же заглавием в «Taschenbuch für Damen auf das Jahr 1817» («Карманная книжка для дам на 1817 г.»). Издание это увидело свет не позднее рождественских праздников 1816 г. (Eichstädt. S. 48—49), что и позволило сузить временные границы создания перевода Жуковского: безусловно, это немецкое издание попало в руки Вейрауха лишь в 1817 г. Позже это же самое стихотворение вошло в третью книгу («Книга любви») сборника Гёте «Западно-восточный диван» (1819) под заглавием: «Geheimes» («Сокровенное»).

Х. Эйхштедт, подробно проанализировав характер перевода Жуковского, справедливо отметила его формальную и смысловую близость к тексту Гёте при некоторой перестановке стилевых акцентов: «легкий, шутливый тон» стихотворения Гёте Жуковский, по мнению исследовательницы, перевел «в сентиментальный стилевой ключ» (Eichstädt. S. 50). Думается, изменение заглавия было связано с обстоятельствами поведения Жуковского после замужества М. А. Протасовой. «Сокровенное» стало просто «Персидской песней»; тем самым снимался автобиографический подтекст стихотворения.

О. Лебедева

1820

Прощальная песнь воспитанниц Института, при выпуске
(«Подруги! час разлуки наступил...»)
(С. 189)

Автографы:
1) РНБ, оп. 1, № 29, л. 58 об.—59—черновой, без заглавия.
2) РНБ, оп. 1, № 29, л. 59 об.—60 об.—беловой, с незначительной правкой.
При жизни Жуковского не печаталось.
Впервые: С 10. С. 996—997—с датировкой: «1821 г.»
Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.
Датируется: февраль 1820 г.

Среди стихотворений Жуковского сохранилось несколько текстов «на выпуски», положенных на музыку и исполнявшихся либо хором, либо в жанре кантаты. Покровительница и основательница Общества благородных девиц, Смольного и Екатерининского институтов, императрица Мария Федоровна, возможно, способствовала авторскому участию Жуковского в выпускных торжествах. Вполне веро-

ятным кажется и влияние в этом же вопросе Ю. А. Нелединского-Мелецкого, члена Совета Общества благородных девиц и Екатерининского института, ближайшего сотрудника Марии Федоровны в ее просветительско-благотворительной деятельности. Екатерининский институт был основан в 1800 г. на собственные деньги императора Павла I и его супруги императрицы Марии Федоровны. В воспоминаниях более поздней выпускницы института А. О. Смирновой-Россет воспроизводится обычный распорядок дня Марии Федоровны, в котором значительное место уделялось опекаемым ею заведениям: «В институте не делали шагу без ее истинно материнской заботы и любви. Ее деятельность была изумительной. Летом и зимой она вставала в 7 часов, тотчас одевалась, а с 8-ми часов она уже занималась с секретарем Вилламовым. Он вел переписку с госпиталем и институтом» (Смирнова-Россет. С. 148).

Стихотворение предположительно датируется 1820 г. на основании периодичности выпусков (1820, 1823, 1826): воспитанницы выпускались каждые три года. Сомнения вызывает положение автографа в рукописи — после массива летних стихов 1820 г., тогда как выпуск обычно бывал в феврале. Сохранилось указание М. М. Сперанского, относящееся к 1823 г., о пении тремя девицами стихов Жуковского, хотя речь идет об исполнении кантаты «Подруги! час разлуки наступил...» Отзыв Сперанского звучит нелестно для Жуковского: «Стихи, жаль, посредственны. Говорят, что он спешил, но как бы он ни спешил, он должен был сделать лучше. Горькое условие великой славы! Тут нет почти ни одной искры тонкого, глубокого чувства, а предмет так к тому удобен. Какая тема: невинность, вступающая в свет!» (На память гр. Сперанского. СПб., 1872. С. 613). По всей вероятности, все-таки песня создавалась к февральскому выпуску 1820 г., но была записана в тетрадь хронологически не по порядку.

Стихотворение подвергалось большой переработке, о чем свидетельствует наличие чернового и белового автографов. В тексте варьируется и разрабатывается мотив выхода в свет из «безопасного приюта», благодарности покровительнице с идеализацией ее образа. Апологетическая оценка благотворительной деятельности императрицы Марии Федоровны А. О. Смирновой-Россет интонационно совпадает с прощальными песнями «на выпуск» и воспроизводит общую атмосферу времени. Вместе с тем многие мотивы и образы этой песни: святого приюта, ангела-хранителя, прекрасного сна, веры в Провиденье и святого Провиденья — вполне вписываются в общий элегический контекст лирики Жуковского 1819—1820 гг.

Н. Вётшева

Близость весны

(«На небе тишина...»)

(С. 192)

Автограф неизвестен.

Копия (ПД. № 9625, л. 26) — рукою А. П. Зонтаг.

Впервые: С 3. Т. 2. С. 250 — с заглавием: «Близость весны», в отделе «Смесь».

В прижизненных изданиях: С 3—5 — с заглавием: «Близость весны». В С 5 отнесено к 1821 г.

Датируется: весна 1820 г.

Стихотворение «Близость весны» традиционно датировалось комментаторами 1821 г. на том основании, что его текст отнесен в С 5 в подборку стихотворений 1821 г. Н. К. Кульман, описавший альбом гр. С. А. Самойловой, зафиксировал беловой автограф стихотворения под № 29 (Кульман. С. 1087) и привел разночтения с печатным текстом (Там же. С. 1131). Хотя альбом С. А. Самойловой заполнялся не в хронологическом порядке, все записи Жуковского в нем сделаны в промежутке между августом 1819 и июлем 1820 г. (до первого заграничного путешествия поэта и помолвки С. А. Самойловой с гр. А. А. Бобринским осенью 1820 г.). Исходя из этого, стихотворение «Близость весны», явно связанное с определенным временем года, логично отнести к весне 1820 г.—единственной весне в указанном промежутке времени.

Ст. 2—3. *Таинственно луна // Сквозь тонкий пар сияет...* — Ср. в автографе из альбома С. А. Самойловой: *«Сквозь тонкий пар луна // Таинственно сияет»* (Кульман. С. 1131).

О. Лебедева

К графине Шуваловой. 20 мая 1820. В исходе 11-го часа ввечеру

(«Уже одиннадцатый час!..»)

(С. 192)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 26, л. 97) — беловой, с незначительной правкой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Кульман. С. 1096—1098 — с заглавием: «К графине Шуваловой. 20 мая 1820. В исходе 11-го часа ввечеру».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 20 мая 1820 г.

Стихотворение адресовано Екатерине Петровне Шуваловой, фрейлине императрицы Марии Федоровны, и тематически перекликается с посланием «К графине Шуваловой. После ее дебюта в роли мертвеца» (см. примеч. к этому стихотворению).

Н. Вётшева

«Минуту нас она собой пленяла!..»

(С. 193)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 29, л. 42) — беловой, без заглавия, с датой: «16 июня 1820».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 10. С. 995.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 16 июня 1820 г.

Эпитафия на смерть новорожденной дочери великой княгини Александры Федоровны, последовавшей 10 июня 1820 г., после чего, в связи с расстройством здоровья, Александра Федоровна предпринимает поездку за границу на лечение (см.: Шильдер. Т. 1. С. 146).

Н. Вётшева

Подробный отчет о луне
Послание к Государыне Императрице Марии Федоровне
(«Хотя и много я стихами...»)
(С. 194)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 29, л. 43 об.—47)—беловой, с незначительными исправлениями, без заглавия и с датой: «10 июня 1820».

Копия (РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 12, л. 43 об.—47 об.)—рукою М. А. Мойер, с заглавием: «Подробный отчет о луне. К Императрице».

Впервые: Отдельное издание с заглавием: «Подробный отчет о луне, представленный Ея Императорскому Величеству Государыне Императрице Марии Федоровне 1820 июня 18, в Павловске». СПб., 1820 (ц. р. 22 июня 1820 г. Цензор Ив. Тимковский) и примечанием автора: *«Прекрасная лунная ночь в Павловске подала повод написать это послание. Государыне Императрице угодно было заметить поэту красоту этой ночи, и он, исчислив разные прежде им сделанные описания луны, признается в стихах своих, что ни которая из этих описанных лун не была столь прекрасна, как та, которую в ту ночь освещала Павловские рощи и воды. В. Ж.»*

В прижизненных изданиях: С 3—5 (в С 3—4—отдел «Послания» и датой: «1820» в С 3). В С 5 среди стихотворений 1821 г., с заглавием: «Подробный отчет о луне. Послание к Государыне Императрице Марии Федоровне» (Т. 4. С. 111—126).

Датируется: 10—18 июня 1820 г.

«Подробный отчет о луне», написанный год спустя после первого, незавершенного (см. примеч. к стихотворению «Государыне Императрице Марии Федоровне»), представляет собой не просто поэтический каталог собственных лунных пейзажей, но, по мнению одного из исследователей, «метатекст» (НЛО. 1998. № 32. С. 133—146). Ц. С. Вольпе считал, что это послание «дает возможность прояснить общие принципы поэтики пейзажа в его творчестве» (Стихотворения. Т. 2. С. 498). А. С. Янушкевич говорит о Жуковском в связи с этим посланием как о «носителе идей русской романтической селенологии» (см.: Роль традиции в литературной жизни эпохи: Сюжеты и мотивы. Новосибирск, 1995. С. 55).

В воспоминаниях А. С. Гангеблова воспроизводится конкретный эпизод, послуживший поводом к созданию «Отчета»: «В один тихий, ясный вечер, когда встали из-за ужина (а любопытных у дверей уже не было), Мария Федоровна вышла на террасу и, полюбовавшись несколько минут луною, велела бывшему при ней камер-пажу А. Ростовцеву вызвать к ней из залы Жуковского. „Не знаете, зачем?"—спросил Жуковский, поднимаясь с места. „Не знаю наверно,—отвечал тот,—а знаю, что что-то о луне!"—„Ох уж мне эта луна!"—заметил поэт. Плодом

этой довольно долгой созерцательной беседы поэта с царицей был „Подробный отчет о луне“» (РА. 1866. Кн. 3. С. 196).

Умение Жуковского писать «по заказу», оставаясь самим собой, вызывало удивление друзей-поэтов. «Как можно быть поэтом по заказу? Стихотворцем — так, я понимаю, но чувствовать живо, дать языку такую верность, когда говоришь за другую душу, и еще порфирородную, я постигнуть этого не могу! знаешь ли, что в Жуковском вернейшая примета его чародейства? — Способность, с которою он себя, то есть поэзию переносит во все недоступные места. Для него дворец преобразовывается в какую-то святыню, всё скверное очищается перед ним, он говорит помазанным слушателям: „Хорошо, я буду говорить вам, но по-своему“, и эти помазанные его слушают» (Из письма П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 7 августа 1819 г. // ОА. Т. I. С. 284—285).

Конкретный повод (прекрасная лунная ночь в Павловске) и просьба-заказ императрицы (описать эту ночь и луну) определили рождение «Подробного отчета о луне», но эстетическая рефлексия поэта обусловила его органическую связь с эстетикой и поэтикой русского романтизма.

Ст. 12—24. *Когда с усопшим на коне ~ И в тусклом взоре мертвеца...* — В этих стихах воссоздан лунный пейзаж из баллады «Людмила» (1808).

Ст. 25—35. *Когда ж в санях с* ***Светланой*** *мчался ~ Пришелец из другого света...* — Здесь Жуковский рисует картину из баллады «Светлана» (1808—1812).

Ст. 36—53. *Я помню: рыцарь* ***Адельстан*** *~ И цепь волшебную златила.* — Имеется в виду баллада «Адельстан» (1813).

Ст. 54—82. *Но есть еще челнок у нас ~ Как радость, месяц молодой...* — Лунный пейзаж из баллады «Варвик» (1814).

Ст. 83—135. *Когда ж невидимая сила ~ Уж не касается луны...* — Речь идет о балладе «Вадим» (1817), которая является второй частью «старинной повести» — «Двенадцать спящих дев».

Ст. 136—202. *Еще была воспета мною ~ Им обреченных замечал...* — Дается переложение пейзажных зарисовок из «Певца во стане русских воинов» (1812). Ст. 141 в первом отдельном издании был: «Певец, во сне лишь знавший бой». Окончательный вариант: «Певец, по слуху знавший бой...» более точно дает представление об участии Жуковского в Бородинском сражении.

Ст. 203—214. *Еще я много описал... ~ На золоте икон трепещет...* — Жуковский обращается к элегии «Сельское кладбище» (1802).

Ст. 215—224. *То вдруг, как в дыме, без лучей ~ Знакомый глас друзей воздушных...* — Воссоздана атмосфера лунного пейзажа из баллады «Эолова арфа» (1814).

Ст. 225—242. *То вдруг на* ***взморье*** *— где волна ~ Забрызжет пеною блестящей...* — Речь идет о послании к графине С. А. Самойловой «Графиня, признаюсь, большой беды в том нет...» (1819).

Ст. 231—232. *Она, в* ***величественный час*** *// Всемирного* ***успокоенья****...* — Выделенные курсивом, эти стихи являются автореминисценцией из «Невыразимого». Ср.: *«Не часто ли в величественный час // Вечернего земли преображенья...»*

Н. Вётшева

Письмо к А. Г. Хомутовой
(«Благодарю вас всей душою!..»)
(С. 203)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 29, л. 47 об.—48)—беловой, с небольшими исправлениями и датой: «23 июня».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ОЗ. 1855. Т. 98. № 1. С. 1—4—с заглавием: «К NN» и примечанием от редакции (см. ниже).

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 23 июня 1820 г.

Заглавие: «Письмо к А. Г. Хомутовой» было дано посланию в альбоме гр. С. А. Самойловой, где беловой автограф находился под № 39 (см.: Кульман. С. 1087). Так как это последний по времени из известных автографов послания, то это заглавие можно считать окончательным.

Адресат послания—Анна Григорьевна Хомутова (1787—1851)—двоюродная сестра И. И. Козлова, адресат стихотворений Козлова и Лермонтова. Была в дружеских отношениях с Вяземским, Нелединским-Мелецким, Жуковским, А. С. Пушкиным (см.: Черейский. С. 479).

В примечании от редакции, предпосланном первой публикации в ОЗ, сообщалось следующее: «Получением этого стихотворения мы обязаны любезной снисходительности Анны Григорьевны Х...й, к которой они написаны по следующему случаю. В 1820 году, на вечере у графини Б*** [Бобринской.—*Н. В.*], Василий Андреевич Жуковский увидел и просил дать ему прочесть какую-то немецкую книгу, в которой много говорилось о мертвецах, привидениях, предчувствиях и проч. Приятельница графини Б***, Анна Григорьевна, бывшая тут, на другой день напомнила графине о просьбе Василия Андреевича и, запечатав книгу, надписала на конверте, вместо адреса, следующие стихи:

Pourqoi toujours par des fantomes
Voulez vous effrayez les hommes
Notre ténèbreux enchanteur?
Il suffit que votre génie
Les fasse tous mourir d'envie
Sans les faire mourir de peur.

Жуковский отвечал на них стихами же:

Благодарю вас всей душою, и проч.

Кроме того, имея от кого-то поручение переслать Анне Григорьевне траурную материю для платья, он прибавил в PS:

Я честь имею вам послать, и проч.

Подлинник этого стихотворения хранится у Анны Григорьевны Х ... й. *Ред.*»

Ст. 4—7. *Сей мрачный том, сей чемодан ~ И всем, что так пугает нас...* — О какой книге идет речь, установить не удалось.

Ст. 16—19. *Я очень рад, что я ваш крестник ~ Мне титул:* ***гробовой прелестник****...* — Выделенные Жуковским курсивом слова — комментарий-перевод французского стихотворения Хомутовой: «Notre ténèbreux enchanteur».

Ст. 55. *Я Санхе моему сказал...* — Ироническое именование своего слуги, восходящее к герою романа Сервантеса «Дон Кихот», — Санчо Пансе. В такой транскрипции имя этого героя существовало в раннем переводе Жуковского флориановской переделки «Дон Кишота» (1803—1806). Подробнее см.: Багно В. Е. Жуковский — переводчик «Дон Кихота» // Ж. и русская культура. С. 293—311.

Н. Вётшева

«Что радость? — Бабочка вдали, вблизи *лягушка...*»

(С. 206)

Автограф (РНБ, он. 1, № 29, л. 47) — беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 86—87.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: вторая половина июня 1820 г.

Датировка определяется положением автографа в рукописи: среди павловских стихотворений, относящихся к июню 1820 г.

Написано для игры на заданные рифмы (буриме). Возможно, было подсказано следующим размышлением П. А. Вяземского из его письма А. И. Тургеневу от 25 октября 1819 г.: «Радость, как бабочка: не та пленительная, которая уселась на цветок, но та, которая из глаз ваших улетает далее и далее. Как часто казалось мне, что только рукою дотронуться до этой радости, и всё назначение Провидения совершится со мною, поймаешь, сожмешь в руку, холодом смерти застынет рука, горящая в ожидании, холодный поцелуй Фаустовой Feuer Braut отзовется на сердце замирающем и скоропостижно увядающем, как недотрога. Вот строфа для баллады Жуковского: покажи ему» (ОА. Т. I. С. 338—339).

Н. Вётшева

Песня

(«Отымает наши радости...»)

(С. 206)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 29, л. 43 — черновой, без заглавия.

2) РГАЛИ, оп. 1, № 18, л. 1 об. — беловой, без заглавия.

Впервые: СО. 1822. № 15. С. 35—36 — с заглавием: «Песня» и подписью: «Ж.»

В прижизненных изданиях: С 3—5 (в С 3—4 — отдел: «Романсы и песни»; в С 5 — в подборке стихотворений 1822 г.). Везде — с заглавием: «Песня».

Датируется: июнь 1820 г.

Основанием для датировки является положение чернового автографа в рукописи — перед «Подробным отчетом о луне» (с датой: «10 июня 1820»). В альбоме С. А. Самойловой беловой автограф стихотворения имеет заглавие: «Песня» и находится под № 37 среди произведений Жуковского марта-июня 1820 г. (см.: Кульман. С. 1087).

Перевод стихотворения английского поэта Д. Г. Байрона (1788—1824) «Stanzas for Music», написанного в марте 1815 г. и опубликованного в 1816 г.

Жуковский не перевел эпиграф на латинском языке, взятый Байроном у Грея, который, в свою очередь, предпослал эти четыре строки своему произведению «The Tear». В русском переводе он звучит так:

Источник слез, глубоко таящийся
В сердцах, не чуждых любви! Четырежды
Блажен, в ком бьет с неизменной силой
Чистый твой ключ, всеблагая нимфа

(см.: Зарубежная поэзия. Т. 1. С. 602).

Перевод стихотворения явился следствием увлечения Жуковского Байроном на протяжении всего 1819 г., о чем писал 22 октября 1819 г. А. И. Тургенев к П. А. Вяземскому: «Ты проповедуешь нам Байрона, которого мы всё лето читали. Жуковский им бредит и им питается» (ОА. Т. I. С. 334).

В переводе Жуковского стихотворение Байрона приобрело элегический и несенный характер: заглавие «Стансы для музыки» заменяется «Песней»; пять 4-строчных строф развернуты в пять 8-строчных; вместо 7-стопного ямба Жуковский использовал 4-стопный хорей с дактилическими окончаниями в нечетных строках, тем самым придав своему тексту песенную ритмику и интонацию.

Жуковский сохранил принцип романтической антитезы Байрона, но при этом смягчил резкость и максимализм байроновских оппозиций: так ст. 1 — «There's not a joy the world can give like that it takes away» («Нет такой радости, какую может дать нам мир в замену той...») переводится фразой с глаголом длительного действия: «Отымает наши радости // Без замены хладный свет...» При переводе Жуковский исключает слово «decay» (гниение, разложение); смягчает звучание второй строфы с описанием моря и бури, в которой гибнет челн — аллегория человеческой судьбы. Вопросительная интонация придает этой строфе иной смысл: возможность надежды на спасение.

Вслед за Байроном Жуковский активно разрабатывает центральные мотивы холода («хладный свет», «охлажденная душа», «охладев к самим бедам», пустыни («пустая глушь», «запустение души», «развалины седые»). Но одновременно русский поэт усиливает элегический слой байроновсколго текста, связанный с темой расцвета, юности, жизни: «зеленые и дико свежие» листы плюща вокруг разрушенной башни у Жуковского превращены в «лист благоухающий», «плющ играющий».

Последние строки «Стансов для музыки» выдержаны в сослагательной форме. Жуковский придает им характер мольбы, заклинания: «Оживите сердце вялое, //

Дайте жить по старине...» и заканчивает «Песню» словами надежды и утешения, смягчая байроновский скепсис и отчаяние: «Сладко, сладко появление // Ручейка в пустой глуши; // Так и слезы — освежение // Запустевшия души».

«Песня» Жуковского вызвала критические суждения. Стихотворение, посланное Жуковским в Дерпт в начале 1823 г., расстроило своим унылым тоном Машу Протасову. По словам К. К. Зейдлица, «эта элегическая „Песня“ заслужила ему сильный упрек Марии Андреевны Мойер; я знаю это по свидетельству ее самой. Вот как она писала мне: „Что за дивный человек! Его прекрасная душа есть одно из украшений мира Божьего. Зачем только он написал свое последнее стихотворение? Стихи его просто дурны. Чем более я перечитываю, тем становлюсь печальнее. Заставьте его искупить грех чем-нибудь хорошим“» (Зейдлиц. С. 123).

Упрек Жуковскому в недостаточной энергии воссоздания байроновского пафоса позднее высказал В. Г. Белинский: «...неудачно переведена пьеса Байрона ⟨...⟩. Жуковский дал ей совсем другой смысл и другой колорит, так что байроновского в ней ничего не осталось, а замененного переводчиком, после даже прозаического, но верного перевода нельзя читать с удовольствием» (Белинский. Т. 7. С. 208).

Но эти упреки, имевшие разную основу, не учитывали того, что перевод Жуковского из Байрона был органической частью его жизненной философии и романтического жизнетворчества. Не случайно, это почувствовал Н. В. Гоголь: по точному замечанию Е. А. Смирновой, «голос Жуковского „звучит“ в тексте 6-й главы поэмы „Мертвые души“» и «она [„Песня“ Жуковского] несет в себе ту поэтическую идею, которая „озаряет“ своим светом страшную картину оскудевшей с возрастом человеческой души» (Ж. и русская культура. С. 251—252).

Э. Жилякова

Письмо к А. Л. Нарышкину

(«Нарышкин, человек случайный...»)

(С. 207)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 29, л. 48—49 — черновой, с незначительной правкой, без заглавия, без даты.

2) РГАЛИ, оп. 1, № 78, л. 1 — беловой, с заглавием: «К Нарышкину».

3) РГАЛИ, оп. 3, № 9, л. 145, беловой, без заглавия.

Впервые: Памятник Отечественных муз на 1827 год. С. 18—20 — с заглавием: «Письмо к А. Л. Нарышкину» и подписью: «Жуковский».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: первая половина июля 1820 г.

Стихотворение предположительно относится к этому времени, так как на обороте л. 49 стоит дата: «10 июля. Павловск». В пользу этой датировки говорит и автограф в альбоме С. А. Самойловой, где стихотворение с заглавием: «К Нарышкину» находится среди произведений июля 1820 г. (Кульман. С. 1087. № 40).

Адресат послания — Александр Львович Нарышкин (1760—1826) — обер-гофмаршал, обер-камергер, главный директор Императорских театров, блестящий острослов. Повод к созданию стихотворения традиционно прагматический, как во многих павловских записках, просьбах; в данном случае — просьба выделить ему помещение в связи с приездом двора на традиционный петергофский праздник 22 июля (см.: Шильдер. Т. 1. С. 144).

Жуковский в шутливом столкновении бытового и поэтического, небесного и земного создает автопародию на собственный поэтический мир, населенный и «семьей крылатых снов», и «сволочью Пинда», и «своекоштными мертвецами».

В «Воспоминаниях» А. О. Смирновой-Россет воспроизводится любопытная поэтическая рецепция послания «К Нарышкину» «любимым» арзамасцами Д. И. Хвостовым. Как рассказывает мемуаристка, «Жуковский очень любил вальс Вебера и всегда просил меня сыграть его; раз я рассердилась, не хотела играть, он обиделся и потом написал мне опять галиматью. Вечером Пушкин очень ею любовался и говорил, что сам граф Хвостов не мог бы лучше написать. Очень часто речь шла о сем великом муже, который тогда написал стихи на Монплезир:

Все знают, что на лире
Жуковский пел о Монплезире,
Соседство моря возносил
И у гофмаршала просил
Себе светелочки просторной,
Веселой, милой, нехолодной» и пр.

(Смирнова-Россет. С. 418).

Стихотворение Д. И. Хвостова «Концерты в зале Д. Л. Голицына зимою 1828 г.» наглядно демонстрирует «простодушную» невольную галиматью графа Хвостова, который буквально и совершенно серьезно воспринял игру Жуковского с рифмой: «Монплезиру — лиру».

Н. Вётшева

К Голицыну

(«Я слова, князь, не позабыл...»)

(С. 210)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 29, л. 49 об.—50) — беловой, с незначительными исправлениями, без заглавия, с датой: «10 июля. Павл.⟨овск⟩».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Кульман. С. 1098—1100 — с заглавием: «К К.⟨нязю⟩ Ф. Голицыну».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 10 июля 1820 г.

Адресат послания — князь Федор Сергеевич Голицын (1781—1826) — камергер, гофмейстер, начальник егермейстерской конторы.

Стихотворение представляет собой шутливый «опросный лист» для создания эпитафии собаке Голицына. См. аналогичные зооморфические эпитафии («Эпитафия Мими», «На смерть чижика», «В комитет, учрежденный по случаю похорон Павловской векши, или белки...»).

Ст. 2. *Я ваш должник за Каталани!..*— Речь идет о знаменитой итальянской певице (сопрано) Анжелике Каталани (1780—1849), гастролировавшей в России в начале 1820-х гг.

Н. Вётшева

К кн. А. Ю. Оболенской
(«Итак, еще нам суждено...»)
(С. 212)

Автограф (РНБ, он. 1, № 29, л. 51—51 об.)—черновой, с незначительной правкой, без заглавия, с датой: «19 июля».

Впервые: СО. 1822. № 10. С. 127—129—с заглавием: «К княгине А. Ю. О...ой», с подписью: «Ж.»

В прижизненных изданиях: С 3—5 (С 3—4—отдел: «Послания», с датой: «1820» (С 3); в С 5 (Т. 3. С. 68—69) среди стихотворений 1818 г.).

Датируется: 19 июля 1820 г.

Адресат послания—графиня Аграфена Юрьевна Оболенская (1789—1829) была дочерью поэта Ю. А. Нелединского-Мелецкого и, живя в 1815—1823 гг. постоянно в Москве, приезжала к отцу в Петербург летом 1820 г (См.: Хроника недавней старины: Из архива кн. Оболенского-Нелединского-Мелецкого. СПб., 1875).

Выразительный словесный портрет графини оставил в своих воспоминаниях «Московское семейство старого быта», посвященных «многоколенному потомству Оболенских», П. А. Вяземский: «Нелединская не была красавица, роста небольшого, довольно плотная, но глаза и улыбка ее были отменно и сочувственно выразительны; в них было много чувства и ума, вообще было много в ней женственной прелести. В уме ее было сходство с отцом: смесь простосердечия и веселости, несколько насмешливой. Она очень мило пела; романсы отца ее, при ее приятном голосе, получали особую выразительность» (Вяземский П. А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М., 1988. С. 319).

Ст. 15—30. ***Одна*** *прекрасная на час ~* ***Ее****, как лучший жизни цвет, // Воспоминанье отделило...*— Примечанием к этим стихам являются следующие слова из цитированных выше воспоминаний П. А. Вяземского о семействе Оболенских: «В сочинениях Жуковского есть очень милое и теплое к ней [А. Ю. Оболенской.—*Н. В.*] послание, содержание его наиболее посвящено памяти сестры моей, бывшей впоследствии замужем за князем Алексеем Григорьевичем Щербатовым, с которою с самого детства была она очень дружна» (Вяземский П. А. Указ. соч. С. 319). Речь идет о Екатерине Андреевне Щербатовой (урожд. княжне Вяземской; 1789—1809).

Ее памяти Жуковский посвятил несколько стихов в «Певце во стане русских воинов»: «Хвала, Щербатов, вождь младой ~ Покой ее могилы».

Н. Вётшева

К княгине А. Ю. Оболенской

(«Княгиня! для чего от нас...»)

(С. 213)

Автограф (РНБ, он. 1, № 29, л. 51 об.—54)—черновой, без заглавия, с датой: «20 июля»—в начале и датой: «27 июля»—в конце.

Копия (ПД. № 27734, л. 10—13)—рукою А. А. Воейковой.

Впервые: СО. 1822. Ч. 75, № 1. С. 30—37—с заглавием: «К княгине А. Ю. О...ой» и подписью: «Ж.»

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 20—27 июля 1820 г.

В альбоме графини С. А. Самойловой имелся еще один беловой автограф послания с заглавием: «К княгине А. Ю. Оболенской», предшествующий записи от 23 июля 1820 г. (Кульман. С. 1087. № 44).

Обращенное к княгине А. Ю. Оболенской (см. примеч. к предыдущему посланию), стихотворение, которое было написано, вероятно, уже после ее отъезда в Москву, о чем свидетельствует вторая часть послания: «Княгиня, вас уж с нами нет!..», в шутливой форме воссоздает драматизм судьбы Жуковского после замужества М. А. Протасовой, а затем и неудачного ухаживания за графиней С. А. Самойловой. 37-летний поэт серьезно думает об устройстве своей семейной жизни, о доме. Еще 1 ноября 1817 г. Н. М. Карамзин полушутя-полусерьезно писал Жуковскому: «Все вас обнимают, любезнейший, но за невесту не отвечаем, впрочем, ищем, ищем!» (РА. 1870. Стб. 1717).

Ст. 213—215. *Я признаюсь: опасно плыть // Мне по морю* ***большого света*** *// С обманчивой звездой поэта...*—Комментируя эти слова, исследователь справедливо замечает: «Винясь здесь в незнании света и своем неумении плыть по этому морю „с обманчивой звездой поэта", он и не подозревает, что пишет полную свою характеристику, не только как члена светского круга, но и как поэта, и человека. В ней как нельзя лучше высказывается и его взгляд на поэзию и на жизнь» (Загарин. С. 240).

Н. Вётшева

Песня

(«Птичкой невицею...»)

(С. 219)

Автограф неизвестен.

Копия (ПД. № 16121, л. 1)—рукою неустановленного лица, без даты и заглавия.

Впервые: Славянин. 1827. № 3. С. 229—с заглавием: «Мои желания».

В прижизненных изданиях: С 4—5 (С 4—отдел «Романсы и песни»). В С 5 (Т. 2. С. 208)—с заглавием: «Песня», среди произведений 1815 г.

Датируется: предположительно 1819—1820 г.

Достаточно близкий перевод стихотворения немецкого просветителя, поэта, публициста, издателя Эрнста Морица Арндта (Arndt; 1769—1860) «An den Liebling», получившего широкую известность по первым его строкам: «Wär' ich ein Vogelein, // Flog' ich zu dir...» («Был бы я птичкой, // Я полетел бы к тебе...»).

Э. М. Арндт прославился вместе с Т. Кёрнером как автор народных песен эпохи борьбы против наполеоновского нашествия. Он был автором ряда исторических и педагогических сочинений. Так, его педагогический трактат «Entwurf der Erziehung und Unterweisung eines Fürsten» («Проект воспитания и наставления принца») был хорошо известен Жуковскому, и его берлинское издание 1813 г. сохранилось в его личной библиотеке (Описание. № 575). В июле-августе 1821 г., во время первого заграничного путешествия, он тщательно его изучал (см.: БЖ. Ч. 1. С. 492—494), готовясь к своей педагогической деятельности.

Стихотворение Арндта впервые вошло в собрание его сочинений еще в 1811 г. (см.: Arndt E. M. Gedichte. Greifswald, 1811. S. 274—275). В 1820 г., как убедительно доказали Х. Эйхштедт (Eichstädt. S. 63—66) и М. Салупере (Ж. и русская культура. С. 452—453), оно было включено в песенный сборник А. Вейрауха параллельно с русским переводом Жуковского («Zwölf deutsche Lieder von Goethe, Schiller, Wetzel und Arndt, in Musik gesetzt von August Heinrich von Weyrauch. Dorpat ⟨...⟩ 1820»). Все это позволяет считать, что, по всей вероятности, Жуковский над переводом стихотворения Арндта работал одновременно с переводами песен из Ветцеля (см. примеч. к песням «Розы расцветают...» и «К востоку, всё к востоку...»)—в 1819—1820 г. для сборника А. Вейрауха.

Жуковский не случайно дал своему переводу такое обобщенное заглавие—«Песня». Тем самым он подчеркивал популярность этого произведения Арндта в Германии и одновременно выявлял его музыкальную природу.

Легко заметить, что, в отличие от большинства других лирических произведений, где поэт, по выражению Вяземского, «девствует», это стихотворение не лишено чувственных элементов, идущих от оригинала, но не сглаженных в этот раз в переводе, чему, несомненно, были свои причины. Память о Маше Протасовой, ее роды, только что пережитое увлечение графиней С. А. Самойловой, мечта о женитьбе и своем доме—всё это переполняло поэта и способствовало прорыву так часто скрываемых земных страстей. Вероятно, это мешало немедленной публикации стихотворения, которое было способно породить недовольство близких и дорогих ему людей. Поэт опубликует «Песню» в С 4 лишь спустя 15 лет.

Публикация в воейковском «Славянине», судя по всему, была осуществлена без ведома автора, находившегося уже почти год за границей. Заглавие публикации—«Мои желания», акцентирующее личностный характер переживания, не могло появиться с согласия поэта.

Указанная в С 5 дата — 1815 г. — могла быть либо ошибкой памяти поэта, либо (что вероятнее) сознательным нежеланием давать повод к биографическому прочтению текста «Песни».

Н. Реморова

Песня

(«Розы расцветают...»)

(С. 220)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 30, л. 81 — черновой. Строки: «*Всё весной прекрасной // Снова оживет*» зачеркнуты и сверху написано: «Всё с зимой ненастной // Грустное пройдет» (ст. 5—6).

2) РБ. 1915. Кн. 5. С. 66 — факсимиле белового автографа из архива А. А. Воейковой. Публикация Н. В. Соловьева.

3) РГАЛИ, оп. 1, № 23 — беловой.

Впервые: Славянин. 1827. Ч. 2. С. 76 — с заглавием: «Розы» и иным окончанием первой строфы:

Небо станет ясно;
Счастие прекрасной
Розой расцветет.

В прижизненных изданиях: С 4—5 (С 4 — отдел: «Романсы и песни»). В С 5 (Т. 2. С. 11) — с заглавием «Песня» в подборке стихотворений 1815 г.

Датируется: предположительно 1819—1820 г.

Диапазон датировок данного стихотворения велик: от 1815 г. до 1831 г. Если первая дата подсказана указанием в С 5, то происхождение второй — явное недоразумение. Черновой автограф «Песни» записан в конце альбома Жуковского с автографами произведений 1822—1831 г. Но первая публикация стихотворения в 1827 г. не позволяет согласиться с датировкой «Песни» 1831 г. Скорее всего, это запись по памяти уже написанного стихотворения (см. примеч. к стихотворению: «Звезды небес...»).

«Песня» — вольный и значительно сокращенный перевод стихотворения немецкого поэта Фридриха Готлоба Ветцеля «Wenn die Rosen blühn» («Когда расцветают розы»).

Как указывает Хильдегард Эйхштедт, стихотворение Ветцеля впервые было опубликовано в немецком альманахе В.-Г. Беккера на 1819 г.: Taschenbuch zum geselligen Vergnügen auf das Jahr 1819. Jg. 29. Leipzig. S. 113—114 (Eichstädt. S. 55—56) и, следовательно, не могло быть переведено ранее этого времени, а также положено на музыку А. Вейраухом. Поэтому указание в С 5 не соответствует фактам творческой истории стихотворения. Вместе с тем известно, что перевод этого стихотворения Жуковского вошел в сборник А. Вейрауха, изданный в 1820 г. (см. примеч. к стих. «Призвание», «Песня» («Птичкой невицею...»). Все это дает основание датировать перевод Жуковского 1819—1820 г.

Жуковский давал своим переводом русский вариант романса Вейрауха. На это предположение наводит письмо М. А. Мойер к Жуковскому от 29 января 1821 г., где она, в частности, пишет: «Внизу сидят мамаша с Сашей и к ним пришел Вейраух, который сейчас запел „Розы расцветают". Это не имеет никакого сношения с моим прошедшим, и однако так цепляет за сердце, что слезы льются contre mon gré [против моей воли.—*фр.*]» (*УС.* С. 249).Само заглавие романса по первой строке перевода Жуковского подтверждает мысль о том, что уже к началу 1821 г. перевод был известен. Комментируя это письмо, М. Салупере справедливо замечает: «Надо думать, что Вейраух запел по-русски, ибо в другом месте она [М. А. Мойер] пишет, что Зейдлиц заиграл „Thekla. Geister Stimme"» (Ж. и русская культура. С. 451).

Подобная эмоциональная реакция могла быть связана с переводом Жуковского. Ведь в стихотворении Жуковского лейтмотивом проходит мысль о смене «зимы ненастной» на «благодатны дни». И даже во второй строфе «иная жизнь» представлена как «лучший край», а «долина рая» не видится лишь миром прекрасных душ. Жуковский, сократив стихотворение почти на целую строфу (у Ветцеля три восьмистишия, у Жуковского—два девятистишия), изъял из стихотворения всю содержащуюся в оригинале конкретику. Для Ветцеля, имевшего в том числе и медицинское образование, пора, «когда расцветают розы», это время «лихорадки» («das Fieber»), которая румянит щеки чахоточного больного и сулит не выздоровление, а «жаркую боль» («der heiße Schmerz»).

Текст достаточно проникновенен и действительно мог «цеплять за сердце» сестер Протасовых. Их состояние (тяжелые роды, симптомы чахотки у Саши, предчувствие смерти у Маши) соотносилось с текстом стихотворения Ветцеля, переведенного Жуковским.

В переводе Жуковского нет безнадежности. Он пытается поддержать всех страждущих, дать надежду на лучшее. Стихотворение могло быть поэтическим откликом на грустные письма М. А. Мойер к поэту, писанные в зимние месяцы ноября-февраля 1820—1821 гг. И в этом смысле симптоматична приписка А. А. Воейковой к ее письму от 14 февраля 1821 г.: «Ты—моя моральная Италия, da wo meine schönsten Blumen blühen» (*УС.* С. 254; ⟨...⟩ где цветут мои прекрасные цветы.—*нем.*).

Как указывает Ц. С. Вольпе, одна из тетрадей А. Вейрауха с романсами на стихи Жуковского, куда вошла и «Песня» («Розы расцветают...»), была подарена поэтом М. А. Мойер 19 октября 1822 г. (Стихотворения. Т. 1. С. 376). О ней он вспомнил в новогоднюю ночь 1831 г. Ср.: письмо А. П. Елагиной от 1 января 1831 г. (*УС.* С. 52).

Публикация в «Славянине» была сделана А. Ф. Воейковым в отсутствие Жуковского (см. примеч. к стихотворению «Птичкой певицею...»). Изменение заглавия и финала, ставшего более оптимистичным, но еще более далеким от оригинала, вероятно, принадлежит издателю.

Кроме А. Вейрауха «Песня» («Розы расцветают...») положена на музыку Ц. Кюи.

Н. Реморова

Песня

(«К востоку, всё к востоку...»)

(С. 221)

Автограф (РНБ, он. 1, № 30, л. 80) — черновой.

Впервые: С 4 (Т. 2. С. 57) — в отделе: «Романсы и песни», вместе с «Песней» («Розы расцветают»).

В прижизненных изданиях: С 4—5. В С 5 (Т. 2. С. 210) — в подборке произведений 1815 г., с заглавием: «Песня».

Датируется: 1819—1820 г.

Датируется на тех же основаниях, что и предыдущая «Песня» («Розы расцветают...»), так как имеет много общего с ней в своей творческой истории.

Вольный перевод стихотворения немецкого поэта Фридриха Готлоба Ветцеля «Nach Osten» («К востоку»), опубликованного, так же как и «Розы расцветают...», сначала в немецком альманахе В. Г. Беккера (1819), а затем в песенном сборнике Вейрауха (уже параллельно с переводом Жуковского) в 1820 г. (Eichstädt. S. 55; примеч. 67; S. 58—59).

Жуковский сохраняет размер и форму строфы оригинала, но сокращает текст ровно вдвое: у Ветцеля — 32 стиха, у Жуковского — 16. При этом первая строфа перевода достаточно близко передает содержание первой строфы оригинала; вторая — краткий, но близкий по мысли пересказ третьей строфы и двух заключительных стихов 4-й строфы.

Стихотворение Ветцеля — поэтическая, не лишенная мистического элемента фантазия о далекой и прекрасной любви к Ней, к чудесному «небесному» ее образу («die himmlische Gestalt»), обитающему «в святейшем месте» («ein heil'ger Raum»), причастном самому небу. Образная система стихотворения явно восходит к романтически воспринимаемому Средневековью с его культом Прекрасной Дамы, Мадонны, с попыткой соединить земную страсть с представлением о божественной сущности любви.

В переводе Жуковского связь с европейской средневековой традицией не просматривается. Стихотворение не случайно в переводе названо «Песня». Символический смысл «востока» как сакрального тоноса обретает у Жуковского более земной и конкретный смысл. Отсюда определенная русификация поэтических образов Ветцеля. У Жуковского «прекрасная» живет «за синими горами», «за синевой лесов». Она сама — «прекрасное преданье чудесной старины», но, подобно красавице из народной сказки, «явилась ⟨...⟩ в древни дни», герой же — «в разлуке с нею».

Н. Реморова

1821

Лалла Рук

(«Милый сон, души пленитель...»)

(С. 222)

Автографы:

1) ПД. № 27810, л. 107—107 об.— беловой, полный (9 строф); последняя строфа отчеркнута карандашом.

2) ПД. № 22728, л. 13 — беловой, в альбоме А. А. Воейковой, в составе 8 строф (7-я пропущена, но 9-я записана).

3) ПД. № 22729, л. 27 — беловой, неполный (начиная со ст. 41; ст. 45—52 пропущены). За текстом стихотворения следует посвятительная надпись: «*Кто вас знает, тому знаком и Гений чистой красоты! С кем вы были, для того зажглась навсегда прекрасная утешительная звезда, и эта звезда никогда не утратит своего милого света. 1825. Декабря 29*».

Впервые: МТ. 1827. Ч. 14. № 5. С. 3—5 — полный текст из 9-ти строф, без подписи, с датой: «1821».

В прижизненных изданиях: С 5 — без заключительной 9-й строфы, в подборке стихотворений 1821 г.

Датируется: 1(13) февраля 1821 г.

В комментарии к стихотворению «Лалла Рук» Ц. С. Вольпе указал на существование еще двух автографов: в альбоме княгини Е. Н. Мещерской (урожд. Карамзиной) в том же текстовом варианте, что и автограф № 2, а также в альбоме ее сестры С. Н. Карамзиной (в том же текстовом варианте, что автограф № 3). Опубликованы в РБ (1916. № 7. С. 77, 69); местонахождение рукописей неизвестно. Подробнее см.: Стихотворения. Т. 1. С. 383.

Время создания стихотворения «Лалла Рук» до сих пор определялось комментаторами весьма приблизительно, без учета разницы европейского и русского календарных стилей. Ц. С. Вольпе датировал стихотворение «между 27 и 31 января 1821 г.» (Стихотворения. Т. 1. С. 383; числа приведены по старому стилю). В. П. Петушков — «между 15 января — 7 февраля 1821 г.» (СС 1. Т. 1. С. 460; числа приведены по новому стилю). И. М. Семенко и М. П. Алексеев — между 15 (27) и 7(19) февраля 1821 г. (СС 2. Т. 1. С. 385; Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи: XVIII век — первая половина XIX века (ЛН. Т. 91). М., 1982. С. 664).

Временны́ми ориентирами для всех комментаторов послужили крайние даты хронологического диапазона, в котором стихотворение могло быть написано. 15(27) января в Берлине состоялся послуживший поводом к его созданию придворный праздник с живыми картинами на сюжет «восточной повести» — поэмы английского поэта-романтика Томаса Мура (Moore, 1779—1852) «Лалла Рук» (вышла в свет в 1817 г.), данный прусским королевским семейством в честь русской великокняжеской четы. 19 февраля (по ст. стилю) Жуковский отослал текст стихо-

творения «Лалла Рук» А. И. Тургеневу, сопроводив его письмом, опубликованным впервые М. Л. Гофманом (Гофман. С. 153—156). 21 февраля (по ст. стилю) поэт сообщил Тургеневу о том, что накануне (т. е. 20 февраля ст. стиля) отдал стихотворение великой княгине Александре Федоровне (Гофман. С. 156—157).

Между тем представляется, что исходя из наличествующих дат в дневниковых записях и письмах Жуковского, которые касаются событий, предшествующих созданию стихотворения, время его создания может быть определено совершенно точно. В 1926 г. М. Л. Гофман, публикуя письма Жуковского к А. И. Тургеневу от 19 и 21 февраля (ст. стиля), не учел того обстоятельства, что хронологический разрыв между старым и новым стилями составлял в XIX в. не 13 дней (как в XX), а 12, и в связи с этим неправильно проставил соответствующие числа нового стиля: 6(19) и 8(21) февраля (Гофман. С. 153, 156), тогда как датированные старым стилем письма Жуковского были написаны 7(19) и 9(21) февраля 1821 г.

В письме от 7(19) февраля Жуковский отправил Тургеневу текст стихотворения «Лалла Рук», заметив при этом, что «... написал свои стихи гораздо после ⟨...⟩» праздника, состоявшегося 15 (27) января. А через два дня, в письме от 9 (21) февраля он сообщил тому же адресату: «Вчера был день для меня незабвенный ⟨...⟩. Я был у В.⟨еликой⟩ К.⟨нягини⟩. Уже более недели ходил к ней, имея в кармане свои стихи, и всё их не отдавал. ⟨...⟩ Я отдал стихи, но не читал их ей, и она не при мне их читала» (Гофман. С. 156—157). Далее Жуковский описывает свой продолжительный разговор с великой княгиней, заметив при этом: «... нет ничего святее и чище, как быть в присутствии прекрасного создания Божия» (Там же. С. 157). Таким образом, стихотворение «Лалла Рук» Александра Федоровна получила 8(20) февраля; под этим числом в дневнике поэта находится запись: «У в.⟨великой⟩ княг.⟨ини⟩. Минуты счастья и чистоты, высокого наслаждения» (Дневники. С. 102), эмоциональный пафос которой абсолютно согласуется с цитированным выше письмом к А. И. Тургеневу. Из него явствует и то, что Жуковский «более недели» носил свои стихи, не решаясь их отдать. Это обращает нас к дневниковой записи от 1 (13) февраля 1821 г., как раз и отстоящей от записи 8 (20) февраля на 8 дней («более недели»: «У в.⟨еликой⟩ к. ⟨нягини⟩. Она больна. Стихи m-lle Stegemann. Обедал дома. Написал стихи» (Дневники. С. 100). Под «стихами m-lle Stegemann» здесь подразумевается стихотворение Гедвиги фон Штегеманн «An die Grossfürsterin Alexandra als Lalla Rookh» («Великой княгине Александре Федоровне — Лалле Рук»), переведенное Жуковским под заглавием: «Явление поэзии в виде Лалла Рук» (см. примеч. к этому стихотворению). Слова же «написал стихи» явно имеют в виду создание оригинального, а не переводного текста; в противном случае Жуковский написал бы «перевел стихи», как он это неоднократно делал в своих дневниковых записях.

Все эти соображения позволяют считать, что запись от 1(13) февраля 1821 г., содержание и дата которой абсолютно хронологически согласуются с датами, упомянутыми в письмах к А. И. Тургеневу, заключает в себе информацию о написании стихотворения «Лалла Рук», которое, следовательно, можно датировать этим числом и месяцем.

Описание берлинского придворного праздника на сюжет поэмы Т. Мура «Лалла Рук», в котором принимали участие великая княгиня Александра Федоровна, исполнявшая роль индийской принцессы Лалла Рук, и великий князь Николай Павлович, позировавший в живых картинах в роли ее жениха принца Алириса, содержится в письме Жуковского к А. И. Тургеневу от 7 (19) февраля 1821 г.: «Здесь был несравненный праздник [ср. в дневниковой записи от 15 (27) января: „Несравненный праздник“ (Дневники. С. 100)], который оставил во мне глубокое впечатление. Ты знаешь Мурову поэму *Лалла Рук*. Дочь Аурензеба едет к своему жениху в Бухарию; он встречает ее в долине Кашемира. Дорогою молодой поэт, чтобы не скучно было Принцессе, поет ей исторические песни; поэт нравится Принцессе, и она приближается с чувством грусти к тому месту, т. е. к Кашемиру, где должна встретить своего жениха, но на поверку выходит, что жених и поэт одно лицо. Берлинский праздник был не иное что как праздник, который молодая Лалла Рук дала будто в Кашемирской долине своему супругу и своему отцу Аурензебу, и в воспоминание тех минут, которые она так приятно провела дорогою, слушая песни своего мужа, она велит представить в картинах то, что он описывал ей в своих песнях. Эти картины, которые были сочинены живописцем Ш.⟨инкелем⟩, были несравненны; во время их представления пели романсы, для которых музыка сочинена была Спонтини и прелестна. Но всему давала очарование великая княгиня; ее пронесли на паланкине — в процессии — она точно провеяла надо мною как Гений, как сон; этот костюм, эта корона, которые только прибавляли какой-то блеск, какое-то преображение к ежедневному, знакомому; эта толпа, которая глядела на *одну*; этот блеск и эта пышность для *одной*; торжественный и вместе меланхолический марш; потом пение голосов прекрасных и картины, которые появлялись и пропадали как привидения, живо трогали, еще живее в отношении к одному — главному, наконец, опять этот марш — с которым всё пошло назад, и то же милое прелестное лицо появилось на высоте и пропало в дали — всё это вместе имело что-то магическое! не чувство, не воображение, но душа наслаждалась, и я воротился к себе с каким-то унынием, которое имело свою сладость» (Гофман. С. 154—155). Подробное описание праздника см.: Grimm A. T. Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Rußland. Leipzig, 1866. Bd. 1. S. 143—146; см. также: ЛН. Т. 91. М., 1982. С. 659—662.

Сила впечатления Жуковского от «несравненного праздника», безусловно, была усугублена глубоко личной, биографической ассоциацией с собственными воспоминаниями 1814—1815 гг., периода надежд на возможное счастье с М. А. Протасовой. Образ «долины Кашемира» — тот скорее символический, нежели географический локус, к которому приурочено действие поэмы Т. Мура (изданной в 1817 г.), — является лейтмотивным в долбинско-дерптской переписке Жуковского с М. А. Протасовой. Источник его в 1814—1815 гг. не совсем ясен — поэма Мура появится через 3 года, а Жуковский познакомится с ней, по-видимому, не ранее, чем в 1821 г. (см.: Алексеев М. П. Указ. соч. С. 658), но ясно, что «долина Кашемира» представлялась и Жуковскому, и М. А. Протасовой своеобразным символом обетованного счастья. В сентябре 1814 г. М. А. Протасова пишет Жуковскому:

«...il faut monter la montagne pour voire le royaume de Cachemire» [Нужно подняться на гору, чтобы увидеть царство Кашемира.—*фр.*] (Памяти Жуковского. Вып. 1. С. 178). 15 сентября 1814 г. Жуковский откликается этим же образом-символом: «... il me semble déjà voir le royaume de Cachemire. ⟨...⟩ Oui! montons la montagne!» [Кажется, я уже вижу царство Кашемира. ⟨...⟩ Да! Поднимемся на гору!—*фр.*]; 12 апреля 1815 г. в дерптском дневнике поэта появляется запись: «Всякое исполнение должности отдельно есть дорога по утесам, но кончи ее—небо над головою, а Кашемир перед глазами» (Гофман. С. 116). Наконец, в письме А. А. Воейковой от 1821 г. в ответ на ее сообщение о глубоком взаимном чувстве, которое связало ее с А. И. Тургеневым, Жуковский вновь вспомнит этот образ: «Et vous aussi vous avez monte la montagne de Cachemire» [И вы тоже поднялись на гору Кашемира.—*фр.*].

Ц. С. Вольпе, цитирующий письмо к А. И. Тургеневу от 9 (21) февраля но рукописи, приводит из него следующую выписку, которая также является свидетельством того, что образ Лалла Рук был неразрывно сопряжен в сознании Жуковского с образами сестер Протасовых: «„Лалла Рук“—синоним Саши. В первый раз, когда я был у Гуфланда, был между нами разговор о религии. ⟨...⟩ Он мне сказал: „Всё, что религия представляет святого, *троицей* заключено для меня в одном немецком L: Leben, Liebe, Licht! [Жизнь, Любовь, Свет.—*нем.*]. ⟨...⟩ Эти три L нашлись сами собой и в имени Lalla Rookh“» (Стихотворения. Т. 1. С. 384; в публикации М. Л. Гофмана вместо первой фразы этой цитаты стоит отточие—Гофман. С. 158).

Эстетическое впечатление от праздника, соединившееся с биографическими ассоциациями, породило в дневниках и творчестве Жуковского устойчивый лейтмотив, реализовавшийся в равной мере в документальных свидетельствах долговременной памяти Жуковского об этом событии и в периодически возникающих творческих импульсах, порождающих вплоть до середины 1840-х гг. произведения, связанные с темой «Лалла Рук» и реминисцентные стихотворению «Лалла Рук» мотивы.

Дневниковые записи за 1821 г. буквально испещрены упоминаниями о поэме Мура, подготовке праздника, воспоминаниями о нем. 13 (25) января появляется первая запись на эту тему: «Репетиция Пери. Вечер дома; читал Lalla Rookh»; 14 (26) января: «Поутру репетиция. ⟨...⟩ Lalla Rookh»; под этой же датой записаны 32 стиха поэмы Т. Мура «Рай и Пери» (в переводе Жуковского—«Пери и Ангел»)—в английском подлиннике. 15(27) января состоялся «Несравненный праздник»; 30 (11) января-февраля—его повторение. 3 (15) февраля Жуковский разговаривал о Лалла Рук с великой княгиней (Дневники. С. 100). Под датой 4 (16) февраля записано стихотворение «Теснятся все к тебе во храм...» (см. примеч. к нему) и сопровождающее его рассуждение о прекрасном: «Руссо говорит...», включающее автоцитату ст. 61—64 из стихотворения «Лалла Рук» (Дневники. С. 101—102). Всё это рассуждение вошло в письмо к А. И. Тургеневу от 7 (19) февраля 1821 г., где Жуковский назвал его «*философией Лалла Рук*» (Гофман. С. 156. Курсив мой.—

О. Л.); в 1848 г. Жуковский включил его в статью «О поэте и современном его значении» (ПСС. Т. 10. С. 82).

Под датой 16 (28) февраля Жуковский записывает в дневник первые 50 стихов перевода поэмы Мура «Рай и Пери» (дневник прослоен рукописью перевода до 6 (18) марта 1821 г.; под этой датой стоит запись: «Кончил Пери.—Дневники. С. 103—107). 5 (17) марта поэт в «„покоях принцев" наблюдал „живые картины. ⟨...⟩ Лалла Рук"»; 7 (19) марта был «у великой княгини. Альбом и Лалла Рук»; 8 (20) марта: «Поутру у великой княгини. Чтение Пери» (Дневники. С. 107).

Весной 1821 г. Жуковский взялся за издание рукописного журнала под названием «Лалла Рук» (некая аналогия «синеньких тетрадочек»—дерптских писем-дневников 1815 г., и в то же время воспоминание о журнале FWДН): 6 (18) апреля он делает в дневнике следующую запись: «... я перечитал в моей *Лалла Рук* то, что написано великою княгинею и написал кое-что свое» (Дневники. С. 112). В архиве Жуковского сохранился один из выпусков этого журнала: беловая рукопись IV—V актов перевода трагедии Ф. Шиллера «Орлеанская дева» оформлена им в виде отдельной книжечки с надписью на титульном листе: «Лалла Рук. № 2» (РНБ, оп. 2, № 13). На существование других выпусков этого рукописного журнала указывает цитированная выше запись, а также фраза из письма Александре Федоровне от октября 1821 г.: «Предвижу, что будет еще несколько номеров *Лалла Рук* и *Для немногих*» (РС. 1902. № 5. С. 355).

Одна из последних дневниковых записей на тему «Лалла Рук» относится к 8 (20) сентября 1821 г.: после посещения «домика» швейцарского поэта Сигизмунда Людвига Лербера Жуковский замечает: «... где было счастье, там случайно путешественник. Лалла Рук» (Дневники. С. 143), после чего мотив Лалла Рук окончательно переходит на уровень поэтической ассоциации, трансформируясь в периодически возникающие в дневниках и письмах 1821 г. образы сна-мечтания и звезды-воспоминания, лейтмотивные в стихотворении «Лалла Рук». После 1821 г. воспоминания о празднике Лалла Рук надолго исчезают из дневников Жуковского, но, как об этом свидетельствует переписка поэта,—не из его памяти. 24 июня 1838 г. из заграничного путешествия с наследником Жуковский пишет великой княгине Марии Николаевне: «Но воспоминания о прошлом Берлине я не могу отделить от воспоминания о празднике Лалла Рук, ⟨...⟩ который был для меня каким-то очарованием и к которому принадлежали многие из тех, коих уж я не могу доискаться в нынешнем Берлине» (РА. 1885. № 3. С. 332), а 24 (6) апреля-мая 1840 г. в неопубликованном дневнике Жуковского появится запись, навеянная оперой Спонтини «Нурмагал», написанной на сюжет одной из вставных поэм «Лалла Рук»—«Свет гарема»: «В театре. Нурмагал. Марш Лалла Рук. Ария Нурмагал. Скольких я вспомнил: Фосс. Элиза. Семейство Радзивилл. Брюль, Гребен. Герман. Все отношения с семьею Клейст. Саша. Маша. Молодость» (РГАЛИ, оп. 1, № 37, л. 26). Все перечисленные в этой записи имена принадлежат друзьям Жуковского, с которыми он общался в период первого заграничного путешествия, в 1821 г. И весьма симптоматично, что в конце записи возникают имена сестер Протасовых, с которыми в сознании Жуковского связан образ «долины Ка-

шемира», первоначально возникший в долбинско-дерптских письмах-дневниках 1814—1815 г.

Что же касается поэтического наследия Жуковского, то стихотворение «Лалла Рук» является своеобразным эстетически-смысловым центром целого комплекса текстов, так или иначе с ним связанных. «Философия Лалла Рук» обрела свое поэтическое выражение, во-первых, в стихотворении «Явление поэзии в виде Лалла Рук» (подробнее см. примеч. к этому стихотворению), а также в переводе одной из вставных поэм — «восточной повести» Т. Мура «Рай и Пери» (написан 16 (28) февраля — 6 (18) марта 1821 г.). Во-вторых, это уже упоминавшееся рассуждение о прекрасном: «Руссо говорит ⟨...⟩», записанное в дневнике под датой 4 (16) февраля 1821 г. и кончающееся стихами из «Лалла Рук», которое в 1848 г. Жуковский вставил в свою статью «О поэте и современном его значении». В-третьих, это эссе «Рафаэлева Мадонна», выделившееся из письма Жуковского великой княгине Александре Федоровне от 29 июня 1821 г. и включающее автоцитату ст. 49—56, 61—64 из стихотворения «Лалла Рук». Эссе «Рафаэлева Мадонна», опубликованное в ПЗ на 1824 год, стало не только эстетическим манифестом романтического искусства Жуковского; это была еще и первая фрагментарная публикация стихотворения «Лалла Рук» до его первой полной публикации в МТ. В лирике Жуковского 1831 г. как память о 10-летии Берлинского праздника сюжет «Лалла Рук» воскресает в стихотворениях «Пери», «Песнь бедуинки», «Мечта», переведенных Жуковским из иллюстрированного альбома В. Гензеля «Die lebender Bilder und pantomimischen Darstellungen bei dem Festspiel: „Lalla Rookh“ ⟨...⟩. Berlin, 1823», включающего также и тексты романсов, положенных на музыку Спонтини и сопровождавших живые картины Берлинского праздника (см. примеч. к указ. стихотворениям).

Наконец, последнее «Явление поэзии в виде Лалла Рук» состоялось в 1843 г., в посвящении к поэме «Наль и Дамаянти» (написанном 16 февраля 1843 г.), где вновь возникают соотнесенные в поэтическом сознании Жуковского образ долины Кашемира (*«Я видел сон: казалось, будто я // Цветущею долиной Кашемира // Иду один; со всех сторон вздымались // Громады гор ⟨...⟩»*), воспоминание о Берлинском празднике 1821 г. (*«... и в паланкине // Увидел я царевну молодую, // Невесту Севера; и на меня // Она глаза склонила мимоходом»*) и память о сестрах Протасовых, с именами которых соединено воспоминание о *«... двух родных, земной судьбиной // Разрозненных могилах...»* (ПСС. Т. 5. С. 112—113).

Стихотворение «Лалла Рук» и комплекс связанных с ним прозаических и поэтических текстов стали известны друзьям Жуковского задолго до их публикации. Так, о статье «Рафаэлева Мадонна» (опубликована в ПЗ на 1824 год) Е. Е. Комаровский в письме И. И. Козлову от 25 декабря 1823 г. сообщал: «Я думаю, что ни одно письмо Дюпати не было лучше Рафаэлевой Мадонны. Мысль дать ей значение видения очень гениальна» (РА. 1866. Кн. 1. С. 315). Эту же мысль подчеркнул в своем отзыве П. А. Вяземский: «Это не живопись и не поэзия, а что-то выше самой поэзии. О нем [эссе Жуковского. — *О. Л.*] можно сказать то, что Жуковский сказал о самой Мадонне. Это не картина, а видение...» (Вяземский П. А. Поли. собр. соч. СПб., 1880. Т. 1. С. 269).

А. С. Пушкин, отрицательно оценивший сам факт обращения Жуковского к переводу поэмы Т. Мура: «Жуковский меня бесит — что ему понравилось в этом Муре? чопорном подражателе безобразному восточному воображению? Вся *Лалла Рук* не стоит десяти строчек Тристрама Шанди ⟨...⟩» (Письмо П. А. Вяземскому от 2 января 1822 г. // Пушкин. Т. 13. С. 34), был хорошо знаком с неопубликованным рассуждением Жуковского о прекрасном: «Руссо говорит...» В бумагах Пушкина сохранилась выполненная его рукою сокращенная запись этого рассуждения, включающая ст. 61—64 стихотворения «Лалла Рук» (Рукою Пушкина. М., 1935. С. 490—492) и по почерку относимая к началу 1820-х гг. (Там же. С. 491).

Что же касается возможного источника знакомства Пушкина с образом «Гения чистой красоты», реминисцированного в послании «К А. П. Керн» и восходящего к двум поэтическим текстам Жуковского — стихотворениям «Лалла Рук» и «Я Музу юную, бывало...» (конец 1823 г.; подробнее см. примеч.), то этим источником могла быть статья «Рафаэлева Мадонна», опубликованная в ПЗ на 1824 год и включающая в себя выделенный курсивом стих: «*Гений чистой красоты*», предшествующий автоцитате из стихотворения «Лалла Рук» (ст. 49—56, 61—64). Этот выпуск ПЗ Пушкин получил в самом начале 1824 г. (см. письма А. А. Бестужеву от 12 января и 8 февраля 1824 г. // Пушкин. Т. 13. С. 84, 87). И хотя в письмах нет ни одного упоминания о знакомстве со статьей «Рафаэлева Мадонна», есть косвенное свидетельство пушкинской осведомленности об этой публикации еще до того, как ПЗ на 1824 год попала к нему в руки: 1 декабря 1823 г. Пушкин пишет А. И. Тургеневу: «Жуковскому грех; чем я хуже принц⟨ессы⟩ Шарлотты [немецкое имя великой княгини Александры Федоровны.— *О. Л.*], что он мне ни строчки в 3 года не напишет» (Пушкин. Т. 13. С. 80), обнаруживая тем самым свою информированность о творческой истории двух статей Жуковского («Рафаэлева Мадонна» и «Путешествие по Саксонской Швейцарии»), опубликованных в ПЗ на 1824 год и выделившихся из писем Жуковского Александре Федоровне. Во всяком случае, со статьей «Рафаэлева Мадонна» Пушкин ознакомился раньше, чем стал обладателем третьего издания «Стихотворений Василия Жуковского» (С 3), о котором он, возможно, писал в известном письме Л. С. Пушкину от 13 июня 1824 г. (Пушкин. Т. 13. С. 98) и в котором впервые было напечатано стихотворение «Я Музу юную, бывало...» Подробнее о влиянии стихотворения «Лалла Рук» на творчество Пушкина см.: Черняев Н. И. Послание «К А. П. Керн» Пушкина и «Лалла Рук» Жуковского // Черняев Н. И. Критические статьи и заметки о Пушкине. Харьков, 1900. С. 33—64; Эйгес И. Пушкин и Жуковский // Пушкин — родоначальник новой русской литературы. М.; Л., 1941. С. 210—213; Белецкий А. И. Избранные статьи по теории литературы. М., 1964. С. 390—391.

Косвенным свидетельством того, что стихотворение «Лалла Рук» было достаточно широко известно в родственном и дружеском кругу Жуковского задолго до его полной публикации в МТ, является одна из черновых строф 8-й главы романа Пушкина «Евгений Онегин», не вошедшая в окончательный текст и вводящая в сцену петербургского бала великую княгиню Александру Федоровну под поэтиче-

ским прозвищем «Лалла Рук», закрепившимся за ней после стихотворения Жуковского:

И в зале яркой и богатой,
Когда в умолкший тесный круг,
Подобна лилии крылатой,
Колеблясь входит Лалла Рук
И над поникшею толпою
Сияет царственной главою...
(Пушкин. Т. 6. С. 637).

Время действия 8-й главы Ю. М. Лотман относит к осени 1824 — весне 1825 гг.; петербургский бал, на котором танцует великая княгиня — к поздней осени 1824 г. (см.: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1983. С. 24, 83—84). Сохранились и более поздние свидетельства ассоциативной связи образа Лалла Рук с личностью Александры Федоровны. Так, А. А. Воейкова в письме Жуковскому от 1 января 1826 г. дважды упоминает это поэтическое прозвище: «Я у нее [фрейлины Вильдермет.— *О. Л.*] довольно часто, и не случалось ни разу, чтобы Lalla Rhouk не пришла — последний раз посидела с нами почти час. ⟨...⟩ Ежели еще удастся встретиться с Лалла Рук, то попрошу ее, чтобы она не отпустила [Вильдермет] до твоего приезда» (Соловьев. Т. 2. С. 18). Сохранились также лаконичные воспоминания уже упоминавшейся выше немецкой поэтессы Гедвиги фон Штегеманн (подробнее о ней см. примеч. к стихотворению «Явление поэзии в виде Лалла Рук»), в которых Александра Федоровна также названа поэтическим прозвищем Лалла Рук. В 1830 г. Гедвига фон Штегеманн писала своей приятельнице г-же Клейст о знакомстве с А. И. Тургеневым, лучшим другом Жуковского: «Сделанная им характеристика Жуковского, его бескорыстия, чистота его души, сохраненной в плохом окружении, была поистине трогательной и вместе с тем юмористической. ⟨...⟩ Трудно, однако, поверить, что двор Лаллы Рук является обычным двором, и не так-то легко, находясь при нем, оставаться верным самому себе» (цит. по: Алексеев М. П. Указ. соч. С. 794; примеч. 46. Подлинник опубликован: Dietrich Gerhardt. Aus deutschen Erinnerungen an Žukovskij // Orbis scriptus / Festschrift für D. Tschižewskij. München, 1966. S. 257).

Таким образом лирическая «философия Лалла Рук» определила довольно протяженный этап творческого развития Жуковского: от 1821 г. к 1848 г.

Ст. 5—6. *Я тобою насладился // На минуту, но вполне...* — Ср. реминисценцию этих стихов в XLV строфе 6-й главы романа «Евгений Онегин» Пушкина (под черновиком строфы помета: «10 августа» ⟨1826⟩ г.):

Но так и быть: простимся дружно,
О юность легкая моя! ⟨...⟩
Благодарю тебя, тобою,
Среди тревог и в тишине
Я насладился... и вполне...
(Пушкин. Т. 6. С. 136)

Ст. 55—56. *Нам туда сквозь покрывало // Он дает взглянуть порой...* В МТ — с разночтением: *«Лучшей жизни покрывало // Приподъемлет он порой...»*; так же в публикации статьи «Рафаэлева Мадонна» в ПЗ на 1824 год. Источником этого разночтения является автограф № 3 (см. его описание в текстологической справке).

Ст. 64. *Он прощальную звезду...* — В тексте первой публикации за этим стихом следовала еще одна строфа, исключенная Жуковским при перепечатке стихотворения в С 5:

Кто же ты, очарователь
Бед и радостей земных?..
О небесный жизнедатель!
Мне знаком ты; для других
Нет тебе именованья:
Ты без имени им друг!
Для меня ж тебе названье
Сердце дало: Лалла Рук.

(Ср. автограф № 1)

О. Лебедева

«Теснятся все к тебе во храм...»

(С. 224)

Автограф (РНБ, он. 1, № 4в, л. 15) — беловой, в составе дневниковой записи от 4 (16) февраля 1821 г.(ср.: Дневники. С. 101).

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 10.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 4 (16) февраля 1821 г.

Стихотворение было написано в Берлине, во время первого заграничного путешествия Жуковского. В составе свиты великой княгини Александры Федоровны (урожд. принцессы прусской Шарлотты) Жуковский приобщался к миру европейской культуры и немецкого романтизма. Особое впечатление на него произвел придворный праздник на сюжет поэмы Т. Мура «Лалла Рук» (подробнее см. примеч. к стихотворению «Лалла Рук»).

Образ прекрасной Лалла Рук, связанный в сознании Жуковского с исполнительницей этой роли — великой княгиней Александрой Федоровной, рождает своеобразный культ поклонения красоте и способность поэта «самоотверженно склоняться к платоническому участию в чужом счастье» (Веселовский. С. 277).

Вероятно, на сам стиль стихотворения, пронизанного атмосферой культового поклонения и почитания, оказала влияние опера К. В. Глюка «Ифигения в Тавриде», запись о слушании которой предшествует написанию стихотворения (Дневники. С. 101).

А. Янушкевич

Явление поэзии в виде Лалла Рук
(«К востоку я стремлюсь душою!..»)
(С. 224)

Автограф (ПД. № 27810, л. 108 об.)—беловой, с заглавием: «Поэзия в виде Лалла Рук».

Впервые: Памятник Отечественных муз на 1827 год. СПб., 1827. С. 4—5.—с заглавием: «Явление поэзии в виде Лалла Рук» и подписью: «Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 5 (Т. 3. С. 294—296)—с тем же заглавием, в подборке стихотворений 1821 г.

Датируется: между 1 (13) и 7 (19) февраля 1821 г.

Основанием датировки служат крайние даты временно́го диапазона, в котором стихотворение Жуковского могло быть написано. В дневниковой записи от 1 (13) февраля зафиксировано знакомство Жуковского с подлинником стихотворения: «У в.⟨еликой⟩ к. ⟨нягини⟩. ⟨...⟩ Стихи m-lle Stegemann» (Дневники. С. 100); 7 (19) февраля Жуковский отослал текст стихотворения «Явление поэзии в виде Лалла Рук» А. И. Тургеневу в том же самом письме, в котором было отослано стихотворение «Лалла Рук» (Гофман. С. 153).

Наиболее вероятной датой создания стихотворения «Явление поэзии в виде Лалла Рук» в указанны́х временных рамках является 3 (15) февраля: под этой датой в дневнике Жуковского находится следующая запись: «У в.⟨еликой⟩ княгини. Урок. Разг.⟨овор⟩ о Лалла Рук. ⟨...⟩ Домой. Перевод стихов Chênedollé» (дневник. С. 100—101). К фамилии автора переведенных стихов И. А. Бычков сделал следующее примечание: «Французский поэт Charles Chênedollé (1769—1833)». Между известными в печати стихотворениями Жуковского за 1821 г. нет переведенных из Chênedollé; не сохранилось перевода Жуковского из этого поэта и в бумагах, пожертвованных Императорской публичной библиотекой Павлом Васильевичем Жуковским» (Дневники. С. 101). Возможно предположить, что фамилия автора стихов прочитана неверно — не Chênedollé, а Stegemann. Тем более, что переводу стихотворения предшествует дневниковая запись о разговоре на тему Лалла Рук с великой княгиней.

В автографе стихотворения «Явление поэзии в виде Лалла Рук» сохранилось примечание Жуковского в скобках: «Эти стихи сочинены здесь одною молодою девушкою; я их перевел». Как установлено немецким славистом Дитрихом Герхардтом, стихотворение Жуковского «Явление поэзии в виде Лалла Рук»—перевод стихотворения Гедвиги фон Штегеманн (в замуж. фон Ольферс; 1799—1891) «An die Grossfürstin Alexandra als Lalla Rookh» («Великой княгине Александре—Лалле Рук». Подробнее см.: Dietrich Gerhardt. Vergangene Gegenwärtigkeiten. Göttingen, 1966. S. 34, 50).

Гедвига фон Штегеманн принимала участие в Берлинском празднике (подробнее см. примеч. к стихотворению «Лалла Рук»): она позировала в живых картинах в костюме индийской девушки, и ее стихотворение написано от лица участницы праздничного шествия. Немецкий текст стихотворения напечатан в кн.: Gedichte von Hedwig von Olfers, geb. Stegemann. Berlin, 1892. S. 44; его приводит также и

Д. Герхардт в своем исследовании (Dietrich Gerhardt. Op. cit. S. 84). Биографические сведения о Гедвиге Штегеманн-Ольферс см.: Allgemeine deutsche Biographie. Bd. 35. S. 257.

В мае и ноябре 1821 г. Жуковский почти ежедневно встречался с Гедвигой фон Штегеманн в салонах принцессы Элизы Радзивилл и Марии фон Клейст, кузины известного немецкого писателя Генриха фон Клейста (Дневники. С. 118—119, 169—170, 172—175; см. также комментарий к стихотворению «Узрев черты сии пленительно-живые...»).

За исключением перемены заглавия перевод Жуковского в метрическом (4-стопный ямб), строфическом (8 катренов) и смысловом отношении достаточно близок к тексту подлинника. Единственное существенное изменение — это отсутствие личного местоимения «я», которое в подлиннике встречается неоднократно. Подробнее о соотношении стихотворения «Явление поэзии в виде Лалла Рук» с немецким подлинником см.: Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи. XVIII век — первая половина XIX века. М., 1982 (ЛН. Т. 91). С. 667—669. Исследователь оказался не прав только в одном: безусловно оригинальное стихотворение «Лалла Рук» было написано Жуковским до перевода стихотворения Г. фон Штегеманн, а не параллельно переводу, и тем более не после того, как перевод был выполнен (Там же. С. 669).

Ст. 31. *Улыбка уст, лица движенье...* — Ср. отмеченную И. М. Семенко реминисцентность пушкинского стиха: «Улыбку уст, движенье глаз // Ловить влюбленными глазами» из «Письма Онегина к Татьяне» (Семенко. С. 40).

О. Лебедева

Воспоминание

(«О милых спутниках, которые наш свет...»)

(С. 225)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 4, л. 15 об. — беловой, в составе дневниковой записи от 16 (28) февраля 1821 г. (ср.: Дневники. С. 103).

2) РНБ, оп. 1, № 70, л. 149 — беловой, в составе статьи «Воспоминание».

3) ПД. № 10102, титульный л. — беловой, в альбоме П. И. Кеппена, с подписью: «В. Жуковский».

4) ПД. № 22728, л. 2 — беловой, в альбоме А. А. Воейковой; далее следует написанное рукою Жуковского рассуждение: «Нет и были: какая разница!» и т. д., с датой: «13 июня 1822 г.»

Впервые: МТ. 1827. Ч. 15. № 9. Отд. 2. С. 3 — с заглавием: «К NN» и подписью: «В. Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 4—5 (С 4 — Т. 6. С. 42, отдел: «Смесь»; С 5 — в подборке стихотворений 1822 г.).

Датируется: 16 (28) февраля 1821 г.

В дневниковой записи под датой 16(28) февраля 1821 г. находится ранняя редакция стихотворения:

О прежних спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: *их нет*,
Скажи с любовью: *были*.

К этой дневниковой редакции стихотворения Жуковский прибавляет следующую запись, которая является автокомментарием к тексту «Воспоминания»: «*Нет* и *были*: какая разница! В нервом — потеря, в последнем — воспоминание. *Нет* значит *исчезли*, *были* значит оставили *след* свой. Прекрасная жизнь тех, которых мы лишились, освещает для нас и землю, и жизнь нашу! Решительная минута разлуки миновалась: они навеки преданы воспоминанию, за них уже не страшишься, недоумения кончились, их будущее не приводит в трепет; печаль об них из страдания обратилась в благодетельную для сердца любовь; можешь всем делиться с ними свободно: их образ равно светел для нас и при нашем счастии, и при нашем несчастии; ни то, ни другое уже не изменит их жребия; но и в том, и в другом они с нами, воспоминанием, ободряющим ее в несчастии — такое воспоминание есть для нас совесть» (Дневники. С. 104).

Эта запись, возникшая в связи с памятью о матери великой княгини Александры Федоровны — прусской королеве Луизе (см. примеч. к стихотворению «В ту минуту, когда ты в белой брачной одежде...»), о чем говорится далее в дневнике, стала основой для развития романтической философии воспоминания в творчестве Жуковского. Еще в дерптских письмах-дневниках 1814—1815 гг., адресованных Маше Протасовой, а затем в альбоме графини С. А. Самойловой (1819—1820 гг.) Жуковский создает оригинальный образ воспоминания: «Я когда-то сказал: счастие жизни состоит не из отдельных наслаждений, но из наслаждений с *воспоминанием*, и эти наслаждения сравнил я с фонарями, зажженными ночью на улице: они разделены промежутками, но эти промежутки *освещены* и вся улица светла, хотя *не вся* составлена из света. Так и *счастие жизни!* Наслаждение — фонарь, зажженный на дороге жизни; воспоминание — свет, а счастие — ряд этих фонарей, этих прекрасных, светлых воспоминаний, которые всю жизнь озаряют...» (Кульман. С. 1081. Ср.: РС. 1902. Т. 110. С. 191).

К формуле «не говори ⟨...⟩ *нет*, но ⟨...⟩ *были*» Жуковский неоднократно возвращается в своих стихах («К своему портрету»), письмах (см., например, письмо А. П. Елагиной от 12 ноября 1823 г.: «Маша для нас существует. Прошедшее не умирает. Не говорите: ее нет!.. Говорите: она была» — УС. С. 39—40).

Показательно, что в 1838 г. Жуковский, посетив Веймар, вписал в альбом канцлера Фридриха фон Мюллера, собеседника и друга Гёте, автоперевод этого четверостишия на немецкий язык. Вот его текст:

Von den Geliebten, die für uns die Welt
Durch ihr Mitleben einst verschönert haben,
Sprich nicht mit Schmerz: *sie sind nicht mehr*;
Sprich dankerfüllt: *sie waren*.

Joukowsky
3/15 September 1838.

(Gerhardt Dietrich. Eigene und übersetzte deutsche Gedichte Žukovskijs // Горски вијенац a Garland of Essay offered to Prof. Elizabeth Mary Hill. Cambridge, 1970. P. 137). «Воспоминание» в немецком варианте стало своеобразным цветком на могилу Гёте.

Наконец, в статье «Воспоминание» (автограф № 2), относящейся уже к первой половине 1840-х гг., Жуковский вновь цитирует дневниковую запись 1821 г., предпослав ей в качестве своеобразного эпиграфа свое любимое четверостишие (ПСС. Т. 11. С. 23).

Таким образом, стихотворение «Воспоминание» — это своего рода жизненная программа Жуковского, основанная на его оригинальной философии и психологии воспоминания, которая может быть серьезной опорой для душевной гармонии (об этом подробнее см.: Веселовский. С. 250—253).

Ю. Шамурин в статье «Московские кладбища» отмечал: «... постоянно повторяется на могилах начала XIX века красивое четверостишие Жуковского...» (Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. 8. М., 1911. С. 114).

Ф. Канунова

В альбом Е. А. Алябьевой, рожденной Римской-Корсаковой
(«Кто вас случайно в жизни встретит...»)
(С. 225)

Автограф неизвестен.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Москвитянин. 1852. Кн. 1. № 18. Сентябрь. С. 126 — с заглавием: «В альбом Е. А. Алябьевой. Стихотворение Жуковского» и датой: «16 (28) июня 1821. Карлсбад».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 16 (28) июня 1821 г.

В примечании к первой публикации в «Москвитянине» говорится: «Мы обязаны С. П. Стромилову за сообщение следующего стихотворения Жуковского, которого всякая строка для нас любопытна».

Адресат альбомного экспромта Жуковского — княжна Екатерина Александровна Римская-Корсакова (1803—1854), в первом браке Офросимова; с 1840 г. жена композитора А. А. Алябьева (см.: Тимофеев Г. Н. А. А. Алябьев: Очерк жизни и творчества. М., 1912). К сожалению, дневниковые записи Жуковского за июнь 1821 г. отсутствуют. Никаких других свидетельств о встречах Жуковского с Е. А. Римской-Корсаковой не обнаружено.

Н. Вётшева

Море
Элегия

(«Безмолвное море, лазурное море...»)
(С. 226)

Автографы:

1) ПД, ф. 274, оп. 1, № 402, л. 25 — черновой, без заглавия.

2) ПД, ф. 274, оп. 1, № 402, л. 24—24 об. — беловой, с подписью: «Жуковский».

Копия (ПД, ф. 234 (Плетнев), оп. 1, № 12, л. 3 об.—4) — рукою П. А. Плетнева, с датой: «15 июня 1847. Спасская Мыза близ Петербурга».

Впервые: СЦ на 1829 год. СПб., 1828. С. 152—153 — с подписью: В. Жуковский.

В прижизненных изданиях: С 4, 5 — с подзаголовком: «Элегия», в С 5 — в подборке произведений 1822 г.

Датируется: предположительно август-сентябрь 1821 г.

К жанровому определению «Моря» Жуковский пришел не сразу. В «Общем оглавлении» поэт поместил стихотворение в раздел «Смесь» (Матяш. С. 153). Однако в С 5 Жуковский назвал «Море» элегией, вынеся это определение в заглавие. В стихотворении отражается эволюция элегического жанра Жуковского. Здесь наличествует то, что характерно для зрелой поры этого жанра: переход из области отвлеченных общечеловеческих законов бытия к личностному, лирическому их выражению и одновременно к поиску символического языка.

Это просматривается в самом процессе работы над текстом, где все более четко проявляется личностный план стихотворения — восприятие моря очарованным и встревоженным лирическим «я». Такие стихи, как «Стою очарован над бездной твоей...» или «Открой мне глубокую тайну твою...», появились не сразу, а в процессе творческих поисков. Вместе с этим усиливается мотив смятения, тревоги, утраченной тишины. В нарастающей поэтической оппозиции «море — небо» передана сложность человеческой жизни, исполненной тайн, тревоги и смятения, которые приходят на смену радости и тишины. Вопросительная интонация подчеркивает напряженность поисков поэта и углубляет мотив таинственности происходящего.

А. С. Пушкин высоко оценил «Море». Он писал П. А. Вяземскому от 25 января 1829 г.: «Читал „Цветы“? Каково „Море“ Жуковского — и каков его Гомер» (Пушкин. Т. 14. С. 400). Юный Лермонтов на пансионском акте 1829 г. «прекрасно произнес стихи Жуковского к *Морю* и заслужил громкие рукоплескания» (М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 77).

Никаких прямых свидетельств о времени работы Жуковского над стихотворением не обнаружено. Традиционно все комментаторы и исследователи творчества Жуковского опираются на указание поэта в последнем прижизненном собрании сочинений (С 5. Т. 4. С. 132) — 1822 г. Но можно высказать предположение, учитывая приблизительность датировок в этом издании (как правило, они относятся к подборке стихотворений), что «Море» было написано во время заграничного путешествия 1821 г., скорее всего в августе-сентябре, когда Жуковский буквально

«идет» по следам Байрона, читая его произведения, слушая воспоминания о нем (Дневники. С. 137, 139), наконец, приступив 5 сентября к переводу «Шильонского узника» (Дневники. С. 140). Путешествие по Италии не могло не вызвать в памяти поэта морские пейзажи Байрона из заключительной четвертой (итальянской) песни «Чайльд Гарольда», в частности 178—184 строфы. Ср.:

Без меры, без начала, без конца,
Великолепно в гневе и в покое.
Ты в урагане — зеркало Творца,
В полярных льдах и в синем южном зное
Всегда неповторимое, живое...
(Перевод В. Левика)

Это тем более кажется правдоподобным, если учесть, что летом 1819 г. Батюшков перевел 178-ю строфу четвертой песни «Странствований Чайльд Гарольда» («Есть наслаждение и в дикости лесов...», своеобразный пролог к «морским» строфам Байрона. Перевод этих же строф был сделан и И. И. Козловым. Как известно, элегия А. С. Пушкина «Погасло дневное светило...» (1820) была напечатана первоначально с пометой: «Черное море. 1820. Сентябрь», а в сборнике 1826 г. имела помету в оглавлении: «Подражание Байрону». Элегией «Море» Жуковский дополнил традицию русской романтической маринистики, создав одновременно свой эстетический манифест. Подробнее об этом см.: Жилякова Э. М. О философской природе лирики В. А. Жуковского // Художественное творчество и литературный процесс. Томск, 1982. Вып. 4. С. 112—128.

Ф. Канунова

«Узрев черты сии пленительно-живые...»

(С. 227)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 4д, л. 27) — беловой, в составе дневниковой записи от 1 декабря 1821 г.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 11.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 1 декабря 1821 г.

Публикуя это четверостишие, И. А. Бычков высказал предположение о том, что оно посвящено великой княгине Александре Федоровне и ее матери — прусской королеве Луизе (Бумаги Жуковского. С. 11). П. А. Ефремов, отнеся четверостишие к 1 декабря 1823 г. (?), присоединился к этому предположению (С 9. Т. 2. С. 560). Однако оснований для такой атрибуции адресатов этой записи нет никаких: к этому времени великая княгиня уже уехала в Россию, вряд ли можно было говорить о «пленительно-живых» чертах умершей 11 лет тому назад королевы Луизы.

Сам контекст дневниковой записи и некоторые обстоятельства жизни Жуковского этого времени позволяют говорить, что четверостишие, находящиеся в берлинском дневнике конца 1821 г., относится к Марии Клейст и ее дочери Луизе (Лулу), салон которых Жуковский постоянно посещает в это время, а в дневнике неоднократно упоминает о его хозяйке и ее дочери (см.: Дневники. С. 171—173). В письме к прусскому кронпринцу, будущему королю Фридриху-Вильгельму IV, от 4 (10) июля 1822 г. он, в частности, сообщал: «Я вспоминаю Берлин с признательностью и даже как бы с тоской по родине. Там оставил я друзей, которых буду нежно любить всю жизнь, особенно семейство Клейст. Можно ли чувствовать себя более „дома“, чем я себя чувствовал у них?» (РБ. 1912. Ноябрь-декабрь. С. 144. Подлинник по-французски). Позднее он вспоминал: «Мы породнились душою в то время, когда я жил в Берлине (1821 г.). Там я познакомился с ее матерью и с нею. Мать ее была несравненная женщина; я любил ее детски, она любила меня матерински...» (УС. С. 60).

Кузина известного немецкого писателя Генриха Клейста, Мария фон Клейст (урожд. Гвалтиери; 1761—1831), была образованнейшей женщиной своего времени. В ее салоне собирались представители берлинской интеллигенции и прусского королевского двора. Она благословила Жуковского на перевод индийского сказания «Наль и Дамаянти» в переложении немецкого поэта Фридриха Рюккерта (см.: Описание. № 1986).

Ее дочь Луиза, которую Жуковский в дневниках называл Лулу (в замуж. гр. Стош; 1800—1855), также не была чужда эстетических увлечений. В немецкой мемуарной литературе существовала версия об увлечении ею Жуковского и даже указывалось, что он просил ее руки (см.: Elisa Radziwill. Ein Leben in Liebe und Leid. Unveröffentlichte Briefe der Jahre 1820—1834 herausgegeben von Dr. Bruno Hennig. Berlin, 1922. S. 85. За эти сведения выражаю искреннюю признательность г-ну Клеменсу Хейфусу, библиографу Гамбургской университетской библиотеки). Позднее, в 1835 г. Жуковский писал о ней: «Дочь, создание несравненное; она теперь замужем, мать семейства; пишет ко мне письма несравненные» (УС. С. 61).

А. Янушкевич

В альбом А. А. В.⟨оейковой⟩

(«Ты свет увидела во дни моей весны...»)

(С. 227)

Автографы:

1) ПД. № 27787, л. 1 — беловой, с карандашной пометой рукою Жуковского: «В альбом А. А. В.⟨оейковой⟩».

2) ПД. № 27787, л. 2 — черновой, с разночтениями в ст. 1 «Пришла на землю ты во дни моей весны...») и ст. 6 («Святые радости друзьями подлетели...»).

Копия (ПД. № 27787, л. 3) — рукою неустановленного лица, неполная (фрагменты последних четырех стихов).

Впервые: С 5. Т. 2. С. 150—с заглавием: «В альбом А. А. П.»; отнесено к 1814 г. В «Общем оглавлении» к С 5 помещено в отдел «Смесь» с той же датой (Матяш. С. 154).

Датируется: 1821 г.

П. А. Ефремов (С 7—9) и вслед за ним И. М. Семенко (СС 2. Т. 1. С. 408) приводят неверные сведения о времени первой публикации стихотворения «В альбом А. А. П.», указывая ее источник как ВЕ. 1814. № 5. Март. В этом номере ВЕ опубликовано стихотворение А. Ф. Воейкова «К Ек.⟨атерине⟩ Аф.⟨анасьевне⟩ П.⟨ротасовой⟩» (ВЕ. 1814. № 5. Март. С. 33). В связи с этим датировка стихотворения «В альбом А. А. П.⟨ротасовой⟩» 1814-м г. представляется спорной, поскольку черновой автограф записан на бумаге с водяным знаком: «J. Whatman. 1821»; карандашная помета: «В альбом А. А. В.⟨оейковой⟩» в беловом автографе указывает на время после замужества и перемены фамилии адресата, а хронологический период создания (1814 г.) не подтвержден фактом ранней публикации. Датировка С 5 также не может быть решающим аргументом: известно, что в ряде случаев датировки в этом издании противоречат объективным данным автографов и первых прижизненных публикаций. Напротив, отнесение стихотворения «В альбом А. А. П.» к 1821 г. вполне согласуется с известными фактами биографии А. А. Воейковой и В. А. Жуковского. Опубликованные М. Л. Гофманом письма Жуковского к А. И. Тургеневу и А. А. Воейковой от февраля 1821 г. и без точной даты (отнесенные Гофманом к 1821 г. в целом) свидетельствуют о том, что стихотворение Жуковского могло быть навеяно сообщением о взаимной любви А. И. Тургенева и А. А. Воейковой, которое Жуковский получил от них в начале 1821 г. Ср.: «Я получил твое письмо и в нем Сашино из Дерпта. ⟨...⟩ помни, что между нами теперь Саша. Описывая себя, ты совершенно описал меня, и кажется, мы можем быть взаимным лекарством» (Гофман. С. 159—160). Ср. также в другом письме: «Моя Сашка есть точно Ангел, прилетевший на нашу с тобою землю из рая ⟨...⟩ я обрадовался твоей любви к ней как будто бы своей; я увидел в этой любви *одно* наше, общее благо, увидел в нем нашу прежнюю дружбу; я ни минуты не подумал о счастии, ибо не счастие для тебя главное ⟨...⟩. Будем же радоваться ангелу и беречь его на земле от земного...» (Гофман. С. 161—162). О том, что Жуковский ошибся в истолковании чувства А. А. Воейковой и А. И. Тургенева свидетельствует собственноручная приписка первой в письме к ней Жуковского, копию которого она послала А. И. Тургеневу: «Многое может ли в свете горе сравниться с тем, что Жуковский ошибся в этом случае. Благодетельное влияние!» (Там же. С. 164).

Почти одновременно с упомянутыми письмами А. И. Тургенева Жуковский получил совместное письмо от М. А. Мойер и А. А. Воейковой, на которое ответил вышеупомянутым письмом к последней—и, вероятно, стихотворением «В альбом к А. А. П.», где очевидны реминисценции из стихотворения «Стихи, присланные с комедиями, которые К*** хотели играть» (1811), посвященного обеим сестрам Протасовым, где они фигурируют под именами «Аллегро» (А. А. Протасова) и «Пенсероза» (М. А. Протасова). См. комментарий в т. 1 наст. изд. В письме А. А. Воейковой, опубликованном М. Л. Гофманом, образы сестер Протасовых

также сливаются в сознании Жуковского воедино. Ср.: «... какая разница в вашей судьбе и, несмотря на то, какое сходство в действии» (Гофман. С. 163—164). Об этом же свидетельствует и то, что Жуковский характеризовал чувство А. А. Воейковой к А. И. Тургеневу одним из излюбленных образов, определяющих его собственное чувство к Маше: «Et vous aussi vous avez monte la montagne de Cachemire» [И вы тоже поднялись на гору Кашемира.—*фр.*] (Гофман. С. 164; об истории этого образа см. примеч. к стихотворению «Лалла Рук»). Таким образом, стихотворение «В альбом А. А. П.» может быть интерпретировано как своеобразное предостережение Жуковского, высказанное в ответ на доверенность его любимой племянницы и лучшего друга.

Жуковский впервые опубликовал стихотворение лишь в 1849 г., уже после смерти А. А. Воейковой и А. И. Тургенева, участников драматической истории 1821 г., но и датировка 1814-м г. и заглавие: «В альбом А. А. П.» свидетельствовали о том, что он не хотел тревожить память своих самых близких друзей и давать материал для пересудов.

Ст. 8. ***И Ангел прелести****, твоя родня, с любовью...*—Ср. в «Стихах, присланных с комедиями, которые К*** хотели играть» (1811): «Твой Ангел прелести—с тобою». «Ангел прелести»—устойчивый поэтизм лирики Жуковского 1813—1814 гг., обозначающий М. А. Протасову (см. примеч. к стихотворению «К Воейкову» в т. 1 наст. изд.).

Ст. 12—13. *У входа в свет с живой и ждущею душою // Ты в их кругу стоишь, прелестна, как они...*—Ср. в «Стихах, присланных с комедиями, которые К*** хотели играть» строки, обращенные к М. А. Протасовой: «О, *Пенсероза!* Ты у входа в свет, как гений, // Стоишь, пленительна!..»

О. Лебедева

1822

⟨ШУТОЧНЫЕ ЗАПИСКИ К Н. И. ГНЕДИЧУ⟩

Три стихотворные записки Жуковского, обращенные к известному поэту Николаю Ивановичу Гнедичу (1784—1833)—естественное звено их многолетних личных и творческих отношений.

Впервые Гнедича с Жуковским заочно знакомит К. Н. Батюшков. С начала 1810 г. в переписке с Гнедичем он настойчиво говорит об интересе Жуковского к Гнедичу и его произведениям. 6 мая 1811 г. в письме Батюшкова к Гнедичу появляется приписка Жуковского с выражением сердечной симпатии и пожеланием «здоровья, удовольствий и более досуга, чтобы почаще быть наедине с Гомеровым гением» (Батюшков. Т. 2. С. 168). В конце 1814—начале 1815 г. поэты обмениваются письмами, где Жуковский вспоминает о мимолетной встрече с Гнедичем в

Москве и предлагает: «Давайте же руку, любезный родня по Парнасу» (СС 1. Т. 4. С. 561).

История личных и творческих отношений поэтов начинается в июне 1815 г., после переезда Жуковского в Петербург. Еще в начале июня Батюшков пишет Гнедичу: «Познакомься с ним потеснее: верь, что его ум и душа — сокровище в нашем веке» (Батюшков. Т. 2. С. 336), а уже 11 августа 1815 г. он просит Гнедича вместе с Жуковским перечитать и поправить свою сказку «Странствователь и домосед» (Там же. С. 345).

В дальнейшем (вплоть до смерти Гнедича, на которую Жуковский, находясь за границей, откликнулся записью в дневнике: «Известие о смерти Гнедича» — Дневники. С. 256) отношения Жуковского и Гнедича были приятельскими и творческими (см.: Семинарий. С. 121—122). Свидетельство тому — их многолетняя переписка и шуточные записки Жуковского. Залогом этой дружбы стал экземпляр книги «Илиада Гомерова, переведенная Н. Гнедичем» (Ч. 1—2. СПб., 1829) — с дарственной надписью на обложке 1-й части: «Почтенному другу Василию Андреевичу Жуковскому от Гнедича» и многочисленными пометами и записями Жуковского (Описание. № 2504).

Три шуточные записки Жуковского относятся к разному времени (1822, 1823, 1828) и с учетом хронологического принципа издания помещены в соответствующих годовых подборках, но с указанием их порядкового номера (I, II, III).

I

(«Сладостно было принять мне табак твой, о выспренний Гнедич!..»)

(С. 229)

Автограф (РНБ, оп. 2, № 95, л. 10) — беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1867. № 2. Стб. 311—312 — с заглавием: «Шуточная записка В. А. Жуковского Н. И. Гнедичу» и указанием: «С автографа».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: вторая половина 1822 г.

По всей вероятности, стихотворная записка Жуковского относится ко второй половине 1822 г., времени наиболее интенсивного общения двух поэтов. В 20-х числах апреля 1822 г. в СПб. выходит в свет отдельной брошюрой «Шильонский узник, поэма Лорда Байрона. Перевел с английского В. Ж.», в издании которой самое активное участие принимал Н. И. Гнедич. Книжка вышла с приложением картинки, рисованной И. Ивановым по наброску А. Н. Оленина и гравированной А. Ухтомским. Творческий союз Гнедича, Жуковского и Оленина в издании «Шильонского узника» получил поэтическое освещение в тексте шуточной записки, написанной гекзаметрами, как еще одно напоминание о работе Гнедича над переводом «Илиады» Гомера.

По мнению Загарина (Л. И. Поливанова), «к тому же времени относится известная шуточная записка к Гнедичу, в которой нельзя не узнать предвестника будущей неподражаемой „Войны мышей и лягушек“» (Загарин. С. 315).

Сюжет с табаком не может прояснить времени создания записки. Можно только заметить, что, по всей вероятности, Н. И. Гнедич был хорошим знатоком табака, о чем свидетельствуют письма к нему Батюшкова с постоянной просьбой прислать табак (см.: Батюшков. Т. 2. С. 79, 83, 98, 182, 184, 351). Гораздо существеннее для уточнения датировки записки — упоминание о болезни А. Н. Оленина.

А. Янушкевич

Победитель

(«Сто красавиц светлооких...»)

(С. 229)

Автограф неизвестен.

Впервые: ПЗ на 1823 год. С. 376 (ц. р. 30 ноября 1822 г.).

В прижизненных изданиях: С 3—5 (в С 3, 4 — отдел «Смесь», в С 3 — с подзаголовком, указывающим на источник перевода: «Из Уланда»; в С 5 — в подборке произведений 1821 г., с подзаголовком в оглавлении: «Из Уланда». В «Общем оглавлении» к С 5 датировано 1822-м г. (Матяш. С. 151).

Датируется: 1822 г.

Отсутствие автографа и документальных свидетельств о работе Жуковского над этим стихотворением затрудняет его датировку. Единственное основание для нее — свидетельство самого поэта в «Общем оглавлении» и дата первой публикации.

Перевод одноименного стихотворения («Der Sieger») немецкого поэта-романтика Л. Уланда (1787—1862), оказавшего заметное влияние на поэзию позднего романтизма в Германии и за ее пределами. Никаких положительных или отрицательных отзывов об Уланде ни в дневниках Жуковского, ни в его письмах не содержится, но «Победитель» — один из двадцати переводов, сделанных Жуковским из Уланда в период с 1816 г. по 1832 г., т. е. когда русский поэт находился в самом расцвете творческих сил (наиболее полно переводы Жуковского из Уланда рассматриваются в работе С. Шестакова «Заметки к переводам В. А. Жуковского из немецких и английских поэтов» (1903) // Чтения в Обществе любителей русской словесности в память А. С. Пушкина (при Казанском университете). Казань, 1903. Т. 23. С. 1—97). «Der Sieger» было написано Уландом в 1809 г. и опубликовано в «Poetischer Almanach für das Jahr1812» (Besorgt von J. Kerner. Heidelberg, 1812; если факт знакомства Жуковского с Уландом, на который указывает Зейдлиц (Зейдлиц. С. 130), документально не подтверждается, то достоверно известно, что с издателем и ближайшим другом Уланда Ю. Кернером (1786—1862) Жуковский познакомился в 1847 г., в дальнейшем их связывали дружеские отношения; в 1852 г. Кернер опубликовал на немецком языке свой перевод сказки Жуковского «О Иване-царевиче и Сером Волке», написав для него предисловие и стихотворное посвящение. В личной библиотеке поэта хранится несколько книг Кернера, в том числе с авторской дарственной надписью (Описание. № 2665). Известны также воспоминания Кернера о Жуковском (см.: Gerhardt. S. 271—274).

В «Общем оглавлении» стихотворение отнесено Жуковским в отдел «Романсы и песни» и датировано 1822 г. Перевод полный, но в нем 1) изменена ритмика оригинала: у Уланда 4-стопный хорей, белые стихи с чередованием женских окончаний; 2) Жуковский произвел некоторые замены лексического характера, эмоционально-смысловое содержание которых более или менее непосредственно связано с эмоционально-смысловым содержанием соответствующих мест оригинала (напр., «meiner Wangen» переведено «щек моих горячих», «Sturmestoben» — «бурным вихрем»); 3) есть и вставки, не обоснованные необходимостью передачи содержания подлинника, а взятые из арсенала собственной поэтики (например, «Ihrer Blicke sanfter Schein» переведено — «Светлых взоров тихий пламень», или «Ihrer Rede mildes Wehn» — «Сладкошепчущие речи» и т. п.). Жуковский передал все, чем художественно живет подлинник: мелодичность, легкость стиха. Он воссоздает песенную интонацию, с которой естественно сочетается подобранная лексика. Жуковский сохраняет, за исключением первых двух стихов, даже их зачины. Поэтическое впечатление, как и в подлиннике, передается метрической формой, гармонией слов, интонаций, композиционной симметрией («Как от щек моих горячих..., Как рвалось пробиться сердце»). Однако у Жуковского сцена психологичнее, чем в оригинале. Здесь перед нами жизнь души, переданная на контрастах, как нечто очень подвижное. Отсюда — ассоциативность, смысловая емкость стихотворения Жуковского. Он вносит в перевод сильные чувства и вместе с тем закрепляет в нем черты народности: сохраняет остродраматический сюжетный принцип, параллелизм, использует народно-песенные интонации. Жуковский, таким образом, прекрасно передает эмоционально-смысловую сторону подлинника, но нередко собственными стилевыми средствами.

Стихотворение положено на музыку М. И. Глинкой и Н. Н. Черепниным.

И. Айзикова

1823

⟨Записка к Н. И. Гнедичу⟩

II

«Я также, Николай Гомерович почтенный...»

(С. 230)

Автограф (РНБ, он. 2, № 95, л. 17 об.) — беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 7. Т. 6. С. 446 — из письма А. А. Воейковой к Н. И. Гнедичу от 2 февраля 1823 г.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 2 февраля 1823 г.

Четверостишие является припиской Жуковского к письму А. А. Воейковой, в котором она поздравляет Гнедича с днем рождения. Вот текст этого письма: «Козлов сказывал мне, что нынче ваше рождение, любезный и почтенный Н. И. Спешу изъявить вам душевное желание всего в мире хорошего и достойного вас [Рукою Жуковского между строк: *„То есть денег и жены, или жены и денег, или просто денег“*]. Поздравление же с этим днем принесу не вам, а друзьям вашим [Рукою Жуковского: *„И мне принесла“*]. Почитающая вас душою Александра Воейкова.— 2 февраля» (С 7. Т. 6. С. 446).

Жуковский в это время жил вместе с Воейковыми в Петербурге в доме Меншикова; отсюда его активное участие в написании поздравительного письма А. А. Воейковой Гнедичу.

Ст. 1. *...Николай Гомерович...*— Обращения Жуковского в письмах к Гнедичу самые разнообразные: «любезный Гандишь», «любезнейший Гнедок», «любезный Николай», «любезный Гнедко» (см.: СС 1. Т. 4. С. 573—574, 587), но чаще всего «Николай Гомерович»— как указание на главный поэтический труд Гнедича, перевод «Илиады» Гомера.

А. Янушкевич

Ночь

(«Уже утомившийся день...»)

(С. 230)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 26, л. 42— черновой набросок карандашом между строк записанного рукою неустановленного лица немецкого текста с датой: «Dorpat, d.⟨en⟩ 26 Feb.⟨ruar⟩. 1823».

2) ПД. № 22728, л. 119— беловой, без заглавия и подписи, в альбоме А. А. Воейковой.

3) РНБ, ф. 608 (Помяловский), оп. 1, № 4875— беловой, на отдельном листке, с заглавием: «Баркарола» и подписью: «Ж.»

Копия (РГИА, ф. 1673 (А. С. Шишков), оп. 1, № 287, л. 1)— рукою неизвестного лица, с пометками П. А. Вяземского.

Впервые: СЦ на 1825 год. СПб., 1824. С. 286— с заглавием: «Ночь» и подписью: «Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 4—5 (в С 4— отдел «Романсы и песни»; в С 5 отнесено к 1815 г.).

Датируется: 26 февраля 1823 г.

Единственным основанием для датировки текста стихотворения «Ночь» является дата, проставленная в черновом автографе с параллельным немецким текстом, между строк которого Жуковский набросал карандашом первоначальный вариант 9 стихов своего перевода (4 стиха первой строфы и 5 стихов второй). В альбоме А. А. Воейковой автограф стихотворения «Ночь» расположен между записями от 10 октября 1823 г. (л. 116) и 10 июня 1824 г. (л. 123), однако это не может

быть основанием для датировки стихотворения указанным промежутком времени, поскольку альбом заполнялся в совершенно произвольном хронологическом порядке.

Можно предположить, что первоначальный набросок перевода был сделан Жуковским сразу по получении немецкого текста, а свой окончательный вид стихотворение «Ночь» обрело несколько позже — возможно, вскоре после смерти М. А. Протасовой-Мойер (19 марта 1823 г.). Это предположение косвенно подтверждается тем фактом, что стихотворение на смерть М. А. Мойер «9 марта 1823» заканчивается двумя стихами из любимого ею романса А. Вейрауха «Sterne der Nacht!» («Звезды ночи!» — *нем.*; в переводе Жуковского: «Звезды небес! Тихая ночь!»). Стихотворение «Ночь» развивает те же мотивы целительной силы и утешения тихой звездной ночи.

Поскольку текст немецкого подлинника стихотворения «Ночь» известен только по анонимному автографу в архиве Жуковского и лишь однажды был напечатан А. Н. Веселовским (Веселовский. С. 500; см. также: Dietrich Gerhardt. Die Zeit und das Weltproblem // Rheinisch-Westfälische Akademie der Wissenschaften. Vorträge. G. 299. Westdeutscher Verlag, 1989. S. 36), мы считаем необходимым привести его здесь с подстрочным переводом:

Schon sank auf rosiger Bahn	Уже спустился по розовой дороге
Der Tag in wallende Fluthen,	День в бурлящие волны,
Labend auf brennende Gluthen,	Освежая пылающий зной,
Weht nun die Kühle uns an.	Обвевает уже нас прохлада.
Und hoch vom himmlischen Bogen	И свыше, с небесного свода
Kommt her die Mutter gezogen,	Нисходит Мать,
Hesperus wandelt so sacht	Геспер так тихо восходит
Im süssen Frieden der Nacht.	В сладком мире ночи.
Komm' denn, o Himmlische, Du,	Приди же, о небесная, ты,
Und wehre den nagenden Schmerzen,	И исцели гложущую боль,
Fülle die schlagenden Herzen,	Наполни бьющиеся сердца,
Die armen, mit seeliger Ruh'.	Бедные, блаженным покоем.
Mit deinem fächelnden Schwingen,	Твоими овевающими крыльями,
Mit sanft einschläferndem Singen,	Нежно усыпляющим пением
Wiege die Kinderchen dein	Убаюкай твоих деток,
O, wiege, wiege sie ein!	О, убаюкай, убаюкай их!

Д. Герхардт, высоко оценивая эстетическое достоинство немецкого текста, ставит его наравне со стихотворениями «Ночь» Гердера и «Ночная песнь» Ф. Геббеля (см.: Dietrich Gerhardt. Op. cit. S. 40—41), поэтому вопрос об авторе немецкого подлинника стихотворения «Ночь» представляет самостоятельный интерес. Из числа дерптских друзей Жуковского, известных своей литературной деятельностью (Мартин Асмус, 1784—1844; Карл фон дер Борг, 1794—1848; Август Вейраух, 1788—1865), автором романса «Ночь» скорее всего мог быть именно Август Вейраух, которого «современники считали (...) выдающимся композитором и лучшим

поэтом Прибалтики» (Ж. и русская культура. С. 455; подробно о Вейраухе и его отношениях с Жуковским см.: Там же. С. 449—455; Eichstädt. S. 39—88).

Д. Герхардт на основе стилистического анализа текстов «Sterne der Nacht!» (в переводе Жуковского — «Звезды небес!..»), «Der neue Pygmalion» (в переводе Жуковского — «Тронься, тронься, пробудись!..») и «Schon sank auf rosiger Bahn...» (в переводе Жуковского — «Ночь») высказал предположение, что все три текста принадлежат одному поэту (Dietrich Gerhardt. Op. cit. S. 42). Х. Эйхштедт, в свою очередь, считает автором первых двух именно Августа Вейрауха (Eichstädt. S. 83, 85). Таким образом, наиболее вероятным представляется то, что три вышеперечисленных текста являются оригинальными стихотворениями А. Вейрауха. Подробный анализ перевода стихотворения «Ночь» в сравнении с текстом немецкого подлинника и в контексте немецкой романтической «ночной лирики» см.: Dietrich Gerhardt. Op. cit. S. 36—44.

Стихотворение Жуковского «Ночь» было дважды переведено на немецкий язык: автором одного перевода был Фридрих Боденштедт (Friedrich Bodenstädt's Gesammelte Schriften. Berlin, 1866. Bd. 7. S. 153), автором другого — Эллис (Лев Кобылинский): Leo Kobylinski-Ellis. Das goldene Zeitalter der russischen Poesie: W. A. Joukowski, seine Persönlichkeit, sein Leben und sein Werk. Padeborn, 1933. S. 160.

Стихотворение положено на музыку А. Рубинштейном и Г. Коргановым.

О. Лебедева

9 марта 1823

(«Ты предо мною...»)

(С. 231)

Автографы:

1) ПД. № 22728, л. 111 — беловой, в альбоме А. А. Воейковой.

2) ПД. Р. I, он. 9, л. 1 — беловой, с заглавием: «9 марта».

Копия (ПД. Р. I, он. 9, л. 2) — рукою неустановленного лица.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 7. Т. 3. С. 491 — с заглавием: «9 марта 1823».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 19 марта 1823 г.

Стихотворение является откликом на смерть М. А. Протасовой-Мойер, которая скончалась во время родов 18 марта 1823 г. в Дерпте. Поэт вспоминает в нем о последнем свидании с умершей, но вечно живой в его сознании Машей Протасовой.

Дата создания стихотворения (после известия о смерти — 19 марта) и время, о котором оно рассказывает (последнее свидание — 9 марта), слились в сознании комментаторов этого произведения, и оно получило почти во всех посмертных изданиях (см.: С 8—10, ПСС, Стихотворения, СС 1 и др.) заглавие: «19 марта 1823». Виновником этой путаницы оказался биограф поэта К. К. Зейдлиц. В своей

книге «Жизнь и поэзия В. А. Жуковского...» (СПб., 1883) он «поправил» издателя С 7 П. А. Ефремова, который впервые опубликовал текст стихотворения, вероятно, основываясь на автографе № 2, и дал верное заглавие: «9 марта 1823» (см.: С 7. Т. 3. С. 491). «... тут неверно озаглавлено,— писал К. Зейдлиц по поводу С 7,— вместо 9-го марта должно быть 19-е — день смерти Марии Андреевны» (Зейдлиц. С. 134). Начиная с С 8 Ефремов, прислушавшись к мнению биографа Жуковского, изменил заглавие стихотворения на «19 марта 1823», и это ошибочное заглавие продержалось в изданиях сочинений Жуковского до 1973 г., (см.: Жуковский В. А. Избранное. Л., 1973. С. 126), когда наконец И. М. Семенко не восстановила подлинное заглавие, подчеркнув в примечании к стихотворению, что в нем «речь идет о последнем свидании с М. А. Протасовой, состоявшемся в Дерпте именно 9 марта» (СС 2. Т. 1. С. 414).

Об этой встрече Жуковский писал А. П. Елагиной 28 марта 1823 г.: «10 числа я с ними простился, без всякого предчувствия, с какою-то непонятною беспечностью ⟨...⟩. Через полчаса всё готово к отъезду; встаю, подхожу ⟨...⟩ она спала; но мой приход ее разбудил — хотела встать, но я ее удержал. Мы простились, она просила, чтобы я ее перекрестил, и спрятала лицо в подушку — и это было последнее на этом свете» (РС. 1883. № 10. С. 84).

Последующие письма Жуковского к родным, прежде всего к задушевной подруге Маши Протасовой — к А. П. Елагиной, являются своеобразным прозаическим комментарием к стихотворению. Ср.: «Время ничего не сделает... Разве только одно: наш милый товарищ будет час от часу ощутительнее своим присутствием; я в этом уверен. Мысль об ней полная ободрения до будущего, полная благодарности за прошедшее — словом, религия! Саша, вы и я будем жить друг для друга во имя Маши, которая говорит нам: незрима я, но в мире мы одном» (Там же. С. 85); «Маша более, нежели когда-нибудь, наш ангел, наш спутник, наш хранитель! В пятницу на Святой неделе мы все были на ее могиле, там слышал я под чистым небом ⟨...⟩ *Христос воскресе! и сущим в гробех живот даровал.* Это была возвышенная минута жизни» (Там же. С. 86); «Жизнь точно святыня: Маша сама в этом меня теперь уверила. Счастие не нужно, чтобы этому верить. На будущее можно глядеть спокойно, ибо оно уже не отымает счастья. Оборотимся к прошедшему» (Там же. С. 88). Поэтическим постскриптумом к «9 марта 1823» станут стихотворения «Ты всё жива в душе моей...» и «Звезды небес...», воссоздающие «память сердца» поэта (см. примеч. к этим стихотворениям).

Еще В. М. Жирмунский указал на сходство этого стихотворения со стихотворением немецкого поэт-романтика Клеменса Брентано (Brentano, 1778—1842) «An Sophie Brentano», посвященного памяти его умершей сестры Софии. «Сходство этих стихотворений, главным образом,— писал исследователь,— в своеобразном ритме (двустопный ямб, без рифмы, попеременно мужское и женское окончание, есть свобода в перестановке ударений, которая у Жуковского проявилась в двух заключительных строках) и в общем настроении,— не в словах» (Жирмунский В. М. Религиозное отречение в истории романтизма. М., 1919. Ч. 3. С. 37—38). При этом Жирмунский и еще ранее Веселовский отмечают факт личного знакомства

Жуковского с Брентано (см.: Там же. С. 38; Веселовский. С. 22). О близости этого стихотворения с другим произведением Брентано «К Софии Меро» см.: Топоров В. Н. Из исследований в области поэтики Жуковского // Slavica Hierosolymitana. The Magnes Press, 1977.

Анализ мелодики этого стихотворения был дан Б. М. Эйхенбаумом (О поэзии. Л., 1969. С. 389—390), а его ритма — С. А. Матяш (Ж. и русская культура. С. 89).

Ст. 11—12. *Твоя могила, // Как рай, спокойна!..* — М. А. Мойер была похоронена на русском кладбище в Дерпте. Сохранился рисунок Жуковского 1823 г., изображающий ее могилу, на которой нет еще ни креста, ни бронзовой доски, установленных позднее. См. также в письме Жуковского к А. П. Елагиной от 28 марта 1823 г. из Дернта: «Ее могила наш алтарь веры, недалеко от дороги, и ее первую посетил я!» (РС. 1883. № 10. С. 84).

Ст. 17—18. *Звезды небес, // Тихая ночь!..* — Эти две строки, отделенные в автографе стихотворения интервалом, начало перевода фрагмента текста анонимного автора из сборника А. Вейрауха (см. примеч. к стихотворению «Звезды небес...»). О месте и значении этих строк для общего смысла стихотворения «9 марта 1823» см.: Веселовский. С. 238; Стихотворения. Т. 2. С. 524; Eichstädt. S. 82—84.

И. Поплавская

«Ты всё жива в душе моей!..»

(С. 231)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) ПД. № 22728, л. 56 — рукою А. А. Воейковой в ее альбоме.

2) РНБ, ф. 550, оп. 3, Q XIV. 153, л. 15 — рукою М. Н. Дириной, с подписью: «Ж.»

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Отчет ИПБ за 1902 г. СПб., 1910. С. 189. Ср.: Бычков И. А. Из неизданных стихотворений Н. М. Языкова и В. А. Жуковского. СПб., 1911. С. 40.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по копиям.

Датируется: март 1823 г.

Отсутствие этого произведения в собраниях сочинений Жуковского — очевидное недоразумение. Этот небольшой текст неразрывно связан со стихотворением «9 марта 1823», рассказывающим о последней встрече поэта с М. А. Протасовой-Мойер, умершей 19 марта 1823 г. Записанное в альбоме ее сестры, А. А. Воейковой, прямо вслед за автографом первого стихотворения, оно стало одновременно реквиемом и эпитафией. На обороте альбомного листа — рисунок Маши, сидящей в кресле, работы А. А. Воейковой. Видимо, и рисунок был сделан незадолго до родов и смерти Маши.

Появление этого стихотворения в альбоме Марии Николаевны Дириной (в замуж. фон. Рейц) — с подписью: «Ж.» — еще одно доказательство принадлежности стихотворения Жуковскому. В 1823 г. М. Н. Дирина жила в Дерпте и была близка

к Мойерам-Воейковым. Вероятно, она переписала это стихотворение из альбома А. А. Воейковой, о чем свидетельствует идентичность текстов.

А. Янушкевич

Надгробное слово на скоропостижную кончину именитого ПАУКА ФАДЕЯ, служившего целые сутки комнатным пауком у Ея превосходительства Варвары Павловны Ушаковой, отличного благонравием, обжорством и пузом и кончившего дни свои в пузырьке, в котором Ея превосходительству благоугодно было его закупорить и поминутно кувыркать. 1823-го года сентября 13

(«И так ты кончил жизнь, почтеннейший наш друг!..»)

(С. 232)

Автограф (ПД, ф. 388, оп. 1, № 94) — беловой. Ср.: ИВ. 1902. № 4. Апрель. С. 169 — факсимильное воспроизведение.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ИВ. 1902. № 4. Апрель. С. 169.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 13 сентября 1823 г.

В примечании издателя ИВ, впервые опубликовавшего это шутливое произведение Жуковского, говорится: «Помещаемый здесь, в точном факсимиле, автограф В. А. Жуковского любезно сообщен нам И. Н. Захарьиным, который получил его от графини А. А. Толстой.

Автограф этот — шуточное, нигде еще не напечатанное стихотворение Жуковского. Оно написано им фрейлине В. П. Ушаковой, дочери генерал-адъютанта Павла Петровича Ушакова, бывшего воспитателя императора Николая I.

Почему паук Ушаковой заслужил такое внимание Жуковского и назывался „Фаддеем", неизвестно. Возможно, что это имя было дано ему самим Жуковским в честь известного Фаддея Булгарина» (ИВ. 1902. № 4 С. 169).

О Варваре Павловне Ушаковой см. примеч. к стихотворению «К Варваре Павловне Ушаковой и гр. Прасковье Александровне Хилковой».

Это стихотворение стоит в одном ряду с шутливыми павловскими эпитафиями 1819 г.: «На смерть чижика», «Эпитафия Мими», «В комитет, учрежденный по случаю похорон Павловской векши...», «К Столыпину».

Промежуток в полгода между смертью М. А. Мойер, стихотворениями на ее смерть и этим шутливым стихотворением — свидетельство как глубокого отчаяния поэта, так и постепенного его пробуждения к жизни.

Н. Вётшева

Ангел и Певец

(«„Кто ты, Ангел светлоокой“...»)

(С. 232)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 30, л. 11—13) — черновой, с датой: «5 октября»; на л. 13 — карандашный набросок рисунка, изображающего встречу двух ангелов.

Впервые: СО. 1823. № 41. С. 33 — с заглавием: «Ангел и Певец» и подписью: «Ж.»

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 5 октября 1823 г.

В С 8 к этому стихотворению П. А. Ефремов дал следующее примечание: «В числе празднеств, бывших в Гатчине в 1823 г. по случаю приезда невесты великого князя Михаила Павловича Вюртембергской принцессы Шарлотты, был дан 6 октября музыкальный вечер. В конце его были пропеты эти стихи, положенные на музыку Мауером. Слова *ангела* пела княжна Хилкова, а *певца* — г. Всеволожский. Перед вторым куплетом на театре, в облаках, была представлена группа, изображавшая судьбу, которую окружали духи жизни» (С 8. Т. 2. С. 521—522). Подробное описание праздника см.: ОЗ. 1823. Ч. 16. Кн. 43.

В стихотворении речь идет о приезде в Россию Вюртембергской принцессы Фридерики Шарлотты Марии (1806—1873), впоследствии ставшей великой княгиней Еленой Павловной, женой великого князя Михаила Павловича. О встрече Михаила Павловича (1798—1848), четвертого сына императора Павла I, с принцессой Шарлоттой за границей см.: Смирнова-Россет. С. 155. Бракосочетание Елены Павловны с великим князем Михаилом Павловичем состоялось в феврале 1824 г. (см.: Шильдер. Т. 1. С. 156). В это же время Жуковский начинает давать ей уроки русского языка, о чем сообщает А. П. Зонтаг в письме от 5 марта 1824 г.: «Скажу вам два слова о себе: у меня теперь на руках новая, милая ученица, вел.⟨икая⟩ кн.⟨ягиня⟩ Елена Павловна» (УС. С. 97—98). Елена Павловна постоянно поддерживала дружеские отношения с деятелями русской культуры. По словам Жуковского, она «очень любила Пушкина» (С 8. Т. 6. С. 17). Сохранились 4 записки Елены Павловны к Жуковскому от 27—29 января 1837 г. с вопросами о состоянии раненого Пушкина (см.: Черейский. С. 150).

В празднике, на котором было исполнено стихотворение «Ангел и Певец», принимали участие фрейлина княжна П. А. Хилкова, спевшая партию Ангела, и Н. В. Всеволожский (1799—1862), любитель театра и литературы, основатель литературно-театрального общества «Зеленая лампа», приятель А. С. Пушкина — исполнитель партии Певца. Музыку к сочинению Жуковского написал композитор и скрипач-виртуоз Людвиг Вильгельм Маурер (1789—1878).

О влиянии Шиллера на использование 4-стопного хорея в этом стихотворении см.: Томашевский Б. В. Строфика Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 98.

И. Поплавская

«Я Музу юную, бывало...»

(С. 235)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 30, л. 17, 21 — черновой, без заглавия.

2) ПД. Р. I, оп. 9, № 50, л. 1 — беловой 2-х первых строф, с разночтением в ст. 13: вместо: *«Его желанного возврата»* — *«Животворящего возврата»*; на отдельном листке, без заглавия.

Впервые: С 3. СПб., 1824. Т. 3. — в конце тома курсивом (ц. р. — 6 декабря 1822 г.), с заглавием: «Я Музу юную, бывало...»

В прижизненных изданиях: С 3—4; в С 4 — также в конце тома курсивом, без указания в оглавлении. В С 5 отсутствует.

Печатается по тексту С 4 со сверкой по автографам.

Датируется: конец 1823 г.

Черновой автограф воссоздает весь процесс работы Жуковского над текстом стихотворения. Сначала идет прозаический план: *«Я знавал дни вдохновения — тогда Муза природы, жизни и мечты — все было пенье! Бывали дни — посвящаю их — но придет ли — как странник — пока сияет солнце — не знаю»*; затем возникает первый стихотворный набросок:

Музу я встречал бывало
В поднебесной стороне,
И незванное летало
Вдохновенье ко мне.

Жуковский отказывается от 4-стопного хорея, и все последующие варианты даны 4-стопным ямбом. На л. 21 возникает ритмический рисунок стихотворения. Все наброски стихотворения предшествуют «Прощальной песне, петой воспитанницами Общества благородных девиц, при выпуске 1824 года» (СО. 1824. № 1). История публикации стихотворения в С 3, видимо, включенного туда уже накануне выхода всех трех томов в свет (издание появилось в начале 1824 г.), позволяет датировать его предположительно концом 1823 г. Никаких других реальных свидетельств о времени написания стихотворения не обнаружено.

Посвящение великой княгине Александре Федоровне, которым открывается С 3, и наличие особого экземпляра этого издания, подаренного 20 марта 1824 г. Жуковским П. И. Полетике, где стихотворение «Я Музу юную, бывало...» перенесено в т. 1 и переплетено непосредственно за посвящением (см.: С 7. Т. 1. С. 486), давало основания комментаторам говорить о связи этого произведения непосредственно с личностью великой княгини и определять его как «Стихи в роде эпилога...» (С 6. Т. 4. С. 426).

Думается, стихотворение может рассматриваться в аспекте символической поэтики Жуковского прежде всего как его эстетический манифест и выражение романтической концепции жизнетворчества. Особый характер его публикации (курсивом в конце издания) свидетельствует об этом. Пушкинское стихотворение «Я

помню чудное мгновенье...», обращенное к конкретному адресату, продолжает эту линию русской поэзии и перекликается со стихотворением Жуковского.

А. Янушкевич

Привидение

(«В тени дерев, при звуке струн, в сиянье...»)

(С. 236)

Автограф неизвестен.

Впервые: СЦ на 1825 год. СПб., 1824. С. 257—258, в разделе «Стихотворения», за подписью: «Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 4, 5 (в С 4 отдел «Смесь», в С 5 в подборке произведений 1821 г.).

Датируется: 1823 г.

Главной в стихотворении является тема привидения, которая очень рано стала занимать Жуковского и как художника, эстетика, и как человека, верящего в загробную жизнь. Привидениями населены элегии и баллады Жуковского. Высказывалось мнение о том, что стихотворение «Привидение» генетически связано с эстетикой немецкого романтизма, в частности, с третьим «Гимном к ночи» («Hymne an die Nacht») Новалиса (Галюн. С. 27—28).

Однако в данном стихотворении речь идет, по-видимому, не о литературном, романтическом привидении, над которым поэт сам охотно посмеивался; его шутливая репутация «певца» таких привидений нередко обыгрывалась в «Арзамасе». Здесь же, как и в стихотворении «9 марта 1823 года», биограф поэта (К. К. Зейдлиц) и его исследователи (И. Жданов, И. Эйгес, И. Виницкий) видят связь с семейным преданием Елагиных-Мойеров о явлении М. А. Протасовой в ночь на 18.3.1823 г., т. е. в ночь ее смерти, А. П. Елагиной, которая тогда находилась в Москве у постели своего больного сына, а М. А. Протасова, как известно, умерла в Дерпте. 28 октября 1823 г. Жуковский писал об этом видении А. П. Елагиной: «Вы видели Машу и во сне, и наяву в последние дни ее — я нахожу в этом что-то неизъяснимо для вас утешительное ⟨...⟩ Я верю вашему видению, в нем вижу что-то естественное, справедливое. Это награда! Но именно все это и делает жизнь высокою! До чего может она возвысить нашу душу! И только она одна! Милая ⟨...⟩ я далек, слишком далек от вашей высокости. Сны ваши меня не посещают. Но ради этих снов, прекрасных вестников того света ⟨...⟩ не предавайтесь унынию. ⟨...⟩ Прошедшее не умирает. Не говорите: ее нет, говорите: она была» (УС. С. 39—40). Много позднее Жуковский вновь вспомнит об этом видении и расскажет о нем в статье конца 1840-х гг. «Нечто о привидениях».

Видение придает А. П. Елагиной в глазах Жуковского особый статус. Жуковский подчеркивает дистанцию между ею и собой и говорит о «завидном счастье, которым он не был удостоен». Но то, что ему не было дано непосредственно, он вызывает с помощью поэзии и воспоминания. «Не вижу глазами ее, но знаю, что она с нами»,— пишет он сразу после смерти Маши (цит. по: Веселовский. С. 237).

А. П. Елагина видела «милую гостью» воочию, а Жуковский призывает ее к себе, как бы извлекая ее из небытия, давая ей зримый образ в своем стихотворении. Произведение, таким образом, передает любимую Жуковским философию поэтического откровения, переживаемого при чудесном явлении посланца небес. В «Привидении» поднимаются важнейшие для Жуковского мировоззренческие и эстетические вопросы — о соотношении материального и духовного, о вере в Провидение, о природе творчества. Основным художественным образом оказывается образ «воздушной лазурной пелены», «покрывала». Мистический опыт общения с ушедшими из жизни «милыми спутниками» в дальнейшем станет темой постоянных размышлений Жуковского, привидения окажутся героями его философско-религиозной и автобиографической прозы. Подробнее об этом см.: Виницкий И. Нечто о привидениях Жуковского // НЛО. 1998. № 32. С. 147—172.

И. Айзикова

1824

Прощальная песнь, петая воспитанницами Общества благородных девиц, при выпуске 1824 года

(«Прости, убежище святое...»)

(С. 237)

Автограф (РНБ, он. 1, № 30, л. 19—20) — черновой.

Впервые: СО. 1824. Ч. 91. № 1. С. 334—336 — с тем же заглавием. То же: Новости литературы. 1824. Ч. 8. № 13. С. 13—15. Тексты идентичны.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: начало 1824 г.

В письме А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 15 февраля 1824 г. читаем: «Получил ли „Прощальную песнь“ Жуковского, не петую в Смольном монастыре?» (ОА. Т. III. С. 11). Это указание позволяет предполагать, что стихотворение Жуковского, написанное к февральскому выпуску 1824 г. воспитанниц Смольного института, было передано воспитанницам Общества благородных девиц.

Н. Вётшева

Таинственный посетитель

(«Кто ты, призрак, гость прекрасной?..»)

(С. 239)

Автограф (РНБ, он. 1, № 30, л. 31) — беловой, без заглавия и даты.

Впервые: СЦ на 1825 год. СПб., 1824 (ц. р. — 9 августа 1824 г.). С. 258—260 — с заглавием: «Таинственный посетитель» и подписью: «Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 4—5 (в С 4 — отдел «Романсы и песни»; в С 5 — в подборке стихотворений 1822 г.).

Датируется: первая половина 1824 г.

Точной датировке стихотворение на основе известных источников не поддается. Единственный известный автограф находится среди черновых набросков стихотворений конца 1823 — начала 1824 г. В печать «Таинственный посетитель» попал (учитывая дату ц. р.) в начале августа 1824 г., что и позволяет предположительно датировать его первой половиной 1824 г.

Исследователи и комментаторы творчества Жуковского обычно скупо говорят об этом произведении. Биограф поэта К. К. Зейдлиц указал, что «Таинственный посетитель» — оригинальное произведение, которое «обличает в себе отголоски сердечных дум Жуковского об М. А. Протасовой» (Зейдлиц. С. 130). Ц. С. Вольпе сделал предположение о том, что источником «Таинственного посетителя» «послужили два переведенных Жуковским с немецкого стихотворения: Посвящение к „Двенадцати спящим девам" — из Гёте и „К мимопролетевшему знакомому Гению" — из Шеллинга» (Стихотворения. Т. 1. С. 385).

Еще Белинский попытался прочитать «Таинственного посетителя» как «одно из самых характеристических стихотворений Жуковского» (Белинский. Т. 7. С. 179). Процитировав полный текст произведения, он так комментировал его содержание: «Поняли ли вы, кто такой этот „таинственный посетитель"? Сам поэт не знает, кто он, и думает видеть в нем то Надежду, то Любовь, то Думу, то Поэзию, то Предчувствие... Но эта-то неопределенность, эта-то туманность и составляет главную прелесть, равно как и главный недостаток поэзии Жуковского» (Там же. С. 180).

«Таинственный посетитель» органично завершает своеобразный поэтический цикл 1815—1824 гг. — цикл эстетических манифестов Жуковского.

А. Янушкевич

Мотылек и цветы

(«Поляны мирной украшение...»)

(С. 240)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 30, л. 29 об. — черновой, в другой редакции по сравнению с беловым автографом (см. ниже).

2) РНБ, оп. 1, № 30, л. 30 — беловой, с небольшими поправками.

Копия (ПД. № 22728, л. 1) — рукою А. А. Воейковой (последняя строфа), с указанием: «Из альбома С. Карамзиной». Ср.: РБ. 1916. Кн. 6. С. 69.

Впервые: СЦ на 1825 год. СПб., 1824 (ц. р. — 9 августа 1824 г.). С. 357 — с подписью: «Жуковский» и примечанием: «Стихи, написанные в альбоме Н. И. И., на рисунок, представляющий бабочку, сидящую на букете из pensée [анютины глазки. — *фр.*] и незабудок».

В прижизненных изданиях: С 4—5 (в С 4 — отдел «Романсы и песни»; в С 5 — в подборке стихотворений 1821 г.).

Датируется: первая половина 1824 г.

Обоснование датировки то же, что и для «Таинственного посетителя» (см. примеч.), так как положение стихотворений в рукописи и история их первой публикации одинаковы.

Окончательной редакции стихотворения предшествует черновая, которую можно считать самостоятельным вариантом (ранней редакцией). Приводим ее текст:

Вот, что однажды я сказал,
Смотря, как мотылек вертляной,
Благоуханною поляной
С цветочка на цветок порхал!
Он красотой их любовался,
Он ароматом их дышал,
Но ни с одним не оставался!
И равнодушно улетал
Туда, где небеса сияли
И где на радужных крылах
Друзья эфирные играли
В веселых с запада лучах;

Но лугом бытия прекрасным
Под небом светлым или ясным,
Куда ему назначил рок,
Пускай летит наш мотылек!
А я...
Ко стате иль не к стате
Прекрасный цвет воспоминаний
И *души сердца* милый цвет...

По всей вероятности, Жуковский увидел в этой первоначальной редакции ощутимые переклички со стихотворением 1814 г. «Мотылек», переводом из Гёте (см. примеч. в т. 1 наст. изд.). Наметившееся движение темы к лирическому субъекту привело к изменению всей тональности стихотворения. Мотив «милого воспоминания» организует поэтическое пространство окончательного текста и делает его органической частью лирической философии Жуковского, «характеристическим выражением» (В. Г. Белинский) его романтической эстетики.

Стихотворение, как это явствует из примечания к первой публикации, было написано в альбом Н. И. И. Еще П. А. Плетневым было установлено (см. его письмо к Я. К. Гроту от 16 января 1842 г. // Переписка. Т. 1. С. 469), что речь идет о воспитаннице Софьи Ивановны Местр (урожд. Загряжской) и ее мужа гр. Ксавье де Местра — Наталье Ивановне Ивановой (в замуж. Фризенгоф; ум. 1850). О ней

см.: Временник Пушкинской комиссии. 1971. Л., 1973. С. 31—35; Раевский Н. Избранное. М., 1978. С. 35—36, 475.

По автографу Жуковского из этого альбома, хранящегося в Бродянах (Словакия), где в фамильном замке Фризенгофов жила владелица альбома, это стихотворение было опубликовано Яном Ференчиком (Slovenské pohľady. 1947. № 1. S. 181—184).

А. Янушкевич

Поездка на маневры

(«Вчера был день прекрасной доле...»)

(С. 242)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 30, л. 23 — черновой, без заглавия.

2) РНБ, оп. 1, № 30, л. 23 об., л. 24, л. 25, л. 26 — черновой, без заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 10. С. 997 — с заглавием: «Поездка на маневры».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: лето 1824 г.

Поводом для написания стихотворения, в котором, по словам исследователя, «зазвучала воинская струнка поэтической арфы Жуковского» (Иезуитова Р. В. Жуковский в Петербурге. Л., 1976. С. 201), явилось присутствие поэта на военных маневрах в Красном Селе, неподалеку от Петербурга: «Начиная с 60-х годов XVIII века сюда перемещались летние лагери гвардейских полков. Здесь происходили грандиозные маневры, в которых порою участвовало более 100 тысяч солдат и офицеров. Местом маневров была луговая долина, окруженная холмами; с одного из них за происходившим на „поле сражения“ наблюдали петербургская знать, члены царской фамилии, придворные» (Там же. С. 202).

Н. Вётшева

1825

⟨Гр. А. Е. Комаровской⟩

(«Давно уж нет мне вдохновенья!..»)

(С. 246)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 15, л. 11 — черновой.

2) ПД, ф. 244, оп. 1, № 104 — беловой (от ст. 21 до конца) — в альбоме А. Е. Шиповой, урожд. Комаровской.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 43 (ст. 1—14); Пушкин и его современники. СПб., 1909. Т. 3. Вып. 11. С. 84 (от ст. 21 до конца — по автографу № 2).

Печатается впервые полностью по черновому автографу.

Датируется: февраль 1825 г.

Адресат послания — графиня Анна Евграфовна Комаровская (в замуж. Шипова; 1806—1872), дочь известного генерала Е. Ф. Комаровского (1769—1843), знакомого Карамзина, Жуковского, автора «Записок» (см.: ИВ. 1897. С. 69—70). В 1825 г. А. Е. Комаровская была фрейлиной, впоследствии вышла замуж за С. П. Шипова (1789—1876), участника Отечественной войны 1812 г., члена Союза спасения и Союза благоденствия (о нем см.: Черейский. С. 498—499; Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 201, 339).

О стихотворении из альбома А. Е. Комаровской (автограф № 2) см.: Модзалевский Б. Л. Альбом А. Е. Шиповой, рожд. гр. Комаровской // Пушкин и его современники. Вып. 11. С. 79—94; Вацуро В. Э. Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома: 1750—1840-е годы // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 30.

Упоминание об этом стихотворении, проясняющее повод к его созданию, содержится в письме А. И. Тургенева П. А. Вяземскому от 20 февраля 1825 г.: «Он [Жуковский] мне дал вчера два послания: одно к Тутолмину о карете, а другое к фрейлине графине Комаровской, которая нарочно захромала, чтобы освободить больную мать от поездки с нею на бал» (ОА. Т. III. С. 98).

И. Поплавская, Н. Вётшева

«Друзья, без горести на гроб взирайте мой!..»

(С. 247)

Автограф (ПД. № 22729, л. 26 об.) — беловой, с подписью: «Ж.»

При жизни Жуковского не печаталось.

Печатается впервые.

Датируется: конец декабря 1825 г.

Основанием для датировки этого неизвестного и не публиковавшегося ранее четверостишия Жуковского является, во-первых, местоположение автографа в рукописи — альбоме А. А. Воейковой 1822—1825 гг. Непосредственно за его текстом на л. 27 Жуковский записывает 12 стихов из «Лалла Рук» (целиком 7-ю строфу и 4 последних стиха 8-й) — с посвятительной надписью А. А. Воейковой: «Кто вас знает, тому знаком и Гений чистой красоты! С кем вы были, для того зажглась навсегда прекрасная утешительная звезда, и эта звезда никогда не утратит своего милого света. 1825. Декабря 29» (подробнее см. примеч. к стихотворению «Лалла Рук»).

Во-вторых, нельзя не учитывать и психологическое состояние Жуковского, в котором родилось это стихотворение — своеобразная автоэпитафия.

После восстания 14 декабря, когда, по словам Жуковского, «мы прожили вековой день» (ПЖТ. С. 211), начинается глубокий мировоззренческий кризис поэта.

Все больше вникая в последствия событий, принимая участие в судьбах родственников восставших, с тревогой следя за ухудшением состояния сошедшего с ума Батюшкова, Жуковский понимает трагизм происходящего. «Мы живем во времена испытания. Теперь нет ничего другого для подкрепления души и для сохранения деятельности кроме веры в Провидение. Ибо одна только вера может объяснить то, что вокруг нас происходит»,— напишет он Е. Г. Пушкиной 24 февраля 1826 г. (С 7. Т. 6. С. 481). В начале мая этого же года он создает свое завещание и передает его А. И. Тургеневу (ПЖТ. С. 212). Мысли о смерти все чаще посещают Жуковского. Все это было следствием глубокого потрясения после событий 14 декабря 1825 г. (об этом см.: Янушкевич. С. 170—171).

Четверостишие, написанное, по всей вероятности, в конце декабря 1825 г., стало первым отзвуком тяжелых мыслей поэта, выражением тех настроений, в которых он боялся признаться даже близким людям. И в этом смысле неизвестное ранее стихотворение представляет безусловный интерес.

О. Лебедева

1826

Хор девиц Екатерининского института
на последнем экзамене, по случаю выпуска их, 1826 года февраля 20 дня
(«Расстаемся, расстаемся...»)
(С. 248)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 30, л. 34 об.— черновой.

2) РНБ, он. 1, № 30, л. 35—35 об.— черновой, без заглавия; л. 35 — план.

Впервые: Дамский журнал. 1826. № 5. Март. С. 215—216 — с заглавием: «Хор, петый девицами, воспитанными в Екатерининском институте, при последнем экзамене по случаю выпуска их 1826 года, февраля 20 дня» и подписью: «Жуковский».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: около 20 февраля 1826 г.

Хор девиц «на выпуск» 1826 г., помимо обычных лейтмотивов (расставания, воспоминания, благодарности имп. Марии Федоровне), включает мотив внезапной кончины императора Александра I.

Сохранилось воспоминание об этом выпуске А. О. Смирновой-Россет. Как обычно, она допускает неточность, называя автором стихов не Жуковского, а Плетнева. «После этого назначен был день прощания,— пишет она,— императрица приехала с государем [Николаем I]. Он был бледен и очень худ, видно было,

что он очень озабочен. Мы пели прощальные стихи, сочиненные Плетневым, а Кавос, наш учитель пения, сочинил музыку:

Расстаемся, расстаемся
Мы с приютом детских лет,
Мы судьбе, зовущей в свет,
Невозвратно отдаемся.
Был у нас другой хранитель,
Он уж взят на небеса,
Небеса его обитель...

При этих словах слезами прервались наши голоса, и мы не окончили. Государыня взяла за руку молодого императора и сказала: „Au revoir, mes enfants“» («До свидания, дети мои».—*фр.*; Смирнова-Россет. С. 142). Несмотря на неточности цитирования стихов и указания их автора, мемуаристка воссоздает атмосферу этого выпускного акта в Екатерининском институте. В ее воспоминаниях упоминается автор музыки хора на слова Жуковского. Это Катерино Альбертович Кавос (1775—1840), итальянец по происхождению, композитор и дирижер, с 1822 г. инспектор придворных театров.

Ст. 14. ***Матерь*** *милая являлась*...— Имеется в виду императрица Мария Федоровна.

Ст. 17. *Был у нас другой хранитель*...— Речь идет о недавно умершем императоре Александре I.

Н. Вётшева

«Был у меня товарищ...»
(С. 249)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 5, л. 2—черновой, карандашом, отличающийся от окончательного текста (см. ниже).

2) РНБ, оп. 1, № 26, л. 116—беловой, на бумаге с вензелем Николая I, без заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 12 (ст. 1—5 черновой редакции); С. 66 (ст. 1—5—беловой).

Впервые полностью: ПСС. Т. 11. С. 136 (беловая редакция).

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: июль 1826 г.

Черновой автограф стихотворения находится в небольшом дорожном альбомчике Жуковского с путевыми дневниковыми записями от 9 мая 1826—11 июня 1827 г. Карандашный набросок предшествует непосредственно записи от 9 мая, но, по всей вероятности, он был сделан позже, скорее всего как отклик на казнь декабристов 13 июля 1826 г., о чем свидетельствует беловой автограф на бумаге с вензелем Николая I. Именно в июле 1826 г. Жуковский приступает к активной

работе над «Запиской о Н. И. Тургеневе»: 8 (20) июля знакомится с материалами «Донесения следственной комиссии» по делу от 14 декабря (ср.: «Чтение отчета» — Дневники. С. 186).

На декабристский подтекст этого стихотворения впервые указала М. Бессараб: «В прижизненных изданиях сочинений Жуковского и в журналах это стихотворение не публиковалось. Видимо, считали, что оно навеяно кровавыми событиями 1826 года: казнью декабристов 13 (25) июля» (Бессараб М. Жуковский: Книга о великом русском поэте. М., 1975. С. 151). Впоследствии эта гипотеза получила свое дальнейшее обоснование и развитие (см.: Корнеев А. «Ты будь мне верный брат»: Жуковский и декабристы // Литературная Россия. 1983. № 6. 4 февраля. С. 17; Янушкевич. С. 180; Фризман Л. Г. Декабристы и русская литература. М., 1988. С. 26—27; Иезуитова. С. 169).

Впервые обративший внимание на стихотворение И. А. Бычков (Бумаги Жуковского. С. 12) считал его оригинальным. П. А. Ефремов, приведя в примечании первую строфу, говорил, что это «начало перевода из Ленау» (С 9. Т. 2. С. 566). А. С. Архангельский, впервые опубликовавший полный текст и датировавший его 1827-м г., не оставил к нему никаких примечаний (ПСС. Т. 11. С. 136).

Как установил Ц. С. Вольне, стихотворение Жуковского является вольным переводом стихотворения Людвига Уланда «Der gute Kamerad» («Хороший товарищ».—*нем.*; Стихотворения. Т. 2. С. 535). Это стихотворение Уланда, написанное в 1809 г. и впервые опубликованное в «Poetischer Almanach für das Jahr 1812», стало в Германии популярной народной песней. Связанное с событиями антинаполеоновской освободительной войны в Германии, у Жуковского оно получило новое звучание.

В оригинале 3-стопный ямб переходит в паузник в 1 и 2-м стихах первой и второй строфы. Жуковский последовательно выдерживает размер: 3-стопный ямб с мужскими окончаниями во 2-м и 5-м стихах. Везде последовательно, кроме 1-го стиха, слово «Kamerad» (друг, товарищ) заменено словом «Брат», с эмоциональными определениями: «родной», «родимый», «верный». Многоточия, отсутствующие в подлиннике, создают драматизм рассказа от первого лица.

Для понимания процесса работы Жуковского над переводом характерен черновой вариант, который можно назвать первой редакцией. Ср.:

Был у меня товарищ
По милости небес.
Ударили тревогу,
Мы шли с ним рядом в ногу,
Ружье наперевес.

Ядро куда ж прорвалось?
Кого из нас двоих?
Ему была судьбина.
Он лег у ног моих,
Хотел подать мне руку [далее нрзб.].

А. Янушкевич

1827

Прощальная песнь, петая воспитанницами Общества благородных девиц, при выпуске 1827 года

(«Миновались, миновались...»)

(С. 250)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, № 35, л. 6 об.—8)—черновой.

Впервые: Славянин. 1827. № 9. С. 141—142—с подписью: «Жуковский».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: конец 1826—начало 1827 г.

«Прощальная песнь» 1827 г. продолжает традицию других подобных стихотворений, написанных Жуковским для воспитанниц Общества благородных девиц «на выпуск», традиционно проходивший в феврале. Как и в 1826 г., музыку к ней написал композитор и дирижер К. А. Кавос (см. примеч. к стихотворению «Хор, петый ⟨...⟩ при выпуске 1826 г.»). Стихи были присланы из Дрездена, где тогда вместе с братьями Тургеневыми (Александром и Сергеем) находился Жуковский. Это было время его приготовления к должности воспитателя наследника. Он составляет «План учения великого князя», покупает книги для будущих лекций. «Поэзия мною не покинута,—сообщает он в письме к А. П. Елагиной из Дрездена от 7 февраля 1827 г.,—хоть я и перестал писать стихи, хотя мои занятия и могут со стороны показаться механическими. Есть в душе какая-то теплота, которая животворит ее» (УС. С. 45). «Прощальная песнь...», вобравшая в себя основные мотивы предыдущей поэзии Жуковского, пронизана теплотой этого чувства.

Н. Вётшева

Приношение

(«Тому, кто *Арфою* чудесный мир творит!..»)

(С. 251)

Автограф: ЛН. 1932. № 4—6. С. 346—факсимиле. Подлинник в Веймаре (Goethe und Schiller Archiv).

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ЛН. 1932. № 4—6. С. 346.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 24 (5) августа-сентября 1827 г.

Во время своей второй встречи с Гёте в 1827 г. Жуковский был у него несколько раз. Прибыв в Веймар во вторник, 4 сентября н. ст., он уже 5-го дважды посещает его. Во время одного из визитов (вместе с художником Герхардом Рейтерном, своим будущим тестем) он дарит ему картину известного немецкого художника-романтика и естествоиспытателя Карла Густава Каруса (1789—1869), «изображающую одинокую арфу в рамке готического окна, на фоне отдаленных силу-

этов стрельчатых соборов, залитых лунным светом» (Жирмунский. С. 80). Картина имела аллегорический смысл, связанный с темой гибели Байрона, символически раскрытой Гёте во второй части «Фауста». На обороте картины Жуковский сделал стихотворную надпись-посвящение, обращенную к Гёте, с параллельным французским переводом, помеченную 5-м сентября 1827 г. Французский текст выглядел так: «Offrande à celui dont la harpe a creé un monde de prodiges, qui a soulevé le voile mistérieux de la création, qui donne la vie au passé et prophétise l'avenir» (Речи и отчет Имп. Московского университета. М., 1853. С. 74; Перевод: Дар тому, арфа которого сотворила мир чудес, кто поднял таинственный покров с творения, кто дает жизнь прошлому и предсказывает будущее.—*фр.*).

«Подношение», видимо, понравилось Гёте, и он писал об этой картине 30 сентября 1827 г. живописцу и историку искусств Иоганну Генриху Мейеру: «Замечательная картина Каруса выражает восхищенному взору всю *романтику*, так же как „Геркулес и Телефус" в совершенстве передает классическое» (Goethes Werke. Bd. 43. Weimar, 1908. S. 94. Подлинник по-немецки). Побывавший у Гёте позднее С. П. Шевырев писал к А. П. Елагиной 29 мая 1829 г.: «Гёте показал мне подарок Жуковского — картину, изображавшую арфу у стула, на котором кто-то сидел и оставил плащ свой. Луна ударяет на струны. Эта мысль взята из его *Елены*» (РА. 1879. Кн. 1. С. 139).

Н. Реморова

К Гёте

(«Творец великих вдохновений!..»)

(С. 252)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 5, л. 35) — черновой набросок первых трех строф.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу. Лейпциг, 1872. С. 115.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 25—26 августа (6—7 сентября) 1827 г.

Стихотворение, написанное на третий день приезда Жуковского в Веймар, было подарено Гёте 7 сентября. Накануне Жуковский был у Гёте, о чем свидетельствует запись в дневнике: «К Гёте. Разговор о Елене, о Бейроне. Гёте ставит его подле Гомера и Шекспира» (Дневники. С. 203). Рано утром 7 сентября Жуковский передал канцлеру фон Мюллеру для Гёте свое стихотворение. В веймарском архиве сохранился немецкий прозаический перевод этого стихотворения, сделанный самим Жуковским, с пометкой: «7 сентября 1827 г.» и характерным для мировоззрения Жуковского посвящением: «Dem guten großen Manne» («Доброму великому человеку» — *нем.*). Текст этот приведен в «Беседах канцлера Ф. Мюллера» (см.: Петухов Е. В. Письма В. А. Жуковского к канцлеру Фридриху фон Мюллеру // Новый сборник статей по славяноведению... СПб., 1905. С. 337).

В письме к брату Николаю Ивановичу Тургеневу от 8 сентября 1827 г. А. И. Тургенев, сообщая текст этого стихотворения, писал: «В полночь приехал

Жуковский ⟨...⟩. Он зажился три дня в Веймаре в беседе с Гёте ⟨...⟩. Жуковский жалеет, что меня не было с ним у Гёте. Он был необыкновенно любезен и как отец с ним. Жуковскому хотелось, чтобы я разделил эти минуты с ним; ибо он говорил, что Гёте и Шиллер образовали его...» (Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу. С. 114).

В немецком варианте комплиментарный характер некоторых стихов оказался несколько усиленным. Так, вместо «творец великих вдохновений» поставлено «Offenbarungen» («откровений»); вместо «твое вечернее сиянье» — «Deine herrlich flammende Abendsonne» («твое великолепно пламенеющее вечернее солнце»). Это не особенно понравилось Гёте, и, как пишет Мюллер, по его мнению, он «слишком холодно принял великолепное прощальное стихотворение Жуковского, хотя нашел в нем нечто восточное, глубокое, иератическое (Priesterliches)» (ЛН. 1932. № 4—6. С. 336).

Русского языка Гёте не знал и знакомился с творчеством Жуковского через «Российскую антологию» Бауринга (John Bowring; 1792—1872), первый том которой вышел в 1821 г. В рецензии на другую антологию Бауринга Гёте писал в 1827 г.: «Бауринг ⟨...⟩ еще в 1821 г. подарил нас русской антологией, и ⟨...⟩ мы могли ближе узнать человека, который давно сроднился с нами в любви и приязни: г-на Жуковского. Он любезно почтил нас милыми стихотворениями, и теперь мы имели возможность полюбить и оценить его в более широких границах его творчества» (Стихотворения. Т. 2. С. 537).

Н. Реморова

1828

На мир с Персиею

(«Мы вспомнили прекрасно старину!..»)

(С. 253)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, № 32, л. 1)—беловой, с заглавием: «К портрету оконченной войны» и датой: «15 марта 1828».

Впервые: МТ. 1828. Ч. 20. № 5. С. 27 (ц. р.—21 марта 1828 г.)—с заглавием: «На мир с Персиею» и подписью: «Жуковский»; перепечатано: Славянин. 1828. № 17. С. 40. Тексты идентичны.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 15 марта 1828 г.

В С 8 стихотворение напечатано со следующим примечанием: «Стихи эти были петы на концерте, бывшем в Аничковом дворце у государыни императрицы» (Т. 2. С. 415). К сожалению, автора музыки установить не удалось.

Исторической основой стихотворения послужили следующие события. Летом 1826 г. иранские войска вторглись в долину р. Куры с намерением захватить все Закавказье и отбросить русских за Терек. Отражал нападение иранской армии Отдельный Кавказский корпус, которым командовал известный генерал А. П. Ермолов. В марте 1827 г. Ермолов был отстранен от службы, а на его место был назначен генерал И. Ф. Паскевич. Получив крупное подкрепление, Паскевич освободил Ереван, Тебриз и направил свои войска на столицу Ирана Тегеран, после чего иранский шах запросил мира. 10 (22) февраля в иранском местечке Туркманчай был подписан мирный договор между Ираном и Россией. Текст договора большей частью был составлен А. С. Грибоедовым, который доставил этот договор 14 марта 1828 г. в Петербург. По условиям Туркманчайского мира Россия получила от Ирана восточную Армению с городами Ереван и Нахичевань (подробнее об этом см.: Троицкий Н. А. Россия в XIX веке. М., 1997. С. 119—120).

Во время пребывания Грибоедова в Петербурге весной 1828 г. Жуковский встречался с ним (см.: ЛН. Т. 58. С. 79). Поэт также поддерживал дружеские отношения и состоял в переписке с И. Ф. Паскевичем (РА. 1875. Т. 111. С. 369).

Ст. 1. *Мы вспомнили прекрасно старину!..* — Речь идет, видимо, о русско-иранской войне 1804—1813 гг., завершившейся Гюлистанским мирным договором 1813 г.

Ст. 5—6. *И Русской — в том краю, где был // Утешен мир дугой завета...* — В Библии речь идет о всемирном потопе, ковчеге и о завете, который заключил Яхве с Ноем и его семьей в Араратских горах. Здесь имеется в виду Туркманчайский мирный договор между Россией и Ираном, по которому к России были присоединены Дагестан и северный Азербайджан — территории, прилежащие к Араратским горам.

И. Поплавская

⟨Записка к Н. И. Гнедичу⟩

III

«Здравствуй, мой друг, Николай Иванович Гнедич! Не сетуй...»

(С. 253)

Автограф неизвестен.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 9. Т. 2. С. 559—560.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: конец марта 1828 г.

В октябре 1827 г. Н. И. Гнедич приезжает в Одессу для лечения на водах «грудной болезни». В письме от 27 октября 1827 г. к своей племяннице А. П. Зонтаг, жившей в Одессе, Жуковский сообщает: «Скажите Гнедичу, что я получил письмо его и вместо того, чтобы писать к нему особенно, решился обнять его в вашем письме и вам поручить пожать ему дружески руку. Это значит, что я от себя поручил его вашей дружбе. Радуюсь, что он с вами — это поможет ему вылечиться. Радуюсь, что вы с ним познакомились. С ним будет у вас лад. Скажите ему, что

я весьма жалею, что его здесь не нашел и что его возвращение меня много, много обрадует» (УС. С. 102).

Основанием для датировки стихотворной записки Жуковского к Гнедичу, в которой развиваются мотивы вышеприведенного письма, является прямое упоминание о ней в письме к А. П. Зонтаг от 2 апреля 1828 г.: «Поклонитесь Гнедичу. Получил ли он мои гекзаметры?» (УС. С. 104). Так как в предшествующих письмах от января-февраля 1828 г. к Зонтаг не шла речь о Гнедиче и адресованном к нему гекзаметрическом послании, то можно предположить, что Жуковский сочинил и отправил его в марте, скорее всего к Пасхе (в 1828 г. она была 25 марта).

Подтверждением этого предположения может служить письмо Гнедича Жуковскому от 18 апреля 1828 г.: «Прости любезнейший друг Василий Андреевич! Долее, нежели хотел бы, не отвечал на любезную, прекрасную эпистолу твою ⟨...⟩, отвечать на твои стихи подлою прозою краснела авторская совесть ⟨...⟩. Спасибо за рецепт, мне предлагаемый и составленный тобою, профессор и доктор поэзии и царских чертогов обитатель ⟨...⟩. Итак из рецепта остается годное мне для употребления

Память древности светлой, величие Понта, беседы
Женщины милой с душой поэтической, песни Гомера,

чем я и пользуюсь...»

(РС. 1903. № 7. Июль. С. 119—120).

А. Янушкевич

Государыне Императрице Александре Федоровне
(«Ты памятник себе святой соорудила...»)
(С. 254)

Автограф неизвестен.
При жизни Жуковского не печаталось.
Впервые: С 7. Т. 2. С. 403—404.
Печатается по тексту первой публикации.
Датируется: апрель 1828 г.

В С 8 в примечании к этому стихотворению указано: «Оно относится к апрелю 1828 г. и написано по случаю открытия на Васильевском острове поныне существующего „Дома призрения бедных Императрицы Александры Федоровны“» (Т. 2. С. 523).

В стихотворении благотворительная деятельность императрицы рассматривается в религиозно-этическом и эстетическом контексте и затем получает продолжение в таких произведениях, как «Видение», «Утешение», «Пери».

Ст. 14—16. *Ты знаешь: сеем здесь, а жнем на небесах ~ Заступнее за нас, чем славы гордый прах...* — Известная евангельская цитата. Ср.: Мф 18: 18—19; Мк 12: 42—44; Лк 6: 35, 38.

Ст. 38. *С делами славными супруга твоего...* — Речь идет об императоре Николае I.

И. Поплавская

У гроба Государыни Императрицы Марии Федоровны
В ночь накануне Ея погребения
(«Итак, Твой гроб с мольбой объемлю...»)
(С. 255)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 30, л. 37)—черновой.

Впервые: МВ. 1828. Ч. 12. № 21—22. С. 192—фрагмент стихотворения от слов: «Благодарим, благодарим...» и до конца, с подписью: «Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 4—5. В С 4—отдел «Элегии», с заглавием: «Чувства перед гробом Государыни Императрицы Марии Федоровны». В С 5 (Т. 4. С. 239—244)—среди стихотворений 1829 г., с заглавием: «У гроба Государыни Императрицы Марии Федоровны. В ночь накануне Ея погребения».

Датируется: 12—13 ноября 1828 г.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна, жена Павла I, мать императоров Александра I и Николая I, скончалась 28 ноября 1828 г. в Петербурге, а погребение ее состоялось 13 ноября в Петропавловском соборе. В С 8 в примечаниях к этому стихотворению указывается на существование отдельного издания, нроцензурованного 14 ноября, то есть на другой день после погребения (см.: Т. 2. С. 523), которое нами не обнаружено.

Сам Жуковский в письме к Ю. А. Нелединскому-Мелецкому от 20 ноября 1828 г. так воссоздал историю создания стихотворения: «Считаю обязанностью священною доставить вам то, что я написал на кончину нашей Государыни, нашей незабвенной благотворительницы. Вы были первый, который меня ей представили. Благодаря вам, я имел счастие пользоваться ее милостями; благодаря вам, открылся для меня после случай к ней приблизиться и видеть вблизи эту трогательную благость, эту кроткую снисходительность, которая так сильно всех близких к ней привязывала. Кто бы мог вообразить, чтоб она так скоро нас могла оставить! По сию пору это непонятно. Старики с нею ожили, молодые с нею начали жить—для всех вырвана из жизни главная составная часть ее. Для чего не могли вы видеть ее, так как я видел, несколько минут спустя после ее тихой кончины. Вы бы увидели перед собою лицо, просветлевшее в минуту смерти, на котором смерть, так сказать, написала настоящее имя свое, которое есть *преображение*. Накануне ее погребения я провел ночь у ее гроба: над таким гробом Евангелие понятно. Оно есть слово жизни. *Где два соберутся во имя мое, там и я*. Это я слышал над ее гробом. В моих стихах нет ничего искусственного, вам они будут по сердцу» (С 7. Т. 6. С. 519).

М. П. Погодин в примечании к первой публикации стихотворения сообщал о смерти императрицы следующее: «В воскресенье 28 октября жители Москвы узнали о кончине Императрицы Марии Федоровны. Невозможно описать впечатления, произведенного в городе сим горестным известием. Знатные и простолюдины, богатые и бедные оплакивали искренно Государыню, о которой в продолжение пятидесятилетней ее жизни в России знали только по одним благодеяниям» (МВ. 1828. Ч. 12. № 21—22. С. 191).

4-го ноября тело императрицы было положено в гроб и выставлено в Зимнем дворце для прощания. Как отмечает Н. К. Шильдер, «во время нахождения тела в Зимнем дворце допущены были повседневно на поклонение всякого звания люди. Вынос тела из Зимнего дворца в Петропавловский собор и отпевание последовали 13-го ноября. Процессия шествовала от дворца по Миллионной, Царицыну лугу, Суворовской площади к Троицкому мосту в крепость. За колесницею следовал император Николай в траурной епанче, с распущенною шляпою с длинным флером. Это было последнее погребение члена императорской фамилии, совершенное при соблюдении всего старинного церемониала, установившегося со времени кончины Петра Великого» (Шильдер. Т. 2. С. 184).

В память о покойной матери Николай I учредил в 1828 г. Мариинский знак отличия беспорочной службы. Эта награда вручалась женщинам за долговременную и усердную службу в учреждениях покойной императрицы, а также в других благотворительных и воспитательных заведениях, состоящих в непосредственном ведении государя императора и членов императорской фамилии. О личности и благотворительной деятельности Марии Федоровны см.: Загарин. С. 186—188.

Ст. 48—49. *Сходящий сладкий голос внемлю:* // ***Не возмущайтеся душой!..*** — Ин 14; Лк 24: 37—38.

Ст. 100—101. *И некогда потомки с нами* // *Все повторят:* ***благодарим!*** — В МВ было напечатано: «И внуки повторят за нами: // И с ними свет: *благодарим*!»

И. Поплавская

Видение

(«Блеском утра озаренный...»)

(С. 258)

Автограф (РНБ, он. 1, № 30, л. 38) — черновой, сделанный карандашом.

Впервые: СЦ на 1829 год. Отд. II. С. 49—50 — с подписью: «В. Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 4—5. В С 5 отнесено к 1829 г.

Датируется: декабрь 1828 г.

В С 8 в примечаниях указывается: «... стихотворение относится к первому посещению императрицей Александрой Федоровной принятых 6 декабря 1828 г. под ее покровительство учебных заведений, бывших прежде под управлением скончавшейся императрицы Марии Федоровны» (Т. 2. С. 523).

И. М. Семенко указывает на романтическую идеализацию благотворительности в этом стихотворении (СС 2. Т. 1. С. 416). А. С. Янушкевич связывает это стихотворение со всем комплексом эстетических поисков Жуковского и особенностями его художественного мышления 1825—1830 гг. (Янушкевич. С. 182—183).

И. Поплавская

Солнце и Борей
(«Солнцу раз сказал Борей...»)
(С. 259)

Автографы:
1) РНБ, оп. 1, № 26, л. 113 — черновой.
2) РНБ, оп. 1, № 26, л. 114 — беловой.
При жизни Жуковского не печаталось.
Впервые: Бумаги Жуковского. С. 64—65.
Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.
Датируется: 1828 г.

Основанием для датировки является положение автографа в рукописи и общее содержание стихотворения.

С формальной точки зрения стихотворение напоминает басню, но таковой не является. Казалось бы, в нем есть два символических персонажа, обозначенных, как в басне, прописными буквами: оживляющее землю «теплотой своих лучей» Солнце и холодный северный ветер Борей, говорящий о себе: «С ревом, свистом я летаю, // Всем верчу, все возмущаю, // Все дрожит передо мной! // Так не я ли царь земной?..» Есть здесь и характерное для басни «повествование действия», отражающее противостояние этих персонажей, есть и мораль, вытекающая из изображаемого действия и претендующая на обобщающий смысл: «Видишь: злобы самовластной // Милость кроткая сильней».

Но есть в этой басенной мудрости и нечто, мешающее ее внесоциальному и вневременному восприятию. Понятие «самовластье» сразу переносит наше сознание в политическую атмосферу России последекабрьской эпохи. В конце 20-х — начале 30-х гг. отношения Жуковского с Николаем I резко обострились. Поэт многократно пытается оказать помощь сосланным декабристам и их семьям: в январе 1828 г. он хлопочет перед императором о разрешении на отъезд в Сибирь для жены декабриста И. Д. Якушкина — А. В. Якушкиной. Он пишет царю обширную «Записку» в защиту заочно приговоренного к смертной казни Н. И. Тургенева, помогает в публикации поэмы И. И. Козлова «Княгиня Наталия Борисовна Долгорукая», героиня которой в XVIII в. добровольно отправилась в Сибирь за сосланным супругом; встречается со ссыльным А. Мицкевичем, неоднократно и демонстративно говорит в перлюстрируемых письмах к А. И. Тургеневу о безнравственности правительства. Все это были тщетные попытки просветителя воззвать к разуму и милосердию, убедить царя в том, что «злобы самовластной // Милость кроткая сильней». Ради этих строк стихотворение и писалось. Но для публикации оно не годилось: слишком лично и слишком дерзко, да и цензура вряд ли бы его пропустила.

Н. Реморова

Умирающий лебедь
(«День уж к вечеру склонялся...»)
(С. 260)

Автографы:
1) РНБ, оп. 1, № 26, л. 113 об.— черновой.
2) РНБ, оп. 1, № 26, л. 115 — беловой.
При жизни Жуковского не печаталось.
Впервые: Бумаги Жуковского. С. 65—66.
Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.
Датируется: 1828 г.

Совершенно очевидно, что работа над стихотворениями «Солнце и Борей» и «Умирающий лебедь» шла практически одновременно. Первоначально были написаны черновики обоих стихотворений (л. 113 и 113 об.), потом так же последовательно они были переписаны набело (л. 114, 115), и вслед за этим (л. 115 об.) Жуковский приступил к написанию «Звезды и кометы».

Несомненно, что поводом к созданию «Умирающего лебедя» явились те же грустные размышления поэта о состоянии общественной и личной жизни в России, которые отражены в стихотворении «Солнце и Борей», и так же, как в нем, основная мысль выражена в последних строках. Но обращена она не столько к общественной сфере, сколько к личной, касающейся мыслей Жуковского о своем собственном положении поэта и одновременно воспитателя будущего монарха, что он считал своей высокой миссией, но в успешном исходе ее все более и более сомневался.

Именно к концу 1820-х гг. перед поэтом остро встает вопрос о необходимости отстоять свое человеческое достоинство, не задохнуться в «омерзительном придворном воздухе». В неопубликованном дневнике за 1828 г. он записывает: «Жить при дворе есть учиться или мудрости или подлости. Надобно быть или рабом владыки или рабом долга. В первом случае унижаешь себя. В последнем случае — сохранение своего достоинства. Но это сохранение не без тяжелых ощущений» (РГАЛИ, оп. 1, № 36, л. 6). Жуковский отказывается признать власть «проклятого шпионства», считая единственным судьей над собой свою совесть. В письме к царю от 30 марта 1830 г. поэт писал: «Стихи мои останутся верным памятником и моей жизни и, смею прибавить, славнейших дней Александрова времени. Я жил как писал: остался чист и мыслями и делами» (ПСС. Т. 12. С. 19). В аллегорической форме эти настроения выразились в «Умирающем лебеде»: «Кто на свете жил прекрасно, // Тот прекрасно и умрет». Сам образ-символ умирающего лебедя найдет свое продолжение и развитие в одном из последних стихотворений поэта — «Царскосельский лебедь».

Н. Реморова

Звезда и комета
(«„Посторонись! дорогу дай!"...»)
(С. 261)

Автограф (РНБ, он. 1, № 26, л. 115 об.) — черновой.
При жизни Жуковского не печаталось.
Впервые: Бумаги Жуковского. С. 66 (ст. 1—6).
Впервые полностью: ПСС. Т. 3. С. 76.
Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.
Датируется: 1828 г.

Как было нами установлено (ПМиЖ. 1983. № 10. С. 56—59), басня «Звезда и комета» — вольный перевод стихотворения немецкого поэта Теофиля Конрада Пфеффеля (Pfeffel, 1736—1809) «Der Komet und der Fixstern», находящегося на с. 71 седьмой части его сочинений, хранящейся в библиотеке Жуковского (Описание. № 1837).

В переводе сохранена основная система образов, их соотношение и основная идейная направленность произведения: «повествование действия» строится как столкновение звезды (у Пфеффеля «der Fixstern» — «неподвижная звезда») и «бродящей кометы» (в оригинале она даже прямо названа: «der Vagabund» — «бродяга»), уподобляемое столкновению человеческой мудрости и бессмысленной болтовни глупца. В переводе текст стихотворения увеличен более чем вдвое: у Пфеффеля — 6 строк 6-стопного ямба с парной (первая и вторая строки) и опоясывающей рифмовкой; у Жуковского — 14 строк разностопного ямба с вольной рифмовкой.

Увеличение объема в переводе связано с расширением и углублением характеристик действующих лиц, их определенной психологизацией и некоторой детализацией действия. Так, если в оригинале звезда характеризуется как неподвижная, твердо стоящая «на своем посту» («blieb auf einem Posten stehen»), то в переводе акцент сделан (и это подчеркнуто в тексте самим Жуковским) на присущей звезде способности сиять собственным светом («Осталася в *своих* лучах среди небес»). Если в оригинале звезда в ответ на «вопли» («Geschrey») кометы просто молчит, то в переводе остается «не давшей ей ответа». У Пфеффеля действия кометы являются своего рода знаком, символом поступков «наглого глупца», но и сама комета и ее поступки обрисованы крайне скупо. В переводе комета — символ болтливого и насмешливого глупца, что вытекает из ее слов и действия в самом рассказе басни. Откровенно эмоционально-оценочный характер имеет авторская характеристика, даваемая персонажам и их поступкам: если звезда «осталася в *своих* лучах среди небес», то «светом *не своим* блестящая комета // Промчалась вдаль, а там и след ее исчез».

В переводе-переделке данной пфеффелевской басни обращает на себя внимание еще одна немаловажная деталь: мораль басни для Жуковского периода ее создания (1828 г.) имеет далеко не условный общечеловеческий смысл. В ней очень сильно личностное субъективное начало, проявляющееся не в характерном для ранних басен стремлении «русифицировать обстановку» (В. И. Резанов), но в попытке выразить те идеи, которые он в период осложнившихся отношений с ца-

рем высказывал в своих дневниках, письмах, некоторых стихотворениях (см., напр., стихотворения «Солнце и Борей» и «Умирающий лебедь»). Нет сомнения, что «Звезда и комета» — отклик на вполне конкретные обстоятельства жизни Жуковского, и вероятнее всего, на распространяемые, как он считал, Булгариным, слухи о его участии в «литературных ссорах». Принципиальный противник «журнальной драки», Жуковский, не желавший «покорить себя ни Булгариным, ни даже Бенкендорфу», выразил свое отношение к тем, кто срамит литературу непристойными перебранками, в форме басни.

Н. Реморова

«Меня ты хочешь знать, я *всё* и *ничего*!..»

(С. 261)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 26, л. 117—117 об.) — беловой, с небольшими поправками в ст. 27 (вместо: «Бываю тягостен, бываю и легок» — «Я легок и тяжел, безумен и умен»); на отдельном листке плотной бумаги, без заглавия и даты.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 66 (ст. 1—4).

Впервые полностью: ПСС. Т. 3. С. 76.

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 1828 г.

И. А. Бычков, приведя первые четыре стиха при описании автографа, указал: «Без заголовка. Загадка в стихах» (Бумаги Жуковского. С. 66). Впервые опубликовавший полный текст стихотворения А. С. Архангельский без всяких пояснений отнес его к 1828 г. (ПСС. Т. 3. С. 76). Скорее всего, он опирался в своей датировке на положение автографа в рукописи. Не имея никаких аргументов в пользу другой датировки, присоединяемся к мнению редактора ПСС.

Стихотворение Жуковского принадлежит к популярному роду «загадок в стихах». Мастером этого жанра в европейской литературе был Ф. Шиллер, создавший в 1801—1804 гг. для переведенной им пьесы К. Гоцци «Принцесса Турандот» 15 загадок с ответами (см.: Шиллер Ф. Собр. соч. В 7 т. М., 1955. Т. 1. С. 331—338, 754—755), две из которых, кстати, перевел Жуковский в 1831 г. (см. примеч. к «Двум загадкам»).

Стихотворная загадка Жуковского, основанная на игре слов-палиндромов: «сон — нос», и по своему местоположению в конволюте рукописи, и по характеру примыкает к неопубликованному стихотворному наброску «Есть в русском царстве граф Орлов...» (см. раздел: «Из неопубликованного»).

А. Янушкевич

1829

ИЗ «СОБИРАТЕЛЯ»

«Собиратель» — журнал, созданный Жуковским в 1829 г. с педагогическими целями. Это было своеобразное «Зерцало для князя», традиция которого тесно связана с европейской просветительской мыслью (Фенелон, Энгель, Ансильон и др.). Идея «просвещенного монарха» в сознании Жуковского была откликом его раздумий как наставника великого князя Александра Николаевича (будущего «Царя-Освободителя» Александра II). И если с помощью шести выпусков сборника FWДН Жуковский обучал немецкую принцессу Шарлотту (великую княгиню Александру Федоровну, впоследствии русскую императрицу) русскому языку, то «Собиратель» был новым этапом его просветительской миссии.

Вышло в свет всего 2 номера, оба — в 1829 г. О тщательности подготовки поэта к его изданию свидетельствуют специальные рукописные папки с «бумагами, относящимися к журналу „Собиратель“» (см.: РНБ, оп. 1, № 125, л. 1—28; РГАЛИ, оп. 1, № 3, л. 1—3). Жуковский разрабатывает «план журнала» (РНБ, он. 1, № 125, л. 1), определяет его структуру: «1. Отрывки ⟨...⟩. 2. Выписки ⟨...⟩. 3. Переписка ⟨...⟩. 4. Анекдоты ⟨...⟩. 5. Смесь ⟨...⟩» (Там же).

Однако оба вышедших номера имеют лишь 2 первых раздела: «Отрывки» и «Выписки», каждый из которых включает несколько пронумерованных римскими цифрами рубрик. За исключением отрывка из ноэмы А. С. Пушкина «Полтава» под заглавием: «Полтавский бой» (№ 2. С. 13—17), все остальное содержание журнала — творчество его издателя. И в этом смысле «Собиратель» — «журнал одного автора». Жуковский пытается путем особого подбора «выписок», «отрывков»: от древних (Гомер, Саллюстий, Фукидид, Теренций, Сенека) до своих современников (Карамзин, Байрон, Гёте, Мицкевич) воссоздать своеобразную летопись человеческой мысли, вместе с ними размышляет об истории, природе человека, о назначении поэзии.

Его поэтические сочинения в «Собирателе» — переводы небольших стихотворений разных авторов, опыты поэтической миниатюры — в общем контексте журнала имеют свое место и назначение. Он включает сюда фрагменты своих уже известных произведений. Так, в рубрике «Поэзия» (№ 1) появляется его четверостишие из «Певца во стане русских воинов»:

Певцы сотрудники вождям;
Их песни жизнь победам;
И внуки, внемля их струнам,
В слезах дивятся дедам.

Рядом с размышлениями Шиллера, Гёте, Байрона, Штольберга, Оссиана, Гердера, Мицкевича эта автореминисценция органично вписывается в оригинальную антологию под заглавием «Поэзия». Важно и то, *что* отбирает Жуковский для выписок, и то, *как* он оформляет эти выписки в подборки, и, конечно же, то, *что* он переводит на русский язык, *как* делает «чужое» — «своим».

Памятники

I. «То место, где был добрый, свято!..»

II. «Кто скрыт во глубине сих грозных пирамид?..»

III. «Смертный! смерти учись на могиле вечного града!..»

(С. 263)

Автограф неизвестен.

Копия (РГАЛИ, он. 1, № 3, л. 1—1 об.)—рукою неустановленного лица, авторизованная.

Впервые (за исключением № III): Собиратель. 1829. № I. С. 14—с параллельным текстом (№ I, II), указанием источника для № I: «Goethe». № III при жизни Жуковского не печаталось.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации со сверкой по авторизованной копии (№ III печатается впервые).

Датируется: 1829 г.

В подборку «Памятники», составляющую вторую часть общего раздела «Выписки» из I-го номера «Собирателя», Жуковский включил четыре текста: немецкий (без перевода)—из Шлегеля; французский—с указанием: «Paroles de Periclès», два последних: «То место, где был добрый, свято!..» и «Кто скрыт во глубине сих гордых пирамид?..» даны en regard, в переводе Жуковского. Миниатюра № III в «Собиратель» не вошла, оставшись в рукописи «бумаг, относящихся к „Собирателю“».

Как удалось установить, переведенное из Гёте четверостишие «То место, где был добрый, свято!..» восходит к его драме «Торквато Тассо» (1789) и является переложением стихов 80—82 (действие I, явл. 1-е) этого произведения. Ср.:

> Die Stätte, die ein guter Mensch betrat,
> Ist eingeweiht; nach hundert Jahren klingt
> Sein Wort und seine That dem Enkel wieder.

А. Янушкевич

Мысли (Из Гёте)

I. «Чист душой ты был *вчера*...»

II. «Будь *не солнечен* наш глаз...»

(С. 264)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 125, л. 3 об.)—беловой.

Впервые: Собиратель. 1829. № 2. С. 19—в рубрике: «VII. Мысли, заимствованные из древних и новых классиков», с параллельным немецким текстом и указанием источника: «Goethe».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.
Датируется: 1829 г.

Источник обоих четверостиший — «Кроткие ксении» («Lahme Xenien») Гёте. Ксениями (от греческого — xenia: 1) подарок гостям; 2) юмористическая миниатюра в стихах) Гёте и Шиллер назвали серию сатирических эпиграмм на политические и эстетические темы, впервые опубликованных в «Альманахе муз на 1797 г.» и вызвавших отклик в обществе. Считается, что наиболее резкие из эпиграмм принадлежали Шиллеру.

Гёте и в дальнейшем широко использовал жанр стихотворной миниатюры, восходящий у него как к античной, так и к народной традиции, к так называемым «шпрухам» (от нем. der Spruch — изречение, афоризм, сентенция), известным еще со времен Средневековья и заключавшим в себе меткие суждения о жизни, моральные сентенции. Свои миниатюры Гёте назвал «кроткими ксениями» и выражал в них свои мысли по разным жизненным поводам, преимущественно связанным с историко-литературными, общеэстетическими и естественно-научными проблемами, подаваемыми через эмоционально насыщенные поэтические образы и символы.

Первая переведенная Жуковским миниатюра взята из 4-го раздела «кротких ксений»:

Liegt dir *Gestern* klar und offen,
Wirkst du *Heute* kräftig frei,
Kannst du auf ein Morgen hoffen,
Das nicht minder glücklich sei.

Если *вчера* тебе всё было ясно и открыто,
Если *сегодня ты* действуешь в полную силу,
То и завтра можешь надеяться,
Что будешь не менее счастлив.

В своей миниатюре Гёте утверждает мысль о счастье как результате постоянной, упорной деятельности, мысль, входящую в круг идей «Фауста», над которым автор в эти годы интенсивно работает (ср. в «Фаусте»: «В деянии начало бытия»). Графически выделив в тексте ксении «вчера» и «сегодня», автор не выделяет «завтра», ибо оно существует лишь в потенции и, наступив, превращается в «сегодня» и требует новой самоотдачи.

Внешне перевод Жуковского близок к оригиналу. В нем сохранен объем миниатюры, существенные для автора понятия «вчера», «сегодня» и «завтра» как выражение бесконечности времени, в которой действуют общие законы бытия. Однако в переводе четверостишие приобретает более общий смысл, а понятие счастья как высшего мгновения творчества заменяется понятием добродетели, столь важным для моральной философии Жуковского. Проблема добродетели и самоусовершенствования входит в перевод Жуковского как органическая часть его просветительской программы и «урока царям».

Вторая миниатюра взята из III раздела «Кротких ксений» и связана с гётевским «Учением о цвете», в которое включалось и изучение глаза как органа, воспринимающего свет. «Гёте был убежден в наличии связи между идеями природы и идеями наблюдателя и исследователя» (Конради К.-О. Гёте: Жизнь и творчество. М., 1987. Т. 2. С. 494), и поэтому четверостишие включил в вводную главу к «Учению о свете». Ср.:

Wär' nicht das Auge sonnenhaft,
Die Sonne könnt' es nie erblicken;
Läg' nicht in uns des Gottes eigne Kraft,
Wie könnt uns Göttliches entzücken?

Если бы глаз не был солнцесодержащим,
Он не мог бы увидеть солнце,
Если бы в нас не была вложена собственно божественная сила,
Как могло бы нас восхищать божественное?

В оригинале первое двустишие построено как утверждение некоего положения и естественно завершается точкой. Второе — риторический вопрос, ответ на который предопределен представлением о божественной сущности человека и который, с точки зрения автора, подтверждает его научный тезис. Не случайно Гёте, говоря о человеческом глазе, употребляет слово sonnenhaft, что буквально значит «содержащий солнце». Жуковский превращает оба двустишия в два одинаково сформулированных риторических вопроса, предполагающих равнозначный ответ. По смыслу перевод достаточно близок к оригиналу, однако Жуковский заменяет во втором стихе лишенный экспрессивной окраски глагол erblicken (увидеть) на «любоваться», а в третьей строке появляется «Дух Божий». Натурфилософская концепция света у Жуковского тесно связана с Божественным Промыслом и духовной жизнью индивидуума.

Изменен в миниатюре и размер стиха. В оригинале это разностопный ямб со схемой 4454 и перекрестной рифмовкой; в переводе — четырехстопный хорей с тем же чередованием рифм.

Н. Реморова

Смертный и боги
(«Клеанту ум вскружил Платон...»
(С. 264)

Автограф неизвестен.
Впервые: Собиратель. 1829. № 2. С. 12—13.
В прижизненные собрания сочинений не входило.
Печатается по тексту первой публикации.
Датируется: 1829 г.

Стихотворение является пятым (в журнале дано под римской цифрой V) в разделе «Отрывки» и соотносится с предыдущим (четвертым)—под заглавием: «Gott und Natur», которое напечатано без перевода. В нем выражена вера в гармонию мироздания, которое прославляется каждым живым существом, утверждается невозможность смертного проникнуть в тайны Божественного. Наконец, звучит призыв к читателям «в золотое время юности» стремиться к вершинам знания: «Посвятите себя только истине: требуют истину и дают истину Бог, история и природа». Это достаточно дидактическое стихотворение как бы вступает в диалог с озорным и, по всей вероятности, оригинальным—«Смертный и боги».

То, что в немецком стихотворении неизвестного автора утверждалось как неоспоримая истина, как догма, в стихотворении Жуковского дано в шутливой травестированной форме. Возникает своеобразный диалог смертного и богов. Человек (смертный) как бы приходит к этой мысли путем непосредственного опыта.

И здесь мы позволим себе не согласиться с утверждением Ц. С. Вольпе, что стихотворение «написано под влиянием идей Гёте о гармонии сфер» (Стихотворения. Т. 2. С. 515). Исследователь имеет в виду «Фауста» Гёте. Во-первых, мысль о непознаваемости тайн мироздания не характерна для Гёте. Во-вторых, характер отношения Жуковского к личности и творчеству немецкого поэта вряд ли мог допустить возможность подобной травестийной интерпретации его идей со стороны русского поэта, пусть даже и не всегда их до конца разделявшего.

Н. Реморова

Homer

(«Веки идут, и веки уходят, а пенье Гомера...»)

(С. 265)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 125, л. 4—беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 177.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 1829 г.

Перевод четверостишия немецкого просветителя И. Г. Гердера (1744—1803), взятого Жуковским из 10-й части серии «Zur schönen Literatur und Kunst» (Johann Gottfried von Herder's Sämmtliche Werke. Bd. 1—33. Tübingen, 1805—1810—Th. 10. S. 53). экземпляр этого издания находится в библиотеке Жуковского с многочисленными его пометами (см.: Описание. № 12780). Вот его текст:

Homer

Zeiten hinab und Zeiten hinan, tönt ewig Homerus
Einiges Lied; ihn krönt jeder olympische Kranz.
Lange sann die Natur, und schuf, und als sie geschaffen,
Ruhete sie und sprach: *einen Homerus der Welt!*

Это четверостишие было без перевода включено Жуковским в «Собиратель» (№ 2. С. 29), где многие тексты в разделах «Отрывки», «Мысли», «Выписки» давались на языке оригинала.

Перевод четверостишия остался в рукописях поэта, в папке бумаг для журнала «Собиратель». Вероятно, поэт первоначально намеревался напечатать перевод, но передумал и ограничился оригиналом. Перевод точно передает смысл и форму подлинника.

Н. Реморова

«Некогда муз угостил у себя Геродот дружелюбно!..»
(С. 265)

Автограф: РНБ, оп. 1, № 30, л. 40 — черновой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 93.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 1829 г.

Двустишие является переводом дистиха И. Г. Гердера, взятого Жуковским из 10-й части серии «Zur schönen Literatur und Kunst» (S. 95). См примеч. к стих. «Homer». Вот его текст:

Als Herodotus einst die Musen freundlich bewirthet.
Schenkten zum Danke sie ihm jede derselben ein Buch.

Это двустишие без перевода было включено в «Собиратель» (№ 1. С. 19) в раздел IV — «История».

Перевод дистиха расположен в рукописи на л. 40, где также находятся наброски перевода первых строк 24-й песни «Илиады» и отрывок из Оссиана «Барды поют...», опубликованный в том же номере «Собирателя» (С. 16), что и немецкий текст дистиха.

Весь контекст рукописи убедительно доказывает, что перевод дистиха Гердера готовился для «Собирателя» и был создан на рубеже 1828—1829 гг. Чем руководствовался Ц. С. Вольпе, указав в комментариях к двустишию: «конец 1830, после 27 ноября» (Стихотворения. Т. 2. С. 538),— не ясно. Тем более, что в комментарии нет указания на несогласие с датировкой А. С. Архангельского — 1829 г. (ПСС. Т. 3. С. 79, 150), что соответствует истине, однако в последующих комментариях к редким публикациям двустишия принятой оказалась датировка Вольпе (см., например: СС 1. Т. 1. С. 379).

Ст. 2. *Каждая муза ему книгу оставила в дар.*— История Греции Геродота (ок. 480—426 до н. э.) состоит из 9 книг, каждая из которых названа по имени одной из девяти муз.

Н. Реморова

Главк Диомеду
(«Друг, для чего о породе моей меня вопрошаешь?..»)
(С. 266)

Автограф неизвестен.

Копия (РГАЛИ, оп. 1, № 3, л. 1) — рукою неустановленного лица, авторизованная, без заглавия.

Впервые: Собиратель. 1829. № 1. С. 13 — с заглавием: «Главк Диомеду» и указанием под стихами: «Илиада, II. VI».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по авторизованной копии.

Датируется: 1829 г.

Фрагмент из 6-й песни Гомеровой «Илиады» (ст. 145—149) Жуковский превращает в самостоятельное стихотворение, дав ему при публикации заглавие. Показательно, что при последующих переводах «Илиады» (1829, 1849—1851 гг.) он больше не обращался к этому отрывку.

На страницах «Собирателя» это стихотворение находится в рубрике «Ничтожность человека на земле». Три отрывка: библейский — «Дни человека яко трава...» (Пс 102: 15—16), из «Илиады» Гомера и из «Песен в Сельме» Оссиана: «Зачем пробуждаешь меня, ветер весенний...», следующие друг за другом, воссоздают своеобразные этапы человеческой рефлексии о превратностях судьбы.

Разумеется, Жуковский не случайно выбирает именно этот отрывок из «Илиады». По мнению комментатора гомеровской поэмы, это «одно из многих встречающихся у Гомера пессимистических суждений о судьбе человека» (Гомер. Илиада / Пер. Н. И. Гнедича; Изд. подгот. А. И. Зайцев. Л., 1990. С. 465. Сер. «Лит. памятники»). Вместе с тем это и символическая сцена примирения противников, что в атмосфере последекабрьских событий могло иметь определенный аллюзионный смысл.

В своей работе над переводом фрагмента Жуковский не мог не учитывать опыта своих предшественников, прежде всего Н. И. Гнедича. Ср.:

> **Сын благородный Тидея, почто вопрошаешь о роде?**
> **Листьям в дубравах древесных подобны сыны человеков:**
> **Ветер одни по земле развевает, другие дубрава,**
> **Вновь расцветая, рождает, и с новой весной возрастают;**
> **Так человеки: сии нарождаются, те погибают.**
>
> (Гнедич Н. И. Стихотворения. Л., 1956. С. 424).

Сравнение показывает, что Жуковский, сняв обращение к сыну Тидея, придал отрывку более обобщенный характер. Очевидна определенная ориентация Жуковского на переложенные им стихи из 102-го Псалма: «*Дни человека яко трава. Как сельный цвет отцветает он. Ветер пройдет над ним, и его не будет, и место, на коем он цвел, не узнает его*» (Собиратель. 1829. № 1. С. 13).

А. Янушкевич

1830

Стихи, написанные для лотереи в пользу бедных

(С. 267)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, № 31, л. 1)—черновой, на отдельном листке, с датой: «1830».

При жизни Жуковского не печатались.

Печатаются впервые.

Датируются: 1830 г.

Лотереи с розыгрышем одного или нескольких предметов в пользу конкретного лица или в пользу бедных были одним из любимых развлечений и форм благотворительности при русском дворе. В ноябре 1817 г. в дневнике Жуковского зафиксировано его участие в одной из таких лотерей: «В лотерее лучшим лотом было иетинетовое платье; его выиграла Государыня, которая из него потом сделала лотерею, назначив его наперед жене Адлерберга» (Дневники. С. 58).

В. А. Соллогуб вспоминает, что лотереи были одним из любимых развлечений императора Николая I: «... иногда устроивалось следующее развлечение, которое государь особенно любил и принимал в нем участие как главное действующее лицо. Из английского магазина во дворец требовались разного рода вещи: золотые и серебряные изделия, статуэтки, малахитовые чернильницы, разнородные веера, пряжки и т. д. ⟨...⟩. Надо сказать, что под каждой из названных мною выше вещей вместо номера лежало название карты: двойка бубен, или десятка треф, или валет червей и проч.— Господа,—обращался к окружавшим его столик царедворцам Государь,—кто из вас желает купить у меня девятку червей?.. Славная карточка! ⟨...⟩ Когда все карты были распроданы, Государь вставал и в сопровождении одного из дежурных подходил к столам, на которых были размещены вещи; дежурный адъютант ⟨...⟩ называл имена карт, ⟨...⟩ а Государь сам лично вручал их выигравшим. Из денег, вырученных за проданные карты, выплачивались вещи, взятые из английского магазина; остальные—обыкновенно очень порядочная сумма—раздавались петербургским бедным» (Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 488—489).

Для двух подобных лотерей 1826 г. Жуковский написал два экспромта: «Тому блаженства будет на год...» и «По милости своей...» (см. примеч. в наст. томе), которые, очевидно, были приложены к соответствующим лотам. Наконец, известно, что одну такую лотерею Жуковский в 1838 г. организовал сам, выставив на ней в качестве лота свой портрет кисти К. П. Брюллова, чтобы выкупить на вырученные деньги Т. Г. Шевченко из крепостной неволи (об этом см.: Смирнова-Россет. С 19, 640; Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников. М., 1962. С. 58; РС. 1902. № 4. С. 121—133).

Лотерея, для которой Жуковский написал публикуемые стихи, оставила свой след в воспоминаниях А. О. Смирновой-Россет: «Потом я пошла осматривать город [Новая Ладога] и вдруг вижу огромного роста мужчину в белых штанах, в

ботфортах и треуголке с черным пером и вижу, что он следует примеру Амоса Федоровича [имеется в виду Аммос Федорович Ляпкин-Тяпкин, персонаж комедии Н. В. Гоголя „Ревизор"; здесь ошибка памяти мемуаристки, поскольку речь идет о явной аналогии с Городничим.— *О. Л.*] и в каждой лавке съест изюмцу, то чернослив, „чтобы быть лениву".— Какая прекрасная рифма: чернослив и ленив, и это очень пользительно.— Это сочинил Жуковский на лотерее у наследника, где я выиграла ужасный малахитовый кувшин, который Шереметев не постыдился пожертвовать в пользу бедных» (Смирнова-Россет. С. 438).

Закавыченные слова «чтобы быть лениву» в сочетании со словом «чернослив» — неточная цитата из экспромта № 5 (ср.: «Ах, как будешь ты счастлив, // Убирая чернослив»), свидетельствующая, что в данном фрагменте «Автобиографических записок» речь идет именно о той лотерее, к которой Жуковский написал публикуемые экспромты. К сожалению, мемуары А. О. Смирновой-Россет не дают возможности уточнить датировку этого текста.

№ 1. *...бергамоты...*— Сорт груши.

№ 7. *...шептала.*— «Сушеные персики, привозимые из Азии» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1980. Т. 4. С. 628).

О. Лебедева

1831

«Звезды небес...»

(С. 269)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 30, л. 81) — черновой, без даты и заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ПСС. Т. 11. С. 135.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: начало 1831 г.

Две первых строки: «Звезды небес, // Тихая ночь!» завершали стихотворение «9 марта 1823», связанное с последним предсмертным свиданием Жуковского с Машей Протасовой. Еще А. Н. Веселовский указал на связь этих двух стихотворений (Веселовский. С. 238). Впервые опубликовавший этот текст А. С. Архангельский датировал его промежутком между 1822-м и 1831 г. и отнес к числу незавершенных (ПСС. Т. 11. С. 135). Ц. С. Вольпе воспроизвел этот текст, исправив неверное прочтение отдельных стихов в ПСС и отнеся его безусловно к 1831 г. на основании положения автографа в рукописи (Стихотворения. Т. 2. С. 534). Однако он включил это стихотворение в раздел «Варианты и другие редакции», так как, по его мнению, «Жуковский пытался продолжить стихотворение „19 марта 1823", ощущая, что два последние стиха, сами по себе, в конце стихотворения могут ощущаться привеском» (Там же).

Как удалось установить немецкому слависту Х. Эйхштедт, стихотворение Жуковского является переводом «пятистрофного стихотворения» неизвестного автора, скрывшегося за подписью «Х», под заглавием «Erwarten» из сборника песен Августа Вейрауха: «Elf deutsche Lieder von Schiller, Goethe und anderen, in Musik gesetzt und dem hochwohlgeb. Frl. Jenny von Lilienfeld dankbarlichst zugeeignet von August Heinrich von Weyrauch. Dorpat... den 28 Juli 1822» (№ 11). См.: Eichstädt. S. 82—84.

Из всего стихотворения «Ожидание» («Erwarten») Жуковский перевел лишь первую строфу. Трудно сказать, хотел ли он ею закончить «9 марта 1823» или же двумя первыми стихами придал тексту стихотворения законченную незаконченность. Ясно одно: так как при жизни он не публиковал ни один из текстов, то их можно рассматривать как два самостоятельных произведения, имеющих между собою внутреннюю связь.

Стихотворение «Звезды небес...» возникло не случайно в 1831 г., скорее всего, в самом его начале, как воспоминание о деритских впечатлениях, связанных с последними днями жизни Маши Протасовой. В письме к А. П. Елагиной от 1 января 1831 г., поздравляя ее с Новым годом, Жуковский пишет, что «провел эти последние минуты прошлого и первые минуты нового между двумя гробами» (имеется в виду смерть Маши и Саши Протасовых). И далее поэт приводит обширные выписки из предсмертного дневника Маши, в том числе запись от 4 марта 1823 г.: «Ich schicke ihnen die Weyrauch'schen Lieder zum Geschenke...» («Я посылаю вам на память песни Вейрауха» — *нем.*: УС. С. 51—52).

По всей вероятности, именно это воспоминание и стало импульсом для обращения поэта в 1831 г. к переводу песни из сборника Августа Вейрауха. И в свете этого появление стихотворения «Звезды небес...» как самостоятельного текста не выглядит загадочным и малопонятным.

А. Янушкевич

«В долину к пастырям смиренным...»

(С. 269)

Автографы:

1) ПД. № 27807, л. 40 об.— первая черновая редакция первых трех строф (см. ниже).

2) РНБ, оп. 1, № 30, л. 81 — черновой всего текста, без заглавия и даты.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1873. Т. 2. № 9. Стб. 1702 — без заключительных четырех стихов, с произвольным редакторским заглавием: «Явление (Отрывок)». Публикация К. С. Сербиновича. Заключительные четыре стиха были впервые опубликованы И. А. Бычковым: Бумаги Жуковского. С. 85.

Впервые полностью: С 9. Т. 2. С. 512—513 — с заглавием: «Явление» и подзаголовком: «Из Шиллера».

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу, без заглавия.

Датируется: начало 1831 г.

Основанием для датировки стихотворения является его положение в рукописи: на л. 81 (автограф № 2) рядом с ним находится автограф стихотворения «Звезды небес...», навеянного Жуковскому воспоминанием о М. А. Протасовой в канун 1831 г. (см. примеч. к стихотворению «Звезды небес...»).

Стихотворение «В долину к пастырям смиренным...» является переводом стихотворения Ф. Шиллера «Das Mädchen aus der Fremde» («Девушка с чужбины»; 1796), которое можно назвать своеобразным эстетическим манифестом Шиллера, в аллегорической форме изображающем поэзию. «Этим стихотворением должна была открыться книга его избранных стихов. Смерть Шиллера помешала выходу книги» (Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т. М., 1955. Т. 1. С. 744).

Перевод Жуковского 1831 г. соответствует пяти строфам шиллеровского 6-строфного стихотворения; четвертую строфу Жуковский выпустил в своем переводе. История интереса русского поэта к этому тексту Шиллера восходит к концу 1817 г.: именно в это время в «Книге Александры Воейковой» (автограф № 1) появляется первый неполный вариант перевода. Датировать этот текст концом 1817 г. позволяет его положение в рукописи: на л. 40 черновому наброску перевода предшествуют беловые автографы двух переводов из Гёте: «Новая любовь— новая жизнь» и «Кто слёз на хлеб свой не ронял...», осуществленных Жуковским в сентябре-октябре 1817 г. (см. примеч. к указ. стихотворениям). Поскольку эта ранняя редакция перевода никогда не печаталась, считаем необходимым привести ее здесь:

В долину, к пастухам в селенье
Являлась каждою весной,
При первом жаворонков пенье,
Девица, диво красотой!

Она не в тех странах родилась;
Отколь она, никто не знал;
Придет — долина обновилась;
Уйдет — и след ее пропал.

При ней веселость оживала;
И сладкий жар бежал в сердца;
Но робость некую вселяла
Она величием лица.

Ранняя редакция перевода больше соответствует метрике и строфике немецкого подлинника, написанного четверостишиями 4-стопного ямба с чередованием женских и мужских рифм; перевод 1831 г. выполнен белым 4-стопным ямбом в астрофической форме.

После того как Жуковский набросал первые три строфы перевода стихотворения Шиллера в 1817 г., этот текст еще раз оставил свой след в его поэтическом сознании и письменном наследии. В мае 1821 г., во время пребывания Жуковского в Берлине, кронпринц Фридрих Вильгельм (будущий король прусский Фрид-

рих Вильгельм IV, брат великой княгини Александры Федоровны) по просьбе Жуковского записал в альбом, подаренный поэту великой княгиней, 6 стихов из стихотворения Шиллера «Das Mädchen aus der Fremde»:

Beseeligend war ihre Nähe,
Und alle Herzen wurden weit;
Sie brachte Blumen mit und Früchte
Gereift auf einer andern Flur,
In einem andern Sonnenlichte,
In einer glücklichen Natur.

d. 28 May 1821 nach dem Wunsche meines theuern Schukowsky. F.W. (РБ. 1912. № 7—8. С. 140)

[Перевод:

Присутствие ее делало счастливым,
Все сердца раскрывались перед ней;
Она несла с собой цветы и плоды,
Созревшие на иной ниве,
В свете иного солнца,
Среди счастливой природы.

28 мая 1821 г. по желанию моего дорогого Жуковского. Ф.⟨ридрих⟩ В.⟨ильгельм⟩— *нем.*]

Характерно, что 4 заключительные стиха этого фрагмента являются той самой четвертой строфой стихотворения Шиллера, перед которой оборвана ранняя редакция перевода Жуковского 1817 г. и которая не переведена русским поэтом в 1831 г. Можно высказать предположение, что и в 1817-м, и в 1831 г. эта строфа имела для Жуковского слишком личный автобиографический смысл. В 1817 г. поэт мог отождествить образ «девушки с чужбины» с М. А. Протасовой, недавно вышедшей замуж за И. Ф. Мойера, а после записи Фридриха Вильгельма в альбоме, подаренном Жуковскому великой княгиней Александрой Федоровной, этот образ мог приобрести в сознании Жуковского ассоциативную связь с его царственной ученицей.

О. Лебедева

ДВЕ ЗАГАДКИ

I. «Не человечьими руками...»

II. «На пажити необозримой...»

(С. 270)

Автографы:

1) ПД. Библиотека Жуковского (собрание А. Ф. Онегина-Отто), F. Schillers sämmtliche Werke. Bd. 1—12. Stuttgart und Tübingen, J. G. Gotta, 1812—1815. Bd. 9/1. S. 150 — черновой, карандашом на полях страницы и между строк немецкого текста.

2) РНБ, оп. 1, № 30, л. 44 — беловой.

Копия (РГИА, ф. 1673 (А. С. Шишков), оп. 1, № 287, л. 2)—рукою неизвестного лица, с пометами П. А. Вяземского.

Впервые: Муравейник. 1831. № 3. С. 31—32—с заглавием: «Две загадки», без подписи.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по беловому автографу.

Датируется: между 10 и 17 марта 1831 г.

Текст «Двух загадок» датируется по положению в беловой рукописи: на л. 40 записана часть белового автографа баллады «Кубок» с датой: «10 марта 1831», на л. 47—автограф баллады «Жалобы Цереры» с датой: «17 марта [1831 г.]».

Перевод двух стихотворений (1 и 3) из цикла Ф. Шиллера «Parabeln und Rätseln» («Притчи и загадки»), весьма свободный по своему характеру: сохранив размер оригинала (4-стопный ямб), Жуковский перевел загадки Шиллера в астрофической форме (в подлиннике загадка 1 содержит три, загадка 3—четыре катрена), снял заключающие шиллеровские тексты вопросы (ср. в загадке 1: «So sprich, *wo* sich die Brücke findet, // Und wer sie künstlich hat gefügt?» [«Так скажи, где находится мост // И кто его искусно воздвиг?»—*нем.*]; в загадке 3: «Die Herde, kannst du sie mir deuten, // Und auch den Hirten zeig mir an» [«Можешь ли ты указать мне стада // И пастуха покажи мне также»—*нем.*]); кроме того, при сохранении основных образных мотивов загадки 3 (в переводе Жуковского—2) поэт перекомпоновал их и увеличил количество стихов до 20 (у Шиллера—16) за счет распространения и детализации образов. Ср.: «Auf einer großen Weide gehen // Viel Tausend Schafe silberweiß» [«На огромном лугу бродят // Многие тысячи серебряно-белых овец»—*нем.*]—«На пажити необозримой, // Не убавляясь никогда, // Скитаются неисчислимо // Сереброрунные стада».

Ответы: на загадку 1—радуга; на загадку 2—звезды и месяц.

Ст. 17—20. *У них есть вождь*—***Овен*** *прекрасный ~ И* ***Дева***—*чудо из чудес...*—Овен, Пес, Лев и Дева—названия созвездий (кроме созвездия Гончих Псов—все зодиакальные).

О. Лебедева

Приход весны

(«Зелень нивы, рощи лепет...»)

(С. 271)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 30, л. 49 об.)—беловой, с заглавием: «Приход весны», без даты.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1873. Т. 2. № 9. Стб. 1701. Публикация К. С. Сербиновича с произвольным заглавием: «Появление весны».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: между 17 и 19 марта 1831 г.

Основанием для датировки является положение автографа в рабочей тетради Жуковского 1831 г. Автограф стихотворения «Приход весны» расположен между черновых строф баллад «Доника» (л. 48) и «Жалоба Цереры» (л. 45—49 об.) — с датами при начале: «17 марта» и в конце: «19 марта» [1831 г.].

Стихотворение «Приход весны» является переводом стихотворения Людвига Уланда «Lob des Frühlings» («Похвала весне»), с некоторыми формальными отступлениями от оригинала: сохраняя 4-стопный хорей подлинника, Жуковский дополняет безударными слогами синкопированные в немецком подлиннике вторую и четвертую стопы и слегка меняет схему рифмовки: АБАввБ — в подлиннике, ааБввБ — в переводе. В смысловом отношении существенных отступлений нет.

О. Лебедева

⟨Помпея и Геркуланум⟩

(«Что за чудо свершилось? Земля, мы тебя умоляли...»)

(С. 271)

Автографы:

1) ПД. Библиотека В. А. Жуковского (Описание. № 2754) — Friedrich von Schillers sämmtliche Werke. Bde 1—12. Stuttgart; Tübingen, 1812—1815. Bd. 9/1. S. 151 — черновой, на нижнем поле страницы.

2) РНБ, оп. 1, № 26, л. 127 — беловой, без заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 71 (ст. 1—2).

Впервые полностью: БЖ. Ч. 3. С. 532. Публикация О. Б. Лебедевой.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: март 1831 г.

Хронологические ориентиры для датировки текста дает время создания двух четко датируемых текстов переводов Жуковского из Шиллера, черновые автографы которых находятся в том же 9-м томе (полутом 1-й) Полного собрания сочинений Шиллера из библиотеки поэта. Между 10 и 17 марта 1831 г. был осуществлен перевод второй из «Двух загадок» (см. примеч.), а 15—17 марта 1831 г. — перевод повести «Перчатка». Хотя из т. 9 страницы с автографом «Перчатки» (С. 129—130) «кем-то давно вырваны», как это следует из записи А. Ф. Онегина-Отто на форзаце описанного тома, они обнаружены нами в архиве Помяловского (РНБ, ф. 608, оп. 1, № 4876). Вероятно, все черновые автографы в 9-м томе собрания сочинений Шиллера относятся к марту 1831 г. (кроме уже упомянутых, в 9-м томе есть еще черновой автограф баллады «Кубок» — окончена 10 марта 1831 г. — и первоначальный вариант перевода романса «Сражение с змеем»).

Стихотворение «Что за чудо свершилось?..» представляет собой неполный (из 56 стихов подлинника Жуковский перевел 22), но в смысловом и интонационном отношении вполне законченный перевод исторической элегии Ф. Шиллера «Pompeji und Herkulanum»; беловая рукопись в РНБ оформлена как законченный текст на отдельном листе. С формальной точки зрения к метрике и строфике ори-

гинала русский поэт весьма близок: и немецкий подлинник и русский перевод написаны элегическим дистихом. Однако с точки зрения интонационной перевод Жуковского характеризуется более напряженной эмфатикой: увеличивая количество вопросительных и восклицательных знаков, русский поэт переводит эпическую элегию Шиллера в характерную для его собственной элегической поэтики вопросно-ответную интонационную систему. О характере перевода подробнее см.: БЖ. Ч. 3. С. 532—535.

Ст. 11—12. *Мимы, где вы? Спешите на сцену! Готовую жертву, // Сын Атреев, сверши! Выступи, хор Эвменид!..* — Имеется в виду трагедия «Хоэфоры», вторая в трилогии древнегреческого трагика Эсхила «Орестейя». *«Сын Атреев»* — Орест, убивающий свою мать Клитемнестру; за это преступление его преследуют богини мщения Эринии, которые в третьей части — трагедии «Эвмениды» — превращаются в благожелательные божества Эвмениды, после того как Орест искупает свою вину.

О. Лебедева

Замок на берегу моря

(«„Ты видел ли замок на бреге морском?..“»)

(С. 272)

Автограф неизвестен.

Впервые: Муравейник. 1831. № 4. С. 22.

В прижизненных изданиях: С 4, 5 (в С 4 — отдел «Романсы и песни», в С 5 — в подборке произведений 1832 г., в оглавлении — с подзаголовком, указывающим на источник перевода: «Из Уланда».

Датируется: 28 марта 1831 г.

Перевод стихотворения «Das Schloß am Meere» («Замок у моря») Л. Уланда, написанного в 1805 г. и опубликованного в «Musenalmanach für das Jahr 1807» (Hrsg. von Leo von Seckendorf. Regensburg). В рукописном перечне стихотворений 1831 г. перевод датирован 28 марта (см.: РНБ, № 35, л. 8 — рукою Жуковского). Жуковский изменил ритмику и строфику оригинала (стихотворение Уланда написано куплетной строфой, паузником, с чередованием 4- и 3-стопных стихов; у Уланда 8 строф по 4 стиха, у Жуковского 6 по 3 стиха; как отмечает С. А. Матяш, трехстишиями Жуковский, как правило, пользовался в стихах, отличающихся лаконизмом и остротой лирического переживания (Матяш С. А. Метрика и строфика Жуковского. С. 45). При этом Жуковский довольно точно передал содержание подлинника. Перевод сделан с небольшими сокращениями. В «Общем оглавлении» первого прижизненного собрания сочинений стихотворение отнесено в отдел «Романсы и песни». Соответственно Жуковский последовательно использует принцип движения лирической темы, характерный для народной песни, так называемое амебейное построение, основанное на параллелизме композиционно значимых частей и образов (отсюда и изменение — уменьшение — объема стихотворения, которое становится, по сравнению с подлинником, более емким и четким в своей архитектонике). Явления природы переданы, как и в подлиннике, в свете

восприятия лирического героя, но в переводе текст Уланда психологизирован, картина отношения героя к окружающему миру сложнее и глубже, многозначнее. Жуковский блестяще передает поэтическое впечатление «песенной» метрикой, гармонией стиха, звукописью, элегическими интонациями (очень большое значение придается вопросительной интонации, обращениям, единообразию музыкальных периодов, мелодическим переходам находящихся под ударением звуков (напр., «Царя и царицу я видел...»). При этом переводчик избегает стилевых штампов («украшений»), используя «прозаическое» перечисление деталей картины. Все это Жуковский «заимствует» из собственной поэтической системы.

И. Айзикова

Исповедь батистового платка

(«Я родился простым зерном...»)

(С. 272)

Автограф (РНБ, он. 1, № 36, л. 9 об.—10)—черновой, с датой: «22 июля».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 99—100.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 22 июля 1831 г.

Автограф стихотворения находится в окружении произведений, написанных в 1831 г., что и позволяет его отнести к этому году. В шутливых натурфилософских и бытовых (галантно-ритуальных) метаморфозах (от зерна, брошенного в землю, до платка княжны Урусовой, разыгранного в лотерею) используются мотивы идиллии «Овсяный кисель» (см. примеч.). Для этого стихотворения характерна общая эстетическая концепция поэтического мира Жуковского: шутливый дидактизм стихотворения «на случай» и расширение картины мира до универсальных масштабов.

Ст. 25—28. *Пока я цвел и созревал ~ И думал век прожить на воле...*—В рукописном тексте имеются следующие исправления и разночтения с печатным текстом этих стихов:

Я так беспечно созревал
С моими сверстниками в поле!
О будущем не помышлял
И думал век прожить на воле.

Ст. 48. *Княжне Урусовой достался...*—Софья Александровна Урусова (1804—1889), с 1827 г.—фрейлина императрицы Александры Федоровны; с 1833 г.—жена князя Л. Л. Радзивилла. Подробнее см.: Черейский. С. 456.

Н. Вётшева

Детский остров
(«Как весело, весело!..»)
(С. 275)

Автограф (РНБ, он. 1, № 30, л. 75)—черновой, без заглавия, с датой: «22 июля».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1873. Кн. 9. Стб. 1701—1702.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 22 июля 1831 г.

Это стихотворение, как и следующее за ним — «Остров» («Цветет и расцветает...»), написано от лица императорских детей, которым Николай I подарил остров на Царскосельском пруду. Подобные дары, имевшие игровое и воспитательное значение, были нередки в летних резиденциях. Екатерина II проиллюстрировала собственную притчу о царевиче Хлоре и поиске розы без шипов на натуре, заказав устройство «тематического» сада А. А. Самборскому и Н. А. Львову. Природный ландшафт в соединении с архитектурой стал сказочным городком, учившим преодолению препятствий, борьбе со злом (см.: Несин В., Сауткина Г. Павловск императорский и великокняжеский. СПб., 1996. С. 25—32). «Александрова дача» в Павловске представляла собой аллегорическую модель мира с системой нравственных ориентиров человека.

Масштаб и значение игрового пространства «детского острова» гораздо скромнее по сравнению с развернутым садово-архитектурным сюжетом «Александровой дачи». «Августейшие дети» сами построили посредине острова домик и сделали нужную для него мебель. В стихотворении создается образ мини-космоса «заветного острова», в котором акцентируются идиллические мотивы спокойного, умиротворенного «союза земли и воды». Этому способствует безрифменно-стилизованная стихотворная форма, где лирическим субъектом является обобщенное «мы» без конкретной ссылки на августейших владельцев. Впоследствии цесаревич (будущий император Александр II) поставил в этом домике бюст Жуковского как воспоминание о счастливейших днях детства (см.: Загарин. С. 424).

Н. Вётшева

Пери
(«Перед дверию Эдема...»)
(С. 275)

Автограф неизвестен.

Копия (РНБ, он. 1, № 36, л. 20)—авторизованная, с датой рукою Жуковского: «22 августа».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 100—103.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по копии.

Датируется: 22 августа 1831 г.

Три стихотворения Жуковского: «Пери», «Песнь бедуинки» и «Мечта» — имеют общую творческую историю. Все они написаны рукою неустановленного лица с пометами Жуковского на отдельном листе в линейку. В архивной папке-конволюте № 36 имеются и другие автографы поэта, написанные на такой же бумаге и датированные 1831 г.

Думается, стихотворение «Пери» и примыкающие к нему тексты написаны в 20-х числах августа 1831 г. Появление их в этом году было не случайно: они были созданы к 10-летию Берлинского придворного праздника на сюжет поэмы Т. Мура «Лалла Рук» (см. примеч. к стихотворению «Лалла Рук»). По всей вероятности, они были предназначены для петербургской дворцовой инсценировки из «Лалла Рук», продолжая традицию живых картин (об этом см.: ЛН. Т. 91. М., 1981. С. 669—673).

Как было установлено немецким славистом Дитрихом Герхардтом, все три стихотворения восходят к одному источнику — к альбому: Die lebender Bilder und pantomimischen Darstellungen bei dem Festspiel: Lalla Rookh ⟨...⟩ nach der Natur gezeichnet von W. Hensel... Berlin, 1823 — и являются переводом стихотворных надписей Самюэля Генриха Шпикера (Spicker; 1786—1858) к «живым картинам и пантомимическим представлениям на празднике Лалла Рук» (подробнее см.: Gerhardt D. Vergangene Gegenwärtigkeiten. Göttingen, 1966. S. 31—34).

Из дневников поэта известно, что с автором стихов Самюэлем Шпикером и художником Вильгельмом Гензелем (Hensel, 1794—1864), сделавшим рисунки к альбому, Жуковский встречался неоднократно: сначала в Берлине, накануне и после праздника Лалла Рук в 1821 г. (Дневники. С. 106, 108, 119), а затем во время заграничных путешествий 1833-го (Дневники. С. 312) и 1838 г. (Там же. С. 376).

Стихотворение «Пери» представляет собой перевод нескольких пояснительных текстов-романсов Шпикера (ЛН. Т. 91. С. 671). Они включают три картины («Bild») с общим заглавием «Die Peri und das Paradies» (в переводе Жуковского «Erstes Bild» — ст. 1—16; «Zweites Bild» — ст. 17—48; «Drittes Bild» — ст. 49—88). Жуковский достаточно близок к немецкому оригиналу Шпикера.

А. Янушкевич

Песнь бедуинки

(«В степь за мной последуй, царь!..»)

(С. 278)

Автограф неизвестен.

Копия (РНБ, он. 1, № 36, л. 20 об.) — авторизованная, без даты.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 103.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по копии.

Датируется: около 22 августа 1831 г.

«Песнь бедуинки» написана на обороте листа с текстом стихотворения «Пери», датированного 22 августа (см. примеч. к стихотворению «Пери»). Вполне возмож-

но, что эта дата относится ко всем трем произведениям: «Пери», «Песнь бедуинки», «Мечта», так как они имеют общую творческую историю, один источник и т. д.

«Песнь бедуинки» является почти дословным переводом «Романса Нурмагала» («Romanze der Nurmahal») С. Шпикера — заключительной песни, которую поет героиня на празднике Лалла Рук. Как указывает М. П. Алексеев, «в конечном счете, „Песнь бедуинки" Жуковского — это перевод с перевода, и снова восходит к „Лалле Рук" Мура» (ЛН. Т. 91. С. 673). Сохранив ритмическую основу стиха Шпикера, Жуковский несколько ослабляет восточный колорит «Романса», заменив немецкое «Wüste» («пустыня») на русское «степь».

А. Янушкевич

Мечта

(«Всем владеет обаянье!..»)

(С. 279)

Автограф неизвестен.

Копия (РНБ, оп. 1, № 36, л. 20 об.) — авторизованная, с зачеркнутыми вариантами первого стиха: «Власть Мечты непобедима», «Всемогущий Чародей».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 103.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по копии.

Датируется: около 22 августа 1831 г.

Как и «Песнь бедуинки», стихотворение «Мечта» написано на обороте листа с текстом «Пери», что и определяет его датировку и творческую историю (см. примеч. к стихотворению «Пери»).

«Мечта» — перевод первой половины стихотворной надписи С. Шпикера к первой картине, иллюстрировавшей содержание начальной вставной повести в «Лалла Рук» — «Покровенный пророк Хорасана» («Der verschleierte Prophet von Khorassan»).

Переведя из 16-ти стихов оригинала Шпикера лишь первые восемь, Жуковский придает мотиву покрова более символический характер, связывая его со своей романтической эстетикой (см.: Янушкевич. С. 147—148; Канунова Ф. З. Мотив «завесы» в поэзии Жуковского: Эстетика «невыразимого» и религия // Гуманитарные науки в Сибири: Сер. филологическая. 1996. № 4. С. 12—19). Заглавие «Мечта» лишь подчеркивает суггестивность лирической философии Жуковского. Но связь с источником «живых картин» выстраивает для этого программного стихотворения [имеется в виду «Лалла Рук»] «более прозаическую генеалогию» (Вацуро. С. 149).

А. Янушкевич

Остров

(«Цветет и расцветает...»)

(С. 279)

Автограф (РНБ, оп. 2, № 14, л. 1)—беловой, с датой: «26 августа».

Копия (РГИА, ф. 1673 (А. С. Шишков), оп. 1, № 287, л. 3)—рукою неизвестного лица, с пометками П. А. Вяземского.

Впервые: Муравейник. 1831. № 5. С. 40.

В прижизненные собрания сочинений не входило

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 26 августа 1831 г.

Это стихотворение, как и предшествующее—«Детский остров» («Как весело, весело!..»), воспевает остров на Царскосельском пруду, подаренный наследнику и царским детям. В первоначальной редакции после каждой строфы был еще рефрен, придававший стихотворению песенную интонацию. Жуковский целенаправленно вычеркивает рефрены, нейтрализуя тем самым мотив движения и стремления («По влаге вод зыбучей // Плыви, плыви со мной, // О, мой челнок летучий, // Плыви на остров мой...») и усиливая идеальную поэтическую атмосферу острова с помощью постоянно повторяющегося указательного местоимения «там» (10 раз на 28 стихов).

Небольшое лирическое пространство концентрирует постоянные натурфилософские лейтмотивы Жуковского: целостность и гармоничность бытия в смене природных циклов, органическую включенность человека в жизнь природы, персонификацию основных ценностных понятий («Радость», «Младость»). Жуковский в двух взаимосвязанных стихотворениях о «детском острове» оставляет лишь природный план и идиллический топос, исключая тему реального культурного освоения «игрового пространства». Тем самым реальный «детский остров» превращается в остров Утопии.

Н. Вётшева

А. О. Россет-Смирновой

(«*Милостивая государыня Александра Иосифовна!..*»)

(С. 280)

Автограф неизвестен.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1871. № 2. Стб. 1879—в составе воспоминаний А. О. Смирновой-Россет, с пропуском ст. 33—37; Голос минувшего. 1917. № 11—12. С. 153 (ст. 33—37)—в составе «Рассказов А. О. Смирновой в записи Я. П. Полонского».

Впервые полностью: СС 1. Т. 1. С. 382—383.

Печатается по СС 1.

Датируется: июль 1831 г.

Послание адресовано Александре Осиповне Россет (в замуж. Смирновой; 1809—1882), фрейлине императрицы Александры Федоровны, бывшей в друже-

ских отношениях с А. С. Пушкиным, Н. В. Гоголем, В. А. Жуковским и оставившей о них интересные воспоминания (см.: Смирнова-Россет. С. 18—72). В составе этих воспоминаний находится и данное послание.

Ему предпослан рассказ об атмосфере летних встреч 1831 г. Жуковского, Пушкина и Россет в Царском Селе, о том, как Жуковский писал ей «Галиматью». В письме к П. А. Вяземскому от 3 августа 1831 г. А. С. Пушкин воссоздает обстановку возникновения этого шутливого послания: «У Жуковского зубы болят, он бранится с Россети; она выгоняет его из своей комнаты, а он пишет ей арзамасские извинения гекзаметрами» (Пушкин. Т. 14. С. 651). Это письмо дает основание датировать гекзаметрическое послание Жуковского июлем 1831 г.

Вероятно, подобные «галиматьи» Жуковский писал неоднократно. Так, в С 7 (Т. 6. С. 521) приводится подобное недатированное стихотворное письмо, с примечанием: «Стихи ⟨...⟩ взяты нами с подлинной рукописи, хранившейся в альбоме А. М. Васильчиковой» (С. 684). Вот его текст, не публиковавшийся в собраниях сочинений поэта:

И я веселой жизнью жил,
Мечтал и о мечтах стихами
Довольно складно говорил!..
Зачем же не в то время с вами
Мне рок знакомым быть судил!
В свои магические сети
Меня схватила бы Россети,
И муза б ожила моя!
О как бы разбренчался я
На лире, счастливый невольник.
Но молодость, увы! прошла,
И я теперь в любви раскольник.
Россети страшно как мила...
А я не потерял свободы!
И вместо пламенныя оды
На блеск живых ея очей,
Без всяких нежных комплиментов,
Даю, как добрый, без процентов
Взаймы ей тысячу рублей.

Ст. 3—4. *...записки французской известной // Вам герцогини Абрантес...* — Речь идет о мемуарах французской писательницы, герцогини Луизы Аделаиды Констанс д'Абрантес (d'Abrantès, 1784—1838), жены генерала Жюно, герцога д'Абрантеса: Mémoires ou Souvenirs historiques sur Napoléon, la Révolution, le Directoire, le Consulat, L'Empire et la Restauration. P., 1831—1835 (Мемуары или исторические воспоминания о Наполеоне, Революции, Директории, Консулате, Империи и Реставрации.—*фр.*).

Ст. 29. *...и я, как мятежный поляк...*—Ассоциация с польским восстанием 1830—1831 гг., которому Жуковский посвятил стихотворения «Русская слава» и «Старая песня на новый лад».

А. Янушкевич

Старая песня на новый лад
(***На голос*: «*Гром победы, раздавайся!*»**)
(«Раздавайся, гром победы!..»)
(С. 281)

Автографы:

1) РНБ, оп. 2, № 26, л. 1 об.—2 об.—черновой, с датой: «5 сентября».

2) РГАЛИ, оп. 1, № 32, л. 7—7 об.—беловой, с заглавием: «Русская песнь на взятие Варшавы».

Впервые:

1) Русская песнь на взятие Варшавы (На голос: Гром победы, раздавайся!). СПб.: Тип. Греча, 1831 (ц. р. от 6 сентября 1831 г.).

2) Северная пчела. 1831. 8 сентября. № 201—с заглавием: «Русская песнь на взятие Варшавы» (На голос: «Гром победы, раздавайся!»), без подписи (ц. р. от 7 сентября 1831 г.).

3) На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина. СПб., 1831—с заглавием: «Старая песня на новый лад» (На голос: «Гром победы, раздавайся!»), с датой: «5-го сентября 1831 года» и подписью: «В. Ж.» (ц. р. от 7 сентября 1831 г.).

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по изданию: «На взятие Варшавы». СПб., 1831.

Датируется: 5 сентября 1831 г.

В списке стихотворений 1831 г. отмечено: «На взятие Варшавы. 5 сентября» (РНБ, оп. 1, № 35, л. 8 об.). Стихи написаны по поводу подавления польского бунта, который разразился 17 ноября 1830 г. Решающий бой, приведший к взятию Варшавы, произошел 26 августа 1831 г., в 19-ю годовщину Бородинского сражения (Жуковский отметил это совпадение в ст. 24: «*Русь кричит: Бородино!*»).

Высылая стихотворение А. И. Тургеневу, Жуковский писал: «... посылаю тебе Русское ура! Варшава наша. Честь России опять сияет по-старому. Какое великолепное военное дело. Наша армия чудо! Вот мои стихи; один экземпляр для тебя, другой для Ивана Ивановича [Дмитриева.—*Н. С.*], третий Карамзиным вместе с Вяземским. Нет более. Скоро пришлю свои стихи, эти же, напечатанные вместе со стихами Пушкина, чудесными. Нас разом прорвало, и есть от чего» (ПЖТ. С. 259).

И. И. Дмитриев откликнулся стихами: «Василию Андреевичу Жуковскому по случаю получения от него двух стихотворений на взятие Варшавы» [второе—«Русская слава».—*Н. С.*]. Приведем одну строфу:

Взыграй же, дух! Жуковский, дай мне руку!
Пускай с певцом воскликнет патриот:
Хвала и честь Екатерины внуку!
С ним русский лавр цвесть будет в род и род...

(Дмитриев И. И. Поли. собр. стихотворений. Л., 1967. С. 369).

Жуковский ответил И. И. Дмитриеву 16 октября 1831 г.: «... слава отечества опять вспыхнула ярким светом. В стихах моих, написанных на взятие Варшавы, нет ничего замечательного, и они бледны стоя рядом со стихами Пушкина; но я ни одних стихов не писал с таким живым чувством, ибо написал их в первую минуту по получении известия, воскресившего душу, так долго бывшую под гнетом грустных ощущений всякого рода [*Война и мир, и внешних бурь напор.—В. Ж.*]; в славе отечества есть что-то жизнедательное. И в эту первую минуту всякое слово, и самое обыкновенное, казалось поэтическим; и я с необыкновенным чувством написал первый стих, взятый у Державина: *раздавайся гром победы*. Я слышал эти слова, глядя на Екатерину, и они, можно сказать, были выражением всего ее века; сладостно было повторить их в обстоятельствах, достойных времен Екатерины» (РА. 1866. Стб. 1635—1636). Пение стихов Г. Р. Державина (из «Описания торжества в доме князя Потемкина», откуда позаимствован и видоизменен первый стих «Старой песни...»), Жуковский слышал в 1791 г. в Таврическом дворце на празднике в честь взятия турецкой крепости Измаил.

При совместной публикации с А. С. Пушкиным, где тот дал стихотворения «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», Жуковский изменил название, более привязав его к подзаголовку и подчеркнув параллель с военными победами времен Екатерины II, и упорядочил синтаксический строй, уточнив смысл некоторых мест (эдиционная практика, за редким исключением, прежде опиралась на ранний вариант, отдавая предпочтение конкретному заглавию — «На взятие Варшавы»).

Стихотворение, едва ли не одновременно опубликованное в трех изданиях, вскоре было переведено на немецкий язык и напечатано наряду со стихами А. С. Пушкина «Клеветникам России» и «Одой» А. С. Хомякова в брошюре «Der Polen Aufstand und Warschau's Fall 1831» [Польское восстание и падение Варшавы в 1831 г.—*нем.*]. Spb., 1831 (ц. р. от 22 сентября 1831 г.) под заглавием: «Der Polenkrieg» [«Польская война».—*нем.*].

2 октября 1831 г. Жуковского приветствовал граф И. Ф. Паскевич, за взятие Варшавы дарованный титулом светлейшего князя Варшавского: «Искренность поэта раскрыла для меня в живой, яркой картине всю великость и влияние настоящих событий и ту исполинскую славу, блеск коей столь неоспоримо принадлежит вновь оружию Российскому, вопреки завистливых толков и враждебного желания недругов наших. ⟨...⟩

Прошу Вас принять нелицемерную мою благодарность за присланные строфы и сообщить таковую же Александру Сергеевичу Пушкину, столь много обязавше-

му меня двумя отличными своими сочинениями. Стихи истинно прекрасные и богаты чувствами народной гордости. Сладкозвучные лиры первостепенных поэтов наших долго отказывались бряцать во славу подвигов Русского оружия. Так померкнула заря достопамятных событий персидской и турецкой войн ⟨...⟩. Приятно видеть, что настоящие дела храбрых сильнее возбудили огонь истинной поэзии и возвеличены волшебным талантом певцов, украшающих Россию.

По желанию Вашему, я имел счастие передать Его Императорскому Высочеству один экземпляр полученных мною стихов» (РА. 1875. № 11. С. 369). В последней фразе речь идет о великом князе Михаиле Павловиче.

П. А. Вяземский оставил в своей записной книжке строки нелицеприятные: «*14 сентября 1831 г.*: Охота ему было писать *шинельные* стихи (стихотворцы, которые в Москве ходят в шинели по домам с поздравительными одами) и не совестно ли певцу в стане Русских воинов и певцу в Кремле сравнивать нынешнее событие с Бородиным? Там мы бились один против 10, а здесь, напротив, 10 против одного. Это дело весьма важно в государственном отношении, но тут нет ни на грош поэзии. ⟨...⟩ Зачем перекладывать в стихи то, что очень кстати в политической газете. ⟨...⟩ Я уверен, что в стихах Жуковского нет царедворческого побуждения, тут просто русское невежество. Какая тут чёрт народная поэзия в том, что нас выгнали из Варшавы за то, что мы не умели владеть ею, и что после нескольких месячных маршев, контр-маршев мы опять вступили в этот городок. ⟨...⟩ Мы удивительные самохвалы. ⟨...⟩ Как мы ни радуйся, а всё похожи мы на дворню, которая в лакейской ноет и поздравляет барина с именинами, с пожалованием чина и проч. Одни песни 12-го года могли быть несколько на другой лад, и потому Жуковскому стыдно запеть иначе». *15 сентября 1831 г.*: «Стихи Жуковского навели на меня тоску. ⟨...⟩ Как ни говори, а стихи Жуковского — une question de vie et de mort [вопрос жизни и смерти — *фр.*] между нами. Для меня они такая пакость, что я предпочел бы им смерть. Разумеется, Жуковский слишком под игом обстоятельств, слишком под влиянием лживой атмосферы, чтобы сохранить свои мысли во всей чистоте и девственности их» (Вяземский. Т. 9. С. 155—159).

Позиция Жуковского по польскому вопросу была подробно изложена им в дневниковой записи от 21 февраля 1831 г. (см.: В. А. Жуковский. Из дневников 1827—1840 гг. Публикация А. С. Янушкевича // Наше наследие. 1994. № 32. С. 41—42).

Ст. 8. *Наш железный Русский фрунт!..* — Строй, от нем.: die Front.

Ст. 11—12. *Лях, бунтующий пред нами, // Помнит Русских имена...* — Лях — поляк (по имени легендарного польского князя). Имеется в виду подавление польского бунта в 1794 г.

Ст. 25. *Чу! как, пламенея, тромбы...* — Тромб — здесь: сухой смерч.

Ст. 29. *Что нам ваши палисады?..* — Палисады — изгороди.

Ст. 33—34. *Спи во гробе, **Забалканский!** // Честь тебе — Стамбул дрожал!..* — Имеется в виду Иван Иванович Дибич (1785—1831) — граф Забалканский, генерал-фельдмаршал. Как главнокомандующий действующей армией в Русско-турецкую войну 1828—1829 гг. в августе 1829 г. двинул войско на оставшийся без прикры-

тия Стамбул, в связи с чем турецкое правительство поспешило заключить мир с Россией. Будучи главнокомандующим при подавлении польского мятежа, скончался 29 мая 1831 г.

Ст. 35—36. *Путь твой кончил* ***Эриванский****, // И на грудь Варшавы стал...* — Имеется в виду Иван Федорович Паскевич (1782—1856), главнокомандующий действующей армией в русско-персидскую войну 1826—1828 гг., в 1827—1830 гг. наместник на Кавказе, с 1828 г.— граф Эриванский, с 1829 г.— генерал-фельдмаршал. После смерти И. И. Дибича заступил на пост главнокомандующего, с 1831 г. наместник в Царстве Польском.

Ст. 41—43. *За Араксом наши грани, // Арарат, чудесный плен // Арзерума, Эривани...* — Аракс — правый приток Куры; персидская крепость Аббас-Абада на Араксе, в десяти верстах от Нахичевани, была взята 8 июля 1827 г. Арарат — гора в Армении. Эривань (Ереван), столицу Эриванского ханства, взяли 1 октября 1827 г. Покорение Нахичевани и Эривани послужило основанием для включения в Российскую империю восточной Армении.

Ранний вариант ст. 42—43: «Арарата чудный плен, И орлы средь Эривани...»

Город Арзерум (Эрзерум,— ныне опять в Турции) был взят 27 июня 1829 г. Ср. «Путешествие в Арзрум» А. С. Пушкина.

Эти стихи (с прибавлением следующего, 44-го: «И разгром Варшавских стен...») были вырезаны под портретом Паскевича, рисованного Ф. Реймерсом и гравированного Н. И. Уткиным в январе 1832 г. (см.: С 9. Т. 2. С. 568—569).

Ст. 59. *И с своими сыновьями...* — Сыновья Николая I: Александр (1818—1881), Константин (1827—1892), Николай (1831—1891).

Н. Серебренников

Русская слава

(«Святая Русь, Славян могучий род...»)

(С. 283)

Автографы:

1) РНБ, он. 1, № 26, л. 129 — черновой.

2) РНБ, оп. 2, № 26, л. 3—5 — черновой.

Впервые: Русская слава. СПб.: Тип. Александра Смирдина, 1831. 8 с. (ц. р.— 17 сентября 1831 г.)— с обозначением авторства Жуковского: «Стихотворение Жуковского» и с эпиграфом: «Слава Русская жива!»

В прижизненных изданиях: С 4—5 (в С 4 — отдел «Лирические стихотворения»; в С 5 датировано 1831 г.).

Датируется: 12 сентября 1831 г.

В росписи стихотворений 1831 г. Жуковский отметил «Русскую славу» датой: «12 сентября» (РНБ, оп. 1, № 35, л. 8 об.).

Отправляя А. И. Тургеневу стихотворение, Жуковский писал: «Посылаю тебе последние стихи мои. Приложенные экземпляры раздай по надписям. ⟨...⟩ Вот история моих стихов, которую сообщи словесно тем, коим будешь раздавать эк-

земпляры. Петербургский бунт усмирен был одним словом Государя: минута истинно героическая. Загорелся бунт в колониях: начальники все перебиты, и бунтовщики не хотят никого слушать. Государь едет туда один. Это было за день до рождения великого князя Николая. В самый день этот поутру мой Федор сказывает мне, что родился великий князь. Я бегу на половину Императрицы, чтобы узнать, правда ли это; между тем уверен, что Государю еще и думать нельзя возвратиться. Что же? Подхожу к дверям спальни; они отворяются, и он сам выходит, держа на руках новорожденного и à la lettre [буквально—*фр.*] задыхаясь от радости. Он успел возвратиться в одни сутки, одним словом кончив бунт, находясь посреди тысячи мятежников и сказав им, что они будут наказаны без пощады, что они приняли с трепетом, лежа у ног его (ранцами вверх, как рассказывал мне Арендт). Какой быстрый переход и к чему! Я пошел за Государем вслед и видел, как он положил своего младенца в колыбель, крестил его и над ним плакал. Я тогда же ему сказал: „Государь! Это перелом. Все пойдет лучше. Бог прислал Вам об этом вестника". Это явление описано в последних двух строфах моей пиесы: к колыбели младенца пришел я от колыбели России. ⟨...⟩ Но падение Варшавы было то огниво, которое высекло из души моей эти стихи, которые, как ты сам увидишь, принадлежат к моим лучшим» (ПЖТ. С. 259—561).

«Русскую славу» Жуковского высоко оценил И. И. Дмитриев (см. примеч. к «Старой песне на новый лад»).

Ст. 4. Черновой вариант: «Была ль тебе чужда какая слава?»

Ст. 5. *Призвал Варяга Славянин...* — Имеется в виду основание русского государства, традиционно связываемое с приходом варяжских военачальников на новгородское княжение в 862 г.

Ст. 6—10. Черновой вариант:

Взыграли вьюг полночных чада;
Уж море грекам не ограда;
Ревет испуганный Эвксин...
И наш железный исполин
Прибил свой щит к вратам Царьграда.

Полночь — знак Севера. Эвксин — греческое название Черного моря. Здесь Жуковский говорит о легендарном походе Олега в 907 г. на Константинополь (Царьград); согласно позднейшим исследованиям, Олегу приписан поход 860 г., совершенный князем Аскольдом. Щит выставлялся на воротах в знак мира.

Ст. 9—10. *Но вышел Святославов сын, // И поднял знамя Благодати...* — Князь Святослав Игоревич (ок. 933—972), правивший с 945 г., в 970—971 гг. продолжал воевать с Византией. Его сын Владимир Святославич (953—1015; в крещении Василий), великий князь с 980 г., в 988 г., взяв византийскую колонию Херсонес (Корсунь), женился на византийской царевне Анне и принял христианство. Однако последняя русско-ромейская война произошла в 1043 г.

Ст. 11. *Была пора: губительный раздор...* — Имеются в виду междоусобные княжеские войны.

Ст. 16. *Губил Половчанин без страха...* — Половцы (кипчаки, куманы) — тюркоязычный народ, в XI—XIII вв. обитавший в южнорусских степях. Войны с половцами вспыхивали с 1055 г. по 1219-й.

Ст. 20. *Душой великой Мономаха...* — Владимир II Всеволодович (1053—1125; в крещении Василий), великий князь с 1113 г., назывался Мономахом по матери, дочери византийского императора Константина X Мономаха. Укрепил государственные границы и замирился с половецким союзом, во многом обуздал междоусобицу и упрочил законодательство.

Ст. 21—22. *Была пора: Татарин злой шагнул // Через рубеж хранительныя Волги...* — Черновой вариант ст. 22: «Через рубеж христолюбивой Волги...» Впервые русские столкнулись в боях с татаро-монгольскими войсками в 1223 г. на Днепре и в Приазовье. В 1237 г., разгромив государство волжских булгар, монголы вторглись на Русь.

Ст. 24. ... *стыд мучительный и долгий!..* — Монгольский протекторат над Русью длился по 1480 г.

Ст. 25—26. *Бесчестным Русь давя ярмом, // Баскак носился в край из края...* — Баскак — представитель монгольского хана, надзирающий за местной русской властью: баскачество было упразднено в 1331 г.

Ст. 27—28. *Катилась в прах глава святая // Князей под Ханским топором...* — В 1240—1330-е гг. в Золотой Орде было убито не менее двенадцати князей. Упоминание топора и святости — не только поэтические образы: в 1245 г. отсекли голову великому князю киевскому Михаилу Всеволодовичу Черному, в 1270-м рязанскому князю Роману Олеговичу, в 1339-м великому князю владимирскому Александру II Михайловичу Тверскому и тверскому князю Федору Александровичу, чья память поминается церковью как святая. Также канонизирован ряд князей, как погибших в ханской ставке, так и принявших смерть на боевом посту.

Ст. 30. *И битва грянула Донская...* — Битва на Куликовом поле 8 сентября 1380 г. Русскими войсками командовал великий князь владимирский и московский Дмитрий Иванович.

Ст. 31—32. *Была пора: коварный, вражий Лях // На Русский трон накликал Самозванца...* — Лях — поляк (но имени легендарного польского князя). Самозванец — Лжедимитрий (ок. 1580—1606), некто, выдававший себя за царевича Димитрия Иоанновича, чудесно спасшегося от смерти. Обычно придерживаются устоявшейся с тех времен официальной версии, что это беглый монах Григорий (Юрий Богданович Отрепьев), но идентификация самозванца с кем-либо остается спорной. Сигизмунд III тайно нарушил мирный договор с Россией, и Лжедимитрий, поддержанный польским ополчением, вступил в Москву. 21 июля 1605 г. самозванец короновался и правил до своей гибели 17 мая 1606 г.

Ст. 33—34. *Заграбил все; и Русь в его цепях, // В Цари позвать дерзнула чужестранца...* — Государственная казна была полностью истощена Лжедимитрием. В 1609 г. Сигизмунд III развязал открытую войну с Россией; в 1610 г. боярская дума постановила избрать на российский престол польского королевича Владислава (1595—1648). Василий IV был низложен.

Ст. 37—38. *И брошен был венец наш Царский // К ногам презренным Короля...* — Черновой вариант ст. 38: «К ногам Густава Короля...» Густав II Адольф (1594—1632) — король Швеции с 1611 г., тогда же, в противодействие Польше, выдвинутый группой бояр на российский престол. Снятое упоминание о Густаве позволяет отнести эти стихи к польскому королю Сигизмунду III Вазе (1566—1632), который в 1610 г. претендовал на правление Россией вместе с сыном.

Ст. 41—42. *Была пора: привел к нам рати Швед; // Пред горстью их бежали мы толпами...* — В войне со шведами в 1610—1617 гг. Россия потеряла выход к Балтийскому морю. Северная война 1700—1721 гг. началась для России требованием Петра I вернуть хотя бы город Нарву и попыткою взять его силой. Обороняя город, Карл XII 19 ноября 1700 г. разбил 34-тысячную русскую армию при ее полуторном преимуществе.

Ст. 43. *Жестка далась наука нам побед...* — Вероятный отголосок слов Петра I: «Шведы наконец научат и нас, как их побеждать».

Ст. 46. *Пришлец и бунтовщик лукавый...* — Карл XII (1682—1718) — король Швеции с 1697 г.; Мазепа Иван Степанович (1644—1709) — в 1687—1708 гг. гетман Левобережной Украины, в октябре 1708 г. перешедший на сторону шведов.

Ст. 50. *Ответ им с пушками Полтавы...* — Битва под г. Полтавой 27 июня 1709 г. завершилась сокрушительным разгромом шведских войск.

Ст. 53. *Те дни, когда гремил Царьград Олег...* — См. примеч. к ст. 6—10.

Ст. 54. *И выл Дунай под лодкой Святослава...* — См. примеч. к ст. 9. В 967 и 970 гг. Святослав завоевывал Болгарию.

Ст. 55. *Рымник, Чесма, Кагульский бой...* — Имеются в виду победы, одержанные в Русско-турецких войнах 1768—1774 и 1787—1791 гг. 26 июня 1770 г. русская эскадра под командованием генерал-аншефа гр. А. Г. Орлова разбила турецкий флот в бухте Чесма и обеспечила блокаду пролива Дарданеллы и российское господство в Эгейском море. 21 июля 1770 г. генерал-аншеф гр. П. А. Румянцев разгромил турецкое войско при р. Кагул, создав условия для выхода к устью Дуная. 11 сентября 1789 г. А. В. Суворов при р. Рымник нанес поражение турецкому войску, позволив России выйти к Черному морю у г. Аккерман.

Ст. 56. *Орлы во граде Леонида...* — Леонид (508—480 гг. до н. э.) — царь Спарты с 488 г., геройски погибший в бою с персидскими захватчиками при Фермопилах. Подразумевается восстание греков против турецкого владычества, вспыхнувшее в 1770 г. на полуострове Пелопоннес ввиду присутствия русской эскадры в Эгейском море.

Ст. 57. *Возобновленная Таврида...* — Вследствие Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. татарский Крым (Таврида) в 1771 г. обрел независимость под протекторатом России и в 1783 г. усилиями генерал-фельдмаршала кн. Г. А. Потемкина был присоединен к Российской империи. Русской Таврида ранее была лишь отчасти и недолго: Херсонес в 988 г. и Корчев (совр. Керчь) как часть Тмутараканского княжества с конца X по конец XI в.

Ст. 58. *День Измаила роковой...* — Турецкая крепость Измаил в устье р. Дунай была взята под предводительством А. В. Суворова 11 декабря 1790 г.

Ст. 59—60. *И в Праге, кровью залитой, // Москвы отмщенная обида...* — Прага — предместье Варшавы. 24 октября 1794 г. русские войска под командованием А. В. Суворова подавили польский мятеж. См. ст. 31—40.

Черновой вариант: «И брань с природою самой // На Альпах русского Алкида». Здесь, очевидно, сказалось примечание Д. В. Дашкова к «Певцу во стане русских воинов»: «Кому из современников наших не известны подвиги Российского Аннибала, преодолевшего самую природу на вершинах Альпийских» (С 3. Т. 1. С. 395). Имеется в виду швейцарский поход А. В. Суворова, который в 1799 г., выиграв в Италии битвы с французскими войсками, перешел через Альпы на помощь австрийцам.

Ст. 62. *От Запада узрели мы Батыя...* — Имеется в виду Наполеон I Бонапарт, который сравнивается с монгольским полководцем Батыем (1208—1255), в 1237—1240 гг. захватившим ряд русских княжеств.

Ст. 63. *Народов тмы прорвали нашу гранъ...* — 12 июня 1812 г. французские войска перешли границу России. Вскоре интервенция получила название «нашествия двунадесяти (то есть двенадцати) языков».

Ст. 65. *Дошли к нам Царские слова...* — Александр I дал обет не вступать в переговоры с Наполеоном, пока хоть один неприятельский солдат находится в пределах России.

Ст. 71—72. *Пришла пора: чудясъ, узрели нас // И Арарат, и Тавра великаны...* — Напоминание о русско-персидской войне 1826—1828 гг. Тавр — горная гряда в южной Армении, образующая водораздел между истоками Евфрата и Тигра.

Ст. 73—74. *И близок был Стамбула смертный час: // Наш богатырь шагнул через Балканы...* — Во время Русско-турецкой войны 1828—1829 гг. русские войска под командованием генерал-фельдмаршала гр. И. И. Дибича в июле 1829 г. перешли Балканские горы и 8 августа взяли Адрианополь (Эдырне): путь на Стамбул был открыт, и Турция запросила мир, принятый Россией.

Ст. 75. *Знамена развернул мятеж...* — 17 ноября 1830 г. началось восстание в польских землях, присоединенных к России.

Ст. 77—80. *Но пир был дан на поле славы ~ И та ж была судьба Варшавы...* — См. примеч. к ст. 59—60, 75. 26 августа 1831 г. Варшава была взята русскими войсками, и вскоре восстание было подавлено.

Ст. 81. *Трудна пора: война и грозный мор...* — Имеются в виду Русско-турецкая война 1828—1829 гг., польский бунт 1830—1831 гг., а также пандемия холеры, распространившаяся по югу России в 1829—1830 гг. К лету 1831 г. началась в Санкт-Петербурге и западных губерниях.

Ст. 83. *Народ в беде ударил к бунту сбор...* — В 1830—1831 гг. в Севастополе, Новгородской губернии и Санкт-Петербурге возникли холерные бунты.

Ст. 84. *Мятежники знамена посрамили...* — Черновой вариант: «Солдаты честь знамен своих забыли...» Имеется в виду холерный бунт в новгородских военных колониях в июле 1831 г.

Ст. 85—88. *Явился Царь ~ ...и пали в прах...* — Речь идет о появлении Николая I в новгородских военных округах 25 июля 1831 г. (см. преамбулу).

Ст. 89. *Новорожденный сын в руках!..* — Великий князь Николай Николаевич (1831—1891) родился 27 июля.

Ст. 91—94. Черновой вариант:

Благослови, наш Царь, твое дитя!
Покойно спи, младенец, в колыбели!
Бедам конец! Судьбину укротя,
С тобой с небес к нам ангелы слетели.

Н. Серебренников

К Ив. Ив. Дмитриеву

(«Нет, не прошла, певец наш вечно юный...»)

(С. 286)

Автограф (РНБ, оп. 2, № 26, л. 5 об.—6) — черновой, без заглавия; вверху листа синим карандашом запись рукою неустановленного лица: «К И. И. Дмитриеву».

Копия (РГАЛИ, ф. 130, оп. 1, № 99, л. 1) — рукою неустановленного лица.

Впервые: СЦ на 1832 год. С. 11—13 — с заглавием: «Ответ Ивану Ивановичу Дмитриеву» и подписью: «В. Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 4—5 — с заглавием: «К Ив. Ив. Дмитриеву» (в С 4 — отдел «Смесь»; в С 5 отнесено к 1821 г.).

Датируется: 16 октября 1831 г.

Основанием для датировки стихотворения служит хронологический список стихотворений 1831 г., составленный и продатированный самим Жуковским: под № 44 в нем указано: «Дмитриеву — 16 октября» (РНБ, оп. 1, № 35, л. 8 об.).

На подавление польского восстания 1830—1831 г. Жуковский откликнулся двумя стихотворениями: «Старая песня на новый лад» и «Русская слава» (см. примеч. к ним), которые послал И. И. Дмитриеву. Последний, в свою очередь, написал стихотворение: «Василию Андреевичу Жуковскому, по случаю получения от него двух стихотворений на взятие Варшавы» (СЦ на 1832 год. С. 10), послужившее поводом для создания комментируемого стихотворения.

Посылая И. И. Дмитриеву текст своего произведения, Жуковский писал 16 октября 1831 г.: «Ваши стихи расшевелили всю мою душу: примите мою искреннюю благодарность за то чувство, которое вы во мне пробудили. *Жуковский, дай мне руку*: в этих словах, сказанных мне Дмитриевым, так много магического; они мне кажутся подписью всей прошедшей моей жизни, в лучших годах которой Дмитриев и Карамзин играют такую светлую роль. ⟨...⟩ Ваши стихи, коими Вы меня так обрадовали, свежи, как все ваши прежние. Что мне отвечать на них?» [Далее следует текст стихотворения] (РА. 1866. Стб. 1635—1636). И. И. Дмитриев откликнулся на письмо и стихи Жуковского ответным письмом от 21 октября 1831 г.: «Всею душою благодарю превосходного и вместе милого и добродушного поэта за лестные для меня звуки лиры его. Я не однажды читал милый ответ и, проходя 12 строф, право, два раза плакал» (Дмитриев И. И. Сочинения: В 2 т.

СПб., 1893. Т. 2. С. 301). Судя по всему, цитированное письмо является ответом на еще какое-то письмо Жуковского, в котором, возможно, содержалось предложение опубликовать стихотворения Жуковского и Дмитриева вместе, с изменением текста стихотворения Жуковского. Ср.: «Согласен на ваше предложение, но в таком случае прошу вас, любезный Василий Андреевич, переменить и в моих [стихах] два стиха» (Там же. С. 301). При публикации в СЦ на 1832 г. стихи Дмитриева были напечатаны без предложенной им правки, Жуковский же изменил 4-ю и 5-ю строфы (см. постишный комментарий).

Стихотворение Жуковского «К Ив. Ив. Дмитриеву» было специально отмечено И. В. Киреевским в рецензии «Русские альманахи на 1832 год»: «Этот „Ответ" Жуковского исполнен самых свежих красот, самого поэтического чувства и самого трогательного воспоминания» (Европеец. 1832. № 2. С. 288).

Ст. 1—2. *Нет, не прошла, певец наш вечно юный, // Твоя пора...*—Ср. в стихотворении Дмитриева «Василию Андреевичу Жуковскому...»: «Пришла пора: увянул, стал безгласен...»

Ст. 9. *Державина струнам родные, пели...*—Ср. в стихотворении Дмитриева: «И я вослед Державину певал...»

Ст. 13. *Ты нам воспел, как «буйные Титаны...*—Этот и три следующих стиха—слегка измененная цитата из стихотворения И. И. Дмитриева «Глас патриота на взятие Варшавы» (1794): «Где буйны, гордые Титаны, // Смутившие Астреи дни? // Стремглав низверженны, попранны // В прах, в прах! Рекла... и где они?» Об этом своем стихотворении Дмитриев вспоминает в послании к Жуковскому.

Ст. 13—20. *Ты нам воспел, как «буйные Титаны ~ В час славы руку подаешь...*—В черновом автографе стихотворения Жуковского «К Ив. Ив. Дмитриеву» и в письме к нему же от 16 октября 1831 г. (РА. 1866. Стб. 1636) ст. 13—20 читались иначе:

В досужный час, венком из роз обвитый,
По ним бренчал Эрот своей струной,
[Касался их Эрот своей струной—РА. 1866. Стб. 1636]
И резвые внимали им хариты,
Склонясь на руку главой.

Игривую шутливость пробуждала
Камена в них, согласная с певцом,
Веселостью гостей его сзывала
[И баснями гостей его пленяла—РА. 1866. Стб. 1636]
Перед домашним камельком.

Видимо, смена редакции этих двух строф и была тем самым предложением, на которое Дмитриев ответил согласием в письме от 21 октября 1831 г.: необходимость такой переработки текста явно продиктована общим пафосным тоном стихотворения и его одической темой.

Ст. 23—24. *Тогда, явясь, сорвал передо мною // Покров с поэзии поэт...*—Здесь Жуковский имеет в виду стихи Дмитриева, которого он считал одним из своих лите-

ратурных учителей. Ср. в письме Жуковского к Дмитриеву от 11 февраля 1823 г.: «Ваши стихи *Размышление по случаю грома*, переведенные из Гёте, были первые, выученные мною наизусть в русском классе, и первые же мною написанные стихи (без соблюдения стоп) были их подражанием ⟨...⟩. Вы мой учитель в поэзии. Не назову себя вашим достойным учеником, но имею право благодарить вас за то, что вы способствовали мне познакомиться с живыми наслаждениями поэзии» (РА. 1866. Стб. 1632).

Ст. 30. *Был с нами он, теперь уж не земной...* — Имеется в виду Н. М. Карамзин, чье имя совершенно закономерно возникает в стихотворении, адресованном И. И. Дмитриеву (ср. также стихотворение «К И. И. Дмитриеву» в т. 1 наст. изд.). Имена Карамзина и Дмитриева для Жуковского всегда стояли рядом: «Вы останетесь для меня на всю мою жизнь второю ипостасью нашего незабвенного Николая Михайловича» — писал Жуковский Дмитриеву 19 февраля 1834 г. (РА. 1866. Стб. 1638).

Ст. 37—40. *Лежит венец на мраморе могилы ~ Святое имя:* ***Карамзин****...* — Ср. в письме Жуковского к Е. А. Карамзиной от июля 1826 г., написанном вскоре после смерти Н. М. Карамзина: «Лучшее мое чувство, чистое и высокое, как религия, была моя к нему привязанность. Смерть этого чувства ни ослабить, ни изменить не может; она переменила только его имя!» (С 7. Т. 6. С. 511). Однако рецензенту журнала «Московский телеграф» пафос этой строфы показался чрезмерным: «⟨...⟩ Не чересчур ли много восторга в другом стихотворении, где тот же поэт заставляет нас *молиться могиле Карамзина*, которого он называет *святым*?» (МТ. 1832. Ч. 43. № 1. С. 117).

О. Лебедева

«Поэт наш прав: альбом — кладбище...»

(С. 288)

Автограф (РНБ, он. 1, № 26, л. 118) — беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 66. Ст. 1—4.

Впервые полностью: Стихотворения. Т. 2. С. 268.

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 31 октября — 6 ноября 1831 г.

Стихотворение посвящено Каролине Карловне Яниш (в замуж. Павловой; 1807—1893), поэтессе и переводчице, поддерживавшей дружеские отношения со многими писателями и поэтами (Е. А. Баратынским, Н. М. Языковым и др.) и переводившей их стихи на немецкий язык. Жуковский познакомился с К. К. Яниш во время пребывания в Москве зимой 1831 г. в свите великого князя Александра Николаевича. Основание для датировки стихотворения дают две записи в дневнике Жуковского за 1831 г.: «Каролина Яниш» (31 октября) и «У Каролины» (6 ноября; Дневники. С. 216). Во время одного из этих визитов, вероятно, стихотворение Жуковского и было записано в альбом К. К. Яниш. Сюжет мадригала Жуков-

ского спровоцирован стихотворением Е. А. Баратынского «В альбом» (Галатея. 1829. № 2. С. 90), посвященным Яниш и в первой публикации начинавшимся стихами: «Альбом, заметить не грешно, // Весьма походит на кладбище...» Это стихотворение Баратынского вызвало отклик П. А. Вяземского: «Еще немногими строками // Был обозначен твой альбом, // Еще немногими годами // Ты рассчитался с бытием» («Доброе желание»; впервые: Галатея. 1829. № 27. С. 37; см. также: Вяземский. Т. 4. С. 47), а также Н. М. Языкова в виде альбомного стихотворения, посвященного К. К. Яниш: «Мой гордый стих торжественно стоял. // Здесь, окружен великих именами // Он трепетен, надущий перед вами» («К⟨аролин⟩е К⟨арловн⟩е Я⟨ниш⟩», май или июнь 1829 г.; впервые: Литературная газета. 1830. 30 июня). Несколько позже в конце 1829—начале 1830 г. П. А. Вяземский посвятил К. К. Яниш еще одно большое стихотворение «В альбом Каролине Карловне Яниш» (Вяземский. Т. 4. С. 90—91). В эту серию записей русских поэтов в альбоме Яниш входит и комментируемое стихотворение Жуковского.

Ст. 1—4. *Поэт наш прав: альбом — кладбище ~ Находит верное жилище...* — Парафраз первого четверостишия мадригала Баратынского:

> Альбом походит на кладбище:
> Для всех открытое жилище,
> Он также множеством имен
> Самолюбиво испещрен.

Ст. 11—12. *Певец чертей // Жуковский...* — Лейтмотивная самохарактеристика Жуковского, подчеркивающего германский фантастический колорит своих баллад. Ср. в письме к А. И. Тургеневу от 20 октября 1814 г.: «⟨...⟩ вчера родилась у меня еще баллада-приемыш, то есть перевод с английского. Уж то-то черти, то-то гробы!» (ПЖТ. С. 128; речь идет о балладе «Старушка»); ср. также в письме А. С. Стурдзе от 10 марта 1849 г.: «⟨...⟩ я (во время оно родитель на Руси немецкого романтизма и поэтический дядька чертей и ведьм немецких и английских) ⟨...⟩» (СС 1. Т. 4. С. 664). Подробнее о развитии этого мотива самохарактеристики Жуковского см.: Веселовский. С. 301—303.

О. Лебедева

«Тронься, тронься, пробудись!..»

(С. 288)

Автограф (РНБ, он. 1, № 30, л. 79) — беловой, без заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1873. № 9. Стб. 1703. Публикация К. С. Сербиновича — с заглавием «К равнодушной красавице».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 1831 г.

Творческая история этого четверостишия полна загадок. Впервые опубликовавший его К. С. Сербинович, известный своими текстологическими вольностями

в С 6, дал четверостишию заглавие: «К равнодушной красавице», никак не оговорив это. Вслед за ним всегда точный И. А. Бычков при описании автографа РНБ почему-то дал ему то же заглавие (Бумаги Жуковского. С. 95), хотя нам его обнаружить не удалось: автограф заглавия не имеет. В дальнейшем П. А. Ефремов сохраняет это заглавие (см.: С 9. Т. 2. С. 514). И только А. С. Архангельский, обратившись к рукописи, снял заглавие (ПСС. Т. 3. С. 141), но ночему-то ст. 3 прочитал: «Образ сладостный, без жизни...», хотя в автографе он отчетливо читается: «Образ сладостный, дыши...» и рифмуется со ст. 4: «Пламеней огнем души!..» (у Сербиновича: «спеши» — «души»). Трудно сказать, чем определяются все эти разночтения: возможно, в руках Сербиновича был какой-то неизвестный автограф, но в публикации текста мы опираемся на существующий сегодня автограф, сняв заглавие и сделав исправления в тексте.

Датировка достаточно приблизительна. Текст стихотворения находится в альбоме Жуковского с черновыми автографами произведений 1822—1831 гг., в самом его конце и соотносится с другими произведениями 1831 г. Вслед за А. С. Архангельским (ПСС. Т. 3. С. 141) мы склонились к датировке 1831-м г.

Как установила Х. Эйхштедт (Eichstädt. S. 84), источником четверостишия является песня № 4 из собрания Августа Вейрауха под заглавием: «Der neue Pygmalion». Ср.:

Athme, athme mild, o mild!
Nimm mich, nimm den regen Geist!
Nur der Geist auf Leben weist!
Athme, zartes Marmorbild!

Вздохни, вздохни, кротко, кротко,
Возьми меня, возьми живой дух!
Только дух указывает на жизнь!
Вздохни, нежный мраморный образ!

Не исключено, что, как и два других стихотворения («Я на тебя с тоской гляжу...» и «Чего ты ждешь, мой трубадур...»), находящиеся в рукописи друг за другом, четверостишие «Тронься, тронься, пробудись!..» было предназначено для живых картин к 10-летию Берлинского праздника Лалла Рук.

А. Янушкевич

«Я на тебя с тоской гляжу...»

(С. 288)

Автограф (РНБ, он. 1, № 30, л. 79) — беловой, без заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1873. № 9. Стб. 1702. Публикация К. С. Сербиновича — с заглавием: «Признание».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 1831 г.

Творческая история стихотворения во многом напоминает судьбу предыдущего четверостишия: «Тронься, тронься, пробудись!..» (в рукописи они идут друг за другом). Заглавие, возникшее в публикации К. С. Сербиновича, а вслед за ним у Ефремова (С 9. Т. 2. С. 514), в известном сегодня автографе отсутствует. В самом тексте есть разночтения: у Сербиновича и Ефремова ст. 4 читается: «О друг, пойми мое *признанье!*» (может быть, отсюда возникло и заглавие. Курсив мой.—*А. Я.*); в ПСС дважды, в ст. 2 и 4, повторяется последнее слово: «молчанье» (ПСС. Т. 3. С. 141), хотя в автографе отчетливо в ст. 2 читается: «мечтанье».

А. Янушкевич

«Чего ты ждешь, мой трубадур?..»

(С. 289)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 30, л. 80), беловой, без заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: бумаги Жуковского. С. 95—96.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 1831 г.

Стихотворение вместе с двумя предыдущими составляет своеобразный поэтический триптих, связанный с темой любовного томления, признания, диалога влюбленных. Всё это позволяет предполагать их некое «утилитарное» предназначение—для живых картин на придворном празднике. Возможно, для этого стихотворения, как и для предыдущих, имелся какой-то иностранный источник.

А. Янушкевич

1833

Орел и голубка

Басня

(«С утеса молодой орел...»)

(С. 290)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 37, л. 20 об.)—черновой, выполненный вначале карандашом, а затем по карандашу чернилами—с заглавием: «Орел и голубка» и датой: «13 (25) января».

Впервые: С 4 (Т. 6. С. 73)—в разделе «Смесь», с тем же заглавием.

В прижизненных изданиях: С 4—5. В С 5—в подборке произведений 1833 г., с подзаголовком: «Баснь» и указанием источника: «Из Гёте».

Датируется: 13 (25) января 1833 г.

Стихотворение «Орел и голубка» было написано во время заграничного путешествия Жуковского, его пребывания в Швейцарии. Это был период мучитель-

ных раздумий поэта о нравственном смысле истории и предназначении человека в мировой цивилизации. В самом начале нового 1833 г. он заканчивает письмо к наследнику, где развивает принципы своей «горной философии». «Но человек,— пишет поэт,—создан не для тихой счастливой, а для деятельной нравственной жизни; он должен завоевывать свое достоинство, должен пробиваться к *добру* сквозь страсти и неразлучные с ними заблуждения и бедствия» (ПСС. Т. 12. С. 28). В день написания «Орла и голубки» он продолжает работу над переводом «Элевзинского праздника» Шиллера. Ср.: «Продолжал Eleus⟨isches⟩ Fest» (Дневники. С. 253). Мысль о развитии цивилизации и рождении гражданского самосознания получает поэтическое развитие в этом переводе. Нравственные проблемы личности выдвигаются в центр духовных поисков Жуковского. Стихотворение «Орел и голубка» органично вписывается в этот процесс.

«Орел и голубка»—достаточно близкий перевод одноименного стихотворения Гёте «Adler und Taube». Стихотворение Гёте написано в 1773 г., в штюрмерский период его творчества, и примыкает к группе стихотворений и юношеских гимнов, в которых отразилось стремление молодого поэта к самоопределению во всех сферах жизни, и штюрмерский бунт против окружающей действительности сочетается с поиском идеала, нарочито раскованная поэтическая форма с восхищением простотой народной песни и античной поэзии, поэтизация творческой свободы художника с пониманием своей зависимости от обстоятельств.

В «Adler und Taube», как и в написанном несколько раньше стихотворении «Der Wandrer» («Странник»; в переводе Жуковского—«Путешественник и поселянка»), гимническое, бунтарское начало приглушено, и противостояние героя, стремящегося к вершинам и далям, спокойному, близкому к природе существованию не принимает характера непримиримого конфликта. Ведь именно «всеисцеляющая природа» («allheilende Natur») с помощью «всепроникающего бальзама» («allgegenwärt'ger Balsam») способна умерить страдания и дать покой.

Гёте не писал *басни*, и в стихотворении нет традиционно варьируемой «басенной мудрости», но есть диалог двух сознаний, двух мироощущений. Этому подчинена вся система образов, отражающих не характеры, но определенные общественные и этико-философские тенденции.

Не *басню* переводил и Жуковский. В атмосфере глубоких раздумий о сути человеческой цивилизации и предназначении человека он как бы «примеряет» концепцию стихотворения Гёте к себе. Перевод сделан Жуковским накануне дня рождения. В письме к А. П. Зонтаг от 29 января (в день рождения) Жуковский замечает: «Нынче мне стукнуло 49 лет ⟨...⟩ не жил, а попал в старики» (УС. С. 109). История собственной жизни («Жизнь моя вообще была так одинакова, так сама на себя похожа и так однообразна, что я как будто не покидал молодости; а вот уже надобно сказать решительное прости этой молодости, и быть стариком, не будучи старым»—Там же.) и жизнь человеческого общества соотносятся в размышлениях поэта. В этом-то жизненном контексте, во многом обусловившем немногочисленные отступления от оригинала, и рождается интерес к данному произведению Гёте.

Стихотворение Гёте написано нерифмованным вольным ямбом с неупорядоченным чередованием клаузул. Жуковский в переводе достаточно точно воссоздает этот особый тип нерифмованного ямба, к использованию которого до этого он прибегал (вслед за оригиналом) только в 1819 г. при переводе «Der Wandrer». В стихотворении Гёте 53 стиха, у Жуковского — 68. В первой части (ст. 1—20) «прибавка» не имеет семантической нагрузки и связана с необходимостью членения более длинных, чем в оригинале, строк перевода. Первое семантически значимое увеличение количества строк связано с желанием сделать более эмоциональным описание орла, ощутившего свое бессилие. Вместо трех строк оригинала у Жуковского пять. Во втором случае изменение текста связано с описанием голубиной пары и речи голубки, обращенной к орлу. Голубка Жуковского предстает более естественной и доброжелательной, чем в оригинале.

Более пространно и эмоционально даны в переводе и риторические вопросы голубки, предназначенные для доказательства «истинности счастья», которое может обрести каждый в этом райском уголке природы, где есть всё, «что нам для счастия простого нужно». 16 гетевских строк переводчик превращает в 23 стиха, развивая основные принципы «философии умеренности»: «Умеренность прямое счастье; // С умеренностью мы // Везде и всем довольны». Поэт расширяет и более детально прописывает ту часть стихотворения, которая больше говорила его собственному сердцу, его душе, всегда открытой для помощи другим, но истомившейся в ожидании простого человеческого счастья. Как и у Гёте, у Жуковского диалог двух концепций жизни, двух мироощущений определяет структуру произведения, что и не позволяет ему превратиться в басню.

Н. Реморова

Князю Дмитрию Владимировичу Голицыну
(«Друг человечества и твердый друг закона...»)
(С. 292)

Автограф неизвестен.
Впервые: Молва. 1833. № 45.
В прижизненные собрания сочинений не входило
Печатается по тексту первой публикации.
Датируется: 12 апреля 1833 г.

Стихи были присланы Жуковским из-за границы, когда Москва подносила своему военному генерал-губернатору бюст, отмечая его заслуги перед отечеством. Под стихами — дата: «12 апреля 1833 г.»

Жуковский был хорошо знаком с князем Д. В. Голицыным и его семейством. В дневнике имена князя и его жены Татьяны Васильевны (урожд. княжны Васильчиковой; 1782—1841) упоминаются неоднократно, особенно во время посещения поэтом Москвы. Так, путешествуя с наследником по России в 1837 г., Жуковский в период пребывания в Москве 23 июля — 8 августа ежедневно встречается с Д. В. Голицыным, обсуждает задуманный князем «прожект» описания Москвы

(Дневники. С. 344—347). Он высоко ценил его деятельность на посту военного губернатора Москвы, и послание стало отражением этого признания государственной деятельности Д. В. Голицына.

Дмитрий Владимирович Голицын (1771—1844) — генерал-адъютант, активный участник Отечественной войны 1812 г. и зарубежных походов русской армии 1813—1814 гг. С 1820 г. — московский военный генерал-губернатор, с 1821 — член Государственного совета. Не был чужд и художественных интересов. Так при его «иждивении» и активном участии в Москве «основалась Итальянская опера» (Вяземский П. А. Воспоминание о Булгаковых // Вяземский П. А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М., 1988. С. 273.).Выразительный портрет московского губернатора дал в своих «Воспоминаниях» В. А. Соллогуб: «В то время [речь идет о 1835—1836 гг.— *Н. С.*] Москвой управлял, в Москве царствовал, если можно так выразиться, князь Дмитрий Владимирович Голицын, один из важнейших в то время сановников в России. Это был в полном смысле настоящий русский вельможа, благосклонный, приветливый и в то же время недоступный. Только люди, стоящие на самой вершине, умеют соединять эти совершенно разнородные правила. Москва обожала своего генерал-губернатора и в то же время трепетала перед ним» (Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 416).

Ст. 11—12. *Знакомая Москве бессмертия звезда // Еропкина и Чернышова!* — Речь идет о предшественниках князя Д. В. Голицына на посту московских градоначальников. Еропкин Петр Дмитриевич (1724—1805) — московский генерал-губернатор. Чернышов Захар Григорьевич (1722—1784) — граф, генерал-фельдмаршал, градоначальник Москвы.

Н. Серебренников

Русская народная песня
(Вместо Английской God save the King)

(«Боже, Царя храни!..»)

(С. 292)

Автограф (РНБ, он. 1, № 26, л. 131) — черновой.

Копия (ПД, ф. 357, оп. 2, № 129) — рукою А. Ф. Львова, с заглавием: «Молитва русского народа», с нотами.

Впервые:

1) Русская народная песня (Вместо Английской God save the King). М., 1833 (ц. р. от 5 декабря 1833 г.) — с обозначением: «Слова г. Жуковского — музыка г. Львова».

Аранжировки (отдельные издания):

— для хора с полным оркестром;

— для хора с фортепиано;

— для одного голоса с фортепиано;

— для фортепиано на четыре руки.

2) Северная пчела. 1834. № 4 за 5 января — с заглавием: «Песнь Русских» в тексте заметки и обозначением авторства В. А. Жуковского.

В прижизненных изданиях: С 5 (Т. 5. С. 141)—в подборке произведений 1834 г. как 1-я из «Народных песен».

Датируется: первая половина ноября 1833 г.

В своих записках «Артистическая жизнь моя до 56 лет» композитор А. Ф. Львов (1798—1870) вспоминает, как в 1833 г. Николай I поручил ему написать русский гимн: «Написав мелодию, я пошел к Жуковскому, который сочинил слова, но, как не музыкант, не приноровил слов к минору окончания первого колена. Однако, положив гармонию простую, но твердую, я просил графа Бенкендорфа гимн послушать. Он сказал Государю, который вместе с Императрицею и Великим Князем Михаилом приехали слушать гимн в певческий корпус, где я приготовил весь хор и два оркестра военной музыки. Государь, прослушав несколько раз, сказал мне: c'est superbe [это прекрасно—*фр.*]» (РА. 1884. № 4. С. 243). Слушание состоялось 23 ноября, а поскольку на редакцию гимна и репетиции оркестра и хора, при известной срочности подготовки, должно было уйти около недели, написание «Русской народной песни» датируется приблизительно первой половиной ноября 1833 г.

Сохранились план и черновик оригинальной вариации будущего гимна (РНБ, оп. 1, № 41, л. 1 об.—4), где Жуковский попытался разработать монархическую тему более широко, упирая на то, чтобы царь был «Святой образец», утвердивший свой трон «на любви» и «мощно державой своей» управлявший:

Всевышний, царя сохрани
Во здравьи на долгие дни ⟨...⟩

(первый стих в дальнейшем получил и иной вариант: «Господь нам Царя сохрани...»)

Даруй нам, чтоб Царский престол
Нетленною славою цвел,
Чтоб долго
Царица жила,
Народной
Любовью цвела,
Добро повсеместно творя,
В трудах услаждая Царя ⟨...⟩

А после стихов о наследнике и пожелания счастья русской державе возлагались надежды,

Чтоб Божий окреппул закон,
Чтоб Правды воздвигнут был трон,
Чтоб враг нам грозить перестал...

Но мелодика и чувство преемственности с прежним, «александровским», гимном, который Николай I называл «размазнею» (РА. 1909. № 12. С. 528), потребовали от Жуковского большого искусства в воплощении социального заказа. Так появился другой гимн, написанный вновь Жуковским. По мнению К. К. Зейдлица,

«никто не мог сложить русский народный гимн лучше Жуковского, который всею душою был предан монархическому правлению» (Зейдлиц. С. 154).

Первое публичное исполнение гимна произошло 11 декабря 1833 г. Афиша гласила: «В Большом театре, в счет абонемента. В понедельник, 11 декабря, Императорскими русскими актерами представлено будет: „Хороша и дурна, и глупа, и умна", водевиль в одном действии, переделанный с французского Дмитрием Ленским. После оного Императорскими французскими актерами представлено будет: „Simple histoire", vaudeville en 1 acte de Scribe [„Простая история", водевиль в 1-м действии Скриба—*фр.*]. В заключение спектакля дан будет „Праздник в лагере", большой военный разнохарактерный дивертисмент, в котором г. Бантышев будет петь в первый раз народную русскую песню с хором „Боже, Царя храни", слова В. А. Жуковского, музыка г. Львова. Сверх оркестров Императорского Московского театра будут участвовать в сем представлении полковые музыки. В оном дивертисменте будут танцевать: № 1 по-русски, № 2 татарский танец, № 3 — армянский, по-казацки, по-цыгански» (цит. по: Бернштейн Ник. История национальных гимнов. Пг., 1914. С. 7). Газета «Молва» от 12 декабря сообщила: «Вчера 11 декабря Большой Петровский театр был свидетелем великолепного и трогательного зрелища, торжества благоговейной любви народа русского к царю русскому...»

25 декабря 1833 г., на Рождество и в день празднования победы над Наполеоном, «Боже, Царя храни!..» в новом варианте было пето в залах Зимнего дворца при окроплении знамен, а 31 декабря великий князь Михаил Павлович отдал приказ № 188: «Государю Императору благоугодно было изъявить свое соизволение, чтобы на парадах, смотрах, разводах и в прочих случаях, вместо употребляемого ныне гимна, взятого с национального английского (Боже, Царя храни), играли музыканты вновь сочиненную на сей же гимн музыку» (Бернштейн Н. Указ. соч. С. 9).

Жуковский подчеркивал, что песня принадлежит не ему, а народу, и возражал, например, А. П. Зонтаг: «Милая, какая же это моя песня? Она народная!» (РА. 1909. № 12. С. 526). Публикатор этого письма А. П. Петерсон между тем заметил: «А народ ничего не знал про нее» (Там же). Важное уточнение сделал на этот счет А. Ф. Львов, заметивший, что гимн «после 10 лет сделался народным...» (РА. 1884. № 4. С. 247).

Передавая свое ощущение от услышанного в Германии российского гимна, Жуковский 25 июня (7 июля) 1848 г. писал: «... песня народная, особенно посвященная *царю* и *в его лице всему царству*, повторяемая при всяком важном событии народной жизни, имеет глубокое, ей одной присвоенное значение. ⟨...⟩ Когда зазвучит для тебя народное слово: *Боже, Царя храни!* вся твоя Россия, с ее минувшими днями славы, с ее настоящим могуществом, с ее священным будущим, явится перед тобою в лице твоего Государя. ⟨...⟩ И мне было сладко подумать о своем великом семействе, о нашей России, где ⟨...⟩ благоговение перед святынею *Божией правды и истории* и благоговение перед святынею *власти державной*, из них исходящей, сохранилось неприкосновенным, в залог настоящего могущества и будущего

благоденствия, и в душе моей глубоко, глубоко отозвалися слова нашей народной песни, всю эту святыню выражающие: *Боже, Царя храни!*» (ПСС. Т. 10. С. 114. Курсив Жуковского).

А незадолго до смерти он написал А. Ф. Львову: «Наша совместная двойная работа переживет нас долго. Народная песня, раз раздавшись, получив права гражданства, останется навсегда, пока будет жив народ, который ее присвоил. Из всех моих стихов эти смиренные пять, благодаря Вашей музыке, переживут всех братий своих. Где не слышал я этого пения? В Перми, в Тобольске, у подошвы Чатырдага, в Стокгольме, в Лондоне и Риме!» (цит. по: Барановский А. «Боже, Царя храни!»: Дело о плагиате монархического гимна // Родина. 1996. № 12. С. 97).

Н. Серебренников

1834

Песнь на присягу Наследника

(«На древней высоте Кремля...»)

(С. 293)

Автограф неизвестен.

Копия (РНБ, оп. 1, № 26, л. 132—132 об., 134—134 об.) — рукою неизвестного лица, с заглавием: «Присяга Наследника».

Впервые: С 4 (Т. 6. С. 12—13) — в отделе «Смесь», с заглавием: «Песнь на присягу Наследника».

В прижизненных изданиях: С 4—5 В С 5 (Т. 5. С. 139—140) — с тем же заглавием, в подборке стихотворений 1834 г.

Датируется: середина апреля — 22 апреля 1834 г.

Присяга 16-летнего Александра Николаевича (1818—1881) на верность царствующему отцу Николаю I была произнесена на Пасху 22 апреля 1834 г., но стихотворение, вероятно, написано загодя, когда не уточнилась дата присяги: день рождения цесаревича 17 апреля упоминается как свершаемый «ныне», а обращение к России, долженствующей участвовать в обряде, и вовсе дано в будущем времени.

Торжество происходило в большой церкви Зимнего дворца перед вечернею службой, а после вечерни наследник, встреченный в Георгиевском Большом тронном зале гимном «Боже, Царя храни!», дал присягу на верность русскому оружию.

В честь события Жуковский поднес царственному воспитаннику символический подарок — передарил альбом, данный ему наследником прусского престола Фридрихом Вильгельмом, и, в частности, сделал там такую запись: «Христос воскресе! Это благовестительное слово встретило вас при входе вашем в храм, где надлежало совершиться вашему первому решительному действию, вашей присяге. Но что же и весь мир, как не храм Божий? Что наша жизнь, как не всегдашняя присяга перед Богом? ⟨...⟩ Ваша присяга произнесена, Бог вас слышал: теперь всё

свойство вашей жизни должно перемениться. Беззаботное ребячество кончилось, время спокойной *безусловной покорности чужому руководству* прошло, и хоть вам еще нельзя обойтись без помощи руководителей, но уже для вас настала более трудная пора *произвольной покорности долгу*; совесть вступила для вас в строгие права свои, ответственность за себя теперь вы приняли на самого себя, ибо вы ясно понимали то, что говорили перед Святым Евангелием, в присутствии Государя и отца, перед надеющимся на вас отечеством... Но вам остается еще несколько лет свободных [до подлинного совершеннолетия в 21 год.—*Н. С.*], и ваша существенная теперь обязанность, ваша верность данной присяге должна состоять единственно в том, чтобы по совести воспользоваться остающимися годами свободы, чтобы утвердить свой характер, дать зрелость уму, скопить необходимые для будущего знания и правила поступков, чтобы, одним словом, приготовиться к высшему своему назначению. ⟨...⟩ И в самом деле что было истинно в ту минуту, когда вы присягали? Одна ваша присяга. Всё прочее было одно блестящее привидение; люди, окружавшие вас, и вы сами должны исчезнуть и слишком скоро: вы уже на опыте знаете, как время летит быстро. ⟨...⟩ Но присяга, данная перед Богом и исполненная перед людьми, останется жива с нашею душою, следственно останется жива вечно, не умрет и в памяти людей...» (РС. 1902. № 4. С. 171, 173).

Воспитатели цесаревича в связи с этим событием были награждены. Данное в 1831 г. Жуковскому ежегодное пособие в полторы тысячи рублей теперь увеличилось вдвое и стало пожизненным.

В 1852 г. П. А. Плетнев в статье «О жизни и сочинениях В. А. Жуковского» посвятил «Песни на присягу Наследника» следующие строки: «Его умилительная песнь, оканчивающаяся прекрасным обращением к России, перешла в достояние народной памяти» (Переписка. Т. 3. С. 103).

Ст. 1—4. *На древней высоте Кремля ~ Прекрасный день Его рожденья...*—Александр Николаевич родился в среду на Пасхальной седмице. В вышеуказанном альбоме Жуковский напомнил цесаревичу и собственное послание «Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение великого князя Александра Николаевича». Он подчеркивал, что наследник «родился среди ликующего Кремля, среди воспоминаний прошлого, он появился как прелестная надежда в будущем...» (С 8. Т. 6. С. 289); «Тогда Кремлевская площадь кипела народом, который на мою поднятую из окна рюмку шампанского отвечал громким *ура*, и ему вторил Ивановский колокол с братиею...» (Там же. С. 452).

Ст. 8—13. *России светлую надежду ~ В храм Божий входит* ***царский сын***...—Ср. конийный вариант:

Потомства красную надежду.

Святой Москвы державный брат,
В великий праздник Воскресенья
Что видит ныне Петроград,
Пируя день Его рожденья?

Подходит к трону Царский Сын...

Ст. 20. *С Ним вместе, верная Россия...* — После этого стиха в конийном варианте была еще строфа:

А ты на празднике Любви,
Пославший миру искупленье,
Усынови, благослови,
Отца и Сына, Провиденье.

Ст. 22. *Нося, пример владыкам славный...* — Ср. конийный вариант: «Наследнику предтеча славный...»

Н. Серебренников

Народные песни

I. «Боже, *Царя* храни!..»

II. «Слава на небе солнцу высокому...»

III. «Боже, *Царя* храни!..»

(С. 294)

Автографы:

1) См. примеч. в т. 1 наст. изд. С. 637.

2) Автограф неизвестен.

3) См. примеч. к «Молитве русского народа» в т. 1 наст. изд. С. 637.

Впервые: С 4 (Т. 6. С. 14—16) — отдел «Смесь», под общим заглавием: «Народные песни».

В прижизненных изданиях: С 4—5. В С 5 (Т. 5. С. 141—142) — в подборке произведений 1834 г., под тем же заглавием и в той же последовательности, что и в С 4.

Датируется: 1834 г.

При создании цикла Жуковский, по сути, претендовал на его непреходящее значение, но тем не менее часть 1-я явно отображала идею николаевского царствования, и в стилизованной под народный лад 2-й части автор исходил из положения вещей в 1834 г.: упоминание одного (как бы главенствующего) великого князя относится к младшему брату царя Михаилу Павловичу. Часть 3-я, написанная еще в 1813 г., обращена, в отличие от первой, единственно к Богу, и, таким образом, официальная формула российской государственности: «православие, самодержавие, народность» получила у Жуковского переосмысление по восходящим ценностям: самодержавие — народность — православие (что чрезвычайно схоже с нарождающейся в это время концепцией славянофильства).

II.

Ст. 2. *На земле **Государю** великому!* — Имеется в виду император Николай I.

Ст. 4. *На земле **Государыне** ласковой!..* — Т. е. Императрице Александре Федоровне, жене Николая I.

Ст. 6. *На земле **Государю Наследнику!**..*— Александру Николаевичу, будущему императору Александру II.

Ст. 8. ***Сыновьям, дочерям Государевым**...*— Сыновья, кроме Александра: Константин (1827—1892), Николай (1831—1891), Михаил (1832—1909). Дочери: Мария (1819—1876), Ольга (1822—1892), Александра (1825—1844).

Ст. 9. ***И Великому Князю с Княгинею!**..*— Михаил Павлович (1798—1849), генерал-фельдцейхмейстер, и его жена с 1824 г.— Елена Павловна (урожд. Фридерика Шарлотта Мария, принцесса Вюртембергская; 1806—1873).

Н. Серебренников

Многолетие

(«Многи лета, многи лета...»)

(С. 295)

Автограф (РНБ, он. 1, № 41, л. 4 об.—6)— черновой.

Впервые: С 4 (Т. 6. С. 20—21)— в отделе «Смесь», с заглавием: «Многолетие».

В прижизненных изданиях: С 4—5. В С 5 (Т. 5. С. 143—144)— в подборке произведений 1834 г., с тем же заглавием.

Датируется: 1834 г.

Жуковский, вне определенного адресата, обозревает лишь абсолютистский период русского самодержавия (в 1830-е гг. дифференциации понятий «самодержавие» и «абсолютизм» не существовало, но периоды допетровский и начинающийся с Петра I различались явственно). Судя по обращению к внешнеполитическим событиям, это связано с акцентированием укрепившейся российской государственности, и императоры Александр и Николай должны были смотреться в едином ряду с наименованными Великими— Петром I и Екатериной II, и, таким образом, возникала символическая фигура великого русского монарха (см. также примеч. к «Народной песне» и «Грянем песню круговую...»).

Ст. 13—16. *С ней во дни Петровы шведу ~ Днем Полтавы отплатил...*— Речь идет о царствовании Петра I и его победе под Полтавой.

Ст. 19. *И Кагульские дружины...*— В Русско-турецкую войну 1768—1774 г. генерал-аншеф граф П. А. Румянцев 21 июля 1770 г. разбил турецкую армию при р. Кагул.

Ст. 20. *И Суворовский Рымник...*— В Русско-турецкую войну 1787—1791 гг. генерал-аншеф А. В. Суворов 11 сентября 1789 г. разгромил турецкие войска при р. Рымник, за что получил титул графа Рымникского.

Ст. 21—22. *С нею грозно запылала // Венценосная Москва...*— Имеются в виду пожары, бушевавшие в сентябре-октябре 1812 г. в наполеоновской Москве, прежней столице и традиционном месте коронования российских императоров.

Ст. 23—24. *И небесной карой пала // На врагов ее глава...*— Подразумевается разгром французской армии как Божья кара, в частности за попытку уничтожить Кремль, воспринимаемый Жуковским как место священное (см.: «Певец в Кремле»; ст. 38).

Ст. 25—26. *В наши дни перешагнула // С нею рать Балканов грань...* — В Русско-турецкую войну 1828—1829 гг. русские войска под командованием генерал-фельдмаршала графа И. И. Дибича в июле 1829 г. перешли Балканские горы.

Ст. 27. *Потрясла врата Стамбула...* — После взятия Адрианополя 8 августа 1829 г. русским войскам был открыт путь на Стамбул.

Ст. 28. *Повалила Эривань...* — В русско-персидскую войну 1826—1828 гг. русская армия под командованием генерал-аншефа И. Ф. Паскевича 1 октября 1817 г. взяла г. Эривань (ныне Ереван).

Н. Серебренников

Народная песня

(«Многи лета, многи лета...»)

(С. 296)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 26, л. 130—130 об. — рукою неизвестного лица, с правкой Жуковского.

2) РНБ, оп. 1, № 26, л. 132 об. — 133, 134 об. — 135 — рукою неизвестного лица.

Впервые: С 4 (Т. 1. С. 32—33) — отдел «Романсы и песни», с заглавием: «Народная песня».

В прижизненных изданиях: С 4. В С 5 не вошла.

Печатается по С 4 со сверкой по копиям.

Датируется: приблизительно 1834 г.

По написании «Многолетия» (см. примеч.) Жуковский в «Народной песне» решился на новшества: первое двустишие послужило нерифмованным зачином, и далее при внутренней рифме в нечетных стихах сами они остались нерифмованными, а после заключительного двустишия, повторяющего первое, дан «хор» (из основного текста исключенный), где вместо хорея появился ямб с двумя добавочными стопами в последнем стихе каждой строфы.

Сравнительно с «Многолетием» обращение к России XVIII—XIX вв. получило ясное обоснование в упрочении государственной мощи, шире явлен обзор событий, вплоть до прошлогодних, и символическая фигура монарха сменилась образом современного государя как достойного преемника былой славы. В С 4, вместо отдела «Смесь», куда было внесено «Многолетие», Жуковский включил «Народную песню» в более основательный «песенный» отдел, но при составлении С 5 выбрал из двух стихотворений «Многолетие», более традиционное.

Ст. 12. *Наш Орел вождем полков...* — Упоминанием российского герба, введенного в 1497 г., Жуковский говорит об укреплении государственной власти при Иоанне IV и свержении монгольского протектората.

Ст. 18. *И в Париже Русский штык...* — Русские войска вошли в Париж 19 марта 1814 г.

Ст. 21—22. *И в ограду Царю-граду // На Босфоре Русский флаг...* — В 1831 г. против турецкого владычества восстал паша автономного Египта, успешно развивший наступление на Стамбул. Турция запросила российскую помощь в обороне столицы, и в феврале 1833 г. русская эскадра вошла в Босфор. По восьмилетнему договору от 8 июля 1833 г. через проливы Босфор и Дарданеллы был запрещен проход всех военных судов, кроме российских.

Ст. 28. После этого стиха в черновом варианте читаем:

ХОР

Будь над Россией, Провиденье,
Даруй Царю благословенье:
Им да блаженствует народ!
Царь наш, великий Царь, будь славен в род и род!

Стой твердо, трон Самодержавный,
Будь страх врагам, Орел наш славный;
Правь и владычествуй, закон,
Жизнь отдавай, народ, за Русь и Царский трон.

Н. Серебренников

Песня русских солдат
(«Боже! Царя храни!..»)
(С. 297)

Автограф (РНБ, он. 1, № 26, л. 125—125 об.) — беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 71 — 2-я и 3-я строфы, без указания, что 1-я и 4-я строфы входят в Государственный гимн.

Печатается по автографу.

Датируется: предположительно 1834 г.

Стихотворение явилось как бы частным вариантом Государственного гимна, воинскую тему которого Жуковский претворил в самостоятельное произведение.

Н. Серебренников

«Грянем песню круговую...»
(С. 297)

Автограф (РНБ, он. 1, № 26, л. 131 об.) — черновой.

Печатается впервые.

Датируется: предположительно 1834 г.

В отличие от обращения к царю как символу российского самодержавия в стихотворении «Многолетие» и развития этой темы применительно к современности в «Народной песне», Жуковский создает здесь стилизованно-фольклорный образ

Николая I, смешивая вымышленные черты («Богатырь и великан...», «И на пушки сам вперед...») с реальными.

Ст. 11—12. *В ратный стан командой грянет — // Огласит весь ратный стан...* — По общему мнению, Николай I обладал громкой и четкой речью.

Ст. 13—14. *Злися в море непогода — // Смех ему тревога вод...* — Имеется в виду мужественное поведение Николая I при полуторасуточном шторме 4—5 октября 1828 г., застигнувшем корабль с императором на пути из Варны в Одессу.

Ст. 15—16. *Буря встань среди народа — // Взглядом он уймет народ...* — Напоминание о личном участии императора в усмирении холерного бунта в Санкт-Петербурге 23 июня 1831 г., когда, мучимый головной болью и тошнотой (что можно было счесть и за признаки холеры), Николай I приехал на Сенную площадь, поставил народ на колени и потребовал молиться о прегрешении.

Ст. 18. *И на пушки сам вперед...* — Присутствие Николая I в мае-октябре 1828 г. на передовых позициях в Русско-турецкой войне Жуковский представил в очень утрированном виде.

Ст. 19—20. *А по нужде и с чумою // Подерется за народ...* — Чума в России проявилась в 1829—1830 гг. по линии Одесса — Севастополь — Закавказье — Нижнее Поволжье. Вероятно, Жуковский подразумевает и борьбу с пандемией холеры в 1829—1831 гг. и, в частности, приезд Николая I в октябре 1830 г. в холерную Москву.

Ст. 25—26. *Сыновьям пример он славы, // Благонравья дочерям!..* — См. примеч. к «Народным песням».

Н. Серебренников

1835

Д. В. Давыдову, при посылке издания «Для немногих»
(«Мой друг, усастый воин...»)
(С. 299)

Автограф неизвестен.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: БЗ. 1858. № 7. С. 198 — с заглавием: «Д. В. Давыдову, 1835 года, при посылке издания „Для немногих“».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 1835 г.

В публикации БЗ отсутствуют какие-либо примечания, позволяющие говорить о творческой истории стихотворения. Известно, что Денис Давыдов как бывший арзамасец (прозвище «Армянин») неоднократно обращался к Жуковскому с просьбой отредактировать тексты его произведений. Уже свой первый сборник, озаглавленный первоначально «Элегии и мелкие стихотворения Дениса Давыдова» (1817—1818), он посылал на суд Жуковского, который изменил его назва-

ние и сделал поправки в нумерации элегий (см.: Денис Давыдов. Стихотворения / Вст. ст., подгот. текста и примеч. В. Э. Вацуро. Л., 1984. С. 185—186. «Библиотека поэта». Большая сер.). И впоследствии, в 1820-е гг. (см.: Там же. С. 202, 212, 213, 215), Давыдов обращался к Жуковскому с просьбой: «Взгляни на сии стихи, исправь их и пришли ко мне исправленные, как ты делал в старину с моими поэтическими и прозаическими вздорами» (письмо от 20 декабря 1829 г.— РС. 1903. № 8. С. 446).

Жуковский, высоко ценивший дарование и личность поэта-гусара (ср. его характеристики Давыдова в «Певце во стане русских воинов» и «Бородинской годовщине»), в конце 1820-х гг. уже не решался править его произведения: «Ты шутишь, требуя, чтобы я поправил стихи твои. Всё равно, когда бы ты сказал мне: поправь (по правилам малярного искусства) улыбку младенца, луч дня на волнах ручья, свет заходящего солнца на высоте утеса и пр. и пр. Нет, голубчик, не проведешь» (письмо от 10 декабря 1829 г.— СС 1. Т. 4. С. 595).

О какой рукописи Давыдова идет речь в этом послании Жуковского, со всей определенностью сказать невозможно, но можно сделать предположение, что это тетрадь автографов (см.: описание Т—63, Т—69 в указ. изд. стихотворений Д. Давыдова), включающая перевод стихотворения Антуана Венсана Арно «Листок» (впервые опубликовано: БдЧ. 1837. Т. 22. Отд. 1. С. 10), которое еще в 1818 г. было переведено Жуковским (см. примеч. к стихотворению «Листок»). Вероятно, этим объясняется посылка Жуковским в 1835 г. сборника FWДН, шесть выпусков которого появились в 1818 г. В составе второго из них был опубликован en regard «Листок» (Из Арно).

Ст. 15—16. *И выговоров строгих // Не шли ко мне, Денис!..*— Имеется в виду письмо Д. В. Давыдова от 27 декабря 1829 г., где он упрекал Жуковского за отказ «заменить слитками» своего «золота» «некоторые пятна грязи, обезобразивающие» его произведения, прибавляя при этом: «„... ты архипастырь наш, président de la chambre du conseil" [председатель суда—*фр.*], что определишь, то и будет, а я спорить и прекословить не буду» (РС. 1903. № 8. С. 447).

А. Янушкевич

1836

Ночной смотр

(«В двенадцать часов по ночам...»)

(С. 300)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 26, л. 48—48 об.— первая черновая редакция (см. ниже).

2) РНБ, оп. 1, № 26, л. 49—49 об.— вторая беловая редакция.

Впервые: Совр. 1836. № 1. С. 14—16 (ц. р. 31 марта 1836 г.)—с подписью: «Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 4 (Т. 6. С. 101—103—в отделе «Смесь», с ошибочным заглавием: «Ночной сторож»); С 5 (Т. 5. С. 277—279—в подборке стих. 1836 г., с подзаголовком: «Из Цедлица»).

Датируется: начало 1836 г.

Перевод одноименного стихотворения Й. Х. фон Цедлица (1790—1862) «Die nächtliche Heerschau» из его поэтической книги «Посмертные венки» («Todten-Kränze. Kanzone».Wien, 1828). В первой половине марта 1836 г. Жуковский писал Пушкину: «А ты мою пиесу унес и уже в цензуру хватил. Нет, голубчик, в первую книжку ее никак не помещай. Она годится, может быть, после, но для дебюту никак нельзя. Прошу тебя не помещать в 1 номер» (Пушкин. Т. 16. С. 91). Однако Пушкин, восторгавшийся «Ночным смотром», вопреки пожеланиям Жуковского, напечатал его в 1-м номере Совр.

В первой черновой редакции перевода (которая, возможно, была переделана в связи с публикацией в Совр.) Жуковский, очевидно, стремился сохранить ритм оригинала и перевел наузник Цедлица трехстопным ямбом, наиболее соответствующим размеру подлинника (Стихотворения. Т. 1. С. 386):

В двенадцатом часу
Из гроба, каждой ночью,
Выходит барабанщик.
Идет он скорым шагом,
Сначала бьет он зорю,
Потом он бьет к молитве,
Потом он бьет тревогу.

И будит барабан
В гробах солдатов старых,
Зарытых в русском снеге,
Под небом итальянским,
В песках горя(ю)чих Нила,
В пустынях аравийских...
И строятся солдаты.

В двенадцатом часу
Из гроба, каждой ночью,
Встает трубач и трубит.
И старые рейтары
Могилы покидают
И, сев на коней, мчатся
Воздушным эскадроном.

В двенадцатом часу
Из гроба, каждой ночью,
Выходит полководец;

На нем мундир без ленты,
[На нем простая шпага]
[Под серым иберроком],
Коротенькая шпага
И маленькая шляпа,
Сертук поверх мундира.

По фрунту на коне
Он едет тихим шагом,
За ним все генералы,
И, честь отдавши, войско,
В молчании глубоком,
Перед вождем проходит
Колоннами густыми.

Глядит на войско вождь,
Крестом сложивши руки,
И светятся чудесным
Глаза его сияньем,
Потом он генералов
Становит в круг и шепчет
Им свой пароль и лозунг.

И войску отдают
Они пароль и лозунг:
И *Франция* пароль их,
И лозунг их: *Елена.*
Так смотрит каждой ночью
Свое земное войско
Умерший император.

Однако, по-видимому, Жуковского не удовлетворил этот вариант, хотя он ближе по своему поэтическому смыслу оригиналу. Трехстопный амфибрахий и белый стих в окончательной редакции перевода Жуковского более соответствовали не только дольнику Цедлица (С. А. Матяш), но и значительно возросшей экспрессивности тона и углубленной драматизации наполеоновской темы. Растянутым 60-ти строкам «вялого дольника» (С. С. Аверинцев) у Жуковского соответствует напряженный и тревожный ритм 48 стихов. В переводе значительно усилена динамика повествования. Тревога и даже ужас происходящего переданы не внешним нагнетанием страшных деталей, а напряженным, тревожным ритмом, значительно отличающимся от вялой описательно-перечислительной интонации Цедлица (см.: Аверинцев С. С. Размышления над переводами Жуковского // Зарубежная поэзия. Т. 2. С. 554). Путь от первой ко второй редакции — это не только изменение тональности, но и глубокая трансформация наполеоновской темы у Жуковского. Сравним для примера подлинник и перевод:

Цедлиц	Жуковский
Die alten, todten Soldaten	Встают молодцы егеря,
Erwachen im Grab davon.	Встают старики гренадеры,
	Встают из-под русских снегов,
Und die im tiefen Norden	Встают с африканских степей,
Erstarrt im Schnee und Eis,	С горючих песков Палестины.
Und die in Welschland liegen,	
Wo ihnen die Erde zu heiß.	

(Зарубежная поэзия. Т. 2. С. 346).

У Жуковского не «старые мертвые солдаты просыпаются в гробу». В отличие от Цедлица, Жуковский конкретизирует само понятие «могучей пехоты», широко развертывает его. Ритм, настойчивые повторы глагола «встают» создают впечатление огромной военной мощи наполеоновской армии, погребенной во всем мире. То же самое — по отношению к коннице. У Жуковского «могучая конница» представлена так:

Седые гусары встают,
Встают усачи кирасиры;
И *с Севера, с Юга летят,*
С Востока и с Запада мчатся
На легких воздушных конях
Одни за другим эскадроны.

Выделенные стихи, отсутствующие у Цедлица, меняют картину, раздвигают художественное пространство стихотворения, а вместе с этим расширяют масштаб Наполеоновских войн и наполеоновских жертв. С помощью особого поэтического синтаксиса, психологизирующего художественное восприятие текста, создается монументальная картина мощи наполеоновской армии, верно сражавшейся за своего вождя и — погубленной им.

В переводе Жуковского расширяется не только художественное пространство, но и временны́е рамки изображаемого события. Вместо единственного числа у Цедлица: «Nachts um die zwölfte Stunde» у Жуковского множественное число; событие, изображенное им, многократно повторяется: «В двенадцать часов но ночам...» В черновом варианте это выражено еще более четко: «Из гроба **каждой** ночью...» — и повторяется во всех трех случаях, вплоть до последнего, итогового:

Так смотрит каждой ночью
Свое земное войско
Умерший император.

В канонической редакции это остается, хотя и локализуется: «**по ночам**». Все это усиливает драматизм и эпический размах повествования и одновременно значительно мифологизирует образ Наполеона, укрупняет его, расширяет историко-философскую концепцию произведения до судьбы и роли выдающейся личности в истории, ее ответственности перед историей и народом.

Характер перевода Жуковского свидетельствует о том, что природа поэтико-мифологического начала в трактовке наполеоновской темы у Жуковского и Цедлица различна. В 3-ей, решающей части стихотворения, где говорится о встающем из гроба полководце, Цедлиц вводит два важных штриха, определенным образом мифологизирующих образ Наполеона, поднимающих его онтологическую значимость. Так, в самый момент «генерального смотра» Наполеоном своих войск Цедлиц освещает место встречи усопшего императора с его огромной армией символическим лунным светом:

Der Mond mit gelbem Lichte
Erhellt den weiten Plan:
Der Mann im kleinen Hütchen
Sieht sich die Truppen an.

В черновом варианте Жуковский сохраняет следы этой символики:

Глядит на войско вождь,
Крестом сложивши руки,
И светятся чудесным
Глаза его сияньем.

В окончательном варианте Жуковский опускает эти стихи. Он отказывается от какого бы то ни было «украшения» (поэтизации) этого важнейшего, ключевого момента произведения. У русского поэта все просто и драматично:

Он с маленькой шляпой и шпагой;
На старом коне боевом
Он медленно едет по фронту;
И маршалы едут за ним...

И едет за ним не просто «все войско», как у Цедлица, а вся **громада** армии Наполеона:

И маршалы едут за ним,
И едут за ним адъютанты;
И армия честь отдает.
Становится он перед нею;
И с музыкой мимо его
Проходят полки за полками.

«Генеральный смотр» — это признание верности и преданности вождю, его полководческому гению, его личности и вместе с тем — это ужасающая картина, раскрывающая драму наполеоновского дела и «наполеоновской идеи», если учитывать перспективы ее развития в русской литературе XIX века (Толстой, Достоевский).

Очень важным отступлением от Цедлица, связанным, как представляется, с отказом от идеализации Наполеона за счет мифопоэтической символики текста,

является перевод последнего четверостишия «Ночного смотра». Сравним подлинник и перевод:

Dies ist die große Parade	Так к старым солдатам своим
Im eliseischen Feld,	На смотр генеральный из гроба
Die um die zwölfte Stunde	В двенадцать часов по ночам
Der todte Cäsar hält.	Встает император усопший.

Очевидна существенная разница. У Цедлица при изображении фантастического смотра погребенных наполеоновских войск используется мотив «Елисейских полей». Это — поэтический образ, который трактуется как противоположность страшному Аду и месту пребывания «безгрешных теней погибших воинов», полководцев, оставивших благую намять о себе (см.: Менар Рене. Мифы в искусстве старом и новом. М., 1992. С. 38). С самого начала работы над переводом Жуковский опускает этот мотив, так же как и параллель Наполеона с Цезарем.

Природа мифологизации в «Ночном смотре» Жуковского иная. Встреча Наполеона со своим многочисленным войском после его гибели, ужас, созданный поэтическим ритмом стиха, особым синтаксисом, оригинальной пространственно-временной архитектоникой,— все это наполняет «Die große Parade» высокой символикой Страшного суда, драматический результат которого в поэтической оппозиции «Франция — Св. Елена» (пароль — лозунг). В создании особой природы мистической фантастико-символической поэтики «Ночного смотра» свою роль сыграл опыт Жуковского-балладника, во многом определивший оригинальность его перевода.

Таким образом, наполеоновская тема и сам образ Наполеона у Жуковского по сравнению со стихотворениями 1810—1820-х гг. укрупняются, мифологизируются, приобретают историческую значительность, наполняются глубоким философским смыслом о судьбе великой личности, ее исторической значимости, мнимом и подлинном бессмертии.

В конце своего творческого пути Жуковский вновь обращается к этой теме в «Агасфере». «Ночной смотр» — важное звено в трактовке наполеоновского мотива и сюжета в творчестве Жуковского.

«Ночной смотр» Жуковского был высоко оценен самыми большими литературными авторитетами. Пушкин с восторгом отозвался о стихотворении Жуковского, с радостью напечатал его в «Современнике». Д. Давыдов писал об этом 14 апреля 1836 г.: «Мне Пушкин пишет, что ты в журнал его дал такие стихи, что мой белый локон дыбом станет от восторга» (РА. 1871. Стб. 0187). Белинский в своем предварительном отзыве о «Современнике» А. С. Пушкина заметил: «„Ночной смотр“ Жуковского есть одно из тех стихотворений, которых у нас теперь в целый год является не более одного или двух.〈...〉 Это истинное перло поэзии как по глубокой поэтической мысли, так и по простоте, благородству и высокости выражения. Мы очень жалеем, что право собственности и величина пьесы не позволяют нам выписать его» (Белинский. Т. 2. С. 179). В стихотворении М. Ю. Лермонтова «Воздушный корабль» видны следы влияния Жуковского. Однако трактовка образа

Наполеона, односторонне сочувственная, отличалась от восприятия его личности Жуковским.

Положено на музыку М. И. Глинкой.

Ф. Канунова

1837

⟨ИЗ АЛЬБОМА, ПОДАРЕННОГО ГРАФИНЕ РОСТОПЧИНОЙ⟩

I. Роза
II. Лавр
III. Надгробие юноше
IV. Голос младенца из гроба
V. «О веселая младость!
о печальная старость!..»
VI. «Фидий, иль сам громовержец
к тебе нисходил от Олимпа...»
VII. Судьба
VIII. Завистник
IX. «Он лежал без движенья,
как будто по тяжкой работе...»

(С. 302)

Автографы:

1) ПД. № 28466, л. 5 об.—6—черновой. Стихотворения расположены в том же порядке, что и в данной публикации, но без нумерации. Заглавия имеют 6 из 9 стихотворений (№ 1—4, 7,8).

2) НБ ТГУ. Библиотека В. А. Жуковского: Herder J. G. Sämmtliche Werke. Zur schönen Literatur und Kunst. T. 10. S. 14, 38, 52, 54—на свободных частях страниц карандашные наброски перевода стихотворений «Роза», «Лавр», «Фидий, иль сам громовержец...» (см.: Описание. № 12780).

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Русский. 1867. 24 апреля. С. 164. Публикация М. П. Погодина—со многими неточностями и своевольными заглавиями некоторых текстов.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 27 февраля—середина апреля 1837 г.

Публикация М. П. Погодина в газете «Русский» была значительно уточнена П. А. Ефремовым в С 8 (Т. 3. С. 246—247) по «спискам П. И. Бартенева», но нумерация и заглавия первой публикации были сохранены. После установления нами того факта, что 7 из 9 стихотворений являются переводами, тексты были выверены по автографу № 1 с учетом набросков на страницах сочинений Гердера (автограф № 2). Подробно об этом см.: БЖ. Ч. 1. С. 182—209. Выверенный текст впервые

целостно опубликован: ПМиЖ. Вып. 8. С. 39—40. Эта публикация и легла в основу наст. изд. стихотворений «(Из альбома, подаренного графине Ростопчиной)».

25 апреля 1838 г. Жуковский, уезжая на долгий срок за границу, подарил поэтессе Евдокии Петровне Ростопчиной (урожд. Сушковой; 1811—1858) незаполненный альбом для стихов, принадлежавший ранее А. С. Пушкину. В дарственной надписи к своему подарку, в своеобразном «предисловии» к альбому читаем: «Посылаю вам, графиня, на память книгу, которая может иметь для вас некоторую цену. Она принадлежала *Пушкину*, он приготовил ее для новых своих стихов и не успел написать ни одного; мне она досталась из рук смерти; я начал ее; то, что в ней написано, не напечатано нигде. Вы наполните и докончите эту книгу его. Она теперь достигла своего настоящего назначения. Всё это в старые годы я написал бы стихами, и стихи были бы хороши ⟨...⟩ Но стихи уже не так льются, как бывало...» (ПД. № 28466, л. 3 об.). Ростопчина отвечала посланием «Черновая книга Пушкина: Василию Андреевичу Жуковскому» (Совр. 1839. Т. 15. С. 132). Она выполнила наказ и сохранила альбом, принадлежащий Пушкину, со стихотворениями и записями Жуковского для потомков.

Кроме «Посвящения» к «Ундине», датированного 27-м февраля 1837 г., Жуковский вписал в альбом 9 стихотворений в антологическом духе. Все 9 стихотворений написаны Жуковским в очень короткий срок: между 27 февраля и серединой апреля 1837 г. Судя по характеру автографов, наброски переводов на страницах книги Гердера и запись в альбоме гр. Ростопчиной относятся к этому времени. Последовательность расположения оригиналов в томе и порядок записи стихотворений в альбоме не совпадают, что позволяет говорить о наличии определенной заданности как в выборе стихотворений для перевода, так и расположения их в альбоме. Тем более вряд ли можно считать случайным, что стихотворение «Судьба», главный образ которого лишен античной гармонии, оказалось «вписанным» между переводами из греческой антологии, а стихотворение «Он лежал без движенья...», лишенное античных образов, заключает собой всю группу стихотворений, связанных с памятью А. С. Пушкина, придавая этому лирическому циклу особую завершенность.

I. «Роза» — перевод стихотворения Гердера «Die Rose», находящегося на с. 15 указанного в текстологической справке издания. Перевод достаточно близок к подлиннику; мысль о скоротечности жизни, о ее увядании заложена в оригинале и передана русским поэтом. Но для Жуковского важно было сказать не столько о гибели розы («Stirbt Rose»), сколько о гибели Красоты, символом которой она являлась. Отсюда и появление в окончательном тексте глагола «поблекла», и замена фразы подлинника: «Vorübergegangen ist sie» на: «...напрасно, о дева, // Ищешь ее красоты». Подробнее см.: БЖ. Ч. 1. С. 186—187.

II. «Лавр» — перевод стихотворения Гердера «Der Lorbeerbaum» (с. 39 указ. изд.). Параллельно с немецким текстом на свободной части с. 38 был сделан первоначальный набросок перевода. Продолжение работы ведется в альбоме. И оригинал, и перевод перекликаются со стихотворением «Роза», продолжая тему раз-

рушения красоты в мире, но уже не по воле времени, а под воздействием других могущественных сил. Прекрасной Дафне сохранение ее чистоты дается лишь ценой отказа от себя, от своей изначальной свободы: она навечно превратилась в лавровое дерево.

При всей близости перевода к оригиналу общий тон стихотворения Жуковского отличен от гердеровского. В нем акцент с *моления* о пощаде, подчеркнутого в оригинале трижды анафорически повторенным: «Schonet meiner» («пощадите меня»), перенесен на прямо выраженное *требование*: «Чтите мою чистоту». Показательно, что требовательные, звучащие как угроза, слова: «Бойтесь коснуться меня...» и «Чтите мою чистоту...», родившись в самом первом наброске перевода, ни разу не были изменены в процессе работы над стихотворением. Они не принадлежат ни мифологическому источнику, ни немецкому оригиналу. Они звучат из уст самого поэта и обращены ко всем, кто, будучи ослеплен стремлением удовлетворить свои эгоистические желания, нечистым прикосновением может осквернить святыню.

Стихотворение Гердера восходит к эпиграмме Антипатра Фессалоникского (I в. н. э.). Об этом см.: Кибальник С. А. Русская антологическая поэзия первой трети XIX в. Л., 1990. С. 144.

III. «Надгробие юноше» — перевод стихотворения Гердера «Der junge Schiffer» («Юный моряк», с. 31 указ. изд.), восходящего к антологической эпиграмме неизвестного поэта эллинистической эпохи (Кибальник С. А. Указ. соч. С. 144). Карандашный набросок перевода в книге отсутствует, но в альбоме текст его сначала был записан карандашом, а потом прямо по карандашу — чернилами.

Замена заглавия в стихотворении представляется совершенно закономерной: оно точнее, чем в оригинале, передает содержание и главную мысль произведения, где речь идет не о юном моряке в буквальном смысле слова, а о юноше, утонувшем в волнах жизни («des Lebens Wellen»), не выстоявшем в жизненном шторме. Перевод близок к оригиналу. Однако вряд ли случайным является внедрение новых эпитетов. Так, в первом стихе к слову «жизнь» добавляется эпитет «ненадежныя», а в четвертом — субстантивированное прилагательное «unglückseliger» («несчастный») заменяется в переводе на «юный, бессильный пловец». Эпитет «бессильный», соотносясь с первым стихом, как бы еще раз подчеркивает ненадежность жизни и незащищенность человека перед ее бурями и судьбой. Эпитафия на смерть юноши — грустное размышление о превратностях судьбы.

IV. «Голос младенца из гроба» перевод стихотворения Гердера (с. 30 указ. изд.) «Grabesstimme eines Kindes, das nach der Geburt starb» («Замогильный голос младенца, который умер после рождения»), восходящего к антологической эпиграмме поэта VI в. н. э. Македония (Кибальник С. А. Указ. соч. С. 144).

Перевод делался прямо в альбоме, но значительных вариантов текст не содержит. Мысль о краткости пребывания на земле младенца в оригинале вынесена в заглавие, в самом же стихотворении Гердера практически не подчеркнута. Жуковский при переводе сокращает заглавие, а мотив краткости младенческой жиз-

ни переносится им в сам текст. Земля скрыла от мира едва родившегося младенца, жизнь которого была еще короче, чем жизнь прекрасной розы. Стихотворение перекликается в этом смысле с первым стихотворением цикла — «Роза» и развивает тему превратности судьбы.

V. «О веселая младость! о печальная старость!..» — перевод гердеровского двустишия, озаглавленного в оригинале «Jugend und Alter» («Младость и старость»; с. 58 указ. изд.) и восходящего к поэту I—II в. н. э. Безантину (Кибальник С. А. Указ. соч. С. 144).

Перевод почти дословен, мысль выражена лаконично и четко и приближена к афоризму. Отказ от воспроизведения заглавия лишь подчеркивает универсальность высказанной мысли и созвучность ее мировосприятию переводчика.

VI. «Фидий, иль сам громовержец к тебе нисходил от Олимпа...» — перевод двустишия Гердера «Auf Jupiters Bildsäule von Phidias» («На Фидиеву статую Юпитера»; с. 53 указ. изд.), восходящего к античному поэту I в. н. э. Филиппу Фессалоникскому (Кибальник С. А. Указ. соч. С. 144).

Первоначально набросан на свободной части с. 54 рядом с печатным текстом и переписан здесь же на свободном поле с. 53 более крупно и почти без сокращений. В альбоме — беловой автограф. Ни в одном из вариантов не озаглавлен.

Перевод близок к оригиналу. Однако у Гердера имя создателя статуи Зевса Фидия вынесено в заглавие. В тексте же он назван просто художником («Künstler»). Гердеровское двустишие построено как классическая античная эпиграмма — надпись на статуе. Отказавшись от заглавия, Жуковский строит стихотворение как непосредственное обращение к Фидию (V в. до н. э.), великому древнегреческому скульптору эпохи классики, и выдвигает на первый план тему величия художника, который в самом акте творчества подобен Богу и достоин как «взлетать на Олимп» и посещать громовержца, так и того, чтобы сам громовержец «нисходил от Олимпа» к нему, художнику.

Жуковскому важно подчеркнуть многократность и обычность общения художника и бога, и он, работая над текстом (даже в ущерб ритмической точности), в окончательном варианте заменяет использованные в переводе на страницах книги глаголы во 2-м стихе: «взошел ⟨...⟩ узреть» на «взлетал ⟨...⟩ посетить».

VII. «Судьба» — оригинальное стихотворение. Но выросло оно из тем, развиваемых в предыдущих пяти стихотворениях, из размышлений поэта о гибели красоты, о краткости и непрочности человеческой жизни, о могуществе художественного гения.

Тема судьбы — вечная тема. В греческой антологии Гердера имеется несколько стихотворений, прямо озаглавленных «Das Schicksal» (с. 22, 232, 249 указ. изд.). Главная их мысль — бессилие человека перед могуществом высших сил, предопределенность судьбы. Ни одно из них Жуковский не перевел. Он создал свое, главная мысль которого противоположна высказанной в антологических пьесах: «Человек, прямо и смело иди!»

Тема судьбы, образ Судьбы возникают на страницах рукописей поэта неоднократно (подробнее см.: ПМиЖ. Вып. 8. С. 42—45). Образ вынашивался постепенно, претерпевая от записи к записи значительные изменения, но с самого начала формировался на основе не античной, а библейской мифологии, и связан с образом колосса на глиняных ногах (Дан 2: 31—34). Также изначально в набросках темы проступает и от варианта к варианту выкристаллизовывается и конкретизируется тема противостояния «величественному великану». При этом в прозаических записях наличествует некое противопоставление того, кто «велик или может подняться» и «посмотреть ему в глаза», тем, кто «низок или, ужаснувшись его, наклонит голову». Первый сам «озарится его блеском», второй — будет «затоптан в прах или раздавлен», что предполагает определенную долю справедливости в распределении «даров судьбы». Совершенно иную расстановку акцентов находим в стихотворении.

Перед нами не просто великан, но колосс, у которого ноги не только *«свинцовые»*, но и *«тяжкие»*. Теперь не поэт сравнивает судьбу с великаном, а она сама, став субъектом действия, *«ходит меж нами»*. Мерные, медлительные гекзаметры как бы передают ее тяжелую поступь. И если в прозаических текстах речь шла о том, что испугавшийся сам «попадет» под ноги великана и будет «затоптан в прах или раздавлен», то в стихотворении судьба «наступит тяжкой ногой на тебя». Никаких «или» не будет: «Будешь затоптан в грязи». Судьба жестока и неумолима.

Такая трактовка образа в стихотворении «Судьба», написанном через 14 лет после последней прозаической записи, несомненно связана с поэтическим осмыслением окружающих поэта событий, воспринимаемых им как трагические, но преломляемых его поэтическим сознанием сквозь призму мирового искусства. Отсюда и соединение, казалось бы, разнородных поэтических традиций. Мудрость древней Эллады и народов Востока, сопряженная с размышлениями о современности, породили оригинальный поэтический сплав, подобный тому, который нашел выражение в «Римских элегиях» Гёте. И не случайно стихотворение «Судьба» с ярко выраженной в нем идеей стойкости, мужества, смелого шествия человека навстречу судьбе перекликается со стихотворением «Лавр», где звучит резкое и требовательное: «Бойтесь коснуться меня. ⟨...⟩ Чтите мою чистоту».

Понять причины решительных изменений во взглядах поэта на судьбу, причины, заставившие его противопоставить античной идее рока свое понимание судьбы и выразить это в достаточно резкой форме, помогает дата, проставленная под имеющим разночтения с печатным вариантом «Посвящением» к «Ундине»: 27 февраля 1837 г. Ровно месяц назад, 27 января, произошла роковая дуэль, на которой был смертельно ранен Пушкин. Через два дня его не стало. 12 марта в письме к И. И. Дмитриеву Жуковский пишет: «Память Пушкина должна быть и всегда будет дорога Отечеству. Как бы много он сделал, если бы судьба ему вынула не такой тяжкий жребий и если бы она не вздумала, после мучительной жизни ⟨...⟩ вдруг ее разрушить. Наши врали-журналисты, ректоры общего мнения в литературе, успели утвердить в толпе своих прихожан мысль, что Пушкин упал; а Пушкин только что созрел как художник и все шел в гору как человек, и поэзия

мужала с ним вместе. Но мелочи ежедневной, обыкновенной жизни: они его убили» (СС 1. Т. 4. С. 632). Пушкинская концепция «самостоянья человека» становится и жизненной философией Жуковского.

Не случайно в письме оказались поставленными рядом такие, казалось бы, разномасштабные понятия, как судьба, вынувшая поэту «тяжкий жребий», и «врали-журналисты». Их устами часто говорила ложь, клевета и зависть.

VIII. «Завистник» — перевод одноименного стихотворения Гердера «Der Neider» (с. 36 указ. изд.), в свою очередь восходящего к античному поэту VI в. н. э. Палладе (Кибальник С. А. Указ. соч. С. 145).

Стихотворение написано трехстопным белым ямбом со сплошной женской клаузулой. Ритмическое «выпадение» «Завистника» из общего трехстопного хореического метрического фона переведенных Жуковским из Гердера стихотворений предопределено оригиналом: «Der Neider» написан не в элегической, а в анакреонтической манере, как писались в то время сатирические стихи, т. е. ямбом. В данном случае — шестистопным. Жуковский, сократив в переводе количество стоп в строке, увеличил число строк, превратив четверостишие в восьмистишие. На страницах гердеровского тома из библиотеки Жуковского набросков перевода нет. В альбом стихотворение вписано с небольшими помарками, связанными с перестановкой слов в ст. 3 и 4.

Как справедливо заметил С. А. Кибальник, «в стихотворении „Завистник“ мы имеем своего рода нравственную оценку убийцы Пушкина, хотя пьеса, разумеется, имеет и более отвлеченный, универсальный смысл» (Ж. и русская культура. С. 269).

IX. «Он лежал без движенья, как будто по тяжкой работе...» — оригинальное стихотворение в антологическом духе. Заглавия в рукописи не имеет. Как и два предыдущих, не озаглавленных поэтом переводных стихотворений, отличается ярко выраженной лиричностью повествования, передающей авторское глубоко личное отношение к теме, к объекту повествования. Это — своеобразные «лирические отступления» в цикле антологических стихотворений, не допускающих «ничего лишнего в чувствах» (А. С. Пушкин) и тяготеющих к обобщенно-эмоциональному строю.

В данном стихотворении рассказ ведется непосредственно от имени автора. Замедленность движения элегического дистиха здесь особенно заметна и подчеркнута обилием enjambement'ов, передающих не только замедленность, но и эмоциональную напряженность повествования.

В стихотворении нет ни одного специфически антологического образа, ни одного мифологического имени. Но преисполненное тихой, величественной скорби, оно звучит как торжественный реквием, завершающий размышления о красоте и ее быстротечности в этом мире («Роза»), о величии художника и святости его искусства («Фидий, иль сам громовержец...»), хрупкости и краткости жизни («Лавр», «Голос младенца из гроба», «Надгробие юноше», «О веселая младость!..»), пре-

вратностях судьбы и противостоянии ей («Судьба»). В этом смысле стихотворение «Он лежал без движенья...» — логический и эмоциональный финал всего цикла.

При первой публикации М. П. Погодиным стихотворение было озаглавлено «Покойнику». После того, как была замечена текстуальная близость стихотворения и известного письма Жуковского к С. Л. Пушкину о последних часах жизни А. С. Пушкина, к погодинскому заголовку стало добавляться заключаемое в скобки «уточнение»: «А. С. Пушкину» (С 8. Т. 3. С. 247; ПСС. Т. 4. С. 26), а позднее просто: «Пушкин» (Стихотворения. Т. 2. С. 272).

Представляется принципиально неверным не только придание заглавий произведениям, автором не озаглавленным, но и утверждение, что стихотворение «Он лежал без движенья...» представляет собой «переложение отрывка письма Жуковского» (СС 1. Т. 4. С. 602). Исследователями уже указывалось, что в письме к С. Л. Пушкину автором сознательно был «привнесен элемент художественной концепции», что «Жуковский ⟨...⟩ отбирал детали и располагал их соответственно определенному замыслу» (см.: Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 1. С. 32). «Элемент художественной концепции» при работе над стихотворением продолжал развиваться и углубляться, происходило переосмысление образа и основной идеи произведения, подобное тому, с каким мы сталкиваемся и при рождении замысла «Судьбы» (подробнее см.: ПМиЖ. Вып. 8. С. 42—45). Представляется нецелесообразным привносить в стихотворение с помощью нового заглавия, даваемого в современных изданиях, сознательно отрицаемую автором конкретность, хотя, конечно, «пушкинский подтекст» присутствует в этом произведении.

Н. Реморова

⟨К своему портрету⟩
(«Воспоминание и я — одно и то же...»)
(С. 304)

Автограф неизвестен.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ОЗ. 1855. Т. 103. Кн. 12. Отд. 2. С. 183 — в составе воспоминаний А. Н. Мокрицкого о К. П. Брюллове, без заглавия.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: апрель 1837 г.

Публикуя воспоминания о своем учителе, известном художнике Карле Брюллове, художник и академик живописи Аполлон Николаевич Мокрицкий (1810—1870) опирался на дневниковые записи 1834—1840 гг. Фрагмент дневника, в котором приводится четверостишие Жуковского, относится к апрелю 1837 г., когда «Карл Великий», как называл Брюллова его ученик, приступил к работе над известным портретом Жуковского.

История создания этого портрета связана с освобождением Т. Г. Шевченко от крепостной неволи. Портрет предназначался для розыгрыша в лотерее с целью

получения денег для выкупа. Первые сеансы в мастерской Брюллова состоялись перед самым отъездом Жуковского в путешествие с наследником по России. Закончен был портрет уже после возвращения Жуковского в Петербург. 25 февраля 1838 г. в доме Брюллова Жуковский вручил Шевченко документ, сделавший его вольным (подробнее см.: Иезуитова Р. В. Жуковский в Петербурге. Л., 1976. С. 275—276; см. также письмо Жуковского к Ю. Ф. Барановой от апреля 1838 г. // СС 1. Т. 4. С. 635—637).

Мокрицкий был знаком с Жуковским еще до создания портрета. Он вместе с другими художниками участвовал в написании картины «Субботнее собрание у Жуковского», где воссоздана обстановка и атмосфера кабинета поэта в Шепелевском доме Зимнего дворца. Передавая свое впечатление от портрета Жуковского работы Брюллова, он создает интересный образ поэта, включая в него и автохарактеристику Жуковского: «Брюллов занялся его портретом. Портрет Жуковского будет одним из лучших его портретов, как по сходству, так и по выражению характера целого. Вы видите дородного мужчину, покойно сидящего в креслах; голова его, склоненная несколько к правому плечу, наклонена вперед; руки сложены одна на другую выше колен так, что левая, покрывая правую, оставляет пальцы ее свободными; в правой руке держит он перчатки. Лицо спокойно, взор, хотя устремленный на зрителя, кажется занят внутренним созерцанием; на челе дума не тяжкая, но отрадная, успокоительная; он, кажется, обдумывая свой подвиг, покоится после понесенных трудов. В этой почтенной голове с обнаженным челом созревали прекрасные творения. Свежесть лица и приятные черты показывают, что жизнь его проходила без разрушительных бурь; а если страсти и волновали нежное его сердце, то теплая вера и голос разума скоро усмиряли их. Прекрасные идеалы и изящные искусства питали душу его, всегда расположенную к добру; художник всё это выразил в портрете. Взгляните на эти уста: они беседуют с вами, подают вам мудрый совет или произносят утешение; но вот изрекли они два-три стиха к портрету:

Воспоминание и я — одно и то же:
Я образ, я мечта,
Чем старе становлюсь, тем я
Кажусь моложе.

Взгляните на эти прекрасные руки, эти белые, нежные руки, и не удивляйтесь их нежности: орудием их было легкое перо, за которое он брался, оставляя лиру...» (ОЗ. 1855. Т. 103. Кн. 12. Отд. 2. С. 183).

Судя по некоторым деталям описания (перчатки, отсутствующие в окончательном варианте портрета), Мокрицкий говорит о начальном этапе работы Брюллова, что и позволяет датировать четверостишие Жуковского апрелем 1837 г. По всей вероятности, заглавие, появившееся в С 7 (Т. 5. С. 549), является редакторским.

А. Янушкевич

Ермолову

(«Жизнь чудная его в потомство перейдет...»)

(С. 304)

Автограф (ОРК НБ МГУ. Ермолов, XXIX/20)—посвящение на об. титула экземпляра 1-й части С 4.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Московские Ведомости. 1858. № 66—в составе статьи Г. Н. Геннади о библиотеке Московского университета.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 10 декабря 1837 г.

На титуле книги, подаренной Жуковским известному генералу, герою Отечественной войны 1812 г. А. П. Ермолову (1777—1861), имеется прозаическая дарственная надпись, предшествующая стихотворному посвящению: «Его высокопревосходительству, Алексею Петровичу Ермолову от автора, на память глубокого почтения. Москва, 1837. Декабрь 10». Эта надпись является основанием для датировки четверостишия.

Жуковский посвятил Ермолову три стиха в «Певце во стане русских воинов». О встрече с ним он упоминает в дневниковой записи от 29 октября 1831 г. во время посещения с великим князем Александром Николаевичем Москвы (Дневники. С. 215—216). Имя генерала появляется в неопубликованном дневнике 1841 г.: «*6(18) февраля*. После обеда разговор с Ермоловым» (РГАЛИ, оп. 1, № 37, л. 84 об.). Одним словом, общение поэта и генерала было достаточно регулярным на протяжении длительного времени.

В подробном комментарии к стихотворению «Ермолову» Ц. С. Вольпе говорит о судьбе этого четверостишия. В. В. Хлопов в статье-воспоминаниях «Вечер с А. П. Ермоловым 23 января 1847 г.» приписывал его А. С. Пушкину (РС. 1874. Т. 10. С. 198). С. И. Храповицкий в 1872 г. опубликовал экспромт из 8 стихов, адресованный А. П. Ермолову, куда включил и искаженный текст четверостишия (РС. 1872. Т. 6. С. 539). Хлопов, а вслед за ним и Ал. Ермолов в своей книге «А. П. Ермолов. Биографический очерк» (СПб., 1912) приводят еще одно четверостишие Жуковского, обращенное к Ермолову. Ни в одно из известных собраний сочинений Жуковского оно не вошло, нет никаких документальных свидетельств, подтверждающих его подлинность, хотя Ц. С. Вольпе, не приводя его текст, в то же время не сомневается в его принадлежности перу Жуковского и считает, что оно было создано до отставки А. П. Ермолова в 1827 г. (Стихотворения. Т. 2. С. 539). Приводим его текст:

⟨Подпись к портрету А. П. Ермолова⟩

За ним, пред ним нет пышных титл,
Не громок он средь гордой знати;
Но за него усердный глас молитв
Непобедимой русской рати.

(Ермолов Ал. Указ. соч. С. 189).

Ст. 4. *И лихо летопись свою переплетет.*— Именно страсть Ермолова лично переплетать книги и отмечена в последнем стихе четверостишия. Ермолов переплел также и подаренный ему экземпляр стихотворений Жуковского, перешедший вместе со всей библиотекой Ермолова в дар библиотеке Московского университета (Стихотворения. Т. 2. С. 539).

А. Янушкевич

1838

Предсказание

(«Венок ваш, скромною харитою сплетенный...»)

(С. 305)

Автограф неизвестен.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 7. Т. 2. С. 138—с указанием: «По подлинной рукописи».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: предположительно 1838 г.

К сожалению, никаких свидетельств о творческой истории этого стихотворения обнаружить не удалось. Отсутствие автографа затрудняет и датировку, поэтому принимаем датировку, предложенную П. А. Ефремовым. Дневники Жуковского за 1838 г. содержат лишь записи мая-декабря, т. е. периода его заграничного путешествия с великим князем. Скорее всего, стихотворение было написано до отъезда и обращено к одной из великих княжон, возможно, к Марии Николаевне, к которой Жуковский питал особую симпатию, о чем свидетельствует его «Журнал заграничного путешествия», адресованный именно ей.

А. Янушкевич

Stabat mater

(«Горько плача и рыдая...»)

(С. 305)

Автографы:

1) ПД. № 27792, л. 1, 2 об.—черновой, с разбивкой на пронумерованные и отчеркнутые трехстишия (№ 1—12); л. 1 об., 2—рукою неустановленного лица дан латинский текст с русским подстрочником.

2) РГАЛИ, он. 2, № 15а, л. 1—3—фотокопия неизвестного белового автографа, с заглавием: «Stabat mater dolorosa» и подписью: «Жуковский» (л. 2 и 3 перепутаны в нумерации).

Впервые: Совр. 1838. № 1. С. 157—158—с заглавием: «Stabat mater», подписью: «В. Жуковский» и примечанием внизу страницы 157: «4-го Марта нынешнего года, по желанию Е. И. В. Государыни Вел. княгини Елены Павловны, исполнена

была знаменитая музыка этой религиозной Песни — обстоятельство, бывшее поводом к переводу стихов, здесь помещенных».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: март 1838 г.

Примечание к первой публикации стихотворения в Совр. позволяет уточнить некоторые моменты творческой истории этого произведения Жуковского, в частности, дату его создания. Очевидно, что оно было создано в промежуток между 4 марта (дата исполнения «этой религиозной Песни») и 20 марта (дата ц. р. первого номера Совр.). В архиве поэта (РНБ, он. 2, № 25, л. 1—2 об.) сохранилась рукописная копия параллельного латинского текста молитвы и ее русского перевода под заглавием: «Молитва у Креста». Особенностью этого перевода является его предназначенность для концертного исполнения: весь текст разбит на 7 частей (номеров) с выделением партий хора, трио, арии. Любопытно, что первый стих этого переложения точно совпадает с текстом «Stabat mater» Жуковского.

По всей вероятности, это список с программы для концерта, о которой говорил еще П. А. Ефремов в примечаниях к стихотворению Жуковского: «Недавно нам попалась программа для концерта, напечатанная в 4 д.⟨олю⟩ л. ⟨иста⟩ в 8 страниц без означения места и времени печатания: „Stabat mater. Музыка Перголези“. В ней только первый стих одинаков с переводом Жуковского» (С 9. Т. 3. С. 517). Скорее всего, об этом исполнении «Stabat mater» говорит в своих «Автобиографических записках» А. О. Смирнова-Россет: «Вел. княгиня Елена, у которой нет слуха, стала вдруг меломанкой, и Львов аранжировал „Stabat mater“ Перголези для оркестра, а известно, что эта вещь была написана великим композитором только для аккомпанемента 4 скрипок. Тем не менее я слушала с большим удовольствием эту трогательную музыку, так полно выражающую страдания Марии, когда она видит своего Сына и своего Бога на кресте» (Смирнова-Россет. С. 559).

Трудно сказать, принимал ли Жуковский участие в создании текста «Молитвы у Креста», но можно высказать предположение, что «Молитва у Креста» была первым вариантом напечатанного в Совр. перевода «Stabat mater». Буквальное совпадение не только первого стиха, но и ст. 12, 25—27, почти реминисцентное переложение хора № 1 и № 4 позволяют говорить об этом. Для наглядности воспроизводим этот текст:

Молитва у Креста

№ 1. Хор.

Горько плача и рыдая
Предстояла пресвятая
Богоматерь у креста.
Душу полную страданья,
Сожаленья и стенанья
Поразил ей острый меч.

№ 2. Ария.

О, как тяжко огорченна
И печально сокрушенна,
Матерь благодатная,
Ты скорбела и стенала,
Над мученьем трепетала
Сына — Бога Твоего!

№ 3. Хор (проза).
Кто без рыдания и плача
воззрит на Матерь Христову
в толиком сокрушении? Кто
возможет без скорби зреть Ея
благодатную? — Пред очами
Ея Иисус предан орудиям казни
за грехи людей своих; —
Сладкое чадо изъязвленно,—
скончавается, и се,— бездыханно.—

№ 4.
О святая! Мать любови!
Влей мне в душу силу скорби,
Чтоб с тобой я плакать мог;
Чтоб к Тому горел любовью,
Кто своей честною кровью
Искупил меня и спас.—

№ 5. Хор.
Пресвятая! мук терпенье
И распятою томленье
Мне на сердце впечатлей;
Удели мне часть страданий
Что Твой Сын среди терзаний
Смертью крестной заключил.
Дай, чтоб слезы сожаленья
Мог я лить от сокрушенья
До кончины дней моих;
Чтоб сподобился я ныне
Об Твоем распятом Сыне
Разделить Твой горький плач;
Бремя слезного рыданья,
Иго тяжкого страданья
Несть с Тобою удостой;

№ 6. Трио.
Ты пошли мне смерть Христову,
Да постражду, и в сею жизнь нову
Чрез нее я перейду;
Да мученьем насладиться,
Смерть вкусить, Крестом упиться
И вселиться в лучший мир.

№ 7. Хор.
Будь Святая присподева,
От карающего гнева
В день суда моим щитом!
Крест да будет мой хранитель,
И твоя мне, Искупитель,
Да сияет благодать;
Да, совлекшись уз телесных,
Я в обителях небесных
Славой рая озарюсь.
Аминь.

Очевидно, что текст «Молитвы у Креста» для концертного исполнения создавался задолго до 4-го марта, так как необходимы были репетиции оркестра, хора и солистов для его исполнения. Скорее всего, по поручению великой княгини Елены Павловны Жуковский создал его в феврале 1838 г., к годовщине гибели Пушкина.

Как известно из документальных источников (письма, записки) и со слов самого Жуковского, Елена Павловна (урожд. Фридерика Шарлотта Мария, принцесса Вюртембергская; 1806—1873; с 1824 г. жена великого князя Михаила Павловича) «очень любила Пушкина» (С 8. Т. 6. С. 17; см. также: Черейский. С. 150; Временник Пушкинской комиссии. 1977. Л., 1980. С. 17—18). В последней из четырех записок Елены Павловны к Жуковскому выражена глубокая скорбь по поводу смерти Пушкина: «Итак, свершилось, и мы потеряли прекраснейшую славу нашего отечества! Я так глубоко этим огорчена, что мне кажется, что во мне соединяются сожаления и его друзей, и поклонников его гения. Тысяча прочувствованных бла-

годарностей Вам, мой добрый г. Жуковский, за заботливость, с которою Вы приучали меня то надеяться, то страшиться. Как она тягостна, эта скорбь, которая нам осталась!» (ЛН. Т. 58. М., 1952. С. 135).

Всё это позволяет высказать и другое предположение: к годовщине гибели Пушкина «Молитва у Креста» прозвучала как реквием, а публикация стихотворного переложения «Stabat mater» в Совр. стала еще одним цветком Жуковского на его могилу (см. примеч. к стихотворению «Цвет завета»). Очевидна связь этого произведения с текстом пушкинской «Легенды» («Был на свете рыцарь бедный...»), генетически связанной с мотивами и образами поэзии Жуковского (см.: Сурат И. «Жил на свете рыцарь бедный...» М., 1990. С. 42—63). Стихи из «Легенды»: «Возвратясь в свой замок дальный, // Жил он будто заключен, // И влюбленный и печальный, // Без причастья умер он...» получают в «Stabat mater» свое логическое завершение. Образ Пушкина-бога: «Ты создан попасть в боги — вперед!..» (Из письма Жуковского к Пушкину от 1 июня 1824 г. // СС 1. Т. 4. С. 509) обрел новое поэтическое воплощение.

Любопытно, что в РГИА (ф. 797, оп. 26, № 195) сохранилась официальная записка от 1856 г. «о недозволении исполнять в концертах стихотворение Жуковского „Stabat mater", положенное на музыку Львовым».

А. Янушкевич

«Плачь о себе: *твоё* мы счастье схоронили...»

(С. 307)

Автограф неизвестен.

Впервые: ОЗ. 1840. Т. 12. № 9—10. Отдел «Критика». С. 15 — эпиграф к статье «Сочинения в стихах и прозе графини С. Ф. Толстой» — с подписью: «В. Жуковский», без двух последних стихов.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, с добавлением двух последних стихов по С 7 (Т. 2. С. 138 — с указанием: «по подлинной рукописи»).

Датируется: конец апреля 1838 г.

Написано на смерть писательницы, графини Сарры Федоровны Толстой (1821—1838), дочери графа Ф. И. Толстого-Американца и его жены, цыганки А. М. Тугаевой.

В библиотеке поэта сохранился экземпляр ее «Сочинений в стихах и прозе», о которых идет речь в статье ОЗ (см.: Описание. № 405). Ранняя смерть и незаурядное дарование определили трагизм судьбы Сарры Толстой в восприятии современников. Она умерла 24 апреля, что и позволяет датировать стихотворение, находившееся в составе письма к отцу, графу Ф. И. Толстому, концом апреля 1838 г., так как в самом начале мая Жуковский уехал с наследником в заграничное путешествие. Скорее всего, письмо к Ф. И. Толстому с выражением соболезнования и стихотворной эпитафией было направлено сразу же после получения известия о смерти его дочери.

Образ Сарры Толстой еще при жизни вызывал противоречивые оценки. А. С. Пушкин в письме к жене от 4 мая 1836 г. сообщал: «Видал я свата нашего Толстого, дочь у него также почти сумасшедшая, живет в мечтательном мире, окруженная видениями, переводит с греческого Анакреона, и лечится ⟨г⟩омеопатически» (Пушкин. Т. 16. С. 111). А. И. Герцен вспоминал: «Я лично знал Толстого и именно в ту эпоху, когда он лишился своей дочери Сарры, необыкновенной девушки, с высоким поэтическим даром» («Былое и думы». Ч. 2. Гл. 14). И впоследствии этот образ приобрел почти легендарный характер. По замечанию Ю. М. Лотмана, это «одна из наиболее ярких личностей XIX в.» (Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1980. С. 238).

Репутация ее отца, графа Федора Ивановича Толстого (1782—1846), прозванного «Американцем»,—фрондёра, вольнодумца, дуэлянта, бретёра, картежника и распутника, история его приключений, взаимоотношений с А. С. Пушкиным и А. С. Грибоедовым вызывали также разные толки. Пожалуй, наиболее точно природу его противоречивости определил еще в 1818 г. П. А. Вяземский: «На свете нравственном загадка» (Вяземский. Т. 3. С. 161). О нем подробнее см.: Черейский. С. 438—439; Толстой С. Л. Федор Толстой Американец. [М.,] 1926; Розанова С. Лев Толстой и графиня Ина // ВЛ. 1997. Май-Июнь. С. 165—172. Смерть дочери потрясла его. «Он всё еще очень печален, Кажется, будто бы время не приносит никакого облегчения его горю...» (Из письма гр. А. И. Остен-Сакен к Т. А. Ергольской от 31 июля 1838 г. // Толстой С. Л. Указ. соч. С. 75).

Жуковский не разделял тех представлений о Толстом, которые находили отражение в многочисленных эпиграммах и анекдотах. После смерти Ф. И. Толстого он писал А. Я. Булгакову: «В нем было много хороших качеств, мне лично были известны одни только эти хорошие качества; всё остальное было ведомо только по преданию; и у меня всегда к нему лежало сердце; и он всегда был добрым приятелем своих приятелей» (С 7. Т. 6. С. 572). В неопубликованном московском дневнике Жуковского (запись от 20 (1) декабря 1840 г.) читаем: «В Американце грусть по Сарре и важное движение человека; кажется, он воскрес или воскресает» (РГАЛИ, он. 1, № 37, л. 81).

Эти высказывания Жуковского о Федоре Толстом во многом определяют тон его послания.

А. Янушкевич

Посвящается нашему капитану «Геркулеса»
(«Тише, ветер, тише, волны!..»)
(С. 307)

Автограф неизвестен.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1877. Т. 2. № 7. С. 368—с датой: «Мая 28-го 1838 года» и подписью: «Жуковский».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 28 мая 1838 г.

В примечании к первой публикации стихотворения в РА издатель журнала П. Бартенев пишет: «Стихи эти сообщены в Русский Архив г. Шульцом, списавшим их с своеручного подлинника из альбома вице-адмирала Сергея Петровича Тыринова [sic!], который в 1838 г. командовал пароходом „Геркулес“. На пароходе этом Жуковский плыл из Швеции в Россию. П. Б.» (РА. 1877. Т. 2. № 7. С. 368). В С 7 (Т. 5. С. 549) П. А. Ефремов, опубликовав это стихотворение по тексту РА, фамилию командира «Геркулеса» называет «Тыранов», а в С 10 (С. 330) он превращается в Сергея Ивановича Тыранова.

К сожалению, никаких сведений об адресате стихотворения-посвящения найти не удалось. Правда, в «Некрополе Крымского полуострова» В. И. Чернопятова (М., 1910. С. 291) упоминается вице-адмирал Сергей Петрович Тыртов (ум. 10 января 1903), но вряд ли есть основания для его идентификации с командиром «Геркулеса».

Дневниковая запись от 28 мая (9 июня) 1838 г. достаточно скупо передает впечатления того дня, когда было написано стихотворение: «День прояснился и был весь хорош. Прошли мимо Готланда. Ввечеру пение: Боже, царя храни, хор Меншикову. *Образчик любви к поэзии* ⟨...⟩» (Дневники. С. 381. Курсив мой.—*А. Я.*). По всей вероятности, последняя фраза косвенно намекает на историю создания посвящения: капитан «Геркулеса» обратился к Жуковскому с просьбой написать в его альбом.

Кроме того, дневниковая запись позволяет внести уточнение в примечание издателя РА: пароход плыл не из Швеции в Россию, а из Штеттина (Германия) в Швецию, где предстояла встреча с Николаем I и его свитой.

А. Янушкевич

«Ведая прошлое, видя грядущее, скальд вдохновенный...»

(С. 307)

Автограф (ПД. № 27769, л. 1)—беловой, на отдельном листке бумаги, с подписью: «Жуковский» и датой: «Стокгольм. 1838».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Стихотворения. Т. 2. С. 276—с примечаниями Ц. С. Вольпе (С. 539—540).

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 29 мая—3 июня 1838 г.

Основанием для датировки стихотворения являются дневниковые записи Жуковского, рассказывающие о его пребывании в столице Швеции в 1838 г. В составе свиты великого князя Александра Николаевича он прибыл в Стокгольм 29 мая (10 июня) и пробыл там до 3 (15) июня (Дневники. С. 382—387). В течение почти недели (с воскресенья до пятницы) он не только участвовал как наставник великого князя в придворных ритуалах (встречи с шведским королем Карлом XIV Бернадотом, королевой, кронпринцем Оскаром, кронпринцессой, обеды), но и

знакомился с нравами, обычаями, природой, культурой Швеции. Прозаические «Очерки Швеции» стали воплощением этих наблюдением.

Поэтическим отзвуком шведского путешествия явилось шестистишие, написанное сочетанием гекзаметров с пентаметрами и отражающее стихотворные поиски Жуковского 1830-х гг. на его пути сближения поэзии и прозы. Источником стихотворения стал поэтический текст на шведском языке, написанный рукою Жуковского en regard с переводом. Приводим его целиком; с сохранением орфографии автографа:

Ställd mellan samtiden och efterverlden
Ar scalden med sin evigt gröna krans.
Han väger oberstücken, mensnors värden,
Och skonast, af allt jordiskt lof ärhans.
Toi sängers trollstaf öppnas jordens grifter,
Och hjetten lefver omi Scaldens svrifter.

Собеседником Жуковского в Стокгольме с 1 по 3 июня был шведский поэт и драматург, секретарь Стокгольмской Академии наук Бернгардт фон Бесков (1796—1868). В библиотеке поэта сохранились его многочисленные сочинения на шведском и немецком языках, в том числе известная трагедия «Эрик XIV» (Описание. № 651—656), но среди них приведенного выше шестистишия не оказалось. Не удалось его обнаружить и в других произведениях шведских писателей, находящихся в библиотеке Жуковского (А. Богэрс, Э. Тегнер, Х. Грас и др.). Поэтому вопрос об источнике перевода остается открытым.

А. Янушкевич

ЭОЛОВА АРФА

I. Могила
II. Любовь
III. К младенцу
IV. Утешение
V. К сестрам и братьям
VI. Жалоба
VII. Тоска
VIII. Стремление

(С. 308)

Автографы:
1) РНБ, оп. 1, № 26, л. 120—121 об.— черновой.
2) РНБ, он. 1, № 26, л. 122, 123 — беловой.
При жизни Жуковского не печаталось.
Впервые: Бумаги Жуковского. С. 67—70.
Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.
Датируется: предположительно конец 1838 г.

Все восемь стихотворений представляют определенное поэтическое единство. Записанные в двух отдельных сшитых тетрадях из 14 л. с оборотами, где заполнены лишь л. 120, 120 об., 121, 121 об., 122, 122 об., 123 (тетрадки являются частью большого архивного конволюта со сплошной нумерацией листов), они имеют общее заглавие «Эолова арфа», строгую последовательность, которую обретают в процессе работы над текстом.

Черновой автограф, представляющий самостоятельную рукопись — перегнутый пополам листок такой же серой бумаги (25х40 см.), что и в беловом автографе, воссоздает процесс собирания текстов воедино. Черновые варианты будущих стихотворений: «Жалоба», «Тоска» и «Стремление» еще не имеют заглавия, отсутствуют три первых стихотворения: «Могила», «Любовь», «К младенцу». Не определена последовательность текстов. Вошедшим в окончательный текст «Эоловой арфы» пяти стихотворениям предшествуют зачеркнутые наброски под заглавием: «Цветок в долине» (л. 120) и «Музыка» (л. 120 об.). Последний набросок особенно интересен для создания общей атмосферы будущего цикла, поэтому приведем его целиком:

Музыка

Тебе хвала, тебе благословенье,
Волшебница с небесной красотой,
Пролей мне в душу вдохновенье,
Согрей меня поэзии мечтой!
Дай мне вкусить твоих очарований,
В гармонию мне душу обрати...

Публикуя впервые текст стихотворений в «Отчете Имп. Публичной библиотеки за 1884 г.» (Бумаги Жуковского), И. А. Бычков не дает прямой датировки, но в описании рукописи-конволюта, включающей автографы Жуковского разных лет, он обращает внимание на окружение «Эоловой арфы» — произведения 1827—1828 гг. Последующие публикаторы этих стихотворений (А. С. Архангельский, Ц. С. Вольпе, И. М. Семенко и др.) не печатали их как поэтическое единство, с общим заглавием, нередко вычленяя отдельные стихотворения. Так, Ц. С. Вольпе, публикуя стих. «Стремление», замечал: «В этой тетради [имеется в виду рукопись РНБ] Жуковский написал ряд аналогичных „Стремлению“ лирико-философских фрагментов, видимо, предполагая написать целый цикл стихотворений подобного характера. „Стремление“ можно рассматривать как попытку Жуковского перенести в русскую поэзию жанр гномических стихотворений, в той его транскрипции натурфилософских фрагментов, которую создали немецкие романтики (Гёте и др.)» (Стихотворения. Т. 2. С. 537).

Традиционно во всех изданиях эти стихотворения относили к 1828 г. Правда, в СС 1 (Т. 1. С. 394—395), публикуя три текста: «Любовь», «Тоска» и «Стремление», В. П. Петушков без всяких объяснений датировал их написание «предположительно, 1838 г.» (Там же. С. 467—468). Но уже в СС 2 И. М. Семенко (Т. 1.

С. 304—306), приведя всю подборку целиком, возвратилась к прежней датировке: «предположительно, в 1828 г.» (Там же. С. 416).

Между тем очевидно, что стихотворная подборка «Эолова арфа» не могла быть написана раньше 1837 г. Все тексты (и чернового и белового автографов) написаны на бумаге с водяным знаком «J. Whatman Turkey Mill. 1837». На этой бумаге Жуковский пишет во время своего заграничного путешествия мая 1838 — июня 1839 гг. Скорее всего, к концу 1838 г. и были созданы эти стихотворения, так как произведения, написанные позднее, Жуковский, как правило, упоминал в дневнике. Может быть, у них был какой-то иностранный источник, установить который пока не удалось, но показателен сам путь Жуковского к циклизации лирики в конце 1830-х гг. (об этом см.: Янушкевич. С. 216—233; Реморова Н. Б. К вопросу о лирическом цикле у В. А. Жуковского // ПМиЖ. Вып. 8. Томск, 1982. С. 38—51)

А. Янушкевич

1839

В Сардамском домике

(«Над бедной хижиною сей...»)

(С. 312)

Автограф (ПД. № 27775, л. 1) — беловой, с заглавием: «В Сардамском домике (Вел. князю Александру Николаевичу)».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: РА. 1867. № 11. Стб. 1398 — без заглавия.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 5 (17) апреля 1839 г.

Стихотворение «В Сардамском домике» было своеобразным прологом к характеристике Петра I в послании «Поэту Ленепсу...» Атмосферу создания этой миниатюры Жуковский описал в письме к императрице Александре Федоровне из Гааги от 17 (29) апреля: «... при взгляде на лачужку, где жил Петр Великий, слезы полились из глаз моих и нам в эту минуту стало понятно, почему между чувствами, проходящими по душе человеческой, одно из самых сладких есть благодарность Государю за отечество; оно именно потому так сладко, что оно совершенно бескорыстное. ⟨...⟩ Петра Великого давно нет, и его Сардамский домик чуть держится, но это место для русского имеет очарование невыразимое...» (Памяти Жуковского. Вып. 1. С. 44—45).

И позднее, в письме великому князю Константину Николаевичу от 5 (17) сентября 1841 г. он разовьет эти мысли: «Ваша правда: маленький домик Петра Великого в Сардаме есть святыня: в него, как вы говорите, всякий, даже и не русский, входит как в церковь, в которой, хотя она в развалинах, ощутительно присутствие божественного. Я помню минуты, которые провел я один в этой низень-

кой хижине, сидя с каким-то страхом благоговения на том месте, на котором сидел некогда наш Петр с великими мыслями о России. Мне как будто казалось, что величественная тень его стояла надо мною. Стихи, мною написанные, не выражают того, что в эту минуту было у меня в голове и в сердце и от чего спиралось дыхание в груди моей. Но они останутся памятником минуты, важной для России, минуты, в которую правнук Петра пришел на поклонение освященному им месту» (С 7. Т. 6. С. 350).

Тема Петра I, его преобразовательной деятельности занимала Жуковского постоянно, но, пожалуй, особенно активизировалась в конце 1830-х — 1840-х гг. Два месяца спустя после написания стихотворения, по возвращении в Россию, Жуковский, любуясь отстроенным после пожара 1837 г. Зимним дворцом, писал: «... совершенный образец России: огромно, без точности, без общей связи, выражение одной общей воли, которая, повелевая, рабствует. Во всех мелочах отражает тот характер, который дал России Петр Великий: скорей во что бы то ни стало. Мы не идем вперед, а скачем от пункта к пункту, вперед ли, назад ли — все равно» (запись от 27 июня 1839 г. — Дневники. С. 500—501).

В письмах, статьях, дневниковых записях, в записной книжке «Мысли и замечания», рассуждая о путях развития России, Жуковский в 1840-е гг. все время оглядывается назад. Если в письме к великому князю Константину Николаевичу от 5 (17) сентября 1841 г. Жуковский характеризует Петра I как представителя «зиждущей силы», который вспахал дикую почву России и засеял ее семенами, давшими уже богатую жатву (С. 7. Т. 6. С. 350), то под впечатлением событий европейской революции 1848 г. в письмах наследнику, в статье по поводу стихотворения Вяземского «Святая Русь» он говорит об особом пути России и резюмирует: «Для меня теперь стало еще яснее, что ход России не ход Европы, а должен быть ее собственный; это говорит нам вся наша история, вопреки тому *насилию*, которое сделала нам могучая рука Петра, бросившая нас на дорогу нам чуждую» (письмо к наследнику от 4 июня 1848 г. — С. 8. Т. 6. С. 554).

В «Татевском сборнике С.А. Рачинского» (СПб., 1899) Жуковскому приписано стихотворение «Петр Великий»:

В почтенья к должности ему подобных нет:
Его назвал Великим свет
За то, что с высоты властительного трона,
Неподсудимый, Он был верный раб закона —

со следующим примечанием: «Сообщено Е. В. Сабуровою. Печатается с листка, писанного рукою графа И. М. Вьельгорского и переданного на память его племяннице Е. В. Сабуровой Н. К. Мердером» (С. 83). Как установлено, «это стихотворение послужило надписью к бюсту Петра, подаренному Жуковским наследнику к Новому 1829 году. В ответ великий князь ⟨...⟩ поднёс ему накануне дня рождения собственный список этого стихотворения с надписью: „Моему бесценному Василию Андреевичу Жуковскому, 28-го генваря 1829. Александр“ (ПД. № 27

849)».—Лямина Е. Э., Самовер Н. В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 108. Примеч. 64.

Стихотворение «В Сардамском домике», обращенное к великому князю, имело воспитательный характер, продолжая русскую традицию «урока царям».

А. Янушкевич

Поэту Ленепсу, в ответ на его послание ко мне, писанное на случай посещения Сардама Е. И. В. Великим Князем наследником цесаревичем

(«Певец Батавии! с радушием приемлю...»)

(С. 312)

Автографы:

1) РНБ, он. 1, № 26, л. 50 об.—50—черновой, на отдельном листе плотной белой бумаги, с обратной нумерацией архивных листов и заглавием: «Поэту Ленепсу в ответ на его послание», без даты.

2) РГБ, ф. 371, к. VI.10—беловой, с датой: «1839, апреля 11/23».

Впервые: УЗ, альманах на 1840 год, изданный В. Владиславлевым. СПб., 1840. С. 440—442—с заглавием: «Поэту Ленепсу, в ответ на его послание ко мне, писанное на случай посещения Сардама Е. И. В. Великим Князем наследником цесаревичем» и подписью: «Жуковский».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 11 (23) апреля 1839 г.

Стихотворение написано во время путешествия Жуковского в свите наследника великого князя Александра Николаевича по Голландии в апреле 1839 г. и обращено к голландскому поэту и драматургу Якобу ван Леннепу (van Lennep; 1802—1868). 8 (20) апреля Жуковский во время пребывания в Амстердаме записывает в дневнике: «Поэт Ленепс» (Дневники. С. 483). Через три дня, 11 (23) апреля, уже в Гааге фиксирует: «Сочинял стихи Леннепсу, которые прочитал с удовольствием Толстому» (Там же. С. 484). Именно эту дату поставил он на беловом автографе послания. Неправильное написание фамилии адресата Жуковский сохранит в тексте первой и единственной прижизненной публикации.

Как явствует из дневника, в Саардаме, о котором идет речь в стихотворении, Жуковский был 5 (17) апреля (Дневники. С. 481), где, видимо, получил послание от Леннепа.

Ст. 1. *Певец Батавии!..*—Латинское название Голландии.

Ст. 7. *В сардамской хижине Великий Царь таился...*—В 1697 г. в голландском городе Саардаме жил и учился корабельному искусству Петр I.

Ст. 15. *И ныне правнук молодой...*—Речь идет о великом князя Александре Николаевиче, посетившем во время своего путешествия Сардамский домик Петра (см. примеч. к стих. «В Сардамском домике»).

А. Янушкевич

Сельское кладбище
Элегия
Второй перевод из Грея
(«Колокол ноздний кончину отшедшего дня возвещает...»)
(С. 314)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 26, л. 51—54 об.— авторизованная, рукою А. И. Тургенева — с прозаическим предисловием (см. ниже).

2) РГАЛИ, ф. 11 (Аксаковы), № 4, л. 1—4 — рукою А. И. Тургенева (ст. 1—117).

3) ПД. № 27812 — авторизованная корректура для С 5.

Впервые: Совр. 1839. Т. 16. С. 216—226 — с заглавием: «Сельское кладбище. Греева элегия», с авторским предисловием, тремя рисунками и комментарием к ним, с подписью: «В. Жуковский».

В прижизненных изданиях: С 5 (Т. 5. С. 323—328) — с заглавием: «Сельское кладбище. Элегия (второй перевод из Грея)», в подборке стихотворений 1838 г.

Датируется: 17 (29) мая — 23 июля ст. ст. 1839 г.

Время создания своего произведения Жуковский означил совершенно точно. Второй перевод элегии Т. Грея «Сельское кладбище» Жуковский начал во время путешествия в Англию. 17 (29) мая он посетил кладбище Stock Poges, недалеко от Виндзора, вдохновившее Грея написать элегию: здесь впоследствии он и был похоронен. В дорожном блокноте Жуковский нарисовал план кладбища, переписал некоторые надгробные надписи, сделал четыре карандашных рисунка (РНБ, оп. 2, № 61, л. 33—37), три из которых поместил в Совр. при первой публикации элегии, сопроводив их следующим примечанием: «Здесь прилагаю три рисунка, снятые мною с натуры. На первом изображено кладбище, „Где под навесом нагнувшихся вязов... // Спят непробудно смиренные предки села...“; на втором изображена описанная Греем башня, „Пышно плющом украшенная“; третий рисунок представляет памятник, воздвигнутый Грею, неподалеку от воспетого им кладбища, которого церковь, башня и густые деревья видны в отдалении» (Совр. 1839. Т. 16. С. 226).

Дата посещения кладбища заключает прозаическое предисловие, предпосланное переводу: «Греева элегия переведена мною в 1802 году и напечатана в „Вестнике Европы“, который в 1802 и 1803 году был издаваем Н. М. Карамзиным. Это мое *первое напечатанное* стихотворение. Оно было посвящено тогда Андрею Ивановичу Тургеневу [в С 5 — примечание: „Он умер в 1803 году“]. Находясь в мае месяце 1839 года в Виндзоре, я посетил кладбище, подавшее Грею мысль написать его элегию (оно находится в деревне Stock Poges неподалеку от Виндзора); там я перечитал прекрасную Грееву поэму и вздумал снова перевести ее как можно ближе к подлиннику. Этот второй перевод, почти через сорок лет после первого, посвящаю Александру Ивановичу Тургеневу [примечание в С 5: „И его уж

нет"] в знак нашей с тех пор продолжающейся дружбы и в воспоминание о его брате».

Но работа над переводом продолжалась и после, уже по возвращении в Россию. Запись в дневнике: «23[июля], воскресенье. Поутру кончил Грееву элегию» (Дневники. С. 502) определяет финальную точку в работе над вторым переводом элегии в 1839 г.

Перевод 1839 г., как уже сказано в предисловии, был посвящен Александру Ивановичу Тургеневу, много способствовавшему вместе с П. А. Вяземским тому, чтобы состоялось путешествие и непосредственное знакомство Жуковского с Англией как передовой страной Европы и родиной Байрона (ОА. Т. IV. С. 25, 39, 70—71). Посещение Жуковским Греева кладбища пришлось на конец английского путешествия, и обращение поэта к созданию нового перевода было продиктовано не только впечатлениями от Греевой могилы и воспоминаниями об Андрее Тургеневе. Возвращение к Грею питалось глубокими раздумьями о путях развития европейской цивилизации, об истории и современности Англии, о соотношении буржуазного прагматизма и духовных ценностей, о своеобразии английской поэзии, открывшей мир человеческих чувств. Светлая элегическая тональность перевода выражала память о Пушкине, похороненном на «сельском кладбище» в Михайловском и вводила в перевод элегии Грея контекст пушкинских размышлений о «смиренном кладбище», о жизни и смерти.

Перевод 1839 г. отчетливо проявил своеобразие философской позиции Жуковского: «нлененность жизнью» (Топоров. С. 235), мужественное осознание неизбежного расставания с «этой земной, милой, смутной жизнью» и утверждение достоинства человека как высшей ценности и залога его бессмертия, вечной связи между миром живых и усопших.

Новизна перевода — стремление, по словам поэта, «как можно ближе к подлиннику» — сказалась в усилении эпической структуры произведения, что соответствовало тенденции художественного развития Жуковского конца 1830-х гг.: «на смену лиризму песенного типа, характеризующемуся предельной обобщенностью эмоций, приходит более детализированное описание чувства» (Янушкевич. С. 230). Резко уменьшается объем «сладостной» и субъективной лексики: «звучный гул рогов», «звон унылый», «рог унылый» перевода 1802 г. заменяется на «отзывный рог», «рог удаленный». В процессе работы над переводом и подготовки его к печати просматривается тенденция к снятию повышенной чувствительности: «сладостно-светлый» заменяется на «радостно-светлый», «тайная печать» на «знаки», «сладостный лепет» на «сладкий ласкательства лепет», «украшенной башни» на «обвитой башни». Сильнее, чем в переводе 1802 г., развивается эпическая традиция повествования Грея, ориентированная на античность: часто используется конструкция с определениями, стоящими за определяемым словом («колокол поздний», «тишина торжественная», «прах смиренный»), текст насыщается развернутыми причастными и деепричастными оборотами, двухсложными эпитетами и трехсложными определениями. Меняется размер: вместо 6-стопного ямба используется гекзаметр, придающий повествованию неторопливость, размерен-

ность, простоту и колорит старины. Особую значимость приобретает во втором переводе бытовая деталь, соединяющая поэтическое и прозаическое, романтическое и сентиментальное начала. По точному замечанию исследователя, «в „Сельском кладбище“ 1839 г. многолетний поэтический опыт Жуковского, да и целой эпохи, оказался синтезирован и использован для нового воспроизведения или, как говорил Пушкин, для *пересоздания* элегии Томаса Грея» (Эткинд. С. 73).

В письме к П. А. Вяземскому от 5 (17) июня 1839 г. А. И. Тургенев писал: «С Жуковским провел я несколько приятных задушевных минут, но только минут; они повеяли на меня прежним сердечным счастьем, прежней сердечною дружбою. Этому способствовал и его новый перевод Греевой элегии гекзаметрами, которую он продиктовал мне и подарил оригинал руки его, на английском оригинале написанный. Я почти прослезился, когда он сказал мне, что так как первый посвящен был брату Андрею, то второй, через 40 лет хочет он посвятить мне. ⟨...⟩ Перевод Жуковского гекзаметрами сначала мне как-то не очень понравился, ибо мешал воспоминанию прежних стихов, кои казались мне почти совершенством перевода; но Жуковский сам указал мне на разницу в двух переводах, и я должен признать в последнем более простоты, возвышенности, натуральности и, следовательно, верности...» (ОА. Т. IV. С. 74—75).

Два экземпляра первой публикации (оттиски из Совр.) сохранились в библиотеке поэта (собрание ПД; см.: Описание. № 2517). В одном из них Жуковским перенумерованы строки по пятистишиям; в другом — вырезано прозаическое предисловие и рукою Жуковского сделаны поправки в тексте.

Э. Жилякова

Бородинская годовщина

(«Русский Царь созвал дружины...»)

(С. 317)

Автографы:

1) РНБ, он. 1, № 26, л. 55—59 об.— беловой.

2) РГАЛИ, он. 1, № 4, л. 1—4 — беловой.

Впервые:

1) Бородинская годовщина. М., 1839 — с обозначением авторства В. Жуковского и датой: «Бородино. 26 августа 1839», без ст. 73—88.

2) Совр. 1839. Т. 16. Отд. VI. С. 205—213 — с подписью: «В. Жуковский» и датой: «Бородино. 26 августа 1839».

В прижизненных изданиях: С 5 (Т. 5. С. 329—337, с датой: «1839»).

Датируется: 26—28 августа 1839 г. (ст. 73—88 написаны между 29 августа и 5 сентября).

Датировка стихотворения основывается на дневниковых записях Жуковского: «25. Приезд в Бородино»; «26. Бородинский праздник»; «27. Возвращение в Москву», «28. Кончил песню. Печатание» (Дневники. С. 504).

26 августа 1839 г. на Бородинском поле, в день 27-летней годовщины сражения с наполеоновскими войсками, состоялось торжественное открытие памятника, водруженного на месте, где находилась батарея генерал-лейтенанта Н. Н. Раевского.

29 августа Жуковский срочно, ко дню именин цесаревича Александра Николаевича (30 августа), выслал ему из Москвы в Бородино уже напечатанное стихотворение со следующим подробным комментарием к нему: «Посылаю Вашему Высочеству подарок в день вашего ангела — стихи на праздник Бородинский, Бородинскую песню, Бородинскому помещику. Праздник, данный войску государем, был так поразителен, что я не мог не тряхнуть стариною. Под стихами стоит 26-е число недаром: я начал их тотчас по возвращении из лагеря в городок, кончил дорогою и теперь бью вам ими челом. Прошу вас поднести один экземпляр Государю Императору. В конце стихов моих несколько выражений взяты из прекрасного, сильного приказа, данного войску; там, в немногих словах, сказано более, нежели во всех двадцати строфах моих. Я хотел описать и то, что видел прежде, и то, что видел теперь, и притом помянуть о случившемся в промежутках Бородинской битвы и Бородинской годовщины. Но выразить величие того зрелища, которое нас всех поразило, никакие стихи не могут: нельзя втеснить в слова той земли, политой русской кровью, на которой мы и стопятидесятитысячная армия стояли и которая так красноречиво говорила своим прахом — прахом славных воинов — и в минуту тишины повсеместной, в минуту молебственного пения, и в минуту великого слова: вечная память царю Александру, и в минуту того неслыханного *ура*, которое вдруг, со всех сторон, так чудно загремело, как будто вся Россия поднялась и в один голос крикнула: *слава*!» (С 8. Т. 6. С. 401—402).

5 сентября 1839 г. Жуковский написал великой княгине Марии Николаевне подробный отчет о Бородинском празднике: «Теперь на Бородинском поле была картина иная. Батареи на высотах исчезли; но ним переливается жатва, и один монумент Бородинский ими владычествует. Только там, где так храбро бился Воронцов, потерявший здесь почти всех людей своих, где погиб Тучков, не отысканный между мертвыми, остались признаки укреплений; но они служат подножием церкви, построенной вдовою Тучкова на месте погибели ее мужа, а вместо пушек, тогда здесь гремевших, являются тихие кельи монахинь. ⟨...⟩ Возвратясь из лагеря, я в тот же вечер написал половину моей новой Бородинской песни, на другой день на переезде из Бородина в Москву кончил ее; она была немедленно напечатана; экземпляры отосланы в лагерь, эта песня прочитана была в армии на празднике Бородинского помещика» (Там же. С. 44, 46—48). «Список с этого письма, — продолжал Жуковский, — я посылаю к Плетневу для напечатания вместе с моею *Бородинскою песнею*. Если Ваше Высочество позволите, это письмо может служить весьма приличным предисловием к моей песне» (Там же. С. 616).

В Совр. «Бородинская годовщина» была опубликована вкупе с отрывком из письма к Марии Николаевне и включала две новых строфы (ст. 73—88), написанные явно между 29 августа и 5 сентября, то есть между письмами к цесаревичу и к великой княгине. В эти дни А. А. Елагин указал Жуковскому «на пропуск Ермо-

лова и Давыдова в этих „поминках". ⟨...⟩ И Жуковский оправдывался тем, что на них дурно смотрят при дворе» (С 8. Т. 6. С. 628). Д. В. Давыдову он все же посвятил целую строфу, а А. П. Ермолов не был упомянут, вероятно, как здравствующий.

Стихотворение Жуковского и брошюра генерал-майора И. Н. Скобелева «Письмо из Бородина от безрукого к безногому инвалиду» подвигли В. Г. Белинского на написание монархической статьи. Впрочем, о «знаменитом поэте, лавровенчанном ветеране нашей поэзии» Белинский сказал только в самом конце: «„Бородинская годовщина" есть новая песнь певца русской славы, который в годину великого испытания, родившего настоящее торжество, был органом славы падших и подвизавшимся героям великой драмы и в котором лета не охладили поэтического жара. Конечно, как стихотворение, обязанное своим появлением не прихотливому порыву фантазии, а навеянное современным событием и ограниченное во времени своего появления,— оно не должно подвергаться в целом строгой критике,— но в нем много сильных и прекрасных строф и стихов, которые нельзя читать без умиления, а недостаточность других вознаграждается поэзиею содержания. Не говоря уже о таланте поэта, само торжество на месте торжества, сама местность, вся дышащая воспоминанием,— не могли не родить поэзии одним простым своим представлением» (Белинский. Т. 3. С. 249).

Позже, в статье «О жизни и сочинениях В. А. Жуковского» П. А. Плетнев писал: «Стихи „Бородинской годовщины" можно уподобить самому торжественному Requiem, погружающему душу в созерцательную меланхолию. Перед мысленным взором вашим в стройном шествии являются те незабвенные лица, те чудные события, которыми увековечена память 1812 года. Встреча с ним не приводит нас в радостный трепет, как в „Певце", но вызывает из глубины души тихое благоговение и слезы благодарности» (Переписка. Т. 3. С. 110). А К. К. Зейдлиц вспоминал, что «нечаянные события всегда делали на душу Жуковского глубокое впечатление, и если он, повинуясь такому волнению, наскоро набрасывал свои мысли на бумагу, то стихи его выходили особенно удачными. Так и новая „Бородинская годовщина" поражает свежестью картины и верностью передачи общего настроения. Пусть французские историки приписывают себе победу на Бородинском поле, но в словах русского певца, как на мраморном памятнике, изображена истина...» (Зейдлиц. С. 167).

Ст. 7. *Войско целое легло...* — Число погибших русских воинов в Бородинском сражении составило 44 тысячи (неприятельских — 58 тысяч).

Ст. 21. *Мирных инокинь обитель...* — примеч. Жуковского: *«Спасо-Бородинский монастырь, основанный близ села Семеновского вдовою генерала А. А. Тучкова на той батарее, где он убит, сражаясь храбро. Тело его не было отыскано. Все кости, найденные на сем месте, были зарыты в одну могилу, над которою теперь возвышается церковь, и в этой церкви гробница Тучкова».*

Александр Алексеевич Тучков (1777—1812), генерал-майор, командир пехотной бригады, погиб во время контратаки. Церковь Спаса Нерукотворного с гроб-

ницей А. А. Тучкова была освящена в 1820 г., а в 1833 г. М. М. Тучковой здесь был основан монастырь, где постриглась и она сама.

Ст. 38—40. *И серебряной медали ~ Не видать уж ни на ком...* — Здесь говорится лишь о рядовых, а не об офицерах. На медали Александр I велел сделать надпись: «Не нам, не нам, но имени Твоему» (см.: Пс 78: 9; Иер 14: 7).

Ст. 46—47. *...и рать в отчизну // Проводивши...* — Русская армия покинула Францию в 1818 г.

Ст. 49. *Где Смоленский, вождь спасенья?..* — Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов (1745—1813), светлейший князь Смоленский, генерал-фельдмаршал, с 20 августа 1812 г. главнокомандующий действующими армиями, скончался во время заграничного похода.

Ст. 50—51. *Где герой, пример смиренья, // Введший рать в Париж, Барклай?..* — Михаил Богданович Барклай де Толли (1761—1818) — с 1810-го по сентябрь 1812 г. военный министр, с 1812 г. генерал от инфантерии, командующий 1-й Западной армией. В Бородинской битве как командующий 1-й армией руководил центром и правым крылом. С 1813 г. командующий 3-й Западной армией, с мая 1813-го — русско-прусскими войсками, вошедшими в Париж 19 (31) марта 1814 г., с 1814-го — генерал-фельдмаршал и граф, с 1815 г. князь.

Ст. 52—56. *Где... ~ Коновницын, ратных честь?..* — Петр Петрович Коновницын (1764—1822) — генерал-лейтенант, командующий пехотной дивизией. В Бородинской битве командовал корпусом. С сентября 1812 г. дежурный генерал Главного штаба. С 1817 г. генерал от инфантерии, в 1815—1819 гг. военный министр, с 1819 г. граф и член Государственного совета.

Ст. 57—61. *Неподкупный... ~ Где Раевский?..* — Николай Николаевич Раевский (1771—1829) — генерал-лейтенант, командующий пехотным корпусом. В Бородинской битве командовал центральным укреплением. С 1813 г. генерал от кавалерии, с 1826 г. член Государственного совета.

Ст. 61—64. *...Витязь Дона... ~ Где наш Вихорь-атаман?..* — Матвей Иванович Платов (1751—1818) — генерал от кавалерии, с 1801 г. атаман Войска Донского, в 1812—1814 гг. командир казачьих полков (см. также примеч. к стих. «Певец во стане русских воинов»).

Ст. 65—69. *Где наездник, вождь летучий ~ Наш Роланд и наш Баярд, // Милорадович?..* — Михаил Андреевич Милорадович (1771—1825) — генерал от инфантерии. В Бородинской битве командовал правым крылом 1-й Западной армии. С 1813 г. граф, с 1818 г. военный губернатор С.-Петербурга. Убит во время декабрьского бунта 1825 г. Жуковский сравнивает его со знаменитыми героями Средневековья: франкским маркграфом Роландом (погиб в 778 г.), героем «Песни о Роланде», и французским полководцем Пьером дю Терайлем Баярдом (1476—1524), получившим прозвище «рыцарь без страха и упрека».

Ст. 69—72. *... Где славный // Дохтуров, отвагой равный // И в Смоленске на стене, // И в святом Бородине?..* — Дмитрий Сергеевич Дохтуров (1756—1816) — генерал от инфантерии, командующий пехотным корпусом. 5 августа 1812 г. (совместно с П. П. Коновницыным) под обстрелом удерживал Малаховские ворота Смоленска,

оставив город лишь после приказа. В Бородинской битве командовал центральным участком, а после ранения П. И. Багратиона — 2-й Западной армией, то есть левым крылом.

Ст. 74—75. *В бое зрев погибель сына, // Рано Строганов увял...* — Речь идет о графе Павле Александровиче Строганове (1774—1817), с 1814 г. генерал-лейтенанте, командующем пехотным корпусом, и его сыне — Александре Павловиче Строганове (1794—1814), убитом под французским городом Краоном. По утверждению мемуариста, гибель сына он, находившийся неподалеку, не видел (Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 325).

Ст. 76. *Нет Сен-При; Ланской наш пал...* — Эммануил Францевич Сен-При (1776—1814), граф, генерал-майор, начальник штаба 2-й Западной армии. В Бородинской битве был контужен. С октября 1812 г. командующий пехотным корпусом, генерал-лейтенант. Убит под Реймсом. Сергей Николаевич Ланской (1774—1814), генерал-майор, командующий кавалерийской дивизией, умер от раны, полученной под г. Краоном.

Ст. 77. *Кончил Тормасов...* — Александр Петрович Тормасов (1752—1819) — генерал от кавалерии, командующий 3-й Западной армией, с сентября 1812 г. руководил внутренним управлением войсками, во время болезни М. И. Кутузова исполнял обязанности главнокомандующего, с 1814 г. генерал-губернатор Москвы.

Ст. 77—78. *... могила // Неверовского сокрыла...* — Дмитрий Петрович Неверовский (1771—1813) — генерал-майор, командующий пехотной дивизией. В Бородинской битве защищал Семеновские флеши. Убит под Лейпцигом.

Ст. 79. *В гробе старец Ланжерон...* — Александр Федорович (Луи Александр) Андро де Ланжерон (1763—1831) — генерал от инфантерии, в 1815—1822 гг. Херсонский военный губернатор и главноначальник Бугских и Черноморских войск, в 1822—1823 гг. Новороссийский генерал-губернатор, в Русско-турецкую войну 1828—1829 гг. командующий валахской группой войск.

Ст. 80. *В гробе старец Бенингсон...* — Леонтий Леонтьевич Бенингсен (1745—1826) — с 1812 г. граф, генерал от кавалерии, в августе-ноябре 1812-го исполняющий обязанности начальника Главного штаба, в 1813—1814 гг. командующий дивизией, в 1814—1818 гг. — 2-й Западной армией.

Ст. 81—85. *И боец, сын Аполлонов... // Мнил он гроб Багратионов // Проводить в Бородино...~ Вмиг Давыдова не стало!..* — Речь идет о поэте-гусаре Денисе Васильевиче Давыдове (1784—1839). Хлопоты о переносе праха П. И. Багратиона (см. примеч. к ст. 152—154) на Бородинское поле он начал в 1837 г. и 6 апреля 1839 г. получил уведомление о назначении сопровождать останки своего командира, но 22 апреля, за четыре месяца до торжества, скончался от инсульта. Село Бородино, до перехода во владение цесаревича в 1839 г., принадлежало Давыдовым.

Ст. 88. *Как в нем друга жаль друзьям!..* — Жуковского и Д. В. Давыдова связывала четвертьвековая дружба (см. примеч. к стих. «Д. В. Давыдову, при посылке издания „Для немногих“»).

Ст. 91—92. *Ты, который трон и нас // Твердым Царским словом спас...* — Александр I дал обет не вступать в переговоры с захватчиками, пока хоть один непри-

ятельский солдат находится в пределах империи, и в манифесте от 6 июля 1812 г. призвал ко всеобщему вооружению.

Ст. 93. *Вождь вождей, Царей диктатор...* — В 1813—1814 гг. Александр I выступал как предводитель антинаполеоновской коалиции и затем играл ведущую роль в им созданном Священном союзе европейских монархов.

Ст. 100—101. *Как спасительно Он ввел // Рать Москвы к врагам в столицу!..* — См. примеч. к ст. 51. Александр I вступил в Париж во главе русского войска.

Ст. 102—103. *Как незлобно Он десницу // Протянул врагам своим!..* — Возможно, имеется в виду не только дружелюбное отношение Александра I к побежденным французам, но и примиренческая позиция в отношении к Австрии и Англии, в 1815 г. заключившим с Францией тайный противороссийский договор, вскоре выявленный.

Ст. 106—109. *В бедном крае, одиноко ~ Гаснет Царь благословенной...* — Александр I скончался 19 ноября 1825 г. в Таганроге. Любопытно здесь допущенное слово «одиноко»: в связи с разноречием источников трудно установить, кто действительно был у постели умиравшего, кроме императрицы Елизаветы Алексеевны.

Ст. 113—120. *И его как не бывало ~ Там зарыт Наполеон...* — Наполеон умер в 1821 г. в плену у англичан на о. Св. Елены, находящемся посреди Атлантического океана. Разрешение перенести в Париж останки бывшего императора состоялось только в 1840 г.

Ст. 123. *С новым зрели мы Царем...* — Имеется в виду Николай I (1796—1855), правивший с 1825 г.

Ст. 124—125. *До Стамбула Русский гром // Был доброшен по Балкану...* — В Русско-турецкую войну 1828—1829 гг. русские войска заняли Балканский полуостров и почти вплотную подошли к Стамбулу.

Ст. 126. *Миром мстили мы султану...* — 2 сентября 1829 г. был подписан Адрианопольский мирный договор с Турцией. Османской империей с 1808 г. правил султан Махмуд II (1784—1839).

Ст. 127—128. *И вскатил на Арарат // Пушки храбрый наш солдат...* — Арарат — крупнейшая гора в Армении. В словах Жуковского следует видеть поэтический образ, но за этим стоит и несомненный факт, произошедший в русско-персидскую войну 1826—1828 гг.: перетаскивание пушек на руках через горную гряду.

Ст. 129—131. *И всё царство Митридата ~ Взял наш северный Аякс...* — Митридат VI Эвпатор (132—63 до н. э.) — с 120 г. царь Понта, то есть Черноморского побережья. Территориальные завоевания русских Жуковский явно преувеличивает. Вероятно, имя гомеровского героя упомянуто не в сравнении с главнокомандующим И. Ф. Паскевичем, а как собирательный образ русского солдата.

Ст. 133. *Арзерум сдался нам дикий...* — Арзерум (Арзрум) был взят во время Русско-турецкой войны 1828—1829 гг. 27 июня 1829 г. Ср. у Пушкина «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года»: «Полки наши пошли в Арзрум, и 27 июня, в годовщину полтавского сражения, в шесть часов вечера русское знамя развилось над арзрумской цитаделию».

Ст. 134. *Закипел мятеж великий...* — 17 ноября 1830 г. восстала Польша, находившаяся во владении Российской империи.

Ст. 137—138. *И, нежданная ограда, // Флот наш был у стен Царьграда...* — В 1833 г. русская эскадра вошла в Босфор в связи с тем, что турецкое правительство запросило помощь в обороне столицы от восставшего египетского паши, развившего успешное наступление на Стамбул (Царьград — в традиционном для русских наименовании). По восьмилетнему договору от 1833 г. через проливы Босфор и Дарданеллы был запрещен проход всех военных судов, кроме русских.

Ст. 143—144. *Мавзолей наш говорит: // «Здесь был Русский стан разбит»...* — Несмотря на упоминание памятного знака в честь погибших в Русско-турецкой войне русских солдат, слово «разбит» следует понимать в значении «расположен».

Ст. 152—154. *В гробе спит Багратион. // Здесь он пал, Москву спасая, // И, далеко умирая...* — Петр Иванович Багратион (1765—1812) — князь, генерал от инфантерии, командующий 2-й Западной армией. В Бородинской битве командовал левым крылом, был смертельно ранен и 12 сентября 1812 г. скончался в с. Симы Александровского уезда Владимирской губ. См. примеч. к ст. 82—83.

Ст. 155. *Слышал весть: Москвы уж нет!..* — Французы вошли в Москву 2 сентября 1812 г.

Ст. 171. *Предстоявший алтарю...* — Имеется в виду Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов; 1783—1867), с 1825 г. митрополит Московский и Коломенский.

Ст. 177—192. *Память вечная... ~ Жизнь* ***за общую нам мать.*** — Об обете Александра I (ст. 180) см. примеч. к ст. 91—92. В основном (ст. 177—179, 184—192) Жуковский перелагает в стихи слова Николая I из приказа от 26 августа 1839 г.: «Итак, да будет намять вечная бессмертному для нас Императору Александру I. Его твердою волею спасена Россия. Вечная слава падшим геройскою смертию товарищам нашим, и да послужит подвиг их примером нам и позднейшему потомству! — Вы же всегда будете надеждою и оплотом вашему Государю и общей матери нашей, России!»

Н. Серебренников

«„Молитвой нашей Бог смягчился“...»

(«С полудороги прилетел ты...»)

(С. 322)

Автограф неизвестен.

Впервые: Совр. 1840. Т. 17. Отд. VII. С. 112—114 — с подписью: «В. Жуковский» и датой: «8 декабря 1839».

В прижизненных изданиях: С 5 (Т. 5. С. 338—340) — в подборке произведений 1839 г.

Датируется: 8 декабря 1839 г.

По замечанию П. А. Плетнева, это стихотворение «излилось из его сердца по выздоровлению великой княжны Ольги Николаевны от тяжкой болезни» (Пере-

писка. Т. 3. С. 109). В письме к цесаревичу Александру Николаевичу от 14 октября 1839 г. Жуковский сообщал: «Великая княжна Ольга Николаевна оправляется...» (С 8. Т. 6. С. 406).

Великая княжна Ольга Николаевна (1822—1892), вторая дочь императора Николая I, в 1846 г. вышла замуж за наследного принца Фридриха Карла Александра Вюртембергского и стала впоследствии королевой Вюртембергской. Провожала Жуковского в последний путь и оставила о нем воспоминания (см.: Gerhardt. S. 254).

Точкой отталкивания для создания произведения Жуковского послужили стихи лейб-медика Михаила Антоновича Маркуса (1790—1865), четверостишие которого Жуковский дал эпиграфом, а первую строку из него взял в заглавие. О публикации этих стихов Маркуса ничего не известно. В библиотеке поэта сохранилась брошюра «президента Физико-медицинского общества» М. А. Маркуса: «Речь, произнесенная 21 декабря 1836 года, в день открытия бюста покойного лейб-медика Х. И. Лодера» (М., 1837). См.: Описание. № 213.

Н. Серебренников

1840

⟨Елизавете Рейтерн⟩
(«О, молю тебя, Создатель...»)
(С. 325)

Автограф не обнаружен.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Музыкальный и театральный вестник. 1883. № 3. С. 9—в составе статьи гр. А. Соллогуба «Быль».

Печатается по: Стихотворения. Т. 2. С. 277 (обоснование см. ниже).

Датируется: около 2 июня 1840 г. н. ст.

Комментируя стихотворение, впервые включенное им в собрание произведений Жуковского, Ц. С. Вольпе указал на существование его автографа (ПД. № 956а; см.: Стихотворения. Т. 2. С. 540), однако по приведенному им шифру автограф не обнаружен. Тем не менее, в наст. изд. текст печатается в той редакции, в которой его дает Ц. С. Вольпе, поскольку она, безусловно, восходит к известному ему автографу и имеет разночтения с публикацией в «Музыкальном и театральном вестнике» (ср. ст. 8: «Перед образом Мадонны»). Единственное отклонение от публикации Ц. С. Вольпе—заглавная буква в слове «Создатель», имевшаяся в первой публикации.

Основание для датировки стихотворения «О, молю тебя, Создатель...» дают два письма Жуковского. Одно из них, к А. П. Елагиной от 4 декабря 1840 г., освещает обстоятельства создания стихотворения: «В самый день моего первого отъез-

да из Дюссельдорфа, когда еще и в мысль не входила мне возможность то, что через несколько часов решилось для меня на всю жизнь, мы играли в одну игру, которая состоит в том, чтобы угадать стихи, написанные навыворот, сохранив порядок слов, но переставив все буквы. Я написал, без намерения, 8 стихов из Ленау, и отдал их ей для отгадки, и она разобрала эти стихи, а ввечеру того дня они сделались надписью к моей жизни; я их перевел или, лучше сказать, усвоил. Вот они: ⟨...⟩» (далее следует текст стихотворения.— РБ. 1912. № 7—8. С. 115).

Второе письмо, которое сам Жуковский назвал «реляцией» (он написал его в течение 25 дней—с 10 (22) августа по 5 (17) сентября 1840 г.) к своим муратовским и долбинским родственникам (см.: Русская беседа. 1859. Ч. 3. С. 17—42) и в котором подробно изложил всю историю своей любви к Елизавете Рейтерн, позволяет установить приблизительную дату написания стихотворения. Упомянутый в письме к Елагиной «первый отъезд из Дюссельдорфа пришелся на 2 июня 1840 г.: „... я назначил для отъезда моего субботу (это было 1 июня), но в этот день и я, и всё семейство Рейтерна было приглашено к обеду, от которого нельзя было отказаться; мне жаль было провести последний день с ними не вполне для них, и я остался на воскресенье, с тем, чтобы весь этот день был наш...“» (цит по: Загарин. С. 554). Вечером этого дня, на палубе парохода, состоялось объяснение Жуковского с Г. Рейтерном по поводу взаимных чувств русского поэта и Елизаветы Рейтерн, которое определило решение Жуковского сделать ей официальное предложение: «Какой быстрый и неожиданный перелом в жизни! что был я за четверть часа? Одинокий пассажир парохода ⟨...⟩, и вдруг в одно мгновение из чаши судьбы Провидение вынуло мне жребий, с которым всё, так давно желанное, разом далось мне» (Там же. С. 555—556).

Стихотворение посвящено будущей жене Жуковского Элизабет фон Рейтерн (в крещении Елизавета Евграфовна; 1821—1856), старшей дочери друга Жуковского, немецкого художника Герхарда Вильгельма фон Рейтерна (1794—1865), бывшего офицера русской службы, с которым Жуковский познакомился в 1816 г. в Дерпте и близко подружился в 1826 г. в Эмсе. С этого момента периодически возобновлявшиеся дружеские отношения русского поэта с семьей Рейтерна продолжались вплоть до 1841 г., когда Жуковский, в качестве мужа Елизаветы Рейтерн, вошел в его семью (бракосочетание Жуковского и Э. фон Рейтерн состоялось 21 апреля 1841 г.).

Как это явствует из приведенного выше письма Жуковского к А. П. Елагиной, стихотворение «Елизавете Рейтерн» является вольным переводом стихотворения «Stumme Liebe» («Немая любовь») немецкого поэта-романтика Николаса Ленау (наст. фамилия—Niembsch von Strehlenau; 1802—1850). Текст подлинника Ленау приведен в РБ. 1912. № 7—8. С. 116.

В формальном отношении перевод Жуковского отличается от подлинника тем, что, сохраняя его размер—4-стопный хорей, Жуковский выполняет свой перевод белыми стихами со сплошными женскими окончаниями. Двум четверостишиям Ленау с перекрестной, чередующей женские и мужские окончания, рифмой, в пе-

реводе Жуковского соответствуют 8 стихов астрофического стихотворения. В образном и смысловом отношении перевод близок к тексту подлинника.

Ст. 8. *Пред небесною Мадонной.*— Ср. в письме Жуковского к родным от 10 (22) августа — 5 (17) сентября 1840 г.: «Старшая дочь Рейтерна, 19-ти лет, была предо мною точно как райское видение, которым я любовался от полноты души, просто, как видением райским, не позволяя себе и мысли, чтоб этот светлый призрак мог сойти для меня с неба и слиться с моею жизнью. Я любовался ею, как образом Рафаэлевой Мадонны, от которой, после нескольких минут счастия, удаляешься с тихим воспоминанием...» (цит по: Загарин. С. 547).

О. Лебедева

1841

«Друг мой, жизни смысл терпенье...»

(С. 326)

Автограф (РНБ, оп. 1, №40, л. 6 об.) — черновой, с вариантами ст. 3—4, 8—9.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 108 (ст. 1—4).

Печатается впервые полностью.

Датируется: конец 1841 г.

Основанием для датировки стихотворения является положение автографа в рукописи: вслед за датированным текстом: «8 (20) октября 1841. Дюссельдорф». Это были первые месяцы женитьбы и переезда поэта в Германию, принесшие не только радости семейной жизни, но и страдания, связанные с болезнью жены.

Философия терпения, духовного стоицизма заполняет пространство его эпистолярия 1841—1845 гг. «Семейная жизнь есть школа терпения»,— пишет он наследнику 23 декабря 1841 г. (С 8. Т. 6. С. 426). В письме к А. М. Тургеневу от 6 апреля 1846 г. он развивает эту мысль: «Семейная жизнь есть школа терпения, горн души, в котором она может очиститься. Говорю так оттого, что именно в счастливейшее время жизни испытал много таких тревог, каких сердце не ведало в прежнем, беспечном быте эгоистического одиночества. То, что говорю, не есть однако жалобы, а опыт души, которая из настоящих благ жизни выводит одну только истину, что жизнь есть школа терпения. А терпение, говорит апостол, дает опытность, надежду, надежда же не посрамит» (РС. 1892. Декабрь. С. 388).

Стихотворение стало поэтическим выражением этой стоической философии.

А. Янушкевич

1842

1-ое июля 1842

(«Встает Христов знаменоносец...»)

(С. 327)

Автографы:

1) РНБ, он. 1, № 40, л. 8 об.—20—черновой.

2) ПД, ф. 234 (архив П. А. Плетнева), оп. 8, № 36, л. 2—7—беловой, с подписью: «Жуковский» и датой: «Дюссельдорф. 1842 июня 22—июля 4».

Впервые: Москвитянин. 1842. Ч. 6. № 12, С. 261—266—с примечанием: «Г. Рейтерн имел счастье предоставить Государю Императору на этот день картину, изображающую Георгия Победоносца с надписью церковными буквами: „Блажен еси и добро тебе будет: жена твоя яко лоза плодовита в странах дому твоего; сынове твои яко новосаждения масличныя окрест трапезы твоея и узрити силы сынов твоих“ (Пс 127: 4—6). Картина эта внушила В. А. Жуковскому нижеследующие стихи».

В прижизненных изданиях: С 5 (Т. 5. С. 469—478)—с датой: «1842» и заглавием: «1-ое июля 1842».

Датируется: 12—22 июня ст. стиля 1842 г.

Стихотворение представляет собой торжественное послание царской семье Николая I и Александры Федоровны в связи с их серебряной свадьбой. В письмах к наследнику цесаревичу Александру Николаевичу от 12 и 22 июня по ст. стилю Жуковский подробно говорит о картине Г. Рейтерна, изображающей Георгия Победоносца (С 8. Т. 6. С. 437), а в последнем письме указывает, что «к ней [картине] дополнение—мои стихи» (Там же). И продолжает: «Мы хотели соединиться для поднесения нашего поздравления государю и государыне и поручили за них выразиться Георгию Победоносцу; желаю, чтобы мой письменный Георгий столь же был красноречив, как Рейтернов живописный. ⟨...⟩ я упомянул о своих стихах, которые ваше высочество получите при сем письме» (Там же. С. 438). Так как в первом письме речь о стихах не шла, то это позволяет утверждать: «1-ое июля 1842» было написано в промежутке между 12 и 22 июня 1842 г. Ср. беловой автограф, где даты указаны по новому стилю. Как всегда у Жуковского, стихотворение подобного рода содержит широкий историко-патриотический фон (ср., напр., с посланием «Государыне великой княгине Александре Федоровне...»).

В процессе работы над текстом (к сожалению, черновой автограф, содержащий множество зачеркиваний карандашом, неудобочитаем) Жуковский добивается усиления эмоционально-психологического звучания слова. Напр., вместо «Из залпа потрясли Царьград»—«И дрогнул в ужасе Царьград». В каноническом тексте Жуковский отказывается от следующих стихов:

Из залпа потрясли Царьград,
Но трон султана не раздавлен,
Лишь туркам памятник поставлен

Во славу русския войны,
И с честию отомщены
Все стародавние обиды.
(Москвитянин. С. 265, ср.: С 5. С. 474).

Легендарный образ Георгия Победоносца, стержневой в сюжете, мифологизирует послание Жуковского. Реально-исторический пласт стихотворения взаимодействует с символико-мифологическим. Русская история и вписанная в нее судьба царской семьи обретает под пером позднего Жуковского мистико-религиозный смысл (мотивы пророчества, Божьего суда, религиозных обрядов, символика легенды). Все это расширяет поэтический смысл произведения. Этому служат и стихи из Псалтыри, на которые ссылается Жуковский.

Ст. 1—2. *Встает Христов знаменоносец, // Георгий наш победоносец...* — Георгий Победоносец в христианских и мусульманских преданиях воин-мученик, небесный покровитель «христолюбивого воинства». В легендах он изображается одновременно как богатырь и как проповедник истинной веры. Св. Георгий изображен юношей-воином на белом коне, копьем поражающим дракона. По молитве Георгия укрощенный и обессиленный дракон (символ язычества) падает к ногам святого. Со времен Д. Донского Георгий считается покровителем Москвы. Позже его изображение вошло в состав русского Государственного герба (Веселовский А. Н. Разыскания в области русских духовных стихов: Св. Георгий в легенде, песне и обрядах. СПб., 1880 // Сб. Отдела рус. яз. и словесности. Т. 21. № 2; Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974).

Ст. 22—24. *Где венценосный наш крститель // Во Иордан днепровских вод // Свой верный погрузил народ...* — Имеется в виду великий князь Владимир Святославич (953—1015), крестивший Русь в 988 г. Он сравнивается с Иоанном Предтечей, или Крестителем.

Ст. 30—31. *Когда свирепый бедоносец // На Русь половчанин напал...* — Здесь говорится о начале свирепых набегов на Русь половцев (кипчаков), кочевых тюркоязычных племен, опустошавших южные окраины Руси.

Ст. 32—33. *Перед врагом неверным стал // Он вместе с бодрым Мономахом...* — Великий князь Киевский Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125), который вместе со своим сыном Мстиславом с успехом отбивал половцев от границ России (1113—1116 гг.). Жуковский писал об этом: «...войска русских князей, соединенные Мономахом на спасение Отечества, входят в их [половцев.— *Ф. К.*] степи и там наносят им первый сильный удар» (Черты истории Государства Российского // С 8. Т. 5. С. 497).

Ст. 38—39. *...и время наступило // Неизглаголанное зол...* — После смерти Мономаха (1125) началась новая волна ожесточенной борьбы с половцами, с которыми Русь сражалась в XI и XII вв.

Ст. 48—49. *На нас ордынец набежал, // И опозорил Русь святую...* — Речь идет о татаро-монгольском иге (1242—1480), установленном в результате нашествия Батыя (1208—1255), внука Чингисхана.

Ст. 73. *Он с Невским опрокинул шведа...* — Разгром на Неве русскими войсками во главе с князем Александром Ярославовичем (прозванным впоследствии Невским; 1220—1263) шведского отряда, что обеспечило безопасность русско-шведской границы в условиях татаро-монгольского нашествия.

Ст. 78—79. *Он был Тверскому Михаилу // Утешным спутником в Орду...* — Жуковский говорит о заключении по инициативе великого князя тверского Михаила (1271—1318) оборонного союза между Новгородом и Тверью, явившегося первой значительной попыткой дать отпор татарам.

Ст. 84—86. *Когда Донской народ созвал, // Чтоб дать ордынцу пир кровавый, // В день воскресенья нашей славы...* — Воспевается Куликовская битва, произошедшая 8 сентября 1380 г.

Ст. 108. *Орды разрушился престол...* — Окончательное свержение монголо-татарского ига в 1480 г. в результате военных действий между Иваном III и ханом Золотой Орды Ахметом («Стояние на Угре»).

Ст. 110—111. *За грань Урала перелезла // Лихая шайка Ермака...* — Ермак Тимофеевич (? — 1585), казачий атаман. Походом со своими казаками 26 октября 1581 г. занял столицу сибирского ханства и тем самым начал освоение Сибири Русским государством.

Ст. 132. *Смирился Каспий ...* — В результате русско-персидской войны в 1796 г. войска под командованием В. А. Зубова (1771—1804) заняли все Каспийское побережье (Баку, Шемахи, Ганджу).

Ст. 140—141. *Ее с победой знамена // Через Кавказ переступили...* — Воссозданы действия Отдельного Кавказского корпуса под командованием А. П. Ермолова в 1819—1824 гг., когда в результате удачных походов в горы был разгромлен противник.

Ст. 142—144. *И грозно пушки огласил // Пред ней Балкан и Арарат, // И дрогнул в ужасе Цареград...* — Сражение в конце июня 1829 г. на Балканском направлении (во время Русско-турецкой войны 1828—1829 гг.), открывшее дорогу на Константинополь.

Ст. 146—147. *Законно взяли мы с Тавриды, // Что было взято с нас Ордой...* — Крым (Таврида), принадлежащий ранее татарам, в 1783 г. отошел к России.

Ст. 148—149. *И за отнятое Литвой // Нам Польша с лихвой заплатила...* — В результате войн, которые вела Екатерина II в 1792 и 1795 гг., Польша в значительной своей части перешла к России, и это, по мнению Жуковского, явилось определенной компенсацией ее потерь, понесенных в войне с Речью Посполитой в 1577—1582 гг.

Ст. 150—155. *В кровавый день, когда решила // Судьба меж двух родных племен ~ И роковым лишь погашенный // Паденьем одного из двух...* — По всей вероятности, говорится о подавлении польского восстания 1830—1831 гг., в ходе которого была ликвидирована конституция 1815 г.

Ст. 166—167. *Россия все зовет державы // В могучий с ней союз вступить.* — Речь идет о Священном союзе России, Австрии, Пруссии (впоследствии Франции и от-

части Великобритании), целью которого была борьба с революционным движением и обеспечение незыблемости решений Венского конгресса 1814—1815 гг.

Ф. Канунова

1843

«Завидую портрету моему!..»

(С. 334)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 53, л. 10—11 об.) — черновой, без заголовка, с датой: «11 (23) марта» и параллельным переводом на немецкий и французский язык.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 119 (ст. 1—4).

Печатается впервые полностью.

Датируется: 11 (23) марта 1843 г.

Черновой набросок стихотворения в нескольких редакциях находится в контексте произведений 1843 г.: перед ним черновой автограф «Посвящения» к стихотворной повести «Наль и Дамаянти» — с датами: 11 (23) и 15 (27) февраля 1843 г.; после него — автограф повести «Маттео Фальконе», с датами: 17 (29)—19 (31) марта 1843 г.

Вероятно, стихотворение связано с 60-летним юбилеем поэта (р. 29 января / 9 февраля 1783 г.) и является надписью к портрету Жуковского работы немецкого художника Теодора Гильдебрандта (1804—1874). Этот портрет (погрудное изображение; масло; 76x66) был написан для прусского короля Фридриха Вильгельма IV, давнего приятеля Жуковского (см.: Фомин А. А. Поэт и Король: Переписка В. Жуковского с королем прусским // РБ. 1912. Ноябрь-декабрь. С. 134—199) и находился во дворце Шарлоттенбург (см.: Verwaltung der Staatlichen Schlößer und Gärten. Der Schinkel-Pavillon im Schlosspark zu Charlottenburg. Berlin, 1976. 2. Aufl. S. 33—34; ср.: Либман М. Я. Жуковский и немецкие художники // Взаимосвязи русского и советского искусства и немецкой художественной культуры. М., 1980. Приложение: Список немецких портретов В. А. Жуковского. С. 312. № 15).

Автонереводы стихотворения на немецкий и французский языки подтверждают предположение о том, что оно должно было быть приложено к портрету.

А. Янушкевич

1848

К русскому великану

(«Не тревожься, великан!..»)

(С. 335)

Автограф (РНБ, № 56, л. 1) — черновой, с заглавием: «К великану», с датой: «1848»; первоначальное заглавие: «Северный утёс».

Копии:

1) РНБ, оп. 1, № 26, л. 70—70 об.— рукою камердинера Жуковского, Василия Кальянова.

2) РНБ, оп. 2, № 6, л. 4—4 об.— рукою камердинера Жуковского, Василия Кальянова. Дата рукою Жуковского: «1848».

Впервые: СПб Ведомости. 1848. Сентябрь. Оттуда перепечатано: Северная пчела, Русский инвалид. 1848. № 197 от 7 сентября; Москвитянин. 1848. № 9. С. 3, под заглавием: «К русскому великану», с подписью: «В. Жук-ий».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по: С5 (Т. 12. С. 159—160), со сверкой по автографу.

Датируется: 1848 г.

Судя по черновому автографу, авторская правка касалась отдельных слов, иногда выражений, уточняющих национальный смысл произведения и углубляющих конфликт ревущего океана (революционного Запада) и непоколебимого утеса-великана (России). Напр.:

Черновой	Беловой
Мирно стой, стеною твердой	*Мирно стой, утес наш твердый*
Вкруг шумящий	Вкруг ревущий океан
Волн могучие потоки	Вихрей бунт встревожил воды

Стремление Жуковского четко выразить конфликт, внимательное отношение к поэтическому смыслу и поэтическому звучанию слова следует из решительного неприятия поэтом переделанных П. А. Вяземским (по предположению Жуковского) двух последних стихов «К русскому великану», появившихся в первых газетных публикациях. В письме к А. Я. Булгакову от 9 октября 1848 г. Жуковский отвергает переделку Вяземского: «Скажи ему, что я совсем не благодарен ему за ту поправку, которую он (вероятно он) сделал в моих стихах, напечатанных в „Северной пчеле“, и это не от авторского самолюбия, а просто оттого, что из смысла сделалась бессмыслица. Вот мои стихи:

Волн ругательные визги
Ветр, озливший их, умчит:
Их (волны) гранит твой разразит
На тебя нападших, в брызги.

Вместо последних двух стихов стоит:

И летучие их брызги
О гранит твой разразит.

Первое, жаль, что энергическое слово *брызги* не осталось на конце: оно живописно оканчивает картину. После **разразит** ждешь чего-то, кажется, нет конца. Но главное то, что нет смысла. Если перевести в прозу мои стихи, будет: **ругательный визг волн разнесет ветер, а если они нападут на тебя, твой гранит разразит их в брызги**. Вместо того поправка говорит: **ветер умчит визги волн и разразит их брызги об гранит.** Если брызги, то зачем же разбивать их снова? И какая в этом нужда? Хорошо, когда разобьешь в брызги **волны**—тут есть чем похвалиться! Тут есть сила. А сражаться с брызгами, бить битого—мало чести. Прошу это послать Вяземскому» (С 7. Т. 6. С. 580). Письмо Жуковского возымело действие: в «Москвитянине» текст стихотворения был напечатан без искажений.

Стихи Жуковского, вызванные февральскими революционными событиями 1848 г., воспевают оппозиционность России к революционному Западу, ее монархическую устойчивость. По всей видимости, они оказали влияние на Ф. И. Тютчева, стихотворение которого «Море и утес» весьма близко и по настроению, и по метафорическому строю, и по природе поэтического образа Жуковскому. Напр.:

Жуковский	**Тютчев**
Не тревожься, великан!	**Но спокойный и надменный,**
Мирно стой, утес наш твердой,	**Дурью волн не обуян,**
Отшибая грудью гордой	**Неподвижный, неизменный,**
Вкруг ревущий океан!	**Мирозданью современный,**
	Ты стоишь, наш великан!
На тебя их буря злится,	
На тебя их вой и рев;	**И озлобленные боем,**
Повалить тебя грозится	**Как на приступ роковой,**
Обезумевший их гнев.	**Снова волны лезут с воем**
	На гранит громадный твой.
Их гранит твой разразит,	
На тебя нападших, в брызги!	

И эта близость двух поэтов имеет вполне реальную основу. Как явствует из письма П. А. Вяземского к Жуковскому от 18 октября 1848 г. в ответ на неудовольствие последнего в отношении поправок к его стихам, редактором этих стихов оказался Ф. И. Тютчев. «Откровенно признаюсь тебе,—пишет Вяземский,—что меня, Плетнева и Тютчева ⟨...⟩ несколько озадачили и оглушили твои богатые, но слишком крикливые и задорные рифмы: *визги* и *брызги*, особенно же в стихотворении торжественном и по содержанию высоком. ⟨...⟩ На другой день после чтения Тютчев принес нам несколько стихов, которыми дополнил он твои и между тем перемену свою в твоих последних двух стихах. ⟨...⟩ В музыкальном отноше-

нии и в общем впечатлении, порожденном стихами, я и теперь думаю, что поправка, сделанная Тютчевым, не испортила стихов твоих ⟨...⟩» (Гиллельсон. С. 61).

Показательно, что Тютчев открыто подчеркивал свою близость к Жуковскому, напечатав последнюю строфу стихотворения «Море и утес» в «Русском инвалиде» сразу после стихотворения Жуковского «Не тревожься, великан!..» в следующей редакции:

Стой же ты, утес могучий,
Потерпи лишь час, другой.
Не всегда ж волне гремучей
Воевать с твоей пятой.
Утомясь потехой злою,
Присмиреет вновь волна,
И без пены, и без вою,
Под гигантскою пятою
Вновь уляжется она.

Все стихотворение Тютчева было напечатано в «Москвитянине» (1851. № 11. С. 238) с подзаголовком «В 1848 году». В апреле 1848 г. Тютчев пишет статью «Россия и революция», главный тезис которой — утверждение исконной оппозиционности революции и христианства — был также органически близок Жуковскому (См.: Биография Ф. И. Тютчева. Соч. И. С. Аксакова. М., 1886. С. 135—136).

Ф. Канунова

1851

Ея Императорскому Высочеству, государыне великой княгине Марии Николаевне приветствие от русских, встретивших ее в Бадене

(«Посланником от наших добрых русских...»)

(С. 336)

Автограф неизвестен.

Впервые: Ея Императорскому Высочеству, государыне великой княгине Марии Николаевне, приветствие от русских, встретивших ее в Бадене. 4 с.— синими чернилами на отд. листке, с изображением лаврового листка в заголовке, с датой: «1 (13) июля 1851. Баден-Баден». СПб., 1851. Перепечатано: РА. 1869. № 2. Стб. 379—382.

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой публикации из РА.

Датируется: 1 (13) июля 1851 г.

Старшая дочь императора Николая I великая княгиня Мария Николаевна (1819—1876); в первом браке герцогиня Лейхтенбергская, во втором за гр. Г. А. Строгановым — адресат многих писем Жуковского 1838—1851 гг. Специально для нее Жуковский вел журнал во время заграничного путешествия 1838—1839 гг. (см.: РА. 1885. № 3. С. 331—345). К ней обращены его «Очерки Швеции» и статья «Бородинская годовщина».

Как явствует из письма Жуковского к П. А. Плетневу от 7 декабря 1851 г. встреча Жуковского в Бадене с великой княгиней вызвала в его памяти «биографию Лебедя, которого я знавал во время оно в Царском Селе» (см. примеч. к стих. «Царскосельский лебедь»): «Об нем я вспомнил, увидя в Бадене в. кн. Марию Николаевну, которая была для меня явление Руси на чужой стороне» (Переписка. Т. 3. С. 732).

Известны два экземпляра первого издания стихотворения:

1) РГАЛИ, ф. 195 (Вяземский), оп. 1, № 6221; 2) ПД. Р. I, оп. 9, № 7 — с дарственной надписью Е. А. Толстой.

А. Янушкевич

Стихотворения, посвященные Павлу Васильевичу и Александре Васильевне Жуковским

I. Птичка («Птичка летает...»)

II. Котик и козлик («Там котик усатый...»)

III. Жаворонок («На солнце темный лес зардел...»)

IV. Мальчик с пальчик. Сказка («Жил маленький мальчик...»)

(С. 337)

I. Автограф (РНБ, оп. 1, № 51, л. 1 об.) — черновой, без заглавия, под № 1.

II. Автограф (РНБ, оп. 1, № 51, л. 1 об.) — черновой, без заглавия, под № 2.

III. Автограф неизвестен.

Копия (РГБ, ф. 74, карт. 2, № 45) — рукою Н. В. Гоголя.

IV. Автограф (РНБ, оп. 1, № 51, л. 1 об.) — черновой, без заглавия, под № 4

Впервые: Стихотворения, посвященные Павлу Васильевичу и Александре Васильевне Жуковским. Карлсруэ, 1852. С. 5—11 — без заглавия, в той же последовательности, с нумерацией.

В прижизненные собрания сочинений не входили.

Печатаются по тексту первой публикации, со сверкой по автографу (кроме № 3).

Датируются: предположительно 1851 г.

Стихотворения посвящены детям поэта — Павлу Васильевичу (1845—1912), впоследствии художнику (о нем см.: Лебедкова А. Павел Васильевич Жуковский, художник // Наше наследие. 1997. № 41. С. 40—44), и Александре Васильевне (в замуж. баронессе Верман; 1842—1899).

Автографы стихотворений находятся в тетради, озаглавленной на переплете: «№ 2. Записки. Мысли и замечания. Грамматика. Воспитание» (РНБ, оп. 1, № 51). На л. 2 записано: «1. Воспитание должно образовывать человека, гражданина, христианина. 2. Природа человеческая есть то, что он есть в своем развитии» (подробнее см.: В. А. Жуковский. Мысли и замечания / Публикация А. С. Янушкевича // Наше наследие. 1995. № 33. С. 62—64; раздел № 2 «Воспитание»). В этом смысле детские стихотворения были органической частью педагогической системы Жуковского. Протоиерей о. Иоанн Базаров свидетельствует, что «„Птичка“ и „Котик усатый“ сложена им [Жуковским] для первого учения детей своих русскому произношению» (РА. 1869. С. 110). Жуковский уделял огромное внимание созданию системы обучения — «педагогической поэмы, в которую всё входит и которой никто не может сочинить с таким единством, как сам отец, если только он имеет к тому призвание» (Переписка. Т. 3. С. 648). В письме к А. П. Зонтаг от 30 сентября (11 октября) 1850 г. Жуковский подробно развивает свои дидактические принципы. «Мой труд для моих детей,— замечает он,— ⟨...⟩ может со временем быть полезен и всем в домашнем воспитании; он обхватит систематически весь круг сведений, которые нужно иметь: мальчикам для вступления в гимназию, а девочкам для продолжения своего образования чтением и собственным занятием» (УС. С. 128).

Детские стихотворения органично вписывались в эту систему образования и воспитания. Они способствовали эмоциональному развитию детей, помогали им практически усваивать русский язык. Их создание, судя по целому ряду фактов: история создания «Царскосельского лебедя» (см. примеч.), посылка тетрадей с «Мыслями и замечаниями» в Петербург, отсутствие упоминаний о них в письмах 1849—1850 гг.,— относится к середине 1851 г. Именно к этому времени, когда адресаты посвящения были уже способны воспринимать поэзию, Жуковский решил включить их в свою «педагогическую поэму». Кроме 4-х детских стихотворений в книгу «Стихотворений, посвященных Павлу Васильевичу Жуковскому и Александре Васильевне Жуковской» вошло стихотворение «Царскосельский лебедь» и «Народная песня» («Боже, Царя храни!..»). В посмертных изданиях детские стихотворения получили заглавия: «Птичка», «Котик и козлик», «Жаворонок», «Мальчик с пальчик».

Старые друзья поэта мгновенно отреагировали на появление этих стихотворений. П. А. Вяземский в письме Жуковскому от 20 февраля (3 марта) 1852 г. заметил: «Стихи твои прелесть. Жаль только, что к твоему русскому мальчику-пальчику залетели заморские цикады и альфы» (Гиллельсон. С. 70). Более пространно отозвался о сборнике детских стихотворений П. А. Плетнев в письме Жуковскому от 4 (16) февраля 1852 г.: «Эта прелесть перенесла меня туда, „где были дни, каких уж нет“: я вспомнил ваши „Для немногих“. Все эти стихотворения восхитительны. Я однако ж остановлюсь на том, что меня в них останавливало. I и II безукоризненно хороши. II-ое даже едва ли не превосходит 1-е по простоте рассказа, точности выражений и картинности предмета. В III-м начальные восемь стихов чудо поэзии, хоть бы даже и не детской. Но в последних четырех стихах не нра-

вится мне „радушно", потому что мы его придаем как свойство человека, принимающего гостей. Даже слово „воздушно" не совсем точно. Последний же стих неясен: он заставляет думать, что или всё в Божьем мире внушает жаворонку песни, или в песнях его отражается всё зримое в Божием мире. Таким образом читатель остается в неведении. IV-ое, по своей грации, идет рядом с „Моей Богиней", но и в нем есть слово „впивал", которое употреблено не в своем значении. Можно в себя впивать, а впивать во что-нибудь свои губки, кажется, нельзя» (Переписка. Т. 3. С. 727).

Несмотря на то, что все стихотворения были оригинальными и воссоздающими русский колорит, «Мальчик с пальчик» — с «заморскими цикадами и альфами» — был навеян одноименной сказкой Ш. Перро, хотя и не стал ее переложением.

«Птичка» положена на музыку А. С. Аренским (ор. 59, № 1), Ц. А. Кюи («Детские песенки»; ор. 73, № 5), В. И. Ребиковым («Детский мир»); «Котик и козлик» — Ц. А. Кюи (ор. 73, № 6); «Жаворонок» — им же (ор. 73, № 17), В. С. Калинниковым («Детская несня», смешанный хор), В. И. Ребиковым («Детский мир»); «Мальчик с пальчик» — А. Т. Гречаниновым («Снежинки» — сборник детских песен; ор. 47, № 5).

Э. Жилякова

Царскосельский лебедь

(«Лебедь белогрудый, лебедь белокрылый...»)

(С. 341)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) РГАЛИ, оп. 3, № 1, л. 1 об.—2 — авторизованная, рукою Е. А. Жуковской, с заглавием: «Царскосельский лебедь» и датой: «Ноябрь — начало декабря 1851 г.», с подписью рукою поэта: «Жуковский».

2) РГАЛИ, оп. 1, № 32, л. 27—28 об. — рукою неустановленного лица, с заглавием: «Царскосельский лебедь. Последнее стихотворение Жуковского».

3) РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 16, № 57, л. 1—2 — рукою А. П. Зонтаг, с датой: «Декабрь 1851».

4) РГБ, ф. 74, карт. 2, № 45 — рукою Н. В. Гоголя.

Впервые: Стихотворения, посвященные Павлу Васильевичу и Александре Васильевне Жуковским. Карлсруэ, 1852. С. 12—15 — без заглавия, под номером: «V».

Впервые в России: Москвитянин. 1852. Т. 10. Кн. 2. С. 55—58 — с заглавием: «Царскосельский лебедь» и подзаголовком: «Последнее стихотворение Жуковского» — с послесловием от редактора М. П.⟨огодина⟩ о последних днях жизни поэта и значении его поэзии.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: ноябрь — начало декабря 1851 г.

Основанием для датировки стихотворения является не только указание в авторизованной копии, но и слова самого Жуковского из его письма к П. А. Плетневу от 7 (19) декабря 1851 г.: «Посылаю вам новые мои стихи, биографию Лебедя» (Переписка. Т. 3. С. 723). Заглавие в «Москвитянине» и в копии № 2 — по всей вероятности, последняя воля поэта, и поэтому мы оставляем его в качестве канонического.

История создания стихотворения рассказана Жуковским в цитированном выше письме П. А. Плетневу: «Посылаю вам новые мои стихи, биографию Лебедя, которого я знавал во время оно в Царском Селе. Об нем я вспомнил, увидя в Бадене Великую княгиню Марию Николаевну, которая была для меня явлением Руси на чужой стороне. Мне хотелось просто написать картину Лебедя в стихах, посылаю его вам; может быть в его стихотворной биографии вы найдете ту же старческую хилость ее автора, какою страдал описанный им лебедь. Во всяком случае прошу принять благосклонно этот ленет вдовицы» (Переписка. Т. 3. С. 723—724). Великая княгиня Мария Николаевна была в Бадене 1 (13) июля 1851 г., в честь ее приезда Жуковский написал стихотворение (см. примеч. к стих. «Ея Императорскому Высочеству, государыне великой княгине Марии Николаевне...»). К этому времени и восходит замысел «Царскосельского лебедя».

Текст стихотворения претерпел изменения после замечаний, сделанных П. А. Плетневым: «В самом деле, что за прелесть русский язык под пером вашим! Сколько восхитительных картин и глубоко трогательных мыслей вы соединили в жизни старика-лебедя. Одно только место, по моему мнению, не худо бы доделать:

Видишь, угасая, как семья младая
Вкруг *Царевой силы* вьется, *как* зеленый
Плющ вкруг силы дуба и проч.

Второе *как* затемняет смысл и должно быть заменено хоть словом *будто*. Третий стих начинается *тремя* долгими, затрудняющими его чтение. Наконец самая семья, вьющаяся около предмета *не метафизического*, что относится и к *силе дуба*. Пусть оба предмета: *Царь и дуб*, будут сами обвиты, один семьею, а другой плющом — картина сделается точнее» (Переписка. Т. 3. С. 725). Жуковский с благодарностью принял замечания и исправил стихи (Там же. С. 726).

Стихотворение «Царскосельский лебедь» имело реальный источник: под диктовку Жуковского его камердинер Василий Кальянов написал на экземпляре книги, подаренной протоиерею о. Иоанну Базарову: «Этот Лебедь не выдумка, а правда. Я сам видел в Царском Селе старого Лебедя, который всегда был один, никогда не покидал своего уединенного пруда, и когда являлся в обществе молодых лебедей, то они поступали с ним весьма неучтиво. Его называли Екатерининским Лебедем» (РА. 1869. С. 98).

Образ Лебедя в творчестве Жуковского связан с темой поэзии и судьбы поэта. В стихотворениях и рукописях он появляется неоднократно. Жуковский составил список символов, открывающийся образом лебедя: «Поэзия — лебедь, гений — орел, счастие — жаворонок, смирение — голубь, бессмертие — бабочка, уедине-

ние — соловей, жизнь — журавль» (РНБ, оп. 1, № 37, л. 24), а рядом сделал прозаический набросок под заглавием: «Картина»: «На лоне озера спокойном недвижим // Сияет [небо] лебедь // Над ним сияет небо...» (Там же).

Тема поэта-лебедя, имеющая автобиографический подтекст, восходит у Жуковского как одному из ключевых источников — к Горацию (Кн. II; ода 20). Не случайно Жуковский отметил ее и отчеркнул текст первых трех строф и последней в экземпляре французского издания Горация (Poésies complètes d'Horace. P., 1803. T. 1. P. 121, 123) из своей библиотеки (Описание. № 1339). Близкий образ находит Жуковский, штудируя в конце 1810-х гг. «Приготовительную школу эстетики» Жан Поля (подробнее см.: БЖ. Ч. 2. С. 181—188). В знаменитой «Cantate», сравнивая мужественный дух Гердера с лебедем, Жан Поль говорит: «Время настоящего завершено и округлено для юношей и слабых людей, они не испытывают потребности в будущем,—антипод своей эпохи, победитель ее, уже победил все времена. А тот дух, любимый мною,—он подобен был лебедям, что в суровую пору года не дают пруду застыть, непрерывно плавая по воде» (Жан Поль. Приготовительная школа эстетики. М., 1981. С. 399). 19 мая 1825 г. А. А. Воейкова записала в своем дневнике: «Жуковский сделал сегодня восхитительное сравнение между следом, который лебедь оставляет на воде, и жизнью человека, которая должна всегда протекать бесшумно, оставляя за собою светлый и сияющий след, взирая на который отдыхает душа» (цит. по: Афанасьев. С. 391).

При жизни Жуковского стихотворение получило восторженную оценку. В ответ на присланные стихи «о не детском лебеде» П. А. Вяземский писал поэту: «Ах ты мой старый лебедь, пращур лебединый, да когда же твой голос состареется? Он всё свеж и звучен, как и прежде. ⟨...⟩ Лебедь твой чудно хорош. Да что это за лебедь, вымысел, аллегория или быль? ⟨...⟩ Завидую твоей духовной бодрости и ясности душевной...» (Гиллельсон. С. 70).

«Царскосельский лебедь» был воспринят современниками как предсмертное завещание Жуковского. Не случайно в публикации «Москвитянина» появился даже подзаголовок «Последнее стихотворение Жуковского», хотя это было не так. Протоиерей о. Иоанн Базаров так описывает свое чувство при получении от Жуковского этого стихотворения: «Это была уже не детская басня, но какое-то таинственное описание прежде знакомого лебедя, который жил, был молод, состарился в одиночестве, пропел свою лебединую песню ⟨...⟩. Прочитав это стихотворение и перевернув страницу, на которой последний (VI) номер составлял „Боже, Царя храни!", я невольно подумал: неужели это в самом деле предчувствие скорой кончины его самого, так поэтически изображенной в этих последних строках? Как бы то ни было, но после, когда я стоял над бездыханным телом Жуковского, мне невольно вторились его три последние стиха:

И прекрасен мертвый на хребте лежал он,
Широко раскинув крылья, как летящий,
В небеса вперяя взор уж негорящий...»

(РА. 1869. С. 110—111).

Редактор «Москвитянина» М. П. Погодин в послесловии к опубликованному стихотворению, сообщив о последних днях поэта, писал: «Это стихотворение, в полном смысле слова, было *лебединою* песнею нашего незабвенного Жуковского. ⟨...⟩ Имя Жуковского принадлежит нашей словесности, нашей истории. Это наше сокровище, умственное, духовное. И жизнь, и смерть, и труды его столько же назидательны, сколько художественны, изящны. Жуковский, вместе с Карамзиным, должен сделаться примером и образцом для молодых наших писателей — и русская словесность сохранит, украсит свое достоинство, завещанное нам нашими отцами» (Москвитянин. 1852. Кн. 2. № 10. С. 57—58).

Ст. 42—43. *Памятников гордых битве под Чесмою, // Битве при Кагуле воздвиженье зрел ты...* — Чесма — турецкий портовый город; Кагул — приток Дуная. Речь идет о царскосельских памятниках: *Чесменской колонне*, воздвигнутой в 1771—1778 гг. посреди Большого пруда по проекту А. Ринальди в честь знаменитой победы в Чесменской бухте (25—26 июня 1770 г.), где был разгромлен турецкий флот, и *Кагульском обелиске*, сооруженном А. Ринальди в честь победы русских войск при реке Кагуле 21 июля 1770 г. Ср.: «Воспоминания в Царском Селе» А. С. Пушкина (ст. 41, 50).

Э. Жилякова

1852

Четыре сына Франции

(«Играет на широкой...»)

(С. 343)

Автограф не существует (см. ниже).

Авторизованные копии:

1) РНБ, он. 1, № 26, л. 71—74, 60—62 — беловая, рукою Василия Кальянова, с небольшой правкой Жуковского (л. 71—74 — ст. 1—100; л. 60—62 — ст. 101—180); в отдельной тетрадке — с заглавием «Четыре сына Франции. Стихи, сочиненные в 1846 году. Вольный перевод»), примеч. на л. 71 об. (см. ниже), имеющим дату рукою Жуковского: «1849. Мая 1 (13). Баден-Баден».

2) РНБ, он. 1, № 26, л. 64—66 — беловая, рукою Василия Кальянова (ст. 101—180) с правкой Жуковского; ст. 161—180 — черновой карандашный набросок рукою самого поэта.

3) РНБ, он. 2, № 6, л. 9—10 об. — беловая, рукою Василия Кальянова; с примечанием вверху рукою неустановленного лица: «Прибавление к „Четырем сынам Франции", писанное в Марте 1852 года».

Впервые: Москвитянин. 1849. Кн. 1. № 7. Апрель. С. 228—231 — с подписью: «Жуковский» и датой: «1849. 6 (18) февраля. Баден»; без последних 4-х строф.

Впервые полностью: С 7. Т. 5. С. 150—156 — с датой: «1848—1852» и опечаткой в заглавии 4-й строфы: «1846» вместо «1848».

В прижизненные собрания сочинений не входило.

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 1846—март 1852 г.

В последние годы жизни (1850—1852) Жуковский из-за болезни глаз почти не мог писать сам и все его произведения под диктовку записывал камердинер Василий Кальянов. Не было исключением и комментируемое стихотворение Жуковского. Этот факт творческой биографии заставляет внести коррективы в принятую формулу описания автографов и копий: вместо **«автограф неизвестен»** — **«автограф не существует»**; вместо **«копии»** — **«авторизованные копии»**.

Творческая история стихотворения «Четыре сына Франции» является отражением его общей концепции — раскрыть 60-летнюю историю Франции: с 1789-го по 1849 г., связанную с революционными потрясениями 1789, 1812—1814, 1830, 1848 гг. Четкая датировка внутри текста описываемых в произведении событий выявляет своеобразный «летописный» замысел поэта.

В «Примечании» к ст. 1—100 (см. копия № 1) Жуковский прояснил характер работы над произведением: *«Первые четыре строфы этих стихов, которых автор, как мне сказывали, девица Цедлиц, сочинены в 1846 г.; последняя из них заключает в себе пророчество, исполнившееся в феврале 1846 года. Пятая строфа прибавлена мною в начале 1849 года. Она изображает промежуток нескольких месяцев, в которые повторилось многое совершившееся в продолжение последнего полувека: мы видели падение королевского трона во Франции, видели изгнание короля; была провозглашена республика, и с нею самодержавие народное, и самодержавный народ был расстрелян на улицах Парижа; теперь видим тени прежней поры, прежнего терроризма, называемого ныне социализмом, и тень Наполеона в нынешнем Президенте республики. Скажем, что на сцене Франции после ужасной, полувековой трагедии играют ее коротенькую, смешную пародию. Развязка пародии еще неизвестна; представление еще не кончилось; но оно, вероятно, кончится скоро. 1849. Мая 1 (13). Баден-Баден»*.

Работа над текстом стихотворения продолжалась в четыре этапа: в 1846 г. были написаны первые 4 строфы (ст. 1—60), рассказывающие о событиях французской истории 1789—1830 гг., в начале 1849 г. была добавлена пятая строфа (ст. 61—80) — отзвук событий 1848 г., 6 (18) февраля этого же года в Баден-Бадене была завершена шестая строфа (ст. 81—100), а 1 (13) мая было написано примечание ко всем шести строфам. В таком виде Жуковский отдал стихотворение для публикации в «Москвитянин». Уже незадолго до смерти, в марте 1852 г., Жуковский завершает работу над всем текстом произведения (всего 180 ст.).

При публикации стихотворения в «Москвитянине» Жуковский внес следующие коррективы в рукописное примечание: *«Первые четыре строфы этих стихов сочинены в 1846 году. Автор их неизвестен. Переводя эти пророческие 4 строфы, я прибавил к ним пятую. Будет ли она пророчеством? — Мы уже видели народный бунт, изгнание короля и его семейства; видели порывающийся воскреснуть терроризм 1793 года, которого тень явилась в Национальном собрании под страшным именем Горы, наконец видели уже и тень Наполеона, торжествующего над безначалием: все это быстрое повторе-*

ние многолетнего прошлого совершилось менее нежели в год... Повторится ли остальное?» (Москвитянин. 1849. Кн. 1. № 7. С. 229).

Вопрос об источнике первых 4-х строф, точнее, об их авторе, остается открытым. В архиве поэта (РНБ, оп. 2, № 379, л. 1—2) рукою неустановленного лица под заглавием: «Die Söhne Frankreichs. 1846» записан их немецкий текст, без указания автора. В тексте-источнике 80 стихов, включающих 5 строф. Жуковский почти точно перелагает первые 4 строфы и отбрасывает 5-ю, имеющую характер своеобразного резюме. В отличие от источника он хронометрирует описанные события и уже самостоятельно продолжает их летопись. Меняется заглавие: вместо «Сыны Франции» — «Четыре сына Франции»; при передаче народного крика добавлено эмоциональное: «Ура!»

Попытка обнаружить печатный текст немецкого источника и узнать биографические сведения о его авторе — «девице Цедлиц» не увенчалась успехом. Судя по всему, и сам Жуковский этого не знал, работая с рукописным источником и указав при первой публикации, что «автор неизвестен».

Стихотворение тесно связано с общественной позицией Жуковского 1840-х гг. Очевидец европейских революционных событий 1848 г., он постоянно обращался к опыту Великой французской революции (об этом см.: Янушкевич А. С. В. А. Жуковский и Великая французская революция // Великая французская революция и русская литература. Л., 1990. С. 106—141), к наполеоновской теме (см. примеч. к стих. «Ночной смотр»). Стихотворение «Четыре сына Франции» стало поэтическим постскриптумом к этим размышлениям.

Ст. 2. *Террасе Тюльери...* — Тюльери (Тюильри; Tuileries), дворец в Париже (1564—1670; архитекторы Ф. Делорм, Л. Лево и др.) — резиденция французских королей. В дни Парижской коммуны 1871 г. большая часть дворца сгорела.

Ст. 4. *Сын Франции, дофин...* — От фр. dauphin. Во Франции с середины XIV в. до 1830 г. — титул наследника престола. В данном случае речь идет о сыне казненных в Великую французскую революцию короля Людовика XVI и королевы Марии-Антуанетты — Людовике XVII (1785—1795), ставшем после смерти своего старшего брата дофином.

Ст. 16. *У Симона в когтях...* — Речь идет о якобинце, сапожнике А. Симоне (1736—1794), в руки которого в июне 1793 г. попал разлученный с матерью 8-летний дофин (Людовик XVII). Симон и его жена грубо обращались с ребенком и были виновниками его преждевременной смерти.

Ст. 17. *А мать на гильотине...* — Имеется в виду казнь французской королевы Марии-Антуанетты (1755—1793).

Ст. 35. *Угаснул император...* — Речь идет о сосланном Наполеоне Бонапарте, окончившем свои дни на о-ве Св. Елены.

Ст. 37—40. *А сын, томимый прошлым ~ Исчах в тоске души...* — Имеется в виду сын Наполеона Бонапарта Франсуа-Шарль-Жозеф Бонапарт (1811—1832), который был провозглашен Наполеоном в 1815 г. своим преемником — Наполеоном II, но никогда не правил и жил при дворе своего деда, австрийского имп. Франца I

под титулом герцога Рейхштадтского. Его драматическая судьба стала сюжетной основой пьесы Э. Ростана «Орленок».

Ст. 43—44. *Младенец, Людовика // Святого милый внук...* — Вероятно, речь идет о сыне Филиппа Эгалите — Луи-Филиппе I (1773—1850), участвовавшем в заговоре против отца и возведенном на престол после Июльской революции 1830 г. Свергнут Февральской революцией 1848 г.

Ст. 57. *Ему с клейнодом...* — от нем. Kleinod — драгоценность.

Ст. 64. *Филипп Egalité...* — Филипп Эгалите (Луи-Филипп-Жозеф; 1747—1793), представитель младшей ветви Бурбонов, герцог Орлеанский. В период Великой французской революции отказался от титула, приняв прозвище Эгалите («Равенство»). Как член Конвента голосовал за казнь короля. После измены генерала Дюмурье был казнен.

Ст. 95—96. *На тень* ***Горы*** *ступила // **Наполеона** тень...* — Речь идет о созданном в феврале 1849 г. блоке мелкобуржуазных демократов «Новая Гора», считавших себя наследниками идей монтаньяров (фр. montagnards; от montagne — гора) эпохи Великой французской революции.

Ст. 126. *Наполеон Второй...* — По существу, Наполеон III (Шарль-Луи-Наполеон Бонапарт; 1808—1873), племянник Наполеона I. Используя недовольство крестьян режимом Второй республики, добился своего избрания президентом и совершил военный переворот.

Ст. 134. *Бунтующий* ***февраль***... — Имеются в виду события февральской революции 1848 г., когда была низвергнута монархия и провозглашена Вторая республика.

Ст. 135—136. *Воскрешено волшебством // **Второго декабря***... — Речь идет о государственном перевороте 2 декабря 1851 г., установившем диктатуру Луи Бонапарта. Жуковский подводит основные итоги этого переворота.

А. Янушкевич

Розы

(«Розы цветущие, розы душистые, как вы прекрасно...»)

(С. 348)

Автограф не существует.

Авторизованные копии:

1) РНБ, он. 1, № 26, л. 84—84 об. — рукою камердинера Василия Кальянова, на сдвоенном листке желтой бумаги, без даты.

2) РНБ, он. 1, № 26, л. 25 — рукою неустановленного лица, на сдвоенном листке белой бумаги, с четкой разбивкой на стихи, без даты.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Русская беседа. 1856. № 1. С. 12 — в рубрике: «Из неизданных сочинений В. А. Жуковского» и примечанием издателя (см. ниже).

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по авторизованной копии.

Датируется: март 1852 г.

В примечании к первой публикации стихотворения дана история его создания: «Стихотворение это написано В. А. Жуковским незадолго до его кончины, по следующему случаю: к 29 января, ко дню рождения поэта, был прислан ему рисунок из разноцветных роз, стебли которых расположились в виде креста. В письме, при котором был прислан рисунок, выражалась скорбь об усилении телесных страданий поэта, и потом сказано: „Венок из роз в его соединении с крестом, из которых цветы произрастают и к которому они снова возвращаются, живо представлял нам образ друга страдающего, но сохранившего среди самых страданий живость и свежесть души". Письмо заключалось сими словами: „Пусть же поэт переложит в слова мысли наши, которые мы едва могли выразить образно, и впишет их сам в венок, для него сплетенный". Заметим, что рисунок, назначаемый к 29-му января, опоздал и был получен Жуковским в марте,—а в апреле уже не стало поэта» (Русская беседа. 1856. № 1. С. 12).

Как явствует из примечаний к опубликованным тут же статьям Жуковского «О меланхолии в жизни и в поэзии» (С. 13—28) и «Нечто о привидениях» (С. 28—43), стихотворение «Розы» было предоставлено редакции журнала Е. А. Жуковской (из неизданных сочинений ее покойного мужа). По всей вероятности, ею была сообщена история написания этого последнего стихотворения Жуковского.

А. Янушкевич

ИЗ ЧЕРНОВЫХ И НЕЗАВЕРШЕННЫХ РУКОПИСЕЙ

Раздел «Из черновых и незавершенных рукописей»—естественное звено в творческом развитии Жуковского-лирика. Его творческая лаборатория наполнена многочисленными незаконченными опытами в разных лирических жанрах, которые не укладываются в традиционные определения, а нередко просто не поддаются расшифровке. Учесть все эти наброски не представляется возможным, так как рукописи поэта не систематизированы и даже не всегда описаны. Наконец, проблемы атрибуции текста, его датировки рождают множество вопросов.

Данный раздел—первый опыт систематизации всего того, что было не завершено или осталось в рукописях поэта и что удалось выявить в процессе нашей работы над настоящим изданием. Еще в ПСС (Т. 11. С. 71—140) А. С. Архангельский ввел раздел: «Дополнения: Из неизданных и черновых рукописей поэта», куда включил произведения разных жанров и объемов—от четверостишия «Завидую портрету моему...» до прозаической комедии в 4-х действиях «Ложный стыд» (из Коцебу). К сожалению, весь этот материал был лишен самых необходимых примечаний, датировка была или слишком приблизительной: «1800—1810», «1806—1814», или произвольной, а как выяснилось, тексты, заканчивающиеся

многоточием, просто усечены и иногда являются лишь началом достаточно больших по объему набросков.

Всё это и определило появление подобного раздела в конце второго тома лирики Жуковского. Главная задача раздела — максимально полно представить черновые и незавершенные лирические произведения Жуковского. Во-вторых, попытаться датировать выявленные наброски и на основании этого представить их в хронологическом порядке, отвечающем эдиционным принципам данного издания. Наконец, насколько это возможно, наметить ориентиры для будущего комментирования и исследования представленных произведений через выявление их адресатов, поводов к написанию, общей атмосферы создания и т. д.

⟨Объяснение портного в любви⟩
(«О ты, которая пришла...»)
(С. 350)

Копии:

1) РГАЛИ, ф. 72 (Блудов), оп. 2, № 5, л. 1 — рукою Д. Н. Блудова, с заглавием: «Портной».

2) РГАЛИ, ф. 195 (Вяземский), оп. 1, № 5618, л. 1 — рукою неустановленного лица, с тем же заглавием.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 9. Т. 1. С. 514 — без заглавия.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 1801 — первая половина 1802 г.

Впервые на это стихотворение обратил внимание биограф Д. Н. Блудова Е. П. Ковалевский в своей книге «Граф Блудов и его время» (СПб., 1866). Рассказывая о дружбе Жуковского и совсем еще юного чиновника Московского архива Министерства иностранных дел Д. Н. Блудова (1785—1864), впоследствии крупного государственного деятеля, Ковалевский замечает: «Они не только читали, но часто сочиняли вместе. ⟨...⟩ Едва ли не первое стихотворное произведение Блудова написано им обще с Жуковским; это была песня „Объяснение портного в любви“, и вот что послужило к ней поводом: между архивными товарищами Блудова был некто Л-у, сын портного; что этот Л-у был влюблен, это вещь весьма обыкновенная, особенно для немца, но он был влюбленный дикого свойства и сильно надоедал товарищам и особенно Блудову своею любовью. Жуковский не служил в Архиве. Он поступил на службу в какое-то странное место, над которым сам очень трунил: если не ошибаюсь, в Московскую соляную контору; Л-у знал он через Блудова. Вся песня состояла в применении разных предметов портняжного мастерства к объяснению в любви ⟨...⟩. По какому-то странному случаю песня эта, конечно, не предназначавшаяся для печати попала в старинные песенники; но еще страннее, что автором ее назван сам несчастный Л-у, осмеянный в ней» (Там же. С. 22).

Как удалось установить еще дореволюционным издателям сочинений Жуковского, адресатом «Объяснения портного в любви» (под таким заглавием, как правило, печаталось это стихотворение) был некий Любенау (см.: С 9. Т. 1. С. 513), которому и приписывалось авторство этой песни. Сложнее обстоит дело с выяснением доли участия в этом сочинении Жуковского. Стихи были написаны до отъезда Блудова на службу в Петербург (осенью 1802 г.). Ему в период создания «Объяснения...» было около 17 лет. 19-летний Жуковский был уже на пороге своей поэтической славы, пришедшей после публикации в декабрьском номере ВЕ элегии «Сельское кладбище». Сам стиль шутливо-пародийного «Объяснения...» выдает будущего автора долбинских юмористических посланий и арзамасской галиматьи.

Поэтому вряд ли можно сомневаться в самом активном участии Жуковского в написании этого стихотворения.

А. Янушкевич

⟨Экспромт к глазам А. М. Соковниной⟩
(«Твои глаза хвалить мне должно...»)
(С. 351)

Автограф неизвестен.

Копия (РНБ, оп. 2, № 34, л. 1) — рукою неустановленного лица, без заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Отчет ИПБ за 1893 г. СПб., 1896. С. 122.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по копии.

Датируется: 1802 — начало 1803 г.

Об отношении Жуковского к семейству Соковниных писалось неоднократно. Их дом в Москве был для молодого поэта и его пансионских друзей, прежде всего братьев Андрея и Александра Тургеневых, почти родным: здесь рождались их первые любовные увлечения, бурлил юношеский энтузиазм, переживались драмы разочарований. Одним словом, этот дом и его обитатели стояли у истоков их жизненной и литературной судьбы (подробнее см. примеч. к стих. «К К. М. С⟨оковнин⟩ой» («Протекших радостей уже не возвратить...») в т. 1 наст. изд.).

Анна Михайловна Соковнина (в замуж. Павлова; 1784—1873) «сделалась предметом увлечения обоих братьев Тургеневых, а до некоторой степени и Жуковского, который также стал бывать у Соковниных» (Письма Андрея Тургенева. С. 373). Однако это любовное соперничество было своеобразным литературным романом. Вскоре у Андрея Тургенева начался романа с Е. М. Соковниной; Жуковский увлекся М. Н. Свечиной. Но «Экспромт к глазам А. М. Соковниной» передает атмосферу любовного томления юного поэта и определяет некоторые черты его миросозерцания.

Обративший внимание на это стихотворение Жуковского А. Н. Веселовский так прокомментировал его: «В 1802—1803 гг. братьев [Тургеневых] не было в Москве: один в Пб и Вене, другой в Геттингене, а Жуковский бывает у Соковниных, играет у них в театре, играет в фанты и пишет экспромт к глазам Анны Михай-

ловны ⟨...⟩. Эти стихотворные шутки ⟨...⟩ следует отнести к 1802—1803-м, не к 1803—1804 гг. Смерть Андрея Тургенева (в июле 1803 г.) исключает шутливый характер экспромтов и письма» (Веселовский. С. 73).

В архиве поэта (РНБ, оп. 2, № 140) сохранились копии его шутливых записок к А. М. Соковниной, относящиеся к этому же времени.

А. Янушкевич

«Заступ, заступ, рой могилу!..»

(С. 351)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 12, л. 23)—черновой набросок.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 20 (ст. 1—5).

Впервые полностью: ПСС. Т. 11. С. 129.

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: первая половина 1806 г.

Основание для датировки—положение наброска среди других черновых автографов этого периода: набросок записан рядом с черновыми вариантами элегии «Вечер», «Сафиной оды», «Идиллии», созданными в мае-июне 1806 г.

В отрывке разрабатывается одна из ведущих тем ранней лирики Жуковского—тема смерти, бренности всего живого. Фрагмент черновой, в нем практически отсутствуют знаки препинания, есть зачеркивания (например, ст. 7 читался: «*Этот чёреп величался...*»; ст. 8: «*Прежде славный и надменный...*»

Разумеется, набросок Жуковского имел и литературные истоки, прежде всего связанные с чтением посланий Горация и шекспировского «Гамлета» (ср. песнь могильщика).

И. Айзикова

⟨Записка к И. П. Черкасову⟩

(«Герой Володьковский да знает...»)

(С. 352)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 12, л. 31)—черновой набросок, без заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 20 (ст. 1—4); ПСС (Т. 11. С. 129; ст. 1—10).

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу, полностью (ст. 1—12).

Датируется: осень 1806 г.

Основанием для датировки является положение наброска стихотворения среди других черновых набросков осени 1806 г., прежде всего «Песни барда над гробом славянских воинов» (первоначальное заглавие «Песни барда над гробом славян-победителей»).

Адресатом послания является Иван Петрович Черкасов («герой Володьковский»), барон (ок. 1761 — после 1830), хозяин поместья Володьково, находившегося в близком соседстве от тульских поместий рода Буниных. Подробнее о нем и его взаимоотношениях с Жуковским см. примеч. к стих. «К И. П. Черкасову» («Володьковский барон...») в т. 1 наст. изд.

«Записка» — одно из первых шутливых стихотворений Жуковского, образец так называемой домашней поэзии.

И. Айзикова

Басня

(«Однажды в гору, в круть, измученные жаром...»)

(С. 352)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 12, л. 35 об. — черновой, зачеркнут.

2) РНБ, оп. 1, № 12, л. 36 об. — перебеленный, с поправками, без заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 21 (ст. 1—3) — с указанием: «Басня, без заголовка (в трех редакциях)».

Впервые полностью: ПСС. Т. 11. С. 9.

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: октябрь 1806 г.

Основанием для датировки является положение автографа в рукописи: на обороте листа — черновой набросок басни «Каплун и сокол» (из Лафонтена), перебеленный 27 октября 1806 г. (см. примеч. к басне «Каплун и сокол» в т. 1 наст. изд.).

Отрывок представляет собой почти полный перевод басни Лафонтена «Le coche et la mouche» («Рыдван и муха»), в свою очередь восходящей к басням Эзопа («Комар и вол») и Федра («Муха и ослица»).

Под заглавием «Муха и дорожные» эта басня была переведена И. А. Крыловым (впервые: Драматический вестник. 1808. Ч. 3. № 63, С. 85—87; впоследствии вошла в его собрание басен: кн. III, № 17).

Жуковский значительно сократил объем басни и не перевел мораль, которая у Крылова звучала так:

> Куда людей на свете много есть,
> Которые везде хотят себя пристлесть
> И любят хлопотать, где их совсем не просят.

По верному замечанию В. И. Резанова, «Жуковский стремится внести в свой пересказ больше оживления, для чего заставляет свою муху говорить» (Резанов. Вып. 2. С. 470).

А. Янушкевич

«Назад тому с десяток лет...»

(С. 353)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 12, л. 36 об., 37, 38) — четыре наброска: 2 — черновых, 2 — беловых, без заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 21 (ст. 1—7) — с указанием: «Сказка».

Впервые полностью: ПСС. Т. 11. С. 179—180.

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: осень 1806 г.

Основанием для датировки является положение автографа в рукописи — среди черновых набросков осени 1806 г. «Назад тому с десяток лет...» записано вслед за наброском «Басни» («Однажды в гору, в круть...»), который датируется тоже осенью 1806 г. (см. примеч. к стих.).

В. И. Резанов, обративший особое внимание на этот набросок, дал ему следующее жанровое определение: «самостоятельная идиллия, по примеру Карамзина, выступившего с сентиментальным рассказцем „Фрол Силин, благодетельный человек"» (Резанов. Вып. 2. С. 488). В описании рукописи, сделанном И. А. Бычковым, отрывок назван «сказкой». Об интересе Жуковского к жанру идиллии говорилось неоднократно (см.: Резанов. С. 255—256, 486—490; Вацуро В. Э. Русская идиллия в эпоху романтизма // Русский романтизм. Л., 1978. С. 120—128). Нельзя не согласиться с мнением исследователя о том, что «идиллическое миросозерцание, как особая концепция бытия, присуще поэту на всем протяжении его творчества, включая работу над переводом гомеровского эпоса» (Янушкевич. С. 159). В наброске о Тите — «добром человеке» главными становятся важнейшие идиллические мотивы: семья, гармония человека с природой, чувствительность человека как основа его добродетели.

И. Айзикова

⟨Миртил и Палемон⟩

(«В прохладну ночь Миртил на холме отдыхал...»)

(С. 354)

Автограф (РНБ, он. 1, № 12, л. 50) — черновой, с обилием вариантов (даны в квадратных скобках).

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 21 (ст. 1—7).

Впервые полностью: Резанов. Вып. 2. С. 443.

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 1806 г.

Основанием для датировки является положение автографа в рукописи, среди басенных переводов из Флориана и Лафонтена 1806 г. И хотя черновой набросок сделан на листе бумаги с водяным знаком 1804 г., думается, он органично связан с «лирическим взрывом» 1806 г., когда Жуковский написал свыше 40 произведений.

Как установил В. И. Резанов, набросок является началом перевода идиллии швейцарского поэта Саломона Геснера (1730—1788) «Миртил и Тирсис» (Salomon Geßners Schriften. Zürich, 1801. Bd. 3. S. 84). Как справедливо замечает Резанов, «идиллия, видимо, нравилась ему [Жуковскому], возбудила его собственную творческую фантазию — и в ней родились поэтические образы, дополнившие собою немецкий подлинник: у Жуковского перед героем, которого он называет Палемоном — имя, также навеянное, по-видимому, Геснером [У Геснера есть идиллия „Palemon". — Примеч. В. И. Резанова], — расстилаются озаренные луною равнины и холмы, видна речка, рыбачья хижина, поросшие деревьями скалы; пейзаж этот, очевидно, отражает личные впечатления Жуковского от окрестностей Мишенского, которые были недавно воспеты нашим поэтом в его элегии „Вечер"» (Резанов. Вып. 2. С. 486—487). Ср. идиллию «Палемон» (1818) у В. И. Панаева (Поэты 1820—1830-х годов. Л., 1972. Т. 1. С. 185—186).

Но, пожалуй, в аспекте творческой эволюции поэта не менее важны еще два момента: во-первых, то, что прозаическую идиллию Геснера Жуковский перелагает стихами и тем самым предвосхищает свои опыты переложения прозы на язык поэзии (об этом см.: Лебедева О. Б., Янушкевич А. С. Неопубликованные стихотворные переложения западноевропейской прозы в творчестве В. А. Жуковского 1830—1840-х годов // РЛ. 1982. № 2. С. 153—163). Во-вторых, очевиден ранний интерес Жуковского к жанру идиллии (см. примеч. к наброску «Назад тому с десяток лет...») и к европейскому классику этого жанра С. Геснеру. Подробнее о русской рецепции его творчества см.: Резанов. Вып. 2. С. 482—485; Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII—XIX вв. Л., 1984. С. 59—84.

А. Янушкевич

«Был зайчик косолап, зверь добрый, но чудак!..»

(С. 354)

Автограф (РНБ, он. 1, № 12, л. 39 об.) — черновой, без заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 21 (ст. 1—7).

Впервые полностью: Резанов. Вып. 2. С. 443.

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: февраль 1807 г.

Датировка отрывка определяется его положением в рукописи (см. примеч. к басне «Прогна и Филомела»).

Как установил В. И. Резанов, «это начало довольно длинной басни Флориана — „Le Lièvre, ses amis et les deux Chevreuils"» («Заяц, его друзья и две Косули»; кн. III, № 7). Говоря о работе Жуковского по переложению начала этой Флориановой басни (13 стихов подлинника русский переводчик излагает 12-ю), исследователь добавляет: «Привожу этот его черновой отрывок (...), который любопытен еще и в том отношении, что показывает, с какой легкостью переводил наш поэт басни, —

зачеркнутого и исправленного очень немного, вполне удовлетворительный пересказ почти сразу на бумагу...» (Резанов. Вып. 2. С. 443).

А. Янушкевич

Прогна и Филомела

(«Случилось прошлою весной...»)

(С. 355)

Автографы:

1) РНБ, оп. 1, № 12, л. 40 об.— черновой набросок.

2) РНБ, оп. 1, № 12, л. 41 — перебеленный текст чернового наброска, с многочисленными исправлениями, с заглавием: «Прогна и Филомела».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 21 (ст. 1—5).

Впервые полностью: ПСС. Т. 11. С. 130.

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: февраль 1807 г.

Датировка отрывка определяется его положением в рукописи — непосредственно за черновым автографом романса «Дубрава шумит», имеющим точную дату: «12 февраля ⟨1807 г.⟩».

Отрывок является переводом басни Лафонтена «Philomèle et Progné» (кн. III, № 15). По существу, Жуковский неревел почти весь текст подлинника, за исключением самой концовки из 3-х стихов (об этом подробнее см.: Резанов. Вып. 2. С. 467—469).

Летом 1811 г. эту же басню перевел К. Н. Батюшков (ВЕ. 1811. Ч. 60. № 23. С. 186—187). Как и в случае с переводом «Сна могольца» Лафонтена (см. примеч. к басне «Сон могольца» в т. 1 наст. изд.), поэты вступали в творческое соревнование. Но Жуковский свой перевод так и не напечатал.

Прогна и Филомела — К заглавию басни Батюшков сделал следующее примечание: «Филомела и Прогна — дочери Пандиона. Терей, супруг последней, влюбился в Филомелу, заключил ее в замок, во Фракии находящийся, обесчестил и отрезал язык. Боги, сжалившись над участию несчастных сестер, превратили Филомелу в соловья, а Прогну в ласточку» (Батюшков. Т. 1. С. 387). Современную трактовку мифа см.: Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 337.

А. Янушкевич

«Мой друг, часы летят — и юность погибает!..»

(С. 356)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 12, л. 50) — черновой набросок.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 23 (ст. 1—5).

Впервые полностью: ПСС. Т. 11. С. 131.

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: начало 1807 г. (по положению в рукописи).

В стихотворении разрабатывается один из основных мотивов ранней лирики Жуковского — неизбежность и возможность ранней смерти, связанные и с впечатлением от ранней смерти друга — Андрея Тургенева, и с общеэлегическими настроениями «Сельского кладбища» и «Вечера».

В первой строке в автографе к слову «юность» дается вариант: «младость», но ни тот, ни другой вариант не зачеркнут. В ст. 6. слова: «Хоть каждый день» зачеркнуты и другого варианта не подобрано.

И. Айзикова

Романс

(«На верху горы утесистой...»)

(С. 356)

Автограф (РГИА, ф. 1673 (А. С. Шишков), оп. 1, № 276, л. 1—2) — черновой, с заглавием: «Романс».

При жизни Жуковского не печаталось.

Печатается впервые.

Датируется: около 1808 г.

В списке стихотворений, относящихся к 1808 г., имеется заголовок: «Романс» (РНБ, оп. 1, № 13, л. 5). Этот заголовок сопровождал первоначально несколько произведений Жуковского 1808 г. — «Мальвина», «Тоска по милом», но в качестве заглавия он в списке упоминается однажды. Вообще раздел «Романсы и песни» определяет жанровую рубрикацию в прижизненных собраниях сочинений Жуковского — от С 1 до С 4. Но уже к 1808 г. в сознании Жуковского «романс» всё очевиднее соотносится с балладой. Опираясь на труды немецких представителей эстетики, прежде всего Эшенбурга, он пишет: «Романс и баллада суть не иное что, как легкие лирические повествования важных или неважных, трогательных или веселых, трагических или смешных происшествий,— повествования, которых вся приятность зависит от искусства и живости повествования» (Резанов. Вып. 2. С. 287). Поиск материала для сюжетного повествования ведет его к русской истории. Опыты Карамзина, Каменева, Радищева, Востокова стимулируют создание романса на сюжет русского Средневековья.

Выполненный на бумаге с водяным знаком 1799 г., характерным для раннего Жуковского почерком, черновой автограф вполне законченного стихотворения, озаглавленного автором «Романс», по-видимому, можно предположительно отнести к 1808 г., времени, когда Жуковский идет к синтезу поэзии и истории, ищет «новые формы лирического выражения» (Янушкевич. С. 53), работает над созданием первой «русской баллады» — «Людмила».

В связи с этим отметим в данном стихотворении весьма примечательный синтез романсных и балладных поэтических принципов. Сюжетность, повествовательность, особая балладная атмосфера таинственности, всеобщей подвижности, «всматривания», «вслушивания» в окружающий мир органично соединяются здесь с гармонией и музыкальностью стиха. Судя по рукописи, «Романс» почти

сразу рождался в куплетной форме (только первые 12 стихов записаны без разбивки: кроме того, 6-я строфа вместо 6-ти стихов содержала 7, что можно объяснить черновым характером автографа: вероятно, один из стихов, скорее всего 54-й был записан как вариант и остался невычеркнутым).

Показательным является и факт создания оригинального сюжета, в котором намечаются важнейшие для будущего балладного творчества Жуковского мотивы, на материале русской истории (см. планы к поэме «Владимир» // ПЖТ. С. 66—67). Характер работы над текстом свидетельствует о стремлении поэта воссоздать национальный русский колорит, картину «русской старины», тон «русского старинного преданья». Например, в ст. 10 первоначально вместо: «*в ущельях теремов*» было: «*в ущельях падших стен*»; вариант ст. 29: «*Все его совета ждали*» был зачеркнут, и появилось: «*Все его руки страшилися*». Любопытна работа Жуковского над подбором имени «прекрасного рыцаря» — Святослав, Венеслав, Славостан и, наконец,— Рютомир (стремящийся к миру). Всё это были подходы к «русским балладам» Жуковского, и в этом смысле «Романс» — своеобразный пролог к «Людмиле» и «Светлане».

И. Айзикова

Описание крючка удочки, по-русски и по-французски

(«Вот ясный толк для вас...»)

(С. 360)

Автограф (ПД. Р. I, оп. 9, № 13, л. 1 об.—2), беловой, без заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Соловьев. Т. 2. С. 117—118.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 1805—1810 г.

Датировка предположительная. Н. В. Соловьев, публикуя текст стихотворения под произвольным заглавием, сохраненным в наст. изд. в конъектурных скобках, счел его адресованным Е. А. и А. А. Воейковым — дочерям А. А. Протасовой-Воейковой (Соловьев. Т. 2. С. 117). Это представляется маловероятным, поскольку в таком случае оно должно было быть написано в первой половине 1820-х гг. (Е. А. Воейкова родилась в 1815; А. А. Воейкова — в 1817 г.). Между тем текст стихотворения записан на листке бумаги с водяным знаком 1801 г., а на л. 1 рукописи расположен французский текст, записанный рукою одной из сестер Протасовых (скорее всего, Саши).

Типологически текст стихотворения, в котором чередуются русские и французские куплеты, представляется более близким к образцам «домашней поэзии» Жуковского 1810-х гг. (таких, например, как баллада «Елена Ивановна Протасова, или Дружба, нетерпение и капуста» — 1811 г.). Отнести стихотворение к 1805—1810 г. позволяют и ст. 37—38: «*Недавно Дон Кишот // На Русь его закинул...*», в которых, возможно, имеется в виду перевод романа Сервантеса «Дон Кихот», выполненный Жуковским но французской переделке Флориана (первый том перевода вы-

шел в свет в 1804 г.; последующие — в 1805 г.). Более точно датировать стихотворение не представляется возможным.

Ст. 9—16. *Ce signe est un crochet ~ Qu'on ne lui voit d'attrait...* — Перевод:

Это всего-навсего крючок,
Который мужчина и женщина
Готовы погрузить до дна души,
Чтобы выудить тайну;
При виде его можно было бы подумать,
Что он ее поймает беспрепятственно,
Но он попадает по такому адресу,
Который вовсе не имеет привлекательности (*фр.*).

Ст. 25—28. *Un autre à ce crochet ~ Cherche en vain le loquet...* — Перевод:

Другой, желая поймать
На этот крючок славу,
Тщетно ищет задвижку [на двери, ведущей]
В храм памяти (*фр.*).

Ст. 29. *Осиплый граф Хвостов...* — Имеется в виду поэт граф Д. И. Хвостов (1757—1835), излюбленный объект пародий и иронических выпадов поэтов карамзинской школы. Хотя апогей «хвостовианы» приходится на период «Арзамаса» (1815—1817 гг.), пародии на стихи Хвостова начали появляться уже в первой половине 1800-х гг. (см.: Эпиграмма и сатира: Из истории литературной борьбы XIX века: В 2 т. / Сост. В. Орлов. М.; Л., 1931. Т. 1. С. 155—159; Арзамас—2. Кн. 1. С. 21—22).

Ст. 33—36. *Un autre met du sang ~ Le remet dans son rang...* — Перевод:

Другой проливает кровь
На крючок, который он наживляет,
Но часто искажение [замысла]
Возвращает его на свое место (*фр.*).

Ст. 41—48. *Mais vous qui m'écoutez ~ Le poisson est content...* — Перевод:

Но вы, которые меня слушаете,
Создания всегда пленительные,
Ваши крючки — просто черти,
И когда вы их бросаете,
Безусловно, в тот же момент
Рыбка на них ловится,
Но вот что поразительно:
Рыбка этим довольна (*фр.*).

О. Лебедева

⟨Начало поэмы: Вельмира⟩
(«Вам скучно? Разложите...»)
(С. 361)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 14, л. 106)—беловой, без заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 37 (ст. 1—5).

Впервые полностью: РА. 1900. Ч. 3. С. 194—Публикация И. А. Бычкова, с указанием: «Писано в 1812 г.»

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: вторая половина 1812 г.

Основанием для датировки является положение рукописи в альбоме: ей предшествует начало баллады «Ахилл», датируемое 1812 г., после нее записано стихотворение «Нина к своему супругу в день его рождения»—с датой: «1812 года 1 июня».

Набросок сделан в балладный период творчества Жуковского, характеризующийся экспериментами в области лироэпических жанров. Любопытно в связи с этим отметить, что в небольшом фрагменте самим Жуковским дважды снято его собственное жанровое определение задуманного произведения, вынесенное к тому же в заглавие: повествователь обещает «сказать друзьям» «чудесную сказку». Однако при этом с самого начала программным оказывается отрицание явной фантастики, одного из важнейших художественных приемов сказки, который активно осваивается поэтом в балладах.

И. Айзикова

⟨К. Н. Батюшкову⟩
(«С холодных невских берегов...»)
(С. 362)

Автограф (РНБ, он. 1, № 15, л. 70 об.)—черновой набросок.

При жизни Жуковского не печаталось.

Виервые: Бумаги Жуковского. С. 47 (ст. 1—7).

Печатается впервые полностью.

Датируется: вторая половина марта 1814 г.

По всей вероятности, послание обращено к К. Н. Батюшкову и связано с его пребыванием в составе русской армии в Париже (с 19 марта по 17 мая 1814 г.). Уже ст. 3—4: «Посылка другу пук стихов // На память старины священной» вызывают в памяти начало послания Жуковского «К Батюшкову» (май 1812 г.): «А милому собрату // В подарок пук стихов». Сам характер наброска (стихотворный размер, образная система) перекликается с посланием Батюшкова «К Дашкову». Ср. характеристику Москвы у Батюшкова и Жуковского: «И новой славы наших дней...»—«И славной жертвы наших дней...»; «Трикраты прах ее священной...»—«На память старины священной...» и т. д.

Наиболее реальное время датировки — вторая половина марта, после 19 числа, так как речь идет о вьюгах, снегах, которые еще естественны в это время в средней полосе России: Жуковский жил тогда в Муратове. К сожалению, не сохранилась переписка Жуковского и Батюшкова этого периода, поэтому публикуемый набросок послания восполняет в определенной мере этот пробел во взаимоотношениях поэтов. Скорее всего, Жуковский не завершил и не обработал этот набросок, так как никаких следов знакомства с ним Батюшкова не обнаружено.

А. Янушкевич

«Остатки *доброго* в сей гроб положены!..»

(С. 362)

Автограф неизвестен.

Копия (РНБ, он. 1, № 15, л. 24) — рукою В. И. Губарева.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ПСС. Т. 11. С. 134.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: предположительно конец 1814 г.

Впервые указав на это стихотворение, А. И. Бычков определил его как «Надгробие». Действительно, содержание вполне подтверждает установку на создание эпитафии. На вопрос о том, кто был ее «адресатом» и когда она была создана (а эти вопросы взаимосвязаны), ответить гораздо сложнее. Эпитафия находится в пачке стихотворений долбинской осени 1814 г., когда Жуковский поселился в имении своей племянницы А. П. Киреевской и пережил взлет творческого вдохновения (см. преамбулу к «Долбинским стихотворениям» в т. 1. наст. изд.).

А. П. Киреевская в это время переживала тяжелый кризис, связанный с памятью о муже и отце ее трех малолетних детей — В. И. Киреевском, который умер в 1812 г., спасая больных и раненых русских и французов в Орле. В. И. Киреевский был старше своей жены на 16 лет и много сделал для ее просвещения, читая с ней исторические книги и Библию. Дружеские отношения связывали Жуковского с отцом будущих деятелей русской общественной мысли и литературы — Ивана и Петра Киреевских. Можно предположить, что «эпитафия» посвящена памяти В. И. Киреевского и предназначена для его надгробного памятника, поэтому и написана она была в Долбине в конце 1814 г.

Н. Вётшева

К Ваничке

(«В час добрый! Для тебя, мой милый Ваня, жить...»)

(С. 363)

Автограф неизвестен.

Копия (РГБ, ф. 99, Елагины, он. 1, карт. 22, № 12, л. 13 об.) — рукою М. А. Мойер.

При жизни Жуковского не печаталось.

Печатается впервые.

Датируется: между 4 октября 1814 и 6 января 1815 г.

Основанием для датировки служит местоположение копии текста в рукописи. В архиве Елагиных сохранилась переплетенная тетрадь с копиями стихотворений Жуковского 1814—1819 гг., заполненная рукою М. А. Протасовой-Мойер. На титульном листе тетради запись: «Часть 2. Дерпт», бумага с водяным знаком «1817». Этот сборник стихотворений Жуковского, переписанных М. А. Мойер, открывается долбинскими стихотворениями 1814 г. («Эолова арфа», «К Вяземскому. Ответ на его послание к друзьям», «Добрый совет. В альбом В. А. А.⟨збукину⟩», «Теон и Эсхин», «Росписка Маши» и др.), расположенными на лл. 2—16. Среди этих стихотворений, на л. 13 об., находится и текст ранее неизвестного стихотворного обращения Жуковского к И. В. Киреевскому, старшему сыну его племянницы А. П. Юшковой (в первом браке Киреевской, во втором — Елагиной), которому посвящено стихотворение «Младенец» (1806; см.: Т. 1. С. 113, 510) и который упоминается в долбинском стихотворении «Прощание» (1815; см.: Там же. С. 400, 743). Более точно датировать стихотворение «К Ваничке» не представляется возможным: копии текстов Жуковского в тетради не расположены в строгом хронологическом порядке по числам и месяцам, хотя годовая хронология в них сохраняется. Таким образом, приблизительное время создания стихотворения определяется датами так называемой «долбинской осени» — от начала октября 1814 до 6 января 1815 г.

Подробнее об отношениях Жуковского и И. В. Киреевского см. примечания к стих. «Младенец» и «Прощание» в т. 1 наст. изд., а также: Жуковский в воспоминаниях современников. М.: Наука: Языки русской культуры, 1999. С. 616—617.

О. Лебедева

⟨К А. А. Прокоповичу-Антонскому⟩
(«Хранитель, друг моих весенних дней...»)
(С. 363)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 26, л. 90) — черновой набросок, с датой вверху листа: «Генваря 8. 1815»).

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 60 (ст. 1—7).

Печатается впервые полностью.

Датируется: 8 января 1815 г.

Адресатом этого незаконченного послания, по всей вероятности, является директор Московского университетского благородного пансиона, бывший в годы учебы там Жуковского инспектором и его наставником в поэтической деятельности,— А. А. Антонский-Прокопович (1762—1848). В его квартире при Благородном пансионе, в комнате, которая помещалась во флигеле, выходящем в Газетный переулок (см.: Осокин В. «Его стихов пленительная сладость...»: В. А. Жуковский в Москве и Подмосковье. М., 1984. С. 59, 63), Жуковский жил в предвоенные го-

ды, во время редактирования журнала ВЕ, приезжая в Москву. Этот дом, где Жуковский занимал сначала тесную каморку, а потом три комнаты, был ему дорог как воспоминание о поэтической юности. Столь же дорог был ему и образ наставника. Стремление Антонского-Прокоповича — воспитывать литературные интересы пансионеров — оказало безусловное воздействие на формирование поэтического творчества Жуковского (см.: Загарин. С. 11—12). «Теперь еще одна просьба. Одна об общем нашем благодетеле Антонском. ⟨...⟩ Я всегда храню к нему в сердце благодарное уважение»,— писал Жуковский А. И. Тургеневу 21 июня 1814 г. (ПЖТ. С. 121).

Замысел написания послания к Антонскому-Прокоповичу относится уже к концу 1814 г. В списке задуманных произведений читаем: «Послание к Антонскому», «К Антонскому» (см.: РНБ, оп. 1, № 77, л. 25—25 об.). Однако работа над посланием, вероятно, началась по приезде Жуковского в Москву в самом начале января 1815 г. Это была первая встреча Жуковского со столицей после пожара 1812 г. «Теперь пишу из священной нашей столицы, покрытой прахом славы, в которую въехал я с гордостию Русского и с каким-то особенным чувством, мне одному принадлежащим, как певцу ее величия»,— сообщал он 25 января А. И. Тургеневу (ПЖТ. С. 135). Послепожарная Москва вызвала в сознании поэта память о юности, о наставнике, о доме, который был для него родным и который уже больше не существовал. Характерно, что на обороте листа с черновым наброском (л. 90 об.) имеется запись: «К Антонскому».

В архиве поэта (РНБ, он. 1, № 78, л. 44) сохранился план этого послания, начинающийся словами: «Мы свиделись в Москве. Я искал тебя в том месте, где моя молодость была облаготворена тобою. Его нет — пепел развалины и молчание...»

А. Янушкевич

⟨В альбом Императрице Марии Федоровне 2-ое сентября 1815⟩

(«Что пышные сады Царей...»)

(С. 364)

Автограф неизвестен.

Копия (РГАЛИ, он. 1, № 1, л. 1, 1 об., 2) — рукою неизвестного лица, с подписью: «Жуковский».

При жизни Жуковского не печаталось.

Печатается впервые.

Датируется: 2 сентября 1815 г.

В архивном описании единицы хранения, содержащей копию этого стихотворения, авторство Жуковского точно не установлено и дается предположительно, хотя после текста есть указание: «Жуковский». К первым словам заглавия: «В альбом» имеется следующее зачеркнутое примечание, с выносным астериском и подписью «В»: «Находящийся в Розовом павильоне Павловского сада. Каждый посе-

титель имеет право вписывать в него свои мысли и чувствования, родившиеся в прогулке по живописным здешним садам».

Розовый павильон в Павловске был местом литературных чтений и музицирования при императрице Марии Федоровне (см. примеч. к стихотворению «О дивной розе без шипов...» в наст. изд.). По воспоминаниям современников, в альбом Розового павильона вписывали свои стихи известные поэты того времени, в том числе и Жуковский. «Лет десять тому назад,— сообщает мемуаристка,— я посетила эти места. Партер заглох, и розанов не было; но всё оставалось в прежнем виде внутри Розового павильона. Известный мне альбом лежал на том же столике. В нём писали Жуковский и Крылов» (Муханова М. С. Записки // РА. 1878. № 3. С. 307).

По всей вероятности, стихи были переписаны из этого альбома автором примечания (как правило, так подписывался при публикации текстов Жуковского П. А. Вяземский), а копия сделана рукою В. Ф. Вяземской (в архиве Вяземского находятся копии других стихотворений Жуковского, переписанные ею).

Как известно из свидетельств самого Жуковского, его представление императрице Марии Федоровне произошло 4—5 сентября 1815 г. (скорее всего, 5-го, так как речь идет о воскресенье). Ср.: «Теперь о свидании с Императрицею. Уваров, на другой день моего приезда [из Дерпта; 24 августа.—*А. Я.*], написал к ней, что я в Петербурге, и получил приказ представить меня в следующее воскресенье. ⟨...⟩ и мы с Уваровым отправились в воскресенье во втором часу во дворец» (УС. С. 15). Зная заранее об этой встрече с императрицей, Жуковский приготовил, по всей вероятности, накануне (2-го сентября) стихотворение для ее альбома.

Альбомный мадригал, несмотря на некоторую заданность поэтической установки, имеет очевидные переклички со стилем павловских стихотворений Жуковского, обращенных к императрице Марии Федоровне. С одной стороны, он продолжает мотив возвращения из заграничных походов сына императрицы Александра I, заявленный еще в послании «Государыне Императрице Марии Федоровне» (см. т. 1 наст. изд. С. 257—259). Ср.: послание — «Придёт, придёт, свершив за правду битвы, // Защитник Царств, любовь Царей, Твой Сын...»; «В альбом...» — «Придёт, придёт Он в отчий дом, // К Ея стонам положит гром...»

С другой стороны, предвосхищает лексико-стилистическую и образную систему элегии «Славянка» и «Отчетов о луне», обращенных к императрице Марии Федоровне. В этом отношении стихотворение «В альбом Императрице Марии Федоровне. 2-ое сентября 1815» является прологом к павловским стихотворениям 1815—1820 гг.

А. Янушкевич

«Вот Пушкин, добрый наш поэт!..»

(С. 366)

Автограф (ПД. № 27773, л. 1) — беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Печатается впервые.

Датируется: предположительно 1816 г.

Четверостишие Жуковского обращено к поэту Василию Львовичу Пушкину (1766—1830), дяде А. С. Пушкина, автору поэмы «Опасный сосед» (1811), которая из-за своего фривольного содержания могла быть напечатана в Мюнхене лишь в 1815 г. (литографическое издание).

Эта поэма, заглавие которой и обыгрывается в экспромте Жуковского, стала своеобразной визитной карточкой В. Л. Пушкина. Современники отмечали в ней яркость бытовых сцен, стремительность повествования, выразительность сатирических образов. Не случайно они увидели в ней «Гогартов оригинал, с которого копию снять невозможно» (Московские ведомости. 1830. № 70. 30 августа. С. 3120). «Вот стихи! Какая быстрота, какое движение! И это написала вялая муза Василия Львовича!» — восклицал К. Н. Батюшков (Батюшков. Т. 2. С. 174). Подробнее см.: Михайлова Н. И. Василий Львович Пушкин // Василий Пушкин. Стихи. Проза. Письма. М., 1989. С. 12—14.

В первой половине марта 1816 г. Василий Львович Пушкин становится арзамасцем под прозвищем «Вот» (из баллады Жуковского «Светлана»), а вскоре ему была оказана честь стать старостой «Арзамаса», «с приобщением к его титулу двух односложных слов *я* и *вас*» — «Вот я вас!» В протоколе «Арзамаса», рассказывающем об этом событии, говорилось: «Вытребовать у него список известной его проказы с веселою Музою, именуемой *Опасный сосед*, переписать ее чистым почерком, переплести в бархат и признать ее арзамасскою кормчею книгою» (Арзамас—2. Кн. 1. С. 345—346). Жуковский, по всей вероятности, посвятил свое четверостишие приезду В. Л. Пушкина в Петербург вместе с Н. М. Карамзиным и П. А. Вяземским в начале 1816 г. Это было время его славы как автора «Опасного соседа», и сама церемония его приема в «Арзамас» (подробнее см.: Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974. С. 80—88) подчеркивала это. Своим четверостишием Жуковский как бы устраивал его «презентацию» в «Арзамасе».

А. Янушкевич

⟨Послание к П. А. Вяземскому⟩

(«Хоть мы в такие дни живем...»)

(С. 366)

Автограф неизвестен.

Копия (РНБ, ф. 550, оп. III. Q. XIV. 153, л. 20—23 об.) — рукою неустановленного лица, без подписи.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ИОРЯС. 1911. Т. 16. Кн. 2. С. 33—38. Публикация И. А. Бычкова.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по копии.

Датируется: сентябрь 1816 г.

Датировка и атрибуция адресата предположительны. В стихотворении идет речь о лете, проведенном Жуковским в Дерпте. Известно, что поэт провел в Дер-

нте два лета: июль-август 1815 г. и почти весь 1816 г. (с апреля по декабрь). Об этом см.: ПЖТ. С. 146—171; Петухов. С. 71; РС. 1883. № 9. С. 535—536.

И. А. Бычков, впервые опубликовавший стихотворение под условным заглавием «Послание» (ИОРЯС. 1911. Т. 16, Кн. 2. С. 33—38) и давший описание его рукописной копии (Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1902 г. СПб., 1910. С. 188—191), отнес его к лету 1815 г.

Однако некоторые реалии текста свидетельствуют о том, что он был создан позже, скорее всего, в сентябре 1816 г. В частности, это первые четыре стиха послания, которые явно имеют в виду конкретные судьбы известных Жуковскому поэтов (ср.: «Хоть мы в такие дни живем, // Что нашу братью, стиходеев, // Сажают в крепость как злодеев // И как безумных в желтый дом...»). За 1815 г. не известны никакие крупные политические дела поэтов (типа процесса В. Ф. Раевского, заключенного в Тираспольскую крепость в 1822 г.) или слухи о безумии (подобно известию о безумии К. Н. Батюшкова, распространившемуся в том же 1822 г.). Но вот 17 сентября (по ст. ст.) 1816 г. умер В. А. Озеров, о безумии которого много говорили в дружеском кругу Жуковского (см. примеч. к стих. «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» в т. 1 наст. изд.). Кроме того, известно, что в начале 1817 г. Жуковский вел активную переписку с Н. М. Карамзиным и А. И. Тургеневым (см.: РА. 1869. Стб. 1386; ПЖТ. С. 169—171—175, 179, 189) об облегчении участи навечно разжалованного и заключенного в крепость Оренбургского военного гарнизона поэта А. И. Мещёвского (ок. 1792—ок. 1820). Вероятно, Мещёвский был знаком Жуковскому еще со времени обучения первого в Московском университетском благородном пансионе; несколько стихотворений Мещёвского вошли в изданные Жуковским поэтические антологии: СРС (1810—1815) и «Собрание образцовых русских сочинений и переводов» (1815—1817). Подробнее о Мещёвском и его отношениях с Жуковским см.: Роскина Н. А. Новое о поэте А. И. Мещёвском // ЛН. М., 1956. Т. 60. С. 537—540; письма Мещёвского к Жуковскому и Вяземскому — РГАЛИ, оп. 1, № 110; ф. 195, № 2308. И хотя все вышеупомянутые источники относятся к первым месяцам 1817 г., другие эпистолярные материалы свидетельствуют о том, что Жуковский узнал об участи Мещёвского и принял меры для ее облегчения раньше: в письме к А. П. Киреевской от 15 сентября 1816 г. Жуковский переправил ей какое-то несохранившееся письмо об участи Мещёвского: «... посылаю вам письмо, полученное из Сибири. ⟨...⟩ Вам же, мои милые сестры, посылается оно только для того, чтобы вы со своей стороны подали также помощь М.» (РС. 1883. № 9. С. 537). Фамилия, обозначенная буквой «М.», раскрывается в письме тому же адресату от 7 ноября 1816 г.: «Благодарствуйте за Мещёвского!» (Там же. С. 541). Кроме того, сохранилось письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 27 сентября 1816 г., в котором адресант уведомляет последнего о том, что «... получил несколько писем от Жуковского» после его продолжительного молчания. Вероятно, в этих письмах содержалась информация о судьбе Мещёвского, поскольку далее Вяземский обращается к адресату с просьбой похлопотать о ссыльном поэте: «Он [Жуковский] писал тебе о Мещёвском. Приложим однодушные старания. ⟨...⟩ Надобно вытащить его из бездны». Наконец, в этом же самом

письме Вяземский сообщает Тургеневу о своем намерении издавать сочинения покойного Озерова (2-я часть этого издания вышла в СПб. в 1816 г.; 1-я — с биографией Озерова, написанной Вяземским, — в 1817 г.). И далее имена ссыльного Мещёвского и безумного Озерова сближены в контексте письма, предельно реминисцентного первому четверостишию комментируемого послания, по своей общей мысли о невыносимой участи русских поэтов вообще: «... государство, где Озеровы принуждены для куска хлеба служить в лесном департаменте и где найдешь не одного Мещёвского, а сотни...» (ОА. Т. I. С. 53—54).

Все это позволяет предположительно атрибутировать послание Жуковского как обращенное к П. А. Вяземскому и отнести время его создания к сентябрю 1816 г.

Ст. 9. *Ты имя **мудрого** мне дал...* — Этот стих можно рассматривать как косвенное подтверждение того, что послание Жуковского обращено к П. А. Вяземскому. Хотя ни в одном из известных стихотворных посвящений последнего Жуковскому эпитет «мудрый» прямо не присутствует, но в стихотворении Вяземского «К Батюшкову» (1815) «почетный наш поэт» — Жуковский отождествлен с Горацием, символическим воплощением житейской мудрости, и Эпиктетом, столь же устойчивым выражением мудрости философической: «Почетный наш Поэт, // ⟨...⟩ Жуковский в ранни годы // Гораций-Эпиктет» (Вяземский. Т. 3. С. 103—104).

Ст. 11. *На диком Гохланде скучал...* — Гохланд (Hogland, Suursaari) — скалистый остров в Финском заливе, ближе к эстонскому берегу; принадлежал к Выборгской губернии. Гохланд весь состоит из гранитных утесов, покрытых сосновым и еловым лесом. На эстонском побережье напротив Гохланда расположен город Вызу (Войзек, Выйзика), где находилась мыза одного из ближайших дерптских друзей Жуковского, Тимофея фон Бока, который в августе 1816 г. договорился с Жуковским о его приезде в Выйзику, однако этот визит, видимо, состоялся позже (см. примеч. к стих. «Т. Е. Боку» («Мой милый Бок...»).

Ст. 61—62. *Что ехать я хотел, хотел, // Да лето в Дерпте просидел...* — Во второй половине июня 1816 г. Жуковский писал А. И. Тургеневу о своем скором отъезде в Ревель (ПЖТ. С. 157) и о планах в течение июля и августа, после морских купаний в Ревеле, совершить поездку по Лифляндской Швейцарии (округ г. Вендена, ныне Цесиса — ПЖТ. С. 158). Однако в письме А. П. Киреевской, датированном «летом 1816», эти две поездки упомянуты в обратном порядке — сначала путешествие но Лифляндской Швейцарии, предпринятое, скорее всего, в одиночку, а потом — морские купания в Ревеле, куда Жуковский ездил вместе с Протасовыми и И. Ф. Мойером (РС. 1883. № 9. С. 535—536); так что к середине июля Жуковский, вероятно, был уже в Дерпте.

Ст. 75—77. *И между тем как в телескоп ~ Смотрели наши астрономы...* — Знакомство Жуковского с известным астрономом Ф. В. Струве, экстраординарным профессором Дерптского университета, удостоверено письмом Жуковского к А. И. Тургеневу от 12 апреля 1815 г. (ПЖТ. С. 146).

Ст. 115. *К пункту последнему, к портретам...* — Этот стих, как и ст. 12—15: «*Ты говоришь, что два портрета ~ Тебе пришлю я дружбы ради...*», является ответом на

просьбу, высказанную, видимо, Вяземским, прислать портреты М. А. Протасовой и А. А. Воейковой, рисованные Жуковским. Как известно, в 1816 г. Жуковский брал уроки рисования и гравирования у дерптского художника Зенфа (Петухов. С. 74).

Ст. 132—133. *Заочно рисовать кого-то // Я раз пятнадцать начинал...* — Косвенное подтверждение даты создания послания: в течение 1816 г. семейство Воейковых в Дерпте отсутствовало. А. А. и А. Ф. Воейковы путешествовали по югу России (см.: РС. 1883. № 8. С. 228; ПЖТ. С. 157). А. А. Воейкова вернулась в Дерпт лишь к октябрю 1816 г., о чем свидетельствует ее приписка к письму Жуковского А. П. Киреевской от 23 октября 1816 г. (РС. 1883. № 9. С. 539).

О. Лебедева

«Аглая грация, в России потаскушка...»

(С. 370)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) ПД, ф. 588, № 9625, л. 10 — рукою А. П. Зонтаг в ее альбоме.

2) РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 12, л. 16 — рукою М. А. Мойер, с датой: «1816 ноябрь».

При жизни Жуковского не печаталось.

Печатается впервые.

Датируется: ноябрь 1816 г.

В тетради рукописей из архива Елагиных, содержащей копии стихотворений Жуковского, вероятно переписанных для А. П. Киреевской-Елагиной ее родственницей и подругой М. А. Протасовой-Мойер, кроме даты: «1816 ноябрь», есть еще помета: «Дерпт». Жуковский в это время действительно находился в Дерпте, но утверждать с полной уверенностью, что эпиграмма на Шаликова родилась именно здесь в ноябре 1816 г., вряд ли возможно, хотя исключить такое предположение тоже нельзя. Она могла возникнуть как отклик на сатирическую характеристику А. Ф. Воейкова из «Дома сумасшедших», в одну из палат которого был заключен и Шаликов: он «⟨...⟩ кличет граций здешних мест // И, мяуча сладострастно, // Размазню без масла ест» (Арзамас—2. Кн. 2. С. 169).

Несомненно одно: эпиграмма на поэта-сентименталиста и издателя альманаха «Аглая» князя П. И. Шаликова (1767 или 1768—1852) была создана в атмосфере «Арзамаса», где его личность имела знаковый характер как выражение ложной чувствительности и эпигонства. Альманах Шаликова «Аглая» (1808—1812) рождал естественные ассоциации с одноименным альманахом Н. М. Карамзина, издававшимся в 1794—1795 гг., и воспринимался как плагиат. Здесь можно указать на эпиграмму некоего Гартмана, созданную между 1808 и 1812 гг. и, вероятно, известную в литературных кругах:

О Карамзин! Твоя младая,
Любезна, кротка дщерь Аглая
Повсюду умницей слыла;
Но лишь с князьями стала знаться
И *в красной шали* к нам являться,
Она, увы! с ума сошла.

(Русская эпиграмма: XVIII — начало XIX века. Л., 1988. С. 160)

(Курсив автора, намекающий не только на красную обложку журнала, но и на женщину легкого поведения.)

Каламбурное обыгрывание заглавия шаликовского альманаха через соотношение с именем одной из трех харит (граций) присутствовало уже в арзамасской сатире К. Н. Батюшкова «Видение на берегах Леты». К стихам, адресованным Шаликову: *«Увы, я пастушок ⟨...⟩ Вот мой Амур, моя Аглая»*, было сделано примечание: «Аглая, несчастная Грация, вовсе не дева, а журн⟨ал⟩ кн. Шаликова» (Батюшков. Т. 1. С. 374). Жуковский лишь заострил эту характеристику, хотя можно предположить, что Батюшков был знаком с эпиграммой Жуковского и прибавил примечание позднее.

Ст. 2. *О Шаликов Петрушка...* — Каламбурное обыгрывание имени князя Шаликова — Петр через соотношение с известным героем народного кукольного театра.

А. Янушкевич

«За множество твоих картин...»

(С. 371)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) ПД, ф. 588, № 9625, л. 20 об. — рукою А. А. Воейковой в альбоме А. П. Зонтаг.

2) РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 12, л. 16 — рукою М. А. Мойер.

При жизни Жуковского не печаталось.

Печатается впервые.

Датируется: ноябрь 1816 г.

Текст эпиграммы в копии № 2 идет вслед за эпиграммой «Аглая грация, в России потаскушка...» и имеет ту же творческую историю и основания для датировки (см. примеч.).

Героями эпиграммы выступают два объекта арзамасской сатиры — стихотворец граф Д. И. Хвостов (1756—1835), член «Беседы любителей русского слова», символ графоманства, и писатель, историк, собиратель древностей, издатель, художник-дилетант П. П. Свиньин (1787—1839), склонный к сенсационным вымыслам и отличавшийся плодовитостью в своих многочисленных «Путешествиях...» и в живописи. В 1815 г. вышел его «Опыт живописного путешествия по Северной Америке», вызвавший отклики в арзамасских выступлениях (см.: Арзамас—2.

Кн. 1. С. 269, 310). По всей вероятности, Жуковскому была знакома сатирическая характеристика Свиньина из «Дома сумасшедших» А. Ф. Воейкова:

Вот чужих статей писатель
И маляр чужих картин,
Книг безграмотных издатель,
Северный орел — *Свиньин.*
Он фальшивою монетой
Целый век перебивал
И, оплеванный всем светом,
На цени приют сыскал

(Эпиграмма и сатира: Из истории литературной борьбы XIX-го века. М.; Л.: Academia, 1931. Т. 1. С. 526).

Эпиграмма Жуковского своей параллельной характеристикой Хвостова и Свиньина закрепляла арзамасскую традицию высмеивания графоманства и эпигонства.

А. Янушкевич

В. А. Жуковский в день рождения своего нашел перстень, Аполлонову голову; при оном была записочка, в которой объяснено, что перстень не ему, а его *мизенцу*

[1] «Нельзя ль вам моего решить недоуменья?..»

[2] «Нашелся ль, дайте мне ответ...»

(С. 371)

Автограф неизвестен.

Копия (РНБ, ф. 550, он. III. Q XIV. 153, л. 14—15) — рукою М. Н. Дириной, с подписью: «Ж.»

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ИОРЯС. СПб., 1911. Т. XVI. Кн. 2. С. 38—40. Публикация И. А. Бычкова.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по копии.

Датируется: конец января — начало февраля 1817 г.

Датировка предположительная. И. А. Бычков, при первой публикации этих текстов, поступивших в Имп. Публичную библиотеку в составе архива М. Н. Дириной-Рейц, дерптской знакомой Н. М. Языкова и посетительницы салона А. А. Воейковой, счел Дернт наиболее вероятным местом их создания (Отчет ИПБ за 1902 г. СПб., 1910. С. 188—191; ср.: ИОРЯС. Т. XVI. С. 38).

В таком случае они могли быть написаны только в 1817 г. — единственный день рождения, который Жуковский провел в Дерпте, приходится на 1817 г., время после свадьбы М. А. Протасовой и И. Ф. Мойера (венчание состоялось 14 января; день рождения Жуковского — 29 января, а уехал он из Дерпта лишь в сентяб-

ре 1817 г.—см.: ПЖТ. С. 179). Таким образом, если предположить, что эти стихотворения были написаны в Дерпте, так как находятся в дерптском альбоме М. Н. Дириной, то время их создания определяется днем рождения Жуковского—29 января 1817 г.

Точно установить, кто был адресатом послания, не удалось, но можно предположить, что оно адресовано А. А. Воейковой, которая и подарила «мизенцу» Жуковского перстень с Аполлоновой головой, поскольку в ст. 40—45 упоминается близкое соседство с дарителем перстня: известно, что местопребыванием Жуковского в Дерпте была так называемая «чердачная горница» в доме Воейковых.

О. Лебедева

«Варвара Павловна, Графиня и княжна!..»

(С. 373)

Автограф (ПД. № 27807. Книга Александры Воейковой, л. 48)—черновой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Печатается впервые.

Датируется: между 14 и 24 марта 1818 г.

Основанием для датировки незавершенного наброска послания служат, во-первых, его положение в рукописи (в контексте стихотворений «Горная дорога», «Тленность», «Деревенский сторож в полночь», над которыми Жуковский работал весной 1818 г.), а во-вторых, реалии самого текста, свидетельствующие о его тесной сюжетной связи с тремя посланиями «К Варваре Павловне Ушаковой и гр. Прасковье Александровне Хилковой...», созданными в течение кратковременного пребывания Жуковского в Гатчине с царским двором (вторая половина марта 1818 г.—см. примеч. к этим посланиям).

Публикуемый набросок послания, адресованного тем же фрейлинам (какая «княжна» имеется в виду, установить не удалось, но, скорее всего, это Е. Г. Волконская (Лизета), которая является адресатом последующих посланий), содержит и сюжетные переклички с тремя вышеупомянутыми текстами: здесь также фигурируют герои романа М. Коттен «Матильда, или Крестовые походы», который Жуковский читал в Гатчине: Малек-Адель, Матильда, Гильом, Лузиньян. Это позволяет хронологически соотнести публикуемый набросок с периодом работы Жуковского над тремя гетчинскими посланиями к В. П. Ушаковой и П. А. Хилковой.

Ст. 4, 10—11. *Той сказки, где герой прелестный Сатана? ⟨...⟩; Он вздумал грешника навек отнять от рая // И отнял, хитростью безумца обольщая!..*—Вероятно, в этих стихах речь идет о балладе «Громобой», первой части старинной повести в двух балладах «Двенадцать спящих дев», только что вышедшей первым отдельным изданием в полном текстовом составе (СПб., 1817). Ср. характеристики Сатаны в балладе «Громобой»: «С хвостом, когтьми, рогами»—«Страшный мой герой с рогами и хвостом»—в публикуемом наброске; «И обольстителю душой // За злато поклонился» («Громобой»)—«Хитростью безумца обольщая» (публикуемый текст). Ср. также именование жертвы обольщения «грешником» в обоих текстах. Сам

факт того, что Жуковский приглашает фрейлин послушать чтение давно завершенной баллады «Громобой» в связи с общим интересом к роману М. Коттен и в контексте своих опытов иронического преложения романной прозы в «домашней» поэзии, свидетельствует о тесной эстетической соотнесенности в поэтическом сознании Жуковского образцов «домашней» и профессиональной «повествовательной» поэзии (как известно, источником баллады «Двенадцать спящих дев» был прозаический роман немецкого писателя Х. Г. Шписа «Die zwölf schlafenden Jungfrauen, eine Geister Geschichte»).

Н. Вётшева, О. Лебедева

Всевысочайшему существу
Подражание Гердеру, написавшему сии стихи в последний день своей жизни
(«Господь мой, Бог — Бог сил несчетных...»)
(С. 373)

Автограф неизвестен.

Копия (РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 1, карт. 22, № 16, л. 1—1 об.) — рукою М. А. Протасовой, на отдельном двойном листке.

При жизни Жуковского не печаталось.

Печатается впервые.

Датируется: предположительно 1810-е гг.

Атрибуция текста Жуковскому предположительна. Никаких свидетельств его работы над стихотворением не обнаружено, хотя известно, что в 1810—1816 гг. он читал философские и историко-литературные труды И. Г. Гердера и намеревался переводить его стихотворения (ПЖТ. С. 88, 164; Арзамас. С. 70). Поэтому целесообразно было бы включить этот текст в раздел «Dubia».

В пользу авторства Жуковского можно выдвинуть следующие аргументы: устойчивый интерес русского поэта к наследию немецкого просветителя И. Г. Гердера (подробнее см.: Реморова. С. 125—234), отсутствие в копии указания имени автора перевода — все тексты Жуковского, переписанные сестрами Протасовыми, имеют эту особенность, тогда как их копии стихотворений других поэтов обязательно снабжены указанием автора текста. Наконец, в пользу авторства Жуковского говорит и то обстоятельство, что текст перевода из Гердера имеет явные переклички со стихотворением «Гимн» Дж. Томсона, над переводом которого поэт работал в 1808 г., а также содержит один из излюбленных словесных лейтмотивов лирики Жуковского — непостижимости творения и невыразимости лирической эмоции.

Текст Гердера, явившийся источником перевода Жуковского, напечатан в одном из томов Полного собрания сочинений немецкого поэта, частью которого располагал Жуковский (J. G. von Herder's sämmtliche Werke. Bd. 23. Tübingen, 1809. S. 457—458; см. также: Описание, № 1279). В этом томе опубликована одна из последних историко-литературных работ немецкого просветителя «Früchte aus den sogenannt goldnen Zeiten des achtzehnten Jahrhundert» («Плоды так называе-

мого золотого века XVIII столетия»; 1801—1803), к которой приложен своеобразный издательский некролог под заглавием «Tod Herders» («Смерть Гердера»). В нем процитирован текст, послуживший источником перевода. В некрологе имеется указание, выделенное жирным шрифтом, на то, что это стихотворение стало последним поэтическим произведением Гердера: «In prophetischem Geist schrieb er diese Strophen — die **letzten seines Lebens**» («В пророческом восторге написал он эти строфы — **последние в своей жизни**»).

Не исключено, что по смерти Гердера (1803) этот некролог мог быть напечатан отдельно и стал известен Жуковскому до того, как он обзавелся Полным собранием сочинений немецкого поэта. Поскольку текст стихотворения Гердера не является широко известным, приводим его в подлиннике, с нашим подстрочным переводом:

«Er mißt den Himmel, stillt die Meere;
Gericht und Recht ist um ihn her!
Er ist der Herr! Der Gott der Heere!
Er ist! — Wo ist ein Gott, wie Er?

In neue Gegenden entzückt
Schaut mein begeistertes Aug' umher — erblickt
Den Abglanz hoher Gottheit, ihre Welt,
Und diesen Himmel, ihr Gezelt!
Mein schwacher Geist, in Staub gebeugt,
Faßt ihre Wunder nicht und schweigt.

(Он измеряет небеса, умиротворяет моря; // Суд и Право предстоят Ему! // Он Господь! Бог воинств! // Он есть Сущий! Где есть Бог, подобный ему? // Восхищенный в новые области, // Мой восторженный взгляд замечает окрест // Отблеск всевышнего Божества, его мир, // И это небо, его шатер! // Мой слабый дух, склоненный во прах, // Не постигает его чуда и молчит).

Жуковский в целом точно передает содержание подлинника, в отдельных случаях лишь дополняя и распространяя его (10 стихов Гердера он перелагает в 16). Сохраняет он и общий рисунок стиха Гердера — разностопный ямб, хотя изменяет строфику и систему рифм.

Отсутствие каких-либо конкретных свидетельств о времени создания перевода побудило составителей принять ту датировку, с которой текст был описан в архиве РГБ, — 1810-е гг.

О. Лебедева

«Спеша без всякого роптанья...»

(С. 374)

Автограф (РНБ, он. 1, № 29, л. 54 об.) — беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 87 (ст. 1—10).

Впервые полностью: С 10. С. 996 — с подзаголовком: «Княжне ***».

Печатается по тексту С 10, со сверкой по автографу.
Датируется: конец июля 1820 г.

Датировка предположительная: на основании местоположения в рукописи (на л. 54 — дата: «27 июля», а контекст рукописи — павловские послания 1820 г.).

По всей вероятности, адресат послания — фрейлина, гр. Е. П. Шувалова, участница многочисленных спектаклей и «живых картин» в Павловске (см. примеч. к стих. «К графине Шуваловой. После ее дебюта в роли мертвеца»).

Н. Вётшева

«Согласен я: мой мирт уныл!..»
(С. 375)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 29, л. 55) — черновой.
При жизни Жуковского не печаталось.
Впервые: Бумаги Жуковского. С. 88 (ст. 1—3).
Впервые полностью: С 10. С. 996 — с заглавием: «Мирт».
Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.
Датируется: конец июля — август 1820 г.

Черновой незавершенный текст датируется по местоположению в рукописи, что представляется возможным благодаря последовательной хронологии текстов в «павловской тетради» (№ 29).

Адресат послания — возможно, фрейлина, графиня С. А. Самойлова, увлечение которой пришлось на 1819 г. Летом 1820 г. становится ясно, что на любовь Жуковского Самойлова не ответила взаимностью, а осенью этого же года стала невестой гр. А. А. Бобринского, за которого и выходит в апреле следующего года замуж.

Стихотворение, точнее его набросок, отражает расставание Жуковского с иллюзиями и объектом этих иллюзий.

Ст. 1. ⟨...⟩ *мой мирт уныл...* — Мирт (мирта) — род вечнозеленых кустарников и деревьев. В библейской традиции — эмблема для обозначения славы и благоденствия Церкви Христовой. Но, вероятно, Жуковский использует символику мирта, связанную с брачным украшением на Востоке (см.: Библейская энциклопедия. М., 1990. С. 475—476). Эпитет «уныл» подчеркивает разрушение упований Жуковского на брак с С. А. Самойловой.

Н. Вётшева

«И Феб и музы известились...»
(С. 375)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 29, л. 55 об.) — черновой.
Впервые: Бумаги Жуковского. С. 88 (ст. 1—4).
Впервые полностью: ПСС. Т. 11. С. 135.
Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.
Датируется: конец июля — август 1820 г.

Датировка предположительная — по местоположению в рукописи (см. примеч. к стих. «Согласен я: мой мирт уныл!..»). Содержание наброска также связано с атмосферой павловских посланий 1820 г., обращенных к фрейлинам.

Ст. 16. *Княжна **Хованская**, **Хилкова**...* — Фрейлины имп. Марии Федоровны — княжна Софья Сергеевна Хованская (в замуж. кн. Гагарина) и княжна Прасковья Александровна Хилкова.

Н. Вётшева

«Оставьте вы свою привычку...»

(С. 376)

Автограф (РНБ, он. 1, № 29, л. 59) — черновой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: С 10. С. 996 — в разделе: «Дополнения».

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: июль-август 1820 г.

Основание для датировки — местоположение автографа в контексте летних павловских посланий 1820 г. и шутливый характер содержания, связанный с общей атмосферой стихотворений этого времени, адресованных фрейлинам.

По всей вероятности, послание обращено к фрейлине вел. княгини Александры Федоровны, гр. Е. П. Шуваловой (в замуж. гр. Шлиффен; 1801—1858), адресату нескольких посланий Жуковского, написанных на смерть ее чижиков (см. примеч. к стих. «Эпитафия Мими», «На смерть чижика»).

Н. Вётшева

«Гельвеция, приветствую тебя...»

(С. 376)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 26, л. 99) — черновой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 63 (ст. 1—4) — с примечанием: «Набросок небольшого стихотворения, относящегося, по всему вероятию, ко времени первого путешествия Жуковского по Швейцарии, т. е. к 1821 г.»

Печатается впервые полностью.

Датируется: конец июля 1821 г.

Набросок стихотворения находится в отдельной тетрадке в 8-ю долю листа; на л. 99—100 — программа путешествия по Швейцарии.

В дневнике Жуковского периода первого заграничного путешествия 1821—1822 гг. записи от 25 июля н. ст. предшествует заголовок: «Швейцария» (Дневники. С. 121). Это была первая встреча поэта со страной, ее природой и культурой, хотя заочное литературное знакомство, выразившееся в чтении произведений Бонне, Зульцера, Циммермана, увлечении творчеством А. Галлера и С. Геснера, произошло значительно раньше (см.: Резанов. Вып. 2. С. 243—248, 254, 486—490).

Но именно во время путешествия 1821 г. Жуковский открыл визуально Швейцарию и, по справедливому замечанию исследователя, «главным „собеседником" Жуковского в Швейцарии оставалась альпийская природа, в которой он по-карамзински искал философский смысл и уже по-своему — источник поэтических образов и настроений» (Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII—XIX вв. Л., 1984. С. 143). В дневниковых записях и письмах к вел. княгине Александре Федоровне свои впечатления от картин швейцарской природы Жуковский насыщает настроением тихой печали, что нашло отражение в наброске стихотворения. Естественным дополнением этих впечатлений стали его швейцарские рисунки (см.: РБ. 1912. Ноябрь-декабрь. С. 57—58).

По всей вероятности, стихотворный набросок был лишь фрагментом большого замысла произведения о путешествии по Швейцарии и Италии. Его подробный план сохранился в архиве поэта. Вот его начало, совпадающее с наброском: «Приветствую тебя, Гельвеция — барка плывет — воды зеленые — вдали за туманом...» и т. д. (РНБ, оп. 1, № 26, л. 1).

Ст. 1. *Гельвеция, приветствую тебя...* — Helvetia — лат. название Швейцарии, до сих пор сохранившееся на почтовых марках.

А. Янушкевич

⟨Послание к И. И. Козлову⟩

(«Меня ты, друг, предупредил...»)

(С. 377)

Автограф (РГАЛИ, оп. 1, № 17) — беловой, без заглавия.

Копия (ПД. Р. I, оп. 9, № 55, л. 1) — рукою неустановленного лица, с заглавием: «Ответ Жуковского поэту Козлову».

При жизни Жуковского не печаталось.

Печатается впервые.

Датируется: предположительно конец 1823 г.

В жизни поэта Ивана Ивановича Козлова (1779—1840) Жуковский занимал совершенно особое место. Прикованный к постели, ослепший, Козлов не только постоянно ощущал моральную и материальную его поддержку, но и видел в нем своего «ангела-хранителя», поэтического вдохновителя. В сохранившихся дневниках Козлова за 1819—1820, 1825, 1830, 1833, 1837—1838, 1840 гг. имя Жуковского всегда связано с рождением новых поэтических замыслов, чтением новых произведений, освобождением от физических страданий. Вот лишь несколько характерных записей: «Пришел Жуковский: мы беседовали чрезвычайно интересно — я был очень взволнован»; «Читал с Жуковским „Гяура". Как я люблю этого милого Жуковского»; «Я страдал. Столь любимый мною Жуковский прибыл из Павловска. Я ему читал мой перевод „Bride of Abydos" [„Абидосской невесты" Байрона]. Он мне дал прекрасные стихи, которые он написал для Великой княгини по поводу цветка»; «Жуковский оставался у меня долго... Он мне сообщил,

что Императрица пожаловала мне перстень» и т. д. (СиН. СПб., 1906. Кн. 11. С. 40—41).

Как справедливо заметил К. Я. Грот, «с В. А. Жуковским Козлов ⟨...⟩ был в самой нежной дружбе, которая основывалась не только на взаимной симпатии характеров и сходстве душевного склада, но и на общности вкусов и поэтического настроения, на единомыслии в главных вопросах жизни. Поэтому частое общение с нашим славным поэтом было потребностью и источником духовных наслаждений для Козлова» (Там же. С. 40). В своем обзоре русской литературы 1823 г., предназначенном для царственных особ, Жуковский дал развернутую характеристику «слепца Козлова», подчеркнув, что «для него открылся внутренний богатый мир в то время, когда исчез внешний», и обращал внимание на его тяжелое материальное положение (Эстетика и критика. С. 312—313).

Жуковский не только закрыл глаза умирающему другу, проводил его в последний путь, но и сделал все возможное для издания его произведений и материального обеспечения его семьи. Статья «О стихотворениях И. И. Козлова» стала своеобразным памятником Жуковского на могилу поэта-страдальца.

Переписка поэтов дает представление об их человеческих отношениях и творческих связях. Известны поэтические послания Козлова, обращенные к Жуковскому, в частности его обширное стихотворное послание «К другу В⟨асилию⟩ А⟨ндреевичу⟩ Ж⟨уковскому⟩ по возвращении его из путешествия». Впервые публикуемое «Послание к И. И. Козлову» дополняет картину этих отношений.

К сожалению, о времени создания этого небольшого стихотворного послания говорить можно только предположительно. Никаких документальных свидетельств об этой встрече ни в письмах, ни в дневниках поэтов не зафиксировано, да и характер автографа и копии не вносит никакой ясности в этот вопрос. Можно только гипотетически, на основании содержания самого текста, сказать, что, вероятно, речь идет о времени написания стихотворения «Я Музу юную, бывало...», т. е. о конце 1823 г. Ср.: «Приду *я с музой молодою*...»; «Хочу *я с музою* согреться...» Это стихотворение Жуковский считал своей эстетической программой (см. примеч. к стих.), и поэтому было естественным его желание познакомить с ним друга-поэта. Встречи поэтов в это время были довольно регулярны.

А. Янушкевич

«Перу, княжна, я отдаю...»

(С. 377)

Автограф (РНБ, он. 1, № 30, л. 16)—черновой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 90 (ст. 1—4)—с указанием: «Неконченный набросок стихотворения, в альбоме».

Печатается впервые полностью.

Датируется: лето 1823 г.

В рукописи альбомный экспромт находится в контексте черновых автографов павловских стихотворений лета 1823 г. Даты: «12 мая 1822 г. в Павловске» (л. 3), наброски стихотворной повести «Замок Смальгольм» (июль 1822), черновики стихотворений «Ангел и Певец» и «Я Музу юную, бывало...», которые окружают стихотворение, и «Прощальной песни, петой воспитанницами Общества благородных девиц, при выпуске 1824 года» (л. 19), идущей вслед за ним,—позволяют говорить о лете 1823 г. как наиболее вероятном для датировки этого наброска.

Тематически и стилистически стихотворение перекликается с посланием «⟨Гр. А. Е. Комаровской⟩», с эстетическим манифестом «Я Музу юную, бывало...» и, вероятно, обращено к одной из фрейлин.

Н. Вётшева

Послание к Тутолмину

(«Давно уж знает свет...»)

(С. 378)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 15, л. 3, 4 об.)—черновой, без заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 43 (ст. 1—6).

Печатается впервые полностью.

Датируется: февраль (не позднее 19-го) 1825 г.

20 февраля 1825 г. А. И. Тургенев сообщает П. А. Вяземскому: «Жуковский мне дал вчера два послания: одно к Тутолмину о карете, а другое к фрейлине графине Комаровской ⟨...⟩» (ОА. Т. 3. С. 98). Нет никаких сомнений: речь идет именно об этом стихотворении, что и позволяет его датировать первой половиной февраля. Учитывая, что Жуковский свои стихотворные экспромты, записки, просьбы писал непосредственно накануне описываемого события, можно уточнить эту датировку и говорить о 19 февраля 1825 г.

Адресат послания—Иван Васильевич Тутолмин (1761—1839), камергер, член Государственного совета, был также председателем совета в Екатерининском институте (см.: Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. ГИХЛ, 1955. Т. 1. С. 114). Так как выпускные экзамены в Екатерининском институте обычно происходили в феврале, а Жуковский традиционно писал для них свои «Прощальные песни...», то можно предполагать, что его просьба об экипаже могла быть связана с этим событием.

Н. Вётшева

«Забавляйтесь, как хотите...»

(С. 379)

Автограф (ПД. Р. I, оп. 9, № 18, л. 1)—беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Соловьев. Т. 2. С. 121.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: середина 1822—апрель 1826 г.

Датировка предположительная. Основание для нее дает запись на обороте листка с текстом экспромта: «Екатерине Александровне Воейковой», имеющая в виду адресата — старшую дочь А. А. и А. Ф. Воейковых — Катю (1815—1844). Скорее всего, стихотворная записка Жуковского была написана в тот период жизни Жуковского, когда он делил квартиру с семейством Воейковых в Петербурге, куда Воейковы переехали из Дерпта в 1820 г. (в доме купца Меншикова на углу Невского проспекта и Караванной улицы; современный адрес — Невский пр., № 64. См.: Иезуитова Р. В. Жуковский в Петербурге. Л., 1976. С. 176—177).

Жуковский прожил в этой квартире, расположенной неподалеку от места его службы, Аничкова дворца, примерно с середины 1822 г. (квартира была нанята вскоре после возвращения Жуковского из первого заграничного путешествия — в Петербург поэт приехал 6 (18) февраля 1822 г.; см.: Дневники. С. 178) по первую декаду мая 1826 г., когда он отправился во второе заграничное путешествие (11 мая 1826 г.; Дневники. С. 178).

Хотя стихотворение адресовано Е. А. Воейковой, но множественное число личного местоимения «вы» свидетельствует о том, что оно обращено к обеим дочерям Воейковых — Кате и Саше (А. А. Воейкова родилась в 1817 г., умерла в 1893 г.), которым в указанный промежуток времени было от 7 до 11 и от 5 до 9 лет; так что они вполне могли читать сказки Шарля Перро (1628—1723), упомянутого в ст. 2 экспромта: «Перед вами ваш Перо».

О. Лебедева

«По милости своей...»

(С. 379)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 30, л. 36 об.) — беловой, с исправлением одного слова.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 92.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 1826—1828 гг.

Основанием для датировки является положение этого стихотворного экспромта в рукописи: между «Хором девиц Екатерининского института ⟨...⟩ 1826 года февраля 20 дня» и автографом стихотворения «У гроба Государыни Императрицы Марии Федоровны» (октябрь 1828 г.). Других хронологических ориентиров для датировки стихотворения не обнаружено.

Адресат стихотворения — граф Матвей Юрьевич Виельгорский (1794—1866), камергер, виолончелист. «Знавшие его артисты и придворные, сенаторы и живописцы с редким единодушием вспоминали о возвышенной душе, просвещенном уме, добросердечии графа» (Щербакова Т. Михаил и Матвей Виельгорские. М., 1990. С. 69). Жуковский был частым посетителем музыкально-литературного салона брата Матвея Виельгорского — Михаила Юрьевича, в доме которого на Итальян-

янской площади он жил. По точному замечанию, «общение с Жуковским было душевной потребностью» Матвея Юрьевича Виельгорского (Там же. С. 73).

По форме стихотворение представляет собой благодарственную шутливую записку о полученном для лотереи благотворительном призе. Первоначально вместо «глины горской» было «глины курской», по местонахождению родового имения Виельгорских.

Датировка ориентировочная, но вероятнее всего, стихотворение написано в конце 1827 г., когда Жуковский возвратился из заграничного путешествия (Дневники. С. 205).

Н. Вётшева

«Тому блаженства будет на год...»

(С. 380)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 30, л. 36 об.)—беловой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 92.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 1826—1828 г.

И по своему характеру, и местоположению автографа—это характерный экспромт для лотереи (об этом см. примеч. к «Стихам, написанным для лотереи в пользу бедных».

Н. Вётшева

⟨Альбом⟩

(«Тот истинный мудрец, кто выдумал альбом!..»)

(С. 380)

Автограф (ПД. Р. I, оп. 9, № 45)—на отдельном листке, без заглавия и даты.

Копия (РГБ, ф. 99 (Елагины), оп. 2, карт. 25, № 22, л. 12 об.—13)—рукою А. А. Воейковой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Соловьев. Т. 1. С. 10—11—с пояснением: «В бумагах „Светланы" [А. А. Воейковой] мы нашли черновое неотделанное стихотворение, написанное его рукою, дающее любопытную характеристику модных тогда, дружеских альбомов».

Печатается по тексту первой публикации, с уточнением по автографу.

Датируется: предположительно серединой 1820-х гг.

О датировке стихотворения можно говорить достаточно условно. Во всяком случае, оно было создано до смерти А. А. Воейковой в феврале 1829 г. По всей вероятности, стихи написаны по просьбе А. А. Воейковой для альбома ее подруги Прасковьи (Полины) Васильевны Толстой (урожд. Барыковой; 1796—1879), о чем свидетельствует их копия. Эта копия сделана в «Альбоме Полины», и ей предше-

ствует французский текст стихотворения, который послужил источником для экспромта Жуковского. Приводим его целиком:

L'invention des albums n'est pas un badinage;
Gloire à l'inventeur dont l'œil perçant et sage
A vu que dans ce siècle où l'on a tant d'amis
On les oublie parfois, ce qui est bien permis,
Vu qu'ils sont trop nombreux; mais qu'un ami résiste
Quelque temps à l'oubli lorsqu'il est sur la liste.
Moyennant un album, quand on est oisif,
On fait appel d'amis, c'est un plaisir bien vif.
Mais je l'entends d'ici, ce misanthrop austère
Qui me crie: ah! Monsieur, cependant nos grands pères,
Qui n'avoient point d'albums, ayant un moyen meilleur,
Les noms de leurs amis s'écrivoient sur le cœur.
Ils étoient plus heureux.— Oh, le plaisant reproche!
Des amis dans le cœur; pourquoi pas dans sa poche?
Mais un album se perd et les amis — et bien
C'est un inconvénient, tout doit avoir le sien.

Как нетрудно убедиться, Жуковский достаточно свободно обошелся с текстом-источником. Он сжал 16 строк французского текста до 10 стихов и сделал их экспозицией для поэтической рефлексии о характере современного альбома. Не исключено, что французские стихи были творчеством самой П. В. Толстой и Жуковский писал на заданную ею тему.

Так как дружеские отношения П. В. Толстой и А. А. Воейковой приходятся на последние годы жизни Александры Андреевны, то написание альбомного экспромта можно датировать серединой 1820-х гг.

Жуковский называл П. В. Толстую «Полиной»; вместе с ней после смерти племянницы (А. А. Протасовой-Воейковой) заботился о ее детях (см.: ПЖТ. С. 253—254; *УС*. С. 49), сохранились его письма к ней от 1831—1851 гг. (см.: РВ. 1889. № 2. С. 855—856; РС. 1889. № 3. С. 581; Записки ОР РГБ. М., 1952. Вып. 14. С. 41), что позволяет говорить о неслучайности появления этого стихотворения именно в «Альбоме Полины».

О. Лебедева, А. Янушкевич

⟨Филоктет⟩

(«Мрачен Лемнос, хромоногого бога Ифеста обитель...»)

(С. 381)

Автографы:

1) РГАЛИ, оп. 1, № 30, л. 1, 8 об.— черновой (ст. 1—17).

2) РНБ, он. 1, № 26, л. 126 — беловой, без заглавия.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 71 (ст. 1—4).

Впервые полностью: БЖ. Ч. 3. С. 536—537. Публикация О. Б. Лебедевой.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по беловому автографу.

Датируется: конец марта — начало апреля 1831 г.

Основание для датировки текста дает его черновой автограф, записанный в тетрадке из восьми сшитых листов желтой линованной бумаги без водяных знаков (идентичной той бумаге, на какой записан и беловой автограф стихотворения), в которой находится также беловой автограф баллады «Покаяние» — с датами: «29 марта — 5 апреля 1831 г.»).

Отрывок «Филоктет» представляет собою, скорее всего, незавершенный опыт эпического переложения трагедии Софокла «Филоктет», перевод которой Жуковский предпринял приблизительно в это время (см.: БЖ. Ч. 3. С. 527—532). Об обширности замысла Жуковского свидетельствуют наброски плана будущей повести, расположенные на л. 8 об. чернового автографа и крайне плохо поддающиеся расшифровке. О соотношении драматургического перевода трагедии «Филоктет» и комментируемого отрывка см. подробнее: БЖ. Ч. 3. С. 537—541.

О. Лебедева

«Прочь отсель, Меланхолия, дочь Цербера и темной...»

(С. 381)

Автограф (РНБ, он. 1, № 37, л. 26) — черновой.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: ПСС. Т. 11. С. 136 (ст. 1—6) — с неточностями в прочтении автографа.

Печатается впервые полностью.

Датируется: конец февраля — начало марта 1833 г.

Как установлено И. Ю. Виницким в его книге «Утехи меланхолии», отрывок является переводом первых 16 стихов лирической поэмы английского поэта Джона Мильтона (Milton, 1608—1674) «L'Allegro» (Ученые записки Московского культурологического лицея. М., 1997. Вып 2. № 1310. С. 131—132). Время создания перевода — конец февраля — начало марта 1833 г., что связано с четвертой годовщиной со дня смерти Александры Воейковой, умершей в Ливорно 14 (26) февраля 1829 г. (Там же. С. 135). Мысли о Саше, о ее могиле сопровождают поэта в течение всего путешествия по Швейцарии и Италии. 19 (31) октября 1832 г. он пишет надгробную надпись на могилу племянницы (ПЖТ. С. 267); 14 (26) марта 1833 г. он вновь обращается с просьбой к А. И. Тургеневу «положить доску с надписью сверху» могилы А. А. Воейковой (Там же. С. 276). 14 (26) апреля он записывает в дневнике при посещении Ливорно: «Я отправился на кладбище. Долг свой милому праху Саши заплатил только биением сердца при приближении. Остальное смущено поспешностию, помехою; я срисовал милой гроб наш» (Дневники. С. 274).

Первое обращение Жуковского к лирическому диптиху Мильтона «L'Allegro» и «Il Penseroso» относится еще к 1811 г. в «Стихах, присланных с комедиями, которые К *** хотели играть» (см. примеч. к этому стих. в т. 1 наст. изд.), где в образах «милой, веселой, как радость» Аллегро и «пленительной» Пенсерозы Жуковский воссоздал духовный облик сестер Саши и Маши Протасовых, а также свой идеал гармонии земной и небесной жизни.

Замысел задуманного (о чем говорит запись «Allegro» и «Penseroso» на обороте верхней обложки тетради) и начатого в Швейцарии перевода связан с особым настроением поэта, включающим воспоминания о прошедшей юности, любви к Маше, смерти Саши и невозможности посетить ее могилу в Ливорно, наконец, раздумья о жизни и поэзии, о единстве радостного и грустного содержания его религиозно-поэтического мироощущения. «Перевод мильтоновского диптиха ⟨...⟩ мог стать не только реквиемом умершим, но и символическим портретом самой души поэта» (Виницкий И. Ю. Указ. соч. С. 137). Перевод отрывка из поэмы Мильтона гекзаметром во многом связан с эпическими замыслами Жуковского, с чтением «Паломничества Чайльд Гарольда» Байрона, планами поэмы «Италия» (подробнее см.: БЖ. Ч. 2. С. 448).

Тема Меланхолии — сквозная для русской сентиментальной и романтической поэзии — занимает важное место в творчестве Жуковского и связана с философским осмыслением особого типа отношения к жизни, сопряженного с настроением грусти, скорби по утратам, просветления в печали. Развитие этой темы от начала 1800-х гг. восходит прежде всего к английской традиции, в частности к Мильтону, предвосхитившему разработку этой темы Голдсмитом, Попом, Драйденом, Греем и оказавшему особое влияние на всю европейскую предромантическую литературу (см.: Топоров. С. 276).

Ст. 1. *Прочь отсель, Меланхолия, дочь Цербера...* — Цербер (Кербер), в греческой мифологии пёс, страж Аида, чудовище с тремя головами, символ мрака.

Ст. 2. *Ночи, рожденна во мраке Стигийской пещеры...* — Пещера на берегу Стикса в царстве Аида.

Ст. 6. *Там под Эбеневой тенью...* — Эбеновое дерево; *поэт.*: черный, темный.

Ст. 7. *...во мгле Киммерийской...* — Киммерийская мгла от названия легендарного народа (см. «Одиссею» Гомера), живущего на крайнем Западе у океана, куда никогда не проникают лучи солнца.

Ст. 9. *Ты в небесах Эфрозиной слывуща...* — Благоразумная богиня, воплощающая вечноюное, радостное и доброе начало.

Э. Жилякова

«Какая хитрая обманщица надежда!..»

(С. 382)

Автограф (РНБ, он. 1, № 26, л. 123) — черновой набросок.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 70 (ст. 1—6).

Печатается впервые полностью.

Датируется: предположительно конец 1836 г.

Никаких точных свидетельств о времени создания этого стихотворения нет. Его автограф находится в архивном конволюте произведений разных лет, что не позволяет датировать его по положению в рукописи.

Известно, что одна из «героинь» этого шутливого экспромта поэтесса Е. П. Ростопчина (о ней подробнее см. примеч. к стих. «⟨Из альбома, подаренного графине Ростопчиной⟩») приехала в Петербург осенью 1836 г. и именно в конце этого года была в центре внимания литературной общественности Петербурга. По воспоминаниям ее брата С. П. Сушкова, «от зимы с 1836 на 1837 г. сохранились в моей памяти неизгладимые воспоминания о происходивших нередко у Ростопчиных обедах, на которые собирались Жуковский, Пушкин, князь Вяземский, А. И. Тургенев, князь Одоевский, Плетнев, графы Виельгорские, Мятлев, Соболевский, граф В. Соллогуб и еще некоторые другие лица. ⟨...⟩ Все эти наши литературные знаменитости относились с искренним теплым сочувствием и лестными похвалами к молодой талантливой писательнице» (цит. по: Ростопчина Е. П. Талисман. Л., 1987. С. 269). По всей вероятности, в это время и было написано стихотворение Жуковского, так как впоследствии он относился к поэтессе более серьезно и уважительно, видя в ней едва ли не преемницу Пушкина. Сам стиль стихотворения напоминает «макаронический язык» Мятлева, читавшего отрывки из своих шутливых произведений, предвосхищавших «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже».

Ст. 9. ⟨...⟩ *Дьё иммортель*...— От фр.: Dieux immortels — О бессмертные боги! В автографе Жуковский рядом с русской транскрипцией дает параллельно французское выражение, которое зачеркивает.

Ст. 10—11. ... *коза, медведь, мужик Долбила, // Иван Гвоздила*... Жуковский перечисляет героев лубочных народных картинок «Коза и медведь», «Ратник Гвоздила», «Милицейский Долбила» (см.: Ровинский Д. А. Русские народные картинки: В 5 т. СПб., 1881—1893. Т. 1. № 179 б.; Т. 2. С. 452. Стб. 315—316). Заметим, кстати, что И. П. Мятлев незадолго до этого сочинил басню «Медведь и Коза», которая пользовалась большим успехом. Так, И. И. Козлов записывает в своем дневнике 1 июня 1834 г.: «Иван Мятлев ⟨...⟩ мне читал прелестные свои вещи и смешную басню „Медведь и Коза“» (СиН. 1906. Кн. 11. С. 53).

Ст. 12. *И де зепу тре ле*...— От фр.: Deux époux très laids — два очень уродливых супруга. Первоначально в автографе рядом с русской транскрипцией был дан и французский текст. Сюжет восходит также к лубочной картинке.

Ст. 17. *Herr Jesus!*..— О Боже! Боже мой! (нем).

Ст. 18. *Она картинка с Каменного моста*...— Вероятно, имеется в виду Каменный мост в Петербурге, где продавались лубочные картинки, о которых идет речь выше.

А. Янушкевич

«Есть в русском царстве граф Орлов...»

(С. 382)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 26, л. 119) — черновой набросок.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 68 (ст. 1—8).

Печатается впервые полностью.

Датируется: вторая половина 1837 г.

Стихотворение-шарада адресовано графу Алексею Федоровичу Орлову (1786—1861), участнику Отечественной войны 1812 г., с 1817 г. генерал-майору, с 1836 — члену Государственного совета, с 1844 — шефу жандармов и начальнику III отделения, генерал-адъютанту. По долгу своей службы при дворе Жуковский постоянно общался с Орловым, находился с ним в свите наследника во время путешествий по России и Европе.

По всей вероятности, стихотворение относится ко времени после путешествия с наследником по России в мае-октябре 1837 г. На об. л. 119, где набросано стихотворение, находятся чернильные эскизы видов Муратова с окрестностями. Судя по дневниковым записям, в Муратово Жуковский приезжал 19 августа (Дневники. С. 350). Предположительная датировка основывается только на этом свидетельстве, так как автограф стихотворной шарады находится в составе рукописи, включающей произведения разных лет и не имеющей хронологической последовательности.

А. Янушкевич

«Прими, России верный сын...»

(С. 383)

Автограф не обнаружен.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Гофман. С. 172—173.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: около 20 октября 1838 г.

Публикуя текст этого стихотворного экспромта по черновому автографу, М. Л. Гофман заметил: «Это стихотворение мы предположительно датируем 1838—1839 гг. Относится оно, по всей вероятности, к графу Виельгорскому» (Гофман. С. 172). К сожалению, в Онегинском собрании, хранящемся в настоящее время в ПД (ф. 244), в составе которого автограф был описан, текст стихотворения не обнаружен.

Выдвинутое предположение исследователя не лишено оснований, хотя и требует уточнений. Речь в стихотворении идет о графе Матвее Юрьевиче Виельгорском (1794—1866), известном виолончелисте и певце, шталмейстере, а с 1839 г. управляющем двором великой княгини Марии Николаевны, приятеле Жуковского. 6 октября 1838 г. по ст. стилю он приезжает в итальянский город Комо, известный своим мягким климатом и великолепными ландшафтами, где находились

в это время его брат Михаил Юрьевич и тяжелобольной племянник Иосиф, соученик наследника цесаревича Александра Николаевича. Морально поддержав их, он из-за простуды 20 октября уезжает в Рим, откуда возвращается в Россию. 14 октября в Комо приезжает Жуковский, и буквально сразу же в его дневнике появляется запись: «Видел Вьельгорских» (Дневники. С. 424). Именно к этому времени относится публикуемое послание.

В Риме Жуковский не мог провожать Матвея Виельгорского, так как из Комо его путь в свите наследника лежал в Милан, поэтому послание передает атмосферу комских впечатлений и написано на отъезд приятеля. Дневниковые записи Жуковского от 3 (15)—13 (25) октября воссоздают настроение пребывания в Комо, где в связи с прибытием наследника собрался «караван» русских. Торжественные обеды, прогулки на пароходе по озеру, рисованье на вилле, где остановились Виельгорские, беседы, встреча с Ф. И. Тютчевым (Дневники. С. 424—429) естественно вписываются в события этих дней.

Организатором всех увеселений был русский генеральный консул в Венеции Василий Иванович Фрейганг (1783—1849), который, по словам Жуковского, «угощал нас солнцем, горами и озером, как своим добром» (Там же. С. 429). Далее поэт цитирует «замечательные стихи», обращенные к консулу:

О Фрейганг, комский господин,
Цвети со всем своим ты домом;
Ты нам испёк прекрасный блин,
Но чуть твой блин не вышел Комом.

(Там же. Запись от 14 (26) октября).

По всей вероятности, это был экспромт самого Жуковского, так как его отзвуки слышны в послании к Матвею Виельгорскому. Каламбурное обыгрывание русской пословицы «первый блин комом» через название итальянского города Комо вновь возникает в этом стихотворении.

А. Янушкевич

«Всесилен Бог. Пред Ним всесильна вера...»

(С. 384)

Автограф (РНБ, оп. 1, № 40, л. 6)—беловой, с датой: «8 (20) октября 1841. Дюссельдорф».

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 107.

Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 8 (20) октября 1841 г.

В апреле 1831 г. А. С. Пушкин писал П. А. Плетневу о Жуковском: «Если все еще его несет вдохновение, то присоветуй ему читать Четь-Минею, особенно легенды о киевских чудотворцах; прелесть простоты и вымысла!» (Пушкин. Т. 14. С. 163). Жуковский совету последовал и спустя десять лет избрал сюжет из

«Пролога», сборника житий и поучений, использованный Н. С. Лесковым в повести «Гора» (1888), написанной вскоре после публикации стихотворения в «Бумагах Жуковского» (1887).

Ст. 7. Черновой вариант: *«Я, инок недостойный, Поликарп...»*

Н. Серебренников

«Помнишь ли, друг мой, Егора Петровича Щетку?..»

(С. 384)

Автограф (РНБ, он. 1, № 40, л. 6) — черновой набросок.

При жизни Жуковского не печаталось.

Впервые: Бумаги Жуковского. С. 107 (ст. 1—3); ПСС. Т. 11. С.137 (ст. 1—4).

Печатается впервые полностью.

Датируется: конец 1841 г.

Черновому наброску этого стихотворения предшествует автограф стихотворения «Всесилен Бог. Пред Ним всесильна вера», точно датированный: «8 (20) октября 1841. Дюссельдорф». Следом идет набросок стихотворения «Друг мой, жизни смысл терпенье...», относящийся к концу 1841 г. Все это позволяет предположительно датировать и этот набросок концом 1841 г.

Стихотворение повествует о петербургской жизни Жуковского осени 1818 г., когда он вместе с овдовевшим А. А. Плещеевым поселился в доме вблизи Кашина моста, расположенном на углу Крюкова канала и Екатерингофского проспекта (ныне проспект Римского-Корсакова, 43), из окон которого открывался вид на Никольский Морской Богоявленский собор («у Николы Морского»). На «субботы» Жуковского в этом доме собирался весь литературный Петербург (См.: Иезуитова Р. В. Жуковский в Петербурге. Л., 1976. С. 145—146).

По всей вероятности, набросок, рассказывающий о молодости поэта, обращен к П. А. Плетневу, который был посетителем этого дома в 1818 г. и переписка с которым была постоянной после отъезда поэта за границу.

О герое стихотворения (если это лицо реальное) сведений обнаружить не удалось.

А. Янушкевич

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Архивохранилища

ИПБ — Императорская Публичная библиотека (Петербург)

ПД — Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (С.-Петербург).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва), ф. 198 (В. А. Жуковский).

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва), ф. 104 (В. А. Жуковский).

РГИА — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург).

РНБ — Российская Национальная библиотека (С.-Петербург), ф. 286 (В. А. Жуковский).

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (Москва).

Печатные источники

АбТ — Архив братьев Тургеневых. СПб.: Изд. Отд. рус. яз. и словесности Рос. Академии наук, 1911—1921. Вып. I—VI.

Арзамас — Арзамас и арзамасские протоколы / Ввод. ст., ред. протоколов и примеч. к ним М. С. Боровковой-Майковой; Предисл. Д. Благого. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933.

Арзамас—2 — «Арзамас»: Сборник в 2 книгах. М.: Худож. лит., 1994.

Афанасьев — *Афанасьев В.* Жуковский. М.: Мол. гвардия, 1986. («Жизнь замечательных людей»).

Барсуков — *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888—1901. Кн. 1—22.

Батюшков — *Батюшков К. Н.* Сочинения: В 2 т. М., 1989.

БдЧ — Библиотека для чтения.

Белинский — *Белинский В. Г.* Поли. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953—1959.

БЖ — Библиотека В. А. Жуковского в Томске: В 3 ч. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978—1988.

БЗ — Библиографические записки.

БиП — Баллады и повести, сочинение В. А. Жуковского: В 2 ч. СПб., 1831.

Бумаги Жуковского — *Бычков И. А.* Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в Имп. Публичную библиотеку в 1884 г. // Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1884 г. Приложение. СПб., 1887.

Вацуро — *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994.

ВЕ — Вестник Европы.

Веселовский — *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904.

ВЛ — Вопросы литературы.

Вяземский — *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. 1—12. СПб., 1878—1896.

Галюн — *Галюн И. П.* К вопросу о литературных влияниях в поэзии В. А. Жуковского. Киев, 1916.

Гиллельсон — *Гиллельсон М. И.* Переписка П. А. Вяземского и В. А. Жуковского (1842—1852) // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник 1979. Л.: Наука, 1980. С. 34—75.

Гоголь — *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. Т. 1—14. М.; Л., 1937—1952.

Гофман — *Гофман М. Л.* Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже: Общий обзор, описание и извлечения из рукописного собрания. Париж, 1926 (*Hoffmann Modeste.* Le Musée Pouchkine d' Alexandre Onéguine à Paris: Notice, catalogue, extraits de quelques manuscrits. P., 1926).

Дневники — Дневники В. А. Жуковского / С примеч. И. А. Бычкова. СПб., 1903.

Дубровин — *Дубровин Н. Ф.* Василий Андреевич Жуковский и его отношения к декабристам // Русская старина. 1902. № 4. С. 45—119.

Жирмунский — *Жирмунский В. М.* Гёте в русской литературе. Л.: Наука, 1982.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

Загарин — *Загарин П.* (Поливанов Л. И.). В. А. Жуковский и его произведения. М., 1883.

Зарубежная поэзия — Зарубежная поэзия в переводах В. А. Жуковского: В 2 т. / Сост. А. А. Гугнин. М.: Радуга, 1985.

Зейдлиц — *Зейдлиц К. К.* Жизнь и поэзия В. А. Жуковского: По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883.

Зонтаг — *Зонтаг А. П.* Воспоминания о первых годах детства В. А. Жуковского // Русская мысль. 1883. № 2. С. 266—285.

ИВ — Исторический вестник.

Иезуитова — *Иезуитова Р. В.* Жуковский и его время. Л.: Наука, 1989.

Из дневника Андрея Тургенева — Из дневника Андрея Тургенева / Публ. и комм. М. Н. Виролайнен // Восток — Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1989. Вып. 4. С. 100—139.

Из неизданной переписки — Из неизданной переписки В. А. Жуковского с русскими литераторами 1810—1820-х годов / Публ. Р. В. Иезуитовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1980 год. Л.: Наука, 1984. С. 78—110.

ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.

ИРДТ — История русского драматического театра: В 7 т. М.: Искусство, 1977—1987.

Канунова — *Канунова Ф. З.* Вопросы мировоззрения и эстетики В. А. Жуковского. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990.

Кульман — *Кульман Н. К.* Рукописи В. А. Жуковского, хранящиеся в библиотеке гр. Александра Алексеевича и Алексея Александровича Бобринских // Известия 2-го Отделения Императорской АН. Т. 5. Кн. 4. СПб., 1900. С. 1076—1145.

Лебедева — *Лебедева О. Б.* Драматургические опыты В. А. Жуковского. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1992.

Левин — *Левин Ю. Д.* Английская поэзия и литература русского сентиментализма // От классицизма к романтизму: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1970. С. 195—297.

ЛН — Литературное наследство. М., 1931—1989. Т. 1—97.

ЛЭ — Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1981.

Матяш — *Матяш С. А.* Неизданное «Общее оглавление» последнего прижизненного собрания сочинений В. А. Жуковского: К вопросу о жанровой системе поэта // Русская литература. 1974. № 2. С. 150—154.

МВ — Московский вестник.

МТ — Московский телеграф.

НЛО — Новое литературное обозрение.

ОА — Остафьевский архив князей Вяземских. СПб.: Изд. гр. С. Д. Шереметьева, 1899—1913. Т. I—IV / Под ред. и с примеч. В. И. Саитова; 1909—1913. Т. V. Вып. 1, 2 / Под ред. и с примеч. П. Н. Шеффера.

ОЗ — Отечественные записки.

Описание — Библиотека В. А. Жуковского: Описание / Сост. В. В. Лобанов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981.

Памяти Жуковского — Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. СПб., 1907—1909. Вып. 1—3.

Переводы в прозе — Переводы в прозе Василия Жуковского. М., 1816—1817. Ч. 1—5.

Переписка — Сочинения и переписка П. А. Плетнева. Т. 1—3. СПб., 1885.

Петухов — *Петухов Е. В.* В. А. Жуковский в Дерпте // Сборник в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского, изданный Юрьевским университетом. Юрьев, 1902. С. 45—101.

ПЖТ — Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895.

ПЗ — Полярная звезда, карманная книжка для любительниц и любителей русской словесности [на 1823, 1824, 1825 гг.], изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. СПб., 1823—1825.

Письма Андрея Тургенева — *Вацуро В. Э., Виролайнен М. Н.* Письма Андрея Тургенева к Жуковскому // Жуковский и русская культура. Л.: Наука, 1987.

Письма-дневники — Письма-дневники В. А. Жуковского 1814 и 1815 годов (числом пять), приготовленные к печати П. К. Симони // Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. Вып. I. СПб., 1907. С. 145—213.

ПМиЖ — Проблемы метода и жанра. Томск: Изд-во ТГУ, 1979—1997. Вып. 6—19.

ПСС — Поли. собр. соч. В. А. Жуковского: В 12 т. / Под ред., с биогр. очерком и примеч. А. С. Архангельского. СПб., 1902.

Пушкин — *Пушкин А. С.* Поли. собр. соч. Т. 1—16. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1937—1949.

РА — Русский архив.

РБ — Русский библиофил.

РВ — Русский вестник.

Резанов — *Резанов В. И.* Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. СПб./Пг., 1906—1916. Вып. 1—2.

Реморова — *Реморова Н. Б.* Жуковский и немецкие просветители. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1989.

РЛ — Русская литература.

РМ — Российский музеум.

РС — Русская старина.

Русские писатели — Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. Т. 1. А—Г (М., 1989). Т. 2. Г—К (М., 1992). Т. 3. К—М (М., 1994). Т. 4. М—П (М., 1999).

С 1 — Стихотворения Василия Жуковского: В 2 ч. [1-е изд.]. СПб., 1815—1816.

С 2 — Стихотворения Василия Жуковского: В 3 ч. 2-е изд. СПб., 1818. Ч. 4: Опыты в прозе. М., 1818.

С 3 — Стихотворения Василия Жуковского: В 3 т. 3-е изд., испр. и умнож. СПб., 1824.

С 4 — Стихотворения Василия Жуковского: В 9 т. 4-е изд., испр. и умнож. СПб.: Изд-во А. Ф. Смирдина, 1835—1844.

С 5 — Стихотворения Василия Жуковского: В 13 т. 5-е изд., испр. и умнож. Т. I—IX. СПб., 1849. Т. X—XIII. СПб., 1857.

С 6 — Сочинения В. Жуковского / Под ред. К. С. Сербиновича. 6-е изд. СПб., 1869. Ч. 1—6.

С 7 — Сочинения В. А. Жуковского: В 6 т. / Под ред. П. А. Ефремова. 7-е изд., испр. и доп. СПб., 1878.

С 8 — Сочинения В. А. Жуковского: В 6 т. / Под ред. П. А. Ефремова. 8-е изд., испр. и доп. СПб., 1885.

С 10 — Сочинения в стихах и прозе В. А. Жуковского: В 1 т. / Под ред. П. А. Ефремова. 10-е изд., испр. и доп. СПб., 1901.

Семенко — *Семенко И. М.* Жизнь и поэзия Жуковского. М.: Худож. лит., 1975.

Семинарий — *Янушкевич А. С.* В. А. Жуковский: Семинарий. М.: Просвещение, 1988.

СиН — Старина и новизна.

Смирнова-Россет — *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания / Изд. подгот. С. В. Житомирская. М.: Наука, 1989. («Лит. памятники»).

СО — Сын Отечества.

Совр. — Современник.

Соловьев — *Соловьев Н. В.* История одной жизни: А. А. Воейкова — «Светлана». Пг., 1916. Т. 1—2.

СРС — Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов, изданное Василием Жуковским. М., 1810—1815. Ч. I—VI (1810. Ч. I—II; 1811. Ч. III—V; 1815. Ч. VI).

СС 1 — *Жуковский В. А.* Собр. соч.: В 4 т. / Вст. ст. И. М. Семенко. М.; Л., ГИХЛ, 1959—1960.

СС 2 — *Жуковский В. А.* Собр. соч.: В 3 т. / Сост., вст. ст. и комм. И. М. Семенко. М., 1980.

Стихотворения — *Жуковский В. А.* Стихотворения: В 2 т. / Вст. ст., ред. и примеч. Ц. Вольне. Л.: Сов. писатель, 1939—1940. (Библиотека поэта. Большая серия).

СЦ — Северные цветы.

ТОДЛ — Труды отдела древнерусской литературы.

Топоров — *Топоров В. Н.* «Сельское кладбище» Жуковского: К истокам русской поэзии // Russian Literature (North-Holland Publishing Company). 1981. Vol. X. P. 242—282.

Тургенев — *Тургенев А. И.* Хроника русского: Дневники (1825—1826 гг.) / Изд. подгот. М. И. Гиллельсон. М.; Л., 1964.

УЗ — Утренняя заря.

УС — Уткинский сборник: Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1904.

Ц. р. — Цензурное разрешение.

Черейский — *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л.: Наука, 1988.

Шильдер — *Шильдер Н. К.* Император Николай I, его жизнь и царствование. Т. 1—2. СПб., 1903.

Эстетика и критика — *Жуковский В. А.* Эстетика и критика / Вст. ст. Ф. З. Кануновой и А. С. Янушкевича; Подгот. текста, сост. и примеч. Ф. З. Кануновой, О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича. М.: Искусство, 1985.

Эткинд — *Эткинд Е.* Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л.: Наука, 1973.

Янушкевич — *Янушкевич А. С.* Этапы и проблемы творческой эволюции В. А. Жуковского. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1985.

Eichstädt — *Eichstädt H.* Žukovskij als Uebersetzer. München, 1970. (Forum slavicum. Bd. 29).

FWДН — Für Wenige. Для немногих.

Gerhardt — *Gerhardt D.* Aus deutschen Erinnerungen an Žukovskij, mit einigen Exkursen // Orbis scriptus: Festschrift für Dmitrij Tschižewskij zum 70. Geburtstag. München, 1966. S. 245—313.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ
(т. 1 и 2)

⟨Авдотье Петровне Киреевской⟩ («Авдотья, напишите...») *1* 288 638
«Авдотья, напишите...» (⟨Авдотье Петровне Киреевской⟩) *1* 288 638
«Аглая грация, в России потаскушка...» *2* 370 764
⟨Александре Андреевне Протасовой,
описание поездки Жуковского к своему другу А. А. Плещееву⟩
⟨Первое апреля 1814 г. [1]⟩ («По кочкам, колеям...») *1* 319 669
Алкид ⟨Басни из Лессинга⟩ («В небо вступивши,
Алкид поклонился гордой Юноне...») *2* 101 513
⟨Альбом⟩ («Тот истинный мудрец, кто выдумал альбом!..») *2* 380 776
Амина и Эндимион [Басни]
(«Амина, приуныв, сидела над рекою...») *1* 103 488
«Амина, приуныв, сидела над рекою...»
(Амина и Эндимион [Басни]) *1* 103 488
Амур и Мудрость («Богиня мудрости на землю ниспустилась...») . *1* 353 709
«Ангел был он красотою!..» (Плач Людмилы) *1* 137 533
Ангел и Певец («„Кто ты, ангел светлоокой"...») *2* 232 622
⟨Антипатия⟩ («Однажды пьяница смертельно занемог...») *1* 68 454
Ареопагу («О мой Ареопаг священной...») *1* 396 740
Арзамасские протоколы *2* 472
«Ах! Весь я в хлопотах!..» (⟨П. А. Вяземскому⟩) *2* 9 424
«Ах! если б мой милый был роза-цветок...» (Мечта) *2* 64 482

«Барма, нашед Фому чуть жива, на отходе...» [Эпиграммы] *1* 111 505
Басни *1* 476
⟨Басни из Лессинга⟩ *2* 512
Басня («Однажды в гору, в круть, измученные жаром...») *2* 352 749
⟨К. Н. Батюшкову⟩ («С холодных невских берегов...») *2* 362 756
«Бегите в Кремль! На холме том...» (Певец в Кремле) *2* 37 458
«Безмолвное море, лазурное море...» (Море. Элегия) *2* 226 608
«Белорумяна всходит заря...» (Майское утро) *1* 19 421
Бесподобная записка к трем сестрицам в Москву
(«Скажите, милые сестрицы...») *1* 333 688

Бесполезная скромность
(«Демид, под одою своей, боясь Зоила...») 1 353 709
Библия («Кто сердца не питал, кто не был восхищен...») 1 331 683
«Благодарю вас всей душою!..» (Письмо к А. Г. Хомутовой) 2 203 584
«Благодарю, мой друг, тебя за доставленье...» (К кн. Вяземскому) 2 17 436
«Благослови Господь...» (Путешественник и поселянка) 2 181 576
«Блажен, кто близ тебя одним тобой пылает...» (Сафина ода) . . . 1 74 461
«Блажен, кто, богами еще до рожденья любимый...» (Счастие) . . . 1 141 539
«Блажен, о Филон, кто Харитам-богиням жертвы приносит...»
(К Филону) 1 249 609
«Блеском утра озаренный...» (Видение) 2 258 639
Близость весны («На небе тишина...») 2 192 580
«Бог в мир ее послал...» (Добрая мать) 1 175 564
«Богиня мудрости на землю ниспустилась...» (Амур и Мудрость) . 1 353 709
«Боже, Царя храни!..» (Молитва Русского народа) 1 287 637
«Боже, Царя храни!..» (Молитва Русского народа) 2 99 511
«Боже, *Царя* храни!..» (Народные песни. I, III) 2 294 686
«Боже, Царя храни!..» (Песня русских солдат) 2 297 689
«Боже, Царя храни!..» (Русская народная песня
(«Вместо Английской God save the King»)) 2 292 681
«Больной, покинутый поэт...»
(Ея превосходительству, Варваре Павловне Ушаковой,
их сиятельствам, графине Самойловой, графине Шуваловой,
княжне Козловской и княжне Волконской
от некоторого жалкого стихотворца прошение) 2 136 543
«Бомбастофил, творец трагических уродов...» (Брутова смерть) . . 1 67 452
Бородинская годовщина («Русский Царь созвал дружины...») . . 2 317 719
«Братья-друзья арзамасцы! Вы протокола послушать...»
(Речь в заседании «Арзамаса») 2 72 491
«Бреди — пока есть ноги!..»
(Ответы на вопросы в игру, называемую *секретарь*) 1 314 661
Брутова смерть («Бомбастофил, творец трагических уродов...») . . 1 67 452
«Будь *не солнечен* наш глаз...» (Мысли (Из Гёте)) 2 264 645
«Будь, милая, с тобой любовь Небес святая...»
(⟨В альбом Е. Н. Карамзиной⟩) 2 105 517
«Будьте, о духи лесов, будьте, о нимфы потока...» (⟨Обеты⟩) . . . 2 87 503
Бык и роза [Ответы на вопросы в игру, называемую *секретарь*. II]
(«Задача трудная для бедного поэта...») 2 136 542
«Был Арзамас в день Изока и в день, я не знаю, который...»
(Протокол несостоявшегося заседания. Июнь 1817 г.
[Арзамасские протоколы. II]) 2 61 477
«Был зайчик косолап, зверь добрый, но чудак!..» 2 354 751
«Был у меня товарищ...» 2 249 631

«Был-жил в свете Букильон...»
(Похождения или поход первого апреля
(La bonne aventure) ⟨Первое апреля 1814 г. [3]⟩). *1* 322 671
«Быстро на жарком Коне летел Малютка отважный...»
(Конь и Бык ⟨Басни из Лессинга⟩) *2* 100 513

В альбом («Когда неопытной рукою...») *1* 136 533
В альбом Е. А. Алябьевой, рожденной Римской-Корсаковой
(«Кто вас случайно в жизни встретит...») *2* 225 607
В альбом баронессе Е. И. Черкасовой
(«Где искренность встречать выходит на крыльцо...»). *1* 338 696
В альбом барону П. И. Черкасову («Мой опытный старик Теон...») *1* 387 732
В альбом А. А. В.⟨оейковой⟩
(«Ты свет увидела во дни моей весны...») *2* 227 610
⟨В альбом 8-летней Н. Д. Апухтиной⟩
(«Тебе вменяют в преступленье...») *1* 163 555
⟨В альбом Императрице Марии Федоровне. 2-ое сентября 1815⟩
(«Что пышные сады Царей...»). *2* 364 759
В альбом к Нине («Кто нашу жизнь своим добром считает...») . . *1* 356 714
⟨В альбом Е. Н. Карамзиной⟩
(«Будь, милая, с тобой любовь Небес святая...»). *2* 105 517
В альбом кн. Е. И. Голенищевой-Кутузовой
(«Я счастлив был неизъяснимо!..») *2* 12 431
В альбом княжны М. А. Щербатовой
(«О *грустном* написать я должен в твой альбом...») *2* 54 467
«В бурную ночь разъяренный Северный ветер обрушил...»
(Дуб ⟨Басни из Лессинга⟩) *2* 101 514
«В бурю, в легком челноке...»
(Младенец (В альбом графини О. П.)) *1* 363 718
«В двенадцать часов по ночам...» (Ночной смотр) *2* 300 691
«В день *счастья* вспомнить о тебе...»
(К Тургеневу, в ответ на стихи, присланные им вместо письма) *1* 318 666
«В долину к пастырям смиренным...» *2* 269 653
«В доме важного Рейна был Арзамас не на шутку...»
(Протокол заседания. Начало июля 1817 г.
[Арзамасские протоколы. III]) *2* 62 478
В комитет, учрежденный по случаю похорон Павловской векши,
или белки, от депутата Жуковского
(«Прошу меня не осуждать...»). *2* 130 539
«В корыстолюбии себя ты упрекаешь...» (Фурману от Жуковского) *2* 12 429
«В лесу скончалась львица...» (Похороны львицы [Басни]) *1* 105 489
«В лоне твоем глубоком и темном покоится тайно...»
(Могила [Эолова арфа. I]) *2* 308 712

«В могиле сей покоится Мими...» (Эпитафия Мими) 2 155 562
«В небо вступивши, Алкид поклонился гордой Юноне...»
(Алкид ⟨Басни из Лессинга⟩) 2 101 513
«В прохладну ночь Миртил на холме отдыхал...»
(⟨Миртил и Палемон⟩) 2 354 750
«В разлуке я искал смягченья тяжких бед...»
(⟨Отрывок перевода элегии⟩) 1 71 457
«В робком сердце ожиданье...» (Призвание) 2 187 577
В Сардамском домике («Над бедной хижиною сей...») 2 312 714
«В свой край возвратяся из дальней земли...» (Три путника) . . . 2 54 469
«В сем гробе верный чижик мой!..» (На смерть чижика) 2 156 563
«В сих мрачных келиях обители святой...»
(Послание Элоизы к Абеляру) 1 69 455
«В степь за мной последуй, царь!..» (Песнь бедуинки) 2 278 661
«В тени дерев, над чистыми водами...» (Певец) 1 159 551
«В тени дерев, при звуке струн, в сиянье...» (Привидение) 2 236 624
«В трактире тульском тишина...»
(Любовная карусель, или Пятилетние меланхолические
стручья сердечного любления). 1 364 719
«В ту минуту, когда ты в белой брачной одежде...» 2 76 496
«В царицах скромная, любовь страны своей...»
(К портрету Императрицы Елизаветы Алексеевны. II) 2 149 555
«В час веселый всяк пророк!..» (К А. И. П.⟨лещеевой⟩) 1 221 592
«В час добрый! Для тебя, мой милый Ваня, жить...» (К Ваничке) . 2 363 757
«Вам скучно? Разложите...» (⟨Начало поэмы: Вельмира⟩) 2 362 756
«Вам чудно, отчего во всю я жизнь мою...» (Моя тайна). 1 67 452
«Варвара Павловна, Графиня и княжна!..» 2 373 767
«Варвара Павловна! графиня! помогите...»
(К Варваре Павловне Ушаковой
и гр. Прасковье Александровне Хилковой. В Гатчине. II) . . . 2 89 506
«Варвара Павловна, Элиза и Лизета...» 2 140 546
Василию Алексеевичу Перовскому («Товарищ! Вот тебе рука!..») . 2 144 551
«Ведая прошлое, видя грядущее, скальд вдохновенный...» 2 307 711
«Веки идут, и веки уходят, а пенье Гомера...» (Homer) 2 265 648
«Венок ваш, скромною харитою сплетенный...» (Предсказание) . 2 305 706
Верность до гроба («Младый Рогер свой острый меч берет...») . . 2 33 451
«Веселого пути...» (К Б⟨лудов⟩у. Послание) 1 149 544
Весеннее чувство («Легкий, легкий ветерок...») 2 30 448
Вечер. Элегия («Ручей, виющийся по светлому песку...») 1 75 465
«Вечерний колокол печально раздается...» (Элегия) 1 45 432
«Взошла заря. Дыханием приятным...» 2 180 574
Видение («Блеском утра озаренный...») 2 258 639
«Вихрем бедствия гонимый...» (Пловец). 1 221 592

«Во дни твоей весны...» (К младенцу [Эолова арфа. III]) 2 309 712
«Воейков, дай же знать...» (⟨К Воейкову⟩) 1 353 710
«Воейков, этот день для сердца незабвенный!..» (⟨Прощание⟩) . . 1 400 743
«Воейков-брат!..» (К нему же ⟨Стихи из альбомов. [4]⟩) 1 302 650
⟨А. А. Воейковой⟩ («Не имею я кирхгофа...») 1 393 737
⟨А. А. Воейковой⟩ («Сашка, Сашка!..») 1 356 714
Вождю победителей. *Писано после сражения под Красным.*
Послание. («О вождь Славян, дерзнут ли робки струны...») . . 1 245 607
«Володьковский Барон!..» (⟨К И. П. Черкасову⟩) 1 329 676
Воспоминание («О милых спутниках, которые наш свет...») . . . 2 225 605
Воспоминание («Прошли, прошли вы, дни очарованья...») 2 28 444
«Воспоминание и я — одно и то же...» (⟨К своему портрету⟩) . . . 2 304 703
«Вот вам, прелестные сестрицы...»
(Стихи, присланные с комедиями,
которые К*** хотели играть) 1 176 565
«Вот вам, слуга Фемиды верной...» (К Столыпину) 2 152 559
«Вот вам совет, мои друзья!..» (Песня в веселый час) 1 224 594
«Вот вам стихи, и с ними мой портрет!..»
(К N. N. при посылке портрета) 1 244 606
«Вот прямо одолжили...»
⟨Послания к кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину. II⟩ 1 342 701
«Вот Пушкин, добрый наш поэт!..» 2 366 760
«Вот ясный толк для вас...»
(Описание крючка удочки, по-русски и по-французски) 2 360 754
«Вотще, вотще, невинной красотой...»
(К А. П. К.⟨иреевской⟩ в день рождения Маши) 1 279 630
«Все глядят и все дивятся...» (Персидская песня) 2 188 578
«Всё так и навсегда! Что лучше старины!..»
(Ответы на вопросы в игру, называемую *секретарь*) 1 315 662
Всевысочайшему существу. Подражание Гердеру,
написавшему сии стихи в последний день своей жизни
(«Господь мой, Бог — Бог сил несчетных...») 2 373 768
«Всем владеет обаянье!..» (Мечта) 2 279 662
«Всесилен Бог. Пред Ним всесильна вера...». 2 384 782
«Вспомни, вспомни, друг мой милой...» (Первое июня 1813) . . . 1 268 623
«Встает Христов знаменоносец...» (1-ое июля 1842) 2 327 729
«Вступая в круг счастливцев молодых...» (Старцу Эверсу) 2 13 433
«Вчера был день прекрасной доле...» (Поездка на маневры) . . . 2 242 628
«Вчера я вас не убедил...» (Графине С. А. Самойловой. II) 2 177 574
«Вчера я долго веселился...» (Мотылек) 1 335 692
«Вы, обуянные Вакхом, певцы Афродитиных оргий...»
(Лавр ⟨Из альбома, подаренного графине Ростопчиной. II⟩) . . 2 302 698
«Вы промчались, дни прекрасны...» (Первая утрата) 2 75 494

⟨П. А. Вяземскому⟩ («Ах! Весь я в хлопотах!..»)	*2*	9	424
⟨П. А. Вяземскому⟩ («Друг мой любезный, князь тупоносый...»)	*2*	10	425
⟨П. А. Вяземскому («Мой милый друг...»)	*1*	166	559
«Где всемогущие владыки...» (Завоевателям [Эпитафии. VI])	*1*	337	693
«Где искренность встречать выходит на крыльцо...» (В альбом баронессе Е. И. Черкасовой)	*1*	338	696
«Где ты, далекий друг? Когда прервем разлуку?..» (К Филалету)	*1*	138	536
«Где фиалка, мой цветок?..» (Песня)	*2*	27	441
«Гельвеция, приветствую тебя...»	*2*	376	771
Герой («На лоне облаков румяных...»)	*1*	41	431
«Герой Володьковский да знает...» (⟨Записка к И. П. Черкасову⟩)	*2*	352	748
Гимн («О Боге нам гласит времен круговращенье...»)	*1*	122	521
Главк Диомеду («Друг, для чего о породе моей меня вопрошаешь?..»)	*2*	266	650
Голос младенца из гроба ⟨Из альбома, подаренного графине Ростопчиной. IV⟩ («Матерь Луцина и матерь Земля одне благосклонны...»)	*2*	302	699
Голос с того света («Не узнавай, куда я путь склонила...»)	*2*	56	471
«Голубка двор об двор с сорокою жила...» (Голубка и сорока [Басни])	*1*	92	481
Голубка и сорока [Басни] («Голубка двор об двор с сорокою жила...»)	*1*	92	481
«Голубку сокол драл в когтях...» (Сокол и голубка [Басни])	*1*	89	479
Горная дорога («Над страшною бездной дорога бежит...»)	*2*	87	504
«Горько плача и рыдая...» (Stabat mater)	*2*	305	706
«Господь мой, Бог — Бог сил несчетных...» (Всевысочайшему существу. Подражание Гердеру, написавшему сии стихи в последний день своей жизни)	*2*	373	768
Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. кн. Александра Николаевича. Послание («Изображу ль души смятенной чувство?..»)	*2*	93	507
Государыне Императрице Александре Федоровне («Ты памятник себе святой соорудила...»)	*2*	254	637
Государыне Императрице Марии Федоровне («Мой слабый дар Царица ободряет...»)	*1*	257	615
Государыне Императрице Марии Федоровне («От вашего величества давно...»)	*2*	156	564
⟨Гр. А. Е. Комаровской⟩ («Давно уж нет мне вдохновенья!..»)	*2*	246	628
Гр. С. А. Самойловой («Уж думал я, что я забыт...»)	*2*	137	544
Грамотею [Эпитафии. IV] («Здесь Буквин-грамотей. Но что ж об нем сказать...»)	*1*	336	693
Графине С. А. Самойловой. II («Вчера я вас не убедил...»)	*2*	177	574

Графине С. А. Самойловой («Графиня, признаюсь, большой беды в том нет...»)	*2*	124	534
Графине С. А. Самойловой. I («Напрасно я мечтою льстился...»)	*2*	175	572
«Графиня, будьте вы спокойны!..»	*2*	153	560
«Графиня, можно ль так неблагодарной быть!..» (К Варваре Павловне Ушаковой и гр. Прасковье Александровне Хилковой. В Гатчине. III)	*2*	91	507
«Графиня, не забудьте слова...» (К графине Шуваловой. После ее дебюта в роли мертвеца)	*2*	141	548
«Графиня, признаюсь, большой беды в том нет...» (Графине С. А. Самойловой)	*2*	124	534
«Гремушку можем мы с надеждою сравнить...» (Ответы на вопросы в игру, называемую *секретарь*)	*1*	316	662
«Гряди, наш *Царь*, Твоя дружина...» (Песнь Русскому *Царю* от его воинов)	*2*	25	441
«Грянем песню круговую...»	*2*	297	689
«Губительного я...» (Ответы на вопросы в игру, называемую *секретарь*)	*1*	314	662
«Давно уж знает свет...» (Послание к Тутолмину)	*2*	378	774
«Давно уж нет мне вдохновенья!..» (⟨Гр. А. Е. Комаровской⟩)	*2*	246	628
«Давно унизился поэзии кредит...» (Стихи, сочиненные для альбома М .В. П.)	*1*	120	520
Д. В. Давыдову, при посылке издания «Для немногих» («Мой друг, усастый воин...»)	*2*	299	690
«Дамон покинул свет...» (Хромому [Эпитафии. II])	*1*	336	693
Дар волшебниц ⟨Басни из Лессинга⟩ («Две благородные феи однажды пришли к колыбели...»)	*2*	102	514
«Дарю небесного патрона моего...» (К А*** при подарке Аполлона)	*1*	135	532
«Два кума лысые дорогой шли...» (Ссора плешивых [Басни])	*1*	91	480
⟨29 января 1814 года⟩ («Когда б родиться в свет и жить...»)	*1*	305	653
«Две благородные феи однажды пришли к колыбели...» (Дар волшебниц ⟨Басни из Лессинга⟩)	*2*	102	514
Две загадки	*2*	270	655
9 марта 1823 («Ты предо мною...»)	*2*	231	618
«Демид, под одою своей, боясь Зоила...» (Бесполезная скромность)	*1*	353	709
«День уж к вечеру склонялся...» (Умирающий лебедь)	*2*	260	641
Деревенский сторож в полночь (*«Полночь било; в добрый час!..»*)	*2*	77	497
«Дети, овсяный кисель на столе; читайте молитву...» (Овсяный кисель)	*2*	34	452
Детский остров («Как весело, весело!..»)	*2*	275	660

«Дидона! как тобой рука судьбы играла!..» [Эпиграммы] *1* 111 504
«Для Клима всё как дважды два!..» [Эпиграммы] *1* 108 497
«Для нас рука судьбы в сей мир ее ввела...»
(К портрету великой княгини Александры Федоровны) *2* 63 479
«Дней моих еще весною...» (Путешественник. Песня) *1* 147 542
Добрая мать («Бог в мир ее послал...») *1* 175 564
«Добро пожаловать, певец...» (К Воейкову. Послание) *1* 306 654
Добродетель («От Света светов луч излился...») *1* 27 424
Добродетель («Под звездным кровом тихой нощи...») *1* 25 423
Добрый совет. В альбом В. А. А.⟨збукину⟩
(«*Любовь*, *Надежда* и *Терпенье*...») *1* 330 682
Долбинские стихотворения *1* 678
«Дорогой шла девица...» (Счастие во сне) *2* 52 465
«Дразни меня, друг милый Саша!..»
(К Саше ⟨Стихи из альбомов. [1]⟩) *1* 301 649
Древние и новые греки
(«Счастливый путь на берега Фокиды!..») *1* 384 729
«Друг! в тот миг, как из безвестной...»
(Нина к своему супругу в день его рождения) *1* 203 579
«Друг, для чего о породе моей меня вопрошаешь?..»
(Главк Диомеду) *2* 266 650
«Друг милый мой...» (⟨К А. А. Плещееву⟩) *1* 264 621
«Друг милый, оставь прихотливой судьбе...» (⟨ А. А. Плещееву⟩) . *2* 104 516
«Друг мой, жизни смысл терпенье...» *2* 326 728
«Друг мой любезный, князь тупоносый...» (⟨П. А. Вяземскому⟩) . . *2* 10 425
«Друг, отчего печален голос твой?..»
(Тургеневу, в ответ на его письмо. Послание) *1* 281 632
«Друг, сопутник и хранитель!..»
(Нина к супругу в день его рождения) *1* 269 624
«Друг человечества и твердый друг закона...»
(Князю Дмитрию Владимировичу Голицыну) *2* 292 680
Дружба («Скатившись с горной высоты...») *1* 67 451
«Дружись с *Уединеньем!..*» (Уединение. Отрывок) *1* 262 619
«Друзья, без горести на гроб взирайте мой!..» *2* 247 629
«Друзья! пройдет два дни...» (⟨Протасовым⟩) *1* 253 612
«Друзья! „*прости*“ — словцо святое...» *1* 223 594
«Друзья, стакан к стакану!..»
(Ю. А. Нелединскому-Мелецкому) *2* 15 435
«Друзья, тот стихотворец — горе...»
(К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину. Послание
⟨Послания к кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину. III⟩) *1* 346 703
«Друзья, я восемьсот...»
(⟨Стихи, читанные в Муратове на Новый 1814 год⟩) *1* 293 641

Дуб ⟨Басни из Лессинга⟩
(«В бурную ночь разъяренный Северный ветер обрушил...») . 2 101 514
«Дубрава шумит...» (Тоска по милом. Песня) 1 115 514

Его Превосходительству, Господину Тайному Советнику
Императорского Московского университета куратору
и кавалеру МИХАИЛУ МАТВЕЕВИЧУ ХЕРАСКОВУ...
(«Еще, Херасков, друг Минервы...») 1 30 425
«Едва лишь что сказать удастся мне счастливо...»
(Новый стихотворец и древность [Эпиграммы]) 1 111 503
«Едва на миг один судьба нас породнила...» (К ***) 2 147 553
«Едва она узрела свет...» (Сиротка) 1 290 640
«Едва с младенчеством рассталась...»
(На смерть семнадцатилетней Эрминии) 1 149 543
«Единый, быстрый миг вся жизнь ее была...»
(⟨На смерть Е. М. Соковниной⟩) 1 134 529
Екатерине Федоровне Вадковской («О той, которой боле нет...») . 2 104 516
Елена Ивановна Протасова, или Дружба, нетерпение и капуста.
Греческая баллада («Открывай скорей окошки!..») 1 169 560
⟨Елизавете Рейтерн⟩ («О, молю тебя, Создатель...») 2 325 726
Ермолову («Жизнь чудная его в потомство перейдет...») 2 304 705
«Есть в русском царстве граф Орлов...» 2 382 781
«Есть ли же толк?..» (Плещееву) 1 276 628
«Есть старинное преданье...» (Рай) 1 266 622
«Естьли б ты не предо мною...» (⟨М. А. Протасовой⟩) 1 512
«Еще великий прах... Неизбежимый рок!..»
(На смерть фельдмаршала графа Каменского) 1 134 530
«Еще, Херасков, друг Минервы...»
(Его Превосходительству, Господину Тайному Советнику,
Императорского Московского университета куратору
и кавалеру МИХАИЛУ МАТВЕЕВИЧУ ХЕРАСКОВУ...) . . . 1 30 425
Ея Императорскому высочеству, государыне великой княгине
Марии Николаевне приветствие от русских, встретивших ее
в Бадене («Посланником от наших добрых русских...») 2 336 735
Ея превосходительству, Варваре Павловне Ушаковой,
их сиятельствам, графине Самойловой, графине Шуваловой,
княжне Козловской и княжне Волконской, от некоторого
жалкого стихотворца прошение
(«Больной, покинутый поэт...») 2 136 543

Жаворонок [Стихотворения, посвященные Павлу Васильевичу
и Александре Васильевне Жуковским. III]
(«На солнце темный лес зардел...») 2 338 736

Жалоба [Эолова арфа. VI] («О, где вы, прекрасные дни?..») 2 310 712
Жалоба пастуха («На ту знакомую гору...») 2 71 490
Жалоба. Романс («Над прозрачными водами...») 1 160 552
Желание и наслаждение («Что так, дружочек, приуныло?..») . . . 1 337 694
Желание. Романс («Озарися, дол туманный...») 1 162 554
Жизнь («Отуманенным потоком...») 2 150 558
«Жизнь чудная его в потомство перейдет...» (Ермолову) 2 304 705
«Жил в лесу Соловей: он был обходителен, ласков...»
(Соловей и Павлин ⟨Басни из Лессинга⟩) 2 101 514
«Жил маленький мальчик...» (Мальчик с пальчик. *Сказка*
[Стихотворения, посвященные Павлу Васильевичу
и Александре Васильевне Жуковским. IV]) 2 339 736
«Жил муж в согласии с женой...»
(Расстройка семейственного согласия) 1 128 526
⟨В. А. Жуковский в день рождения своего нашел перстень...⟩ . . . 2 371 766
Журавль и Лисица ⟨Басни из Лессинга⟩ («„Ты, Журавль,
путешествовал много! Скажи мне, что видел?..“») 2 100 513

«За множество твоих картин...» 2 371 765
«За нежный поцелуй ты требуешь сонета...» (Сонет) 1 111 506
«За ним, пред ним нет пышных титл...»
(⟨Подпись к портрету А. П. Ермолова⟩) 2 705
«Забавляйтесь, как хотите...» 2 379 774
«Завидую портрету моему...» 2 334 732
Завистник
⟨Из альбома, подаренного графине Ростопчиной. VII⟩
(«Завистник ненавидит...») 2 303 702
«Завистник ненавидит...» (Завистник
⟨Из альбома, подаренного графине Ростопчиной. VII⟩) 2 303 702
Завоевателям [Эпитафии. VI] («Где всемогущие владыки...») . . . 1 337 693
«Задача трудная для бедного поэта...» (Бык и роза
[Ответы на вопросы в игру, называемую *секретарь*. II]) 2 136 542
«Закон — на улице натянутый канат...» (Что такое закон?) 1 338 696
Замок на берегу моря
(«„Ты видел ли замок на бреге морском?..“») 2 272 658
Записка к баронессе («И я прекрасное имею письмецо...») 1 350 707
⟨Записка к И. П. Черкасову⟩
(«Герой Володьковский да знает...») 2 352 748
Записка к Полонским («Обещанное исполнять...») 1 351 708
Записка к Свечину («Извольте, мой полковник, ведать...») 1 349 706
«Засни, дитя! спи, ангел мой!..»
(Песня матери над колыбелью сына) 1 274 627
«Заснув на холме луговом...» (Сон) 2 51 464

«Заступ, заступ, рой могилу!..» 2 351 748
«Зачем так рано изменила?..» (Мечты. Песня) 1 212 586
Звезда и комета («„Посторонись! дорогу дай!..“») 2 261 642
Звезда и корабль [Ответы на вопросы в игру, называемую *секретарь*. I] («Звезда небес плывет пучиною небесной...») . . . 2 136 542
«Звезда небес плывет пучиною небесной...» (Звезда и корабль [Ответы на вопросы в игру, называемую *секретарь*. I]) 2 136 542
«Звезды небес...» 2 269 652
«Здесь Буквин-грамотей. Но что ж об нем сказать...» (Грамотею [Эпитафии. IV]) 1 336 693
«Здесь кончил век Памфил, без толку од певец!..» (Эпитафия лирическому поэту) 1 112 506
«Здесь Лакомкин лежит — он вечно жил по моде!..» (Моту [Эпитафии. I]) 1 336 693
«Здесь Никодимову похоронили тушу!..» (Толстому эгоисту [Эпитафии. V]) 1 336 693
Здравствуй («Справься, справься, мой голубчик...») 1 292 640
«Здравствуй, мой друг, Николай Иванович Гнедич! Не сетуй...» (⟨Записка к Н. И. Гнедичу. III⟩) 2 253 636
«Здравствуй, новый гость земной!..» 2 13 432
«Зелень нивы, рощи лепет...» (Приход весны) 2 271 656
«Земным сопутникам, друзьям!..» (⟨Тост⟩) 1 297 644
«Знайте, с Олимпа...» (Явление богов) 2 53 466
«Знать, солнышко утомлено...» (Летний вечер) 2 85 502

«**И** так ты кончил жизнь, почтеннейший наш друг!..» (Надгробное слово на скоропостижную кончину именитого ПАУКА ФАДЕЯ ...) . 2 232 621
«И Феб и музы известились...» 2 375 770
«И час, и день, и жизнь мелькают быстрой тенью!..» (Надпись к солнечным часам в саду И. И. Дмитриева) 1 153 546
«И я веселой жизнью жил...» 2 664
«И я прекрасное имею письмецо...» (Записка к баронессе) 1 350 707
«Играет на широкой...» (Четыре сына Франции) 2 343 741
Идиллия («Когда она была пастушкою простой...») 1 74 462
⟨Из альбома, подаренного графине Ростопчиной⟩ 2 697
«Из недра вечности рожденный...» (Стихи на Новый 1800 год) . . 1 35 428
⟨Из письма к П. А. Вяземскому⟩ («Но быть к тебе на именины...») . 1 125 523
Из «Собирателя» 2 644
Из черновых и незавершенных рукописей 2 745
«Известно всем, что Аполлон...» (Циркулярное послание к чувствительным сердцам...) 2 143 549
«Извольте, мой полковник, ведать...» (Записка к Свечину) 1 349 706

«Изображу ль души смятенной чувство?..»
(Государыне великой княгине Александре Федоровне
на рождение в. кн. Александра Николаевича. Послание) . . . 2 93 507
Императору Александру
(«Когда летящие отвсюду шумны клики...») 1 366 721
«Имя где для тебя?..» (К ней) 2 67 483
Ирине Дмитриевне Полторацкой при посылке стихотворений
в первом издании 1815 г.
(«Певцом невинности, любви и красоты...») 2 28 443
Исповедь батистового платка («Я родился простым зерном...») . . 2 272 659
«Испытанных друзей для новых забывать...» [Эпиграммы] 1 109 500
Истина и Басня [Басни] («Однажды Истина нагая...») 1 94 482
«Итак — всему конец?..» (⟨А. А. Плещееву. [1]⟩) 1 251 612
«Итак — ее уж нет...» (К Ив. Ив. Дмитриеву) 1 260 616
«Итак, еще нам суждено...» (К кн. А. Ю. Оболенской) 2 212 589
«Итак, Твой гроб с мольбой объемлю...»
(У гроба Государыни Императрицы Марии Федоровны.
В ночь накануне Ея погребения) 2 255 638

К *** («Едва на миг один судьба нас породнила...») 2 147 553
К *** («Увы! протек свинцовый год...») 1 61 442
К А*** при подарке Аполлона
(«Дарю небесного патрона моего...») 1 135 532
К А. Н. Арбеневой («Рассудку глаз! другой воображенью!..») . . . 1 215 589
⟨К А. Н. Арбеневой⟩ («Хорошо, что ваше письмо коротко...») . . . 1 218 590
К арфе («Моя вторая мать, друг юношеских лет...») 1 302 651
К Батюшкову. Послание («Сын неги и веселья...») 1 186 572
К Б⟨лудов⟩у. Послание («Веселого пути...») 1 149 544
К Т. Е. Боку («Любезный друг, гусар и Бок!..») 2 30 448
К Т. Е. Боку («Мой друг, в тот час, когда луна...») 2 12 428
К Т. Е. Боку («Мой милый Бок!..») 2 31 450
⟨К Букильону⟩ («De Bouquillon...») 1 355 713
⟨К Ваничке⟩ («В час добрый! Для тебя, мой милый Ваня, жить...») 2 363 757
К Варваре Павловне Ушаковой
и гр. Прасковье Александровне Хилковой. В Гатчине
(«Не грех ли вам, прекрасная графиня...») 2 88 506
⟨К Воейкову⟩ («Воейков, дай же знать...») 1 353 710
К Воейкову («О Воейков! Видно, нам...») 1 389 734
К Воейкову. Послание («Добро пожаловать, певец...») 1 306 654
К Воейкову ⟨Стихи из альбомов. [3]⟩
(«Хвала, Воейков! крот, сады...») 1 301 649
⟨К А. Ф. Воейкову⟩ («О друг мой! жизнь крылатый час!..») 1 317 664
«К востоку, всё к востоку...» (Песня) 2 221 594

«К востоку я стремлюсь душою!..»
(Явление поэзии в виде Лалла Рук) 2 224 604
К Вяземскому. Ответ на его послание к друзьям
(«Ты, Вяземский, хитрец, хотя ты и Поэт!..») 1 359 716
⟨К П. А. Вяземскому⟩ («Князь Петр, жилец московский!..») 1 211 585
К генерал-майору Б. В. Полуектову, на выступление в поход
1815 г. 17 февраля
(«Наш Кульмский богатырь, ура! счастливый путь!..») 2 11 426
К Гёте («Творец великих вдохновений...») 2 252 634
К Голицыну («Я слова, князь, не позабыл...») 2 210 588
К графине Шуваловой. 20 мая 1820. В исходе 11-го часа ввечеру
(«Уже одиннадцатый час!..») 2 192 581
К графине Шуваловой. После ее дебюта в роли мертвеца
(«Графиня, не забудьте слова...») 2 141 548
К Делию («Умерен, Делий, будь в печали...») 1 142 540
К доктору Фору («Сын Эскулапа, Фебов внук...») 1 299 646
⟨К Екатерине Афанасьевне Протасовой⟩ («Скажите, Катерина!..») . 1 220 591
К Ив. Ив. Дмитриеву («Итак — ее уж нет...») 1 260 616
К Ив. Ив. Дмитриеву
(«Нет, не прошла, певец наш вечно юный...») 2 286 673
К Кавелину («Кавелин! друг, поэт, директор...») 1 354 711
К Карлу Петерсену⟩
(«Я предсказатель! Радость за горем пришла! Заменило...») . . 2 54 469
К А. П. ⟨Киреевской⟩
(«Сей памятник о нем мне дорог в день рожденья!..») 1 306 653
К А. П. К.⟨иреевской⟩ в день рождения Маши
(«Вотще, вотще, невинной красотой...») 1 279 630
К кн. Вяземскому («Благодарю, мой друг, тебя за доставленье...») 2 17 436
К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину. Послание
⟨Послания к кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину. III⟩
(«Друзья, тот стихотворец — горе...») 1 346 703
К кн. А. Ю. Оболенской («Итак, еще нам суждено...») 2 212 589
К княгине А. Ю. Оболенской («Княгиня! для чего от нас...») . . . 2 213 590
К князю Вяземскому («Нам славит древность Амфиона...») 1 357 715
⟨К Марии Андреевне Протасовой⟩ («Нет, право, мочи нет...») . . . 1 327 674
К Маше ⟨Стихи из альбомов. [2]⟩
(«Пришли Воейкова посланье...») 1 301 649
К месяцу («Снова лес и дол покрыл...») 2 63 481
К мимопролетевшему знакомому Гению
(«Скажи, кто ты, пленитель безымянной...» 2 147 554
К младенцу [Эолова арфа. II] («Во дни твоей весны...») 2 309 712
К неизвестной даме в ответ на лестную от нее похвалу
(«Хваля стихи певца, ты нас сама пленяешь...») 1 384 730

К ней («Имя где для тебя?..») 2 67 483
К нему же ⟨Стихи из альбомов. [4]⟩ («Воейков-брат!..») 1 302 650
К Нине («Простишься ли без сожаленья...») 1 516
К Нине. Послание («О Нина, о Нина, сей пламень любви...») . . . 1 130 528
К Нине. Романс («О Нина, о мой друг! ужель без сожаленья...») . 1 118 516
⟨К М. Ф. Орлову⟩ («О Рейн, о Реин, без волненья...») 2 114 523
К А. И. П.⟨лещеевой⟩ («В час веселый всяк пророк!..») 1 221 592
К Плещееву («Напрасно я, друг милый, говорил...») 1 266 622
К Плещееву («Ты, Плещеиш...») 1 210 584
⟨К А. А. Плещееву⟩ 1 611
⟨К А. А. Плещееву⟩ («Друг милый мой...») 1 264 621
⟨К А. А. Плещееву⟩
(«О Негр, чернилами расписанный Натурой...») 1 288 639
⟨К А. А. Плещееву⟩
(«Плещеев! Сколько сходств с тобою у меня!..») 1 248 609
К портрету Батюшкова
(«С ним дружен бог войны, с ним дружен Аполлон!..») 2 149 556
К портрету великой княгини Александры Федоровны
(«Для нас рука судьбы в сей мир ее ввела...») 2 63 479
К портрету Гёте («Свободу смелую приняв себе в закон...») 2 149 557
К портрету Императрицы Елизаветы Алексеевны. II.
(«В царицах скромная, любовь страны своей...») 2 149 555
К портрету Императрицы Елизаветы Алексеевны. I.
(«Кто на блистательной видал ее чреде...») 2 149 555
К поэзии («Чудесный дар богов!..») 1 61 444
К А. А. Прокоповичу-Антонскому
(«Хранитель, друг моих весенних дней...») 2 363 758
⟨К А. А. Протасовой⟩ («Лишь я глаза открыл...») 1 271 626
⟨К А. А. Протасовой⟩ («Что делаешь, Сандрок?..») 1 317 664
К русскому великану («Не тревожься, великан!..») 2 335 733
К самому себе («Ты унываешь о днях, невозвратно протекших...») 1 292 641
К Саше ⟨Стихи из альбомов. [1]⟩
(«Дразни меня, друг милый Саша!..») 1 301 649
К Саше Арбеневу («Мой друг, младенец несравненный...») 1 302 651
⟨К Н. П. Свечину⟩ («Сам Бог тебе порука...») 1 273 627
⟨К своему портрету⟩ («Воспоминание и я — одно и то же...») . . . 2 304 703
К сестрам и братьям [Эолова арфа. V] («Рано от печальной...») . . 2 309 712
К К. М. С⟨оковнин⟩ой
(«Протекших радостей уже не возвратить...») 1 59 441
К Столыпину («Вот вам, слуга Фемиды верной...») 2 152 559
К Тибуллу. На прошедший век («Он совершил свое теченье...») . 1 37 428
К Тургеневу, в ответ на стихи, присланные им вместо письма
(«В день *счастья* вспомнить о тебе...») 1 318 666

К Филалету («Где ты, далекий друг? Когда прервем разлуку?..») . *1* 138 536
К Филону («Блажен, о Филон,
кто Харитам-богиням жертвы приносит...») *1* 249 609
⟨К И. П. Черкасову⟩ («Володьковский Барон!..») *1* 329 676
⟨К 16 января 1814 года⟩ («Прелестный день, не обмани!..») *1* 301 648
К Эдвину («О юноша! лети, под зоной отдаленной...») *1* 78 467
К Эмме («Ты вдали, ты скрыто мглою...») *2* 140 547
К Эрминии («Трех граций древность признавала!..») *1* 135 532
К NN при посылке портрета
(«Вот вам стихи, и с ними мой портрет!..») *1* 244 606
«Кавелин! друг, поэт, директор...» (К Кавелину) *1* 354 711
«Как весело, весело!..» (Детский остров) *2* 275 660
«Как всё, мой нежный друг, неверно под луною!..»
(Комар [Басни]) *1* 107 490
«— Как звать тебя, чудак? Кто ты? — Я бог Амур!..» (Разговор) . . *1* 87 475
«Как радость чистая, сердца влекла она...»
(⟨Стихи, вырезанные на гробе А. Д. Полторацкой⟩) *2* 11 427
«Как сладостно твоим присутствием пленяться!..»
(Старик к молодой и прекрасной девушке. Мадригал) *1* 112 507
«Какая хитрая обманщица надежда!..» *2* 382 779
«Какую бессмертную...» (Моя богиня) *1* 143 541
«Какую ворганщицу...»
(Свисток. Посвящено Анне Петровне Юшковой) *1* 155 548
Каплун и сокол [Басни]
(«Приветы иногда злых умыслов прикраса...») *1* 99 486
«Клеанту ум вскружил Платон...» (Смертный и боги) *2* 264 647
«Княгиня! для чего от нас...» (К княгине А. Ю. Оболенской) . . . *2* 213 590
«Князь Петр, жилец московский!..» (⟨К П. А. Вяземскому⟩) *1* 211 585
Князю Дмитрию Владимировичу Голицыну
(«Друг человечества и твердый друг закона...») *2* 292 680
«Когда б родиться в свет и жить...» (⟨29 января 1814 года⟩) *1* 305 653
«Когда летящие отвсюду шумны клики...»
(Императору Александру) *1* 366 721
«Когда неопытной рукою...» (В альбом) *1* 136 533
«Когда обманет нас прелестница авось...»
(Ответы на вопросы в игру, называемую *секретарь*) *1* 315 661
«Когда она была пастушкою простой...» (Идиллия) *1* 74 462
«Когда я был любим, в восторгах, в наслажденье...» (Песня) . . . *1* 72 459
«Колокол поздний кончину отшедшего дня возвещает...»
(Сельское кладбище. Элегия. Второй перевод из Грея) *2* 314 717
«Кольцо души-девицы...» (Песня) *2* 68 486
Комар [Басни]
(«Как всё, мой нежный друг, неверно под луною!..») *1* 107 490

Конь и Бык ⟨Басни из Лессинга⟩
(«Быстро на жарком Коне летел Малютка отважный...») . . . 2 100 513
Кот и зеркало [Басни]
(«Невежды-мудрецы, которых век проходит...») 1 91 481
Кот и мышь [Басни] («Случилось так, что кот Федотка-сыроед...») 1 100 486
Котик и козлик [Стихотворения, посвященные
Павлу Васильевичу и Александре Васильевне Жуковским. II]
(«Там котик усатый...») 2 338 736
«Котик лысый, котик бедный!..»
(Ответы на вопросы в игру, называемую *секретарь*) 1 315 662
«Кто б ни был ты — зефир, певец иль чародей!..» 1 298 645
«Кто вас случайно в жизни встретит...»
(В альбом Е. А. Алябьевой, рожденной Римской-Корсаковой) . 2 225 607
«Кто на блистательной видал ее чреде...»
(К портрету Императрицы Елизаветы Алексеевны. I) 2 149 555
«Кто нашу жизнь своим добром считает...» (В альбом к Нине) . . 1 356 714
«Кто сердца не питал, кто не был восхищен...» (Библия) 1 331 683
«Кто скрыт во глубине сих грозных пирамид?..»
(Памятники. II [Из «Собирателя»]) 2 263 645
«Кто слез на хлеб свой не ронял...» 2 68 485
«„Кто ты, ангел светлоокой“...» (Ангел и Певец) 2 232 622
«Кто ты, призрак, гость прекрасной?..»
(Таинственный посетитель) 2 239 625
«Куда мне голову склонить?..» (Песня бедняка) 2 51 465

Лавр ⟨Из альбома, подаренного графине Ростопчиной. II⟩
(«Вы, обуянные Вакхом, певцы Афродитиных оргий...») . . . 2 302 698
Лалла Рук («Милый сон, души пленитель...») 2 222 595
«Лебедь белогрудый, лебедь белокрылый...»
(Царскосельский лебедь) 2 341 738
«Легкий, легкий ветерок...» (Весеннее чувство) 2 30 448
«Летел сокол. Все куры всхлопотались...»
(Сокол и Филомела [Басни]) 1 105 489
Летний вечер («Знать, солнышко утомлено...») 2 85 502
Лисица и Обезьяна ⟨Басни из Лессинга⟩
(«Можешь ли мне ты назвать столь искусного зверя,
Лисица...») 2 100 513
Листок («От дружной ветки отлученный...») 2 74 493
«Лишь я глаза открыл...» (⟨К А. А. Протасовой⟩) 1 271 626
«Любезный друг, гусар и Бок!..» (К Т. Е. Боку) 2 30 448
Любовная карусель, или Пятилетние меланхолические стручья
сердечного любления. Тульская баллада
(«В трактире тульском тишина...») 1 364 719

Любовь [Эолова арфа. II] («На воле природы...») 2 308 712
«*Любовь, Надежда* и *Терпенье*...»
(Добрый совет. В альбом В. А. А.⟨збукину⟩) 1 330 682
«Лягушке вздумалось: сем сделаюсь с быка...» (La grande pensée) . 1 316 663

М* на Новый год при подарке книги ⟨М. А. Протасовой [1]⟩
(«На Новый год в воспоминанье...») 1 115 512
Майское утро («Белорумяна всходит заря...») 1 19 421
Максим («Скажу вам сказку в добрый час!..») 1 385 730
Мальвина. Песня («С тех пор, как ты пленен другою...») 1 119 519
Мальчик с пальчик. *Сказка*
[Стихотворения, посвященные
Павлу Васильевичу и Александре Васильевне Жуковским. IV]
(«Жил маленький мальчик...») 2 339 736
Мартышка, показывающая китайские тени
(«Творцы и прозой и стихами...»[Басни]) 1 88 478
Мартышки и лев [Басни] («Мартышки тешились лаптой...») . . . 1 89 480
«Мартышки тешились лаптой...» (Мартышки и лев) 1 89 480
«Матерь Луцина и матерь Земля одне благосклонны...»
(Голос младенца из гроба
⟨Из альбома, подаренного графине Ростопчиной. IV⟩) 2 302 699
«Меня ты, друг, предупредил...» (⟨Послание к И. И. Козлову⟩) . . 2 377 772
«Меня ты хочешь знать, я *всё* и *ничего*!..» 2 261 643
Мероnс ⟨Басни из Лессинга⟩
(«Хочется мне узнать,—спросил Орел любопытный...») 2 102 514
«Месяц Травный, нахмурясь, престол свой отдал Изоку...»
(Протокол двадцатого арзамасского заседания
[Арзамасские протоколы. I]) 2 56 473
Мечта («Ах! если б мой милый был роза-цветок...») 2 64 482
Мечта («Всем владеет обаянье!..») 2 279 662
Мечты. Песня («Зачем так рано изменила?..») 1 212 586
Милосердие («Перун мой изостри,—сказал Юпитер Мщенью...») . 1 68 453
«*Милостивая государыня Александра Иосифовна!..*»
(⟨А. О. Россет-Смирновой⟩) 2 280 663
«Милый сон, души пленитель...» (Лалла Рук) 2 222 595
Мина. Романс («Я знаю край! там негой дышит лес...») 2 71 488
«Миновались, миновались...»
(Прощальная песнь, петая воспитанницами
Общества благородных девиц, при выпуске 1827 года) 2 250 633
«Минувших дней очарованье...» (Песня) 2 103 514
«Минутная краса полей...» (Цветок. Романс) 1 161 553
«Минуту нас она собой пленяла!..» 2 193 581
Мир («Проснись, пифийского поэта древня лира...») 1 38 430

«Мирон схватил перо, надулся, пишет, пишет...»
(На прославителя русских героев, в сочинениях которого
нет ни начала, ни конца, ни связи) *1* 117 515
⟨Миртил и Палемон⟩
(«В прохладну ночь Миртил на холме отдыхал...») *2* 354 750
Младенец (В альбом графини О. П.)
(«В бурю, в легком челноке...») *1* 363 718
Младенец («Се он, на жизни путь судьбою приведенной!..») . . . *1* 113 510
«Младость легкая порхает...» (Госка [Эолова арфа. VII]) *2* 310 712
«Младый Рогер свой острый меч берет...» (Верность до гроба) . . *2* 33 451
«Многи лета, многи лета...» (Многолетие) *2* 295 687
«Многи лета, многи лета...» (Народная песня) *2* 296 688
Многолетие («Многи лета, многи лета...») *2* 295 687
Могила [Эолова арфа. I]
(«В лоне твоем глубоком и темном покоится тайно...») *2* 308 712
Могущество, слава и благоденствие России
(«На троне светлом, лучезарном...») *1* 30 426
«Мое дитя, со мною от купели...» (Праматерь внуке) *2* 154 561
«Мое postscriptum, брат Дашков!..»
(⟨Постскриптум к посланию А. Ф. Воейкову⟩) *1* 326 672
«Можешь ли мне ты назвать столь искусного зверя, Лисица...»
(Лисица и Обезьяна ⟨Басни из Лессинга⟩) *2* 100 513
«Мой друг бесценный, будь спокойна!..» *1* 87 476
«Мой друг, в тот час, когда луна...» (К Т. Е. Боку) *2* 12 428
«Мой друг, младенец несравненный...» (К Саше Арбеневу) *1* 302 651
«Мой друг, усастый воин...»
(Д. В. Давыдову, при посылке издания «Для немногих») . . . *2* 299 690
«Мой друг утешительный!..» *1* 329 675
«Мой друг, хранитель-ангел мой...» (Песня) *1* 129 527
«Мой друг, часы летят — и юность погибает!..» *2* 356 752
«Мой жребий прежде был их страстно обожать...»
(Эльмина к портрету своей матери, писанному ее дочерью,
которых она в одно время лишилась) *1* 112 508
«Мой милый Бок!..» (К Т. Е. Боку) *2* 31 450
«Мой милый друг...» (П. А. Вяземскому) *1* 166 559
«Мой милый цвет, былинка полевая...» (Цвет завета) *2* 133 540
«Мой, нежной дружбою написанный, портрет...»
(Стихи на портрете ⟨А. А. Плещеева?⟩) *1* 184 570
«Мой опытный старик Теон...»
(В альбом барону П. И. Черкасову) *1* 387 732
«Мой слабый дар Царица ободряет...»
(Государыне Императрице Марии Федоровне) *1* 257 615
Молитва детей («О! не отринь, Отец Небесный, нас!..») *1* 280 631

Молитва Русского народа («Боже, Царя храни!..») 1 287 637
Молитва Русского народа (Боже, Царя храни!..) 2 99 511
«Молитвой нашей Бог смягчился...»
(«С полудороги прилетел ты...») 2 322 725
Монах («Там, где бьет источник чистой...») 1 120 519
Море. Элегия («Безмолвное море, лазурное море...») 2 226 608
Моту [Эпитафии. I]
(«Здесь Лакомкин лежит — он вечно жил по моде!..») 1 336 693
Мотылек («Вчера я долго веселился...») 1 335 692
Мотылек и цветы («Поляны мирной украшение...») 2 240 626
Моя богиня («Какую бессмертную...») 1 143 541
«Моя вторая мать, друг юношеских лет...» (К арфе) 1 302 651
Моя тайна («Вам чудно, отчего во всю я жизнь мою...») 1 67 452
«Мрачен Лемнос, хромоногого бога Ифеста обитель...»
(⟨Филоктет⟩) 2 381 771
Музыка («Тебе хвала, тебе благословенье...») 2 713
«Мы вспомнили прекрасно старину!..» (На мир с Персиею) 2 253 635
Мысли (Из Гёте) 2 264 645

«На бал, обед и ужин!..» ⟨К А. А. Плещееву. [1]⟩ 1 250 611
«На верху горы утесистой...» (Романс) 2 356 753
«На воле природы...» (Любовь [Эолова арфа. II]) 2 308 712
«На древней высоте Кремля...» (Песнь на присягу Наследника) . 2 293 684
На кончину Ея Величества королевы Виртембергской. Элегия
(«Ты улетел, небесный посетитель...») 2 117 527
«На лоне вечности безмолвной...»
(Отрывок из Делилева Дифирамба на бессмертие души) . . . 1 78 469
«На лоне облаков румяных...» (Герой) 1 41 431
На мир с Персиею («Мы вспомнили прекрасно старину!..») 2 253 635
«На небе тишина...» (Близость весны) 2 192 580
«На Новый год в воспоминанье...»
(М* на Новый год при подарке книги ⟨М. А. Протасовой [1]⟩) . 1 115 512
«На нажити необозримой...» (Две загадки. II) 2 270 655
На первое отречение от престола Бонапарте. Стихи,
петые на празднике, данном в С.-Петербурге
английским послом, лордом Каткартом
(«Сей день есть день суда и мщенья!..») 2 293 684
«На поле бранном тишина...» (Певец во стане русских воинов) . . 1 225 595
На прославителя русских героев, в сочинениях которого
нет ни начала, ни конца, ни связи
(«Мирон схватил перо, надулся, пишет, пишет...») 1 117 515
⟨На смерть Е. М. Соковниной⟩
(«Единый, быстрый миг вся жизнь ее была!..») 1 134 529

На смерть А⟨ндрея Тургенева⟩
(«О друг мой! неужли твой гроб передо мною!..») *1* 59 439
На смерть семнадцатилетней Эрминии
(«Едва с младенчеством рассталась...») *1* 149 543
На смерть фельдмаршала графа Каменского
(«Еще великий прах... Неизбежимый рок!..») *1* 134 530
На смерть чижика («В сем гробе верный чижик мой!..») *2* 156 563
«На солнце темный лес зардел...» (Жаворонок
[Стихотворения, посвященные Павлу Васильевичу
и Александре Васильевне Жуковским. III]) *2* 338 736
«На троне светлом, лучезарном...»
(Могущество, слава и благоденствие России) *1* 30 426
«На ту знакомую гору...» (Жалоба пастуха) *2* 71 490
На Чичерина [Эпиграммы] («Сибири управленьем...») *1* 110 502
«На что было город городить...»
(Ответы на вопросы в игру, называемую *секретарь*) *1* 316 662
«На этой почте всё в стихах...»
(Préambule ⟨Послания к кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину. I⟩) . *1* 340 700
«Над бедной хижиною сей...» (В Сардамском домике) *2* 312 714
«Над прозрачными водами...» (Жалоба. Романс) *1* 160 552
«Над страшною бездной дорога бежит...» (Горная дорога) *2* 87 504
Надгробие И. П. и А. И. Тургеневым
(«Судьба на месте сем разрознила наш круг...») *2* 117 526
Надгробие юноше
⟨Из альбома, подаренного графине Ростопчиной. III⟩
(«Плавал, как все вы, и я по волнам ненадежныя жизни...») . . *2* 302 699
Надгробное слово
на скоропостижную кончину именитого ПАУКА ФАДЕЯ...
(«И так ты кончил жизнь, почтеннейший наш друг!..») *2* 232 621
Надпись к солнечным часам в саду И. И. Дмитриева
(«И час, и день, и жизнь мелькают быстрой тенью!..») *1* 153 546
Надпись на картинке, изображающей три радости и подаренной
Е. И. П. («Прими сей дар. Три радости небесны...») *1* 287 638
«Назад тому с десяток лет...» *2* 353 750
«Нам славит древность Амфиона...» (К князю Вяземскому) *1* 357 715
«Напрасно я, друг милый, говорил...» (К Плещееву) *1* 266 622
«Напрасно я мечтою льстился...» (Графине С. А. Самойловой. I) . *2* 175 572
Народная песня («Многи лета, многи лета...») *2* 296 688
Народные песни *2* 294 686
«Нарышкин, человек случайный...»
(Письмо к А. Л. Нарышкину) *2* 207 587
⟨Начало поэмы: Вельмира⟩ («Вам скучно? Разложите ...») *2* 361 756
«Наш добрый Царь, тебе мы пьем...» (Русскому Царю) *1* 281 631

«Наш Кульмский богатырь, ура! счастливый путь!..»
(К генерал-майору Б. В. Полуектову,
на выступление в поход 1815 г. 17 февраля) 2 11 426
«Нашелся ль, дайте мне ответ...» (В. А. Жуковский
в день рождения своего нашел перстень...[2]) 2 371 766
«Не грех ли вам, прекрасная графиня...»
(К Варваре Павловне Ушаковой
и гр. Прасковье Александровне Хилковой. В Гатчине. I) . . . 2 88 506
«Не знаю почему, по дружбе или так...» [Эпиграммы] 1 108 496
«Не имею я кирхгофа...» (⟨А. А. Воейковой⟩) 1 393 737
«Не тревожься, великан!..» (К русскому великану) 2 335 733
«Не узнавай, куда я путь склонила...» (Голос с того света). 2 56 471
«Не человечьими руками...» (Две загадки. I). 2 270 655
«Невежды-мудрецы, которых век проходит...»
(Кот и зеркало [Басни]) 1 91 481
«Невинность мирная, краса души твоей...»
(При посылке альбома ⟨М. А. Протасовой⟩ [2]) 1 115 513
Невыразимое (Отрывок)
(«Что наш язык земной пред дивною природой?..») 2 129 536
«Некогда муз угостил у себя Геродот дружелюбно!..» 2 265 649
⟨Ю. А. Нелединскому-Мелецкому⟩ («Друзья, стакан к стакану!..») . 2 15 435
«Нельзя ль вам моего решить недоуменья?..» (В. А. Жуковский
в день рождения своего нашел перстень... [1]) 2 371 766
«Нет, не прошла, певец наш вечно юный...»
(К Ив. Ив. Дмитриеву) 2 286 673
«Нет, право, мочи нет...» (⟨К Марии Андреевне Протасовой⟩). . . 1 327 674
Нина к своему супругу в день его рождения
(«Друг! в тот миг, как из безвестной...») 1 203 579
Нина к супругу в день его рождения
(«Друг, сопутник и хранитель!..») 1 269 624
«Ничтожный человек! что жизнь твоя? — Мгновенье...» (Человек) 1 49 434
«Но быть к тебе на именины...»
(⟨Из письма к П. А. Вяземскому⟩). 1 125 523
Новая любовь — новая жизнь
(«Что с тобой вдруг, сердце, стало?..») 2 74 493
Новопожалованный [Эпиграммы]
(«— Приятель, отчего присел?..») 1 110 500
Новый стихотворец и древность [Эпиграммы]
(«Едва лишь что сказать удастся мне счастливо...») 1 111 503
Ночной смотр («В двенадцать часов по ночам...») 2 300 691
Ночь («Уже утомившийся день...») 2 230 616
«Ноябрь, зимы посол, подчас лихой старик...» 1 378 726
«Ну, как же вздумал ты, дурак...» (Послание к Плещееву) 1 339 697

«О Боге нам гласит времен круговращенье...» (Гимн) *1* 122 521
«О Братья! хлеб-соль ешь...» (Речь ⟨А. А. Плещееву⟩) *1* 204 580
«О веселая младость! о печальная старость!..»
(⟨Из альбома, подаренного графине Ростопчиной. V⟩) *2* 302 700
«О Воейков! Видно, нам...» (К Воейкову) *1* 389 734
«О вождь Славян, дерзнут ли робки струны...»
(Вождю победителей. *Писано после сражения под Красным.*
Послание) *1* 245 607
«О вы, которые в душе моей хранились!..»
(Руке к своей жене и детям из тюрьмы,
посылая к ним свой портрет) *1* 113 509
«О! вы, которые в молитвах и слезах...»
(Стихи, вырезанные на гробе А. Ф. С⟨оковнин⟩ой) *1* 128 525
«О, где вы, прекрасные дни?..» (Жалоба [Эолова арфа. IV]) *2* 310 712
«О *грустном* написать я должен в твой альбом...»
(В альбом княжны М. А. Щербатовой) *2* 54 467
«О дивной розе без шипов...» *2* 174 569
«О друг! Могу ли отвечать!..»
(Ответы на вопросы в игру, называемую *секретарь*) *1* 315 662
«О друг мой! жизнь крылатый час!..» (⟨К А. Ф. Воейкову⟩) *1* 317 664
«О друг мой! неужли твой гроб передо мною!..»
(На смерть А⟨ндрея Тургенева⟩) *1* 59 439
«О, жребий смертного унылый!..» (Эпимесид) *1* 285 636
«О лира, друг мой неизменной...»
(Стихи, сочиненные в день моего рождения.
К моей лире и к друзьям моим) *1* 58 438
«О милый друг! теперь с тобою радость!..» (Песня) *1* 165 558
«О милых спутниках, которые наш свет...» (Воспоминание) . . . *2* 225 605
«О мой Ареопаг священной...» (Ареопагу) *1* 396 740
«О, молю тебя, Создатель...» (⟨Елизавете Рейтерн⟩) *2* 325 726
«О! не отринь, Отец Небесный, нас!..» (Молитва детей) *1* 280 631
«О Негр, чернилами расписанный Натурой...»
(⟨К А. А. Плещееву⟩) *1* 288 639
«О непостижное злоречие уму!..» [Эпиграммы] *1* 108 497
«О Нина, о мой друг! ужель без сожаленья...» (К Нине. Романс) . *1* 118 516
«О Нина, о Нина, сей пламень любви...» (К Нине. Послание) . . . *1* 130 528
«О Рейн, о Реин, без волненья...» (⟨К М. Ф. Орлову⟩) *2* 114 523
«О родина моя, Обурн благословенный!..» (Опустевшая деревня) . *1* 64 448
«О счастье дней моих! Куда, куда, стремишься?..»
(Отрывок (Подражание)) *1* 73 460
«О той, которой боле нет...» (Екатерине Федоровне Вадковской) . *2* 104 516
«О ты, которая пришила...» (⟨Объяснение портного в любви⟩) . . *2* 350 746
«О юноша! лети, под зоной отдаленной...» (К Эдвину) *1* 78 467

Обет («Путь жизни мне открыт...») *1* 267 623
⟨Обеты⟩ («Будьте, о духи лесов, будьте, о нимфы потока...»). . . . *2* 87 503
«Обещанное исполнять...» (Записка к Полонским). *1* 351 708
⟨Объяснение портного в любви⟩ («О ты, которая пришила...») . . *2* 350 746
Овсяный кисель
(«Дети, овсяный кисель на столе; читайте молитву...») *2* 34 452
Ода. Благоденствие России, устрояемое великим Ея самодержцем
Павлом Первым («Откуда тишина златая...») *1* 21 422
Ода («Тебя хочу я днесь прославить...») *1* 165 558
«Один неопытный мышонок...»
(Старый кот и молодой мышонок [Басни]) *1* 98 485
«Однажды в гору, в круть, измученные жаром...» (Басня). *2* 352 749
«Однажды доброму могольцу снился сон...»
(Сон могольца [Басни]) *1* 97 484
«Однажды Истина нагая...» (Истина и Басня [Басни]) *1* 94 482
«Однажды наш поэт Пестов...» (Плач и Пиндаре. Быль) *2* 387 733
«Однажды пьяница смертельно занемог...» (⟨Антипатия⟩) *1* 68 454
«Однажды Смерть послала в ад указ...» (Смерть [Басни]) *1* 95 483
«Однажды цапля-долгошея...» (Цапля [Басни]) *1* 96 483
«Озарися, дол туманный...» (Желание. Романс) *1* 162 554
«Он лежал без движенья, как будто по тяжкой работе...»
(⟨Из альбома, подаренного графине Ростопчиной. IX⟩) *2* 303 702
«Он прав, наш Вяземский! Я думал, что он льстец!..»
(С того света) *2* 175 571
«Он совершил свое теченье...» (К Тибуллу. На прошедший век) . *1* 37 428
Описание крючка удочки, по-русски и по-французски
(«Вот ясный толк для вас...»). *2* 360 754
Опустевшая деревня («О родина моя, Обурн благословенный!..»). *1* 64 448
«Опять вы, птички, прилетели...» *1* 114 510
Орел и голубка. Басня («С утеса молодой орел...») *2* 290 678
Орел и жук [Басни] («Орел, пустясь из туч, на кролика напал...») . *1* 102 487
«Орел, пустясь из туч, на кролика напал...» (Орел и жук [Басни]) . *1* 102 487
«Оставьте вы свою привычку...». *2* 376 771
«Остатки *доброго* в сей гроб положены!..». *2* 362 757
Остров («Цветет и расцветает...») *2* 279 663
«От вашего величества давно...»
(Государыне Императрице Марии Федоровне) *2* 156 564
«От дружной ветки отлученный...» (Листок). *2* 74 493
«От Света светов луч излился...» (Добродетель) *1* 27 424
Ответ кн. Вяземскому на его стихи «Воспоминание»
(«Ты в утешители зовешь воспоминанье...») *2* 98 509
Ответы на вопросы в игру, называемую *секретарь* *1* 661
Ответы на вопросы в игру, называемую *секретарь* *2* 136 542

«Открывай скорей окошки!..» (Елена Ивановна Протасова,
или Дружба, нетерпение и капуста. Греческая баллада) . . . *1* 169 560
«Откуда, звездочка-краса?..» (Утренняя звезда) *2* 65 482
«Откуда тишина златая...» (Ода. Благоденствие России,
устрояемое великим Ея самодержцем Павлом Первым) *1* 21 422
«Откуда ты, эфира житель?..»
(Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу) *1* 255 614
Отрывок из Делилева Дифирамба на бессмертие души
(«На лоне вечности безмолвной...») *1* 78 469
⟨Отрывок перевода элегии⟩
(«В разлуке я искал смягченья тяжких бед...») *1* 71 457
Отрывок (Подражание)
(«О счастье дней моих! Куда, куда, стремишься?..») *1* 73 460
«Отуманенным потоком...» (Жизнь) *2* 150 558
«Отымает наши радости...» (Песня) *2* 206 585

Павловские стихотворения *2* 530
Памятники *2* 263 645
Пастух и Соловей ⟨Басни из Лессинга⟩
(«Ты негодуешь, Поэт, на Парнасскую шумную сволочь?..») . . *2* 102 514
Певец («В тени дерев, над чистыми водами...») *1* 159 551
«Певец Батавии! с радушием приемлю...» (Поэту Ленепсу, в
ответ на его послание ко мне...) *2* 312 716
Певец в Кремле («Бегите в Кремль! На холме том...») *2* 37 458
Певец во стане русских воинов («На поле бранном тишина...») . . *1* 225 595
«Певцом невинности, любви и красоты...»
(Ирине Дмитриевне Полторацкой
при посылке стихотворений в первом издании 1815 г.) *2* 28 443
Первая утрата («Вы промчались, дни прекрасны...») *2* 75 494
⟨Первое апреля 1814 г.⟩ *1* 667
Первое июня 1813 («Вспомни, вспомни, друг мой милой...») . . . *1* 268 623
1-ое июля 1842 («Встает Христов знаменоносец...») *2* 327 729
«Перед дверию Эдема...» (Пери) *2* 275 660
Пери («Перед дверию Эдема...») *2* 275 660
Перовскому («Счастливец! Ею ты любим!..») *2* 140 545
Персидская песня («Все глядят и все дивятся...») *2* 188 578
«Перу, княжна, я отдаю...» *2* 377 773
«Перун мой изостри,—сказал Юпитер Мщенью...» (Милосердие) . *1* 68 453
Песнь араба над могилою коня
(«Сей друг, кого и ветр в полях не обгонял...») *1* 153 547
Песнь барда над гробом славян-победителей
(«Ударь во звонкий щит! стекитесь, ополченны!..») *1* 79 471
Песнь бедуинки («В степь за мной последуй, царь!..») *2* 278 661

Песнь на присягу Наследника («На древней высоте Кремля...»)	*2*	293	684
Песнь Русскому Царю от его воинов («Гряди, наш *Царь*, Твоя дружина...»)	*2*	25	441
Песня («Где фиалка, мой цветок...»)	*2*	27	441
Песня («К востоку, всё к востоку...»)	*2*	221	594
Песня («Когда я был любим, в восторгах, в наслажденье...»)	*1*	72	459
Песня («Кольцо души-девицы...»)	*2*	68	486
Песня («Минувших дней очарованье...»)	*2*	103	514
Песня («Мой друг, хранитель-ангел мой...»)	*1*	129	527
Песня («О милый друг! теперь с тобою радость!..»)	*1*	165	558
Песня («Отымает наши радости...»	*2*	206	585
Песня («Птичкой певицею...»)	*2*	219	590
Песня («Роза, весенний цвет...»)	*1*	127	524
Песня («Розы расцветают...»)	*2*	220	592
Песня («Счастлив тот, кому забавы...»)	*1*	137	535
Песня бедняка («Куда мне голову склонить?..»)	*2*	51	465
Песня в веселый час («Вот вам совет, мои друзья!..»)	*1*	224	594
Песня матери над колыбелью сына («Засни, дитя! спи, ангел мой!..»)	*1*	274	627
Песня русских солдат («Боже, Царя храни!..»)	*2*	297	689
Пиршество Александра, или Сила гармонии («По страшной битве той, где царь Персиды пал...»)	*1*	206	581
⟨Письмо Жуковского в стихах и прозе, писанное у Плещеевых к Протасовым⟩ ⟨Первое апреля 1814 г. [2]⟩ («Я собирался к вам...»)	*1*	320	669
Письмо к *** («Я сам, мой друг, не понимаю...»)	*1*	296	643
Письмо к А. Л. Нарышкину («Нарышкин, человек случайный...»)	*2*	207	587
Письмо к А. Г. Хомутовой («Благодарю вас всей душою!..»)	*2*	203	584
«Плавал, как все вы, и я по волнам ненадежныя жизни...» (Надгробие юноше ⟨Из альбома, подаренного графине Ростопчиной. III⟩)	*2*	302	699
«Пламенный месяц Червен явился, лягнул во Изока...» (Протокол заседания. 14 или 15 июля 1817 г. [Арзамасские протоколы. IV])	*2*	62	478
«Платон, великий муж, когда ты прославлял...» (Платону неподражаемому, достойно славящему Господа)	*1*	38	429
Платону неподражаемому, достойно славящему Господа («Платон, великий муж, когда ты прославлял...»)	*1*	38	429
Плач Людмилы («Ангел был он красотою!..»)	*1*	137	533
Плач о Пиндаре. Быль («Однажды наш поэт Пестов...»)	*1*	387	733
«Плачь о себе: *твое* мы счастье схоронили...»	*2*	307	709
«Пленять, а не любить я некогда искал...»	*1*	113	509

«Плещеев! Сколько сходств с тобою у меня!..»
((К А. А. Плещееву)) 1 248 609
⟨А. А. Плещееву⟩ («Друг милый, оставь прихотливой судьбе...») . . 2 104 516
Плещепупу («Есть ли же толк?..») 1 276 628
Пловец («Вихрем бедствия гонимый...») 1 221 592
«По кочкам, колеям...» (⟨Александре Андреевне Протасовой,
описание поездки Жуковского к своему другу А. А. Плещееву⟩
⟨Первое апреля 1814 г. [1]⟩) 1 319 669
«По милости своей...» 2 379 775
«По страшной битве той, где царь Персиды пал...»
(Пиршество Александра, или Сила гармонии) 1 206 581
«По щучьему веленью...» 1 157 549
Победитель («Сто красавиц светлооких...») 2 229 614
«Под звездным кровом тихой нощи...» (Добродетель) 1 25 423
«Под камнем сим Бибрис лежит...» (Пьянице [Эпитафии. III]) . . 1 336 693
⟨Подпись к портрету А. П. Ермолова⟩
(«За ним, пред ним нет пышных титл...») 2 705
Подробный отчет о луне.
Послание к Государыне Императрице Марии Федоровне
(«Хотя и много я стихами...») 2 194 582
«Подруги! час разлуки наступил...»
(Прощальная песнь воспитанниц Института, при выпуске) . . 2 189 579
Поездка на маневры («Вчера был день прекрасной доле...») . . . 2 242 628
«Полночь било; в добрый час!..» (Деревенский сторож в полночь) . . 2 77 497
«Поляны мирной украшение...» (Мотылек и цветы) 2 240 626
«Помнишь ли, друг мой, Егора Петровича Щетку?..» 2 384 783
⟨Помпея и Геркуланум⟩
(«Что за чудо свершилось? Земля, мы тебя умоляли...») 2 271 657
Посвящается нашему капитану «Геркулеса»
(«Тише, ветер, тише, волны!..») 2 307 710
⟨Послание к П. А. Вяземскому⟩ («Хоть мы в такие дни живем...») . 2 366 761
Послание к И. И. Козлову⟩ («Меня ты, друг, предупредил...») . . 2 377 772
Послание к Плещееву («Ну, как же вздумал ты, дурак...») 1 339 697
Послание к Плещееву. В день Светлого Воскресения
(«Ты прав, любезный мой поэт!..») 1 178 566
Послание к Тутолмину («Давно уж знает свет...») 2 378 774
Послание Элоизы к Абеляру
(«В сих мрачных келиях обители святой...») 1 69 455
⟨Послания к кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину⟩. 1 699
«Посланником от наших добрых русских...»
(Ея Императорскому высочеству,
государыне великой княгине Марии Николаевне
приветствие от русских, встретивших ее в Бадене) 2 336 735

«Послушай, дедушка, мне каждый раз...»
(Тленность. Разговор на дороге, ведущей в Базель,
в виду развалин замка Ретлера, вечером) 2 81 499
«„Посторонись! дорогу дай!“...» (Звезда и комета) 2 261 642
⟨Постскриптум к посланию А. Ф. Воейкову⟩
(«Мое postscriptum, брат Дашков!..») 1 326 672
Похождения или поход первого апреля (La bonne aventure)
⟨Первое апреля 1814 г. [3]⟩ («Был-жил в свете Букильон...») . . 1 322 671
Похороны львицы [Басни] («В лесу скончалась львица...») 1 105 489
«Поэт наш прав: альбом — кладбище...» 2 288 675
Поэту Ленепсу, в ответ на его послание ко мне...
(«Певец Батавии! с радушием приемлю...») 2 312 716
«Праздник дать затеял я...» 1 551
Праматерь внуке («Мое дитя, со мною от купели...») 2 154 561
Пред судилище Миноса 1 394 739
Предсказание («Венок ваш, скромною харитою сплетенный...») . 2 305 706
«Прелестный день, не обмани!..» (⟨К 16 января 1814 года⟩) 1 301 648
«Прельщать поэзией я дара не имею...» 1 136 533
При посылке альбома ⟨М. А. Протасовой. [2]⟩
(«Невинность мирная, краса души твоей...») 1 115 513
«Приветы иногда злых умыслов прикраса...»
(Каплун и сокол [Басни]) 1 99 486
Привидение («В тени дерев, при звуке струн, в сиянье...») 2 236 624
Призвание («В робком сердце ожиданье...») 2 187 577
«Прими, России верный сын...» 2 383 781
«Прими сей дар. Три радости небесны...»
(Надпись на картинке, изображающей три радости
и подаренной Е. И. П.) 1 287 638
Приношение («Тому, кто *Арфою* чудесный мир творит!..») 2 251 633
Приход весны («Зелень нивы, рощи лепет...») 2 271 656
«Пришли Воейкова посланье...»
(К Маше ⟨Стихи из альбомов. [2]⟩) 1 301 649
«— Приятель, отчего присел?..»
(Новопожалованный [Эпиграммы]) 1 110 500
Прогна и Филомела («Случилось прошлою весной...») 2 355 752
«Проснись, наперсница, подруга Аполлона...» (Успехи поэзии) . . 1 445
«Проснись, пифийского поэта древня лира...» (Мир) 1 38 430
«Прости, мятежное души моей волненье...» (Прощание старика) . 1 75 464
«Прости, убежище святое...» (Прощальная песнь,
петая воспитанницами Общества благородных девиц,
при выпуске 1824 года) 2 237 625
«Простишься ли без сожаленья...» (К Нине) 1 516
⟨А. А. Протасовой⟩ («Честные господа...») 1 163 556

⟨М. А. Протасовой⟩	*1*		510
⟨М. А. Протасовой⟩ («Естьли б ты не предо мною...»)	*1*		512
⟨М. А. Протасовой⟩ («Храни ее, святое Провиденье!..»)	*1*		512
⟨Протасовым⟩ («Друзья! пройдет два дни...»)	*1*	253	612
«Протекших радостей уже не возвратить...» (К К. М. С⟨оковнин⟩ой)	*1*	59	441
Протокол двадцатого арзамасского заседания [Арзамасские протоколы. I] («Месяц Травный, нахмурясь, престол свой отдал Изоку...»)	*2*	56	473
Протокол заседания. Начало июля 1817 г. [Арзамасские протоколы. III] («В доме важного Рейна был Арзамас не на шутку...»)	*2*	62	478
Протокол заседания. 14 или 15 июля 1817 г. [Арзамасские протоколы. IV] («Пламенный месяц Червен явился, лягнул во Изока...»)	*2*	62	478
Протокол несостоявшегося заседания. Июнь 1817 г. [Арзамасские протоколы. II] («Был Арзамас в день Изока и в день, я не знаю, который...»)	*2*	61	477
«Прочь отсель, Меланхолия, дочь Цербера и темной...»	*2*	381	778
«Прошли, прошли вы, дни очарованья!..» (Воспоминание)	*2*	28	444
«Прошу меня не осуждать...» (В комитет, учрежденный по случаю похорон Павловской векши, или белки, от депутата Жуковского)	*2*	130	539
Прощальная песнь воспитанниц Института, при выпуске («Подруги! час разлуки наступил...»)	*2*	189	579
Прощальная песнь, петая воспитанницами Общества благородных девиц, при выпуске 1827 года («Миновались, миновались...»)	*2*	250	633
Прощальная песнь, петая воспитанницами Общества благородных девиц, при выпуске 1824 года («Прости, убежище святое...»)	*2*	237	625
⟨Прощание⟩ («Воейков, этот день для сердца незабвенный!..»)	*1*	400	743
Прощание старика («Прости, мятежное души моей волненье...»)	*1*	75	464
Птичка [Стихотворения, посвященные Павлу Васильевичу и Александре Васильевне Жуковским. I] («Птичка летает...»)	*2*	337	736
«Птичка летает...» (Птичка [Стихотворения, посвященные Павлу Васильевичу и Александре Васильевне Жуковским. I])	*2*	337	736
«Птичкой невицею...» (Песня)	*2*	219	590
«Пускай бы за грехи доход наш убавлялся!..» [Эпиграммы]	*1*	108	495
Путешественник и поселянка («Благослови Господь...»)	*2*	181	576
Путешественник. Песня («Дней моих еще весною...»)	*1*	147	542
Путешествие жизни («Что, когда б одни влачились...»)	*1*	270	625

«Путь жизни мне открыт...» (Обет) 1 267 623
Пьянице [Эпитафии. III] («Под камнем сим Бибрис лежит...») . . 1 336 693

«Радость за кручиной вслед...»
(Ответы на вопросы в игру, называемую *секретарь*) 1 314 662
Разговор («— Как звать тебя, чудак? Кто ты? — Я бог Амур!..») . . 1 87 475
«Раздавайся, гром победы!..» (Старая песня на новый лад) 2 281 665
Рай («Есть старинное преданье...») 1 266 622
«Рано от печальной...» (К сестрам и братьям [Эолова арфа. V]) . . 2 309 712
«Расстаемся, расстаемся...»
(Хор девиц Екатерининского института на последнем
экзамене, по случаю выпуска их, 1826 года февраля 20 дня) . . 2 248 630
Расстройка семейственного согласия
(«Жил муж в согласии с женой...») 1 128 526
«Рассудку глаз! другой воображенью!..» (К А. Н. Арбеневой) . . . 1 215 589
Речь ⟨А. А. Плещееву⟩ («О Братья! хлеб-соль ешь...») 1 204 580
Речь в заседании «Арзамаса»
(«Братья-друзья арзамасцы! Вы протокола послушать...») . . . 2 72 491
Роза ⟨Из альбома подаренного графине Ростопчиной. I⟩
(«Утро одно — и роза поблекла...») 2 302 698
«Роза, весенний цвет...» (Песня) 1 127 524
Розы («Розы цветущие, розы душистые, как вы прекрасно...») . . 2 348 744
«Розы расцветают...» (Песня) 2 220 592
«Розы цветущие, розы душистые, как вы прекрасно...» (Розы) . . 2 348 744
Романс («На верху горы утесистой...») 2 356 753
Росписка Маши («Что ни пошлет судьба, всё пополам!..») 1 335 691
⟨А. О. Россет-Смирновой⟩
(«*Милостивая государыня Александра Иосифовна!..*») 2 280 663
«Роща, где, податель мира...» (Элизиум. Песня) 1 184 571
«Румян французских штукатура...» [Эпиграммы] 1 110 501
Русская народная песня («Вместо Английской God save the King»)
(«Боже, Царя храни!..») 2 292 681
Русская слава («Святая Русь, Славян могучий род...») 2 283 668
«Русский Царь созвал дружины...» (Бородинская годовщина) . . 2 317 719
Русскому Царю («Наш добрый Царь, тебе мы пьем...») 1 281 631
«Ручей, вьющийся по светлому песку...» (Вечер. Элегия) 1 75 465
Руше к своей жене и детям из тюрьмы,
посылая к ним свой портрет
(«О вы, которые в душе моей хранились!..») 1 113 509

«С ним дружен бог войны, с ним дружен Аполлон!..»
(К портрету Батюшкова) 2 149 556
«С повязкой на глазах за шалости Фемида!..» [Эпиграммы] 1 108 497

«С полудороги прилетел ты...»
(«Молитвой нашей Бог смягчился...») 2 322 725
«С приветом ласки нас встречайте!..» (Цветы) 2 75 496
«С светлой главой, на тяжких свинцовых ногах между нами...»
(Судьба ⟨Из альбома, подаренного графине Ростопчиной. VII⟩) 2 303 700
«С тех пор, как ты пленен другою...» (Мальвина. Песня) 1 119 519
С того света
(«Он прав, наш Вяземский! Я думал, что он льстец!..») 2 175 571
«С утеса молодой орел...» (Орел и голубка. Басня) 2 290 678
«С холодных невских берегов...» (⟨К. Н. Батюшкову⟩) 2 362 576
«Сам Бог тебе порука...» (⟨К Н. П. Свечину⟩) 1 273 627
Сафина ода («Блажен, кто близ тебя одним тобой пылает...») . . . 1 74 461
«Сашка, Сашка!..» ⟨А. А. Воейковой⟩ 1 356 714
«Светит месяц; на кладбище...» (Утешение) 2 115 525
«Светлана — ангел красоты...»
(Ответы на вопросы в игру, называемую *секретарь*) 1 314 662
Светлане («Хочешь видеть жребий свой...») 1 249 610
Свисток. Посвящено Анне Петровне Юшковой
(«Какую ворганщицу...») 1 155 548
«Свободу смелую приняв себе в закон...» (К портрету Гёте) 2 149 557
«Свои нам недостатки знать...» (Сурки и крот [Басни]) 1 93 482
«Святая Русь, Славян могучий род...» (Русская слава) 2 283 668
«Се он, на жизни путь судьбою приведенной!..» (Младенец) . . . 1 113 510
«Сей день есть день суда и мщенья!..»
(На первое отречение от престола Бонапарте.
Стихи, петые на празднике, данном в С.-Петербурге
английским послом, лордом Каткартом) 2 293 684
«Сей друг, кого и ветр в полях не обгонял...»
(Песнь араба над могилою коня) 1 153 547
«Сей камень над моей возлюбленной женой!..» [Эпиграммы] . . . 1 109 499
«Сей памятник о нем мне дорог в день рожденья!..»
(К А. П. ⟨Киреевской⟩) 1 306 653
Сельское кладбище. Элегия. Второй перевод из Грея
(«Колокол поздний кончину отшедшего дня возвещает...») . . 2 314 717
Сельское кладбище. Элегия
(«Уже бледнеет день, скрываясь за горою...») 1 53 436
«Сибири управленьем...» (На Чичерина [Эпиграммы]) 1 110 502
Сиротка («Едва она узрела свет...») 1 290 640
«Скажи, кто ты, пленитель безымянной!..»
(К мимопролетевшему знакомому Гению) 2 147 554
«Скажи, что так задумчив ты?..» (Утешение в слезах) 2 70 488
«Скажи, чтоб там потише были!..» [Эпиграммы] 1 110 503
«Скажите, Катерина!..» (⟨К Екатерине Афанасьевне Протасовой⟩) . 1 220 591

«Скажите, милые сестрицы...»
(Бесподобная записка к трем сестрицам в Москву) *1* 333 688
«Скажу вам сказку в добрый час!..» (Максим). *1* 385 730
«Скатившись с горной высоты...» (Дружба) *1* 67 451
«Сколь неизбежна власть твоя...» (Совесть) *1* 337 694
«Слава на небе солнцу высокому...» (Народные песни. II) *2* 294 686
Славянка. Элегия («Славянка тихая, сколь ток приятен твой...») . *2* 20 439
«Славянка тихая, сколь ток приятен твой...» (Славянка. Элегия) . *2* 20 439
«Сладостно было принять мне табак твой,
о выспренний Гнедич...» (⟨Записка к Н. И. Гнедичу. I⟩) *2* 229 613
«Слезы свои осуши, проясни омраченное сердце...»
(Утешение [Эолова арфа. IV]) *2* 309 712
«Случилось прошлою весной...» (Прогна и Филомела) *2* 355 752
«Случилось так, что кот Федотка-сыроед...» (Кот и мышь [Басни]) *1* 100 486
Смертный и боги («Клеанту ум вскружил Платон...»). *2* 264 647
«Смертный! Смерти учись на могиле вечного града...»
(Памятники. III [Из «Собирателя»]) *2* 263 645
Смерть [Басни] («Однажды Смерть послала в ад указ...») *1* 95 483
Смерть («То сказано глупцом и признано глупцами...») *1* 338 695
Смерть Иисуса. Кантата Карла Вильгельма Рамлера
(«Ты, ливший от печали...») *2* 105 518
«Снова лес и дол покрыл...» (К месяцу) *2* 63 481
«Собой счастливить всех — прелестный жребий твой!..»
(⟨М. А. Протасовой [3]⟩) *1* 115 513
Совесть («Сколь неизбежна власть твоя...») *1* 337 694
«Согласен я: мой мирт уныл!..» *2* 375 770
Сокол и голубка [Басни] («Голубку сокол драл в когтях...») *1* 89 479
Сокол и Филомела [Басни]
(«Летел сокол. Все куры всхлопотались...») *1* 105 489
«Сократ был длиннонос, осмелюсь вам сказать!..»
(Ответы на вопросы в игру, называемую *секретарь*) *1* 316 661
Солнце и Борей («Солнцу раз сказал Борей...») *2* 259 640
«Солнцу раз сказал Борей...» (Солнце и Борей) *2* 259 640
Соловей и Павлин ⟨Басни из Лессинга⟩
(«Жил в лесу Соловей: он был обходителен, ласков...») *2* 101 504
Сон («Заснув на холме луговом...») *2* 51 464
Сон могольца [Басни]
(«Однажды доброму могольцу снился сон...») *1* 97 484
«Сон — утешитель! Пусть образу смерти твой образ подобен...» . . *2* 31 449
Сонет («За нежный поцелуй ты требуешь сонета...») *1* 111 506
«Сперва он веди был кривой...»
(Ответы на вопросы в игру, называемую *секретарь*) *1* 314 661
«Спеша без всякого роптанья...» *2* 374 769

«Справься, справься, мой голубчик...» (Здравствуй) 1 292 640
Ссора плешивых [Басни] («Два кума лысые дорогой шли...») . . . 1 91 480
Старая песня на новый лад («Раздавайся, гром победы!..») 2 281 665
Старик к молодой и прекрасной девушке. Мадригал
(«Как сладостно твоим присутствием пленяться!..») 1 112 507
Старцу Эверсу («Вступая в круг счастливцев молодых...») 2 13 433
Старый кот и молодой мышонок [Басни]
(«Один неопытный мышонок...») 1 98 485
⟨Стихи, вырезанные на гробе А. Д. Полторацкой⟩
(«Как радость чистая, сердца влекла она...» 2 11 427
Стихи, вырезанные на гробе А. Ф. С⟨оковнин⟩ой
(«О! вы, которые в молитвах и слезах...») 1 128 525
⟨Стихи из альбомов⟩ 1 648
Стихи на Новый 1800 год («Из недра вечности рожденный...») . . 1 35 428
Стихи на портрете ⟨А. А. Плещеева?⟩
(«Мой, нежной дружбою написанный, портрет...») 1 184 570
Стихи, написанные для лотереи в пользу бедных 2 651
Стихи, присланные с комедиями, которые К*** хотели играть
(«Вот вам, прелестные сестрицы...») 1 176 565
Стихи, сочиненные в день моего рождения. К моей лире
и к друзьям моим («О лира, друг мой неизменной...») 1 58 438
Стихи, сочиненные для альбома М. В. П.
(«Давно унизился поэзии кредит...») 1 120 520
⟨Стихи, читанные в Муратове на Новый 1814 год⟩
(«Друзья, я восемьсот...») 1 293 641
Стихотворения, посвященные Павлу Васильевичу
и Александре Васильевне Жуковским 2 736
«Сто красавиц светлооких...» (Победитель) 2 229 614
«Стонет витязь наш косматый...» 1 164 557
«Страсть и ах! неизлечима!..»
(Ответы на вопросы в игру, называемую *секретарь*) 1 316 663
Стремление [Эолова арфа. VIII]
(«Часто, при тихом сиянии месяца, полная тайной...») 2 311 712
Судьба ⟨Из альбома, подаренного графине Ростопчиной. VII⟩
(«С светлой главой,
на тяжких свинцовых ногах между нами...») 2 303 700
«Судьба на месте сем разрознила наш круг...»
(Надгробие И. П. и А. И. Тургеневым) 2 117 526
Сурки и крот [Басни] («Свои нам недостатки знать...») 1 93 482
Счастие («Блажен, кто, богами еще до рожденья любимый...») . . 1 141 539
Счастие во сне («Дорогой шла девица...») 2 52 465
«Счастлив тот, кому забавы...» (Песня) 1 137 535
«Счастливец! Ею ты любим!..» (Перовскому) 2 140 545

«Счастливый путь на берега Фокиды!..» (Древние и новые греки). *1* 384 729
«Считаю вызов ваш я милостью судьбы!..» *2* 153 560
«Сын неги и веселья...» (К Батюшкову. Послание) *1* 186 572
«Сын Эскулапа, Фебов внук...» (К доктору Фору) *1* 299 646

Таинственный посетитель
(«Кто ты, призрак, гость прекрасной?..») *2* 239 625
«Там, где бьет источник чистой...» (Монах) *1* 120 519
«Там котик усатый...» (Котик и козлик
[Стихотворения, посвященные Павлу Васильевичу
и Александре Васильевне Жуковским. II]) *2* 338 736
«Там небеса и воды ясны...» *2* 36 457
«Твои глаза хвалить мне должно...»
(⟨Экспромт к глазам А. М. Соковниной⟩) *2* 351 747
«Творец великих вдохновений!..» (К Гёте) *2* 252 634
«Творцы и прозой и стихами...»
(Мартышка, показывающая китайские тени [Басни]) *1* 88 478
«Тебе вменяют в преступленье...»
(⟨В альбом 8-летней Н. Д. Апухтиной⟩) *1* 163 555
«Тебе хвала, тебе благословенье...» (Музыка) *2* 713
«Тебя хочу я днесь прославить...» (Ода) *1* 165 558
Теон и Эсхин («Эсхин возвращался к Пенатам своим...») *1* 380 727
«Теснятся все к тебе во храм...» *2* 224 603
«Тише, ветер, тише, волны!..»
(Посвящается нашему капитану «Геркулеса») *2* 307 710
Тленность. Разговор на дороге, ведущей в Базель,
в виду развалин замка Ретлера, вечером
(«Послушай, дедушка, мне каждый раз...») *2* 81 499
«То место, где был добрый, свято...»
(Памятники. I [Из «Собирателя»]) *2* 263 645
«То сказано глупцом и признано глупцами...» (Смерть) *1* 338 695
«Товарищ! Вот тебе рука!..» (Василию Алексеевичу Перовскому) . *2* 144 551
Толстому эгоисту [Эпитафии. V]
(«Здесь Никодимову похоронили тушу!..») *1* 336 693
«Тому блаженства будет на год...» *2* 380 776
«Тому, кто *Арфою* чудесный мир творит!..» (Приношение) *2* 251 633
Тоска [Эолова арфа. VII] («Младость легкая порхает...») *2* 310 712
Тоска по милом. Песня («Дубрава шумит...») *1* 115 514
⟨Тост⟩ («Земным сопутникам, друзьям!..») *1* 297 644
«Тот истинный мудрец, кто выдумал альбом!..» (⟨Альбом⟩) *2* 380 776
«Трех граций древность признавала!..» (К Эрминии) *1* 135 532
Три путника («В свой край возвратяся из дальней земли...») . . . *2* 54 469
«Трим счастия искал ползком и тихомолком...» [Эпиграммы] . . . *1* 109 499

«Тронься, тронься, пробудись!..» 2 288 676
Тургеневу, в ответ на его письмо. Послание
(«Друг, отчего печален голос твой?..») 1 281 632
«Ты в утешители зовешь воспоминанье...»
(Ответ кн. Вяземскому на его стихи «Воспоминание») 2 98 509
«Ты вдали, ты скрыто мглою...» (К Эмме) 2 140 547
«„Ты видел ли замок на бреге морском?..“»
(Замок на берегу моря) 2 272 658
«Ты всё жива в душе моей!..» 2 231 620
«Ты, Вяземский, хитрец, хотя ты и Поэт!..»
(К Вяземскому. Ответ на его послание к друзьям) 1 359 716
«Ты драму, Фефил, написал?..» [Эпиграммы] 1 108 496
«„Ты, Журавль, путешествовал много! Скажи мне, что видел?..“»
(Журавль и Лисица ⟨Басни из Лессинга⟩) 2 100 513
«Ты, ливший от печали...»
(Смерть Иисуса. Кантата Карла Вильгельма Рамлера) 2 105 518
«Ты негодуешь, Поэт, на Парнасскую шумную сволочь?..»
(Пастух и Соловей ⟨Басни из Лессинга⟩) 2 102 514
«Ты памятник себе святой соорудила...»
(Государыне Императрице Александре Федоровне) 2 254 637
«Ты, Плещеуп...» (К Плещееву) 1 210 584
«Ты прав, любезный мой поэт!..»
(Послание к Плещееву. В день Светлого Воскресения) 1 178 566
«Ты прав, мой друг, ты прав — хвалить ее не смей!..» 1 136 533
«Ты предо мною...» (9 марта 1823) 2 231 618
«Ты свет увидела во дни моей весны...»
(В альбом А. А. В.⟨оейковой⟩) 2 227 610
«Ты сердишься за то, приятель мой Гарпас...» [Эпиграммы] . . . 1 109 500
«Ты улетел, небесный посетитель...» (На кончину Ея величества
королевы Виртембергской. Элегия) 2 117 527
«Ты унываешь о днях, невозвратно протекших...» (К самому себе) 1 292 641

У гроба Государыни Императрицы Марии Федоровны.
В ночь накануне Ея погребения
(«Итак, Твой гроб с мольбой объемлю...») 2 255 638
«У нас в провинции нарядней нет Любови!..» [Эпиграммы] 1 110 502
«Увы! протек свинцовый год...» (К ***) 1 61 442
«Ударь во звонкий щит! стекитесь, ополченны!..»
(Песнь барда над гробом славян-победителей) 1 79 471
Уединение. Отрывок («Дружись с *Уединеньем*!..») 1 262 619
«Уж думал я, что я забыт...» (Гр. С. А. Самойловой) 2 137 544
«Уже бледнеет день, скрываясь за горою...»
(Сельское кладбище. Элегия) 1 53 436

«Уже одиннадцатый час!..» (К графине Шуваловой. 20 мая 1820. В исходе 11-го часа ввечеру) . . . 2 192 581
«Уже утомившийся день...» (Ночь) . . . 2 230 616
Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу («Откуда ты, эфира житель?..») . . . 1 255 614
«Узрев черты сии пленительно живые...» . . . 2 227 609
«Умерен, Делий, будь в печали...» (К Делию) . . . 1 142 540
Умирающий лебедь («День уж к вечеру склонялся...») . . . 2 260 641
Успехи поэзии («Проснись, наперсница, подруга Аполлона...») . . 1 445
Утешение («Светит месяц; на кладбище...») . . . 2 115 525
Утешение [Эолова арфа. IV] («Слезы свои осуши, проясни омраченное сердце...») . . . 2 309 712
Утешение в слезах («Скажи, что так задумчив ты?..») . . . 2 70 488
Утренняя звезда («Откуда, звездочка-краса?..») . . . 2 65 482
«Утро одно — и роза поблекла...» (Роза ⟨Из альбома, подаренного графине Ростопчиной. I⟩) . . . 2 302 698

Феникс и голубка («Я на костре себя сжигаю...») . . . 1 353 710
«Фидий, иль сам громовержец к тебе нисходил от Олимпа...» (⟨Из альбома, подаренного графине Ростопчиной. VI⟩) . . . 2 303 700
⟨Филоктет⟩ («Мрачен Лемнос, хромоногого бога Ифеста обитель...») . . . 2 381 777
Фурману от Жуковского («В корыстолюбии себя ты упрекаешь...») . . . 2 12 429

«Хвала, Воейков! крот, сады...» (К Воейкову ⟨Стихи из альбомов. [3]⟩) . . . 1 301 649
«Хваля стихи певца, ты нас сама пленяешь...» (К неизвестной даме в ответ на лестную от нее похвалу) . . . 1 384 730
Хор девиц Екатерининского института на последнем экзамене, по случаю выпуска их, 1826 года февраля 20 дня («Расстаемся, расстаемся...») . . . 2 248 630
«Хорошо, что ваше письмо коротко...» (⟨К А. Н. Арбеневой⟩) . . . 1 218 590
«Хоть мы в такие дни живем...» (⟨Послание к П. А. Вяземскому⟩) . . . 2 366 761
«Хотя и много я стихами...» (Подробный отчет о луне. Послание к Государыне Императрице Марии Федоровне) . . 2 194 582
«Хотя по-русски я умею...» . . . 2 173 568
«Хочется мне узнать,—спросил Орел любопытный...» (Меропс ⟨Басни из Лессинга⟩) . . . 2 102 514
«Хочешь видеть жребий свой...» (Светлане) . . . 1 249 610
«Храни ее, святое Провиденье!..» (⟨М. А. Протасовой⟩) . . . 1 512

«Хранитель, друг моих весенних дней...»
(К А. А. Прокоповичу-Антонскому) 2 363 758
Хромому [Эпитафии. II] («Дамон покинул свет...») 1 336 693

Цапля [Басни] («Однажды цапля-долгошея...») 1 96 483
Царскосельский лебедь
(«Лебедь белогрудый, лебедь белокрылый...») 2 341 738
Цвет завета («Мой милый цвет, былинка полевая...») 2 133 540
«Цветет и расцветает...» (Остров) 2 279 663
Цветок. Романс («Минутная краса полей...») 1 161 553
Цветы («С приветом ласки нас встречайте!..») 2 75 496
Циркулярное послание к чувствительным сердцам...
(«Известно всем, что Аполлон...») 2 143 549

«Часто, при тихом сиянии месяца, полная тайной...»
(Стремление [Эолова арфа. VIII]) 2 311 712
«Чего ты ждешь, мой трубадур?..» 2 289 678
Человек
(«Ничтожный человек! что жизнь твоя? — Мгновенье...») . . . 1 49 434
«Честные господа...» (⟨А. А. Протасовой⟩) 1 163 556
Четыре сына Франции («Играет на широкой...») 2 343 741
«Чист душой ты был *вчера*...» (Мысли (Из Гёте)) 2 264 645
«Что делаешь, Сандрок?..» (⟨К А. А. Протасовой⟩) 1 317 664
«Что за чудо свершилось? Земля, мы тебя умоляли...»
(⟨Помпея и Геркуланум⟩) 2 271 657
«Что, когда б одни влачились...» (Путешествие жизни) 1 270 625
«Что наш язык земной пред дивною природой?..»
(Невыразимое (Отрывок)) 2 129 536
«Что ни пошлет судьба, всё пополам!..» (Росписка Маши) 1 335 691
«Что пышные сады Царей...»
(⟨В альбом Императрице Марии Федоровне.
2-ое сентября 1815⟩) 2 364 759
«Что радость? Бабочка вдали, вблизи *лягушка*...» 2 206 585
«Что с тобой вдруг, сердце, стало?..»
(Новая любовь — новая жизнь) 2 74 493
«Что так, дружочек, приуныло?..» (Желание и наслаждение) . . . 1 337 694
Что такое закон? («Закон — на улице натянутый канат...») 1 338 696
«Чудесный дар богов!..» (К поэзии) 1 61 444

⟨Шуточные записки к Н. И. Гнедичу⟩ 2 612

⟨Экспромт к глазам А. М. Соковниной⟩
(«Твои глаза хвалить мне должно...») 2 351 747

Элегия («Вечерний колокол печально раздается...») *1* 45 432
Элизиум. Песня («Роща, где, податель мира...») *1* 184 571
Эльмина к портрету своей матери, писанному ее дочерью, которых она в одно время лишилась («Мой жребий прежде был их страстно обожать...») *1* 112 508
Эолова арфа *2* 712
Эпиграммы *1* 491
Эпимесид («О, жребий смертного унылый!..») *1* 285 636
Эпитафии *1* 693
Эпитафия лирическому поэту («Здесь кончил век Памфил, без толку од певец!..») *1* 112 506
Эпитафия Мими («В могиле сей покоится Мими...») *2* 155 562
«Эсхин возвращался к Пенатам своим...» (Теон и Эсхин) *1* 380 727

«Я знаю край! там негой дышит лес...» (Мина. Романс) *2* 71 488
«Я Музу юную, бывало...» *2* 235 623
«Я на костре себя сжигаю!..» (Феникс и голубка) *1* 353 710
«Я на тебя с тоской гляжу...» *2* 288 677
«Я предсказатель! Радость за горем пришла! Заменило...» (⟨К Карлу Петерсену⟩) *2* 54 469
«Я родился простым зерном...» (Исповедь батистового платка) . . *2* 272 659
«Я с благодарностью сердечной извещаю...» *2* 123 533
«Я сам, мой друг, не понимаю...» (Письмо к ***) *1* 296 643
«Я слова, князь, не позабыл...» (К Голицыну) *2* 210 588
«Я собирался к вам...» (⟨Письмо Жуковского в стихах и прозе, писанное у Плещеевых к Протасовым⟩ ⟨Первое апреля 1814 г. [2]⟩) . . . *1* 320 669
«Я счастлив был неизъяснимо!..» (⟨В альбом кн. Е. И. Голенищевой-Кутузовой⟩) *2* 12 431
«Я также, Николай Гомерович почтенный...» (⟨Записка к Н. И. Гнедичу. II⟩) *2* 230 615
«Я только что хотел гонца к вам посылать...» *2* 153 561
Явление богов («Знайте, с Олимпа...») *2* 53 466
Явление поэзии в виде Лалла Рук («К востоку я стремлюсь душою!..») *2* 224 604

«De Bouquillon...» (⟨К Букильону⟩) *1* 355 713
Homer («Веки идут, и веки уходят, а пенье Гомера...») *2* 265 648
La grande pensée («Лягушке вздумалось: сем сделаюсь с быка...») *1* 316 663
Préambule ⟨Послания к кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину. I⟩ («На этой почте всё в стихах...») *1* 340 700
Stabat mater («Горько плача и рыдая...») *2* 305 706

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ 1815—1852 гг.

1815

⟨П. А. Вяземскому⟩ («Ах! Весь я в хлопотах!..») 9 424
⟨П. А. Вяземскому⟩
(«Друг мой любезный, князь тупоносый...») 10 425
К генерал-майору Б. В. Полуектову,
на выступление в поход 1815 г. 17 февраля 11 426
Стихи, вырезанные на гробе А. Д. Полторацкой 11 427
К Т. Е. Боку («Мой друг, в тот час, когда луна...») 12 428
Фурману от Жуковского 12 429
В альбом кн. Е. И. Голенищевой-Кутузовой. 12 431
«Здравствуй, новый гость земной!..» 13 432
Старцу Эверсу 13 433
Ю. А. Нелединскому-Мелецкому 15 435
К кн. Вяземскому («Благодарю, мой друг, тебя за доставленье...») . . . 17 436
Славянка. Элегия. 20 439
Песнь Русскому Царю от его воинов 25 441
Песня («Где фиалка, мой цветок?..») 27 441

1816

Ирине Дмитриевне Полторацкой
при посылке стихотворений в первом издании 1815 г.. . . . . 28 443
Воспоминание («Прошли, прошли вы, дни очарованья!..») 28 444
На первое отречение от престола Бонапарте.
Стихи, петые на празднике, данном в С.-Петербурге
английским послом, лордом Каткартом 29 445
К Т. Е. Боку («Любезный друг, гусар и Бок!..») 30 448
Весеннее чувство 30 448
«Сон — утешитель! Пусть образу смерти твой образ подобен...» 31 449
⟨К Т. Е. Боку⟩ («Мой милый Бок!..») 31 450

Верность до гроба 33 451
Овсяный кисель 34 452
«Там небеса и воды ясны!..» 36 457
Певец в Кремле 37 458
Сон 51 464
Песня бедняка 51 465
Счастие во сне 52 465
Явление богов 53 466
В альбом княжны М. А. Щербатовой 54 467
⟨К Карлу Петерсену⟩
(«Я предсказатель! Радость за горем пришла! Заменило...») 54 469
Три путника 54 469

1817

Голос с того света 56 471

АРЗАМАССКИЕ ПРОТОКОЛЫ 472
I. Протокол двадцатого арзамасского заседания 56 473
II. Протокол несостоявшегося заседания. Июнь 1817 г. 61 477
III. Протокол заседания. Начало июля 1817 г. 62 478
IV. Протокол заседания. 14 или 15 июля 1817 г. 62 478

К портрету великой княгини Александры Федоровны 63 479
К месяцу 63 481
Мечта («Ах! если б мой милый был роза-цветок...») 64 482
Утренняя звезда 65 482
К ней 67 483
«Кто слез на хлеб свой не ронял...» 68 485
Песня («Кольцо души-девицы...») 68 486
Утешение в слезах 70 488
Мина. Романс 71 488
Жалоба пастуха 71 490
Речь в заседании «Арзамаса» 72 491

1818

Листок 74 493
Новая любовь — новая жизнь 74 493
Первая утрата 75 494
Цветы 75 496
«В ту минуту, когда ты в белой брачной одежде...» 76 496
Деревенский сторож в полночь 77 497

Тленность. Разговор на дороге, ведущей в Базель,
в виду развалин замка Ретлера, вечером . . . 81 499
Летний вечер . . . 85 502
⟨Обеты⟩ . . . 87 503
Горная дорога . . . 87 504
К Варваре Павловне Ушаковой
и гр. Прасковье Александровне Хилковой. В Гатчине . . . 506
I. «Не грех ли вам, прекрасная графиня...» . . . 88 506
II. «Варвара Павловна! графиня! помогите...» . . . 89 506
III. «Графиня, можно ль так неблагодарной быть!..» . . . 91 507
Государыне великой княгине Александре Федоровне
на рождение в. кн. Александра Николаевича. Послание . . . 93 507
Ответ кн. Вяземскому на его стихи «Воспоминание» . . . 98 509
Молитва Русского народа . . . 99 511

⟨**Басни из Лессинга**⟩ . . . 512
[1] Лисица и Обезьяна . . . 100 513
[2] Конь и Бык . . . 100 513
[3] Журавль и Лисица . . . 100 513
[4] Алкид . . . 101 513
[5] Дуб . . . 101 514
[6] Соловей и Павлин . . . 101 514
[7] Пастух и Соловей . . . 102 514
[8] Меропс . . . 102 514
[9] Дар волшебниц . . . 102 514

Песня («Минувших дней очарованье...») . . . 103 514
Екатерине Федоровне Вадковской . . . 104 516
⟨А. А. Плещееву⟩ («Друг милый, оставь прихотливой судьбе...») . . . 104 516
⟨В альбом Е. Н. Карамзиной⟩ . . . 105 517
Смерть Иисуса. Кантата Карла Вильгельма Рамлера . . . 105 518
⟨К М. Ф. Орлову⟩ . . . 114 523
Утешение («Светит месяц; на кладбище...») . . . 115 525

1819

Надгробие И. П. и А. И. Тургеневым . . . 117 526
На кончину Ея Величества королевы Виртембергской. Элегия . . . 117 527

ПАВЛОВСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

«Я с благодарностью сердечной извещаю...» . . . 123 533
Графине С. А. Самойловой
(«Графиня, признаюсь, большой беды в том нет...») . . . 124 534

Невыразимое (Отрывок) 129 536
В комитет, учрежденный по случаю похорон
Павловский векши, или белки, от депутата Жуковского 130 539
Цвет завета 133 540
Ответы на вопросы в игру, называемую *секретарь* 136 542
I. Звезда и корабль 136 542
II. Бык и роза 136 542
Ея превосходительству, Варваре Павловне Ушаковой,
их сиятельствам, графине Самойловой, графине Шуваловой,
княжне Козловской и княжне Волконской,
от некоторого жалкого стихотворца прошение 136 543
Гр. С. А. Самойловой («Уж думал я, что я забыт...») 137 544
Перовскому («Счастливец! Ею ты любим!..») 140 545
«Варвара Павловна, Элиза и Лизета...» 140 546
К Эмме 140 547
К графине Шуваловой. После ее дебюта в роли мертвеца 141 548
Циркулярное послание к чувствительным сердцам... . . . . 143 549
Василию Алексеевичу Перовскому 144 551
К *** («Едва на миг один судьба нас породнила...») 147 553
К мимоиролетевшему знакомому Гению 147 554
К портрету Императрицы Елизаветы Алексеевны
I. «Кто на блистательной видал ее чреде...» 149 555
II. «В царицах скромная, любовь страны своей...» 149 555
К портрету Батюшкова 149 556
К портрету Гёте 149 557
Жизнь 150 558
К Столыпину 152 559
«Графиня, будьте вы спокойны!..» 153 560
«Считаю вызов ваш я милостью судьбы!..» 153 560
«Я только что хотел гонца к вам посылать...» 153 561
Праматерь внуке 154 561
Эпитафия Мими 155 562
На смерть чижика 156 563
Государыне Императрице Марии Федоровне
(«От вашего величества давно...») 156 564
«Хотя по-русски я умею...» 173 568
«О дивной розе без шипов...» 174 569
С того света 175 571
Графине С. А. Самойловой
I. «Напрасно я мечтою льстился...» 175 572
II. «Вчера я вас не убедил...» 177 574
«Взошла заря. Дыханием приятным...» 180 574

Путешественник и поселянка 181 576
Призвание. 187 577
Персидская песня 188 578

1820

Прощальная песнь воспитанниц Института, при выпуске 189 579
Близость весны 192 580
К графине Шуваловой.
20 мая 1820. В исходе 11-го часа ввечеру 192 581
«Минуту нас она собой пленяла!..» 193 581
Подробный отчет о луне.
Послание к Государыне Императрице Марии Федоровне 194 582
Письмо к А. Г. Хомутовой («Благодарю вас всей душою!..») 203 584
«Что радость? — Бабочка вдали, вблизи *лягушка*...» 206 585
Песня («Отымает наши радости...») 206 585
Письмо к А. Л. Нарышкину 207 587
К Голицыну 210 588
К кн. А. Ю. Оболенской («Итак, еще нам суждено...») 212 589
К княгине А. Ю. Оболенской («Княгиня! для чего от нас...») 213 590
Песня («Птичкой певицею...») 219 590
Песня («Розы расцветают...») 220 592
Песня («К востоку, всё к востоку...») 221 594

1821

Лалла Рук 222 595
«Теснятся все к тебе во храм...» 224 603
Явление поэзии в виде Лалла Рук 224 604
Воспоминание («О милых спутниках, которые наш свет...») 225 605
В альбом Е. А. Алябьевой, рожденной Римской-Корсаковой 225 607
Море. Элегия 226 608
«Узрев черты сии пленительно-живые...» 227 609
В альбом А. А. В.⟨оейковой⟩ 227 610

1822

⟨Шуточные записки к Н. И. Гнедичу⟩ 612
⟨Записка к Н. И. Гнедичу⟩
I. «Сладостно было принять мне табак твой,
о выспренний Гнедич!..» 229 613
Победитель 229 614

1823

⟨Записка к Н. И. Гнедичу⟩
II. «Я также, Николай Гомерович почтенный...» 230 615
Ночь 230 616
9 марта 1823 . . . . . 231 618
«Ты всё жива в душе моей!..» 231 620
Надгробное слово
на скоропостижную кончину именитого паука Фадея... . . . . 232 621
Ангел и Певец 232 622
«Я Музу юную, бывало...» 235 623
Привидение 236 624

1824

Прощальная песнь, петая воспитанницами
Общества благородных девиц, при выпуске 1824 года. 237 625
Таинственный посетитель 239 625
Мотылек и цветы 240 626
Поездка на маневры 242 628

1825

⟨Гр. А. Е. Комаровской⟩ («Давно уж нет мне вдохновенья!..») 246 628
«Друзья, без горести на гроб взирайте мой!..» 247 629

1826

Хор девиц Екатерининского института на последнем экзамене,
по случаю выпуска их, 1826 года февраля 20 дня 248 630
«Был у меня товарищ...» 249 631

1827

Прощальная песнь, петая воспитанницами
Общества благородных девиц, при выпуске 1827 года 250 633
Приношение 251 633
К Гёте («Творец великих вдохновений!..») 252 634

1828

На мир с Персиею 253 635
⟨Записка к Н. И. Гнедичу⟩
III. «Здравствуй, мой друг, Николай Иванович Гнедич!
Не сетуй...» 253 636

Государыне Императрице Александре Федоровне 254 637
У гроба Государыни Императрицы Марии Федоровны.
В ночь накануне Ея погребения 255 638
Видение 258 639
Солнце и Борей 259 640
Умирающий лебедь 260 641
Звезда и комета 261 642
«Меня ты хочешь знать, я *всё* и *ничего!..*» 261 643

1829

ИЗ «СОБИРАТЕЛЯ»

Памятники
I. «То место, где был добрый, свято!..» 263 645
II. «Кто скрыт во глубине сих грозных пирамид?..» 263 645
III. «Смертный! Смерти учись на могиле вечного града!..» 263 645
Мысли (Из Гёте)
I. «Чист душой ты был *вчера*...» 264 645
II. «Будь *не солнечен* наш глаз...» 264 645

Смертный и боги 264 647
Homer 265 648
«Некогда муз угостил у себя Геродот дружелюбно!..» 265 649
Главк Диомеду 266 650

1830

Стихи, написанные для лотереи в пользу бедных 267 651

1831

«Звезды небес...» 269 652
«В долину к пастырям смиренным...» 269 653
Две загадки
I. «Не человечьими руками...» 270 655
II. «На нажити необозримой...» 270 655
Приход весны 271 656
⟨Помпея и Геркуланум⟩ 271 657
Замок на берегу моря 272 658
Исповедь батистового платка 272 659
Детский остров 275 660
Пери 275 660
Песнь бедуинки 278 661

Мечта («Всем владеет обаянье!..») 279 662
Остров 279 663
А. О. Россет-Смирновой 280 663
Старая песня на новый лад (*На голос: «Гром победы, раздавайся!»*) . . . 281 665
Русская слава 283 668
К Ив. Ив. Дмитриеву («Нет, не прошла, певец наш вечно юный...») . 286 673
«Поэт наш прав: альбом — кладбище...» 288 675
«Тронься, тронься, пробудись!..» 288 676
«Я на тебя с тоской гляжу...» 288 677
«Чего ты ждешь, мой трубадур?..» 289 678

1833

Орел и голубка. Басня 290 678
Князю Дмитрию Владимировичу Голицыну 292 680
Русская народная песня (Вместо Английской God save the King) . . . 292 681

1834

Песнь на присягу Наследника 293 684
Народные песни 686
I. «Боже, *Царя* храни!..» 294 686
II. «Слава на небе солнцу высокому...» 294 686
III. «Боже, *Царя* храни!..» 294 686
Многолетие 295 687
Народная песня («Многи лета, многи лета...») 296 688
Песня русских солдат 297 689
«Грянем песню круговую...» 297 689

1835

Д. В. Давыдову, при посылке издания «Для немногих» 299 690

1836

Ночной смотр 300 691

1837

⟨Из альбома, подаренного графине Ростопчиной⟩ 697
I. Роза 302 698
II. Лавр 302 698
III. Надгробие юноше 302 699

IV. Голос младенца из гроба 302 699
V. «О веселая младость! О печальная старость!..» 303 700
VI. «Фидий, иль сам громовержец к тебе нисходил от Олимпа...» 303 700
VII. Судьба 303 700
VIII. Завистник 303 702
IX. «Он лежал без движенья, как будто по тяжкой работе...» . . 304 702

⟨К своему портрету⟩ («Воспоминание и я — одно и то же...») 304 703
Ермолову 304 705

1838

Предсказание 305 706
Stabat mater 305 706
«Плачь о себе: *твое* мы счастье схоронили...» 307 709
Посвящается нашему капитану «Геркулеса» 307 710
«Ведая прошлое, видя грядущее, скальд вдохновенный...» 307 711
Эолова арфа 712
I. Могила 308 712
II. Любовь 308 712
III. К младенцу 309 712
IV. Утешение 309 712
V. К сестрам и братьям 309 712
VI. Жалоба 310 712
VII. Тоска 310 712
VIII. Стремление 311 712

1839

В Сардамском домике 312 714
Поэту Ленепсу, в ответ на его послание ко мне... . . . . 312 716
Сельское кладбище. Элегия. Второй перевод из Грея 314 717
Бородинская годовщина 317 719
«Молитвой нашей Бог смягчился...» 322 725

1840

⟨Елизавете Рейтерн⟩ 325 726

1841

«Друг мой, жизни смысл терпенье...» 326 728

1842

1-ое июля 1842 . . . . . 327 729

1843

«Завидую портрету моему!..» 334 732

1848

К русскому великану 335 733

1851

Ея Императорскому Высочеству, государыне великой княгине
Марии Николаевне приветствие от русских, встретивших ее в Бадене 336 735
Стихотворения, посвященные Павлу Васильевичу
и Александре Васильевне Жуковским 736
I. Птичка 337 736
II. Котик и козлик. 338 736
III. Жаворонок 338 736
IV. Мальчик с пальчик. *Сказка* 339 736
Царскосельский лебедь 341 738

1852

Четыре сына Франции 343 741
Розы 348 744

Из черновых и незавершенных рукописей

⟨Объяснение портного в любви⟩ 350 746
⟨Экспромт к глазам А. М. Соковниной⟩ 351 747
«Заступ, заступ, рой могилу!..» 351 748
⟨Записка к И. П. Черкасову⟩ 352 748
Басня («Однажды в гору, в круть, измученные жаром...») 352 749
«Назад тому с десяток лет...» 353 750
⟨Миртил и Палемон⟩ 354 750
«Был зайчик косолап, зверь добрый, но чудак!..» 354 751
Прогна и Филомела 355 752
«Мой друг, часы летят — и юность погибает!..» 356 752
Романс («На верху горы утесистой...») 356 753
Описание крючка удочки, по-русски и по-французски 360 754

⟨Начало поэмы: Вельмира⟩ 361 756
⟨К. Н. Батюшкову⟩ («С холодных невских берегов...») 362 756
«Остатки *доброго* в сей гроб положены!..» 362 757
⟨К Ваничке⟩ 363 757
⟨А. А. Прокоповичу-Антонскому⟩ 363 758
⟨В альбом Императрице Марии Федоровне. 2-ое сентября 1815⟩ . . 364 759
«Вот Пушкин, добрый наш поэт!..» 366 760
⟨Послание к П. А. Вяземскому⟩ («Хоть мы в такие дни живем...») . . 366 761
«Аглая грация, в России потаскушка...» 370 764
«За множество твоих картин...» 371 765
⟨В. А. Жуковский в день рождения своего нашел перстень...⟩ . . . 766
[1] «Нельзя ль вам моего решить недоуменья?..» 371 766
[2] «Нашелся ль, дайте мне ответ...» 371 766
«Варвара Павловна, Графиня и княжна!..» 373 767
Всевысочайшему существу. Подражание Гердеру,
написавшему сии стихи в последний день своей жизни 373 768
«Спеша без всякого роптанья...» 374 769
«Согласен я: мой мирт уныл!..» 375 770
«И Феб и музы известились...» 375 770
«Оставьте вы свою привычку...» 376 771
«Гельвеция, приветствую тебя...» 376 771
⟨Послание к И. И. Козлову⟩ 377 772
«Перу, княжна, я отдаю...» 377 773
Послание к Тутолмину 378 774
«Забавляйтесь, как хотите...» 379 774
«По милости своей...» 379 775
«Тому блаженства будет на год...» 380 776
⟨Альбом⟩ («Тот истинный мудрец, кто выдумал альбом!..») 380 776
⟨Филоктет⟩ («Мрачен Лемнос, хромоногого бога Ифеста обитель...») . 381 777
«Прочь отсель, Меланхолия, дочь Цербера и темной...» 381 778
«Какая хитрая обманщица надежда!..» 382 779
«Есть в русском царстве граф Орлов...» 382 781
«Прими, России верный сын...» 383 781
«Всесилен Бог. Пред Ним всесильна вера...» 384 782
«Помнишь ли, друг мой, Егора Петровича Щетку?..» 384 783

ПРИЛОЖЕНИЯ

С. А. Матяш. Стих Жуковского-лирика 387
Примечания к текстам стихотворений 423
Условные сокращения 785
Алфавитный указатель стихотворений (к т. 1 и 2) 791

Научное издание

Василий Андреевич Жуковский

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В двадцати томах

Том 2
Стихотворения 1815–1852 гг.

Издатель А. Кошелев

Корректор М. Н. Григорян
Корректор иноязычного текста М. М. Сокольская

Оригинал-макет подготовлен А. С. Касьяном

Подписано в печать 10.05.2000. Формат 70x100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная,
гарнитуры: Елизаветинская, Баскервилл.
Усл. п. л. 67,725. Заказ № 295

Издательство «Языки русской культуры».
129345. Москва, Оборонная ул., 6-105; ЛР № 071304 от 03.07.96.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).
E-mail: mik@sch-Lrc.msk.ru
Каталог в ИНТЕРНЕТ
http://postman.ru/~lrc-mik

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.
(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this edition
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).

ТОМ
II

В. А. ЖУКОВСКИЙ
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В. А. ЖУКОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

ТОМ ВТОРОЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ
1815—1852 годов